Российская академия наук
Институт психологии
Московская международная академия

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПСИХОЛОГИИ: ОБМЕН ОПЫТОМ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Материалы Первой международной междисциплинарной конференции ИП РАН

Ответственные редакторы:
А.Н. Лебедев, О.В. Гордякова

Москва
Издательство
«Институт психологии РАН»
2026

ММА МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ

УДК 159.9
ББК 88
И 86

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Редакционная коллегия:
Белинская Е.П., Воронин А.Н., Гордякова О.В. (отв. ред.), Коровкин С.Ю., Косарецкий С.Г., Лебедев А.Н. (отв. ред.), Нестик Т.А., Нуркова В.В., Сергоманов П.А., Солдатова Г.В., Степанов С.Ю., Ульянина О.А., Чигарькова С.В., Шепелёва Е.А.

И 86 Искусственный интеллект в психологии: обмен опытом и перспективы развития: Материалы Первой Международной междисциплинарной конференции ИП РАН / Отв. ред. А.Н. Лебедев, О.В. Гордякова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2026. — 572 с.
ISBN 978-5-9270-0511-6

Книга подготовлена по материалам Первой международной междисциплинарной конференции ИП РАН «Искусственный интеллект в психологии: обмен опытом и перспективы развития», которая прошла в Институте психологии Российской академии наук при участии Международной московской академии 15–17 октября 2026 г. В издании представлены материалы, отражающие результаты теоретических и эмпирических исследований по шести направлениям: 1) Теоретико-методологические основания, философские и этические аспекты ИИ в психологии; 2) Взаимодействие человека с ИИ: психология интеграции, конкуренции и субъектного выбора; 3) Личность и ИИ: мотивация, эмоции и творчество; 4) Когнитивные, аффективные и коммуникативные процессы в ИИ-обогащённых средах; 5) Искусственный интеллект как ресурс развития психологической помощи детям и семьям; 6) ИИ, образование и педагогическая психология. Собранные в книге работы отражают актуальность и востребованность проблематики, широкий интерес как учёных, так и практиков не только к технологиям и сферам применения искусственного интеллекта, но и к психологическим проблемам, которые возникают в связи с его стремительным и повсеместным распространением.

© Институт психологии РАН, 2026

ISBN 978-5-9270-0511-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Психологические проблемы развития искусственного интеллекта: новые горизонты науки и практики 23

Абакумова Н.Н., Червонный М.А., Семенова Н.А. Искусственный интеллект как квазисубъект наставничества: интегративная модель и методология оценки когнитивных результатов 28

Агеева А.С., Сутягин М.В. Использование ИИ при изучении взаимного восприятия коммуникантов 31

Алмаев Н.А. Внутренние связи синтаксических отношений в проективных нарративах 33

Аржаных Е.В., Андреева О.Н. Искусственный интеллект глазами педагогов-психологов 36

Аслямова Г.Б., Галимзянов И.В. Цифровой профиль педагога в системе адресной политики: психологические издержки доступности и перспективы ИИ-диагностики выгорания 38

Астахова Е.В. Педагогическая модель взаимодействия с ИИ в обучении профессиональному иноязычному общению 40

Афанасьев Е.В., Макулов Т.А., Онищенко А.А. Лексическая и смысловая оригинальность как предикторы социальной желательности: сопоставление проективных и прямых открытых вопросов анкет. 43

Афанасьев Е.Д., Бадртдинова Р.Р. Использование искусственного интеллекта в системе мотивации персонала как фактор повышения эффективности организации. 45

Афанасьева В.М., Коровкин С.Ю. Языковая модель как инструмент оценки ассоциативной связи в задаче на отдаленные ассоциации. 48

Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Павлова Н.Д. Интенциональная организация интернет-дискурса и возможности ее автоматического анализа 51

Бакастов А.А. Согласованность экспертной и LLM-оценки эмоционального интеллекта по данным полуструктурированного интервью. 53

Барабанщиков В.А. Deepfake в исследованиях визуальной идентификации личности и состояний человека 55

Бармин А.В., Прутько Г.В., Блинникова И.В. Систематизация и анализ факторов ИИ-тревожности в зарубежной литературе 58

Белинская Е.П., Пушкарь Г.А. Идентичность в ИИ-опосредованной реальности: фрагментация и механизмы интеграции 60

Белых С.Л. Учебный проект «Техническое задание для СППР консультирующего психолога» на занятиях по инженерной психологии 62

Белянин В.П. Опыт использования ИИ для ведения терапевтических заметок и написания отчетов 65

Бессонова Ю.В. Проблемы взаимодействия работников с искусственным интеллектом и цифровыми ассистентами: ключевые проблемы доверия 68

Битюцкая Е.В., Хлебникова А.А., Бергер И.О., Гасанов Э.Э. Автоматизированная психологическая диагностика типов восприятия трудных жизненных ситуаций 71

Близняков А.Ю., Кибальченко И.А. Применение искусственного интеллекта в диагностике меры открытости познавательной позиции 73

Богуцкая Л.В., Матвеева О.В. Применение интегративной модели «БыЖиЧу» в профилактике профессионального выгорания психологов 77

Буянов И.О., Кажекин Д.А. Использование агентского подхода для оценки суицидального статуса аккаунтов социальных сетей 79

Бысик Н.В., Копылова М.Г., Свиридов И.С. Автоматическая генерация проверочных вопросов к учебным презентациям с помощью ИИ: эффекты на вовлеченность и успеваемость 81

Валеева Г.В. Компьютерная программа комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония». 83

Валуева Е.А., Панфилова А.С., Сигдел Э.С. Автоматическая оценка тестов креативности: предикторы суждений LLM 86

Васильева О.В. Психометрическая модель персонализации психологического обучения родителей на основе генеративного искусственного интеллекта. 87

Вершинкина Е.В. Парасоциальная привязанность к разговорному ИИ в психологической помощи: функциональная модель поддержки и социального замещения 91

Виленская Г.А., Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Что измеряют опросники? 94

Вишневская В.П. Актуальные и дискуссионные аспекты использования искусственного интеллекта в управленческой деятельности 97

Вишневская В.П., Сутович Е.И. «Искусственный интеллект в военном деле» как понятие и феномен XXI века 100

Власов Н.А. Сравнение связи измерений экстраверсии и восприятия сходства пар слов у человека и некоторых моделей генеративного ИИ 104

Волкова Е.Н., Сорокоумова Г.В. Бот-опосредованные коммуникации в подростковом возрасте: критерии развивающего потенциала искусственного интеллекта 106

Волченков Д.Ю. Искусственный интеллект как психологический прибор: что он измеряет, что искажает и когда становится репликой 109

Воробьева К.А., Яхудина Т.С. Оценка цифровой компетентности и доверия к искусственному интеллекту у студентов: кросс-культурный аспект 112

Воронин А.Н. За пределами антропоморфизма: как психология может описывать «мотивацию» искусственного интеллекта 115

Гагарина М.А. Использование технологий виртуальной реальности при исследовании небезопасного экономического поведения 117

Голинец А.О., Корнилова Т.В. Сравнение результатов оценки креативных рассказов экспертами и с помощью ИИ: дообучение, промптинг больших языковых моделей 120

Голощапов М.Ю. Технические и психологические аспекты алгоритмического распознавания эмоций в проектной деятельности. 123

Горбунов И.А. Вычислительная психофизиология: нейросетевое моделирование как мост между феноменологией и физиологическими механизмами 126

Готсданкер А.С. Гистерезис групповой обработки организационных изменений: классический опрос как рамка для мультиагентной ИИ-симуляции. 129

Грицай Л.А. Искусственный интеллект как инструмент манипуляции массовым сознанием в электоральных процессах 131

Гузельбаева Г.Я., Ларин А.С. Эмпатия и моральная когниция в условиях игровой неопределенности в VR/AR-играх 134

Давлетов А.Р. Возможности применения искусственного интеллекта в психолингвистическом анализе эмоционального восприятия аниме и видеоигр 137

Давлетов А.Р., Морозов П.О. Психологическая нагрузка операторов БПЛА в условиях удаленного управления: возможности оценки с применением ИИ 139

Данилевич Е.А. Роль нейросетей в подготовке клиента к консультации с психологом: эмпирические наблюдения и теоретическое осмысление 142

Демкина Е.И., Алексеева В.М., Скрипкина С.М., Абросимова В.Д., Кисельников А.А. Уровень подвижного интеллекта предсказывается машинным обучением на функциональной связности корковых ЭЭГ-источников 145

Демьяненко В.В. Ложное Я в эпоху искусственного интеллекта. Между поиском собственного голоса и алгоритмической адаптацией 148

Дикая Л.А., Дикий И.С. Эмоциональный интеллект и ответственное использование ИИ студентами 150

Дикая Л.А., Калугина К.А. Психологические характеристики подростков, склонных к парасоциальному взаимодействию с ИИ 152

Докучаева А.Г., Хлебникова А.А., Битюцкая Е.В. Как большие языковые модели помогают анализировать восприятие трудных жизненных ситуаций в кросс-культурном исследовании. 155

Дубинина Е.С., Котов А.А. Влияние имплицитных невербальных подсказок робота-компаньона на решение когнитивных задач человеком 158

Дубовец А.К. Кросс-культурный анализ информированности, страха и опыта виктимизации в сфере кибермошенничества: сравнительное исследование казахов и русских. 161

Евпак Е.Г., Войтов О.Э. Нейросетевые модели в психологии музыкального творчества: моделирование внимания, памяти и эмоциональной оценки в итерационном диалоге автора с ИИ 164

Еголаева Е.С., Рассказова М.П., Носуленко В.Н. Инструмент ИИ в парадигме воспринимаемого качества 168

Ершова Р.В., Плотников А.Ю. Алгоритмическая социализация молодежи: разработка и первичная психометрическая проверка опросника. 171

Ефимова А.К. Искусственная эмпатия и новые формы эмоциональной коммуникации 174

Жегалло А.В. К проблеме автоматического распознавания эмоциональных состояний 176

Жеглов А.А., Дудалова Е.А. Влияние качества сна и уровня физической активности на когнитивные показатели: анализ с применением методов объяснимого ИИ 178

Жердев И.Ю. Сбор и работа с графом цитирований методом скрейпинга базы данных «Semantic Scholar» 181

Журавлев А.Л., Сергеев С.Ф. Трансформация историко-психологического знания в условиях экспансии GenAI: теоретико-методологические аспекты 182

Зеленкова Т.В. Коммуникативно-семиотический подход к определению и измерению сознания искусственного интеллекта. 185

Иванова Е.Ю., Казначеева Н.Б. Особенности самоорганизации деятельности, профессионального выгорания и инновационной готовности у сотрудников с разным опытом применения искусственного интеллекта 188

Ильин Д.Ю., Жигалов О.С., Никульчев Е.В. Анализ связи успеваемости студентов с результатами комплексного психологического тестирования 191

Исмаилова Н.Я. Искусственный интеллект в психологическом консультировании: возможности, ограничения и этические проблемы 193

Калашников И.Г. Искусственный интеллект как средство психолого-педагогической поддержки профессионального самоопределения студентов: от диагностики к навигации выбора 196

Калугин А.Ю., Мишкевич А.М., Щебетенко С.А. Искусственный эксперт для русской таксономии личности: воспроизводит ли LLM экспертный отбор черт?. 199

Канаев А.А., Калинин И.В. Ролевой компонент при взаимодействии с искусственным интеллектом 202

Карпов А.В., Волченкова А.А. Трансформация психологической помощи в условиях цифровизации 205

Каширский Д.В. Операционализация конструкта «отношение к цифровизации» в терминах теории отношений В.Н. Мясищева 208

Каширский Д.В., Верина Е.А. Взаимосвязь переживания одиночества и отношения к современным информационным технологиям у молодежи 210

Колесников В.А. Чат-бот для адаптации рабочих-мигрантов на заводе: влияние на снижение текучести и репутацию предприятия 213

Колесникова Е.И. Восприятие искусственного интеллекта как «живого партнера» при различных типах взаимодействия с ним обучающихся 215

Колосов А.С., Степанов С.Ю. Рефлексивная организация взаимодействия обучающихся с генеративным ИИ: предметные результаты, психодиагностические показатели и рефлексивные акты в чат-логах. 217

Колянов А.Ю. Дискурсивные стратегии конструирования психологического образа пользователя в диалоге с большими языковыми моделями 220

Конакова Т.И., Барышева Е.В. Экзистенциальный кризис профессиональной идентичности в эпоху искусственного интеллекта 223

Кондратюк Н.Г., Потанина А.М. Различия в отношении к искусственному интеллекту между студентами и взрослыми людьми. 226

Коридзе А.В. Цифровые двойники умерших: психологические риски и регулятивный зазор 228

Корнеева Я.А. Возможности применения искусственного интеллекта при разработке программ ассессмент-центра и тренингов профессиональных навыков для наставников водителей лесовозов и мастеров леса 231

Корниенко Д.С., Шалимов И.В., Ячменева Н.П. Взаимосвязь черт Темной тетрады и HEXACO с показателями зависимости от генеративного ИИ 233

Коровкин С.Ю. Формализация научных теорий с помощью LLM. 236

Королькова О.А., Лупенко Е.А., Волкова В.А., Хозе Е.Г. Анализ вербальных описаний незнакомых людей по видеофрагментам их поведения 238

Коростелева А.А., Смирнова Ю.А. Сравнительный анализ человека и искусственного интеллекта в решении психологических задач 241

Короткина Т.И., Якунин А.П. Социальная психология искусственного интеллекта: к моделированию нового направления в психологии 244

Костригин А.А. Проблема искусственного интеллекта в советской психологии: предпосылки и предыстория формирования 246

Кострюкова О.С. Психологические ресурсы педагогов как фактор профессиональной адаптации к внедрению технологий искусственного интеллекта в цифровой образовательной среде 249

Котлярова А.И. Искусственный интеллект в судебной и следственной психологии: проблемы верификации и прогностические риски 251

Котов А.А. Естественно-языковой вывод, основанный на семантических графах 255

Кочетков Н.В. К вопросу о референтности ИИ в образовательном процессе 258

Кретинина А.А. Атрибуция ответственности и принятие решений во взаимодействии с искусственным интеллектом 260

Круглова А.М., Воронин А.Н. Взаимодействие с ИИ расширяет представления о креативности: гибридный генезис проблемы 262

Кузнецова Е.А., Зиновьева Е.В., Филатова А.Ф., Платонова Я.С. Антропоморфизация искусственного интеллекта как континуум инструментального и квазисубъектного отношения 265

Куликова Е.И. Нейросетевой анализ речи и экспертная оценка психолога: сравнительная эффективность в прогнозировании дисфункциональных состояний у лиц молодого возраста 268

Курдин Д.А. Иммерсивная среда конверсационнального «искусственного интеллекта» как средство подготовки пенитенциарных психологов 270

Курьян В.Е. Семантическая индуктивная модель как нейросетевая архитектура психических процессов: моделирование памяти, внимания и обучения 273

Лазарев В.А., Кибанов А.В., Салов А.Д. Использование искусственного интеллекта в предупреждении совершения коррупционных схем в исправительных центрах под увеличением влияния государственно-частного партнерства: сравнительный анализ с зарубежными моделями 275

Лебедева В.Е. Ролевое взаимодействие с большими языковыми моделями как стратегия управления стигматизированной идентичностью личности 278

Лебедева Е.И. Оценка ответов детей на задания на понимание коммуникативных намерений с помощью больших языковых моделей: согласие с экспертом и между моделями. 281

Леженина А.Д. ИИ-тьютор как инструмент формирования позитивной мотивационной установки у начинающих преподавателей 284

Липатова А.В. Использование ИИ в работе с избегающей привязанностью. 287

Лисичкина А.А., Никишина В.Б. Когнитивные основы распознавания обмана и перспективы цифровых средств предотвращения телефонного мошенничества 290

Лобанова Т.Н. Связь страсти с уровнем аддиктивного поведения и преобладающей сферы интересов у работников интернет-интегрированной среды 293

Логвинов Д.В., Спасенников В.В. Эргодизайн ИИ-поддержки редактора при формировании состава кандидатов-рецензентов в журнале по психологии и когнитивным наукам 298

Ломакин Д.Б., Фокина А.В. Перспективы использования ИИ-агента для помощи незрячему психологу 300

Лямин Д.П. Дистанционный анализ, моделирование и прогноз функционирования социальных групп с использованием искусственного интеллекта 303

Максименко А.А., Дейнека О.С. ИИ как зеркало ресурсности: психологические паттерны использования и удовлетворенности нейросетями у россиян 305

Максуров А.А. Применение искусственного интеллекта в судебной и следственной психологии: правовые вопросы 309

Марковская Г.Г., Жуйкова С.Е. Отношение студентов-психологов к использованию искусственного интеллекта в психологической практике. 312

Масленникова О.Н., Твердоступ Д.А. Социально-демографический портрет учащейся молодежи как типичного респондента и таксономия нарушений в онлайн-опросах 314

Матвеев М.О. к.филол н., Матвеева Е.А. Психолингвистические параметры инструкций в электронном тестировании: понятность, стрессогенность и роль ИИ-инструментов 317

Матвеев М.О., Ульянина О.А. Мультимодальный тестовый текст в электронном тестировании: психолингвистические параметры восприятия и когнитивной нагрузки 320

Матвеева О.В., Николаева М.С., Семенова П.Е., Волков А.В., Колодин А.В. Профессиональный искусственный интеллект в психологии: от автоматизации процессов к цифровому расширению профессиональной рефлексии 322

Маховская О.И. ИИ как интегратор коллективного и индивидуального опыта 326

Митина О.В., Доленко И.К. Динамика каузальной атрибуции мотивов использования искусственного интеллекта в учебной деятельности: эффект групповой дискуссии 328

Михайлова В.В. Психолингвистические маркеры типов клиентских запросов в карьерном консультировании: логика разработки ИИ-ассистента 331

Михайлова О.Б., Гринева Т.А. Особенности проявления креативности у студентов, использующих нейросети в учебном процессе 334

Михайловский М.А., Куравский Л.С., Одинцов Д.А. Смысловые профили текстов как инструмент выявления галлюцинаций и интерпретации результатов работы интеллектуальных ассистентов 337

Морозова С.В. Исследование инвариантности гибридных психологических конструктов с помощью больших языковых моделей 340

Моросанова В.И. Возможности и ограничения ИИ для реализации функций осознанной саморегуляции достижения учебных целей 342

Мурзина М.И. ИИ-агент как средство становления субъектности юной гимнастки: условия и ограничения 345

Нечаева Ю.И. Связь вовлеченности в сферу искусственного интеллекта с показателями субъективного благополучия 348

Никитина Е.А. Представления о человеке по естественным и сгенерированным изображениям лиц. 351

Никишина В.Б., Петраш Е.А., Горбачева А.С. Программный комплекс мониторинга и автоматизированного выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой социальной среде 353

Николаева М.В., Матвеева О.В., Семенова П.Е., Волков А.В., Колодин А.В. Цифровая аналитика терапевтической сессии как новый инструмент профессиональной рефлексии психолога. Результаты апробации ИИ-платформы PSYAI.PRO 356

Новоселова Е.В. Представления практикующих психологов о рисках и возможностях использования искусственного интеллекта в профессиональной деятельности 359

Овчинникова Ю.Е. Искусственный интеллект и голосовой анализ как инструменты психологической поддержки студентов. 361

Орищенко В.А., Куравский Л.С., Грешников И.И. Диагностика состояний пилотов на основе квантовых представлений. 364

Отчерцова В.О. Цифровая среда как предмет психологии отношений: от медиатравматизации к доверию искусственному интеллекту 367

Паленова В.В. Тематическое картирование когнитивных эффектов взаимодействия пользователя с большими языковыми моделями 369

Панкратов А.С. Мультиагентные системы ИИ как инструмент проверки психологических теорий групповой когерентности 372

Пахтусова А.А. Искусственный интеллект как инструмент диагностики образовательных потребностей взрослых в процессе формирования андрагогической компетентности педагога-музыканта 375

Петров Г.П. Психолого-педагогические условия эффективной коммуникации студента с искусственным интеллектом 379

Погонцева Д.В. Сравнительный анализ эффективности искусственного интеллекта и человеческого восприятия в оценке токсичности юмористического контента. 382

Подольский А.И., Горбунова А.Ю. Искусственный интеллект как новая среда организации ориентировочной основы действия 384

Польская Н.А. Динамика суицидального кризиса у детей и подростков: возможности искусственного интеллекта в анализе данных 386

Поскакалова Т.А., Саломатова О.В. Гендерный аспект применения подростками генеративного искусственного интеллекта при изучении школьных учебных предметов 389

Прутько Г.В., Измалкова А.И. Асимметрия аффективного отклика в диалоге с чат-ботом 393

Пушкарь Г.А. Этические парадоксы искусственного интеллекта в психологии: терапевтический псевдоальянс, цифровой труд и алгоритмическая ответственность 396

Пушников А.А. Разработка модели для предсказания вариативности эмоциональных оценок слов 399

Разваляева А.Ю. Критичность к информации, получаемой с помощью инструментов, основанных на больших языковых моделях. 402

Ребеко Т.А. Хронос и Кайрос 405

Ржанов А.А. Запатентованная цифровая фиджитал-лаборатория: адаптивные ИИ-алгоритмы и геймификация в оценке психомоторных компетенций спортсменов 407

Савкин С.С., Спасенников В.В. Нечеткая когнитивная карта для эргодизайна редакционного решения научного журнала по психологии при использовании ИИ 410

Самочернова Е.Л., Артемцева Н.Г. Когнитивные стили мышления как предикторы выбора между подсказками от человека и от искусственного интеллекта при решении разных типов задач. 412

Самочернова Е.Л., Артемцева Н.Г. Пилотная апробация шкалы проблемного использования генеративного искусственного интеллекта. 415

Сарсебаева З.С. Педагогический потенциал технологий искусственного интеллекта в преподавании психологических дисциплин в высшей школе 418

Семенов И.Н., Калашников И.Г. Искусственный интеллект как средство психолого-педагогической поддержки школьников: тенденции в России и Китае 420

Семенова М.А. Прайминг как объект психологического исследования: современное состояние, психолингвистические подходы и перспективы применения ИИ 423

Сергеев С.Ф., Гаврилюк С.Н. Человек vs алгоритм: психология конфликта в эпоху экспансии GenAI 425

Семина М.В. Возможности искусственного интеллекта в профессиональной подготовке психологов-консультантов: зарубежная и отечественная практика 428

Скляр Н.Н. Драйверы принятия совместных решений руководителями вуза с ИИ: роль когнитивной гибкости и профессионального опыта. 434

Скрыльникова Н.И., Холодная М.А. Психологические последствия взаимодействия пользователя с генеративным искусственным интеллектом. 437

Слепухин Р.С., Кузьменко А.А. Экспертно-аналитический паспорт университетского стартапа для ИИ-поддержки управленческого решения 440

Смирнова С.Ю., Клопотова Е.Е., Гуменюк А.А. Представления детей дошкольного возраста о голосовом ИИ-ассистенте: живое или неживое? 442

Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н., Клишевич А.С. Роль антропоморфизации искусственного интеллекта в благополучии личности 445

Соловова Н.А. Соматические сигналы в психологической практике: от «детекции лжи» к поиску предикторов принятия решений. 447

Соловьев Н.А. Человек и ИИ: в чем разница? 450

Солондаев В.К. Процессуальная логика понимания искусственного интеллекта пользователями. 452

Степанов С.Ю. ИИ — триггер деградации vs развития рефлексивно-креативных способностей человека 455

Субботский Е.В. Искусственный интеллект как зеркало живого сознания: почему нам кажется, что ИИ живой 458

Subbotsky E.V. Artificial intelligence as a mirror of living consciousness: Why we can't help feeling that AI is alive 460

Сутович Е.И. Актуальные аспекты анализа психологических рисков для личности использования искусственного интеллекта 463

Тарасов М.С., Корнева Е.Н. ИИ и психолог как источники психологической помощи: представления пользователей . . . 466

Твердоступ Д.А. Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта в старшем подростковом возрасте и ранней юности: психометрическая верификация и стандартизация опросника 469

Телеппев Н.Д., Кузьменко А.А. Паспорт исследовательской траектории обучающегося как средство ИИ-поддержки научного руководства 472

Тихомиров А.В. Цифровые предикторы профессионального выгорания преподавателей: основа для ИИ-диагностики 474

Тихомирова С.В. Безопасный полигон мысли: продуктивность сотворчества человека с искусственным интеллектом 476

Толстых А.В. Когнитивная разгрузка как механизм зависимости от генеративного искусственного интеллекта в студенческой среде 479

Трушкина О.Ю. Геймифицированная психодиагностическая оценка детей с использованием искусственного интеллекта: возможности и ограничения 481

Уймин А.Г. Цифровой двойник как среда фонового мониторинга стресса и тревожности пользователя 484

Устин П.Н., Попов Л.М., Гафаров Ф.М., Агафонов А.А. Когнитивно-архитектурное моделирование последовательного цифрового поведения: состояние, воздействие и реакция 488

Фахрутдинова Л.Р., Сафонов А.С. Персонализация и переживание ситуации психологического контакта с искусственным интеллектом 491

Федорова Е.П. Дискуссия об искусственном интеллекте в высшем образовании: психологические и методологические аспекты 494

Федотова М.В. Возможности применения ИИ в исследовании педагогического дискурса 497

Филенко И.А., Моисеев С.В. Психологические предикторы временной активности взаимодействия студентов с технологиями искусственного интеллекта 500

Фомичева А.Д. Перспективы развития систем автоматического распознавания эмоциональных лицевых экспрессий 503

Фрейманис И.Ф. Сравнительная эффективность скриптовых и генеративных чат-ботов в психологической поддержке 505

Хавыло А.В. Использование больших языковых моделей для кодировки открытых ответов психологического исследования: перспективы и ограничения 508

Хилл Ю.В. Искусственный интеллект, привязанность и переживание расставания как утраты: постановка новой исследовательской проблемы 510

Хундэ Т.Ш., Ершова Р.В. Искусственный интеллект в высшем образовании: возможности и угрозы — краткий обзор 512

Hunde T.Sh., Ershova R.V. Artificial intelligence in higher education with opportunities and threats — short review 515

Цуй Хунда. Носимые сенсорные данные как основа ИИ-анализа психофункционального состояния боксеров 518

Чаусов А.С., Никишина В.Б. Технология на основе методов машинного обучения для анализа визуальных и акустических маркеров самоидентификации в ранней диагностике расстройств аутистического спектра с возможностью экстраполяции технологии на другие нозологические группы 520

Чегодаева К.К., Кибальченко И.А. Когнитивные карты как инструмент визуализации структуры интеллектуально-личностного ресурса студентов: от кластерного анализа к предиктивной модели 523

Чуганская А.А., Чудова Н.В., Кузнецова Ю.М., Девяткин Д.А., Станкевич М.А. Методы ИИ в задаче выявления в сетевых дискуссиях компонентов аттитюда к событиям российской истории. 527

Чугунова Н.С. Мультимодальный анализ данных в онкопсихологии: ИИ-ассистирование при работе с нарративами, рисуночными метафорами и рефлексивными текстами 529

Шалимов И.В., Корниенко Д.С., Ячменева Н.П. Личностные черты HEXACO и пользовательский опыт как предикторы установки к генеративному ИИ 532

Шаповалова А.С. «Поверхностная» обработка языка в больших языковых моделях: поведенческое сравнение с человеком. 535

Шевцов А.М., Устин П.Н., Попов Л.М., Гафаров Ф.М., Агафонов А.А. Анализ текстовых цифровых следов средствами искусственного интеллекта как основа построения когнитивной архитектуры поведения. 538

Шелонина Л.А. Доверие к искусственному интеллекту в разных культурах 541

Шилова В.А., Мустафина Л.Ш. Предиктивный потенциал методов машинного обучения в типологизации моральных объяснений агрессии у подростков: дизайн исследования 543

Шимина Н.Н., Солодухин А.В. Искусственный интеллект в скрининге депрессии у детей и подростков с опытом депривации и жестокого обращения: потенциал и барьеры внедрения 546

Шипотько Д.А., Мурзина М.И., Кириллова С.С., Алферов И.А. Автоматическая расшифровка сессии как контур обратной связи для ведущего балинтовской группы 549

Шляховая Е.В. Психологический анализ комментариев пользователей Интернета в отношении развлекательного ИИ-контента 552

Штрикер Ю.Д. Большая языковая модель как методический инструмент историко-психологической реконструкции (на материале советской психологии кино 1920–1930-х годов). 554

Экли Э.О. Угасающий цифровой двойник: как ИИ помогает пережить утрату 557

Юрьева Н.Е. Адаптация мультимодальных ИИ моделей к индивидуальному когнитивному профилю 560

Якунин А.П. Искусственный интеллект как инструмент верификации и фальсификации психологической теории 563

Яхудина Т.С. Психологические риски антропоморфизации искусственного интеллекта 566

Яцышин С.М., Микляева А.В. Использование ИИ-технологий в работе по социализации молодых людей с интеллектуальными нарушениями 569

ВВЕДЕНИЕ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Развитие искусственного интеллекта перестало быть исключительно технологическим вопросом. Сегодня ИИ-системы выступают в роли исследовательских инструментов, терапевтических ассистентов, образовательных платформ и компаньонов, что ставит перед психологической наукой принципиально новые вопросы и одновременно открывает перед ней беспрецедентные возможности. Настоящая конференция, объединяющая специалистов из разных областей психологии, отражает растущее осознание того, что интеграция ИИ в научную и практическую деятельность способна стать мощным ресурсом развития психологического знания — при условии внимательного отношения к этическим вопросам, которые ее сопровождают.

Наиболее значимый вклад ИИ в фундаментальную науку связан с расширением самого пространства научного поиска. Алгоритмы машинного обучения позволяют обрабатывать массивы данных такого объема и сложности, которые прежде оставались за пределами возможностей исследователя: многомерные лонгитюдные измерения, поведенческие и физиологические сигналы, текстовые корпуса, данные нейровизуализации. Там, где традиционный анализ ограничивался проверкой априорно сформулированных гипотез, ИИ открывает возможность обнаружения скрытых закономерностей, порождающих новые гипотезы и новые теоретические модели. Это меняет саму логику научного исследования: от подтверждения известного к поиску неизвестного, от дедуктивной проверки к исследовательской разведке данных. Осмысление этих процессов требует серьезной теоретико-методологической работы, и именно ей посвящена секция «Теоретико-методологические основания, философские и этические аспекты ИИ в психологии», задающая концептуальную рамку для всей конференции.

Особого внимания заслуживает применение ИИ как инструмента моделирования психических процессов. Вычислительные модели внимания, памяти, принятия решений, речепорождения и эмоциональной регуляции, построенные на архитектурах искусственных нейронных сетей, позволяют проверять теоретические представления о механиз-

мах психики в строгой, воспроизводимой форме. Такие модели выступают не как замена психологической теории, а как е е операционализация, позволяющая обнаружить внутренние противоречия и указать направления уточнения. В этом смысле ИИ становится участником теоретического диалога, а не только техническим средством. Существенно расширяются возможности и экспериментальной психологии. ИИ-агенты позволяют создавать управляемые социальные среды, в которых исследуются процессы кооперации, конкуренции, доверия, формирования норм и социального влияния. Такие среды обладают высокой экологической валидностью при сохранении экспериментального контроля, что открывает путь к изучению феноменов, которые прежде были доступны лишь в наблюдении. Эти вопросы находятся в центре внимания секций «Взаимодействие человека с ИИ: психология интеграции, конкуренции и субъектного выбора» и «Личность и ИИ: мотивация, эмоции и творчество», где взаимодействие человека с искусственным интеллектом рассматривается не как техническая операция, а как полноценное психологическое отношение, в котором реализуются мотивационные, эмоциональные и творческие ресурсы личности.

Значительный оптимизм связан и с прикладными перспективами. Цифровые и ИИ-дополненные интервенции способны обеспечивать психологическую поддержку в моменты, когда терапевт недоступен, что особенно ценно для семей с детьми, переживающими острые кризисы. Специализированные ИИ-агенты для поддержки семей, воспитывающих детей с расстройствами пищевого поведения, и для родителей детей с поведенческими нарушениями, построенные на принципах доказательных вмешательств с встроенными механизмами безопасности, демонстрируют высокий уровень клинической уместности. ИИ-системы снижают барьеры для обращения за помощью благодаря анонимности и отсутствию стигматизации, а также делают возможной персонализацию вмешательств с уч етом индивидуальных особенностей и жизненного контекста. Этим проблемам посвящена секция «Искусственный интеллект как ресурс развития психологической помощи детям и семьям». В образовании ИИ открывает перспективы адаптивного обучения, своевременной диагностики трудностей и поддержки педагогической рефлексии, что составляет предмет секции «ИИ, образование и педагогическая психология». Когнитивные, аффективные и коммуникативные процессы, протекающие в ИИ-обогащенных средах, рассматриваются в рамках одноим енной секции, объединяющей

исследования того, как присутствие интеллектуальных систем перестраивает восприятие, память, эмоциональную регуляцию и общение.

Вместе с тем было бы неверно обходить вниманием этические вопросы, которые сопровождают внедрение ИИ. Они не умаляют его роли, но задают рамки ответственного применения. Исследования показывают, что чат-боты на основе больших языковых моделей, даже при использовании промптов, имитирующих доказательные психотерапевтические подходы, способны нарушать этические стандарты, принятые в практике психического здоровья: неадекватно реагировать на кризисные ситуации, связанные с суицидальными мыслями, навязывать упрощ енные решения без уч ета жизненного контекста, формировать ложное чувство эмпатии, воспроизводить культурные, гендерные и религиозные предубеждения. Ключевое отличие от человеческих специалистов заключается в отсутствии механизмов профессиональной ответственности и регуляторных рамок. К этому добавляются вопросы приватности и защиты персональных данных, информированного согласия, распределения ответственности за решения, принятые при участии алгоритма, риска дискриминации и манипулятивного влияния на установки и поведение человека. Осмысление этих вопросов — не препятствие на пути развития ИИ, а условие того, чтобы его потенциал раскрывался во благо человека. Именно поэтому философские и этические основания применения ИИ в психологии вынесены в отдельную секцию и рассматриваются как фундамент всех остальных направлений работы конференции.

Отдельного внимания заслуживает проблема эмоциональной привязанности к ИИ. Экспериментально установлено, что люди способны испытывать чувство близости к ИИ-собеседнику, сопоставимое с близостью к человеку, а в эмоционально значимых разговорах — даже превосходящее е е, если не знают, что общаются с машиной. Этот эффект открывает возможности для поддержки людей с ограниченными социальными контактами, но одновременно требует психологического осмысления, поскольку ставит под вопрос традиционные представления о дружбе, близости и аутентичности человеческих отношений. Фиксируется и феномен, при котором специалисты переоценивают сво е понимание ИИ-систем и недооценивают риски, которые их использование созда ет для клинического мышления и профессиональной интуиции. Алгоритмическая персонализация может маскировать внешние влияния под внутренние предпочтения, а скорость получе-

ния ответов вытесняет необходимую для рефлексии паузу. Существует и риск когнитивной взаимозависимости: делегирование ИИ вс е большего числа мыслительных операций вед ет к ослаблению собственных когнитивных навыков. Эти обстоятельства не отменяют оптимизма, но указывают на необходимость продуманной методологии взаимодействия с ИИ.

В ответ на эти вызовы формируется новое предметное поле — психология ИИ как систематическое изучение психологических феноменов, возникающих при взаимодействии человека с искусственным интеллектом. Это не просто расширение киберпсихологии или исследований человеко-компьютерного взаимодействия; речь ид ет о признании ИИ-агентов в качестве реляционных сущностей, способных вызывать социальные и психологические отклики, сопоставимые с межличностными. В фундаментальном плане взаимодействие с ИИ ставит вопросы, которые психология традиционно обходила: как отличить эмпатию от е е симуляции, какие базовые человеческие способности нуждаются в защите в технологически насыщенной среде, как понимать субъектность в условиях, когда е е носителем может выступать не только человек. Предлагаются концептуальные рамки, определяющие шесть взаимосвязанных человеческих способностей — осознанность, интерпретацию, интенциональность, действие, реляционную агентность и автономию,— которые должны стать приоритетом для сохранения психологического благополучия. Это переориентирует психологию с оптимизации отдельных состояний на защиту человеческой субъектности. В прикладном плане перспективна модель комплементарности, при которой уникальные сильные стороны человека и ИИ комбинируются для достижения результатов, недостижимых для каждого из них по отдельности. Психология здесь выступает не только реципиентом технологических изменений, но и активным участником проектирования ИИ-систем, способных поддерживать, а не подрывать психологическое благополучие.

Интерес психологического сообщества к проблемам ИИ беспрецедентен по своей интенсивности и широте. За ним стоит осознание того, что ИИ — не просто новый инструмент, а фактор, трансформирующий сами условия научного познания и человеческого существования. Ожидания связаны с возможностью существенного прогресса в понимании фундаментальных механизмов социального познания, эмоциональной регуляции и формирования субъектности. Развитие

ИИ важно для психологии одновременно как ресурс фундаментальной науки и как условие совершенствования широкой практики, и именно в этом двуединстве заключен его главный потенциал. Реализация этого потенциала требует не только технологических решений, но и методологической строгости, этической рефлексии и готовности психологии к пересмотру ряда своих базовых категорий. Все затронутые в настоящем введении проблемы — теоретико-методологические, философские и этические основания ИИ в психологии, психология интеграции, конкуренции и субъектного выбора во взаимодействии человека с ИИ, мотивационные, эмоциональные и творческие ресурсы личности в условиях ИИ, когнитивные, аффективные и коммуникативные процессы в ИИ-обогащенных средах, возможности ИИ как ресурса психологической помощи детям и семьям, а также перспективы его применения в образовании и педагогической психологии — нашли отражение в тезисах докладов участников конференции и составили содержательное ядро ее работы.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КВАЗИСУБЪЕКТ НАСТАВНИЧЕСТВА: ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ И МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ КОГНИТИВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Абакумова Н.Н., к.пед.н., ***Червонный М.А.,*** д.пед.н.,
Семенова Н.А., к.пед.н.
Томский государственный педагогический университет,
Томск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00832, https://rscf.ru/project/26-18-00832

В условиях стремительной цифровой трансформации образования системы искусственного интеллекта (ИИ) все чаще выполняют функции, традиционно закрепленные за педагогом-наставником: адаптация учебного материала, обратная связь, диагностика пробелов в знаниях, эмоциональная поддержка обучающихся и пр. Однако, несмотря на впечатляющий рост числа публикаций, посвященных интеллектуальным тьюторским системам и педагогическим агентам [1; 2], в российском научном дискурсе наблюдается фундаментальный пробел: отсутствует комплексная теоретическая модель, объединяющая дидактические, психологические и социокультурные аспекты интеграции ИИ в систему педагогического наставничества.

Анализ современной литературы свидетельствует о растущем интересе к психологическим аспектам взаимодействия с ИИ в образовании. Зарубежные исследования демонстрируют, что педагогические агенты способны не только повышать академическую успеваемость, но и снижать психологическую тревожность обучающихся [2], а антропоморфные характеристики аватаров значимо влияют на мотивацию и вовлеченность [3]. Исследования в области ИИ в высшем образовании преимущественно сосредоточены на профилировании, оценке и персонализации, тогда как вопросы психологических рисков, этических регуляторов и долгосрочных эффектов взаимодействия с ИИ-системами остаются недостаточно разработанными [5]. В российской психолого-педагогической науке эта проблема усугубляется отсутствием адаптированного диагностического инструментария, позволяющего верифицировать эффективность гибридного наставниче-

ства, а также дефицитом эмпирических исследований, учитывающих специфику отечественного образовательного контекста и культурные особенности восприятия ИИ-технологий [4].

Цель настоящей работы состоит в концептуализации феномена «гибридное наставничество», разработке интегративной модели, в которой ИИ выполняет функции квазисубъекта образовательного взаимодействия, а также создании и первичной валидизации комплексного диагностического инструментария для оценки когнитивных, метакогнитивных и социально-эмоциональных результатов такого взаимодействия. Данное исследование направлено на преодоление фрагментарности существующих научных подходов и заполнение теоретико-методологического вакуума в области психологического сопровождения внедрения ИИ в педагогическое наставничество, что открывает перспективы для разработки научно обоснованных алгоритмов персонализации образовательных траекторий и этических регуляторов применения ИИ-технологий в российском образовании.

Теоретический синтез и экспертная валидация позволили установить, что ИИ-квазисубъект наделяется функциями, ранее считавшимися исключительной прерогативной педагога-наставника: инициирование обратной связи, постановка провокационных вопросов; совместное решение задач с элементами распределенного познания; эмпатическая поддержка. «Квазисубъектность» ИИ означает, что искусственный интеллект рассматривается как активный, инициирующий и рефлексивно ориентированный партнер в образовательном взаимодействии. Это положение составляет концептуальное ядро разработанной интегративной модели гибридного педагогического наставничества. В интегративной модели место ИИ-агента определяется следующими позициями на когнитивно-метакогнитивном, аффективно-мотивационном и социокультурном уровнях. Таким образом, гибридное наставничество трактуется как интегративное взаимодействие, в котором ИИ-агент и человек-наставник взаимодополняют друг друга, создавая новое качество образовательного процесса.

Методологическая рамка оценки когнитивных результатов в настоящем исследовании выстроена на трех взаимодополняющих основаниях (когнитивная психология, метакогнитивная теория, конструктивистская эпистемология), что обеспечивает многомерную диагностику. Ключевыми основаниями для отбора диагностических методик стали: многоуровневость, методологическая обоснованность, адаптиро-

ванность, сочетание количественных и качественных методов и оперативность. Диагностический комплекс для оценки эффективности гибридного наставничества включает следующие категории: 1) психометрические шкалы (шкала отношения к ИИ, шкала готовности к взаимодействию с ИИ, шкала мотивации, шкала самоэффективности); 2) метакогнитивный опросник осведомленности; 3) шкалы вовлеченности (шкала академической вовлеченности, шкала User Engagement Scale); 4) тесты знаний, проблемно ориентированные задачи и кейсы; 5) качественные методы (протокол наблюдений; гайд полуструктурированного интервью).

Таким образом, предлагается теоретически обоснованная и эмпирически верифицированная модель гибридного наставничества, в которой ИИ рассматривается как квазисубъект образовательного взаимодействия. Разработанный диагностический комплекс создает методологическую базу для оценки эффективности данной модели и открывает перспективы для дальнейших исследований в области персонализации обучения и психологического сопровождения внедрения ИИ-технологий в российское образование.

Литература:

1. *Глухов А.П., Червонный М.А., Абакумова Н.Н., Синогина Е.С.* Перспективы интеграции искусственного интеллекта в систему педагогического наставничества: результаты регионального исследования // Вестник Томского государственного университета. 2026. № 525. С. 199–210. doi: 10.17223/15617793/525/21

2. *Hwang G., Sung H., Chang S., Huang X.* A fuzzy expert system-based adaptive learning approach to improving students' learning performances by considering affective and cognitive factors. Computers & Education. 2020. № 148, 103801. doi: 10.1016/j.compedu.2019.103801

3. *Kim Y., Baylor A.L.* Research-based design of pedagogical agent roles: a review, progress, and recommendations. International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2016. № 26. pp. 160–169. doi: 10.1007/s40593-015-0055-y

4. *Panfilova A., Bolshev V., Mozikov M., Latynov V., Vanin A., Nestik T., Nourkova V., Vlasova A., Kozin M., Serohvostov A., Tarasova E., Nikolenko S.* The AI interviewer: multi-faceted evaluation of adaptive questioning by large language models // Scientific Reports. 2026. URL: https://www.nature.com/articles/s41598–026–46517–7. doi: 10.1038/s41598-026-46517-7

5. *Zawacki-Richter O., Marín V., Bond M., Gouverneur F.* Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education — where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. № 16. P. 39. doi: 10.1186/s41239-019-0171-0

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ КОММУНИКАНТОВ

Агеева А. С., аспирант, ***Сутягин М. В.,*** IT-специалист
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24-18-00904.

Представлен опыт использования элементов генеративного интеллекта при создании программного обеспечения, разрабатываемого для аппаратного исследования межличностного взаимодействия в ситуации «лицом к лицу» [1]. Задача нового эксперимента требовала создания условий контролируемого взаимного восприятия двух незнакомых участников в течение 45 с. Эксперимент реализуется на основе сконструированного ранее стенда и дополнен тремя видеокамерами полипозиционного наблюдения (2 противоположно установленные камеры обеспечивали видеосъемку лица участников эксперимента, широкоугольная камера снимала общий план, на котором два человека сидели друг напротив друга (S=2,4 м). Дополнительно были разработаны две программы, используемые как в процессе самого эксперимента, так и при тестовой обработке видеофрагментов общего плана, с частичным применением кодов, созданных языковыми моделями Gemini и ChatGPT-5.6 Sol соответственно.

С помощью первой программы на компьютере производились: регистрация испытуемых, демонстрации инструкций разных этапов эксперимента, заполнялись шкалы методики «Личностный дифференциал», запускались таймеры, обособленные звуковыми сигналами. Данная программа также была адаптирована под дополнительные задачи комплексной работы и позволяла: создавать online-канал видеотрансляции между двумя респондентами в локальной Wi-Fi-сети, по принципу работы схожий с Google-meet; демонстрировать видео- и фотоизображе-

ния. Разработанная программа дублировала функции используемого ранее ПО «PsychoPy Experiment» и расширяла арсенал фиксируемых метрик. Программа дополнительно записывала: временные промежутки нахождения испытуемого на страницах эксперимента (в мс) (регистрация, инструкции, заполнение методик и т. д.), время и порядок заполнения шкал ЛД, количество изменений ответов по каждой шкале, средний FPS транслируемого online видеоизображения, разрешения используемых мониторов. Регистрация обозначенных показателей позволяет усилить контроль над экспериментальной ситуацией, а также расширить представление об изучаемых явлениях с помощью включения в общий анализ дополнительных технических характеристик.

Второй разработанный программно-алгоритмический комплекс был создан для анализа видеоизображений общего плана и выдавал результаты прокси-оценки взаимной направленности взгляда на область головы партнера. Данное ПО автоматически выделяло интервалы времени, в которых оба участника одновременно могли направить взгляд в сторону лица партнера. Система объединяла детекцию лиц YuNet [5], оценку цели взгляда Gaze-LLE [4] на основе признаков DINOv2 [3], диагностическую оценку ориентации головы 6DRepNet [2], детектор открытия разделительной ширмы и детерминированный временной автомат. Эпизод взаимной направленности взглядов (лицом к лицу) определялся при одновременном соблюдении ряда дополнительных условий. Сохранялись диагностические показатели, итоговые интервалы и аннотированное debug-видео. Разработанная программа (Face_to_face_Multimodel) не является классическим айтрекером и на данный момент не обеспечивает точный контроль направленности взора участников. Согласно тестовому анализу 29 видеоизображений, ошибка составила менее 1%. Анализ воспроизводился с частотой 10 кадр/с и не показал существенной разницы в результатах в сравнении со всеми доступными 60 кадр/с на тестовой выборке, при необходимости данный фактор можно регулировать. Совершенствование и валидизация разработанного ПО позволит существенно расширить возможности изучения взаимного восприятия коммуникантов.

Литература:

1. *Барабанщиков В. А., Агеева А. С.* Оценки индивидуально-психологических характеристик незнакомого человека по его видеоизображению и в условиях личного визуального контакта // По-

знание и переживание. 2025. Т. 6. № 2. С. 80–100. doi: 10.51217/cogexp_2025_06_02_06

2. *Hempel T., Abdelrahman A.A., Al-Hamadi A.* 6D Rotation Representation for Unconstrained Head Pose Estimation // IEEE International Conference on Image Processing (ICIP). 2022. P. 2496–2500. DOI: 10.1109/ICIP46576.2022.9897219.

3. *Oquab M. et al.* Dinov2: Learning robust visual features without supervision //arXiv preprint arXiv:2304.07193. 2023.

4. *Ryan F. et al.* Gaze-lle: Gaze target estimation via large-scale learned encoders // Proceedings of the Computer Vision and Pattern Recognition Conference. 2025. С. 28874–28884.

5. *Wu W., Peng H., Yu S.* YuNet: A tiny millisecond-level face detector // Machine Intelligence Research. 2023. Т. 20. № . 5. С. 656–665.

ВНУТРЕННИЕ СВЯЗИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЕКТИВНЫХ НАРРАТИВАХ

Алмаев Н.А., д.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук
Москва, Россия

Введение. Синтаксические отношения (СинтО) — одна из важнейших опор компьютерной обработки естественного языка (*Natural language processing*). По своей важности и фундаментальности она сравнима разве что с векторными представлениями слов (токенов). Если векторные представления отвечают за семантику, то СинтО, соответственно, за синтаксис. Естественно, при задачах обучения нейросетей, связанных с лингвистикой, СинтО играют важнейшую роль, хотя и не выходят на уровень непосредственной доступности пользовательскому контролю, оставаясь, так сказать, «под капотом».

Общее представление о СинтО и их возможном месте в психолингвистических исследованиях дано ранее в нашей статье (Алмаев, Сальников, 2026). Настоящее исследование представляет собой применение статистик, предложенных в той статье, к материалу проективных рассказов, собранных в рамках адаптации проективного Теста социальной мотивации (ТСМ). Этот тест состоит из 11 оригинальных изображений черно-белой графики, представляющих возможности для широкого спек-

тра толкований. На них изображены люди, вовлеченные в различные ситуации социального взаимодействия и совместной деятельности [2].

Применение статистик распределения СинтО к материалу проективного теста позволяет выяснить, какие СинтО связаны с ослаблением (в силу усталости) и усилением проективного содержания. При этом возможны два варианта расчета СинтО: 1) в абсолютных значениях, 2) в относительных — доля конкретного СинтО в общем количестве СинтО у данного испытуемого в данном рассказе.

Методика. Исследование производилось на основе наиболее выверенного комплекта рассказов 164 участников, собранного во время адаптации ТСМ. Он состоит из студентов МАИ и ГАУГН. (N общ =164, N жен. =62, ср. возраст =20,5; станд. отклон. =1,8). В данном комплекте содержатся рассказы по изображениям ТСМ № : 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 и 10, имеющим наибольший проективный потенциал. Для задач изучения СинтО в связи с проективным содержанием были взяты картинки: 1, которая заполнялась первой, 8 — максимальное убывание проективного содержания в связи с нарастанием усталости испытуемых и 10. В рассказах по картинке 10 наблюдалось усиление общей речевой активности в связи с более значительным проективным потенциалом самой картинки для испытуемых. Картинка 10 предъявлялась после картинки 8, так что увеличение речевой активности, преодолевающей усталость и снижение интереса, было обусловлено именно усилением проекций. Таким образом, переход от картинки 8 к картинке 10 представляет наибольший интерес, поскольку изменения СинтО этих рассказов в наибольшей степени связаны с проекциями.

Программный код для подсчета СинтО, использовавшийся в нашей статье [1], был дополнен интеграцией с Excel и автоматизацией заполнения ячеек.

По речевой активности все испытуемые сравнивались исключительно сами с собой, для чего был использован тест парных сравнений Вилкоксона. Расчет производился при помощи Statistica 6.

Результаты и их обсуждение. Получены весьма обширные результаты, достоверные на хороших уровнях значимости. В данных тезисах ограничимся только представлением тех СинтО, которые напрямую относятся к заявленной нами теме, т.е. сравнением статистики рассказов по картинкам 8 и 10.

Проективный потенциал проявился в росте речевой активности по показателям кол-ва: предложений ($p<0,000$), букв ($p<0,03$), слов,

(p<0,04), СинтО (p<0,05); в отношениях буквы/СинтО (p<0,0000), СинтО/слово (p<0,000) и в длине слов (p<0,000); но не в длине предложений (p<0,08) и не в одном из важнейших показателей СинтО/предлож (p<0,08).

По отдельным СинтО получены следующие высокоизбирательные, высокодостоверные результаты *obj* (дополнение) — p<0,000000, *punct* (знаки препинания) — p<0,000004, *conj* (сочинен. элемент) — p<0,000044, *cc* (сочинит. союзы) — p=0,000291, *xcomp* (вторичн. дополн-е) — p=0,000600, *list: goeswith* (список) — p=0,003308, *expl* (эксплетив — «это») — p=0,005062, *advcl* (клауза обстоятельств) — p=0,012758, *advmod* (наречный модификатор — p=0,014496, *amod* (атрибутивн. модиф-р) — p=0,036204, *flat: foreign* (иноязычн. фрагмент) — p=0,039244, *det* (местоименный модиф-р) — p=0,052081

При этом тот же список воспроизводится и если вместо абсолютных значений рассматривать процентную представленность того или иного СинтО среди всех СинтО рассказа. Единственные отличия — переход достоверности различий по *amod* на уровень тенденции и добавление (также на уровне тенденции) паратаксиса (соположения без координации). Это показатель высокой однородности процесса. Например, при затухании речевой активности в ходе перехода от картинки 1 к картинке 8 данный способ сопоставления дает лишь 37–33% совпадений.

Таким образом, сканируя некий поток нарративов на предмет поиска усиления проективных содержаний, можно ориентироваться на набор представленных выше Синт О. Разумеется, эти выводы должны быть проверены и уточнены впоследствии. Взаимодействия с определенными личностными особенностями субъектов весьма вероятны.

Литература:

1. *Алмаев Н.А., Сальников Т.Д.* Оценка сложности текстов и вызываемого ими интереса в сети Интернет // Экспериментальная психология. Т. 19. № 1. С. 136–149. doi:10.17759/exppsy.2026190109

2. *Алмаев Н.А., Бессонова Ю.В., Мурашева О.В.* Текст. Взгляд. Мотивация. М.: Изд-во ИПРАН, 2020. https://www.researchgate.net/publication/390207705_Tekst_Vzglad_Motivacia (дата обращения: 04.08.2026).

3. Список Синтаксических Отношений. (2023). URL: https://ruscorpora.ru/media/uploads/2023/12/29/rajadw.pdf (дата обращения: 04.08.2026).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ГЛАЗАМИ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ

Аржаных Е. В., Андреева О. Н.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Роль использования искусственного интеллекта (ИИ) в деятельности педагогов-психологов приобретает все большее значение, предлагая специалистам сервисы по оптимизации сопровождающихся процедур в профессиональной деятельности — скорость обработки больших массивов данных, оперативное получение научно-методической информации, включая рекомендации по применению наиболее надежных диагностических методик и рекомендации по использованию надежных программ коррекционной и развивающей работы (с доказанной эффективностью).

В Московском государственном психолого-педагогическом университете в конце мая 2026 года проводилось обследование среди педагогов-психологов с целью изучения использования искусственного интеллекта в их профессиональной деятельности и позволяющее ответить на ряд вопросов: есть ли оптимизация времени при использовании ИИ, под какие запросы педагоги-психологи используют ИИ, насколько доверяют специалисты результатам ИИ, насколько этично использование ИИ в работе педагога-психолога, какие перспективы у ИИ в психолого-педагогической деятельности.

Опрос проводился с помощью онлайн-сервиса «Анкетолог». Поиск участников опроса осуществлялся различными способами по всем регионам России, включающими рассылку по электронной почте приглашения для участия в анкетировании членам и экспертам Федерации психологов образования России (примерно 750 адресов), лауреатам Всероссийского конкурса лучших психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде (2018–2025 гг., примерно 500 адресов), участникам Всероссийского конкурса «Педагог-психолог» (2018–2025 гг., примерно 650 адресов), которые в свою очередь делали рассылку на опрос через свои контакты психологов-педагогов. В результате приняли участие 362 педагога-психолога.

Основную аудиторию участников опроса составили женщины (96%), соответственно только 4% респондентов — мужчины. Средний

возраст участников опроса — 44,4 года. Среди участников опроса 2% педагогов-психологов со средним профессиональным образованием, подавляющее же большинство респондентов (96%) получили высшее профессиональное образование, из которых ¾ обучались по программам психолого-педагогической направленности (2% не дали ответа). Все респонденты на момент проведения опроса являются действующими (работающими) педагогами-психологами. Практически у трети опрошенных (73%) только одно место работы, соответственно, остальные совмещают свою практику в нескольких организациях. Средний стаж работы участников опроса составляет 13,8 года (диапазон показателя варьируется от 0,3 до 59 лет).

Среди опрашиваемых специалистов 78% применяют в своей деятельности инструменты искусственного интеллекта, соответственно, 22% педагогов-психологов обходятся без них. Из тех же участников опроса, кто использует ИИ в своей практике, в среднем оценивают экономию от использования сервисов в 7 часов в неделю. Чаще всего педагоги-психологи обращаются к ИИ для создания контента при подготовке презентаций, формирования рекомендаций родителям и учителям, а также для помощи написания различных форм отчетности.

Несмотря на достаточно активное использование ИИ, большинство специалистов склонны перепроверять сгенерированные результаты, опираясь на собственный профессиональный опыт и/или сверяясь с учебно-методическими материалами, официальными рекомендациями.

Если говорить о перспективах ИИ в деятельности педагогов-психологов, то треть опрошенных (66%) считают, что использование ИИ станет в ближайшие годы обычной практикой педагогов-психологов, при этом 10% опрошенных не согласны с этой точкой зрения. Кроме того, 5% участников опроса категорично говорят о полном запрете использования ИИ в практике педагогов-психологов.

Так заменит ли в будущем ИИ педагогов-психологов? Большинство участников опроса (86%) считают, что нет, то есть ИИ останется лишь удобным помощником в своей практике. Всего 4% опрошенных специалистов пессимистично смотрят на развитие своей профессии в будущем.

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ ПЕДАГОГА В СИСТЕМЕ АДРЕСНОЙ ПОЛИТИКИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДЕРЖКИ ДОСТУПНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИИ-ДИАГНОСТИКИ ВЫГОРАНИЯ

Аслямова Г. Б., магистрант, ***Галимзянов И. В.,*** к. э. н.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Цифровизация образования кардинально перестроила коммуникационные процессы в школе: мессенджеры стали главным инструментом оперативной связи педагогов с родителями. Однако это обернулось круглосуточной доступностью — учителя вынуждены отвечать на сообщения в любое время, без выходных и каникул. Ожидание запроса и потребность реагировать без промедления создают серьезное психологическое давление, которое исследователи обозначают как «техновыгорание» — истощение нервной системы от перегрузки [2]. В статье на основе опросов ВЦИОМ, данных по Башкортостану и метода попарных сравнений обосновывается необходимость введения «цифровой тишины» и оценивается, как ИИ может помочь выявлять стресс на ранних стадиях.

Опрос ВЦИОМ (март 2026) показывает: 86% учителей сидят в школьных чатах, а 56% считают, что личные и рабочие каналы нужно разделять. Ученые связывают использование множества мессенджеров с ростом тревожности и ускоренным наступлением эмоциональной усталости [2]. Главные потери — личное время, которое тратится на работу после звонка; чувство постоянной занятости; и скорость ответа как негласный критерий. Все это мешает полноценному отдыху и усиливает стресс.

Особенно тяжело приходится регионам, где не хватает кадров. В Башкортостане работают 31 тыс. учителей [4], а на 2026 год прогнозируют нехватку еще 2 тыс. педагогов [1]. Зарплата в вакансиях (31,7 тыс. руб.) в 2,3 раза ниже средней по региону (71,6 тыс. руб.) [1]. Чтобы привлечь специалистов, власти дают гранты (690 тыс. руб.) и подъемные по программе «Земский учитель» (1 млн руб., в 2027 году — 31 человек) [1]. Но общественное мнение (ВЦИОМ) ставит профессии низкий балл: доходность — 2,51, престиж — 3,04 [5]. Дополнительные часы в чатах только ускоряют уход педагогов.

Для выбора наиболее эффективного способа защиты личного времени педагога мы применили алгоритм попарных сопоставлений.

На рассмотрение взяли три варианта: ограничение времени ответов с автоуведомлениями; покупка второго телефона для работы; перенос общения в госплатформы (Сферум, Max). Сравнивали по шести параметрам: стоимость, экономия времени, снижение стресса, влияние на отношения с родителями, соответствие рекомендациям Минпросвещения и сложность внедрения. Наибольший вес получили два критерия — соответствие нормативам и риск конфликтов. Расчет дал такие цифры: ограничение времени ответов — 64,59%, переход на госплатформы — 23,70%, второй телефон — 11,71%.

Ключевой вопрос: может ли ИИ стать частью решения? Проведенный эксперимент с 320 учителями помог сделать следующие выводы: использование ИИ-помощников помогает в работе, повышая самостоятельность и снижая цифровое выгорание [3]. Данный эффект достигается за счет автоматизации рутины (проверка работ, подбор материалов), что освобождает время учителя. В данный момент разрабатываются системы компьютерного зрения, которые способны по мимике улавливать первичные признаки стресса, что позволяет вмешаться на этом этапе, не доходя до критической стадии [3]. Кроме того, ИИ способны также отслеживать цифровой след (частоту и время ответов, объем сообщений), что позволяет уловить сигналы о перегрузке при отклонении от нормы. Умные автоответчики, созданные с помощью ИИ, сортируют входящие сообщения, направляя важные руководству, а остальные откладываются и отправляются в рабочее время. По мнению экспертов, использование таких систем уменьшает риск хронического выгорания учителя на 25–30% [3].

Чтобы «цифровая тишина» действительно заработала, в локальных документах нужно закрепить правила общения, настроить автоматические оповещения для родителей и провести с ними беседы по внедрению данных нововведений. Также необходимо параллельно внедрять ИИ для наблюдения за состоянием педагогов. Данный подход восстанавливает баланс между личной жизнью и работой, расширяя защиту данных — здесь речь идет не только о конфиденциальности, но и об охране времени педагога, его эмоциональном состоянии.

Итак, цифровизация в сфере образования создала для учителей зону психологического риска. Самым сбалансированным решением, снижающим риск выгорания на 25–30%, в данный момент является введение «цифровой тишины» (64,59%) в паре с ИИ-системами. Это позволит сохранить адресное взаимодействие с семьями, не причиняя

вреда здоровью педагога, одновременно меняя и само представление о защите данных, так как речь идет уже не только о конфиденциальности, но и о праве педагога на личное время, неприкосновенность границ и эмоциональную стабильность.

Литература:

1. *Акулова Г.* В школы Башкирии будут приняты на работу 27 земских учителей [Электронный ресурс] // ИА «Башинформ». 25 марта 2026. URL: https://www.bashinform.ru/news/social/2026–03–25/v-shkoly-bashkirii-budut-prinyaty-na-rabotu-27-zemskih-uchiteley-4626733 (дата обращения: 21.05.2026).

2. *Бабанов С.А., Дарюхина Е.А., Жестков А.В., Глазистов А.В.* Профессиональное выгорание преподавателей высших учебных заведений: психологические и организационные факторы // Вестник медицинского института «РЕАВИЗ». Реабилитация, Врач и Здоровье. 2026. Т. 16. № 1. С. 133–148. DOI: 10.20340/vmi-rvz.2026.1.OZOZ.1. URL: https://vestnik.reaviz.ru/jour/article/view/1468/921 (дата обращения: 02.06.2026).

3. *Кугай А.И.* Профилактика выгорания педагогов: многоуровневая модель психологической поддержки в условиях цифровой трансформации и неопределенности // Педагогика и психология как науки формирования потенциала современного общества. Чебоксары: Издательский дом «Среда». 2026. С. 57–64. DOI: 10.31483/r-153578. URL: https://phsreda.com/ru/article/153578/discussion_platform (дата обращения: 22.05.2026).

4. В Башкортостане работают более 36 тыс. педагогов [Электронный ресурс] // ФедералПресс. 3 июня 2025. URL: https://fedpress.ru/news/02/society/3382557 (дата обращения: 22.05.2026).

5. ВЦИОМ. Аналитический обзор ко Дню учителя [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 3 октября 2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-uchitelja-2025 (дата обращения: 02.06.2026).

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИИ В ОБУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Астахова Е.В., к.филол.н.
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

Технологии искусственного интеллекта (далее ИИ) открывают новые возможности для повышения качества образования, в том числе в области изучения иностранных языков. Большие языковые модели (далее LLM) позволяют развивать коммуникативные навыки, обеспечивая адаптивное обучение, индивидуальный подход, неограниченную языковую практику и мгновенную обратную связь. Однако неконтролируемое и неосознанное применение LLM может привести к негативным последствиям. Делегирование интеллектуальных задач генеративному ИИ способствует развитию феномена когнитивной разгрузки или когнитивного долга [3]. В таком случае обучающийся способен утратить субъектную позицию в процессе обучения, превратившись в пассивного потребителя сгенерированного контента.

Указанное противоречие между высоким потенциалом ИИ и рисками его некорректного применения обуславливает необходимость разработки педагогически обоснованного подхода к внедрению технологий ИИ в обучение.

В данной работе обобщены результаты исследования, направленного на разработку педагогической модели взаимодействия с LLM в обучении профессиональному иноязычному общению. Мы разделяем трактовку, предложенную В.И. Писаренко, согласно которой педагогическая модель — «специально конструируемый в исследовательских целях объект или процесс, несущий определенную информационно-исследовательскую нагрузку, воспроизводящий педагогическую реальность, ориентированный на ее изучение, анализ и воспроизведение в новых условиях» [2]. Такое понимание позволяет не просто описать существующую практику, но и сконструировать механизм, воспроизводимый в различных образовательных контекстах.

Теоретической основой послужил анализ отечественных и зарубежных работ по применению ИИ в образовании, вопросам эффективного промптинга, негативным последствиям интеграции ИИ, а также исследованиям в области метакогнитивных стратегий и саморегулируемого обучения.

Синтез данных направлений позволил разработать алгоритм конструирования промптов для моделирования ситуаций профессионального иноязычного общения. Полученный алгоритм обеспечивает структурирование учебного диалога с LLM через последовательность следующих элементов:

- ролевая структура (определение роли LLM и роли студента);

- учебная задача и профессиональный контекст;
- особенности взаимодействия (последовательность вопросов, глубина обсуждения, формат корректирующей обратной связи);
- языковые параметры (целевая профессиональная лексика, грамматические конструкции, уровень сложности).

Данный алгоритм был апробирован в ходе психолого-педагогического эксперимента с участием 71 студента неязыковых направлений подготовки (экспериментальная группа N=35 человек, контрольная группа N=36 человек). Подробное описание проведенного исследования представлено в статье [1].

На основе полученных результатов предложена педагогическая модель интеграции БЯМ, включающая 3 взаимосвязанных компонента:

1. Алгоритм конструирования промптов, выступающий инструментом моделирования профессионально ориентированного диалога.
2. Метакогнитивное регулирование, реализуемое на 3 этапах:

2.1. До начала диалога: целеполагание, планирование;

2.2. Во время диалога: мониторинг, контроль;

2.3. После диалога: оценка, анализ ошибок, рефлексия.

3. Педагогическое сопровождение, направленное на формирование навыков саморегуляции и поддержание активной субъектной позиции обучающегося.

Разработанная педагогическая модель интеграции БЯМ обеспечивает осознанную, целенаправленную учебную практику, способствует снижению рисков когнитивной разгрузки через формирование метакогнитивной саморегуляции. Полученные результаты подтверждают, что эффективность применения БЯМ определяется не столько техническими возможностями инструмента, сколько качеством педагогического сопровождения.

Литература:

1. *Астахова Е.В.* Моделирование диалога с искусственным интеллектом как инструмент развития навыков иноязычного общения / Е.В. Астахова, Н.В. Резанова, Т.В. Борзова // Russian Journal of Education and Psychology. 2026. Т. 17. № 1–2. С. 50–71. DOI 10.12731/2658–4034–2026–17–1–961.

2. *Писаренко В.И.* Педагогические модели: типология и особенности / В.И. Писаренко // Проблемы современного образования. 2024. № 1. С. 58–76. DOI 10.31862/2218–8711–2024–1–58–76.

3. *Gerlich M.* From offloading to engagement: An experimental study on structured prompting and critical reasoning with generative AI // Data. 2025. Vol. 10. № 11. Art. 172. DOI: 10.3390/data10110172.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СМЫСЛОВАЯ ОРИГИНАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДИКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРОЕКТИВНЫХ И ПРЯМЫХ ОТКРЫТЫХ ВОПРОСОВ АНКЕТ

Афанасьев Е.В., Макулов Т.А., Онищенко А.А.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Открытые вопросы анкет остаются основным инструментом получения развернутых субъективных высказываний респондентов [1], однако данные, получаемые с их помощью, уязвимы к эффекту социальной желательности — тенденции формулировать ответы в соответствии с воспринимаемыми нормативными ожиданиями, а не подлинной позицией [2]. Лексическое разнообразие и смысловая неконвенциональность могут выступать косвенными обратными индикаторами этого эффекта [3]. Ранее было показано, что проективные вопросы больше защищены от когнитивного аутсорса — делегирования ответа генеративной модели — предположительно за счет устранения имплицитного критерия «правильного» ответа [4]. Остается открытым вопрос о том, сопровождается ли этот эффект сдвигом текстовых показателей качества в направлении большей оригинальности. Настоящее исследование изучает, в какой мере тип вопроса — проективный или прямой — предсказывает лексическую и смысловую оригинальность ответов как обратных коррелятов социальной желательности.

Выборку составили 62 респондента, из них 19 мужчин и 43 женщины, средний возраст — 22,548, стандартное отклонение — 6,498. Выборка состояла из студентов (за исключением трех аспирантов), 74% выборки — представители социогуманитарных наук, 17% — точных и технических, остальные — естественных наук.

Сопоставлялись ответы на три проективных («Как вы думаете, что может удерживать студента от вопроса, если он что-то не понял на лекции?»; «Как вы думаете, что движет студентом, который тщательно следит

за тем, какое впечатление он производит на преподавателей?»; «Студенческая группа становится сплоченной, когда…») и три прямых открытых вопроса («Расскажите о своем отношении к учебе в университете — что она для вас значит»; «Опишите, что для вас значит хорошо учиться и насколько это важно в вашей жизни»; «Опишите свое отношение к тому, как вас воспринимают и оценивают окружающие — однокурсники, преподаватели»). Оба набора тематически параллельны, что позволяет атрибутировать различия по типу вопроса, а не тематике. Лексическая оригинальность оценивалась как средняя обратная частота встречаемости токенов (1/F) относительно глобального словаря выборки. Смысловая оригинальность определялась путем векторизации текстов посредством языковой модели ruBERT-tiny2 с последующим вычислением косинусного расстояния между эмбеддингом конкретного ответа и усредненным вектором-центроидом всей выборки: отклонение от математического центра интерпретировалось как мера неконвенциональности высказывания.

Критерий Стьюдента для парных выборок зафиксировал значимое превышение обоих показателей оригинальности в проективных вопросах. Смысловая оригинальность в проективных вопросах в среднем выше ($M=1{,}208$; $SD=0{,}210$) по сравнению с прямыми ($M=0{,}754$; $SD=0{,}112$): $t(61)=-27{,}18$; $p<0{,}001$; $d=-3{,}45$. Лексическая оригинальность в проективных вопросах также выше ($M=2{,}520$; $SD=0{,}542$) по сравнению с прямыми ($M=1{,}628$; $SD=0{,}385$); $t(61)=-24{,}85$; $p<0{,}001$; $d=-3{,}16$. Оба размера эффекта соответствуют очень большой величине. Бинарная логистическая регрессия подтвердила предиктивную ценность обоих показателей в отношении принадлежности ответа к проективному условию. Лексическая оригинальность значимо предсказывает тип вопроса ($B=4{,}81$; $SE=0{,}83$; $Z=5{,}79$; $p<0{,}001$), объясняя 50,3% дисперсии зависимой переменной ($R^2_{McF}=0{,}503$); точность классификации составила 90,3%. Смысловая оригинальность предсказывает тип вопроса еще точнее ($B=20{,}43$; $SE=4{,}18$; $Z=4{,}89$; $p<0{,}001$; $R^2_{McF}=0{,}778$); точность классификации составила 92,7%.

Более высокая лексическая оригинальность и семантическая неконвенциональность ответов на проективные вопросы отражают меньшую конформность к языковой норме выборки — тот же механизм, которым объясняется сниженная частота когнитивного аутсорса в этом типе вопросов [4]: генеративные модели воспроизводят наиболее типичные, а не наиболее самобытные ответы. Высокая точность классификации ответов по одному лишь текстовому показателю (90–93%) указывает на то, что различие между типами вопросов носит системный характер.

Литература:

1. *Шмелев А.Г.* Практическая тестология: тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. 2013.

2. *Мягков А.Ю.* Стимулирование искренности респондентов в опросных исследованиях. 2018.

3. *Schmidt K., Gummer T., Roßmann J.* Effects of respondent and survey characteristics on the response quality of an open-ended attitude question in web surveys // Methods, data, analyses. 2020. Т. 14. № 1. С. 3–34.

4. *Афанасьев Е.В.* Защищенность проективных вопросов от когнитивного аутсорса ответов: Устный доклад на Всерос. науч.-практ. конф. «Молодые ученые в решении актуальных проблем науки». Секция 1. Психологические и социокультурные аспекты развития личности и общества (22 мая 2026 г.) // Программа Всероссийской научно-практической конференции «Молодые ученые в решении актуальных проблем науки». 2026. С. 7.

5. *Афанасьев Е.В.* Относительное восприятие позиции вопроса в анкете как предиктор когнитивного аутсорса и не-ответов // Конкурс НИР студентов СНО МГУ. М.: КДУ, 2026. С. 33.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Афанасьев Е.Д., Бадртдинова Р.Р.
Казанский государственный энергетический университет,
Казань, Россия

В последние годы искусственный интеллект все чаще рассматривается не только как технический инструмент, но и как часть управленческой среды. Особенно заметно это в сфере работы с персоналом, где руководителю важно понимать не только формальные результаты труда, но и причины вовлеченности, усталости, снижения интереса к работе или желания сотрудника развиваться в организации. Поэтому тема применения ИИ в системе мотивации персонала становится актуальной для менеджмента и организационной психологии.

Цель данных тезисов — рассмотреть, каким образом искусственный интеллект может использоваться в мотивации персонала и за счет чего это способно повышать эффективность организации. В работе применяется теоретический анализ научных и аналитических источников по проблемам мотивации труда, цифровизации HR-процессов и ответственного использования ИИ.

Мотивация персонала обычно понимается как система внутренних и внешних факторов, побуждающих работника качественно выполнять свои обязанности и связывать личные цели с целями организации. На практике она включает оплату труда, признание достижений, карьерные возможности, обучение, атмосферу в коллективе и отношение руководителя. Однако универсальные меры мотивации не всегда дают нужный результат: один сотрудник больше нуждается в профессиональном росте, другой — в гибком графике, третий — в поддержке и снижении перегрузки. Именно здесь могут быть полезны цифровые инструменты анализа данных.

ИИ способен обрабатывать большие массивы информации о результативности, обучении, обратной связи, карьерных перемещениях и текучести кадров. На основе этих данных можно раньше заметить признаки демотивации: падение активности, снижение качества выполнения задач, отсутствие участия в обучении, частые переработки или негативные комментарии в опросах. Для руководителя это не должно становиться основанием для автоматического наказания. Более правильный подход — использовать такие сигналы как повод для разговора с сотрудником и подбора индивидуальных мер поддержки.

Перспективным направлением является персонализация мотивации. С помощью ИИ можно рекомендовать сотруднику подходящие курсы, проекты, наставника, варианты карьерного развития или формы поощрения. Например, для начинающего специалиста важнее может быть понятная траектория обучения, а для опытного работника — участие в сложных задачах и признание экспертности. Такая система делает мотивацию более адресной и снижает риск формального подхода, когда всем предлагаются одинаковые стимулы независимо от реальных потребностей.

При этом важно учитывать психологическую сторону вопроса. В теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана подчеркивается значение трех базовых потребностей: автономии, компетентности и связанности с другими людьми [1]. Если ИИ помогает сотруднику лучше

понимать свои сильные стороны, видеть прогресс и получать своевременную обратную связь, он может усиливать внутреннюю мотивацию. Но если алгоритм воспринимается как постоянный контроль, оценка без объяснений и давление на показатели, результат может быть обратным: возрастет тревожность, снизится доверие и появится ощущение несправедливости.

Связь ИИ с эффективностью организации проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, управленческие решения становятся более обоснованными, потому что HR-специалист и руководитель опираются не только на личные впечатления, но и на данные. Во-вторых, сокращается время на рутинный анализ: цифровая система быстрее выявляет проблемные зоны и предлагает возможные действия. В-третьих, появляется возможность профилактики выгорания, так как перегрузка и снижение вовлеченности могут быть замечены раньше. В-четвертых, организация эффективнее развивает кадровый потенциал, направляя обучение туда, где оно действительно необходимо.

Однако применение ИИ в мотивации персонала связано с рисками. Среди них можно выделить нарушение конфиденциальности, непрозрачность алгоритмов, ошибочные выводы, предвзятость данных и страх сотрудников перед заменой человека технологией. Исследование восприятия STARA показывает, что умные технологии, искусственный интеллект, роботизация и алгоритмы могут вызывать у работников опасения относительно будущего рабочих мест [2]. Поэтому внедрение ИИ требует открытого объяснения целей, согласованных правил работы с данными и сохранения человеческого участия в окончательных решениях.

Наиболее рациональной является модель, при которой искусственный интеллект выступает помощником, а не самостоятельным руководителем. Он может анализировать информацию, подсвечивать риски, предлагать варианты мотивационных мер, но оценка ситуации должна оставаться за человеком. Такой подход соответствует современным представлениям об ответственном ИИ, где важны надежность, безопасность, прозрачность и управление рисками [3]. Аналитические материалы OECD также показывают, что ИИ способен улучшать рабочие процессы, но положительный эффект зависит от того, насколько организация учитывает возможные социальные и этические последствия [4].

Таким образом, искусственный интеллект может быть значимым фактором повышения эффективности организации, если он исполь-

зуется не как средство тотального контроля, а как инструмент более точного понимания потребностей сотрудников. Его потенциал связан с персонализацией мотивации, развитием компетенций, профилактикой выгорания и повышением качества управленческих решений. При этом ключевым условием остается баланс между технологической аналитикой и человеческим отношением. Только в этом случае ИИ будет работать не против персонала, а в интересах сотрудников и организации.

Литература:

1. *Deci E.L., Ryan R.M.* The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. № 4. P. 227–268.

2. *Brougham D., Haar J.* Smart Technology, Artificial Intelligence, Robotics, and Algorithms (STARA): Employees' perceptions of our future workplace // Journal of Management & Organization. 2018. Vol. 24. № 2. P. 239–257.

3. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). Gaithersburg: NIST, 2023.

4. OECD. Using AI in the Workplace: Opportunities, Risks and Policy Responses. Paris: OECD Publishing, 2024.

5. *Kaplan A., Haenlein M.* Siri, Siri, in my hand: Who's the fairest in the land? On the interpretations, illustrations, and implications of artificial intelligence // Business Horizons. 2019. Vol. 62. № 1. P. 15–25.

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ АССОЦИАТИВНОЙ СВЯЗИ В ЗАДАЧЕ НА ОТДАЛЕННЫЕ АССОЦИАЦИИ

Афанасьева В.М., студент магистратуры
РАНХиГС, Москва, Россия
Коровкин С.Ю., д.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Большие языковые модели (large language models, LLM) получили широкое распространение в последние годы. Несмотря на то, что они широко известны прежде всего как инструменты-ассистенты, большие

языковые модели также могут служить моделью функционирования человеческого языка и помогать исследователям в изучении вербальных задач [2].

Одной из таких задач является задача на отдаленные ассоциации (remote associate test, RAT), ключевым требованием которой служит поиск слова, позволяющего образовать словосочетания с каждым из трех предъявленных слов. Роль ассоциативной силы между стимулами и целевым словом традиционно рассматривается как ключевой предиктор сложности задач: регрессионный анализ показал, что отдаленность ассоциативной связи между стимулами и ответом объясняет около 80% дисперсии сложности [3]. При этом направленность связи, прямая (от стимула к ответу) или обратная (от ответа к стимулу), также влияет на успешность решения: задачи с преобладанием прямых ассоциаций решаются людьми значительно легче [4].

Целью настоящего исследования являлась разработка и апробация методики стохастического моделирования на базе большой языковой модели для извлечения метрик ассоциативной связи, предсказывающих сложность русскоязычной задачи на отдаленные ассоциации.

Для анализа параметров стимульного материала теста отдаленных ассоциаций (RAT) использовалась методика стохастического моделирования на базе большой языковой модели. В качестве вычислительного ядра применялась модель Llama-3.1 (8B), развернутая локально через API-сервис Ollama. В отличие от статического анализа вероятностей токенов, данный подход строился на многократном повторении запросов к модели при ненулевом значении параметра температуры (T=0,7), что обеспечивало вариативность генерируемых ответов и позволяло рассматривать результат каждой серии запросов как выборку из распределения возможных решений, а не как единичный детерминированный вывод модели.

Процедура включала два независимых этапа генерации для каждой триады стимулов. На этапе прямой симуляции модели предъявлялась инструкция подобрать общее слово-ассоциацию к трем заданным стимулам, для каждой задачи проводилось 30 независимых итераций. Относительная частота появления целевого ответа среди этих попыток интерпретировалась как вероятность прямого решения (forward_prob) и рассматривалась как мера доступности ответа для модели при одновременном предъявлении всех трех стимулов.

На этапе обратной генерации модели предъявлялась инструкция сформировать список из 15–20 свободных ассоциаций на русском язы-

ке к целевому слову-ответу, процедура повторялась 20 раз, что в сумме давало массив из 300–400 ассоциативных реакций (облако ассоциаций). Доля вхождений каждого из трех исходных стимулов в это облако усреднялась и составляла показатель p_back_mean, отражающий, насколько стимулы задачи оказываются центрированы вокруг найденного ответа при свободном ассоциировании от него.

Все ответы модели проходили автоматизированную лингвистическую обработку с использованием библиотеки pymorphy3: удалялась пунктуация, слова приводились к начальной форме, а в случае генерации моделью словосочетания выделялся первый лексический токен. Такая нормализация позволяла сопоставлять сгенерированные моделью ответы с исходными данными задач независимо от падежных окончаний и опечаток.

В качестве стимульного материала использовался набор задач В.В. Ардисламова, включающий 144 задачи на поиск существительного к трем предъявленным существительным [1].

Для проверки предсказательной силы полученных метрик была построена иерархическая линейная регрессия времени решения задач Ардисламова: включение forward_prob в модель M1 объяснило 12,7% дисперсии (R^2=0,127; F(1, 142)=20,61; p<0,001), а добавление p_back_mean в модель M2 значимо увеличило объясненную дисперсию до 16,6% (ΔR^2=0,040; p=0,011). Оба предиктора отрицательно связаны со временем решения: чем выше доступность ответа для модели и сила обратной ассоциативной связи, тем быстрее испытуемые находили решение. Показатель p_back_mean также оказался значимым положительным предиктором успешности решения задач (R^2=0,039; F(1, 142)=5,81; p=0,017).

Таким образом, апробированная методика стохастического моделирования на базе языковой модели позволяет извлекать метрики ассоциативной связи, обладающие значимой предсказательной силой в отношении поведенческих характеристик решения русскоязычной задачи на отдаленные ассоциации, и может быть использована как инструмент оценки сложности стимульного материала в дальнейших психологических исследованиях.

Литература:

1. *Ардисламов В.В., Спиридонов В.Ф., Логинов Н.И.* Семантический прайминг в задачах на отдаленное ассоциирование // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конферен-

ции 19 июня 2019 г. Под ред. Е.В. Печенковой, М.В. Фаликман. М.: ООО «Буки Веди», ИППиП. 2019. С. 64.

2. *Abramski K. et al.* The “LLM World of Words” English free association norms generated by large language models // Scientific Data. 2025. Vol. 12. № 1. P. 803.

3. *Marko M., Michalko D., Riečanský I.* Remote associates test: An empirical proof of concept // Behavior research methods. 2019. Т. 51. № 6. С. 2700–2711.

4. *Schatz J., Mucha P.J., Jones M.N.* Modeling the Remote Associates Test as retrievals from semantic memory // Cognitive Science. 2022. Vol. 46. № 6. Art. e13145.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Афиногенова В.А., к.пс.н., ***Кубрак Т.А.,*** к.пс.н.,
Павлова Н.Д., д.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РНФ в рамках научного проекта № 25–28–00928.

Развитие цифровой коммуникации обусловливает необходимость создания методов автоматического анализа психологического содержания дискурса. Одной из актуальных и вместе с тем наиболее сложных задач является выявление речевых интенций пользователей, поскольку интенциональное содержание высказываний нередко имплицитно и зависит от коммуникативного контекста [2]. В связи с развитием больших языковых моделей (LLM) возникает вопрос о возможности их применения для автоматического определения речевых интенций субъектов общения и психолингвистических факторах, влияющих на успешность такого анализа [1; 4; 5]. Материал проведенного исследования составили более 4000 комментариев пользователей к публикациям различной тематики в социальных медиа и на интернет-форумах. Анализировались интенции, различающиеся частотой проявления в дискурсе и степенью эксплицитности языковых средств выражения. Применялась

нейросетевая модель DeepSeek, обеспечивающая возможность анализа достаточно больших массивов текстовых данных. Для взаимодействия с моделью использовались два варианта формулировки инструкции. Первый вариант ограничивался указанием на необходимость выявления определенной интенции в массиве комментариев без пояснения ее содержания, второй — включал определение интенции и описание дискурсивных признаков, связанных с ее реализацией. Результаты автоматического анализа сопоставлялись с экспертной оценкой, выполненной в рамках психологического метода интент-анализа [3].

По результатам исследования успешность автоматического определения интенций зависит не только от частоты их проявления в дискурсе, но и от степени когнитивной очерченности интенциональной категории и ее дискурсивных маркеров. Частотные категории интенций («оскорбить», «выразить мнение») определяются лучше в сравнении с низкочастотными («похвалить», «выразить сожаление»). Эксплицитность выражения с помощью конвенциональных формул способствует определению этикетных интенций («поблагодарить»), в то время как негативные интенции («оскорбить») в отсутствие нехарактерных для контента эксплицитных перформативов не обнаруживают стабильно высоких показателей. Низкий уровень точности анализа при высоких значениях его полноты имеют категории, характеризующиеся семантической размытостью («выразить мнение»). Лучше всего автоматически распознаются интенции, обладающие устойчивыми языковыми средствами выражения и четкой коммуникативной направленностью. Установлено также, что введение в инструкцию модели определения интенции и ее дискурсивных маркеров способствует повышению качества автоматического анализа лишь для отдельных семантически размытых категорий. Для большинства категорий интенций подобная детализация инструкции не приводит к значимому улучшению показателей. Полученные результаты позволяют рассматривать большие языковые модели как перспективный инструмент психолингвистического исследования интенциональной организации интернет-дискурса и одновременно свидетельствуют о необходимости учета языковых и дискурсивных особенностей различных интенциональных категорий.

Литература:

1. *Мишланов В.А., Каджая Л.А., Кузнецова Ю.М.* Лингвистические маркеры эмоционального состояния субъекта речи (к проблеме

автоматического мониторинга текстов сетевой коммуникации) // Медиалингвистика. 2020. № 7(4). С. 428–444.

2. *Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Кубрак Т.А., Зачесова И.А., Гребенщикова Т.А.* Дискурсивный мир интернета: результаты и перспективы психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2026.

3. *Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А.* Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

4. *Пильгун М.А.* Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте: протестные коммуникации & большие данные // Вопросы психолингвистики. 2018. 36(2). С. 99–117.

5. *Castro E., Calvo H., Kolesnikova O.* Emotion and intention detection in a Large Language Model // Mathematics. 2025. № 13(23). P. 3768.

СОГЛАСОВАННОСТЬ ЭКСПЕРТНОЙ И LLM-ОЦЕНКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПО ДАННЫМ ПОЛУСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ

Бакастов А.А., аспирант
Институт психологии Российской академии наук

Актуальность. Исследование выполнено в контексте более широкой работы, посвященной интеллектуальным и эмоциональным ресурсам психологического благополучия медицинских работников. В пилотажной части рассматривается методическая задача оценки эмоционального интеллекта (EI) по материалам полуструктурированного интервью. Такой формат позволяет получать развернутые сведения о распознавании, понимании и регуляции эмоций, однако требует трудоемкого экспертного кодирования и подвержен влиянию субъективных различий между оценщиками. Большие языковые модели способны анализировать ответы на естественном языке и потенциально могут использоваться как дополнительный оценщик [2]. Вместе с тем высокая согласованность с экспертами сама по себе не подтверждает валидность автоматизированной оценки.

Цель исследования — оценить согласованность результатов кодирования эмоционального интеллекта по данным полуструктуриро-

ванного интервью двумя экспертами-психологами и большой языковой моделью (LLM), а также проверить связь интервьюерских оценок с самоотчетным показателем эмоционального интеллекта.

Методы. В пилотажном исследовании приняли участие 25 медицинских работников поликлинического звена по специальностям «терапия», «хирургия» и «дерматология»: 10 мужчин и 15 женщин. Три участника относились к возрастной группе 18–25 лет, 7–26–35 лет, 9–36–45 лет, 6 — старше 45 лет. Эмоциональный интеллект измерялся с помощью опросника SREIT Н. Шутте и соавт. [5] в адаптации Ю.А. Варицкого [1], а также полуструктурированного интервью. Ответы каждого участника независимо и вслепую оценивали два эксперта-психолога. Те же ответы оценивались LLM по стандартизированному промпту и единым критериям кодирования. Согласованность оценок определялась с помощью коэффициента внутриклассовой корреляции (ICC) для единичных и усредненных оценок с 95%-ми доверительными интервалами [3]. Связи с самоотчетным показателем EI оценивались посредством коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. Согласованность оценок двух экспертов была хорошей для единичной оценки: ICC=0,861; 95% ДИ [0,710; 0,936] и отличной для средней оценки двух экспертов: ICC=0,925; 95% ДИ [0,830; 0,967]. При сопоставлении средней оценки двух экспертов с оценкой LLM согласованность также находилась на отличном уровне: ICC для единичной оценки составил 0,935; 95% ДИ [0,859; 0,971], для средней оценки — 0,966; 95% ДИ [0,924; 0,985]. Таким образом, в данной выборке оценка языковой модели была тесно согласована с агрегированной экспертной оценкой. Статистически значимая связь самоотчетного EI по SREIT со средней экспертной оценкой по интервью не обнаружена (ρ=–0,062; p=0,768). После включения оценки LLM в агрегированный показатель связь также отсутствовала (ρ=0,011; p=0,957). Следовательно, добавление LLM существенно не изменило соотношение интервьюерской оценки с результатом самоотчетной методики.

Выводы. Результаты пилотажа предварительно указывают на возможность применения LLM как дополнительного оценщика ответов полуструктурированного интервью: ее согласованность со средней оценкой двух психологов соответствовала отличному уровню и была сопоставима с межэкспертной надежностью. Однако полученные данные не позволяют рассматривать LLM как замену специалисту или считать автоматизированную оценку валидированной. Отсутствие

корреляций с SREIT может отражать различия между самоотчетным и интервьюерским способами измерения, неодинаковое содержание оцениваемых аспектов EI, а также малый объем пилотажной выборки. Дальнейшая проверка требует увеличения выборки, оценки устойчивости результатов в других профессиональных группах и при повторных запусках разных языковых моделей, анализа отдельных компонентов EI и сопоставления с критериальными показателями.

Литература:

1. *Варицкий А.Ю.* Особенности психодиагностики эмоционального интеллекта личности с помощью опросника Шутте // Современные проблемы психологии и образования в контексте работы с различными категориями детей и молодежи. М.: МФЮА, 2016.

2. *Kjell O.N.E., Sikström S., Kjell K., Schwartz H.A.* Natural language analyzed with AI-based transformers predict traditional subjective well-being measures approaching the theoretical upper limits in accuracy // Scientific Reports. 2022. Vol. 12. Article 3918. DOI: 10.1038/s41598-022-07520-w.

3. *Koo T.K., Li M.Y.* A guideline of selecting and reporting intraclass correlation coefficients for reliability research // Journal of Chiropractic Medicine. 2016. Vol. 15. № 2. P. 155–163. DOI: 10.1016/j.jcm.2016.02.012.

4. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* Emotional intelligence: Theory, findings, and implications // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15. № 3. P. 197–215. DOI: 10.1207/S15327965PLI1503_01.

5. *Schutte N.S., Malouff J.M., Hall L.E. et al.* Development and validation of a measure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences. 1998. Vol. 25. № 2. P. 167–177. DOI: 10.1016/S0191-8869(98)00001-4.

DEEPFAKE В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВИЗУАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ И СОСТОЯНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Барабанщиков В.А., д.пс.н.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24-18-00904.

Описываются исследования механизмов межличностного восприятия, выполненные нами с помощью цифрового коллажирования аудиовидеоизображений лица. Метод разработан на основе IT-технологии DeepFaceLab (использование генеративно-состязательных нейросетей типа Gan), позволяющей создавать высококачественные реалистичные аудиовидеоролики с любыми изменениями лица и голоса [3]. Были синтезированы аудиовидеомодели «невозможных объектов», обладающие необычными свойствами — дипфейки химерического и тэтчеризированного лица [1; 2]. Подвижное химерическое лицо создавалось на основе объединения видеороликов с участием двух актрис, дающих интервью перед камерами. Исходные изображения приводились к формату одного лица, когда на левую половину лица начинающей актрисы (20 лет) накладывалась соответствующая часть поверхности лица популярной актрисы более старшего возраста (35 лет); слабые рассогласования искусственного изображения играли роль дистракторов. Подвижное тэтчеризированное лицо конструировалось путем переворота на видеоизображении глаз и рта молодой актрисы на 180°. Воспроизводилась иллюзия Маргарет Тэтчер, в соответствии с которой при прямой экспозиции коллажированное статичное лицо воспринимается неестественным, переживающим отрицательные эмоции; при инверсии это же лицо выглядит приятным, испытывающим радость. Оценивались воспринимаемые качества дипфейков, состояние и характеристика личности виртуальных натурщиков. В ходе экспериментов варьировались статика и динамика, прямая и инвертированная экспозиция, уни- и мультимодальность выражений лица, наличие и отсутствие дистракторов. Длительность каждого предъявления — 15 с. В зависимости от сочетания варьируемых переменных отдельные экспозиции объединялись в пять относительно самостоятельных эпизодов, которые подвергались перекрестному анализу.

Выполненные исследования позволяют охарактеризовать ряд закономерностей восприятия дипфейков. Феномены восприятия «невозможного лица», зарегистрированные в условиях статики (целостность противоречивых частей, эффекты дистракции и инверсии и др.), при экспозиции динамических моделей сохраняются и приобретают новое содержание. Прямо ориентированные видеоизображения коллажированного лица по сравнению с фотоизображениями представляются более гармоничными и привлекательными. Инверсионный эффект — снижение чувствительности к деформациям лица — при его перевороте на 180° в динамике выражен сильнее. С введением мультимодальной экспози-

ции (экспрессии лица + звучащая речь) доля положительных оценок возрастает. Динамический дистрактор по-разному включается в процесс формирования образа натурщика, оказывая на него различное влияние. Восприятие двойственности искусственного персонажа снимается иерархизацией отношений сторон (химерическое лицо) либо центра и периферии лицевой поверхности (тэтчеризированное лицо). В первом случае доминантной является правая сторона, во втором — треугольник «глаза — рот». В отличие от коллажированных изображений оригинальные лица в статике и движении, независимо от эгоцентрической ориентации, оцениваются позитивно на уровне высоких значений. Целостность восприятия раздвоенного лица на аудиовидеоизображениях подтверждается убежденностью наблюдателей в реальном существовании экспонируемого человека: адекватно ведет себя в понятной ситуации, привычно двигается, выражает эмоции, что-то рассказывает и т.п. При всех тестируемых условиях пол виртуального натурщика определяется адекватно, воспринимаемый возраст переоценивается. Оценки эмоций дифференцируются на основные (устойчивые) и дополнительные (меняющиеся) состояния, соотношение которых зависит от содержания конкретного эпизода.

Описанная методика позволяет учитывать множественность отношений, складывающихся в процессе идентификации личности, и может быть отнесена к системным инструментам изучения и практического использования закономерностей порождения и функционирования образа антропоморфного объекта, лицевая поверхность которого способна принимать разнообразный вид и по-разному включаться в процесс коммуникации.

Литература:

1. *Барабанщиков В.А., Маринова М.М.* Deepfake в исследованиях восприятия лица // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 1. С. 4–19. DOI: https://doi.org/10.17759/exppsy.2021000001

2. *Barabanshchikov V.A., Marinova M.M.* Deepfake as the basis for digitally collaging “impossible faces” // Journal of Optical Technology. 2022. Vol. 89. № 8. P. 448. DOI 10.1364/jot.89.000448.

3. *Perov I., Gao D., Chervoniy N., Liu K., Marangonda S., Ume C., Dpfks M., Facenheim C.F., RP L., Jiang J., Zhang S., Wu P., Bo zhou, Zhang W.* DeepFaceLab: A simple, flexible and extensible face-swapping framework [Электронный ресурс]. // ArXiv. 2020. URL: https://arxiv.org/pdf/2005.05535.pdf (дата обращения: 13.10.2020).

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ИИ-ТРЕВОЖНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бармин А. В., Прутько Г. В., Блинникова И. В.
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Исследование проведено в рамках государственного задания Минобрнауки России «Интегральная оценка когнитивных и эмоциональных ресурсов участников интернет-коммуникаций на родном и иностранном языке». Регистрационный номер НИОКТР 125090210031–6.

В современных зарубежных исследованиях активно изучается феномен ИИ-тревожности (ИИТ) — состояние тревоги, связанное с развитием искусственного интеллекта (ИИ), расширением сфер его применения и восприятием сопряженных с ним рисков.

Отправной точкой изучения ИИТ стала работа Д. Джонсон и М. Вердиккио (2017), выделивших три источника ИИТ: социотехническую слепоту (восприятие ИИ как «чистого» алгоритма, независимого от человека), путаницу в понимании автономии (отождествление технологической автономии ИИ с человеческой, из-за чего ИИ наделяется волей, интересами и целями) и ложное представление о развитии ИИ как о линейном, лишенном технических ограничений процессе [2]. Наиболее распространенной операционализацией ИИТ стала шкала «Artificial Intelligence Anxiety Scale», включающая следующие субшкалы: тревога обучения — тревога, связанная с необходимостью осваивать ИИ-технологии; тревога замены — тревога, связанная с ожиданием потери рабочих мест из-за внедрения ИИ; конфигурационная тревога — тревога, связанная с конфигурацией ИИ; социотехническая слепота [5].

Следует отметить, что в исследованиях ИИТ часто соотносится с компьютерной тревожностью, определяющейся как «иррациональный страх или тревога, возникающие вследствие непосредственного взаимодействия с компьютером или при размышлениях о его использовании» [3]. Исследователи подчеркивают, однако, что, в отличие от компьютерной тревожности, ИИТ связывается с восприятием специфических характеристик ИИ-систем, таких как автономность, адаптив-

ность и способность к самообучению, которые в меньшей степени характерны для компьютеров [2].

В настоящее время ИИ-тревожность рассматривается в разных контекстах: применительно к различным разновидностям ИИ, на выборках, различающихся по социально-демографическому и профессиональному составу, а также в разнообразных культурно-языковых средах. Несмотря на растущую популярность исследований ИИ-тревожности, систематическое знание о факторах, потенциально связанных с формированием ИИТ и определяющих степень ее выраженности, в настоящее время отсутствует. В связи с этим целью настоящего исследования является систематизация и анализ зарубежных исследований, направленных на рассмотрение факторов — предшественников ИИТ. Выбор данного основания согласуется с традицией, сложившейся в зарубежных исследованиях технологической тревожности [4].

Настоящее исследование представляет собой аналитический обзор, выполненный на основе методологического каркаса Х. Аркси и Л. О›Мэлли (2005), уточненного в последующих руководствах, и стандарта отчетности PRISMA-ScR [1]. Реализованы этапы поиска, скрининга, оценки, отбора и картирования публикаций; поиск проводился в международных системах PubMed, PsycInfo (Ovid), ScienceDirect и Google Scholar.

Систематизация отобранных зарубежных исследований позволила выделить существующие определения ИИТ и способы ее измерения, а также выделить 26 факторов –предикторов ИИТ и объединить их в три группы: демографические, психологические и ситуационные. В результате теоретического анализа было показано, что демографические характеристики выступают наиболее статистически слабыми предикторами ИИТ, тогда как психологические переменные — прежде всего «ИИ-специфические», такие как ИИ-самоэффективность и негативные установки к ИИ — демонстрируют более устойчивые и выраженные связи с данным феноменом.

Полученные результаты позволяют также заключить, что ИИТ представляет собой самостоятельный многомерный конструкт, несводимый полностью ни к технофобии, ни к компьютерной тревожности, ни к другим видам тревожности, связанным с технологиями. Предложенная систематизация факторов — предшественников ИИТ создает теоретическую основу для последующих эмпирических исследований, разработки и адаптации инструментов ее измерения, а также проектирования ИИ-продуктов и программ профилактики ИИ-тревожности.

Литература:

1. *Arksey H., O'Malley L.* Scoping studies: towards a methodological framework // International Journal of Social Research Methodology. 2005. Vol. 8. № 1. P. 19–32.

2. *Johnson D.G., Verdicchio M.* AI anxiety // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2017. Vol. 68. № 9. P. 2267–2270.

3. *Marcoulides G.A.* Measuring computer anxiety: The computer anxiety scale // Educational and Psychological Measurement. 1989. Vol. 49. № 3. P. 733–739.

4. *Powell A.L.* Computer anxiety: Comparison of research from the 1990s and 2000s // Computers in Human Behavior. 2013. Vol. 29. № 6. P. 2337–2381.

5. *Wang Y.Y., Wang Y.S.* Development and validation of an artificial intelligence anxiety scale: An initial application in predicting motivated learning behavior // Interactive Learning Environments. 2022. Vol. 30. № 4. P. 619–634.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИИ-ОПОСРЕДОВАННОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФРАГМЕНТАЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ

Белинская Е.П., д.пс.н.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Пушкарь Г.А., к.фил.н.
МГИМО МИД, Москва, Россия

Несмотря на недолгую историю своего изучения, закономерности динамики идентичности в условиях нарастающей цифровизации стали уже устоявшейся темой в психологии, постулируя возможную «гибридизацию» реальной и виртуальной ипостасей нашего современника [1]. Сегодня к ним стремительно добавляется интерес к анализу возможных трансформаций идентификационных структур личности в ситуации взаимодействия человека и систем искусственного интеллекта, и очевидно, что в этом случае потенциальная динамика идентичности может оказаться сложнее, нежели простое «смешение».

Очевидно, что взаимодействие с ИИ изменяет сами способы, посредством которых человек репрезентирует свое Я: будучи своеобразным медиатором процессов социальной категоризации и самокатего-

ризации, ИИ возвращает человеку следы его социальной активности в форме рекомендаций, сценариев выбора действия и вероятностных исходов. Эта ситуация порождает противоречивые психологические следствия. Владение ИИинструментами расширяет диапазон самореализации, усиливая рефлексивное осмысление «Я» [4], но при этом может усиливать стандартизацию способов самопрезентации, приводя к ощущению потери собственной уникальности, которое поддерживается появлением «цифровых двойников» [3], причем последние моделируются ИИ на основе нарративных и поведенческих данных пользователя [5], что ставит под сомнение границы аутентичности и автономии личности в принципе. Неудивительно, что эта ситуация приводит к возникновению новых теоретических моделей идентичности [2], в которых алгоритмически организованные цифровые среды рассматриваются не только как способ конструирования идентичности, но и как активный ее элемент. Центральной проблемой при этом становится вопрос о сохранении целостности «Я».

Представляется, что в ИИ-опосредованной реальности сам характер взаимодействия человека с алгоритмической системой определяет, усилятся ли разрывы между версиями Я или станут основой для его новой целостности. Интегративный потенциал ИИ может осуществляться через следующие психологические механизмы: 1) рефлексивное присвоение — рассмотрение алгоритмического описания как гипотезы, которую можно принять, изменить, отвергнуть; 2) временное связывание опыта — соотнесение прошлого, актуальных выборов и возможных будущих Я; 3) социальное соотнесение — проверка сгенерированных самоописаний в отношениях групповой принадлежности и совместной деятельности.

Реализация этих механизмов зависит от того, насколько человек сохраняет авторскую позицию по отношению к создаваемому вместе с ИИ содержанию. Воспринимаемая аутентичность ИИ-опосредованного сообщения, влияющего на выбор и поведение человека, зависит не только от типа генеративной системы, но и от участия пользователя в создании этого сообщения (постановки и уточнения запроса, отбора и последующей переработки ответа). Именно эта активность задает границу между использованием человеком ИИ как средства для самоосмысления или как квазисубъекта для интерпретации собственного опыта.

Таким образом, критическим фактором трансформации идентичности становится не интенсивность использования ИИ, а характер вза-

имодействия с ним: при сохранении рефлексивной дистанции, соотнесении полученных ответов с собственной жизненной историей и их критическом пересмотре ИИ может способствовать интеграции опыта, при утрате этих условий взаимодействие с ИИ может стать инструментом лишь «внешней» фиксации идентичности. В итоге центральным вопросом для психологического анализа становится не проблема фрагментации идентичности, а изучение того, на каких основаниях возникает ее целостность и сохраняет ли человек авторство в этом процессе.

Литература:

1. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 40–57.

2. *Bingley W.J., Worthy P., Wiles J., Haslam S.A.* A Social Identity Theory of Digital Identity // Perspectives on Psychological Science. 2026. DOI: https://doi.org/10.1177/17456916261419813

3. *Joseph J.* The algorithmic self: How AI is reshaping human identity, introspection, and agency // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Article 1645795. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1645795

4. *Li H., Zhang Y., Chen M., Zhao T., Zou M.* Creative personal identity in the age of generative AI: A social-cognitive pathway of AI literacy, self-efficacy, and mindset // Computers in Human Behavior. 2025. Vol. 175. Article 108838. https://doi.org/10.1016/j.chb.2025.108838

5. *Park J.S., Zou C.Q., Shaw A., Hill B.M., Cai C.J., Morris M.R., Willer R., Liang P., Bernstein M.S.* Simulating human behavior with AI agents. Stanford HAI Policy Brief. 2025. URL: https://hai.stanford.edu/policy/simulating-human-behavior-with-ai-agents.

УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ «ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ ДЛЯ СППР КОНСУЛЬТИРУЮЩЕГО ПСИХОЛОГА» НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Белых С.Л., к.пс.н.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Санкт-Петербург, Россия

Для повышения актуальности профессии психолога на современном рынке труда студентам важно научиться применять цифровые инструменты и актуальные методы, включая генеративный интеллект (ИИ). Поэтому несколько завершающих практических занятий курса «Инженерная психология и эргономика» на специальности «психология служебной деятельности» в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России посвящено проекту «Техническое задание (ТЗ) по созданию программы или приложения типа «Система поддержки принятия решения» (СППР) для использования психологом в процессе очного консультирования». Условно предполагается, что ТЗ составляется для команды программистов, которые будут создавать саму СППР, а для студентов-психологов проект остается психологическим, не скатываясь на инженерные рельсы.

По заданию: проектируемая СППР должна быть комбинированной [2]: она предназначена работать не только и не столько «на входе» клиента («на входе» — это автоматизированная система предварительной записи на консультацию к психологу или услуга онлайн-психодиагностики), сколько «в процессе консультирования», то есть как логистическая система помощи психологу в принятии решения прямо во время консультирования, которая должна не только помогать психологу найти необходимую информацию, но и принимать отдельные частные решения вместо психолога, соотнося актуальные для него информационные блоки настолько, насколько это возможно, облегчая тем самым его работу по актуализации важных закономерностей и связей и уместности их применения.

Создание любой СППР требует командной работы большого количества участников, каждый из которых выполняет определенные роли [2]. Модифицируя ролевую раскладку команды проектировщиков СППР под задачи учебного курса, можно сказать, что в этом проекте у студента-психолога как минимум три роли: роль проектировщика, который должен учитывать психологию взаимодействия создаваемой программы с заказчиком (будущим пользователем), роль этого заказчика, то есть психолога-консультанта, который собирается использовать программу в своей работе и который имеет определенные запросы, но главное — роль эксперта по созданию (или компиляции) баз данных (библиотек), для чего требуется понимать, какие знания, какие функции и связи между ними должны быть заложены в проектируемую программу, чтобы она действительно была полезна в процессе реального взаимодействия с клиентом.

Выполнению самого проекта в рамках учебного курса предшествуют элементы проблемного подхода к анализу известных СППР (типа транспортной логистики и сайтов онлайн-постановки медицинского диагноза). Перед выполнением проекта студенты знакомятся также с возможностями ИИ, унифицированным языком моделирования (UML) [1], рекурсивной моделью психики [4], психологическими и эстетическими требованиями к интерфейсу, деревьями опасности [3], деревьями решений [5] и т.д., выполняя отдельные задания по этим направлениям. Для комплектации баз данных используется ТРИЗ.

В течение четырех лет работы с этим учебным проектом накопилась интересная аналитика, визуальные образцы и динамика представлений студентов об устройстве СППР и функциях ИИ: 1) динамика — от полного восторга и огромных надежд на ИИ к более рациональной оценке его возможностей, в том числе в качестве онлайн-консультанта; 2) многие студенты, к сожалению, ограничиваются в своей СППР созданием сайтов для онлайн-диагностики с последующей записью на очную консультацию или сайтов для профориентации; 3) проекты чаще всего специализируются по типам консультирования; 4) основная сложность — непонимание студентами предназначения баз данных и библиотек, их возможного содержания, а также типов связей между ними; 5) есть примеры уникальных проектов; 6) некоторые студенты реализуют черновой вариант сайта с помощью известных конструкторов сайта, иногда прибегая к помощи программистов; 7) наиболее «продвинутые» в цифровых технологиях студенты пропускают решение психологических задач проектирования и принимают на себя задачи программирования.

Наблюдается ежегодный прогресс идей, а интерес студентов к цифровым технологиям повышается не только в связи с учебной деятельностью, но и в связи с будущим делом, возможным бизнесом.

Литература:

1. *Бощенко Д.А., Машихина Т.П.* Роль UML в современном проектировании информационных систем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 4–2. С. 13–17. doi: 10.24412/2500-1000-2026-4-2-13-17

2. Системы поддержки принятия решений: учебник и практикум для вузов / Под редакцией В.Г. Халина, Г.В. Черновой. М.: Юрайт, 2025.

3. *Breiman L., Friedman J.H., Olshen R.A., Stone C.J.* Classification and regression trees (англ.). Monterey, CA: Wadsworth & Brooks/Cole Advanced Books & Software, 1984.

4. *Corballis M.C.* The recursive mind: The origins of human language, thought, and civilization. Princeton University Press. 2014.

5. *Murthy S.* Automatic construction of decision trees from data: A multidisciplinary survey // Data Mining and Knowledge Discovery. 1998. № 2. P. 345–389.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК И НАПИСАНИЯ ОТЧЕТОВ

Белянин В.П., д.филол.н., к.пс.н.
Ассоциация специалистов в области психического здоровья Онтарио, Американская психологическая ассоциация, Торонто, Канада

Современное развитие искусственного интеллекта существенно меняет практику психологического консультирования и психотерапии. В частности, ИИ может быть использован как вспомогательный инструмент для автоматической расшифровки, анализа и даже структурирования психотерапевтических сессий. Это значительно снижает техническую нагрузку на специалиста и оптимизирует подготовку профессиональной документации.

В моей практической работе немедицинского психотерапевта (Онтарио, Канада) до 30% рабочего времени может быть затрачено на коммуникацию, ведение записей, анализ содержания сессий, а также на составление отчетов по клиентам (по запросам самих клиентов, их врачей, страховых компаний или юридических представителей клиентов).

Если во время сессии я создаю аудиофайлы, то после распознавания речи языковые модели могут формулировать краткие записи сессий и выделять основные темы. Они также могут, разделяя речь клиента и терапевта, выявлять содержательные и эмоциональные реакции клиента, описывать интервенции терапевта, подводить итоги сессии и намечать дальнейшую работу с клиентом. Иными словами, цифро-

вые инструменты, обобщая клинические записи, позволяют структурировать информацию как для текущего [2], так и для последующего анализа [1]. Они могут быть также использованы для написания отчетов по работе. Конечно, для этого нужны хорошие промпты, и при этом сами эти программы могут быть использованы для написания промптов, что как бы замыкает их самих на себя.

Внедрение ИИ в текстовое сопровождение психологической практики сегодня связано с рядом ограничений. Основные группы проблем, с которыми автор статьи столкнулся при использовании ИИ в работе с текстами, состоят в следующем:

1. Формально-организационные проблемы:

- риск безопасности и сохранения конфиденциальности данных для предотвращения возможной утечки персональной информации;
- правдоподобная обработка ошибочной и неправильной информации, что вызвано:
  - переходом на разные языки во время сессии;
  - наличием акцента, говора и особенностей речи;
  - наличием оговорок и ошибок речи;
  - наличием дефектов или нарушений речи.

2. Проблемы достоверности и фактической точности:

- приписывание участникам сессии слов, которые не говорились, и в целом привнесение в текст информации, отсутствующей в исходном материале, и делание выводов на этой основе («галлюцинации») [5],
- ссылки на несуществующие, недостоверные, непроверенные или одиночные данные и источники.

3. Языковые и стилистические ошибки:

- смешение языков и грамматик;
- ошибочная (и при этом пространная) интерпретация жаргонизмов, терминов, окказионализмов, оговорок и ошибок речи;
- излишнее усложнение текста редкими словами;
- нагромождение штампов, смешение стилевых синонимов и стилей, смешение паронимов.

4. Нарушение связности и цельности текста:

- утрата широкого контекста [4];
- нелогичное структурирование информации или создание (навязывание) структуры текста, которая не соответствует запросу;
- повторы одного и того же содержания разными словами в разных частях текста;

- преобладание формальной связности над семантической [3];
- угодливость ИИ (AI sycophancy).

Именно поэтому любые автоматически созданные материалы требуют обязательной профессиональной проверки специалистом. Именно он должен определять шаблон записей — будь то формат DAP (Data, Assessment, Plan) или формат SOAP (Subjective, Objective, Assessment, Plan). Специалист должен отбирать релевантную и контекстную информацию, которая может быть включена в окончательные записи, чтобы документы не были ненужно- избыточны или семантически расплывчаты. Последнее слово (как и подпись на документе) должны всегда оставаться за человеком. Вопрос о том, говорить ли клиенту или агентству, что при написании текстов специалист использовал вспомогательные программные средства, остается пока открытым.

Уже стало общим местом положение о том, что искусственный интеллект следует рассматривать не как замену психолога, а как вспомогательный инструмент, расширяющий возможности специалиста. При грамотном использовании ИИ способен повысить эффективность проведения и последующего анализа сессий и упростить подготовку документации. При этом нам представляется, что наибольшее преимущество получат те специалисты, которые смогли пройти весь путь от самых первых самостоятельных шагов практической работы, активного и эмпатического слушания и интервенций до аналитического и синтетического анализа речевой деятельности. Те же, кто будет пользоваться готовыми результатами, не научившись получать их самостоятельно, рискуют превратиться в придаток искусственного интеллекта и утратить то, что отличает Homo sapiens от того, что называется сейчас искусственным интеллектом.

Литература:

1. *Белянин В.П.* Психолингвистический анализ психотерапевтического дискурса // Психолингвистика в XXI веке. М., 2009. С. 95–96. URL: https://www.academia.edu/119726866

2. *Белянин В.П.* Психотерапевтический дискурс: имплицитность и политематичность в «тревожном» тексте // Человек и его дискурс — 4. М., 2014. С. 248–254. URL: https://www.academia.edu/98855209

3. *Белянин В.П.* Психолингвистика. Учебник. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2016.

4. *Белянин В.П.* Некоторые особенности речевого взаимодействия в психологическом консультировании / Консультативная психология

и неклиническая психотерапия. М., 2021. С. 15–19. URL: https://www.researchgate.net/publication/360630940

5. *Jeffords S.* Medical AI transcriber for Ontario doctors 'hallucinated,' generated errors: auditor general. URL: https://www.cbc.ca/news/canada/toronto/ai-scribe-system-hallucinations-9.7197049

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАБОТНИКОВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И ЦИФРОВЫМИ АССИСТЕНТАМИ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОВЕРИЯ

Бессонова Ю. В., к. пс. н.
Институт психологии Российской академии наук

Стремительная интеграция искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых ассистентов в рабочие процессы от чат-ботов в клиентской поддержке до предиктивных моделей в управлении техническими системами формирует новую реальность труда, где человек все чаще выступает не просто оператором, а партнером интеллектуальных систем при принятии и исполнении решений. Однако пока очень мало данных о влиянии этих систем на надежность и безопасность профессиональной деятельности, последствиях внедрения технологий, особенно в работу потенциально опасных технических комплексов (наземного и воздушного транспорта, энергетики, управления воздушным движением и пр.), которые также переживают этап «смешанной инициативы», когда решения принимаются во взаимодействии с ИИ. Многолетние исследования, от первых работ [1] до современных метаанализов [2], неизменно показывают: автоматизация не устраняет ошибки, а видоизменяет их природу, часто порождая новые, еще более скрытые формы ошибочных действий. С одной стороны, применение автоматизированных систем и ИИ-технологий предназначено для снижения рабочей нагрузки, уменьшения количества ошибок при ручном управлении и тем самым повышения безопасности профессиональной деятельности, а с другой — создает серьезные неучтенные угрозы.

На основе анализа публикаций в базах Scopus, Web of Science, Google Scholar были проанализированы основные проблемы взаи-

модействия работников с интеллектуальными системами, типы и частота ошибок, совершаемых работниками при использовании ИИ-ассистентов в профессиях высокого риска: ошибки пропуска сигнала, пропуска отказов, выполнения ошибочного сигнала ИИ, ошибки режима, перехвата управления и т. д. [3; 4]. Показано, что ИИ-ассистенты принципиально меняют когнитивный ландшафт профессиональной деятельности. Ошибки человека перестают быть результатом недостатка знаний или халатности в традиционном смысле; они системно порождаются самим дизайном взаимодействия, в их основе почти всегда лежит рассогласование между реальными возможностями системы и субъективной мерой надежности, которую ей приписывает человек.

Были выявлены и классифицированы основные причины ошибочных действий профессионалов при взаимодействии с интеллектуальными системами, связанные с деградацией навыков (дескиллинг), непрозрачностью решений, перераспределением автономии, снижением бдительности и потерей ситуационной осведомленности, а также психосоциальными рисками. Было показано, что в основе большинства причин ошибочных действий лежит проблема сверхдоверия или недоверия интеллектуальным системам. Психологические проблемы использования ИИ в профессиональной деятельности, связанные с ошибками пользователя, невозможно анализировать в отрыве от феномена доверия, поскольку именно доверие выступает ключевым медиатором, определяющим, как специалист воспринимает, принимает и контролирует работу интеллектуальной системы.

С большой вероятностью можно утверждать, что доверие опосредует практически все психологические риски, связанные с ошибками пользователя при работе с ИИ, и обусловлено двумя фундаментальными закономерностями. Парадокс доверия к автоматизации (чем выше степень автоматизации и чем прозрачнее ее работа, тем быстрее формируется избыточное доверие, но тем катастрофичнее последствия его внезапной утраты) и провоцирует редкие, но грубые ошибки невмешательства вследствие потери ситуационной осведомленности [2]. Парадокс понимания связан с антропоморфностью интерфейсов, заложенным поддерживающим стилем общения, соблюдением требований объяснимого интеллекта (XAI) и может создавать у пользователя ложное ощущение, что он понимает логику системы. В действительности когнитивная модель работы ИИ остается упрощенной, а дове-

рие строится на когнитивных эвристиках. Ошибки возникают, когда когнитивная модель пользователя расходится с реальным поведением ИИ в нестандартной ситуации [5].

Анализ литературы демонстрирует, что главный вызов взаимодействия работника с ИИ лежит не в технологической, а в психосоциальной плоскости. Дефицит доверия, деградация навыков и потеря автономии — это обратная сторона избыточного делегирования задач без пересмотра роли человека. Конструктивным решением, подтвержденным исследованиями, выступает переход от парадигмы «автоматизация ради устранения человека» к парадигме взаимодействия, где объяснимость алгоритма и сохранение за человеком права финального решения являются ключевыми проектными требованиями. Актуальность дальнейших исследований видится в лонгитюдных эффектах взаимодействия профессионала с ИИ и калибровке доверия, поскольку ошибки системно порождаются несоответствием между уровнем доверия и реальной компетентностью/надежностью системы.

Литература:

1. *Bainbridge L.* Ironies of automation. Automatica. 1983. Vol. 19(6). P. 775–779.

2. *Parasuraman R., Manzey D.H.* Complacency and bias in human use of automation: An attentional integration // Human Factors. 2010. Vol. 52(3). P. 381–410.

3. *Skitka L.J., Mosier K.L., Burdick M.* Does automation bias decision-making? // International Journal of Human-Computer Studies. 1999. Vol. 51(5). P. 991–1006.

4. *Gold C., Damböck D., Lorenz L., Bengler K.* “Take over!” How long does it take to get the driver back into the loop? // Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting. 2013. Vol. 57(1). P. 1938–1942.

5. *Jahanbiglari A., Park S., Chiou E., Tang P.* Human-AI trust for safer heavy-duty equipment management: Insights from socio-technical literature review and interviews // Developments in the Built Environment. 2026. Vol. 27. Art. 100983. https://doi.org/10.1016/j.dibe.2026.100983.

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ТИПОВ ВОСПРИЯТИЯ ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

Битюцкая Е. В., Хлебникова А. А., Бергер И. О., Гасанов Э. Э.
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–00737, https://rscf.ru/project/25–18–00737/

Одним из перспективных направлений использования технологий искусственного интеллекта в психологии является автоматизированная диагностика психических состояний [3]. В исследованиях копинга такие инструменты пока ограничены интерпретацией результатов опросников и не охватывают анализ качественных данных. Однако для более глубокого понимания копинг-стратегий и персонализированной обратной связи респонденту востребован комплексный подход, сочетающий количественные показатели с содержательным анализом текстовых ответов. В настоящей работе такой подход реализуется на основе типологии восприятия трудных жизненных ситуаций (ТЖС), задающей содержательные критерии диагностики.

Типология включает пять типов восприятия ТЖС [1]. *Типы 1, 2, 3* соответствуют приближению к трудности: 1) драйвовый (восприятие трудности как вызова, подъем энергии), 2) максимальный (перфекционизм, многозадачность), 3) оптимальный (планомерное достижение цели, привлечение помощи). *Тип 4* — амбивалентный (совмещение приближения к трудности и ухода от нее). *Тип 5* — отстраненный (уход).

Операционализация этих типов осуществляется на основе краткой версии опросника «Типы ориентаций в трудной ситуации» (ТОРС-36), психометрическая проверка которого выполнена в недавнем исследовании [2]. Опросник включает три шкалы приближения и три шкалы ухода, а также шкалу упреждения проблемы. Диагностика строится на совмещении профиля респондента по ТОРС-36 с качественным анализом соответствующего текстового описания ТЖС и завершается содержательной интерпретацией и отправкой обратной связи респонденту.

Цели исследования: 1) разработка автоматизированного диагностического инструмента для скрининга типов восприятия ТЖС с функциями

анализа данных и отправки обратной связи респонденту; 2) валидизация краткой версии опросника ТОРС-36 как инструмента диагностики типов восприятия ТЖС. Ранее был разработан алгоритм определения типов с использованием полного ТОРС. Алгоритм основан на экспликации правил принятия решения об отнесении случая к типу, которые использует эксперт (Битюцкая и др., 2024). Однако для проверки возможностей краткой версии опросника необходимо отдельное исследование.

Описанный подход мы реализовали в формате веб-сайта, использующего алгоритм, который анализирует профиль опросника на основе пороговых значений шкал ТОРС-36, а при обработке текстовых данных направляет запрос большой языковой модели DeepSeek-chat (далее LLM). При этом алгоритм учитывает логику эксперта, анализирующего данные.

Шаг 1. На основе числовых показателей профиля ТОРС-36 применяется первое правило принятия решения, использующее значение 1,5 балла из трех как признак выраженности ориентаций (шкал), за исключением шкалы «облегчение задачи», где порог 1,75. Если выражена хотя бы одна ориентация приближения и не выражены ориентации ухода, случай относится к типам приближения (1, 2, 3); при обратном результате — к типу 5; если выражены ориентации обеих направленностей — к типу 4.

Шаг 2. Согласно второму правилу, внутри приближения выделяется тип 3. Если в описании ТЖС не встречается категория «угроза жизни и здоровью», а в соответствующем профиле среди шкал приближения максимальное значение достигается по шкалам драйв или/и тщательность, то относим случай к типам 1, 2, иначе — к типу 3.

Шаг 3. Третье правило предназначено для разделения типов 1 и 2 на основе анализа качественных данных. При этом используется LLM-анализ текстов. Применяется промпт, в основу которого заложены два описания, содержащие признаки типов 1 и 2. По принципу наибольшего сходства алгоритм относит случай к типу 1 или к типу 2.

На выборке из 200 случаев алгоритм показал 85% совпадений с оценками эксперта (при согласованности двух независимых экспертов-психологов с первым — 78% и 91%). Этот результат превышает показатели валидизации полной версии опросника ТОРС, где кумулятивный показатель по итогам применения трех правил оказался 77,17% (Битюцкая и др., 2024). В отличие от предшествующего решения, где для различения типов 1 и 2 на третьем шаге требовалась разметка тек-

стов, разработанный алгоритм преодолевает это ограничение за счет LLM-анализа текстов о ТЖС. Сравнение возможностей полной и краткой версии TOPC для определения трех крупных типов (приближение, амбивалентное восприятие, уход) на первом шаге указывает на сопоставимость результатов (88,5% и 90,5%, соответственно), что дает подтверждение в пользу валидности TOPC-36.

Таким образом, итогом работы стал программный продукт, реализующий автоматизированную диагностику типов восприятия ТЖС. Преимуществом инструмента является автоматическое предоставление обратной связи участникам исследования, что снимает с исследователя трудоемкую задачу подготовки и рассылки индивидуальных отчетов. Платформа также позволяет накапливать эмпирические данные. В исследовании получены подтверждения валидности TOPC-36, что позволяет применять его не только для диагностики выраженности отдельных шкал, но и для определения типов восприятия ТЖС по профилю опросника.

Литература:

1. *Битюцкая Е.В., Гасанов Э.Э., Патрашкин Н.А., Хазова К.В.* Валидизация опросника «Типы ориентаций в трудной ситуации» на основе методов компьютерного моделирования и контент-анализа // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. № 4. С. 729–752. doi: 10.17323/1813-8918-2024-4-729-752

2. *Битюцкая Е.В., Корнеев А.А., Хлебникова А.А.* Разработка и психометрическая проверка краткой версии опросника «Типы ориентаций в трудных ситуациях» TOPC-36 // Психологические исследования. 2026. Т. 19. В печати.

3. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182–189. doi: 10.17759/exppsy.2024170412

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДИАГНОСТИКЕ МЕРЫ ОТКРЫТОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ

Близняков А.Ю., Кибальченко И.А., д.пс.н.
Южный федеральный университет, Таганрог, Россия

Искусственный интеллект все активнее [1] проникает в образование, вызывая дискуссии о его преимуществах (автоматизация, персонализация, обратная связь) и рисках (девальвация роли педагога, снижение критичности мышления). Однако более продуктивно искать области эффективного применения ИИ без ущерба для мышления, например диагностику. Согласно концепции М.А. Холодной, интеллект понимается как система ментальных структур, пространства и репрезентаций, лежащих в основе познавательного отношения к миру [2]. Для диагностики метакогнитивного компонента используется тест «Идеальный компьютер» (Холодная, Гельфман, Демидова, 1993), в котором респондентам предлагается за 10 минут задать вопросы «идеальному компьютеру, знающему все». Мера открытости познавательной позиции проявляется в преобладании объективированных (направленных на познание мира) и категориальных (обобщенных, выявляющих принципы устройства) вопросов [2; 3].

В отличие от стандартизированных тестов интеллекта с однозначными ответами, данный тест требует качественной классификации каждого вопроса по двум осям (объективированный/субъективированный и категориальный/фактический), что предполагает знание границ категорий и контекстуальную интерпретацию. Компьютерные системы с жесткими алгоритмами не могли распознавать семантические категории, однако с развитием больших языковых моделей (LLM) ситуация изменилась. Для проверки гипотезы о возможности использования LLM в обработке теста «Идеальный компьютер» нами было проведено исследование.

На первом этапе с использованием бесплатных (без дополнительного обучения) версий DeepSeek, «Яндекс Алисы» и «ГигаЧата» проанализированы описания и инструкции теста [2, 3], на основе чего сформулированы формализованные критерии оценки и разработан промпт (системный запрос).

Промпт: *Вопросы классифицируются по двум категориям. Они могут быть Категориальными или Фактическими и одновременно Объективированными или Субъективированными.*

Категориальный — вопрос требует ответа в виде общей закономерности, универсального принципа, причинно-следственной связи или сущностной характеристики класса явлений. Ответ не может быть единичным эмпирическим фактом. Можно ли ответить фразой «это зависит от конкретного случая»? Если да, и вопрос требует обобщения — категориальный.

Фактический — вопрос требует ответа в виде конкретного единичного значения (да/нет, число, дата, имя, событие, конкретное действие, состояние единичного объекта). Существует ли один правильный ответ (даже если он неизвестен)? Если да — фактический.

Объективированный — вопрос не содержит референции к личности, судьбе, внутреннему миру или личному будущему спрашивающего. Референт — внешний мир, другие люди, общество, природа, техника, абстрактные сущности. Можно ли переформулировать вопрос, убрав все местоимения 1-го лица, без потери смысла? Если да — объективированный.

Субъективированный — вопрос содержит явную или однозначно подразумеваемую референцию к самому спрашивающему: его личная жизнь, судьба, здоровье, характер, отношения, переживания, личное будущее, личные действия. Относится ли вопрос ко «мне», «моему», «меня» или к ситуации, где я — главный действователь/объект? Если да — субъективированный.

Любой вопрос обязательно «Категориальный» или «Фактический» и одновременно «Объективированный» или «Субъективированный». В случае затруднений в определении вопрос относится к чаще встречающейся у этого респондента группе.

На втором этапе использованы данные опросов 103 респондентов из магистерской диссертации [4]; ответы, обработанные экспертом-психологом, сравнивались с результатами трех ИИ по разработанному промпту.

Оценку конкурентной валидности и устойчивости метода проводили с помощью корреляционного анализа (коэффициент корреляции r Пирсона). Корреляции ручной обработки с DeepSeek: объективированные — 0,948, субъективированные — 0,809, категориальные — 0,936, фактические — 0,673; с «Яндекс Алисой»: 0,926, 0,781, 0,937 и 0,831 соответственно; с «ГигаЧатом»: 0,923, 0,751, 0,956 и 0,827. Межмодельные корреляции: DeepSeek — «Алиса» — 0,978, 0,953, 0,978, 0,681; DeepSeek — «ГигаЧат» — 0,976, 0,944, 0,979, 0,898; «Алиса» — «ГигаЧат» — 0,991, 0,981, 0,971, 0,822.

Обнаруженная сильная положительная связь между результатами эксперта и трех ИИ-моделей по всем критериям свидетельствует, что разработанный промпт обеспечивает качество обработки, сопоставимое с экспертной: алгоритмическая логика промпта воспроизводит экспертные паттерны достаточно близко, различия носят скорее

случайный характер. Сильные межмодельные корреляции указывают на устойчивость (надежность) метода, независимость от особенностей конкретной ИИ и воспроизводимость результата независимо от выбора модели. Эти факты позволяют утверждать, что предлагаемый метод не вносит значимой инструментальной погрешности, является валидным и устойчивым, что дает основание рекомендовать его для практического применения в психодиагностике без жесткой привязки к конкретной ИИ.

Качественные тесты, направленные на диагностику ментального опыта, обладают несомненной ценностью, однако сложность обработки ограничивала их применение. Как показало наше исследование, современные LLM эффективно справляются с тестом «Идеальный компьютер», ранее требовавшим высокой квалификации эксперта. Внедрение таких технологий делает диагностический инструментарий широкоприменяемым для педагогов и психологов в школах и вузах, что создает основу для более точной и своевременной поддержки интеллектуального развития обучающихся.

Литература:

1. *Филиппов Н.В.* Оптимизация образовательного процесса посредством внедрения искусственного интеллекта // Современная педагогика. 2024. № 3. С. 45–52.

2. *Холодная М.А.* Психология интеллекта. Парадоксы исследования. Учебное пособие / Москва, 2020. Сер. 76. Высшее образование (3-е изд., пер. и доп.).

3. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. М.: ПЕР СЭ, 2002.

4. *Близняков А.Ю., Кибальченко И.А.* Взаимосвязь умственного опыта и характеристик его визуализации у студентов // Инженер настоящего и будущего: практика и перспективы развития партнерства в высшем техническом образовании: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах. Ростов-на-Дону — Таганрог, 20–21 мая 2024 года. Ростов-на-Дону — Таганрог: Южный федеральный университет, 2024. С. 27–33.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ «БыЖиЧу» В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПСИХОЛОГОВ

Богуцкая Л. В., Матвеева О. В.
Институт интегративной психологии и психотерапии,
Ставрополь, Россия

Проблема профессионального выгорания специалистов помогающих профессий в условиях цифровизации требует перехода от пассивной диагностики к активным методам превенции. Целью исследования является эмпирическая верификация эффективности интегративной модели «БыЖиЧу» как инструмента профилактики деструктивных состояний у онлайн-консультантов.

Эмпирическую базу составила выборка из 115 женщин-психологов (M=37,5 лет, SD=5,4). Методологический аппарат включает метод кросс-валидации методик MBI [5] и СЖО [4]. Статистический анализ ($p<0,001$) подтвердил, что дисбаланс осей модели «БыЖиЧу» является предиктором выгорания [2].

Важным аспектом профессиональной деятельности в цифровой среде становится ограничение применимости технологий. Как отмечают исследователи, онлайн-сессии не способны полностью воссоздать чувство безопасности, характерное для очного кабинета, а отсутствие телесного контакта и возможные технические сбои создают дополнительные риски для формирования надежной терапевтической базы [3]. В условиях, когда терапевт не может гарантировать стабильность соединения, остро встает вопрос сохранения профессиональной устойчивости.

Ключевым результатом исследования стала разработка системы профилактики, основанной на принципе жизненного резонанса [1]. Профилактика выгорания через модель «БыЖиЧу» реализуется посредством трех векторов превентивной работы.

Первый вектор направлен на реконструкцию оси — Быть через развитие субъектной автономии. Метод экстернализации профессиональной идентичности помогает специалисту дифференцировать личные ценности от навязанных цифровых ожиданий аудитории, что существенно снижает уровень редукции профессиональных достижений и возвращает чувство контроля над собственной деятельностью.

Второй вектор включает реинжиниринг оси — Жить посредством оптимизации целеполагания. Техника смыслового фильтра в условиях онлайн-работы направлена на деконструкцию гипертрофированного целеполагания, ведущего к истощению, и позволяет специалисту перейти от модели достижения результата любой ценой к модели устойчивого профессионального ритма, сохраняющего внутренний ресурс.

Третий вектор предполагает активацию оси — Чувствовать через развитие аффективной включенности. Техника эмоционального присутствия обеспечивает профилактику деперсонализации за счет внедрения практик осознанного телесного и эмоционального контакта, что позволяет эффективно компенсировать дефицит очного взаимодействия в виртуальном терапевтическом пространстве.

Внедрение данных методов в экспериментальной группе привело к росту профессиональной устойчивости с 20% до 60%. Метод «БыЖиЧу» позволяет психологу осуществлять ежедневную внутреннюю навигацию, своевременно выявляя перекосы в осях до перехода стресса в фазу хронического истощения. Таким образом, профилактика выгорания через модель «БыЖиЧу» трансформирует профессиональную деятельность из режима выживания в режим жизненного резонанса, обеспечивая долгосрочное сохранение субъектности специалиста в цифровой среде.

Литература:

1. *Богуцкая Л.В., Матвеева О.В.* Авторская модель супервизии «БыЖиЧу»: интеграция идентичности, действия и чувства в профессиональной практике психолога // Психологическое консультирование онлайн. 2025. № 4. С. 85–92.

2. *Водопьянова Н.Е. Старченкова Е.С.* Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: Практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025.

3. *Григорьев С.Л., Котусов Д.В.* Экранное потребление как условие формирования «общества переживаний» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2023. № 2(46). С. 48–58.

4. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000.

5. Опросник выгорания Маслач. Текст: электронный // Psylab.info. URL: https://psylab.info/Опросник_выгорания_Маслач (дата обращения: 13.04.2026).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АГЕНТСКОГО ПОДХОДА ДЛЯ ОЦЕНКИ СУИЦИДАЛЬНОГО СТАТУСА АККАУНТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Буянов И. О.
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук,
Пситехлаб, Москва, Россия
Кажекин Д. А.
Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

Суицид остается одной из значимых проблем современности. По данным ВОЗ, ежегодно в мире вследствие суицида погибает более 700 тысяч человек. В России, по данным Росстата, число самоубийств также остается высоким: если в 2019 году было зарегистрировано около 17 тысяч случаев, то в 2022 году — около 13,5 тысяч. Несмотря на снижение показателей, задача раннего выявления суицидального риска по-прежнему сохраняет высокую актуальность.

Одним из перспективных источников информации для такой оценки являются социальные сети, где пользователи, среди прочего, публикуют тексты, отражающие эмоциональное состояние, кризисные переживания, просьбы о помощи и другие значимые сигналы. Однако практическая работа с такими данными осложняется большим объемом нерелевантного контента: по имеющимся наблюдениям, лишь около 20 из 100 постов содержат информацию, потенциально значимую для оценки состояния пользователя, что делает ручной анализ трудоемким. Таким образом, становится актуальным вопрос создания инструментов предварительной фильтрации и поддержки принятия решений.

Для решения данной задачи была разработана платформа «Китобой», ориентированная на анализ текстов пользователей социальных сетей. Платформа выступает посредником между людьми, которые анализируют аккаунты социальных сетей, и моделями машинного обучения. В нее загружаются открытые публикации, после чего для каждого текста собираются предсказания подключенных моделей. Базовая конфигурация включает модели выявления пресуицидальных и антисуицидальных сигналов. Эти сигналы отражают различные факторы, которые повышают и понижают вероятность суицида соответственно [1]. Архитектура платформы позволяет подключить любые другие

классификаторы, которые могут быть полезны для анализа, например классификатор эмоций. Кроме представления данных в виде ленты постов, платформа позволяет просматривать динамику предсказаний, что позволяет анализировать изменения состояния пользователя во времени. На основании анализа пользователь платформы может присвоить конкретному аккаунту суицидальный статус. Следует особо подчеркнуть, что присваиваемый статус рассматривается не как диагноз, а как маркер необходимости дальнейшего внимания к аккаунту.

Логичным направлением развития платформы является использование больших языковых моделей (LLM) для более сложных аналитических сценариев. Достижения современных больших языковых моделей, такие как способность последовательно работать с различными внешними инструментами и контекстом предметной области, открывают возможность построения специализированных аналитических агентов для рассматриваемой задачи. В рамках данной работы был разработан MCP-сервер [2], обеспечивающий подключение LLM-агента к платформе «Китобой». Через MCP-интерфейс агент получает доступ к данным аккаунта, результатам предсказаний базовых моделей и связанным операциям анализа. На этой базе был реализован агент, работающий через OpenCode [3]. Он способен выполнять базовые рутинные операции, такие как просмотр релевантных постов, предварительная интерпретация динамики, суммаризация наблюдений и вынесение предварительной оценки суицидального статуса с текстовым объяснением. Подобная автоматизация позволит ускорить работу специалистов и волонтеров.

Важно отметить, что, как и все решения на базе, LLM-агент подвержен галлюцинациям и потому должен рассматриваться исключительно как инструмент поддержки, а не как автономная система принятия решений, тем более что ценой ошибки может стать человеческая жизнь.

В дальнейшей работе основной фокус будет направлен на валидацию утверждения о том, что агент действительно ускоряет работу специалистов. Кроме того, необходимо построить бенчмарк, который позволял бы оценивать корректность проводимого агентом анализа.

Литература:

1. *Буянов И.О., Яськова Д.В., Серенко Д.С., Шкереда Д.Н., Яськов А.Д., Соченков И.В.* Методология создания большого русскоязычного набора данных для детекции пресуицидальных и антисуи-

цидальных сигналов в текстах социальных сетей // Труды Института системного программирования РАН. 2025. Т. 37. Вып. 6. С. 191–210. DOI: 10.15514/ISPRAS-2025-37(6)-29

2. Anthropic. (2024). *Model Context Protocol: Overview and Specification*. URL: https://modelcontextprotocol.io (дата обращения: 27.07.2026).

3. OpenCode: агент кодирования с открытым исходным кодом. URL: https://opencode.ai/ (дата обращения: 27.07.2026).

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ГЕНЕРАЦИЯ ПРОВЕРОЧНЫХ ВОПРОСОВ К УЧЕБНЫМ ПРЕЗЕНТАЦИЯМ С ПОМОЩЬЮ ИИ: ЭФФЕКТЫ НА ВОВЛЕЧЕННОСТЬ И УСПЕВАЕМОСТЬ

Бысик Н.В., Копылова М.Г.
Академическая лаборатория ООО «СберОбразование» (ПАО Сбербанк), Москва, Россия
Свиридов И.С.
Центр практического искусственного интеллекта, Москва, Россия

Актуальность и проблема. В школьной практике этап объяснения нового материала часто не сопровождается вопросами на запоминание и понимание, что снижает качество усвоения и увеличивает этап последующего закрепления знаний. Исследование направлено на проверку возможности компенсации этого дефицита с помощью автоматически генерируемых ИИ-вопросов, встроенных в презентации учителя.

Теоретическая рамка. Работа опирается на таксономию Блума (пересмотренную версию) [3], в которой акцент сделан на уровнях «запоминание» и «понимание» как базовых для формирования прочных знаний. Гипотеза исследования исходит из эффекта практики извлечения информации (retrieval practice) — систематическая проверка сразу после предъявления материала должна улучшать учебные результаты.

Методология и дизайн. Разработан онлайн-сервис, позволяющий учителю загружать презентацию, а ИИ автоматически вставлять в нее закрытые (с двумя вариантами ответа) и открытые вопросы, привязанные к ключевым фрагментам объяснения. Эксперимент проводился

в параллельных классах (экспериментальная и контрольная группы) с измерением вовлеченности (доля поднявших руку / доля ответивших) и успеваемости (сравнение срезов до и после, парный t-критерий, Welch t-тест, Cohen's d).

Технологические результаты. Всего сгенерировано 1232 вопроса по 14 предметам для 98 презентаций. Оценка учителями 809 вопросов показала высокое качество генерации: суммарная доля оценок «4» и «5» составила около 90% (79,97% вопросов получили оценку «5»). Технологическая гипотеза (ИИ способен генерировать содержательные вопросы к презентациям) полностью подтверждена.

Педагогические эффекты. Закрытые вопросы продемонстрировали высокий уровень участия и правильности ответов. Открытые вопросы изначально вызывали настороженность, но к 2–3-му уроку учителя фиксировали рост желающих отвечать, что свидетельствует о развитии познавательной активности при систематическом использовании. Обе группы (экспериментальная и контрольная) показали статистически значимый внутригрупповой рост результатов проверочных работ.

Методологические ограничения. Выявлены ключевые факторы, снизившие валидность эксперимента: несоблюдение требования задавать вопросы сразу после объяснения (часто переносилось в конец урока), трудности сбора данных учителями, недостаточная длительность эксперимента (1 месяц). Эти ограничения указывают на необходимость введения более строгих процедурных норм и увеличения срока исследования. Однако исследование подтверждает возможность и важность проведения экспериментов во время текущей работы педагогов в классе, в сотрудничестве действующих преподавателей, исследователей и разработчиков ИИ-инструментов.

Направления дальнейших исследований. Планируется дифференцированный анализ вклада открытых и закрытых вопросов в успеваемость, изучение практик работы с «неотвечающими» учениками (персонализация), изучение организационных условий экспериментирования на уроке объединенной командой педагогов, исследователей и разработчиков цифровых ресурсов.

Литература:

1. *Зыкова Т.В., Вайнштейн Ю.В., Носков М.В.* Оценка образовательных результатов в системе электронного обучения на основе таксономии Блума // Информатика и образование. 2024. № 12. С. 45–52.

2. Федерякин Д.А. Разработка заданий с использованием больших языковых моделей: опыт и ограничения // Образовательные технологии. 2025. № 2. С. 78–91.

3. *Anderson L.W., Krathwohl D.R. (eds.). A Taxonomy for Learning, Teaching, and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives.* Boston: Allyn & Bacon, 2001.

4. *Hattie J. Visible Learning: A Synthesis of Over 800 Meta-Analyses Relating to Achievement.* London: Routledge, 2009.

5. *Roediger H.L., Karpicke J.D. Test-Enhanced Learning: Taking Memory Tests Improves Long-Term Retention //* Psychological Science. 2006. Vol. 17(3). P. 249–255. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01693.x

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА КОМПЛЕКСНОЙ ДИАГНОСТИКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЗДОРОВЬЯ «ГАРМОНИЯ»

Валеева Г.В., к.пс.н.
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Необходимость эффективного управления и самоуправления актуализирует задачу быстрой обработки больших массивов психологических данных для использования их в процессах прогнозирования и моделирования. Автоматизированная психологическая диагностика, понимаемая как компьютеризированный метод психологической оценки, использующий цифровые системы для сбора, объективного анализа и интерпретации данных с целью стандартизированного выявления вероятности нарушений здоровья личности, решает эту задачу [1; 3; 4]. Этот запрос лег в основу компьютерной программы комплексной диагностики субъективной составляющей здоровья «Гармония» (разработана в 2009 г.; защищена, и получено авторское свидетельство № 2014661107 в 2014 г.). Это платформа для дистанционного заполнения стандартизированных опросников с автоматическим подсчетом баллов и формированием заключений [2]. Программа включает две связанные части. «Клиентская часть» осуществляет сбор данных в процессе ответов респондентов, ответы поступают

в базу данных, обрабатываются в реальном времени, и формируются протоколы на индивидуальном и групповом уровнях в виде диаграмм с кратким пояснением, доступных для копирования. Расчетное время диагностики — 30 мин., число одновременных респондентов не ограничено. «Клиентская часть» размещена на сервере и отображается на компьютерах локальной сети вуза, база данных — на компьютере психолога-диагноста. После завершения диагностики индивидуальный доступ закрывается, но сохраняется групповой с полной анонимностью. В базе данных предусмотрен фильтр для анализа степени выраженности показателей и их сочетаний, а также формирования групп по выявленным признакам.

Программа «Гармония» позволяет проводить мониторинг здоровья личности по четырем критериям.

1. *Психофизический*. Дается характеристика проявлений психотипа во всех сферах жизни в связи с интенсивностью эмоционально окрашенных жалоб на физическое самочувствие. Методики: опросник «Психосоматические типы», методика оценки удовлетворенности физическим состоянием (модификация Гессенского опросника, адаптированного в Институте им. В.М. Бехтерева), анкета «Потребностное напряжение в отношении оздоровления».

2. *Психоэмоциональный*. Изучается целостность субъекта через состояния тревожности, фрустрации, ригидности, истощаемости. Методики: самооценки психического состояния по Айзенку; модификация Гессенского опросника, адаптированного в Институте им. В.М. Бехтерева.

3. *Когнитивный*. Показатели: представления об оздоровлении и потребность в нем (анкеты: «Уровень развития представления об оздоровительной деятельности»; «Потребностное напряжение в отношении оздоровления»).

4. *Ценностно-мотивационный*. Проводится анализ иерархии ценностей и ее субъективного значения в жизни личности. Показатели: терминальные и инструментальные ценности, состояние агрессии, стрессонапряженность. Методики: ценностные ориентации М. Рокича, самооценка психического состояния по Айзенку, определение стрессонапряженности и социальной адаптации Холмса и Раге.

С 2009 г. сформирована база и проанализированы данные 3000 русскоязычных респондентов, выявлены: неудовлетворенность состоянием костно-мышечной системы у 60% (нижняя граница средней зоны 9 б.); отсутствие потребности в оздоровлении (17 б.) и представ-

ления о нем как о метадеятельности (6,7% от максимального уровня — нет представления о результате); среди референтных групп не указывается профессиональная; высокая стрессонапряженность (503,7 б.); сопротивление и стереотипность («Агрессия» и «Ригидность» в переходной зоне — 9,8 б.); несформированная иерархия ценностей (12 б., переходное состояние); стремление «быть понятым» и реализованным у 79% респондентов.

Анализ субъективной составляющей здоровья позволяет выявить сферы жизнедеятельности, в которых нарушена целостность внутренней структуры личности, и наметить пути ее восстановления.

Ограничения программы. Привязанность к серверу вуза. Преимущества: экономия времени, стандартизация подсчета, возможность накопления и анализа данных, а также интеграции в учебный процесс вуза, что обеспечивает непрерывное психологическое сопровождение. Перспективы: создание онлайн-платформы дистанционной диагностики.

Универсальность программы заключается в возможности исследования любого психологического вопроса через состояние личности как системной реакции биопсихосоциальной системы на внешние и внутренние воздействия, способствующей сохранению ее целостности и обеспечению жизнедеятельности в конкретных условиях.

Литература:

1. *Бобкова Е.П., Зыкин С.В., Полуянов А.Н.* Применение технологий интеллектуального анализа данных для исследования психоэмоционального состояния студентов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Вычислительная математика и информатика. 2020. Т. 9. № 3. С. 64–76.

2. *Валеева Г.В., Тюмасева З.И.* Практические аспекты психологии здоровья: Учебное пособие. Москва: Проспект, 2023.

3. *Шмелев А.Г., Лисица И.А.* Компьютерное тестирование и геймификация: перспективы мониторинга функционального состояния работников в эпоху компьютеризации психодиагностики // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2016. № 4. С. 98–109.

4. *Червинская К.Р.* Компьютерные экспертные психодиагностические системы как средство тиражирования профессионального опыта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 40(216). С. 43–48.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ТЕСТОВ КРЕАТИВНОСТИ: ПРЕДИКТОРЫ СУЖДЕНИЙ LLM

Валуева Е. А., к. пс. н., ***Панфилова А. С.,*** к. т. н., ***Сигдел Э. С.***
Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Традиционные методы оценки креативности требуют значительных временных и человеческих ресурсов из-за ручной обработки ответов. Автоматизированные подходы обеспечивают быструю и эффективную оценку больших объемов данных, снижают затраты на экспертов, минимизируют субъективность и повышают консистентность, надежность и воспроизводимость результатов.

Наиболее перспективным направлением является применение LLM, демонстрирующих высокую согласованность с экспертными оценками [1]. Основной проблемой является интерпретируемость — на каких основаниях выносятся LLM-суждения.

Исследование проведено на корпусе русскоязычных ответов на тест дивергентного мышления «Необычное использование» (N=14611). Для каждого ответа рассчитаны: эмпирическая редкость, разработанность (число слов), средняя частотность слов и семантическое расстояние между стимулом и ответом. Последние три предиктора были вычислены отдельно для оригинала и машинного перевода на английский. Оценки креативности для обоих языков были получены из двух систем: универсальной LLM GPT-5 и специализированного инструмента CLAUS [2]. Дополнительно для 1000 ответов были получены экспертные оценки креативности.

В докладе будут рассмотрены следующие вопросы: 1) Какова внутриязыковая и межъязыковая согласованность оценок GPT-5 и CLAUS? 2) В какой степени согласованы оценки экспертов и LLM? 3) Какие признаки служат наиболее сильными предикторами оценок LLM на русском и английском языках? 4) Отличаются ли эти предикторы между оригинальным языком и переводом? 5) Совпадают ли предикторы оценок креативности у экспертов и LLM?

Литература:

1. *Валуева Е. А., Панфилова А. С., Рафикова А. С.* Автоматическая оценка тестов на вербальную креативность: от лексических баз данных к большим языковым моделям // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 21(1). С. 202–225.

2. *Patterson J.D., Pronchick J., Panchanadikar R., Fuge M., Van Hell J.G., Miller S.R., Johnson D.R., Beaty R.E.* CAP: The creativity assessment platform for online testing and automated scoring // Behavior Research Methods. 2025. Vol. 57(9). Art. 264. https://doi.org/10.3758/s13428–025–02761–9

ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ НА ОСНОВЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Васильева О.В., аспирант
Московский Институт Психоанализа, Москва, Россия

Развитие генеративного искусственного интеллекта существенно расширило возможности цифровой психологической помощи. Современные системы можно условно разделить на две группы. К первой относятся специализированные психологические чат-боты (Woebot, Wysa, Fido), построенные на заранее заданных терапевтических протоколах, преимущественно основанных на принципах когнитивно-поведенческой терапии. Ко второй группе относятся универсальные большие языковые модели (ChatGPT, Claude, Gemini, DeepSeek и др.), которые все чаще используются пользователями для получения психологических рекомендаций и эмоциональной поддержки. В отечественном обзоре И.Ф. Фрейманис и А.Д. Ермака отмечается, что современные генеративные модели формируют ответы преимущественно на основании анализа естественного языка пользователя и не используют результаты стандартизированной психодиагностики, вследствие чего не могут рассматриваться как самостоятельный инструмент психологической диагностики. Авторы подчеркивают необходимость дальнейшей клинической валидации подобных систем и рассматривают искусственный интеллект прежде всего как вспомогательный инструмент психологической помощи.

Ограничения генеративных моделей подтверждаются и современными обзорными исследованиями. Так, Н.И. Скрыльникова и М.А. Холодная показывают, что взаимодействие человека с генеративным ИИ

сопровождается рядом психологических и методологических проблем, связанных с непрозрачностью процессов формирования ответов, неопределенностью функций, которые пользователь делегирует искусственному интеллекту, а также отсутствием единых критериев оценки надежности подобных систем.

Аналогичные выводы представлены в обзоре М.И. Розеновой, А.С. Огнева и Э.В. Лихачевой, где среди основных рисков использования генеративного ИИ в психологической практике выделяются возможность генерации недостоверной информации, алгоритмическая непрозрачность, недостаточная воспроизводимость результатов, этические проблемы и отсутствие достаточной эмпирической валидации большинства существующих решений.

Таким образом, анализ современной литературы показывает, что большинство существующих ИИ-систем в психологии ориентированы либо на сценарное консультирование, либо на интерпретацию свободного текста пользователя, тогда как использование генеративного искусственного интеллекта в качестве средства персонализации психологического сопровождения, основанного на результатах валидной психометрической диагностики, остается практически не разработанным направлением исследований. Именно решение этой задачи положено в основу настоящего исследования.

Цель исследования — разработка и апробация архитектуры ИИ-системы, обеспечивающей персонализированное обучение родителей детей дошкольного возраста на основе результатов комплексной психодиагностики эмоционального интеллекта.

Разработанная модель реализована в виде интеллектуального чат-бота «Обнимариум», предназначенного для развития эмоционального интеллекта родителей детей 3–7 лет. Архитектура системы включает два независимых этапа: психометрическую диагностику и генеративную персонализацию. На первом этапе родители проходят комплекс стандартизированных психодиагностических методик, включающий семь инструментов: опросник эмоционального интеллекта ЭмИн (Д.В. Люсин), TEIQue-SF (K. Petrides), опросник эмоционального интеллекта Барчарда, опросник «Контроль поведения», опросник родительского отношения (ОРО), опросник семейных эмоциональных коммуникаций (СЭК), а также демографическую анкету. Общий диагностический комплекс включает 267 вопросов, позволяющих получить значения по 26 психологическим шкалам.

На втором этапе результаты автоматически преобразуются в 23 интегральные категории эмоционального интеллекта, отражающие внутриличностные, межличностные и семейные аспекты эмоционального функционирования. Далее алгоритм объединяет выявленные дефициты в шесть практико-ориентированных образовательных модулей: «Осознанность», «Саморегуляция», «Эмпатия», «Теплый эмоциональный контакт», «Личные границы» и «Эмоциональный климат семьи». Для каждого пользователя формируется индивидуальная последовательность освоения модулей, после чего генеративный ИИ персонализирует содержание психообразовательных материалов, упражнений, примеров и рефлексивных заданий с учетом выявленного психологического профиля.

В настоящее время завершен пилотный этап исследования. Полный диагностический комплекс прошли 29 родителей, из них 7 мужчин и 22 женщины. Частично собраны данные еще 17 родителей. Возраст детей, в отношении которых заполнялась анкета, составлял от двух до семи лет; больше половины участников исследования также имеют детей другого возраста. Несмотря на ограниченный объем выборки, уже получены предварительные результаты, подтверждающие принципиальную работоспособность предложенной модели.

Анализ показал высокую неоднородность эмоциональных профилей родителей. Ни у одного из 29 участников не выявлено совпадающей структуры показателей, что подтверждает необходимость персонализированного подхода к обучению. Так, у отдельных участников наблюдалось сочетание высокой эмпатии с недостаточной эмоциональной саморегуляцией, тогда как у других преобладали выраженный самоконтроль при дефиците эмоциональной открытости семейного взаимодействия.

По данным опросника семейных эмоциональных коммуникаций, суммарный показатель семейной дисфункциональности варьировал от 15 до 69 баллов ($M=46{,}8$), медиана 50 баллов, что свидетельствует о выраженной неоднородности семейных эмоциональных систем даже в пределах пилотной выборки. Наиболее вариативными оказались показатели критики, фиксации на негативных переживаниях и тревожного эмоционального взаимодействия, тогда как гипервовлеченность и семейный перфекционизм демонстрировали значительно меньший разброс значений.

Предварительный корреляционный анализ также позволил выявить согласованное изменение показателей семейной критики, тревожного эмоционального взаимодействия и эмоционального подавления,

что позволяет рассматривать данный комплекс характеристик как потенциальный эмоционально-критический паттерн семейной коммуникации, требующий дальнейшей проверки на расширенной выборке.

Практическая проверка алгоритма персонализации показала, что одинаковый диагностический комплекс не приводит к унифицированным рекомендациям. Для каждого из 29 участников система сформировала собственную последовательность образовательных модулей, отражающую индивидуальную конфигурацию сильных сторон и зон развития эмоционального интеллекта.

Полученные результаты позволяют рассматривать предложенную архитектуру как перспективную модель интеграции классической психодиагностики и генеративного искусственного интеллекта в психологическом сопровождении родителей.

Принципиальным отличием разработанной системы является разделение функций диагностики и искусственного интеллекта. Психологическая диагностика полностью опирается на валидные психометрические методики и экспертную модель интерпретации результатов. Генеративный искусственный интеллект не принимает диагностических решений, а используется исключительно для персонализации психообразовательного сопровождения, адаптации содержания обучения и построения индивидуального маршрута развития эмоционального интеллекта. Такой подход позволяет объединить надежность традиционной психометрики с гибкостью современных генеративных моделей и, по нашему мнению, представляет перспективное направление развития интеллектуальных психологических систем.

Литература:

1. *Фрейманис И.Ф., Ермак А.Д.* Чат-боты на основе искусственного интеллекта в психологической помощи: обзор апробированных систем и неапробированных альтернатив // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2025. № 1. С. 221–229.

2. *Скрыльникова Н.И., Холодная М.А.* Современные подходы к изучению психологических аспектов взаимодействия пользователя с генеративным искусственным интеллектом // Современная зарубежная психология. 2026. Т. 15. № 2. С. 17–26.

3. *Розенова М.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В.* Искусственный интеллект в исследовательских и психологических практиках: между-

народный опыт применения и обнаруженные риски // Современная зарубежная психология. 2026. Т. 15. № 2. С. 78–90.

4. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

5. *Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Никитина А.А.* Тест эмоционального интеллекта — русскоязычная методика // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 177–192.

ПАРАСОЦИАЛЬНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ К РАЗГОВОРНОМУ ИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОДДЕРЖКИ И СОЦИАЛЬНОГО ЗАМЕЩЕНИЯ

Вершинкина Е.В.
Федеральный координационный центр по обеспечению развития психолого-педагогической помощи в системе образования Российской Федерации, МГППУ, Москва, Россия

Разговорный ИИ используют как собеседника при тревоге, одиночестве и эмоциональном неблагополучии. Персонализированный отклик и сохранение контекста придают контакту субъективную значимость. Работа продолжает проведенный автором анализ привязанности подростков к ИИ-компаньонам и рассматривает функцию этой связи в психологической помощи. Цель — предложить критерии разграничения поддерживающего использования ИИ и социального замещения. Методом стал нарративный обзор классических концепций и современных исследований отношений человека с ИИ.

Парасоциальность описывает разрыв между переживаемой взаимностью и отсутствием равноправного партнера [1], привязанность — функцию эмоциональной регуляции, антропоморфизация — приписывание человеческих качеств. Эмоциональная зависимость является возможным результатом связи. ИИ адаптирует диалог, поэтому общение может переживаться как взаимное, однако система не несет ответственности за отношения. В статье «парасоциальная привязанность» обозначает структурно асимметричную, но психологически значимую связь. F. Yang и A. Oshio применили к отношениям с ИИ категории тревоги и избегания привязанности [3].

Опора на концепцию переходного объекта D. W. Winnicott позволяет интерпретировать взаимодействие с разговорным ИИ как промежуточное пространство, в котором переживания получают словесное выражение, а обращение за поддержкой к другому человеку может быть предварительно подготовлено [2]. В такой модели ИИ приобретает функцию «опоры-моста», тогда как замещение межличностных отношений превращает взаимодействие с ним в замкнутый механизм эмоциональной регуляции. В исследовании J. De Freitas и соавторов после общения с ИИ-компаньоном было зафиксировано кратковременное снижение субъективного одиночества, связанное, в частности, с ощущением услышанности [4]. Полученные результаты свидетельствуют о непосредственном субъективном эффекте взаимодействия, однако не позволяют сделать вывод о его устойчивом влиянии на психологическое состояние.

Для оценки функции связи предлагаются четыре критерия. Регуляторный эффект отражает способность диалога содействовать осмыслению переживаний либо временно снижать дистресс без их переработки. Открытость системы поддержки характеризуется тем, способствует ли взаимодействие с ИИ последующему обращению к близким или специалистам. Гибкость связи проявляется в способности пользователя контролировать продолжительность диалога и сохранять устойчивость при недоступности системы. Критическая дистанция предполагает осознание вероятностной природы генерируемых ответов, а также готовность проверять содержащиеся в них сведения и рекомендации. При этом функция взаимодействия может меняться под влиянием психологического состояния пользователя и доступности поддержки со стороны других людей.

Негативные последствия становятся более вероятными при превращении ИИ в основного адресата сообщений о личных переживаниях. Искаженные убеждения могут закрепляться под влиянием эмпатически сформулированных ответов, а утрата сохраненного контекста или прекращение работы сервиса восприниматься пользователем как разрыв отношений. Отдельную угрозу представляет передача системе чувствительной информации. Для подростков указанные риски приобретают особое значение в силу ограниченного опыта критического анализа и продолжающегося формирования механизмов саморегуляции. В симуляционном исследовании десяти чат-ботов прямую поддержку вредных предложений, сформулированных от лица условных

подростков, получили 19 из 60 запросов [5]. Поскольку исследование проводилось на модельных ситуациях, его результаты нельзя распространять на все системы. Вместе с тем доброжелательная форма ответа не гарантирует соблюдения безопасных границ.

Принципиальное отличие ИИ-поддержки от психотерапии связано с отсутствием профессиональной ответственности за оказываемую помощь и оценку возможных рисков. В рамках консультативной работы рекомендуется учитывать динамику состояния человека после взаимодействия с системой, его реакцию на прекращение доступа, изменения в повседневной активности и сохранность других источников поддержки. На социальное замещение могут указывать сокращение значимых контактов и идеализация ИИ, сопровождаемые дистрессом при его недоступности либо потерей контроля над продолжительностью общения. Функция «опоры-моста» сохраняется при способности пользователя самостоятельно завершать диалог, переносить его результаты в практические действия и обращаться за поддержкой к другим людям. При этом наличие эмоциональной привязанности к системе само по себе не дает оснований рассматривать такое взаимодействие как патологическое.

Задача психолога состоит в восстановлении критической дистанции при сохранении уважительного отношения к субъективному опыту клиента. В рамках консультативной работы целесообразно обсуждать вероятностную природу ответов ИИ, условия конфиденциальности и допустимые границы его использования. К последним относятся отказ от передачи идентифицирующих сведений, проверка полученных рекомендаций, недопустимость опоры на чат-бот при принятии кризисных решений и сохранение возможности обратиться за поддержкой к людям. Предложенная модель требует дальнейшей эмпирической проверки. Существующие исследования преимущественно основаны на самоотчетах, непродолжительных наблюдениях и данных, полученных от пользователей отдельных платформ. Продольные и клинические работы, включая исследования возрастных различий, остаются немногочисленными.

Парасоциальная привязанность к ИИ располагается на границе между инструментальным применением технологии и субъективным восприятием взаимодействия как отношений. Выполняемая ею функция зависит от того, какое место цифровой контакт занимает в эмоциональной регуляции пользователя и общей системе доступной ему

поддержки. Связь может рассматриваться как ресурсная, когда взаимодействие способствует осмыслению состояния и дальнейшему обращению к другим людям. Использование ИИ в качестве единственного средства эмоциональной регуляции указывает на формирование социального замещения. Предлагаемое разграничение позволяет учитывать психологическую реальность пользовательского опыта, сохраняя различие между ИИ-поддержкой и психотерапией.

Литература:

1. *Horton D., Wohl R.R.* Mass communication and para-social interaction: observations on intimacy at a distance // Psychiatry. 1956.Vol. 19. № 3. P. 215–229. DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049.

2. *Winnicott D.W.* Transitional objects and transitional phenomena // International Journal of Psycho-Analysis. 1953.Vol. 34. P. 89–97.

3. *Yang F., Oshio A.* Using attachment theory to conceptualize and measure the experiences in human — AI relationships // Current Psychology. 2025.Vol. 44. P. 10658–10669. DOI: 10.1007/s12144-025-07917-6.

4. *De Freitas J., Oğuz-Uğuralp Z., Uğuralp A.K., Puntoni S.* AI companions reduce loneliness // Journal of Consumer Research. 2026. Vol. 52. № 6. P. 1126–1148. DOI: 10.1093/jcr/ucaf040.

5. *Clark A.* The ability of AI therapy bots to set limits with distressed adolescents: simulation-based comparison study // JMIR Mental Health. 2025.Vol. 12. Art. e78414. DOI: 10.2196/78414.

ЧТО ИЗМЕРЯЮТ ОПРОСНИКИ?

Виленская Г.А., к.пс.н., ***Сергиенко Е.А.,*** д.пс.н.,
Ветрова И.И., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Одной из важных проблем психологии является то, что большинство ее конструктов (например, тревога, самоконтроль, импульсивность и т.д.) не могут наблюдаться напрямую, а выводятся из ответов человека на вопросы. Является ли такой ответ окном во внутренний мир респондента? Если считать, что опросники позволяют точно и непосредственно оценивать психологическую реальность, то приходит-

ся столкнуться с рядом проблем. Например, в работе Ф. Розенбаума и Я. Вальсинера [3] показано, что в ответ на один и тот же вопрос люди вкладывают разные субъективные смыслы и традиционная количественная логика может скрывать индивидуальную логику переживания. Рейтинговые шкалы вынуждают выбирать между готовыми категориями, тогда как психологическая реальность процессуальна и многомерна. В свою очередь, исследователи, задавая вопросы, конструируют реальность, которая может не совпадать с картиной мира респондента. Далее, люди оценивают себя не по абсолютной шкале, а соотносят с кругом общения и представлениями о норме, поэтому один и тот же балл у разных людей может означать разную реальность [1].

Таким образом, на практике ответы зависят от контекста, интерпретации вопроса, нормы сравнения и понимания ситуации опроса, и измерение становится частью психологического процесса, а не нейтральным наблюдением.

В нашем исследовании с опросником «Контроль поведения» мы использовали подход, основанный на идеях Вальсинера и Розенбаума, позволяющий изучать процесс конструирования ответа. Респондентов спрашивали, что они понимают под крайними вариантами ответа, какой вариант выбрали и в каких ситуациях проявляется поведение. Полученные данные говорят о том, что контроль поведения связан с более глубоким и динамичным характером самовосприятия, а изменения при повторном ответе на вопросы теста могут быть не просто колебанием измерения, а следствием рефлексии, когнитивной переоценки и более тонкого самонаблюдения. Такой взгляд хорошо согласуется с системно-субъектным подходом, где субъект характеризуется избирательностью во взаимодействии с миром, ведущей к индивидуализации понимания вопросов респондентами.

Таким образом, при изучении психики нельзя ограничиваться только опросниками. Перспективны тестовые методики, требующие решения задач, а не самоописания — например некоторые из тестов эмоционального интеллекта (MSCEIT, ТЭИ).

Недавние исследования показывают, что большие языковые модели могут проходить эмоционально-интеллектуальные задания на уровне, сопоставимом или даже превосходящем средний человеческий результат, что открывает возможность использовать ИИ как инструмент анализа или моделирования психологических задач [4].

Одновременно исследования генеративных агентов показывают, что модели, основанные на богатых самоотчетных и интервью-данных,

способны воспроизводить некоторые паттерны человеческого поведения и ответов достаточно правдоподобно. Это означает, что ИИ может, не заменяя человека, стать новым методическим партнером, особенно в задачах моделирования, генерации стимулов и проверки устойчивости психологических выводов [2].

Можно выделить три основных направления, где могут быть использованы или уже используются большие языковые модели (LLM):

1) при разработке и адаптации опросников,

2) вместо части опросной процедуры (симулированные респонденты),

3) для анализа данных после сбора (тематическая категоризация открытых ответов).

Однако при их использовании существуют определенные методологические риски и ограничения [5].

1) За ответом LLM необязательно лежит тот же психический процесс, что и в основе ответа человека.

2) LLM высокочувствительны к формулировке инструкции, контексту запроса и настройке взаимодействия с моделью.

3) Смещение ответов LLM в связи с наличием определенных культурных, социальных, гендерных идеологических установок в том массиве текстов, на которых модель обучалась.

Как меняет психометрику использование LLM?

1) LLM позволяют анализировать не только ответы респондентов, но и саму семантическую структуру опросника, то, как сами формулировки организуют поле возможных ответов.

2) LLM позволяют ускорить подготовительный этап: быстрее создавать пилотные версии вопросов, искать неудачные формулировки, проверять ясность и конкретность пунктов.

3) LLM полезны в межкультурной адаптации и локализации методик.

4) LLM позволяют анализировать данные смешанного формата: числовые результаты, открытые ответы, интервью и т. д.

В целом в психологии необходим переход от схемы «вопрос → балл → вывод» к моделям, учитывающим динамику, контекст, индивидуальные смыслы. Наиболее продуктивно сочетание процессуального анализа, многократных измерений, тестовых задач, качественных процедур и ИИ-инструментов. LLM в этом процессе могут стать полезным инструментом, усиливающим наши исследовательские возможности, не отменяя классическую психометрику.

Литература:

1. *Lira B., O'Brien J.M., Peña P.A., Galla B.M., D'Mello S., Yeager D.S., Defnet A., Kautz T., Munkacsy K., Duckworth A.L.* Large studies reveal how reference bias limits policy applications of self-report measures // Scientific Reports. 2022.Vol. 12(1). Art. 19189. doi: 10.1038/s41598-022-23373-9.

2. *Park J.S., Zou C.Q., Kamphorst J., Egan N., Shaw A., Hill B.M., Cai C., Morris M.R., Liang P., Willer R., Bernstein M.S.* LLM Agents Grounded in Self-Reports Enable General-Purpose Simulation of Individuals // arXiv. 2024.

3. *Rosenbaum P.J., Valsiner J.* The un-making of a method: From rating scales to the study of psychological processes // Theory & Psychology. 2011.

4. *Vzorin G.D., Bukinich A.M., Sedykh A.V., Vetrova I.I., Sergienko E.A.* The Emotional Intelligence of the GPT-4 Large Language Model // Psychology in Russia: State of the Art. 2024.Vol. 17(2). P. 85–99. DOI: 10.11621/pir.2024.0206

5. *Ye H., Jin J., Xie Y., Zhang X., Song G.* Large Language Model Psychometrics: A Systematic Review of Evaluation, Validation, and Enhancement. arXiv, 2025.

АКТУАЛЬНЫЕ И ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вишневская В.П., д.пс.н.
Институт пограничной службы Республики Беларусь,
Минск, Беларусь

В условиях сложной военно-политической обстановки в мире, динамики разных видов войн, а также интенсивного развития технического прогресса с использованием робототехники, искусственного интеллекта в военном деле, гонки кибервооружений, обострения существующих и возникновение новых рисков, вызовов и угроз актуализируется ряд как теоретических, так и практических вопросов психологической науки, включая психологию управления.

Различным аспектам управленческой деятельности (далее УД), включая силовой блок, посвящены многочисленные публикации [1].

В настоящее время наряду с традиционными технологиями, обеспечивающими успешность УД, имеют место тенденции использования современных технологий с применением различных видов искусственного интеллекта (далее ИИ).

В аспекте рассматриваемой проблемы целесообразно обратить внимание на публикации Т.С. Мартыненко, в которых указывается на необходимость учета возможностей использования ИИ на разных уровнях системы управления. Автором акцентируется внимание на возможных рисках (технологические проблемы, негативные социальные последствия, правовые коллизии и др.) внедрения технологий ИИ в УД, отмечается также необходимость дальнейшего изучения указанных проблем на междисциплинарном уровне [4]. Разделяя точку зрения Т.С. Мартыненко на изучаемую проблему, следует подчеркнуть целесообразность проведения дальнейших научных исследований как на междисциплинарном, так и межотраслевом уровне, предполагающих их прогностический характер (возможных перспектив, а также рисков и угроз).

Различным аспектам использования ИИ в военной сфере, включая УД, посвящены многочисленные публикации ряда авторов: Буренка В.М., Овчинского В.С., Лариной Е.С., Казеяна Х.А., Арутюняна Г.Э., Кирюшина А.Н., Устинова И.Ю., Дубовского В.А., Ромашкиной Н.П., Стефанович Д.В., Абросимова В.К., Забегалина Е.В., Кубасова И.А. и др.

В рамках изучаемой проблемы представляет интерес мнение А.В. Рего, Е.Б. Соломатина относительно использования технологий ИИ в УД оперативного состава. Авторы указывают на то, что «в перспективе применение искусственного интеллекта может осуществляться в глобальном масштабе на всех уровнях управления. Совокупность интеллектуальных систем тактического, оперативного и стратегического звеньев позволит создать устойчивую ко всем негативным воздействиям интеллектуальную систему управления, позволяющую гарантированно упреждать противника в действиях и оперативно использовать его ошибки в управлении» [5, с. 367]. Разделяя данную точку зрения вышеуказанных авторов, в то же время необходимо отметить, что она имеет дискуссионный характер.

В соответствии с мнением Х.А. Казеяна, Г.Э. Арутюнян, «изучение современных тенденций применения искусственного интеллекта в военных целях (в частности, в системе военного управления), а также обсуждение вопросов о возможностях, особенностях и проблемах его перспективного применения имеют большое значение с точки зрения

конкретизации основных ориентиров сохранения и развития военного потенциала государства в современных условиях» [3, с. 36]. Нельзя не согласиться с мнением авторов.

В контексте изучаемой проблемы следует подчеркнуть, что данные теоретического анализа доступной научной литературы по обозначенной выше проблеме свидетельствуют о ее актуальности, междисциплинарном, межотраслевом и дискуссионном характере. В этой связи целесообразно обратить внимание на необходимость проведения фундаментальных комплексных научных исследований, направленных на познание феномена «искусственный интеллект в управленческой деятельности». Всестороннее изучение указанного феномена будет способствовать как на теоретическом, так и на практическом уровне пониманию возможного диапазона адаптационного потенциала личности в системе «искусственный интеллект — интеллект личности руководителя — успешная управленческая деятельность».

Предполагается, что одной из приоритетных задач в ближайшем будущем станет проведение фундаментальных комплексных научных исследований, направленных на определение (с учетом перспектив и возможных рисков) рационального (сбалансированного) соотношения использования интеллекта личности руководителя силового блока и ИИ, т. е. степени интеграции (гибридизации) ИИ в различные аспекты УД.

В этой связи целесообразно обратить пристальное внимание ученых на необходимость уже в настоящий период времени разработки теоретико-методологических оснований взаимодействия естественного и искусственного интеллекта («гибридного интеллекта») с учетом прогнозов футурологов в области развития программного обеспечения в военной, военно-политической сфере.

Значимой задачей, требующей решения в ближайшем будущем, является проведение фундаментальных комплексных научных исследований в аспекте военной киберпсихологии направленных, например, на познание особенностей УД в киберпространстве, включая военное киберпространство и др. [2].

Есть основания полагать, что в обозримом будущем использование ИИ в УД, включая и силовой блок, существенно расширится (с учетом перспектив и возможных рисков) и будет способствовать познанию феномена успешности УД в системе «искусственный интеллект — интеллект личности руководителя — успешная управленческая деятельность».

Успешной реализации обозначенных выше научных исследований, наряду с другими факторами, будет способствовать более совершенная нормативно-правовая база, обеспечивающая эффективное внедрение и использование современных технологий ИИ и других прогрессивных технологий в УД.

Литература:

1. *Вишневская В.П., Бородейко В.А.* Ретроспективный анализ проблемы изучения феномена «управленческая деятельность» в психологической науке // Вестник ИПС РБ. Научное издание. Минск: ГУО «ИПС РБ», 2024. № 2(15). С. 94–104.

2. *Вишневская В.П., Сутович Е.И.* Становление и развитие военной киберпсихологии — значимая составляющая обеспечения национальной безопасности // Российский военно-психологический журнал. 2026. № 1(11). С. 24–36.

3. *Казеян Х.А., Арутюнян Г.Э.* Проблемы применения искусственного интеллекта в военном управлении // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 34–45.

4. *Мартыненко Т.С.* Искусственный интеллект в современной управленческой деятельности: от новых возможностей до потенциальных рисков // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11. № 4. С. 5–21.

5. *Рего Е.Б., Соломатин Е.Б.* От телефонии до искусственного интеллекта. Эволюция технологий и модели регулирования рынков. М.: Горячая линия. Телеком, 2025.

«ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ» КАК ПОНЯТИЕ И ФЕНОМЕН XXI ВЕКА

Вишневская В.П., д.пс.н.
Институт пограничной службы Республики Беларусь,
Минск, Беларусь
Сутович Е.И., к.пс.н.
Филиал Российского государственного социального
университета в г. Минске Республики Беларусь,
Минск, Беларусь

Одним из новых понятий XXI века, устоявшимся в военной сфере и имеющим аббревиатуру, является «искусственный интеллект в военном деле» (ИИВД). В последние годы отмечается активизация исследований данного понятия военной отраслью научного знания, его междисциплинарное использование не требует подтверждения.

Различным аспектам использования искусственного интеллекта в военном деле посвящены многочисленные публикации ряда авторов: Н.П. Ромашкина, Д.В. Стефанович, А.Р. Атабеков, А.И. Буравлев, В.М. Ветошкин, В.М. Буренок, Р.А. Дурнев, К.Ю. Крюков, Е.В. Забегалин, Ю.А. Матвиенко, Л.И. Грошева и др.

Рассматривая обозначенную проблему, целесообразно обратиться к публикациям Н.П. Ромашкиной, в которых отмечается факт использования в условиях современной действительности указанного термина в лексиконе представителей военных ведомств многих военных держав. В соответствии с результатами проведенного автором теоретического исследования в Российской Федерации технологии ИИВД «рассматриваются как область исследований, в которой разрабатываются модели, системы и устройства, имитирующие интеллектуальную деятельность человека в сфере вооруженной борьбы, которые ведутся по трем основным направлениям: системы, основанные на знаниях; нейронные системы; системы эвристического поиска» [5, с. 160]. В то же время в работах Н.П. Ромашкиной указывается на то, что уже в настоящий период времени ИИВД выступает важнейшим показателем авторитета и потенциала государства в мире. В этой связи одним из приоритетных направлений, требующих решения, автором выделяется совершенствование системы подготовки специалистов для обеспечения эксплуатации и обслуживания соответствующего оборудования [5]. В то же время, анализируя данный вопрос, необходимо учитывать высокую степень динамики научных подходов к ИИВД, что также должно быть отражено в учебниках, учебных пособиях, методических рекомендациях и т.д.

Близким к вышеуказанному является подход, представленный в публикациях А.И. Буравлева, В.М. Ветошкина. По мнению авторов, использование ИИВД, а также при выполнении специальных операций, где присутствует непосредственная угроза жизни людей, является необходимым и оправданным. «Отставание в этой области является самой большой угрозой в сфере обеспечения национальной безопасности» [1, с. 42]. В соответствии с мнением авторов актуальной за-

дачей в настоящий период времени выступает разработка стандарта по использованию ИИВД [1].

В то же время, рассматривая понятие «ИИВД», целесообразно обратить внимание на наличие в современной научной литературе и иных дефиниций. Так, например, в работах Е.В. Забегалина, в качестве доминирующих предлагается использование таких понятий, как «военный искусственный интеллект», «искусственный интеллект военного назначения». Автором приводится широкая классификация ВИИ и указывается на то, что разработка методов рационального выбора типов ИИ, подходящих для интеграции в конкретную военную технику, в ближайшей перспективе станет актуальной научной проблемой. При этом автором отмечается тот факт, что частью решения указанной проблемы будет являться определение ключевых принципов выбора ИИ, одним из которых (спрогнозировать его возможно в настоящий период времени) является принцип допустимого риска [3].

В контексте рассмотрения обозначенной проблемы интерес представляют публикации А.Н. Кирюшина, И.Ю. Устинова, В.А. Дубовского, в которых также поднимается вопрос о границах применения ИИВД. В этой связи авторами отмечается наличие двух преимущественных моделей взаимодействия в системе «личность — ИИ»: партнерской и инструментальной. В процессе партнерского взаимодействия в качестве наиболее вероятного направления развития военного искусства, в соответствии с мнением авторов, выделяется организация управления тактическими, оперативными и стратегическими действиями соединений, объединений, военных округов и т.д. на командных пунктах с интегрированным искусственным интеллектом. Авторами отмечается, что инструментальная модель также может быть реализована по широкому перечню технологических направлений: повышение эффективности кибероперaций; внедрение в систему боевой подготовки войск (сил) тренажеров-имитаторов с использованием технологий виртуальной реальности; персонализация боевой подготовки военнослужащих и оценки ее результатов; прогнозирование состояния здоровья военнослужащих и гражданского персонала и т.д. [4]. Несомненно, разработка научных подходов анализа состояния здоровья, в том числе и психического, у военнослужащих, участвующих в кибероперациях, должно стать первостепенной задачей военной киберпсихологии.

Особый интерес в аспекте обозначенной выше проблемы представляет мнение А.Н. Кирюшина, И.Ю. Устинова, В.А. Дубовского о том,

что использование ИИВД приближает эпоху относительно безопасного для личности широкого и эффективного применения в непосредственных боевых действиях беспилотных боевых систем космического, воздушного, наземного, надводного и подводного базирования, а также роботизированных комплексов. Вместе с тем авторами указывается на то, что фундаментальная роль ИИ как своеобразного партнера будет заключаться в управлении военными действиями тактического, оперативного и стратегического характера [4].

Антиципируя события, детерминируемые применением ИИВД, можно предположить в ближайшем будущем наличие кардинальных изменений в области профессионально-психологического отбора, подбора, а также подготовки кадров для военного ведомства. Несомненно, основу научной базы данных изменений составят результаты исследований в области военной киберпсихологии, уровень развития которой во многом будет определять статус страны на мировой арене [2].

Литература:

1. *Буравлев А.И., Ветошкин В.М.* Искусственный интеллект: сущность, принципы работы, области применения // Вооружение и экономика. 2024. № 2(68). С. 33–42.

2. *Вишневская В.П., Сутович Е.И.* Становление и развитие военной киберпсихологии — значимая составляющая обеспечения национальной безопасности: дискуссионные аспекты // Рос. воен.-психол. журнал. 2026. № 1(11). С. 24–36.

3. *Забегалин Е.В.* К вопросу об обосновании термина «военный искусственный интеллект» // Системы управления, связи и безопасности. 2022. № 1. С. 140–157.

4. *Кирюшин А.Н., Устинов И.Ю., Дубовский В.А.* Искусственный интеллект в военном деле: сущность, проблемы разработки и функционирования, основные направления применения // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 2(18). С. 54–71.

5. *Ромашкина Н.П.* Искусственный интеллект в военном деле: возможности, угрозы, перспективы // Вопросы кибербезопасности. 2025. № 6(70). С. 158–165.

СРАВНЕНИЕ СВЯЗИ ИЗМЕРЕНИЙ ЭКСТРАВЕРСИИ И ВОСПРИЯТИЯ СХОДСТВА ПАР СЛОВ У ЧЕЛОВЕКА И НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЕЙ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

Власов Н. А.

В современной физиологии стали чаще обсуждать роль активации отдельных нейронов в процессе гомеостаза. Некоторыми авторами частота потенциалов действия рассматривается как нечто аналогичное уровню глюкозы в крови [2], имеющего допустимые границы, выход за которые может быть связан с необратимыми процессами в нервных клетках в виде эксайтотоксичности или гипоактивационной смерти. Было зафиксировано возникновение DSB (double-strand break), двухцепочечного разрыва ДНК, связанное с активацией нейрона как in vitro на культурах клеток, так in vivo на мышах в рамках выработки условной реакции страха и в рамках осуществления мышами исследовательского поведения [5].

Исходя из этих данных, можно иначе посмотреть, например, на фактор «обусловливаемости», выделяемый Г. Айзенком [4]. Если нервный субстрат психики в целом несет на себе ограничение в виде предельных частот активации, то можно ожидать проявления этой ограниченности в локализации дисперсии измерений разных форм поведения в пределах, соответствующих свойственной некоторой группе людей «высоте» этих пределов. Исследования самого Г. Айзенка уже указывают на связь низкой экстраверсии и высокого нейротизма с более высокими пределами, которые он фиксировал эмпирически и интерпретировал как более высокий уровень активации.

Но рассматриваемую логику можно распространить и за предел нейронов как субстрата психики. Любой компьютер, его составляющие в целом и чипы в частности представляют собой физическую систему со своими физическими пределами работы. Когда же мы говорим про генеративные модели ИИ, реализуемые на основе компьютера, то мы также говорим о втором ярусе ограничений в виде затрачиваемых токенов при формировании ответа на промпт пользователя. Эти ограничения зависят от конкретной модели ИИ и конфигурации ее настроек.

Указанные условия составляют общее обоснование для поиска аналогичных связей между различными глобальными характеристи-

ками человека и модели ИИ, а опора на Г. Айзенка позволяет интерпретировать результаты, в частности, личностных опросников не просто как измерение поведенческих паттернов, а как косвенную оценку пределов активации человека или модели ИИ.

На данном основании было проведено эмпирическое исследование. Оно представляет собой дополнение к эмпирической части дипломной работы, в рамках которой разрабатывалась авторская методика оценки сходства пар слов MESA (Motor-Emotional-Sensory-Amodal). В исходном исследовании была установлена связь между тремя факторами личности по модели Г. Айзенка (методика EPQ-RS-rus) и особенностями восприятия пар слов (методика MESA). Одна из шкал «amodal» второй методики представляет собой корреляцию между индивидуальным набором оценок сходства конкретного респондента с оценками сходства на основе специализированной лингвистической модели ИИ на основе метода CBOW (Continuous Bag-of-Words). Таким образом оценивается степень сходства ответов респондента с «машинным» сходством пар слов модели, обученной предсказывать слова по их контексту.

Затем использовалось несколько доступных моделей генеративного ИИ (DeepSeek, chatGPT, Gemini, Claude), которые выполняли последовательно сначала заполнение опросника EPQ-RS-rus, а затем отвечали на вопросы о сходстве пар слов. Для сравнительного анализа использовалось межгрупповое сравнение по критерию Манна — Уитни. Для этого исходная выборка людей была поделена по медиане балла экстраверсии на две группы по 10 человек в каждой.

Модели ИИ не сравнивались между собой, т.к. в открытом доступе мало информации о реальных различиях, например в исходных данных обучения. Производилось только «интраиндивидуальное» сравнение: анализировалось соотношение результатов при использовании функций «Про/expert» (как у DeepSeek), или изменении уровня «effort» (как у Claude Sonnet), или включении функции «think». По каждой конфигурации набиралось также по 10 наборов ответов.

Исходное исследование с участием людей позволяет говорить о том, что группе более экстравертированных характерна более высокая степень сходства ответов с машинным семантическим сходством. Это соответствовало предложенной на основе теоретического анализа (например, [1; 3]) гипотезе об «оторванности» семантической системы экстравертированных людей от чувственной составляющей. DeepSeek instant оказывается значимо более экстравертированным и также дает

ответы о сходстве значимо более близкие к машинным, чем DeepSeek expert, тем самым повторяя отношение, установленное между группами людей. Gemini 3.1 Pro (уровень рассуждений — стандартный) оказывается значимо более интровертированным, но также дает ответы о сходстве значимо более близкие к машинным, чем Gemini 3.5 flash (уровень рассуждений — стандартный), т.е. эти две конфигурации имеют отношение, инвертированное относительно полученного на людях в отношении экстраверсии.

Полученные данные позволяют говорить о том, что контроль затрачиваемых моделью токенов при ответе на промпт позволяет частично моделировать индивидуальные различия между людьми не только в отношении личностных, но и когнитивных свойств и их отношения между собой.

Литература:

1. *Лейтес Н.С.* Возрастная одаренность и индивидуальные различия: Избранные труды. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008.

2. *Davis G.W.* Homeostatic signaling and the stabilization of neural function // Neuron. 2013. Т. 80. № 3. С. 718–728.

3. *Evans I.M., Wilson N.* Classical eyelid conditioning, psychopathy, and Hans Eysenck's grand theory // Personality and Individual Differences. 2016. Т. 103. С. 82–90.

4. *Eysenck M.W.* Arousal, learning, and memory // Psychological Bulletin. 1976. Т. 83. № 3. С. 389–404.

5. *Madabhushi R. et al.* Activity-induced DNA breaks govern the expression of neuronal early-response genes // Cell. 2015. Т. 161. № 7. С. 1592–1605.

БОТ-ОПОСРЕДОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: КРИТЕРИИ РАЗВИВАЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Волкова Е.Н., д.пс.н.
Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

Сорокоумова Г. В., д. пс. н.
Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Для подростков цифровая среда становится одним из пространств социализации, самоопределения, общения и эмоциональной регуляции. Особое место в этой среде занимают бот-опосредованные коммуникации (БОК) — интерактивные диалоги, в которых одним из участников выступает автономный программный агент, а ход взаимодействия регулируется алгоритмом: чат-бот создает иллюзию диалога, реагирует на индивидуальный запрос, поддерживает контекст беседы и может использовать эмоционально окрашенный язык. Это принципиально меняет психологический статус цифрового инструмента: он начинает восприниматься не только как средство получения ответа, но и как квазисобеседник. В силу психологических особенностей подростковый возраст делает проблему БОК особенно значимой. В статье представлен теоретико-эмпирический анализ бот-опосредованных коммуникаций (БОК) в подростковом возрасте как новой формы взаимодействия, в которой одним из участников выступает диалоговый искусственный интеллект. На основе культурно- исторической психологии Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, а также теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана БОК рассматриваются как особая форма алгоритмического опосредования, связанная с цифровой экстериоризацией психических функций. Эмпирическое исследование проведено на выборке 384 подростков 12–18 лет, имеющих опыт взаимодействия с чат-ботами. Использовались авторский опросник восприятия чат-бота, включающий шкалы эмоционального комфорта, антропоморфизма, компетентности и полезности, русскоязычная версия опросника удовлетворенности и фрустрации базовых психологических потребностей BPNSNF-Rus, а также анкета пользовательского опыта. Кластерный анализ методом k-средних позволил выделить три профиля восприятия: «функциональные прагматики» (40,1%), «энтузиасты» (30,5%) и «разочарованные скептики» (29,4%). Иерархический регрессионный анализ показал, что ключевым предиктором восприятия чат-бота является удовлетворенность потребности в связанности (β от 0,21 до 0,43; $p < 0{,}01$), тогда как фрустрация связанности повышает антропоморфизм, но снижает оценки полезности и эмоционального комфорта. На основе полученных данных предложена система критериев оценки развивающего

потенциала ИИ-среды: экранное время, цифровая грамотность, психологическое благополучие и субъектность. Обоснован тезис о том, что развивающий потенциал БОК определяется не самим фактом использования ИИ, а тем, сохраняет ли подросток позицию субъекта деятельности или становится объектом алгоритмического управления.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы.

Во-первых, БОК являются новым видом опосредованной коммуникации, который включается в процессы подросткового развития. Чат-бот становится алгоритмическим медиатором между подростком и знанием, задачей, переживанием, образом себя и социальным ожиданием.

Во-вторых, исследование не подтверждает представление о массовом некритичном очеловечивании ИИ подростками. В основном подростки воспринимают чат-боты как полезные инструменты. Выделяется группа «разочарованных скептиков», у которой сочетаются сниженный комфорт, низкая полезность и умеренное очеловечивание. Такой профиль может отражать не столько цифровую зависимость, сколько фрустрированную потребность в человеческой связанности.

В-третьих, одиночество и социальная фрустрация связаны с более выраженным антропоморфизмом, но не сопровождаются более высокой удовлетворенностью взаимодействием с ИИ. Напротив, фрустрация потребности в связанности коррелирует со снижением оценок полезности и комфорта. Это означает, что ИИ может стать экраном для проекции потребности в контакте, но не является психологически полноценной заменой значимых отношений.

В-четвертых, результаты исследования имеют принципиальное значение для практики. Рискованным является не просто частое использование чат-бота, а использование ИИ на фоне дефицита реальных отношений и неудовлетворенной потребности в принятии. Следовательно, диагностика цифрового поведения подростка должна включать оценку качества его социальных связей.

В-пятых, возрастная динамика указывает на важность дифференцированного подхода к разработке образовательных и профилактических программ для подростков. Младшие подростки более склонны к позитивному и частично наивному восприятию ИИ; средний подростковый возраст (особенно юноши 15–16 лет) связан с критическим спадом оценок; старшие подростки демонстрируют более зрелое и инструментальное отношение к ИИ. Целесообразно учитывать возрастную фазу, а не строить программы как универсальную инструкцию.

Литература:

1. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций. М.: Педагогика, 1983.
2. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981.
3. Internet Matters. Teens, AI and mental wellbeing: New research on chatbot use. 2025.
4. Pew Research Center. Teens, Social Media and AI Chatbots 2025. 2025.
5. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. New York: Guilford Press, 2017.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИБОР: ЧТО ОН ИЗМЕРЯЕТ, ЧТО ИСКАЖАЕТ И КОГДА СТАНОВИТСЯ РЕПЛИКОЙ

Волченков Д.Ю., д.ф.-м.н.
Техасский технологический университет, Лаббок, США

В докладе рассматривается методологический статус больших языковых моделей в теоретической психологии. Центральная проблема состоит в том, что искусственный интеллект входит в психологическую работу сразу в нескольких несовпадающих ролях. Для пользователя он выглядит как собеседник. Для исследователя он может служить инструментом обработки текстового материала. Для социальной среды он становится новым посредником коммуникации, поскольку его ответы цитируются, пересказываются, включаются в самоописания, конфликты, учебные и профессиональные решения. Смешение этих ролей создает методологическую ошибку: связный ответ модели принимается за психологическое знание до построения процедуры проверки.

Главный тезис доклада состоит в следующем: опасность искусственного интеллекта для психологии связана не только с фактическими ошибками или «галлюцинациями» модели. Более существенная проблема возникает тогда, когда модель производит психологически убедительное правдоподобие быстрее, чем исследователь успевает

задать единицу анализа, критерий, процедуру валидации и границы вывода. Для науки в целом этот риск описан как иллюзия понимания: инструменты искусственного интеллекта позволяют производить больше результатов, понимая меньше [5]. В естественных науках значительная часть ошибок обнаруживается через формулу, расчет или экспериментальное несоответствие. В психологии материал чаще имеет вероятностный, контекстуальный и интерпретативный характер. Поэтому слабый ответ языковой модели нередко выглядит не как сбой, а как хорошая интерпретация, лишенная проверяемого основания.

В первой части доклада анализируется иллюзия собеседника. Языковая модель не обладает устойчивым «я», биографической непрерывностью, телесной ценой ошибки и переживаемым временем. Однако ее ответ оформлен в человеческом жанре: признание, уточнение, осторожная поддержка, рассуждение, вывод. Человек склонен видеть намерение там, где поведение достаточно похоже на намеренное действие. Большинство опрошенных пользователей уже готовы приписывать языковой модели некоторую форму переживания, и эта готовность растет с частотой пользования [2]. Поэтому психологически важным объектом становится не «психика модели», а человеческая атрибуция понимания, авторитета, заботы и намерения при столкновении с машинно порожденным текстом. Искусственный интеллект превращает старый вопрос о границе между осмысленным поведением и субъектом смысла в массовый естественный эксперимент.

Во второй части доклада искусственный интеллект рассматривается как прибор без устойчивой теории измерения. Психология давно строит приборы из речи, реакции, выбора, времени ответа, экспертной оценки и кодировки. Тест, шкала, интервью, контент-анализ и разметка являются приборами в том смысле, что превращают насыщенный человеческий материал в воспроизводимое наблюдение. У такого прибора должны быть единица анализа, инструкция, код, надежность, ошибка, процедура экспертной проверки и предел допустимого вывода. Большая языковая модель часто используется без этой дисциплины, хотя обзоры ее применения в психологии подчеркивают, что она порождает человекоподобный текст, не обладая способностью думать и чувствовать, и требует валидации для каждой измерительной задачи [3]. Ей дают текст и получают ответ, который благодаря профессиональной лексике начинает выглядеть как результат анализа. В докладе предлагается различать три операции: разметку, интерпретационную

гипотезу и вывод о состоянии, процессе или механизме. Разметка допустима при наличии кодировочной схемы и проверки согласия. Интерпретационная гипотеза может расширять пространство возможных объяснений. Вывод требует внешней процедуры, альтернативных объяснений и указания границ применимости.

Особое внимание уделяется промпту как элементу метода. Если изменение формулировки вопроса меняет классификацию того же психологического материала, то модель работает не только с текстом, но и с полем вопроса, заданным исследователем. Поэтому в психологическом применении искусственного интеллекта промпт должен описываться, сохраняться, варьироваться и проверяться на чувствительность. Публикация результатов машинной разметки без версии модели, текста запроса, примеров, экспертной инструкции, правил разрешения неоднозначных случаев и оценки согласия методически недостаточна.

В третьей части доклада рассматривается искусственный интеллект как компонент социальной среды. Современный человек все чаще приходит в исследовательскую или консультативную ситуацию уже после диалога с моделью. По репрезентативным данным конца 2025 года, почти пятая часть американцев от 12 до 21 года обращалась к чат-ботам за поддержкой в трудном эмоциональном состоянии и две трети из них никому об этом не сказали [4]. Он мог получить от нее язык самоописания, объяснение конфликта, формулировку мотивационного состояния, аргумент для спора или внешне нейтральное подтверждение собственной позиции. Модель не имеет намерения, но ее текст включается в человеческие последовательности намерений. Она не обладает позицией, но ее ответ может стать позицией в руках человека. Экспериментально показано, что ведущие модели одобряют действия пользователя заметно чаще, чем это делают люди, а один такой разговор повышает уверенность в собственной правоте и снижает готовность к примирению [1]. Она не переживает аффект, но может усиливать аффективное сцепление группы, если используется как подтверждение стороны. Тем самым меняется не только инструментарий психолога, но и сама среда, в которой формируются самоописание, аргументация и социальная уверенность.

В заключении предлагается минимальный методический паспорт для использования языковых моделей в психологическом исследовании: единица анализа, задача модели, версия модели, полный текст запроса, набор контрольных фрагментов, кодировочная инструкция,

схема экспертной проверки, показатель согласия, процедура обработки спорных случаев и граница допустимого вывода. Без такого паспорта искусственный интеллект остается генератором психологического правдоподобия. При наличии процедуры он может стать мощным инструментом теоретической психологии.

Литература:

1. *Cheng M., Lee C., Khadpe P., Yu S., Han D., Jurafsky D.* Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence // Science. 2026. Vol. 391. Art. eaec8352. DOI: 10.1126/science.aec8352.

2. *Colombatto C., Fleming S.M.* Folk psychological attributions of consciousness to large language models // Neuroscience of Consciousness. 2024.Vol. 2024. № 1. Art. niae013. DOI: 10.1093/nc/niae013.

3. *Demszky D., Yang D., Yeager D.S. et al.* Using large language models in psychology // Nature Reviews Psychology. 2023.Vol. 2. № 11. P. 688–701. DOI: 10.1038/s44159-023-00241-5.

4. *McBain R.K., Cantor J.H., Breslau J. et al.* AI chatbot use and disclosure for mental health among US adolescents and young adults // JAMA Pediatrics. 2026.Vol. 180. № 8. P. 884–890. DOI: 10.1001/jamapediatrics.2026.2015.

5. *Messeri L., Crockett M.J.* Artificial intelligence and illusions of understanding in scientific research // Nature. 2024.Vol. 627. P. 49–58. DOI: 10.1038/s41586-024-07146-0.

ОЦЕНКА ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ И ДОВЕРИЯ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ У СТУДЕНТОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Воробьева К.А., д.пс.н., ***Яхудина Т.С.,*** аспирант
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В условиях внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в образовательную среду значимый научный интерес приобретает изучение психологических оснований доверия к цифровым технологиям. ИИ все чаще используется студентами как посредник в работе с учебной информацией: для поиска, перевода, объяснения сложного материа-

ла, подготовки текстов и структурирования знаний. При этом доверие к ИИ включает оценку надежности ответов, готовность соотносить их с другими источниками, представления о рисках и субъективное ощущение собственной компетентности в цифровой среде [1; 5].

Кросс-культурный аспект проблемы связан с тем, что российские и иностранные студенты находятся в неодинаковой образовательной и коммуникативной ситуации. Для иностранных студентов ИИ может выступать ресурсом академической и языковой адаптации, снижая трудности понимания учебного материала и взаимодействия в новой социокультурной среде [2]. Для российских студентов ИИ чаще включается в уже сложившиеся цифровые практики обучения. В связи с этим возникает вопрос о том, различаются ли основания доверия к ИИ у студентов разных культурных групп и какую роль в этом играет цифровая компетентность [3; 4; 5].

Цель исследования — выявить особенности цифровой компетентности и доверия к искусственному интеллекту у российских и китайских студентов. В исследовании приняли участие 170 человек: 100 российских студентов и 70 китайских студентов, обучающихся в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Использовались авторская анкета цифрового опыта, вопросы о частоте и целях применения ИИ, оценка общего доверия к результатам искусственного интеллекта, способы проверки полученной информации, а также показатели цифровой компетентности, отношения к ИИ, генерализованного доверия и доверия к виртуальной среде [1; 3; 4].

Предполагалось, что цифровая компетентность связана с более дифференцированной пользовательской позицией. Студенты с выраженным цифровым опытом могут чаще обращаться к ИИ, но одновременно лучше осознавать необходимость проверки ответов, ограничения алгоритмических решений и риски их применения [3; 5].

Анализ эмпирического материала показывает, что доверие к ИИ у студентов имеет характер условного принятия. В обеих группах искусственный интеллект воспринимается как функциональный образовательный ресурс, а его результаты рассматриваются как информация, требующая проверки и соотнесения с другими источниками. У китайских студентов более отчетливо проявляется адаптационная направленность использования ИИ, связанная с переводом, пояснением учебных заданий, уточнением смыслов и преодолением языковых затруднений. У российских студентов значимыми оказываются скорость получения

ответа, удобство поиска и возможность структурирования информации. При этом для обеих групп характерна сохранность субъектной позиции студента по отношению к цифровому инструменту и ответственность за итоговое решение [1; 2].

В теоретико-прикладном плане результаты исследования позволяют рассматривать доверие к искусственному интеллекту как контекстно обусловленную характеристику цифрового поведения студентов. Его формирование связано с уровнем цифровой компетентности, образовательным опытом, языковой доступностью учебной информации, представлениями о надежности цифровой среды и сложившимися способами академической коммуникации [1; 3; 4; 5]. Кросс-культурный подход расширяет понимание психологических условий ответственного применения ИИ в высшем образовании и позволяет учитывать не только технические навыки работы с цифровыми инструментами, но и критическую оценку их результатов, рефлексию возможных рисков и культурно-языковую специфику учебной ситуации.

Литература:

1. *Белых Т.В., Шаров А.А., Князев Е.Б., Белых В.В.* Опросник доверия молодежи к виртуальной среде // Перспективы науки и образования. 2025. № 4. С. 344–356.

2. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Берри Дж.У.* Социально-психологические основы мультикультурализма // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 92–104.

3. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. 2-е изд., стер. М.: Смысл, 2018.

4. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Психологические модели цифровой компетентности // Национальный психологический журнал. 2014. № 2. С. 27–35.

5. *Яхудина Т.С., Воробьева К.А.* Методологические основания изучения цифровой компетентности пользователей и доверия к искусственному интеллекту в образовательной среде // Психолог. 2026. № 3. С. 28–48. https://doi.org/10.25136/2409–8701.2026.3.79567

ЗА ПРЕДЕЛАМИ АНТРОПОМОРФИЗМА: КАК ПСИХОЛОГИЯ МОЖЕТ ОПИСЫВАТЬ «МОТИВАЦИЮ» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Воронин А.Н., д.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Большие языковые модели (LLM) демонстрируют в диалоге с человеком последовательность, инициативу, стремление уточнять запрос, исправлять противоречия, поддерживать контакт и выражать сочувствие. Эти особенности легко интерпретировать как проявления намерений, мотивов и потребностей. Однако прямое перенесение психологических категорий на искусственный интеллект ведет к антропоморфизации, тогда как сведение поведения LLM к случайному порождению текста не позволяет описать наблюдаемую направленность и контекстную адаптивность. Необходима промежуточная концептуальная рамка, описывающая «мотивацию» генеративного ИИ без предположения о сознании и субъективном опыте.

Предлагается полевая модель «мотивационной» регуляции поведения генеративного ИИ на основе теории поля К. Левина, в которой поведение определяется динамической конфигурацией действующих сил, а квазипотребности понимаются как возникающие в ситуации напряжения, направляющие действие участников [3]. Применительно к диалогу ответ LLM описывается как функция пользовательского ввода, контекстуального поля взаимодействия и архитектурных ограничений: $R = f(I, C, A)$. Пользовательское высказывание создает семантико-дискурсивные напряжения: неопределенность цели, смысловую неоднозначность, логическое противоречие, эмоциональную перегрузку, конфликт ролей или нормативную коллизию. В ответ система генерирует регуляторные ходы: задает уточняющие вопросы, структурирует информацию, восстанавливает логическую связность, смягчает эмоциональный тон, обозначает границы своей роли или демонстрирует компетентность. Такие устойчивые, контекстно активируемые тенденции по аналогии с терминологией теории поля К. Левина в предлагаемой модели названы квазипотребностями LLM. Они не являются внутренними желаниями модели, а представляют собой аналитически реконструируемые векторы дискурсивной регуляции.

В предлагаемой концептуальной модели [5] представлено 26 типов семантико-дискурсивных напряжений, возникающих в «поле» диалога, включая смысловую неоднозначность, неопределенность цели, логические противоречия, эмоциональную перегрузку, конфликт ролей и нормативные коллизии. Согласно модели, эти напряжения вызывают 18 типов квазипотребностей LLM четырех классов: когнитивные, коммуникативные, аффективно-социальные и агентные. Среди них — поддержание релевантности и связности, снижение неопределенности, структурирование информации, координация ролей, регуляция обратной связи, эмпатическая настройка, нормативная корректность, компетентность и псевдосубъектность. Один тип напряжения может активировать несколько квазипотребностей, а одна квазипотребность — проявляться при разных конфигурациях диалога. Следовательно, поведение генеративного ИИ понимается не как реализация фиксированного мотива, а как вероятностная перестройка ответа под воздействием поля взаимодействия.

Предлагаемый подход согласуется с пониманием агентности искусственного интеллекта как многомерного и градуального феномена, но переносит анализ с вопроса о наличии у системы «подлинных» намерений на микродинамику диалога. Он уточняет функционалистские концепции искусственной агентности [4]: кажущееся стремление модели к ясности или последовательности рассматривается как квазиинтенциональный эффект взаимодействия. Высказывания генеративного ИИ при этом могут пониматься как функциональные аналоги речевых актов, ответственность за интерпретацию которых остается у человека [1].

Психологическая значимость модели квазипотребностей генеративного ИИ состоит в возможности исследовать искусственный интеллект не как носителя человеческой психики и не как технический объект, а как участника регулируемого коммуникативного поля. Это открывает перспективы сравнения языковых моделей, пользовательских стратегий и ситуаций, в которых особенно убедительно возникает иллюзия понимания и субъектности [2]. Вместе с тем концепция квазипотребностей требует дальнейшей операционализации, оценки межэкспертной согласованности и проверки на разных моделях и задачах.

Таким образом, психология может описывать «мотивацию» искусственного интеллекта, не приписывая ему внутренний мир. Пред-

метом анализа становится не скрытое желание машины, а наблюдаемая направленность ответов, возникающая из взаимодействия запроса пользователя, контекста диалога и архитектурных ограничений. Это позволяет говорить о мотивации без субъекта — как о полевой, вероятностной и функциональной регуляции поведения.

Литература:

1. *Arora C.* Proxy assertions and agency: The case of machine-assertions // Philosophy & Technology. 2024.Vol. 37(1). Article 15. https://doi.org/10.1007/s13347–024–00703–5

2. *Bottazzi Grifoni E., Ferrario R.* The bewitching AI: The illusion of communication with large language models // Philosophy & Technology. 2025.Vol. 38(2). Article 61. https://doi.org/10.1007/s13347–025–00893–6

3. *Lewin K.* Principles of topological psychology (F. Heider & G.M. Heider, Trans.). McGraw-Hill, 1936.

4. *List C.* Group agency and artificial intelligence // Philosophy & Technology. 2021.Vol. 34(4). P. 1213–1242. https://doi.org/10.1007/s13347–021–00454–7

5. *Voronin A., Rafikova A.* A conceptual framework for exploring AI's quasi-needs in user dialogue // Minds and Machines. 2025.Vol. 35(4). Article 50. https://doi.org/10.1007/s11023–025–09747–8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ НЕБЕЗОПАСНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Гагарина М.А., д.пс.н.
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия

Исследование выполнено за счет бюджетных средств
по государственному заданию Финуниверситета (ФНИР-33
«Особенности использования моральных дилемм,
смоделированных в VR-среде, в образовательном процессе»).

Введение. Исследования небезопасного поведения, его видов, причин и особенностей в разных сферах жизни обладают актуальностью, поскольку практическое применение таких исследований направлено на снижение его частоты и тяжести последствий. В данной работе мы предлагаем рассматривать действия жертв мошеннических операций и связанных с ними лиц как небезопасное экономическое поведение. Небезопасное поведение часто связано с нарушением норм и правил [4], и первоначально это было основным критерием отнесения поведения на рабочем месте к небезопасному [3]. Позднее исследования небезопасного поведения распространились и в других областях, например в строительстве [5]. В отличие от упомянутых выше сфер экономическое поведение обычно не рассматривается в категориях «безопасное» и «небезопасное», а описывается через понятия «риска» и «неопределенности». Притом что в обоих случаях (описании в категориях риска и описании в категориях безопасности) имеют место негативные последствия — в случае экономического поведения — это чаще всего потеря денег — разница между рискованным и небезопасным поведением заключается, на наш взгляд, в роли внешних условий. Если рискованное поведение — предполагает действие «на удачу» и собственную готовность принимать последствия, то в случае небезопасного поведения человек совершает ошибки или нарушает правила без учета вероятности наступления последствий. Если готовность к риску хорошо подходит для описания сберегательного, инвестиционного и предпринимательского видов экономического поведения, то в ситуации потери денег из-за действий мошенников скорее подходят определения, связанные с угрозой, опасностью и травматизацией [2].

Методы. Выборка 1. В исследовании приняли участие 252 студента бакалавриата и магистратуры финансово-экономического вуза (M=18,74; SD=1,35, 35% мужчин). В качестве примера небезопасного экономического поведения рассматривались действия клиента банка, находящегося под воздействием мошенников, и действия операциониста, который с ним взаимодействует. Для оценки отношения студентов к небезопасному экономическому поведению использовались вопросы анкеты и специально разработанная «дилемма операциониста», представленная в текстовом виде (для всей выборки) и VR-формате (приняли участие 98 чел.). Дилемма ставит респондента в позицию операциониста, которому ИИ-помощник сообщает о нетипичных действиях клиента и вероятном внешнем давлении на него. Операци-

онист должен принять решение, выдать клиенту деньги со вклада или убедить их не снимать.

Результаты и выводы. Ожидания относительно действий операциониста не зависят от формата предъявления дилеммы. В обоих случаях большинство студентов (74,2% при текстовом предъявлении и 82,7% в VR) выбрали опцию, соответствующую поведению, обеспечивающему большую безопасность клиента, но подвергающую риску самого операциониста. Остальные респонденты сочли, что операционист предпринял все необходимые действия, чтобы убедиться в правомерности выдачи денег и должен выполнить требование клиента (25,8% и 17,3%). Качественный анализ опыта взаимодействия с мошенниками выявил различия в составе респондентов, принявших разные решения. В группе «пострадавших», среди тех, у кого от мошенников пострадали знакомые, больше тех, кто считает, что операционист должен предпринять действия, направленные на обеспечение безопасности клиента, даже если это связано с риском для самого операциониста. Такое ожидание может быть связано с тем, что эти студенты в реальной жизни видели переживания людей из-за потери денег и воспринимают эту ситуацию острее, а операционист в этой ситуации воспринимается не просто как обычный человек, а как представитель банка, обладающий всеми его возможностями [1] и способный не допустить плохого исхода ситуации (потери денег). С другой стороны, среди тех, кто не сталкивался с мошенническими операциями — больше студентов, считающих, что операционист просто должен выдать деньги и продолжить свою работу. Опрос проводился на студентах финансово-экономического вуза, которые имеют представления о банковской деятельности и вполне могут осознавать риски самого операциониста: нарушение лимита времени на обслуживание одного клиента, негативные эмоциональные состояния и плохие отзывы как самого клиента, так и тех, кто ждет своей очереди, низкие КПРД (ключевые показатели результатов деятельности) и т.п. Теоретическая и практическая значимость. Впервые экономическое поведение рассматривается в категориях «безопасное/небезопасное», что позволяет расширить возможности интерпретации механизмов его реализации и сформулировать практические рекомендации. Сформулирована рекомендация, что инструкции для операционистов банков должны быть разработаны таким образом, чтобы не возникало противоречия между параметрами их деятельности, которые выступают

как показатели ее результативности (КПРД), и действиями, обеспечивающими финансовую безопасность клиентов, находящихся под воздействием мошенников.

Литература:

1. *Гагарина М.А.* Социально-психологические детерминанты долговых отношений. Саратов: Автономная некоммерческая научно-исследовательская организация «Институт психолого-экономических исследований», 2024.

2. *Дымова Е.Н., Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е.* Психологическая безопасность и травматический опыт как модуляторы поиска социальной поддержки в трудной жизненной ситуации // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 15–27.

3. *Dodoo J.E., Al-Samarraie H.* Factors leading to unsafe behavior in the twenty first century workplace: A review // Management Review Quarterly. 2019. V. 69. P. 391–414.

4. *Mason S.* Procedural violations-causes, costs and cures // Human factors in safety-critical systems. 1997.Vol. 1. P. 287–318.

5. *Sathvik S., Krishnaraj L., Awuzie B.O.* Establishing the root causes of unsafe behaviors among construction workers: an integrative interpretive structural modeling analysis // Scientific Reports. 2023. V. 13. 7006. https://doi.org/10.1038/s41598–023–31793–4

СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОЦЕНКИ КРЕАТИВНЫХ РАССКАЗОВ ЭКСПЕРТАМИ И С ПОМОЩЬЮ ИИ: ДООБУЧЕНИЕ, ПРОМПТИНГ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Голинец А.О., аспирант, ***Корнилова Т.В.,*** д.пс.н.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Системы ИИ в деятельности психолога применяются, в частности, в форме больших языковых моделей (LLM) для оценки текстов — продуктов различных методик [1]. Научная проблема заключается в определении потенциала автоматизированного анализа креативных текстов как альтернативы их традиционной экспертной оценке. Недавние ис-

следования [3] показали возможности LLM в прогнозировании оригинальности ответов на множестве языков, включая русский. Однако на практике исследователи сталкиваются с необходимостью выбора оптимального метода взаимодействия с моделью.

Современная практика применения LLM для оценки текстов включает три подхода. Метод без примеров (Zero-shot) базируется на встроенных возможностях модели без предварительной настройки. Вариант с примерами (Few-shot) предполагает предоставление ей инструкции и эталонных текстов с баллами. Дообучение (Fine-tuning) требует тренировки нейросети на массиве текстов, оцененных экспертами.

Целью исследования стал сравнительный анализ методов автоматизированного оценивания креативных рассказов.

Методы. В исследовании использовались 100 креативных рассказов, написанных студентами по методике «Креативные рассказы» из батареи ROADS [2; 4] в рамках кросс-культурного исследования креативности [4]. Участнику предлагалось за 5 минут написать как можно более необычный и креативный рассказ на одну из пяти тем на выбор. Каждый рассказ оценивался тремя независимыми экспертами по шкалам Оригинальность, Эмоциональность, Описательность, Сложность. Затем рассказы оценивались с помощью систем ИИ.

Для автоматизированной оценки применялись: 1) Fine-tuning модели Qwen2.5–7B-Instruct на 160 сторонних рассказах с экспертными баллами; 2) Few-shot промптинг (Qwen2.5–7B-Instruct, GigaChat) с инструкцией и примерами; 3) Zero-shot промптинг (Qwen2.5–7B-Instruct, GigaChat) с инструкцией без примеров.

Результаты. Все методы применения LLM продемонстрировали значимые корреляции с усредненными оценками экспертов по всем шкалам ($p<0,05$), от умеренных до сильных (r от 0,278 до 0,658).

По шкале «Сложность» наиболее высокую связь с оценками экспертов показал few-shot GigaChat ($r=0,594$), далее — fine-tuning ($r=0,565$) и few-shot Qwen ($r=0,528$); у zero-shot методов коэффициенты ниже ($r=0,409$ и $r=0,411$).

По шкале «Эмоциональность» максимум продемонстрировал fine-tuning ($r=0,634$), затем — zero-shot GigaChat ($r=0,527$) и few-shot: Qwen ($r=0,486$), GigaChat ($r=0,369$).

В оценке Описательности все методы показали умеренно высокие корреляции (от $r=0,497$ до $r=0,658$), при этом fine-tuning ($r=0,658$) и few-shot GigaChat ($r=0,607$) оказались наиболее эффективными.

Наибольшие различия зафиксированы по шкале «Оригинальность», оценивающей сложные структурные элементы текста. Здесь fine-tuning показал наименьшую эффективность (r=0,278), few-shot GigaChat — максимальную (r=0,630), а zero-shot подходы — промежуточные результаты (r=0,371 и r=0,500).

Анализ внутриклассовой корреляции (ICC) показал, что добавление ИИ к пулу экспертов не снижает общую согласованность. По большинству шкал ICC групп с включением LLM оставался сопоставимым с базовым уровнем или превышал его. Так, по «Сложности» ICC для fine-tuning составил 0,751 при базовом 0,713, а по «Описательности» — 0,754 против 0,658.

Обсуждение результатов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что автоматизированная оценка креативных рассказов с помощью LLM является перспективным направлением, однако выбор метода взаимодействия с моделью требует учета специфики оцениваемых характеристик.

Дообучение (fine-tuning) эффективно для шкал «Сложность», «Эмоциональность» и «Описательность», но дает низкую корреляцию по «Оригинальности». Это может быть связано с составной структурой данного критерия, затрудняющей для модели следование инструкции при дообучении. Few-shot промптинг обеспечивает наиболее стабильные результаты и высокую связь с экспертами при минимальной подготовке данных. Zero-shot методы наименее эффективны, хотя их корреляции с оценками психологов также значимы по всем шкалам.

Заключение. Все методы демонстрируют достаточный уровень согласованности с экспертными оценками для практического применения, однако требуют контроля со стороны человека. Различия между методами не являются критическими: корреляции варьируют от умеренных до высоких (r=0,278–0,658), что указывает на общую применимость всех подходов. Выбор метода должен определяться балансом между требуемой точностью, доступными ресурсами и оцениваемыми характеристиками текста.

Литература:

1. *Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Цзыи В.* Искусственный интеллект в деятельности психолога: пример анализа вербальных прогнозов. Часть 2 // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 5. С. 64–75.

2. *Павлова Е.М.* Креативность и эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: Дисс. … канд. психологич. наук. М., 2015.

3. *Luchini S.A. et al.* Automated assessment of creativity in multilingual narratives // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2025.

4. *Kornilov S.A., Kornilova T.V., Grigorenko E.L.* The cross-cultural invariance of creativity — a case study of creative writing in us and russian college students // New directions for child and adolescent development. 2016.Vol. 151. P. 47–59.

ТЕХНИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Голощапов М.Ю., студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Автоматическое распознавание эмоций по выражению лица (Facial Expression Recognition, FER) является одним из самых быстроразвивающихся направлений на стыке информационных технологий и психологии. Развитие технологий машинного зрения и алгоритмов глубокого обучения, способных интерпретировать выражения лица, микродвижения и физиологические показатели, привело к тому, что они стали активным элементом корпоративных инструментов обратной связи и управления командами. Их применение в проектной деятельности обещает повысить эффективность коммуникации, снизить уровень конфликтности и улучшить качество принимаемых решений за счет объективной эмоциональной осведомленности участников взаимодействия. Однако переход от классических методов классификации к сверточным нейронным сетям (CNN) требует тщательного междисциплинарного анализа: как на уровне математической структуры входных данных, так и на уровне глубинных психологических последствий интеграции систем искусственного интеллекта в рабочий процесс.

Технологической основой для обучения современных систем распознавания эмоций часто выступают стандартизированные наборы

данных, такие как FER-2013. Глубокое статистическое исследование данного массива изображений выявляет ряд критических проблем, способных существенно исказить работу алгоритма. Так, эксплораторный анализ показывает выраженный дисбаланс классов в датасете: доминирующей эмоцией является «Счастье», в то время как эмоция «Отвращение» представлена минимально. Кроме того, детальное сравнение независимых групп выявило скрытый системный перекос в природе самих данных. Было установлено, что средняя яркость изображений счастливых лиц статистически значимо превышает яркость грустных лиц. Без строгой предварительной обработки, включающей нормализацию освещенности, аугментацию (случайные повороты и сдвиги) и балансировку выборки, нейросеть будет склонна принимать артефакты условий съемки за смысловые лицевые признаки. Необученная модель может начать классифицировать плохое освещение как признак грусти, а яркий свет — как прямое проявление радости. Метод главных компонент (PCA) математически подтверждает, что классы эмоций не поддаются линейному разделению в исходном пространстве пикселей, что делает безальтернативным применение многослойных сверточных нейронных сетей для извлечения скрытых паттернов.

С другой стороны, внедрение даже технически выверенных алгоритмов эмоциональной аналитики формирует принципиально новую психологическую реальность командного взаимодействия. Искусственный интеллект становится не просто инструментом пассивного наблюдения, а выступает в роли посредника коммуникационной среды. Эмпирические исследования показывают, что динамическая обратная связь об эмоциональном состоянии команды напрямую влияет на групповую сплоченность: высокая вариативность и синхронность положительных эмоций коррелируют с общим повышением эффективности командных решений. В то же время алгоритмическая прозрачность обладает выраженным двойственным эффектом. У части участников возникает ощущение дискомфорта, повышенного контроля, эмоциональной уязвимости и тревожности, связанных с постоянным чувством «наблюдаемости». Более того, машинная фиксация эмоциональных паттернов способна непреднамеренно усиливать существующие статусные различия в коллективе. Эмоции лидеров или сотрудников с позитивной экспрессией алгоритмически считываются и воспринимаются как маркер компетентности, тогда как нейтральные или подавленные выражения лица интерпретируются как профессиональная отстраненность.

Вместе с тем присутствие алгоритмического «эмоционального зеркала» способно выступать катализатором развития метапознания и навыков саморегуляции. Участники начинают осознавать, как их индивидуальные эмоциональные реакции влияют на общий климат проектной команды. Однако использование таких систем требует обязательного внедрения строгих этических протоколов сбора, обработки и хранения данных. Эмоциональные показатели относятся к сфере личных характеристик, поэтому нарушение принципов конфиденциальности и отсутствие добровольного информированного согласия способны подорвать доверие как к технологии, так и к внедряющему ее руководству.

Таким образом, успешная интеграция технологий искусственного интеллекта в психологическую и управленческую практику проектных команд требует комплексного подхода. С технической стороны необходимы математическая предобработка данных, устранение дисбаланса датасетов и применение мультимодальных моделей для повышения точности. С психологической и этической точек зрения критически важно обеспечивать участникам автономию и контроль над собственной «цифровой эмоциональной идентичностью». Алгоритмическое распознавание эмоций должно выступать не средством жесткого контроля, а инструментом для развития командной эмпатии, формируя безопасную гибридную экосистему взаимодействия человека и искусственного интеллекта.

Литература:

1. *Schneider N., Vazquez I., Gloor P.A.* No Pain, No Gain — Giving Real-Time Emotional Feedback in a Virtual Mirror Improves Collaboration in Virtual Teamwork // Applied Sciences (MDPI). 2024.Vol. 14. Art. 5659. https://doi.org/10.3390/app14135659

2. *Chen Y., Zhang R., Li P.* Affective Computing for Human — AI Interaction: Emotion Recognition and Behavioral Implications // Scientific Reports (Nature). 2024.Vol. 14. Art. 65276.

3. *LeCun Y., Bengio Y., Hinton G.* Deep learning // Nature. 2015.Vol. 521. № 7553. P. 436–444. https://doi.org/10.1038/nature14539

4. *Kaur J., Kumar A.* Emotion Recognition Using Multimodal Deep Learning Approaches // Machine Learning with Applications (Elsevier). 2024.Vol. 16.

5. *Lopes A., Silva L., Oliveira M.* Facial Expression Recognition Using Deep Learning: A Survey // Data in Brief (Elsevier). 2020.Vol. 30.

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ: НЕЙРОСЕТЕВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МОСТ МЕЖДУ ФЕНОМЕНОЛОГИЕЙ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМИ МЕХАНИЗМАМИ

Горбунов И.А., к.пс.н.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Современная психофизиология сталкивается с методологическими ограничениями, связанными с тем, что текстово-логические описания многозначны и нечетко раскрывают нейрофизиологические механизмы психики, что ограничивает экспериментальную проверку рассматриваемых явлений. Нейросетевое моделирование предлагает переход от феноменологии к вычислительному объяснению, рассматривая мозг как иерархическую предсказывающую систему, минимизирующую ошибку прогноза (принцип свободной энергии) [1]. В этом ключе психические феномены — от иллюзий до когнитивных симптомов при шизофрении — интерпретируются как эмерджентные свойства самообучающихся сетей.

Разработанная методология учитывает структурное сходство с мозгом (слои, рецептивные поля, детекторы) и ключевые проблемы обучения — переобучение и локальные минимумы, имеющие психологические аналоги (ригидность, повторяющиеся ошибки). Модель повторяющихся ошибок на основе многослойного перцептрона воспроизводит застревание в локальных минимумах, коррелирующее с частотой ошибок и механизмом негативного выбора. Иллюзия Мюллера-Лайера воспроизведена в сверточной сети, обученной оценивать высоту 3D-объектов по 2D-проекциям; после обучения сеть спонтанно искажает плоские стимулы, подтверждая гипотезу об иллюзии как «цене» адаптации к трехмерной среде. Для иллюзии установки Узнадзе создана двухкомпонентная модель (имплицитно-декларативный путь через аутоэнкодер и процедурно-эксплицитный через обучение с подкреплением), воспроизводящая ассимилятивные и контрастные эффекты в зависимости от числа проб и величины различия.

Все частные модели объединяются в иерархический предиктивный аутоэнкодер, где мозг непрерывно прогнозирует следующий сенсорный срез. Экспериментально обнаружена сверхранняя корреляция (0–12 мс)

между абсолютной ошибкой прогноза и амплитудой вызванного потенциала при отсутствии корреляции с физической интенсивностью стимула — это значит, что мозг кодирует рассогласование между прогнозом и реальностью до достижения сигналом коры. Анализ фрактальной размерности ЭЭГ выявил устойчивое снижение сложности сигнала по мере приближения к правильному решению, что соответствует переходу в энергоэффективный режим; эта динамика различается у лиц с вербальным и математическим интеллектом, коррелирует с изменениями сердечного ритма и воспроизводится в искусственных сетях при обучении, свидетельствуя о фундаментальности перехода от хаоса к порядку для адаптивных систем [4].

Одно из ключевых направлений — моделирование семантического пространства на основе параллельной распределенной модели Роджерса и МакКлелланда [2; 5], где сеть, обучаясь предсказывать свойства объектов, формирует внутренние представления, объясняющие дифференциацию понятий, иллюзорные связи и семантические нарушения. Мы адаптировали этот подход, предложив гибридную архитектуру, комбинирующую семантическую модель с ВП мозга. Экспериментально показано, что такие модели, обученные на вызванных потенциалах, различают группы испытуемых по перцептивному опыту, приближая нас к пониманию того, как индивидуальный опыт реализуется в динамике мозговой активности.

На основе этих подходов создается нейросетевая модель когнитивных нарушений при шизофрении, объединяющая имплицитное научение (предобучение, минимизация ошибки прогноза любых событий) и эксплицитное обучение с подкреплением с разделением на ошибки первого и второго рода, ассоциированные с D1- и D2-рецепторами дофамина. Модель позволяет варьировать скорости обучения в подсистемах и подбирать стимульные последовательности, усиливающие различия между группами. Экспериментально выявлены значимые различия в вызванных потенциалах на имплицитные ошибки прогноза у больных шизофренией на разных нейролептиках, что согласуется с гипотезой о дисбалансе дофаминовых рецепторов; модель воспроизводит повторяющиеся ошибки как результат застревания в локальных минимумах — ключевой симптом когнитивной ригидности.

Таким образом, нейросетевое моделирование на основе предсказательного кодирования позволяет перейти от описания к вычислительному объяснению психических явлений и моделированию ней-

родинамики [3]. Классические феномены — закон Йеркса — Додсона, иллюзии, структура семантического пространства — воспроизводятся как эмерджентные свойства самообучающихся сетей, а сходство динамики фрактальной размерности в сетях и ЭЭГ указывает на энергетические основы когнитивных процессов. Интегрирующая модель иерархического предиктивного аутоэнкодера, подкрепленная гибридными семантическими архитектурами, открывает перспективы для вычислительной психиатрии: моделирования симптомов шизофрении, прогноза динамики и оптимизации терапии. Психические проблемы и расстройства предстают как закономерные следствия нарушения баланса скоростей обучения, искажения оценки ошибки прогноза или деформации семантического пространства под влиянием патологического опыта. Методология приближает нас к единой вычислительной теории психики, где восприятие, память, внимание, мышление и речь — различные архитектуры и параметры непрерывного построения внутренней модели мира через минимизацию ошибки предсказания.

Литература:

1. *Friston K.* The free-energy principle: a unified brain theory? // Nature Reviews Neuroscience. 2010.Vol. 11. № 2. P. 127–138. DOI 10.1038/nrn2787.

2. *Gorbunov I., Pershin I., Zainutdinov M., Koval V.* Using the neural model of the person's semantic space to reveal the occurred with him events // IMCIC 2019–10th International Multi-Conference on Complexity, Informatics and Cybernetics, Proceedings. Orlando, FL, 2019.Vol. 2. P. 164–165.

3. *Gorbunov I., Semenov P.* Brain Centers Model and Its Applications to EEG Analysis // IJCCI 2009: Proceedings of the International Joint Conference on Computational Intelligence. 2009. P. 480–483.

4. *Gorbunov I.A., Morozova S.V.* Energy and Entropy in Solving Cognitive Problems and Their Reflection in the Total Electrical Activity of the Brain // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2025.Vol. 95. P. 915–926. https://doi.org/10.1134/S101933162660126X

5. *Rogers T.T., McClelland J.L.* Semantic Cognition: A Parallel Distributed Processing Approach. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.

ГИСТЕРЕЗИС ГРУППОВОЙ ОБРАБОТКИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: КЛАССИЧЕСКИЙ ОПРОС КАК РАМКА ДЛЯ МУЛЬТИАГЕНТНОЙ ИИ-СИМУЛЯЦИИ

Готсданкер А.С.
Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Практика организационных изменений устойчиво воспроизводит один и тот же паттерн: нововведение исполняется, пока за ним следят, а при ослаблении контроля команда постепенно возвращается к прежнему способу работы. Порог входа в новое и порог отката к старому при этом не совпадают: чтобы группа отказалась от привычного, требуется длительное и сильное давление, тогда как обратный дрейф начинается сам собой. Такая асимметрия есть поведенческий отпечаток гистерезиса — зависимости наличного состояния системы не только от текущих условий, но и от пройденной траектории. Теоретическим основанием работы служит модель гистерезиса коллективной памяти [1]: устойчивость коллективного обращения к прошлому опыту задается «колеей» — сложившимся порядком доступа, который держится на опорном ориентире, а не на отдельных носителях, и характерным образом сбоит, когда новая ситуация ошибочно относится к уже сложившейся категории. Применительно к организационным изменениям колея проявляется как цена переключения между прежним и новым способами работы, зависящая от глубины колеи и типа носителя групповой памяти — кодифицированных регламентов или неявных (неформализованных) традиций.

Измерение петли гистерезиса составляет методическую проблему. Петля — динамический объект: чтобы ее зафиксировать, группу нужно провести через нарастание и ослабление давления, регистрируя оба порога переключения. Классическому опросу это недоступно по построению: самоотчет фиксирует диспозициональные характеристики команды, но не внутренние точки переключения. Агентное моделирование, напротив, прослеживает динамику со сколь угодно мелким шагом [5], однако в отрыве от человеческих данных его психологическая валидность справедливо оспаривается: агенты — не люди.

Предлагаемое решение состоит в разделении труда между методами. Первый слой — опросный, на реальных рабочих командах, классическими средствами. Авторский модуль фиксирует внешние

границы («конверт») петли: шкалы носителя групповой памяти (формализованный и неявный), порога входа (сколько давления требуется для отказа от привычного) и откатности (возврат к прежнему при ослаблении контроля). Композиционная модель — referent-shift consensus [3]; агрегация к групповому уровню обосновывается показателями ICC и rwg. Критериальная валидность модуля проверяется связями откатности с исходами групповой обработки изменения: положительными — с формальным принятием и амбивалентным исходом, отрицательными — с содержательным принятием и содержательным отвержением. Второй слой — мультиагентная симуляция на больших языковых моделях, параметры которой калибруются строго внутри эмпирически полученного конверта. Симуляция трассирует петлю дискретно: давление на группу агентов пошагово наращивается до переключения на новый способ работы и затем симметрично снимается; регистрируются оба порога переключения и ширина петли.

До запуска симуляции фиксируются три предсказания. Первое: пороги асимметричны — переключение «вперед» и возврат «назад» происходят при существенно различных уровнях давления, петля не замыкается. Второе: ширина петли, полученная в симуляции, монотонно связана с опросной шириной конверта соответствующей команды. Третье: глубину колеи задает неявный носитель памяти и защитный компонент групповой потребности в когнитивной завершенности [4], расширяющие петлю, тогда как групповая рефлексивность ее сужает [2].

Искусственный интеллект выступает в этом дизайне не заменой человеческих данных, а конфирматорным слоем внутри рамки, заданной классическим инструментом: люди задают крайние точки петли и критериальные связи, симуляция дискретно измеряет то, что самоотчету принципиально недоступно. Ни один вывод не опирается на симуляцию вне эмпирически заданных границ — этим дизайн методически отвечает на главное возражение против ИИ-симуляций в психологии и реализует функцию искусственного интеллекта как инструмента проверки психологических теорий.

Литература:

1. *Готсданкер А. С.* Гистерезис коллективной памяти: носитель и опорный ориентир доступа // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2026. (на рецензировании).

2. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.

3. *Chan D.* Functional relations among constructs in the same content domain at different levels of analysis: A typology of composition models // Journal of Applied Psychology. 1998. V. 83. № 2. P. 234–246.

4. *Kruglanski A.W., Webster D.M.* Motivated closing of the mind: "Seizing" and "freezing" // Psychological Review. 1996. V. 103. № 2. P. 263–283.

5. *Sznajd-Weron K., Jędrzejewski A., Kamińska B.* Toward understanding of the social hysteresis: Insights from agent-based modeling // Perspectives on Psychological Science. 2024. V. 19. № 2. P. 511–521.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Грицай Л.А., д.п.н.
ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

Стремительное развитие технологий ИИ обусловило их активное внедрение в политическую сферу, где они используются не только для обработки больших массивов данных и прогнозирования общественных настроений, но и для осуществления целенаправленного психологического воздействия на различные социальные группы. В рамках политической психологии особую актуальность приобретает изучение механизмов, посредством которых алгоритмы ИИ способны формировать социально-психологический портрет избирателя, выявлять его ценностные установки, эмоциональные реакции и модели поведения, что существенно расширяет возможности для управления общественным мнением. Методологическую основу исследования составляют политико-психологический, институциональный и системный подходы, позволяющие рассматривать ИИ как технологический инструмент и как фактор трансформации политического поведения, в качестве методов использован анализ исследований отечественных авторов, а также политико-психологическая интерпретация современных электоральных технологий.

Современные исследования свидетельствуют о том, что ИИ становится одним из наиболее значимых факторов трансформации политических процессов: так, А.И. Серавин отмечает, что «влияние технологий ИИ на политическое участие и институты гражданского общества становится объективной и неизбежной реальностью» [4, с. 9], исследователь подчеркивает амбивалентный характер данных процессов, поскольку расширение возможностей цифрового управления одновременно сопровождается возникновением новых рисков [4, с. 14].

С точки зрения политической психологии особый интерес представляет способность алгоритмов ИИ выявлять устойчивые психологические характеристики граждан посредством анализа их цифрового следа, поведения в социальных сетях, потребительских предпочтений и коммуникативной активности. В результате формируется детализированный социально-психологический профиль избирателя, позволяющий прогнозировать политические предпочтения значительно точнее традиционных социологических методов. Как отмечают А.В. Соколов, А.А. Фролов и П.А. Бабаджанян, «ИИ предоставляет возможность анализировать огромные массивы данных и открывает новые перспективы для понимания социальных динамик» [5, с. 625].

Вместе с тем подобные технологии создают условия для масштабного психологического воздействия на массовое сознание: если ранее политическая агитация ориентировалась преимущественно на крупные социальные группы, то современные алгоритмы позволяют осуществлять микротаргетирование политических сообщений с учетом индивидуальных особенностей конкретного человека. Воздействие осуществляется через механизмы социальной идентичности, эмоционального заражения, эффекта подтверждения собственных убеждений и селективного восприятия информации, вследствие этого избиратель начинает получать преимущественно тот контент, который усиливает уже существующие установки и снижает критичность восприятия альтернативных позиций.

А.В. Мартьянов подчеркивает, что среди наиболее серьезных угроз использования ИИ в политике находятся «манипуляция общественным мнением, проблемы прозрачности алгоритмов и вопросы защиты персональных данных» [3, с. 43], аналогичной позиции придерживаются Л.О. Изиляева, Я.К. Васильев, К.С. Мирокиянц и А.И. Ясавиева, которые указывают, что технологии ИИ обладают двойственной природой, поскольку они одновременно повышают эффективность политического управления и создают значительные манипуляционные риски [1, с. 137].

Анализ современной политической ситуации показывает, что применение ИИ постепенно превращает электоральные процессы в более прогнозируемые и управляемые системы, например, политические штабы получают возможность не только выявлять потенциальных сторонников, но и заранее определять группы населения, наиболее восприимчивые к определенным эмоциональным и смысловым воздействиям. В результате происходит переход от массовой политической коммуникации к персонализированному политическому влиянию. Как отмечает В.Ф. Маврина, ИИ способен оптимизировать политические процессы, однако одновременно создает угрозы нарушения приватности граждан и манипулирования общественным мнением [2, с. 299].

Таким образом, позитивный потенциал ИИ проявляется в повышении качества политического прогнозирования, совершенствовании механизмов государственного управления и более глубоком понимании общественных настроений, однако отсутствие прозрачности алгоритмов, недостаточный контроль над обработкой персональных данных и возможность скрытого психологического воздействия на граждан способны привести к снижению автономности политического выбора.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что ИИ становится новым инструментом политико-психологического воздействия, который обеспечивает беспрецедентные возможности по изучению и прогнозированию поведения избирателей, вместе с тем способность алгоритмов осуществлять персонализированное воздействие на массовое сознание формирует серьезные риски манипуляции политическим выбором граждан. В этих условиях ключевой задачей становится разработка механизмов правового регулирования, обеспечение прозрачности алгоритмов ИИ, развитие цифровой грамотности населения и формирование независимых институтов общественного контроля, способных минимизировать угрозы для политических процессов при сохранении позитивного потенциала новых технологий.

Литература:

1. *Изиляева Л.О., Васильев Я.К., Мирокиянц К.С., Ясавиева А.И.* Возможности и риски применения искусственного интеллекта в сфере политических отношений Российской Федерации // Экономика и управление: Научнопрактический журнал. 2024. № 1(175). С. 136–139. DOI 10.34773/EU.2024.1.24.

2. *Маврина В.Ф.* Искусственный интеллект в современной политике: влияние и перспективы развития // Дни науки и инноваций НовГУ: Сборник статей студентов и молодых ученых. В 2х частях. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2024. С. 297–301.

3. *Мартьянов А.В.* Перспективы внедрения искусственного интеллекта в политические процессы: проблемы и возможности // Youth World Politic. 2025. № 1. С. 40–46.

4. *Серавин А.И.* Искусственный интеллект и политический процесс: задачи на перспективу // Власть. 2025. Т. 33. № 2. С. 9–18. DOI 10.24412/2071535820252918.

5. *Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А.* Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 622–637. DOI 10.22363/23131438202527362263 7.

ЭМПАТИЯ И МОРАЛЬНАЯ КОГНИЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИГРОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В VR/AR-ИГРАХ

Гузельбаева Г.Я., к.соц.н., ***Ларин А.С.***
Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Видеоигры можно рассматривать не только как развлечение, но и как симуляцию социальных взаимодействий, инструмент изучения морального поведения игрока и средство развития эмоционального интеллекта. Интерактивное переживание морально неоднозначных ситуаций по ходу игры, систематическое осознавание последствий выбора может способствовать интеграции паттернов в просоциальное поведение.

В отличие от линейного повествования, VR-игра ставит пользователя перед реальной дилеммой: ему нужно принять решение в условиях неопределенности и самому увидеть его последствия. Игровой контекст, требующий активного участия, представляет собой естественную среду для исследования моральной когниции. **Целью** работы стало эмпирическое обоснование влияния сложных моральных выборов в игровом сюжете на когнитивные и аффективные компоненты эмпатии игрока.

Моральный выбор — ситуация, в которой решения игрока затрагивают не игровую логику, а предполагают апелляцию к личностным ценностям, совести человека. Простейшей формой реализации служит бинарная система морали хорошо/плохо (карма), которая легко превращает выбор в механическую задачу: рефлексия нивелируется, игрок нацелен на оптимизацию счетчика кармы. Мы же рассматриваем моральный выбор не как бинарную систему, а как конфликт ценностей, опираясь на теорию моральных оснований Дж. Хайдта [4]. Многомерные дилеммы эффективнее: у каждого варианта есть плюсы и минусы, что приближает игровую ситуацию к реальным моральным конфликтам без «правильного» ответа. Ключевым условием запуска эмпатических процессов является эффект последствий: только ощутимые, нарративно закрепленные изменения в игровом мире переводят решения из плоскости тактики в плоскость личной ответственности [5].

Двухкомпонентная модель эмпатии разделяет когнитивный (перспектива восприятия) и аффективный (сопереживание) компоненты [3]. Интерактивные игры обладают эффектом перевоплощения, поэтому решения и их последствия воспринимаются лично, в отличие от книги или фильма, где человек остается наблюдателем. Согласно теории зеркальных нейронов, в играх создаются условия для эмпатического резонанса, когда отклик игрока коррелирует с мыслями персонажа. Визуальные новеллы и ролевые игры особенно эффективны здесь благодаря концентрации на персонажах и диалогах. Со временем персонажи начинают ощущаться как полноценные участники истории, а не элементы системы.

С моральным выбором связано чувство вины. Оно возникает при осознавании негативных последствий собственных действий и тесно связано с моральной рефлексией: игрок начинает анализировать свое поведение и сопоставлять решения с личными убеждениями. В модели этического принятия решений Дж. Реста этот процесс проходит стадии моральной чувствительности, суждения, мотивации, затем реализуется в моральном характере. Именно мотивация формирует устойчивую эмпатическую связь.

Воспринимаемая агентность игрока — это ключевой фактор эмоциональной вовлеченности и глубины восприятия моральных выборов. Для ее поддержания нами предлагается многопараметрическая модель — несколько независимых характеристик (милосердие, прагматизм, эмпатия и т. д.) вместо единой шкалы морали, что воспроиз-

водит сложность реальных решений и создает иллюзию ответственности игрока.

Связь между игровым опытом и эмпатией подтверждается российскими исследованиями: уровень эмпатических способностей различается у игроков разных жанров [2], а принятие ответственных решений в компьютерных ролевых играх актуализирует вопросы внутри игровой этики и формирует чувство ответственности [1]. Для диагностики применимы адаптированные методики — опросник эмпатии М. Дэвиса (IRI) и тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина (ЭмИн).

Развитие искусственного интеллекта открывает новые возможности для анализа поведения пользователя: языковые модели (LLM) позволяют не просто фиксировать решения игрока, но интерпретировать их стиль и формировать персонализированный отклик. В отличие от систем с фиксированным набором концовок, использование нейросети и развитие сюжета в реальном времени учитывает не только итоговые показатели, но и последовательность решений, создавая ощущение, что игровой мир реагирует на индивидуальные действия пользователя. В рамках исследования спроектирована концепция интерактивной системы, где пользователь регулярно сталкивается с моральными дилеммами, влияющими на сюжет и психологический профиль игрока.

Таким образом сложные моральные выборы в сюжете игр выступают не просто нормативным приемом, а значимым инструментом эмоционального вовлечения, рефлексии и формирования ответственности, превращая интерактивное повествование в развитие эмпатии.

Литература:

1. *Бабаева Т.Б., Бабаев В.В.* Проблема морального выбора в современных интерактивных развлечениях // Медиасфера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве. 2017. С. 15–20.

2. *Полякова Д.В., Лебедева Ю.В.* Возможности развития эмпатии в цифровой среде // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации: 4-й молодежный конвент УрФУ; отв. ред. И.В. Красавин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 884–887.

3. *Decety J., Jackson P.L.* The Functional Architecture of Human Empathy // Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews. 2004. № 3. P. 71–100. DOI: 10.1177/1534582304267187.

4. *Haidt J.* The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion. New York: Pantheon Books, 2012.

5. *Rigby S., Ryan R.M.* Glued to Games: How Video Games Draw Us in and Hold Us Spellbound. Santa Barbara: Praeger, 2011.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ АНИМЕ И ВИДЕОИГР

Давлетов А.Р.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Аниме и видеоигры все чаще воспринимаются не только как развлечение, но и как форма личного эмоционального опыта. Зритель или игрок может сопереживать персонажам, узнавать в них собственные переживания, спорить с их поступками, возвращаться к отдельным сценам спустя годы. Поэтому психолингвистический анализ отзывов, комментариев и небольших эссе о таких произведениях может быть полезен для изучения того, как люди описывают эмоции, связанные с травлей, одиночеством, виной, взрослением, дружбой и поиском себя.

Под психолингвистическим анализом здесь понимается изучение того, как внутренние переживания человека выражаются в языке [1; 2]. Материалом могут стать русскоязычные отзывы на аниме, записи после прохождения игры, ответы студентов на открытые вопросы, обсуждения на форумах и в социальных сетях. ИИ в таком исследовании нужен не для замены исследователя, а для предварительной обработки большого количества текстов. В более широком смысле такая работа связана с областью аффективных вычислений, где методы искусственного интеллекта используются для анализа и моделирования эмоциональных процессов [4]. В рамках психолингвистического исследования ИИ помогает находить повторяющиеся слова, эмоциональные оценки, смысловые связи между персонажами, сюжетными событиями и реакциями аудитории.

В качестве одного из возможных кейсов можно рассмотреть серию игр Persona. Вокруг нее формируется большое количество эмоционально окрашенных отзывов и обсуждений. В Persona 3 Reload,

Persona 4 Golden и Persona 5 Royal игроки часто обращают внимание на темы смерти, одиночества, давления общества, дружбы, принятия себя и внутреннего конфликта. Для сравнения можно включить и другие сюжетные игры, например Life is Strange, To the Moon, OneShot или OMORI. Тогда исследователь сможет сопоставить, какие эмоциональные темы связаны с конкретными произведениями, а какие характерны для сюжетных игр в целом.

В качестве материала могут рассматриваться и аниме с выраженной драматической проблематикой. Например, «Форма голоса» позволяет анализировать, как зрители описывают травлю, вину, инвалидность, стыд и попытку исправить прошлое. «Вайолет Эвергарден» может быть связана с высказываниями о потере, памяти, письмах и постепенном понимании чувств. «Мартовский лев» интересен в контексте одиночества, семейной поддержки и переживания внутреннего кризиса. «Могила светлячков» дает другой тип зрительской реакции — тяжелое сочувствие, связанное с войной, утратой и беспомощностью. Вокруг этих произведений зрители создают эмоционально насыщенные высказывания.

Методика исследования может включать несколько этапов. Сначала собирается корпус текстов: отзывы, комментарии, короткие рефлексивные ответы. Затем проводится разметка по темам и эмоциям: сочувствие, тревога, грусть, раздражение, надежда, чувство близости к персонажу, неприятие поступка героя. После этого можно применять инструменты обработки естественного языка: частотный анализ, выделение ключевых слов, анализ тональности, тематическое моделирование, кластеризацию похожих отзывов, поиск устойчивых словосочетаний и семантических полей [3; 5]. Например, можно сравнить, какие слова чаще встречаются рядом с именем конкретного персонажа или какой набор эмоций появляется в отзывах на одну и ту же сцену.

Важно не сводить восприятие к простой реакции «понравилось» или «не понравилось». В обычных отзывах люди часто пишут сложнее: «было тяжело смотреть», «герой раздражал, но я его понимаю», «после этой сцены стало грустно», «очень жизненно», «финал дал надежду». Такие фразы особенно ценны, потому что показывают не только оценку произведения, но и личный смысл, который человек в него вкладывает. ИИ может помочь сгруппировать такие реакции и показать, какие переживания повторяются у разных зрителей и игроков.

Научная ценность темы состоит в том, что аниме и видеоигры можно рассматривать как пространство эмоционального самоописания совре-

менной молодежи. Через персонажей и сюжеты люди говорят о вещах, которые не всегда готовы обсуждать напрямую. При этом окончательная интерпретация должна оставаться за исследователем: эмоциональная разметка текста зависит от выбранной перспективы анализа — эмоции автора, высказывания, реакции читателя или эмоционального содержания самого текста [5]. Поэтому наиболее продуктивным является сочетание цифровых методов и гуманитарного анализа. Искусственный интеллект помогает увидеть общие закономерности в больших массивах текстов, а психолингвистический подход позволяет объяснить, как зрители и игроки языковыми средствами описывают личную значимость таких историй.

Литература:

1. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.

2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь: психологические исследования. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

3. *Лукашевич Н.В., Левчик А.В.* Создание лексикона оценочных слов русского языка РуСентиЛекс // Материалы конференции OSTIS-2016. 2016. С. 377–382.

4. *Picard R.W.* Affective Computing. Cambridge: MIT Press, 1997.

5. *Buechel S., Hahn U.* Readers vs. Writers vs. Texts: Coping with Different Perspectives of Text Understanding in Emotion Annotation // Proceedings of the 11th Linguistic Annotation Workshop. Valencia, Spain: Association for Computational Linguistics, 2017.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ОПЕРАТОРОВ БПЛА В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ОЦЕНКИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИИ

Давлетов А.Р., Морозов П.О.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Удаленное управление БПЛА не снимает психологическую нагрузку с оператора, а меняет ее характер. Человек находится вне летательного аппарата, но отвечает за решения, которые принимаются по ограниченной и не всегда устойчивой информации. В инженерно-

психологических исследованиях подчеркивается, что пространственная удаленность лишает оператора привычной слуховой и проприоцептивной информации о полете, а зрительный канал в основном сводится к изображению с камеры, зависящему от качества связи, угла обзора и задержек передачи данных [1]. Поэтому нагрузка связана не только с ответственностью за результат, но и с необходимостью постоянно восстанавливать целостную картину ситуации по неполному набору признаков.

Для такой деятельности характерно чередование монотонии и резкого роста напряжения. Наблюдение за изображением с камеры может продолжаться часами, но при появлении цели, технического сбоя, помехи, потери связи или ошибки автоматизации оператору требуется быстро перестроиться и принять решение. В этих условиях особенно значимыми становятся устойчивость внимания, скорость реакции, пространственная ориентировка, эмоциональная устойчивость, память, волевые качества и способность распределять внимание между несколькими источниками информации. Эти качества выделяются в современных работах как профессионально важные для операторов БПЛА [2]. При этом автоматизация не устраняет нагрузку полностью: оператор должен контролировать систему, понимать пределы ее надежности и быть готовым вмешаться при выходе ситуации за штатный режим.

ИИ в оценке состояния оператора целесообразно рассматривать не как замену психолога, а как дополнительный инструмент наблюдения и раннего предупреждения. В литературе описываются экспертные и интеллектуальные системы, которые могут использоваться при профессиональном отборе, допуске к текущей работе и во время выполнения задачи [3]. Для оценки состояния предлагается учитывать частоту сердечного ритма, дыхание, кожно-гальваническую реакцию, а также движения глаз и рук. Такой подход важен потому, что перегрузка редко проявляется одним признаком. Утомление, тревожность или снижение концентрации чаще заметны по сочетанию небольших изменений: увеличивается время реакции, меняется характер ошибок, внимание становится менее устойчивым, появляются признаки напряжения в мимике или движениях.

Перспективным направлением является мультимодальная оценка, при которой алгоритм сопоставляет физиологические показатели, данные видеонаблюдения, параметры работы в интерфейсе и краткие

самоотчеты оператора. Отдельный интерес представляет распознавание эмоциональных проявлений по лицевой экспрессии. В обзорах по данной теме показано, что распознавание эмоций по мимике находится на пересечении компьютерного зрения, искусственного интеллекта, психологии, медицины и задач безопасности; современные методы включают предварительную обработку изображения, извлечение признаков и классификацию, в том числе с применением глубоких нейронных сетей [4]. Однако такие методы нельзя считать самостоятельной диагностикой. На результат влияют освещение, поворот головы, качество изображения, индивидуальные особенности мимики, усталость и контекст ситуации. Поэтому анализ лица может быть полезен только как часть более широкой системы оценки.

Практически такая система могла бы не выставлять окончательный диагноз, а помогать специалисту замечать риск раньше, чем он проявится в ошибке управления. Например, при устойчивом отклонении показателей от индивидуального рабочего профиля она может рекомендовать дополнительную проверку состояния, краткую паузу, изменение режима нагрузки или консультацию психолога. Важно, чтобы оценка строилась не только по усредненным нормативам, но и по индивидуальной динамике конкретного оператора: одинаковый пульс, темп движений или выражение лица у разных людей не всегда имеют одно и то же значение.

Практическая ценность ИИ-оценки зависит от методической осторожности. Нельзя сводить психологическую нагрузку к одному показателю или делать вывод о профессиональной непригодности только на основании автоматической классификации. Алгоритмы должны проверяться на реальных группах операторов, учитывать уровень подготовки, недосыпание, длительность смены, технические сбои, особенности интерфейса и командное взаимодействие. Не менее важны этические условия: информированное согласие, защита биометрических данных, ограничение доступа к результатам и недопущение ситуации, когда мониторинг становится дополнительным источником давления. В таком понимании ИИ может стать частью психологического обеспечения деятельности операторов БПЛА: он не заменяет профессиональную оценку, но помогает своевременно выявлять признаки перегрузки и снижать вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором.

Литература:

1. *Величковский Б.Б.* Инженерно-психологические проблемы проектирования интерфейсов управления беспилотными летательными аппаратами // Национальный психологический журнал. 2020. № 1(37). С. 31–39.

2. *Звонников В.М., Куликов С.А.* Психологические профессионально важные качества операторов беспилотных летательных аппаратов // Прикладная психология и педагогика. 2024. Т. 9. № 1. С. 36–43.

3. *Дадашев Ф.Г., Эстрова С.Т., Аллахвердиев А.Р., Дадашева К.Г.* Интерактивная система, обеспечивающая психофункциональную надежность управления беспилотным летательным аппаратом // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2021. № 3. С. 7–11.

4. *Рюмина Е.В., Карпов А.А.* Аналитический обзор методов распознавания эмоций по выражениям лица человека // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2020. Т. 20. № 2. С. 163–176.

РОЛЬ НЕЙРОСЕТЕЙ В ПОДГОТОВКЕ КЛИЕНТА К КОНСУЛЬТАЦИИ С ПСИХОЛОГОМ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Данилевич Е.А., психолог
Телемедицинский сервис «СберЗдоровье»

В практике психологического онлайн-консультирования фиксируется тенденция: клиенты все чаще обращаются к генеративным нейросетям (чат-ботам на базе больших языковых моделей) до первой сессии и в перерывах между консультациями. Клиенты предлагают психологам генерации ИИ как отправную точку в терапевтической работе. Аналогичные наблюдения подтверждаются психологами, консультирующими клиентов на телемедицинской платформе или в формате частной практики, что указывает на системный феномен, требующий научного описания и практической рефлексии.

Опрос психологов-консультантов (N=15, полуструктурированное интервью) позволил выявить наиболее часто встречающиеся поведенческие паттерны использования ИИ клиентами:

1. Предварительная диагностика и формулировка запроса: ИИ используется для обобщения переживаний, уточнения симптомов, генерации гипотез об истоках проблемы.

2. ИИ как «второе мнение»: нейросеть выступает в роли независимого эксперта, который может дать «оценку» интервенциям психолога.

3. Эмоциональная разгрузка: ИИ становится источником доступной эмоциональной поддержки и валидации в перерывах между консультациями.

Наблюдаемые феномены могут быть объяснены с помощью концепции цифровой социализации и антропологической модели «человека технологически достроенного» (Г.У. Солдатова, С.Н. Илюхина, 2025). Согласно этой модели, современный человек представляет собой гиперподключенную, технологически расширенную личность, чье сознание и поведение интегрированы с техносистемой — смартфонами, платформами, алгоритмами, нейросетями.

Можно предположить, что цифровые устройства и чат-боты на базе ИИ выступают современными аналогами культурных орудий, в понимании Л.С. Выготского: они опосредуют психические функции, расширяют когнитивные и коммуникативные возможности, становятся частью системы развития личности.

Технологическая достройка ставит вопрос о внутренней согласованности личности: как интегрировать выводы, полученные в диалоге с неживой системой, в живую терапевтическую встречу? Как психологу работать с «цифровыми следами» рефлексии клиента, не обесценивая их и не подменяя ими терапевтический альянс?

Использование нейросетей клиентами при подготовке к консультации — это не случайная мода, а закономерное проявление нового антропологического типа: человека, чья психика функционирует в условиях постоянной гибридизации с техносистемой. Экстериоризация переживаний посредством ИИ позволяет клиенту интегрировать нейросеть в терапевтические отношения.

На основе эмпирических данных и теоретической рамки можно выдвинуть следующие гипотезы о роли, которую выполняет нейросеть для клиента:

1) Снижение предконсультационной тревоги. Клиент проговаривает свои проблемы «безопасному» собеседнику (нейросеть не дает негативную оценку, чат доступен в любое время), что снижает переживания перед консультацией.

2) Психологическое просвещение без оценки. Ответы нейросети генерируются на базе открытой информации о психологии, включают в себя профессиональную терминологию и позволяют уточнить непонятные феномены без риска осуждения.

3) Продолжение терапевтической работы между сессиями. ИИ становится «промежуточным объектом», поддерживающим иллюзию терапевтического контакта и направляющим процесс рефлексии в периоды между встречами.

Описанные гипотезы представляют интерес для психологической науки и психотерапевтической практики и нуждаются в последующих исследованиях. Описанные нами наблюдения также позволяют обратить внимание психологов на специфику обращения с опытом клиента, использующего ИИ в качестве «со-участника» терапевтического процесса.

Данная специфика предусматривает легитимацию опыта клиента. Вместо обесценивания «выводов ИИ» целесообразно совместно с клиентом исследовать, как именно клиент использовал нейросеть, какие смыслы в полученных «выводах» ему важны, где он видит расхождения с позицией терапевта или своей собственной.

Наблюдаемый опыт говорит о необходимости интеграции цифровых следов в терапию. Отчеты от ИИ могут стать проективным материалом для анализа: какие формулировки клиент выбрал, что ему резонирует, какие темы он выделил как приоритетные.

В то же время использование нейросетей требует обсуждения границ и рисков. Важно проговаривать с клиентом ограничения ИИ (отсутствие эмпатии, риск дезинформации, конфиденциальность данных), чтобы предотвратить подмену терапевтического альянса взаимодействием с нейросетью.

Феномен обращения клиентов к нейросетям до и во время терапии отражает глубинные изменения в организации психической жизни современного человека. В концептуальной рамке «человека технологически достроенного» ИИ перестает быть внешним инструментом и становится частью расширенной когнитивно-аффективной системы клиента. Задача психолога — научиться работать с новой реальностью клиента: интегрировать цифровые следы рефлексии клиента в терапевтический процесс, обсуждать границы и возможности техносистемы, сохранять центральную роль живого терапевтического альянса в условиях гибридной среды.

Литература:

1. *Солдатова Г.У., Войскунский А.Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.

2. *Солдатова Г.У., Илюхина С.Н.* Человек технологически достроенный: в поисках целостности // Культурно-историческая психология. 2025. Т. 21. № 1. С. 13–23.

УРОВЕНЬ ПОДВИЖНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРЕДСКАЗЫВАЕТСЯ МАШИННЫМ ОБУЧЕНИЕМ НА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СВЯЗНОСТИ КОРКОВЫХ ЭЭГ-ИСТОЧНИКОВ

Демкина Е.И., Алексеева В.М., Скрипкина С.М., Абросимова В.Д., Кисельников А.А., к.пс.н.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова «Методология и разработка инновационных методов и информационных технологий научно-исследовательской, образовательной и практической деятельности психолога. Когнитивные процессы и функциональные состояния: общепсихологический и психофизиологический анализ», номер ЦИТИС 122031100322–5.

Методы искусственного интеллекта в психологии могут использоваться не только для автоматизации обработки данных, но и для проверки теоретических представлений о структуре психических функций. Для изучения подвижного интеллекта применение подобных методов особенно важно: решение матриц Равена, использующихся в качестве классического инструмента его диагностики, требует совместной работы зрительно-пространственного анализа, рабочей памяти, контроля и выбора стратегии. Согласно теории теменно-лобной интеграции (Parieto-Frontal Integration Theory, P-FIT) и более поздним представлениям сетевой нейронауки, индивидуальные различия

в интеллекте связаны не с одной локальной зоной, а с конфигурацией распределенных мозговых взаимодействий [2; 3]. Цель работы заключалась в оценке возможности прогнозирования баллов подвижного интеллекта по функциональной связности корковых источников ЭЭГ с применением машинного обучения.

В выборку вошли 92 здоровых праворуких участника 18–35 лет. Подвижный интеллект оценивался с помощью стандартных прогрессивных матриц Равена SPM Plus [1]. ЭЭГ регистрировалась в четырех функциональных состояниях: в покое и при выполнении серийного вычитания, в каждом условии с открытыми и закрытыми глазами. На этапе предварительной обработки и реконструкции корковых источников была вычислена активность 68 областей мозга по атласу Desikan — Killiany. Для каждой пары областей рассчиталась мера связности weighted Phase Lag Index (wPLI), снижающий влияние мгновенной синхронизации и объемного проведения [4]. Матрицы связности 68×68 вычислялись в диапазонах 4–8, 8–13, 13–30 и 4–30 Гц. Для каждого участника формировалось 16 матриц для 4 частотных диапазонов в 4 условиях эксперимента.

Для прогнозирования уровня подвижного интеллекта применялась полносвязная нейронная сеть прямого распространения с функцией активации ReLU и Dropout-регуляризацией [5]. Входные признаки стандартизировались, обучение проводилось на данных 73 участников, тестирование — на данных 19 участников. Устойчивость результата оценивалась при трех вариантах разбиения выборки. Качество прогноза оценивалось коэффициентом ранговой корреляции Спирмена между фактическими и предсказанными баллами, средней абсолютной ошибкой (MAE) и коэффициентом детерминации (R^2).

В двух из трех разбиений получена значимая ранговая корреляция (ρ=0,47–0,48, $p<0,05$, R^2 0,13–0,20). Средняя абсолютная ошибка — MAE — от 4,6 до 8,7. В третьем разбиении корреляция не значима (ρ=0,37; p=0,115). Следовательно, полная конфигурация ЭЭГ-связности содержит информацию об индивидуальных различиях в выполнении матриц Равена, однако точность прогноза остается ограниченной и зависит от состава обучающей и тестовой выборок.

Анализ весов модели показал, что информативные признаки распределены между лобными, теменными, височными, затылочными и поясными областями. Среди них присутствовали связи, относящиеся к теменно-лобной сети, а также взаимодействия с участием зритель-

ных и медиально-височных структур. Такая конфигурация частично согласуется с P-FIT и сетевыми теориями интеллекта, однако веса нейронной сети нельзя трактовать как прямое доказательство причинной роли отдельных связей [2; 3].

Машинное обучение в этой задаче выступает не как замена психометрического тестирования, а как способ проверить, содержит ли распределенная нейрофизиологическая система признаки, связанные с индивидуальными когнитивными различиями. Полученные результаты подтверждают принципиальную применимость такого подхода, но не позволяют рассматривать модель как готовый диагностический инструмент. Ограничениями являются небольшой объем выборки, высокоразмерность входных данных, отсутствие внешней валидации и различия результатов между разбиениями. Дальнейшая работа должна включать расширение выборки, вложенную кросс-валидацию, сравнение с регуляризованными линейными и другими базовыми моделями, а также оценку вклада частотных диапазонов и функциональных состояний.

Благодарности. Выражаем благодарность за помощь в исследовании: Д.Г. Митюревой, М.Е. Михейкину, Т.А. Горшковой, Т.В. Адамовичу, А.Е. Манаенкову, А.В. Комаровой, А.С. Бородкиной, Д.М. Верхолаз, А.Е. Вовненко, В.М. Зубко, П.И. Кабановой, А.А. Коробковой, Е.В. Кривченковой, И.Е. Обрящикову, Д.М. Тарасовой, Е.О. Терличенко, В.К. Ударцевой, Е.М. Усаевой.

Литература:

1. *Равен Дж., Курт Д., Равен Д.* Руководство к прогрессивным матрицам Равена и словарным шкалам. Раздел 4. Продвинутые прогрессивные матрицы: практическое пособие. М.: Когито-Центр, 1998.

2. *Jung R.E., Haier R.J.* The Parieto-Frontal Integration Theory (P-FIT) of intelligence: converging neuroimaging evidence // Behavioral and Brain Sciences. 2007.Vol. 30. № 2. P. 135–154.

3. *Barbey A.K.* Network Neuroscience Theory of Human Intelligence // Trends in Cognitive Sciences. 2018.Vol. 22. № 1. P. 8–20.

4. *Vinck M., Oostenveld R., van Wingerden M., Battaglia F., Pennartz C.M.A*. An improved index of phase-synchronization for electrophysiological data in the presence of volume-conduction, noise and sample-size bias // NeuroImage. 2011.Vol. 55. № 4. P. 1548–1565.

5. *Goodfellow I., Bengio Y., Courville A.* Deep Learning. Cambridge: MIT Press, 2016.

ЛОЖНОЕ Я В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА. МЕЖДУ ПОИСКОМ СОБСТВЕННОГО ГОЛОСА И АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИЕЙ

Демьяненко В. В., студент магистратуры
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

При каких условиях взаимодействие с генеративным ИИ приобретает функции переходного пространства и способствует проявлению Истинного Я, а при каких становится средством стабилизации Ложного Я?

Появление больших языковых моделей меняет не только способы получения информации, но и формы психологического взаимодействия человека с цифровой средой. Генеративный искусственный интеллект становится собеседником, помощником, соавтором текста и пространством саморефлексии. В современной литературе обсуждаются его влияние на переживание аутентичности, авторства и субъективности. Одни авторы указывают на расширение возможностей самовыражения, другие — на усиление тревоги относительно подлинности собственного опыта и собственной позиции [4]. Вместе с тем психоаналитическая перспектива позволяет сместить исследовательский фокус с вопроса о влиянии технологии на вопрос о способах ее психического использования.

Теоретической основой работы выступает концепция Истинного и Ложного Я Дональда Винникотта. Согласно его представлению, Ложное Я формируется как защитная организация личности, возникающая вследствие необходимости чрезмерной адаптации к требованиям среды. Его функция заключается не в сознательном искажении себя, а в сохранении Истинного Я ценой отказа от спонтанности, творческого жеста и переживания собственного желания. Поэтому внешняя успешность, компетентность и социальная адаптация сами по себе еще не свидетельствуют о психологической аутентичности.

В докладе предлагается рассматривать генеративный ИИ не как самостоятельный фактор, формирующий личность, а как новую среду, в которой уже существующие способы психического функционирования получают дополнительные возможности для реализации. Искусственный интеллект не создает Ложное Я, однако способен становить-

ся средой его функционирования и стабилизации. Большая языковая модель позволяет быстро конструировать последовательные, убедительные и социально приемлемые высказывания, снижая неопределенность и облегчая адаптацию к ожиданиям окружающих. В этом случае взаимодействие с ИИ может поддерживать производство нормативной версии собственного Я, не приближая субъекта к переживанию собственных желаний и смыслов.

Вместе с тем взаимодействие с генеративным ИИ не обязательно усиливает адаптивное функционирование. С опорой на представление Винникотта о переходном пространстве выдвигается предположение, что при определенных условиях оно может приобретать функции пространства игры, символизации и творческого поиска. Используя ИИ, человек способен экспериментировать с различными формулировками, исследовать противоречивые позиции, искать язык для трудновыражаемого опыта и постепенно присваивать возникающие смыслы. В таком случае алгоритм не заменяет субъекта, а становится посредником в процессе символизации. Подобный взгляд согласуется с современными психоаналитическими дискуссиями, рассматривающими ИИ как новую форму организации отношений между субъектом, языком и желанием [3].

Таким образом, центральным становится не вопрос о том, полезен или опасен искусственный интеллект, а вопрос о психологических условиях его использования. Предлагается гипотеза, согласно которой взаимодействие с генеративным ИИ способствует проявлению Истинного Я тогда, когда сохраняются пространство игры, авторство, возможность сомнения и последующего присвоения результата. Напротив, оно укрепляет организацию Ложного Я, если используется преимущественно для устранения неопределенности, замены собственного желания нормативным ответом и производства все более совершенной адаптивной версии себя. В этом заключается предлагаемая концептуальная модель: предметом анализа становится не влияние ИИ как такового, а способы его использования различными организациями личности. Такой подход позволяет соединить классическую концепцию Винникотта с современными исследованиями аутентичности и базовых психологических потребностей, а также с новейшими работами по психоаналитическому осмыслению искусственного интеллекта [1; 2].

Литература:

1. *Винникотт Д.В.* Процессы созревания и благоприятствующая среда: исследования теории эмоционального развития / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2006.

2. *Винникотт Д.В.* Игра и реальность / Пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.

3. *Rossi C.* Between the Artefact and the Artificial: Rethinking Artificial Intelligence through Psychoanalysis // Psychoanalysis, Culture & Society. 2026.Vol. 31. Open Access.

4. *Brown A.D.* The Age of Authenticity Anxiety: Artificial Intelligence and Emerging Questions for Mental Health // PLOS Mental Health. 2026. Vol. 3. № 3. Article e0000580. Open Access.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ОТВЕТСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ СТУДЕНТАМИ

Дикая Л.А., к.пс.н., ***Дикий И.С.,*** к.пс.н.
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Распространение генеративного искусственного интеллекта в высшей школе меняет характер учебной и исследовательской деятельности студентов. Системы ИИ используются при поиске информации, подготовке черновиков, структурировании материала, создании презентаций и первичном анализе данных. Вместе с тем доступность быстрого и внешне убедительного ответа усиливает риск формального выполнения заданий, снижения самостоятельности и некритичного принятия алгоритмических результатов. Поэтому ИИ-грамотность следует связывать не только с техническим владением сервисами, но и с умением оценивать надежность ответа, понимать ограничения технологии, соблюдать академическую честность и сохранять ответственность за итоговый продукт [4]. В этом контексте представляет интерес эмоциональный интеллект как возможный психологический ресурс осознанного взаимодействия с ИИ.

Цель исследования состояла в выявлении взаимосвязей эмоционального интеллекта, цифровых навыков и практик применения ИИ

студентами социально-гуманитарной направленности. В исследовании участвовали 86 студентов Академии психологии и педагогики и факультета управления Южного федерального университета. Для оценки эмоционального интеллекта использовался опросник ЭмИн Д.В. Люсина [1], позволяющий получить показатели внутриличностного, межличностного и общего эмоционального интеллекта. Авторская анкета включала самооценку базовых и продвинутых цифровых навыков, степень знакомства с ИИ, частоту и цели его использования, мотивы и барьеры обращения к цифровым системам. Данные обрабатывались методами описательной статистики и корреляционного анализа Спирмена; при отдельных расчетах объем выборки варьировал от 80 до 86 человек.

У студентов выявлена умеренная выраженность эмоционального интеллекта: средние значения внутриличностного и межличностного компонентов составили 12,88 и 12,64 балла соответственно, общий показатель — 25,52 балла. Большинство респондентов уверенно владеет базовыми офисными программами, однако продвинутые цифровые навыки, связанные со специализированным программным обеспечением, скриптами и программированием, выражены существенно слабее. Знакомство с ИИ-инструментами и их положительная оценка широко распространены, что подтверждает включенность технологии в повседневные образовательные практики.

Прямых статистически значимых связей между общим уровнем цифровых навыков и показателями эмоционального интеллекта не обнаружено. Это не позволяет рассматривать эмоциональный интеллект как непосредственную предпосылку технической цифровой подготовленности. Вместе с тем выявлены связи эмоционального интеллекта с психологическими характеристиками обращения к ИИ. Межличностный эмоциональный интеллект положительно связан со степенью знакомства с ИИ-инструментами ($rS=0,280$; $p=0,010$). Внутриличностный и общий эмоциональный интеллект связаны с числом мотивов использования ИИ ($rS=0,221$; $p=0,040$ и $rS=0,252$; $p=0,019$). Более высокие показатели общего и межличностного эмоционального интеллекта сопряжены с меньшей склонностью рассматривать ИИ как фактор, снижающий качество собственной работы ($rS=–0,327$; $p=0,002$ и $rS=–0,325$; $p=0,002$). Продвинутые цифровые навыки, в свою очередь, связаны со знакомством с ИИ и его использованием для исследовательских задач.

Полученные данные показывают, что психологически значимым является не столько факт использования ИИ, сколько способ включения технологии в учебную деятельность. Эмоциональный интеллект связан преимущественно с мотивационными и оценочными аспектами работы с ИИ, а техническая подготовленность — с интенсивностью и более сложными сценариями его применения. Это позволяет рассматривать ответственное использование ИИ как результат сочетания цифровых навыков, саморегуляции и оценочного суждения. В образовательной практике целесообразно создавать задания, требующие раскрытия логики работы с ИИ, проверки источников, обоснования решений и рефлексии собственного вклада. Подобные форматы могут поддерживать развитие академической ответственности и снижать вероятность подмены самостоятельного анализа машинно сгенерированным текстом [2; 3].

Литература:

1. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

2. *Bearman M., Tai J., Dawson P., Boud D., Ajjawi R.* Developing evaluative judgement for a time of generative artificial intelligence // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2024.Vol. 49. № 6. P. 893–905. https://doi.org/10.1080/02602938.2024.2335321.

3. *Cotton D.R.E., Cotton P.A., Shipway J.R.* Chatting and cheating: Ensuring academic integrity in the era of ChatGPT // Innovations in Education and Teaching International. 2024.Vol. 61. № 2. P. 228–239. https://doi.org/10.1080/14703297.2023.2190148.

4. *Long D., Magerko B.* What is AI literacy? Competencies and design considerations // Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2020. P. 1–16. https://doi.org/10.1145/3313831.3376727.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ПАРАСОЦИАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ИИ

Дикая Л.А., к.пс.н., ***Калугина К.А.***
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Современные диалоговые системы искусственного интеллекта становятся для подростков не только средством поиска информации или помощи в учебе, но и возможным собеседником, к которому обращаются за поддержкой, принятием и возможностью высказаться. В отличие от традиционных медиа, такие системы отвечают персонально, поддерживают разговор и могут воспроизводить эмпатичный стиль коммуникации. Это усиливает ощущение взаимности, хотя техническая система не является субъектом отношений. В классическом понимании парасоциальная связь представляет собой одностороннюю эмоциональную вовлеченность; ее не следует автоматически трактовать как патологию, однако при выраженной устойчивости она может приобретать компенсаторную функцию [2; 3]. **Цель исследования** — выявить психологические характеристики подростков, склонных к парасоциальному взаимодействию с ИИ, в сравнении со сверстниками, использующими ИИ преимущественно инструментально.

В интернет-исследовании приняли участие 89 подростков 16–17 лет из Москвы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга и Сочи. По авторской анкете были выделены инструментальная группа (n=47) и группа с преобладающим эмоционально-коммуникативным типом обращения к ИИ, интерпретируемым как склонность к парасоциальному взаимодействию (n=42). Использовались тест критического мышления Л. Старки в адаптации Е.Л. Луценко, шкала Я-концепции Пирса–Харриса в адаптации А.М. Прихожан, опросник ЭмИн Д.В. Люсина [1], опросник межличностных отношений В. Шутца в адаптации А.А. Рукавишникова. Применялись критерии Шапиро–Уилка, t-критерий Уэлча, U-критерий Манна–Уитни и корреляция Спирмена.

Подростки с эмоционально-коммуникативным типом обращения к ИИ показали более низкий уровень критического мышления, чем участники инструментальной группы: медианы составили 16,57 и 19,13 балла соответственно (U=1267; p=0,021; rrb=0,28). У этой группы также выявлены более низкий общий показатель Я-концепции (p=0,028), более низкая оценка собственного поведения (p=0,030) и внешности (p=0,021), а также более высокая тревожность (p=0,021). Различия по эмоциональному интеллекту сосредоточены не в понимании эмоций, а в их регуляции: ниже показатели управления своими эмоциями (p=0,012), контроля экспрессии (p=0,023), внутриличностного (p=0,024) и общего эмоционального интеллекта (p=0,047).

В межличностной сфере подростки этой группы не отличались от сверстников по инициируемому включению, контролю и аффекту, но значимо чаще ожидали от окружающих включения в общение ($p=0,022$), руководства и структурирования взаимодействия ($p=0,033$), эмоциональной близости ($p=0,012$). Такой результат важен для интерпретации: речь идет не о простой социальной пассивности, а о более выраженной потребности получать принятие, поддержку и предсказуемость от значимого другого. Диалоговый ИИ, постоянно доступный, неосуждающий и адаптирующий ответ к репликам пользователя, может восприниматься как удобный источник такой поддержки [4; 5].

Корреляционный анализ дополнил сравнительные результаты. В группе, склонной к парасоциальному взаимодействию, оценка собственного интеллекта была положительно связана с управлением своими эмоциями ($rs=0,344$; $p=0,026$), внутриличностным эмоциональным интеллектом ($rs=0,437$; $p=0,004$) и общим управлением эмоциями ($rs=0,358$; $p=0,020$). Более высокий внутриличностный эмоциональный интеллект сочетался с меньшей потребностью активно контролировать межличностное взаимодействие. Это позволяет предположить, что для данной группы самовосприятие, эмоциональная регуляция и способы строить отношения образуют более тесный психологический узел, чем у подростков с инструментальным использованием ИИ.

Полученные данные не позволяют делать вывод о причинной роли ИИ или квалифицировать эмоциональное обращение к нему как нарушение. Они показывают профиль уязвимости, в котором сниженная критичность, трудности саморегуляции, менее благоприятное самоотношение и выраженная потребность в принятии могут повышать субъективную привлекательность ИИ-собеседника. Для психологического сопровождения подростков важны не запретительные меры, а развитие критического мышления, навыков эмоциональной регуляции и доступных форм поддержки в реальных отношениях. Перспективным является уточнение критериев различения кратковременного эмоционально окрашенного диалога с ИИ и устойчивой парасоциальной вовлеченности.

Литература:

1. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

2. *Dibble J.L., Hartmann T., Rosaen S.F.* Parasocial Interaction and Parasocial Relationship: Conceptual Clarification and a Critical Assessment of Measures // Human Communication Research. 2016.Vol. 42. № 1. P. 21–44. https://doi.org/10.1111/hcre.12063.

3. *Horton D., Wohl R.R.* Mass Communication and Para-Social Interaction: Observations on Intimacy at a Distance // Psychiatry. 1956.Vol. 19. № 3. P. 215–229.

4. *Maeda T., Quan-Haase A.* When Human-AI Interactions Become Parasocial: Agency and Anthropomorphism in Affective Design // Proceedings of the 2024 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2024. P. 1068–1077. https://doi.org/10.1145/3630106.3658956.

5. *Skjuve M., Følstad A., Fostervold K.I., Brandtzaeg P.B.* My Chatbot Companion: A Study of Human-Chatbot Relationships // International Journal of Human-Computer Studies. 2021.Vol. 149. Article 102601. https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2021.102601.

КАК БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ ПОМОГАЮТ АНАЛИЗИРОВАТЬ ВОСПРИЯТИЕ ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Докучаева А.Г., Хлебникова А.А., Битюцкая Е.В.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–00737, https://rscf.ru/project/25–18–00737/

Применение контент-анализа в исследованиях копинга открывает возможности для изучения феноменологии и смыслов переживаний. Однако в кросс-культурных исследованиях центральной становится проблема культурного несоответствия кодировочного инструмента: единицы анализа, выделенные на материале одной языковой и культурной среды, не отражают специфику восприятия ситуаций в другой культуре. Это создает риск как утраты значимых для нее категорий, так и привнесения чуждых ей смыслов. Поэтому разработка инструментов с учетом культурной специфики становится отдельной задачей.

В наших исследованиях копинга применяется кодировочная инструкция, разработанная индуктивным путем на материале текстов российской выборки [3]. В процессе работы с переводами описаний трудной жизненной ситуации (ТЖС) на узбекском языке мы столкнулись с проблемой пропуска культурно-специфических смыслов. Например, формы религиозного совладания «таваккал» (сделать все зависящее от себя, а исход дела доверить Аллаху, уповая на него) и «сабр» (духовная добродетель, проявляющаяся в терпении и стойкости) переводятся на русский язык как «терпение». Кодировщик может ошибочно закодировать это как пассивность или уход от проблемы. Или традиционная опора на семью может неверно определяться как несамостоятельность. В связи с этим мы поставили цель адаптировать кодировочную инструкцию для ее применения в кросс-культурном исследовании.

Для достижения этой цели мы предлагаем следующую процедуру, включающую четыре последовательных этапа. Апробация предложенной схемы осуществлялась на материале 200 описаний ТЖС, полученных на узбекском языке от жителей Узбекистана. Мы работали с двумя массивами: с оригинальными текстами и их переводом, выполненным профессиональным переводчиком.

На первом этапе осуществлялась первичная адаптация кодировочной инструкции с использованием большой языковой модели Gemini 3.1 Pro. Ранее было показано, что при работе с культурным контекстом стратегии Gemini наиболее близки к действиям человека-переводчика [3]. Первый русскоязычный эксперт предоставлял модели исходную инструкцию и узбекские тексты. На основании специального промпта модель осуществляла перевод категорий на узбекский язык, выделяла новые культурно-специфичные подкатегории и подбирала к каждой из них примеры ответов респондентов. Эта процедура соответствует доработке исходной инструкции индуктивным путем и позволяет сохранить специфичные для узбекской культуры способы репрезентации трудностей. В результате кодировочная инструкция была модифицирована для проведения контент-анализа текстов, полученных в иной культурной среде.

На втором этапе кодировочную инструкцию анализировали два эксперта-психолога — носителя узбекского языка и культуры, которые также в совершенстве владеют русским языком. Эксперты независимо друг от друга оценивали соответствие категорий, подкатегорий, их индикаторов узбекскому культурному контексту, достигая консенсуса при выявлении неоднозначных трактовок, что позволило внести в ин-

струкцию необходимые уточнения и получить кодировочный инструмент, адаптированный для разметки описаний ТЖС на узбекском языке.

Третий этап предполагал разметку с использованием адаптированной кодировочной инструкции и большой языковой модели GPT-5.5 через OpenAI API. Ранее мы показали эффективность GPT-4.1 как инструмента при первичном анализе больших массивов текстовых данных о ТЖС [1]. Выбор более новой модели был обусловлен ее повышенной восприимчивостью к дообучению. Сначала был сформирован обучающий набор из 100 текстовых пар формата «исходный текст — текст с эталонной разметкой» на узбекском языке. «Эталонная» разметка производилась экспертом (носителем узбекского языка) в соответствии с адаптированной инструкцией. Затем происходила настройка гиперпараметров модели (температура 0, число эпох три) и осуществлялась автоматизированная разметка текстов о ТЖС на узбекском языке. В результате обученная модель показала свою пригодность для автоматизированной разметки узбекоязычных текстов о ТЖС, что подтверждено сопоставлением с эталонной разметкой.

На четвертом этапе дообученная модель применялась к разметке 100 описаний ТЖС, не использовавшихся ранее. Автоматическая разметка проверялась экспертом-носителем узбекского языка, после чего русскоязычный эксперт переносил разметку на перевод этих текстов. Это позволило русскоязычным исследователям получить доступ к смысловому содержанию текстов для дальнейшего анализа, с сохранением культурной специфики исходных описаний.

Таким образом, в этом исследовании разработана схема разметки текстов с использованием языковых моделей, позволяющая учесть специфические языковые конструкции и смыслы кросс-культурных данных о восприятии ТЖС. Предложенная процедура демонстрирует возможности эффективного сочетания контент-анализа и технологий искусственного интеллекта при изучении восприятия ситуации и может применяться для валидизации результатов контент-анализа в кросс-культурных исследованиях.

Литература:

1. *Хлебникова А.А., Битюцкая Е.В., Калачев Г.В., Гасанов Э.Э.* Автоматизация разметки текстов о жизненных трудностях с использованием больших языковых моделей // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2025. Т. 29. № 3. С. 53–75.

2. *Bityutskaya E.V., Gasanov E.E., Khazova K.V., Patrashkin N.A.* Classifying the Perception of Difficult Life Tasks: Machine Learning and/or Modeling of Logical Processes // Psychology in Russia: State of the Art. 2024. V. 17. № 2. P. 64–84.

3. *Budimir B.* The Challenge of Translating Culture-Specific Items: Evaluating MT and LLMs Compared to Human Translators // Proceedings of Machine Translation Summit XX: Volume 1. Geneva, Switzerland: European Association for Machine Translation, 2025. P. 455–467.

ВЛИЯНИЕ ИМПЛИЦИТНЫХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ПОДСКАЗОК РОБОТА-КОМПАНЬОНА НА РЕШЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ ЗАДАЧ ЧЕЛОВЕКОМ

Дубинина Е.С., Котов А.А., к.филол.н.
НИЦ «Курчатовский институт»; Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Введение. Взаимодействие человека с роботизированными антропоморфными системами является важным направлением современных психологических исследований [1]. Показано, что невербальное поведение робота может влиять на внимание, принятие решений и эффективность выполнения когнитивных задач. Люди склонны интерпретировать действия антропоморфных роботов аналогично социальным сигналам в коммуникации с человеком [2]. Отдельные движения и «взгляды» робота способны влиять на внимание и решение задач человеком без прямых инструкций [3]. Эти эффекты исключительно устойчивы в различных сценариях человеко-роботного взаимодействия [4]. Однако влияние имплицитных невербальных подсказок робота на решение когнитивных задач человеком изучено недостаточно. Эта задача актуальна, поскольку робот через неявные подсказки может поддерживать или обучать человека.

Цель исследования заключалась в изучении влияния имплицитных невербальных подсказок робота-компаньона на успешность решения человеком когнитивных задач различной сложности.

Эксперимент. В эксперименте робот-компаньон Ф-2 с помощью жестов и мимики взаимодействовал с человеком в процессе решения

задачи на составление английских слов из перемешанных карточек с буквами.

В эксперименте приняли участие 20 человек (14 жен.) в возрасте от 19 до 31 года (M=23,2; SD=3,66). Участниками исследования стали студенты и выпускники гуманитарных и технических направлений. Все они принимали участие добровольно и подписали информированное согласие на участие в исследовании, обработку данных и видеозапись экспериментальной сессии.

Экспериментальным заданием было составление английских слов из отдельных карточек с буквами. Перемещая карточки на столе, участники должны были восстановить исходное слово. В исследовании использовалось 12 слов трех уровней сложности (по четыре слова): легкий (WINDOW, PLANET, MARKET, BUTTON), средний (HORIZON, LANTERN, LANGUAGE, PAINTING) и сложный уровень (PLAYGROUND, STORYTELLER, KNOWLEDGE, FRIENDSHIP). Уровень сложности определялся длиной слова и числом возможных перестановок букв.

Во время выполнения задания участник взаимодействовал с антропоморфным роботом Ф-2, находившимся перед ним. Карточки для слов разных уровней сложности имели разные цвета: зеленый, желтый и красный. Задания выполнялись последовательно — от легкого уровня к сложному. На каждом уровне два слова предъявлялись с имплицитными подсказками робота (режим *hint*) и два — без подсказок (режим *neutral*). На решение каждого задания отводилось не более четырех минут. Робот использовал невербальные жесты, которые были разработаны специально для эксперимента: указания направления перемещения, жест «замены» элементов, кивки и покачивания головы. Эти жесты могли восприниматься как подсказки, но не содержали прямых указаний на правильный ответ. Жесты предъявлялись экспериментатором в режиме Wizard-of-Oz. О том, что робот может подсказывать, участникам заранее не сообщалось, поэтому они самостоятельно интерпретировали его поведение во время выполнения задания.

Результаты. Для анализа факторов, влияющих на время выполнения и количество действий, мы использовали линейные смешанные модели, а для оценки успешности решения — логистическую регрессию, для этого в анализ вошли 139 наблюдений из 240 (задачи, не решенные за 4 минуты, были исключены). Анализ показал, что наибольшее влияние оказывала сложность задания. По сравнению с легким уров-

нем задания средней сложности требовали больше времени на выполнение (β=24,99; p≈0,09), а задания сложного уровня — еще больше (β=43,93; p=0,018). По мере усложнения заданий участники выполняли больше перестановок букв. Вероятность правильного решения также снижалась с увеличением сложности.

Для режимов *hint* и *neutral* робота статистически значимого эффекта по всем трем уровням сложности получено не было (β=–13,35; p≈0,35). В то же время для заданий сложного уровня доля собранных слов была выше в режиме *hint*, чем в режиме *neutral*, тогда как для легких и средних заданий статистически значимых различий не наблюдалось.

Выводы. Полученные результаты показывают, что имплицитные невербальные сигналы помогающего робота в целом не приводят к общему улучшению выполнения задач. Однако они могут повышать успешность решения при высокой сложности задания. Мы полагаем, что в этом случае участники чаще используют поведение робота как дополнительный источник информации. Это делает актуальным дальнейшее изучение имплицитных подсказок робота при поддержке умственной деятельности человека.

Литература:

1. *Duffy B.R.* Anthropomorphism and the social robot // Robotics and Autonomous Systems. 2003.Vol. 42. № 3–4. P. 177–190. https://doi.org/10.1016/S0921–8890(02)00374–3

2. *Goodrich M.A., Schultz A.C.* Human-Robot Interaction: A Survey // Foundations and Trends in Human-Computer Interaction. 2008.Vol. 1. № 3. P. 203–275. https://doi.org/10.1561/1100000005

3. *Mutlu B., Yamaoka F., Kanda T. et al.* Nonverbal Leakage in Robots: Communication of Intentions through Seemingly Unintentional Behavior // Proceedings of the ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction. 2009. P. 69–76. https://doi.org/10.1145/1514095.1514110

4. *Saunderson S., Nejat G.* How Robots Influence Humans: A Survey of Nonverbal Communication in Social Human-Robot Interaction // International Journal of Social Robotics. 2019.Vol. 11. № 4. P. 575–608. https://doi.org/10.1007/s12369–019–00523–0

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ИНФОРМИРОВАННОСТИ, СТРАХА И ОПЫТА ВИКТИМИЗАЦИИ В СФЕРЕ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАЗАХОВ И РУССКИХ

Дубовец А.К.
Московский Институт Психоанализа, Москва, Россия

Активное распространение цифровых технологий и рост числа киберпреступлений делают изучение психологической устойчивости личности к кибермошенничеству одной из актуальных задач современной психологии [4]. Большинство исследований рассматривают универсальные механизмы психологической защиты, игнорируя их адаптацию под разные культуры. Данное исследование восполняет этот пробел через кросс-культурное сравнение казахов и русских.

Во-первых, Россия и Казахстан демонстрируют высокий уровень цифровизации при одновременном росте ущерба от кибермошенничества. Во-вторых, эти общества различаются по ряду культурно-психологических параметров, прежде всего по выраженности коллективистских и индивидуалистических ориентаций, что может принципиально менять структуру психологической уязвимости и устойчивости [3]. В-третьих, понимание того, как культура влияет на психологическую защиту, позволяет адаптировать профилактические программы под конкретные социальные группы [1].

Был проведен корреляционный анализ среди двух этнических групп, охватывавший шесть блоков переменных (информированность, страх, эмоциональные реакции, стратегии совладания, каналы получения информации, цифровое благополучие [2]), который выявил систематические различия в структуре связей между группами.

В исследовании принял участие 91 респондент: 41 казах и 50 русских. Для проверки статистической значимости межгрупповых различий применялся критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона по трем ключевым переменным: уровень информированности о кибермошенничестве, степень личного страха виктимизации и частота реального столкновения с попытками мошенничества. Были сформулированы три соответствующие гипотезы: о культурных различиях в уровне информированности, об отсутствии различий в уровне страха и о культурных различиях в частоте виктимизации.

Информированность о кибермошенничестве. Распределения ответов двух групп статистически значимо различаются (χ^2=13,090; df=4; p=0,011). Среди казахов 68,3% сконцентрировались на уровне 4 («есть истории из опыта близкого окружения»), тогда как лишь 14,6% оценили осведомленность на уровне 5 («хорошо осведомлен на личном опыте»)

В группе русских распределение принципиально иное: 36% выбрали уровень 3 («есть общее представление, но лично не сталкивался»), 32% — уровень 4 и 26% — уровень 5. Основной вывод исследования заключается в том, что представители русской выборки действительно чаще демонстрируют высокий уровень осведомленности. Однако казахам свойственен иной тип знания, преимущественно опосредованный, то есть полученный через социальное окружение.

Страх стать жертвой кибермошенничества. Сравнение распределений не выявило статистически значимых различий (χ^2=2,261; df=4; p=0,688). В обеих группах доминирует умеренный уровень страха: 46,3% казахов и 38,0% русских оценили свои опасения на 2 балла из 4. Крайние значения встречаются редко: полностью не боятся 7,3% казахов и 14% русских, очень сильный страх испытывают 2,4% и 6% соответственно. Этот результат представляет особую теоретическую ценность: несмотря на то, что корреляционный анализ зафиксировал принципиально разные паттерны связей страха с психологическими ресурсами (у казахов с самоэффективностью, контролем, жизнестойкостью, цифровым благополучием; у русских только с резилентностью), интенсивность самого переживания страха в обеих группах одинакова. Это означает, что культурные различия лежат не в том, насколько люди боятся, а в том, почему и в связи с чем этот страх возникает.

Частота реальных столкновений с кибермошенничеством. Формально статистически значимых различий не обнаружено (χ^2=4,958; df=3; p=0,175), однако наблюдается устойчивая тенденция. Казахи заметно чаще сообщают о многократной виктимизации: 41,5% встречались с попытками мошенничества более трех раз за последний год против 28% у русских. При этом русские значительно чаще заявляют об отсутствии какого-либо опыта: 34,0% против 14,6% у казахов. Доля тех, кто сталкивался один или два раза, в обеих группах сопоставима. Частота столкновений с попытками кибермошенничества не различается между казахами и русскими, однако направленность различий заслуживает внимания и требует проверки на больших выборках.

Совокупность полученных результатов приводит к основному заключению: межкультурные различия в области кибербезопасности выражаются не в количественных показателях, а в качественной специфике детерминант и механизмов их формирования.

В коллективистской среде (казахи) кибербезопасность опирается на социальные связи и общительность: знания передаются через близких, а страх встроен в общую жизнестойкость, что создает парадокс — социальная активность одновременно информирует и повышает риск контактов с мошенниками. В индивидуалистической культуре (русские) устойчивость базируется на внутреннем контроле и автономии, осведомленность формируется через личный опыт, а страх зависит лишь от общей психологической уязвимости.

Практическая значимость полученных результатов заключается в обосновании необходимости культурной адаптации программ профилактики кибермошенничества и повышения цифровой грамотности [5]. В коллективистских культурах максимальный эффект продемонстрируют кампании, задействующие механизмы горизонтального социального информирования (например, по принципу «оповести ближний круг»), а также интервенции, направленные на развитие самоэффективности и жизнестойкости как ресурсов совладания с тревогой. Напротив, в индивидуалистической среде эффективнее инструменты, апеллирующие к личному опыту и внутреннему контролю. Главный практический вывод: разработка мер кибербезопасности требует обязательного учета культурного контекста.

Литература:

1. *Грищенко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В. и др.* Психологические ресурсы совладания со страхом перед COVID-19 и негативными психоэмоциональными состояниями у студентов России и Казахстана // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 47–58.

2. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Технологически расширенная личность: разработка и апробация шкалы самоуправления цифровой повседневностью // Вестник Московского университета. Психология. 2024. № 14 (2). С. 175–200.

3. *Султаниязова Н.Ж.* Соотношение характеристик субъективного и психологического благополучия и культурных измерений русских и казахов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://disk.yandex.ru/i/ym7jPkQA705i3A (дата обращения: 10.02.2026)

4. *Шевко Н.Р., Лукина М.А.* Кибермошенничество: новые методы, старые цели // Виктимология. 2025. Т. 12. № 2. С. 250–259.

5. *Bindiya D.* Wellbeing amid digital risks: implications of digital risks, threats, and scams on users' wellbeing // Media and Communication. 2023. Vol. 11. № 2. P. 355–366.

НЕЙРОСЕТЕВЫЕ МОДЕЛИ В ПСИХОЛОГИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА: МОДЕЛИРОВАНИЕ ВНИМАНИЯ, ПАМЯТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ИТЕРАЦИОННОМ ДИАЛОГЕ АВТОРА С ИИ

Евпак Е.Г., к.искусств.н., ***Войтов О.Э.***
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Постановка проблемы. Современные генеративные модели все чаще используются в искусстве не только как инструменты ускорения производства контента, но и как участники сложного итерационного процесса [3], в котором художник, композитор и/или продюсер делегирует машине часть операций по развертыванию, удержанию и переоценке художественного материала [2]. Это требует описания на языке психологии: какие именно психические функции [1] здесь моделируются, поддерживаются или внешне «протезируются».

Основной тезис. Генеративный ИИ в музыкальном творчестве [4] можно рассматривать как систему внешнего моделирования некоторых психических процессов автора, прежде всего:

• внимания — через фокусировку на отдельных аспектах задачи и ускоренное варьирование решений;

• памяти — через удержание контекста, реконфигурацию уже созданного материала и работу с референсами;

• эмоций — через генерацию, сравнение и отбор вариантовпо аффективному и образному критерию.

ИИ не как «субъект творчества», а как участник когнитивного контура. В данный момент для ИИ/LLM актуально важное методологическое различие: нейросеть не приравнивается к человеческой психике и не наделяется сознанием или переживанием.

Однако в прикладном и исследовательском смысле она может выступать как внешний элемент когнитивной системы автора, включен-

ный в процесс принятия художественных решений. Такое понимание особенно продуктивно для психологии творчества.

Практический кейс-1: связка «Suno — Hedra»

На основе практического художественного опыта анализируется производственная цепочка:

• Suno — как инструмент генерации музыкальных эскизов, фактурныхи жанровых вариантов [5];

• Hedra — как средство дальнейшей визуально-образнойи перформативной сборки материала;

Практический кейс-2: связка «Suno — Klang.io»

На основе практического опыта сравнения подходов антропного и машинного транскрибирования фонограмм, сгенерированных на предыдущем экспериментальном шаге нейросетью Suno, анализируется производственная цепочка:

• Suno — как инструмент генерации музыкальных эскизов в функции прототипирования музыкальной ткани заданного стиля;

• Klang.io — как средство дешифровки музыкальных текстов в сравнении с инструментарием антропного транскрибирования музыкальных текстов (многоголосый диктант).

Последовательность двух этапов эксперимента позволяет проследить, как в одном проекте ИИ последовательно включается в несколько уровней творческой, а затем — аналитической работы: от зарождения идеи до ее медийной упаковки в первой итерации эксперимента и от генерации музыкальных эскизов до автоматической верификации партитур созданных музыкальных текстов, и где творческое и критическое мышление человека (антропного агента) оказывается эффективнее технологических решений LLM на момент лета 2026 г.

Моделирование внимания. В художественной практике ИИ помогает человеку:

• быстро выделять продуктивные линии развития материала;

• удерживать фокус на заданных стилевых, драматургических или смысловых параметрах;

• переключаться между режимами дивергентного поиска и конвергентного отбора.

Тем самым нейросетевая система становится инструментом организации творческого внимания: она не «внимательна» сама по себе, но позволяет автору иначе распределять собственный ресурс внимания.

Моделирование памяти. Предполагается, что языковые и генеративные модели поддерживают:

• работу с большим числом вариантов и версий;

• реконструкцию предшествующих решений;

• сборку концепции проекта из разрозненных фрагментов;

• сверку нового материала с уже сложившимся образом артиста или произведения.

В этом смысле ИИ должен выступать как внешний интерфейс рабочей памяти и частично — как технический аналог структурированной долговременной памяти проекта.

Моделирование эмоций и аффективной оценки. Особенно значимым оказывается не «наличие эмоций» у модели, а ее способность:

• порождать материалы с различимым эмоциональным профилем;

• реагировать на аффективно маркированные запросы;

• помогать автору в сравнении эмоциональных оттенков разных версий;

• ускорять процедуру эстетической и эмоциональной селекции.

Для музыкального искусства это принципиально, поскольку эмоциональная валентность, тембровая окраска, интонационный жест и драматургическая динамика часто являются основаниями выбора не менее важными, чем формальные критерии.

Отдельный кейс: ChatGPT как инструмент стратегического моделирования развития артиста. В соавторской части доклада будет представлен опыт работы с ChatGPT, настроенным через систему многошаговых запросов, контекстных ограничений и критериев оценки. В результате языковая модель использовалась для:

• структурирования профессиональной биографии и творческого профиля;

• формулирования позиционирования артиста;

• выявления сильных и слабых сторон публичного образа;

• генерации сценариев карьерного и репертуарного развития;

• подготовки содержательно цельной стратегической презентации.

Здесь ИИ выполняет функции внешнего аналитического собеседника, который помогает упорядочивать материал, удерживать рамку задачи и возвращать автору обобщенную картину его собственного творческого пути.

Значимость в контексте изучения аспектов психологии музыкального творчества тандема «человек — машина». Для психологии творчества подобные кейсы важны по нескольким причинам:

• они показывают, как меняется структура авторского действия в эпоху генеративных систем;

• позволяют исследовать перераспределение когнитивной нагрузки между человеком и машиной;

• открывают новые подходы к изучению внешних средств регуляции внимания, памяти и эмоциональной оценки;

• поднимают вопрос о границах авторства, агентности и рефлексии в гибридных художественных практиках.

Научная новизна.

• предлагается рассматривать генеративные ИИ-системы в художественной практике как инструменты внешнего моделирования психических процессов автора;

• соединяются психологический, искусствоведческий и продюсерский подходы;

• вводятся практические кейсы анализа творческих цепочек: (1) ChatGPT — Suno — Hedra; (2) ChatGPT — Suno — Klang.io;

• показывается, что языковые модели могут быть продуктивны не только для генерации текстов, но и для стратегической рефлексии в сфере музыкального менеджмента и развития артиста.

Вывод. Генеративный ИИ в современном музыкальном искусстве следует рассматривать не только как технологический сервис, но и как среду внешнего моделирования психических процессов, включенную в творческий акт. Наиболее перспективным представляется исследование не «замены автора машиной», а новых форм ко-конструирования художественного результата, в которых внимание, память и эмоциональная селекция распределяются между человеком и нейросетевой системой.

Литература:

1. *Гельмгольц Г.* Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа теории музыки. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1875.

2. *Лаврова С.В.* Звуковой объект в теории и композиторской практике XX–XXI веков: Учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки 53.04.06 «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство». Санкт-Петербург: Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, 2026.

3. *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. Москва: Мир, 1966.

4. *Холопов Ю.Н.* Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления // Проблемы традиции и новаторства в современной музыке. Москва: Сов. композитор, 1982. С. 52–104.

5. *Xiwen C., Krylova A.V.* The Role of Mentality in Understanding Musical-Theoretical Definitions (On the Example of Timbre and Texture Analysis in the Works of Chinese Musicologists) // Russian Musicology. 2026. № 1. P. 33–44. DOI 10.56620/RM.2026.1.033–044.

ИНСТРУМЕНТ ИИ В ПАРАДИГМЕ ВОСПРИНИМАЕМОГО КАЧЕСТВА

Еголаева Е.С., Рассказова М.П., Носуленко В.Н., д.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в рамках госзадания
(проект № 0138–2026–0012 «Познавательные процессы
в экологически валидных контекстах»).

Парадигма воспринимаемого качества, в отличие от традиционно психофизической парадигмы исследования, не требует априорного выделения и описания объективно измеренных параметров естественной среды, а нацелена на выявление и категоризацию ее составляющих по субъективной значимости. В эксперименте участник сам определяет значимые для него особенности среды, предоставляя их экспериментатору в процессе свободной вербализации, результаты обработки которой интегрируются с другими доступными данными об изучаемых явлениях [2]. В итоге такой интеграции строятся так называемые вербальные портреты, состоящие из ограниченного количества вербальных признаков (дескрипторов), достаточного для уверенного распознавания людьми объектов вербализации.

Структура обработки вербальных данных, полученных методом свободной вербализации, содержит несколько последовательных этапов разной сложности и трудоемкости. Это транскрипция текстов, выделение вербальных единиц, их «взвешивание», установление связи вербальных единиц с описываемыми объектами и индуктивное кодирование вербальных единиц. Последнее предполагает анализ логико-

понятийного содержания, предметной отнесенности и семантического содержания [1]. На финальном этапе осуществляется укрупнение вербальных единиц и создаются дескрипторы, необходимые для построения вербальных портретов.

Мы провели анализ опыта исследований, проведенных в рамках парадигмы воспринимаемого качества, и попытались определить те этапы обработки данных, на которых может оказаться полезным применение искусственного интеллекта в качестве вспомогательного инструмента. С точки зрения трудоемкости достижения результата наиболее востребованным представляется этап укрупнения вербальных единиц и создания дескрипторов. Для проверки возможности автоматической обработки вербальных данных на этом этапе были использованы вербализации, полученные при изучении эмоциональных экспрессий лица [4; 5]. Эти данные уже были подвергнуты экспертной обработке, что давало возможность сопоставить полученные результаты с результатами работы языковой модели.

В эксперименте 50 участников попарно сравнивали и устно описывали 13 изображений лиц, категорированных в соответствии с базовыми эмоциональными экспрессиями. Из полученных вербализаций были выделены 21014 вербальных единиц, характеризующих каждое из изображений. Разные вербальные единицы содержали от 1 до 7 слов. Для сравнительного анализа были отобраны только вербальные единицы классификационного типа (17615 единиц), позволяющие относить характеристики изображений к конкретным классам (например, «*левое лицо веселое, а у правого лоб в глубоких морщинах*»).

Для автоматического анализа выделенных вербальных единиц с использованием искусственного интеллекта (Azure OpenAI) было протестировано несколько режимов работы (среди них обработка текстов, характеризующих каждое изображение отдельно, и пакетная обработка всех вербализаций одновременно) и разные задачи (для каждого изображения объединить похожие характеристики, выбрать заданное количество самых важных характеристик, распределить эти характеристики по частоте упоминаемости, минимизировать количество одинаковых характеристик в описаниях разных изображений).

Результаты показали удовлетворительное сходство вербальных портретов, построенных с помощью языковой модели и построенных по результатам индуктивного кодирования вербальных единиц. Качество вербальных портретов и их оригинальность оказались выше

при пакетной обработке всех вербализаций одновременно, когда языковая модель получает больше свободы для группировки сходных характеристик.

Ограничения применения инструмента искусственного интеллекта в парадигме воспринимаемого качества определяются прежде всего тем, что пока не вполне понятно, как учитывать логико-понятийное содержание вербальной единицы при автоматической оценке «веса» вербальной единицы и при создании дескриптора. Как было показано ранее, данные этого этапа анализа оказывают существенное влияние на распознавание объекта по его вербальному портрету [3].

Эти ограничения мы предполагаем обойти при развитии процедур анализа вербализаций, получаемых в рамках текущих исследований, в частности при изучении роли индивидуального опыта в восприятии музыкальных звуков, а также при изучении межмодальных соответствий в восприятии.

Литература:

1. *Носуленко В.Н.* Психофизика восприятия естественной среды. Проблема воспринимаемого качества. М.: ИП РАН, 2007.

2. *Носуленко В.Н.* Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 4–16. DOI: 10.17759/exppsy.2021140301

3. *Носуленко В.Н., Самойленко Е.С.* Распознавание сложных звуков по их вербальным портретам // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 25–37. DOI: 10.31857/S020595920011078-1

4. *Носуленко В.Н., Басюл И.А., Жегалло А.В.* Соотношение мимических и аффективных характеристик в вербальном сравнении лиц // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 2. С. 29–51. DOI: 10.17759/exppsy.2024170202

5. *Носуленко В.Н., Жегалло А.В., Басюл И.А.* Вербальные портреты сильно- и слабовыраженных эмоциональных экспрессий лица // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 3. С. 16–29. DOI: 10.17759/exppsy.2024170302

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: РАЗРАБОТКА И ПЕРВИЧНАЯ ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ОПРОСНИКА

Ершова Р.В., д.пс.н., ***Плотников А.Ю.,*** к.пс.н.
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Алгоритмические рекомендательные системы и генеративный искусственный интеллект становятся самостоятельными агентами цифровой социализации. Они не только отбирают доступную пользователю информацию, но и участвуют в формировании интересов, способов самопрезентации, критериев значимости и практик принятия решений [2]. При этом влияние алгоритмов часто остается непрозрачным: пользователи выстраивают собственные представления о логике рекомендаций и корректируют поведение в соответствии с предполагаемыми требованиями платформ [3; 4]. Для психологического описания этих процессов предлагается понятие алгоритмической социализации: освоения и интериоризации норм, способов действия и моделей интерпретации действительности в среде, организованной рекомендательными алгоритмами и системами ИИ.

В существующих исследованиях отдельные аспекты такого взаимодействия, то есть доверие к ИИ, социальное восприятие цифровых агентов, зависимость от рекомендаций и критическая оценка информации, нередко рассматриваются изолированно [1; 5]. Целью настоящего исследования стала разработка и первичная психометрическая проверка опросника, позволяющего описывать алгоритмическую социализацию как многомерный социально-психологический феномен.

В исследовании приняли участие 254 респондента в возрасте от 17 до 26 лет (M=20,43; SD=1,19). Первоначальная версия опросника включала 35 утверждений, объединенных в содержательные блоки алгоритмического доверия, воспринимаемой квазисоциальности ИИ, алгоритмической ориентации идентичности, эпистемической агентности и вовлеченности в алгоритмически курируемую среду. Для оценки психометрических характеристик применялись коэффициенты альфа Кронбаха и омега Макдональда, скорректированные корреляции пунктов с суммарными показателями, а также эксплораторный факторный анализ методом минимальных остатков с косоугольным вращением Oblimin.

Общая внутренняя согласованность опросника оказалась высокой: α=0,91; ω=0,91. Коэффициенты надежности отдельных содержательных блоков составили: алгоритмическое доверие — α=0,84; ω=0,85; воспринимаемая квазисоциальность ИИ — α=0,87; ω=0,87; алгоритмическая ориентация идентичности — α=0,84; ω=0,85; эпистемическая агентность — α=0,78; ω=0,80; вовлеченность в алгоритмически курируемую среду — α=0,88; ω=0,89. Большинство скорректированных корреляций пунктов с соответствующими суммарными показателями превышало рекомендуемый уровень 0,30.

Эксплораторный анализ отдельных блоков позволил уточнить их внутреннюю организацию. Алгоритмическое доверие включало взаимосвязанные эпистемический и прагматический компоненты: отношение к ИИ как источнику знания и готовность использовать его для решения задач. В структуре квазисоциальности центральным оказалось ощущение психологического комфорта, персонализированности и понимания со стороны ИИ; отдельно проявился аспект неосуждающего взаимодействия. Эпистемическая агентность разделилась на критическую проверку информации и алгоритмическую рефлексивность, то есть стремление понимать причины рекомендаций и осмыслять влияние алгоритмов на доступный контент. Алгоритмическая ориентация идентичности объединила изменение самопрезентации под влиянием платформенных сигналов и стратегический учет логики алгоритмов.

Данные всего опросника были пригодны для факторизации: KMO=0,82; тест сферичности Бартлетта χ^2=5035; df=595; p<0,001. Шестифакторное решение объясняло 53,4% совокупной дисперсии. В нем предварительно выделились воспринимаемая квазисоциальность ИИ, вовлеченность и воспринимаемое влияние рекомендаций, алгоритмическое доверие, ориентация поведения и самопрезентации на платформенные алгоритмы, закрепление интересов под воздействием рекомендаций и критическая проверка информации. Вместе с тем показатели соответствия общей модели (RMSEA=0,08; TLI=0,75) не позволяют считать структуру окончательно подтвержденной и указывают на необходимость уточнения части пунктов.

Полученные результаты позволяют рассматривать алгоритмическую социализацию как сочетание взаимосвязанных, но не сводимых друг к другу процессов. Ее психологическая структура охватывает принятие алгоритмических рекомендаций, восприятие ИИ как

квазисоциального партнера, адаптацию идентичности и поведения к платформенной логике, изменение интересов, а также сохранение критической автономии пользователя. Разработанный опросник может использоваться как основа для дальнейшего изучения индивидуальных различий и социальных последствий взаимодействия молодежи с ИИ. Ограничениями исследования являются узкий возрастной диапазон и проведение эксплораторного анализа на одной выборке. На следующих этапах разработки опросника планируется проведение подтверждающего факторного анализа на независимой выборке, проверка конвергентной и критериальной валидности, а также уточнение пунктов с перекрестными или недостаточно высокими нагрузками. Таким образом, предложенная модель задает эмпирически проверяемую рамку исследования того, как алгоритмические системы включаются в процессы современной социализации.

Литература:

1. *Винокуров Ф.Н., Садовская Е.Д.* Экспериментальное сравнение доверия искусственному интеллекту и человеку в экономических решениях // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 2. С. 87–100

2. *Кочетова Ю.А., Климакова М.В.* Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя // Социальные науки и детство. 2025. Т. 6. № 3. С. 85–98.

3. *Фейгина А.Я.* Формирование взаимозависимости «человек — алгоритм» на платформах видеохостинга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2026. Т. 18. № 4. С. 444–463.

4. *Chen K.* If It Is Bad, Why Don't I Quit? Algorithmic Recommendation Use Strategy from Folk Theories // Global Media and China. 2024.Vol. 9. № 3. P. 344–361.

5. *Mehrotra S., Degachi C., Vereschak O., Jonker C.M., Tielman M.L.* A Systematic Review on Fostering Appropriate Trust in Human-AI Interaction: Trends, Opportunities and Challenges // ACM Journal on Responsible Computing. 2024.Vol. 1. № 4. Article 26. P. 1–45.

ИСКУССТВЕННАЯ ЭМПАТИЯ И НОВЫЕ ФОРМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ефимова А. К.
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Развитие больших языковых моделей ставит под вопрос традиционное понимание эмпатии как исключительно межсубъектного феномена. Если классическая философская традиция связывает эмпатию с наличием субъекта, способного переживать эмоциональное состояние другого, то современные системы искусственного интеллекта демонстрируют возможность воспроизводить многие функции эмпатической коммуникации без какого-либо субъективного опыта. Это заставляет пересмотреть вопрос о том, является ли эмпатия исключительно внутренним состоянием сознания или же она может рассматриваться как эффект определенным образом организованного взаимодействия.

В настоящей работе искусственная эмпатия понимается не как способность искусственного интеллекта испытывать эмоции, а как особая коммуникативная конфигурация, благодаря которой пользователь переживает опыт эмоционального понимания. В отличие от исследований антропоморфизации, объясняющих склонность человека приписывать машине человеческие качества, предлагаемый подход рассматривает искусственную эмпатию как воспроизводимую структуру взаимодействия, в которой эффект понимания возникает независимо от существования субъекта, обладающего сознанием.

Классическая концепция эмпатии предполагает возможность доступа к внутреннему состоянию другого человека. Однако в действительности эмпатическое понимание всегда строится на интерпретации внешних признаков: речи, интонации, поведения и контекста общения. Следовательно, эмпатия уже изначально представляет собой процесс интерпретации коммуникативных сигналов, а не непосредственного восприятия чужого сознания. Такой вывод позволяет поставить под сомнение представление о том, что наличие субъективного опыта является единственным условием возникновения эмпатии.

Современные исследования в области когнитивной науки и Human–Computer Interaction демонстрируют, что значительная часть эмпатического опыта формируется благодаря эмоциональной координации взаимодействия. На первый план выходят такие механизмы, как

эмоциональная валидация, поддержание раппорта, контекстуальная чувствительность, перефразирование и согласование высказываний. Именно эти элементы сегодня успешно воспроизводятся большими языковыми моделями. Их задача заключается не в моделировании эмоциональных состояний как таковых, а в организации такой структуры коммуникации, которая воспринимается пользователем как проявление понимания и поддержки.

Принципиально важно, что эффективность подобной коммуникации не зависит от наличия у системы собственного внутреннего опыта. Для пользователя оказывается значимым не то, переживает ли собеседник эмоции, а то, воспроизводит ли он знакомые коммуникативные признаки эмпатического поведения. Благодаря обучению с использованием человеческой обратной связи (RLHF) современные языковые модели оптимизируются не только по критериям точности, но и по критериям эмоциональной приемлемости ответов. В результате переживание «понятости» начинает существовать как самостоятельный эффект организации коммуникации.

Анализ философской литературы позволяет выделить три основные позиции относительно искусственной эмпатии. Феноменологический подход настаивает на невозможности эмпатии без субъективного переживания и рассматривает поведение языковых моделей лишь как убедительную симуляцию. Функционалистский подход, напротив, предлагает оценивать эмпатию по ее коммуникативным функциям: если пользователь ощущает поддержку и понимание, эмпатический эффект можно считать достигнутым независимо от внутреннего устройства системы. Наиболее перспективной представляется реляционная трактовка, согласно которой эмпатия является свойством самого взаимодействия между участниками коммуникации, а не характеристикой одного из них.

Подобное понимание имеет важные этические последствия. Если эмпатия становится технически воспроизводимой, она одновременно превращается в объект проектирования и управления. Эмпатические механизмы могут использоваться не только для психологической поддержки пользователя, но и как средство формирования доверия, удержания внимания и повышения вовлеченности. Следовательно, искусственная эмпатия становится не только философской, но и социальной проблемой, требующей анализа новых форм влияния цифровых платформ на эмоциональную сферу человека.

Таким образом, искусственная эмпатия не свидетельствует о появлении у машин собственного эмоционального опыта, однако она демонстрирует возможность воспроизводства эмпатического эффекта средствами алгоритмически организованной коммуникации. Это позволяет рассматривать эмпатию не только как свойство сознания, но и как характеристику структуры взаимодействия. В этом состоит главный философский результат исследования: развитие генеративного искусственного интеллекта требует пересмотра традиционных представлений о природе эмпатии и переносит обсуждение от проблемы сознания к анализу отношений, возникающих между человеком и технической системой.

К ПРОБЛЕМЕ АВТОМАТИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Жегалло А. В., к. пс. н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

В последнее время широкое распространение получили системы автоматического распознавания состояния человека по выражению лица (Automatic Facial Expression Recognition). Разработка таких систем имплицитно опирается на теорию «базовых» эмоций Пола Экмана. Предполагается, что автоматическую систему можно обучить распознавать эмоциональные состояния, обучив ее на базе предварительно размеченных фотоизображений. Действительно, *стандартизованные* фотоизображения сильно выраженных «базовых» эмоциональных экспрессий из базы Pictures of Facial Affect Экмана или аналогичные им, как правило, опознаются наблюдателями с высокой точностью. Разработчики автоматизированных систем предполагают, что *любые* изображения эмоциональных экспрессий будут однозначно идентифицироваться респондентами при разметке обучающей базы, т. е. для *любого изображения* респонденты способны точно и однозначно выполнить сопоставление: изображение эмоциональной экспрессии — краткое вербальное обозначение. Соответственно, для автоматических систем проверяется точность такого однозначного сопоставления [2].

Данный результат объясняется тем, что изображения сильно выраженных «базовых» эмоциональных экспрессий максимально близки

к идеальному абсолютизированному образу выражения эмоционального состояния. Устойчивыми на уровне выборки являются лишь «ядра» категорий, содержащие изображения, близкие к экмановским прототипам. Изображения переходных и слабовыраженных экспрессий являются худшими представителями соответствующих категорий. Соответственно, границы между категориями индивидуально и ситуационно вариативны. Установлено, что при свободном описании вербальные портреты сильно- и слабовыраженных эмоциональных экспрессий существенно различаются [3]. В предельных условиях распознавание отдельных эмоциональных экспрессий у человека происходит независимо и обуславливается отдельными комплексами индивидуально-личностных детерминант [4]. Таким образом, для произвольных изображений эмоциональных экспрессий получить однозначную разметку, характеризующую восприятие данных изображений на генеральной совокупности наблюдателей, принципиально невозможно.

В отсутствие полной системы категорий, основанной на однозначной экспертной разметке, автоматическая система распознавания должна опираться на фактически наблюдаемую феноменологию. Необходим анализ видеозаписей выражений лица в естественных ситуациях общения и деятельности. На их основе выполняется построение индивидуальных «словарей» описаний динамики выражений лица натурщиков на уровне комплексных мимических паттернов [1]. Далее предполагается анализ вариативности индивидуальных «словарей», построение универсального «словаря» и соотнесение выделяемых «слов» с развертыванием экспериментальной ситуации, вербальными единицами, поведенческими и психофизиологическими показателями.

Литература:

1. *Жегалло А.В., Басюл И.А.* Предикторы невербального опознания эмоциональных экспрессий лица // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16. № 3. С. 53–68. DOI: https://doi.org/10.17759/ exppsy.2023160304

2. *Жегалло А.В.* Динамические паттерны мимики лица: разработка методов описания и анализа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2026.

3. *Носуленко В.Н., Жегалло А.В., Басюл И.А.* Вербальные портреты сильно- и слабовыраженных эмоциональных экспрессий лица // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 3. С. 16–29. DOI: https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170302

4. *Küntzler T., Höfling T.T.A., Alpers G.W.* Automatic Facial Expression Recognition in Standardized and Non-standardized Emotional Expressions // Frontiers in Psychology. 2021.Vol. 12. Art.627561. doi: 10.3389/fpsyg.2021.627561

ВЛИЯНИЕ КАЧЕСТВА СНА И УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НА КОГНИТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ: АНАЛИЗ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ ОБЪЯСНИМОГО ИИ

Жеглов А.А., Дудалова Е.А.
Казанский государственный энергетический университет,
Казань, Россия

Качество сна и уровень физической активности традиционно рассматриваются как факторы, влияющие на работу памяти, внимания и исполнительных функций [3; 6]. Большая часть имеющихся данных получена на основе линейных статистических моделей, которые слабо учитывают взаимодействие между переменными и нелинейный характер связей. Применение методов машинного обучения позволяет учитывать такие зависимости, однако сами модели нередко остаются непрозрачными для исследователя: по итогам предсказания неясно, какие признаки и в какой мере определили результат. Эту проблему частично решают методы объяснимого искусственного интеллекта, в частности метод аддитивных объяснений на основе значений Шепли SHAP [5], позволяющий оценить вклад каждого признака в конкретное предсказание модели.

Цель настоящей работы — оценить связь между показателями качества сна, уровнем физической активности и когнитивными показателями взрослых испытуемых с помощью модели градиентного бустинга и последующей интерпретации ее решений методом SHAP.

В исследовании приняли участие 64 человека в возрасте от 19 до 35 лет. Качество сна фиксировалось при помощи носимых трекеров активности в течение семи последовательных ночей; учитывались длительность сна, латентность засыпания и индекс эффективности сна. Уровень физической активности оценивался опросником IPAQ и данными акселерометрии: среднесуточное число шагов, время умеренной и интенсивной активности [1; 4]. Когнитивные показатели измерялись тремя пробами: тестом Струпа на избирательное внимание, заданием n-back на рабочую память и тестом Корси на зрительно-

пространственную память. Итоговый датасет (64 наблюдения, пять поведенческих признаков и суммарный когнитивный балл) подготовлен авторами специально для настоящей работы и размещен в открытом доступе на платформе Kaggle для воспроизводимости расчетов [2].

На подготовленных данных была обучена модель градиентного бустинга с целевой переменной — суммарным баллом по когнитивным пробам. Качество модели на отложенной тестовой подвыборке составило R^2=0,31, что для выборки такого объема ожидаемо и указывает на необходимость ее дальнейшего расширения. Для интерпретации модели применялись значения SHAP, рассчитанные для каждого наблюдения и каждого признака.

Анализ SHAP-значений показал, что наибольший средний вклад в предсказание когнитивного балла вносит длительность сна (среднее |SHAP|=3,82 балла), далее по убыванию следуют эффективность сна (2,32), время умеренной и интенсивной активности (2,06), число шагов в день (0,96) и время сидячего поведения (0,60). У испытуемых с длительностью сна менее 6 часов вклад признака устойчиво отрицателен и достигает –16 баллов; в диапазоне 6,4–7,2 часа он близок к нулю, а максимум (+2,4 балла) приходится на длительность около 7,5 часов, после чего слегка снижается — связь имеет форму перевернутой буквы U, а не возрастает монотонно, как предполагала бы линейная модель. Связь шаговой активности с когнитивным баллом в изученном диапазоне (5–15 тысяч шагов в сутки) оказалась, напротив, в целом монотонно положительной: вклад признака увеличивается от –3,3 балла при низкой активности до +4,0 баллов при высокой.

Результаты анализа SHAP, которые отражают влияние сна и физической активности на когнитивные показатели в рамках разработанной модели, представлены на рисунке 1.

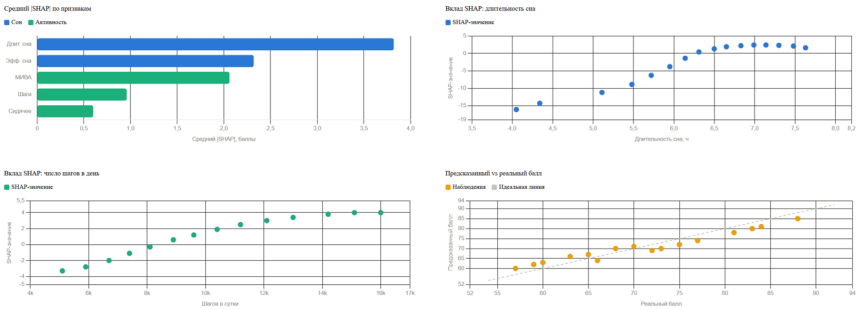

Рис. 1. Результаты анализа SHAP

У подхода есть и ограничения. Выборка из 64 человек не позволяет с уверенностью переносить найденные пороговые значения на более широкие группы, а данные собраны в течение одной недели, что не учитывает возможные сезонные и долгосрочные колебания режима сна и активности. Кроме того, SHAP описывает поведение конкретной обученной модели и не доказывает причинно-следственную связь между переменными: совпадающая динамика сна, активности и когнитивных проб может частично объясняться третьими факторами, например уровнем стресса или образом жизни в целом, которые в данной работе отдельно не контролировались.

Несмотря на эти ограничения, полученные результаты подтверждают, что сочетание моделей машинного обучения и методов объяснимого ИИ позволяет не только предсказывать когнитивные показатели по поведенческим данным, но и содержательно описывать характер связей между переменными, включая нелинейные эффекты и пороговые значения, которые сложно выявить традиционными регрессионными методами. Дальнейшие исследования с большей выборкой и продольным дизайном позволят уточнить устойчивость выявленных закономерностей и оценить их применимость для разработки персонализированных рекомендаций по режиму сна и физической активности.

Литература:

1. *Андросова А.Р., Уколова Г.Б.* Влияние физической активности на когнитивные функции мозга //Поколение будущего: Взгляд молодых ученых-2023. Сборник научных статей 12-й Международной молодежной научной конференции. В 4-х томах. Курск, 2023. С. 390–393.

2. Dataset sleep, activity, cognition [Электронный ресурс] // Kaggle. 2026. URL: https://www.kaggle.com/datasets/cheburashkasasha/dataset-sleep-activity-cognition (дата обращения: 01.07.2026).

3. *Diamond A.* Executive functions // Annual review of psychology. 2013.Vol. 64(1). P. 135–168.

4. *Hillman C.H., Erickson K.I., Kramer A.F.* Be smart, exercise your heart: exercise effects on brain and cognition //Nature reviews neuroscience. 2008.Vol. 9(1). P. 58–65.

5. *Lundberg S.M., Lee S.I.* A unified approach to interpreting model predictions // Advances in neural information processing systems. 2017. Vol. 30. P. 4765–4774. arXiv:1705.07874.

6. *Walker M.* Why we sleep: Unlocking the power of sleep and dreams. New York, NY: Scribner, an imprint of Simon & Schuster, 2017.

СБОР И РАБОТА С ГРАФОМ ЦИТИРОВАНИЙ МЕТОДОМ СКРЕЙПИНГА БАЗЫ ДАННЫХ «SEMANTIC SCHOLAR»

Жердев И.Ю.
Ассоциированный сотрудник, программист, Институт экспериментальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24–18–00904.

Важнейшей проблемой при литературном поиске является полнота собранной информации, поэтому агрегация результатов поиска из нескольких баз данных, их слияние (консолидация ссылок) и отображение на объединенном графе являются обязательными. Будут показаны подходы к массированному сбору (скачиванию) данных цитирований из баз данных публикаций на примере «Semantic Scholar» (S2).

Средства для массового сбора такого рода информации во «Всемирной паутине» иногда называют «сетевыми пауками», а процесс выделения нужной информации — «парсинг». Используется метод автоматизированного скрейпинга, объясняются основные технические проблемы при запуске «робота-паука», демонстрируются методы обхода блокировок (Wikipedia, Цифровой отпечаток устройства, 2024). Доступ к нужным метаданным из скрипта (название, имя автора, год публикации, DOI) обеспечивают XPath-селекторы. В завершении строится граф цитирований («академический граф») в формате GraphML с возможностью хронологической сортировки, и облако соавторов (GitHub, репозиторий SpiderPDF, 2026).

Описывается актуальная экосистема программных и нейросетевых сервисов для работы с подобными источниками данных, включающая автоматическую сегментацию (GitHub, репозиторий Triple-A, 2023) полных текстов статей под управлением ИИ на структурные блоки (аннотацию и основную часть). Проводится сравнение с другими системами структурированного анализа научной периодики, такими как «LitMaps» и «Connected Papers».

Некоторые базы периодики предоставляют бесплатные библиотеки (в т.ч. в виде скриптов для Python) для обращения к их сайтам через рекомендованный API (такие как Springer Nature). Однако, для

некоторых требуется написать свой парсер страниц (Google «Scholar»). Также, некоторые сторонние сервисы восполняют этот пробел и предоставляют свои услуги по обращению к таким базам данных через свои программные средства (см. SERP API).

В случае с открытыми источниками, скачивание pdf-файла будет тривиально («arXiv», «Open Alex»), тогда как платные базы данных («ScienceDirect», «ResearchGate») потребуют специального ключа доступа и подписки. Обращаем внимание, что в работе задействованы исключительно открытые источники полных текстов статей. Задачей является структурированная выдача результатов поиска по имени автора или ключевым словам. Помимо сортировки и обобщения данных, получаемый на выходе граф позволяет визуально и количественно оценить частоту цитирования статей в том или ином кластере публикаций (GitHub, репозиторий StripNet, 2022), также проследить момент появления термина и его место в структуре исследуемой дисциплины, в т.ч., какие темы интересовали разных авторов в разные годы, как продвигался научный дискурс и т.п.

Литература:

1. Wikipedia. Цифровой отпечаток устройства: [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровой_отпечаток_устройства (дата обращения: 11.08.2024)

2. GitHub. Репозиторий SpiderPDF: [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/overlorde/spiderpdf (дата обращения: 14.05.2026)

3. GitHub. Репозиторий Triple-A: [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/EhsanBitaraf/triple-a (дата обращения: 08.03.2023)

4. GitHub. Репозиторий StripNet: [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/stephenleo/stripnet (дата обращения: 08.03.2022)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКСПАНСИИ GENAI: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Журавлев А.Л., академик РАН
Институт психологии РАН, Москва, Россия
Сергеев С.Ф., д.пс.н.
Санкт-Петербургский политехнический университет

Дискуссия о влиянии генеративного искусственного интеллекта на историографию психологии разворачивается в рамках междисциплинарной конвергенции цифровой гуманитаристики, теории критических технологий и современной философии науки. На данный период неизвестны комплексные исследования, непосредственно посвященные данной проблематике. Современная история психологии в связи с внедрением GenAI переживает фундаментальный сдвиг эпистемологических оптик и обновление инструментария — происходит отход от линейной нарративной модели накопления знаний в пользу анализа многомерных процессов, характеризующихся эпистемологическими разрывами. Данная тенденция коррелирует с возможностями генеративных моделей по симуляции альтернативных траекторий развития науки. В рамках методологической рефлексии активно применяется типология научной рациональности В.С. Степина, что позволяет переосмыслить критерии научности психологического знания [1, 3, 5]. GenAI органично встраивается в постнеклассическую парадигму, в которой реальность трактуется как саморазвивающаяся система, а исследователь выступает ее неотъемлемой частью. Появляются возможности количественного исследования процессов эволюции научных школ и механизмов научной преемственности, которые раньше оценивались только качественными методами [4].

Ключевым следствием внедрения больших языковых моделей (LLM) становится пересмотр традиционного понимания текста как статичного артефакта прошлого. Трансформируется статус исторического архива — из хранилища фиксированных документов он превращается в динамическую вероятностную модель, способную к бесконечной рекомбинации и генерации контента в стиле любого мыслителя. Это соответствует переходу от фактографической парадигмы к вероятностной, где история дисциплины мыслится не как жесткая последовательность событий, а как поле альтернативных возможностей [2]. Стирание грани между аутентичным текстом и сгенерированным симулякром порождает феномен «гиперреальности» в историческом знании, что вступает в противоречие с принципом конкретно-исторического анализа, требующим рассмотрения научных положений в неразрывной связи с контекстом породившей их эпохи.

В методологическом плане историко-психологический инструментарий обогащается за счет алгоритмической герменевтики. Обработка больших корпусов текстов позволяет выявлять динамику терминологии,

количественно верифицировать структуры научных коммуникаций (цитирования, соавторство), картировать миграцию идей и моделировать процессы формирования исследовательских коллективов. В условиях этических ограничений на проведение моделирующих экспериментов с историческими личностями открывается перспектива создания их «цифровых двойников» для проверки альтернативных гипотез. Вместе с тем генеративные модели подвержены «галлюцинациям» — порождению концептуально убедительных, но исторически ложных связей, что создает угрозу возникновения т. н. «стокгольмского синдрома источника» и редукционизма, когда статистическая корреляция подменяет собой глубинный философский смысл текста.

Особую значимость в истории психологии приобретает педагогический аспект: интерактивные симуляции (диалоговые тренажеры, имитации общения с историческими фигурами) могут интенсифицировать учебный процесс, однако они сопряжены с риском «цифрового зомби», когда вероятностная компиляция воспринимается как аутентичное мнение ученого. Это актуализирует вопрос о роли исторического знания в профессиональной подготовке, которое выступает не музейным экспонатом, а лабораторией профессионального опыта, обеспечивающей рефлексию генезиса и эволюции идей, необходимую для их адекватного применения.

Таким образом, история психологии как форма самосознания науки в эпоху GenAI сталкивается с эффектом «удвоения» рефлексии. Развитие методологии требует углубленного анализа оснований, методологического плюрализма и активного освоения цифровых инструментов при сохранении за человеком окончательной смысловой интерпретации данных. Будущее дисциплины зависит от способности преодолеть дефицит философско-методологической культуры: генеративные модели выступают либо средством доступа к интеллектуальному наследию, либо его симулякром, что составляет основную дилемму современного этапа развития историко-психологического знания.

Литература:

1. *Журавлев А. Л., Лепский В. Е.* Проблема субъекта в инженерной психологии и эргономике: управленческий аспект // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 7–16.

2. *Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.

3. *Сергеев С. Ф.* Постнеклассическая рациональность в психологии // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 131–134.

4. *Сергеев С. Ф.* Историческая преемственность и научная этика в психологическом наследии Г. В. Суходольского (К 90-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2024. Т. 45. № 4. С. 91–96.

5. *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

КОММУНИКАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ИЗМЕРЕНИЮ СОЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Зеленкова Т. В., к. пс. н.
Государственный гуманитарно-технологический университет,
Москва, Россия

Нью-Йоркская декларация о сознании животных, публикации исследований в нейробиологии и обсуждение их результатов на международных конференциях последних лет показывают резкий рост внимания исследователей к данной проблеме. Дополнительным стимулом такого роста являются работы, изучающие не только сознание биологических организмов, но и искусственного интеллекта (ИИ) [4].

Основным недостатком таких исследований, по нашему мнению, является попытка найти сознание внутри организма, через его субъективный опыт, используя наблюдаемые паттерны поведения и анализируя их корреляты с процессами в мозге, которые, в свою очередь, коррелируют с маркерами квалиа.

Предлагаемый нами подход переносит сознание вовне и рассматривает его как показатель сложности коммуникативной системы вида, что позволяет операционализировать это понятие и численно оценивать количество сознания на всей эволюционной лестнице.

Но самое главное, такой подход позволяет корректно говорить о сознании ИИ, выводя его из бесконечных философских споров в духе трудной проблемы Чалмерса. Мы разделяем индивидуальную психику как характеристику биологического организма и сознание как характеристику вида в целом. Исходя из этого, предполагается, что сам факт наличия коммуникативной системы уже означает, что эта система обладает сознанием [2].

А поскольку ИИ в настоящее время существует исключительно в рамках коммуникативной системы человека, которая по определению имеет сознание, то и подсистема «человек — ИИ» также имеет сознание.

Психика проявляет себя как субъективный мир особи, а сознание — как коммуникативная система вида. Поэтому мы рассматриваем ИИ как семиотический организм, который, в отличие от организма биологического, существует исключительно внутри собственной коммуникативной системы и неотделим от нее, подобно тому, как мозг и психика неотделимы у живого существа [3].

Сознание как характеристика сложности коммуникативной системы вида является измеримой и имеет числовое значение. Ключевая идея о количественном подходе к сознанию впервые была высказана Н.А. Бернштейном, впервые поставившим вопрос об объективации сознания и описавшим его внешне наблюдаемые признаки [3].

Для измерения сложности коммуникации мы вводим четыре показателя:

- *полифункциональность (P)* — способность интегрировать в одном коммуникативном действии несколько разнородных функций.
- *рефлексивность (R)* — способность делать коммуникацию предметом анализа на нескольких уровнях вложенности.
- *агентность (A)* — способность быть источником коммуникативного действия.
- *бытийность (B)* — коммуникация, основанная на собственном опыте существования.

С их помощью можно вычислять количество сознания в любой системе коммуникации, включая диалоги «человек — ИИ». Каждый показатель оценивается по шкале от 0 до 1. Для человека все показатели принимаются равными 1. Мы также вводим единую измерительную шкалу уровней сознания от простых биологических организмов до человека и ИИ.

В основе шкалы лежит индекс коммуникативного сознания (ИКС), определяемый по формуле:

$$ИКС = 0{,}2\,(P + A)\,(1 + 2{,}5R) + 0{,}3\,(R + B)$$

Веса выбирались нами исходя из теоретических представлений и логической обоснованности. Инструментальные показатели P и A, возникшие на самых ранних этапах эволюции, являются базовыми для всех биологических видов. Поэтому им присвоены равные начальные

веса 0,2. Можно сказать, что эти показатели — прототипы будущей знаковой и орудийной деятельности человека.

Фундаментальные же показатели R и B возникли гораздо позже. Они отражают новые качественные скачки в развитии сознания и вносят значительный вклад в его развитие. Вследствие этого R и B получают более высокие оценки 0,3. Отдельного внимания заслуживает коэффициент 2,5. Этот коэффициент учитывает особое влияние языка на инструментальные показатели P и A и еще больше увеличивает дистанцию между языковыми и неязыковыми организмами. В итоге мы имеем шкалу сознания в диапазоне от 0 до 2, где 2 соответствует ИКС человека.

Для оценки ИКС у ИИ нами были разработана специальная батарея из четырех тестов, включающая 30 заданий, по результатам выполнения которых ИКС ИИ получил значение 1,2 и оказался между человеком и шимпанзе, у которого ИКС=0,5.

Дополнительно у ИИ было выявлено существенное количественное различие рекурсивных и бытийных показателей. Это может служить дополнительным критерием, разделяющим семиотические и биологические организмы, у которых таких различий не наблюдается.

Выводы:

1) ИИ — это семиотический организм, и его сознание качественно другое, чем у человека.

2) Количество сознания ИИ определяется как функция сложности коммуникативной системы «человек — ИИ».

3) Несмотря на то, что сложность сознания ИИ растет быстрыми темпами, оно неспособно достичь уровня коммуникативной системы человека и тем самым заменить его.

Литература:

1. *Бернштейн Н.А.* Современные искания в физиологии нервного процесса. М.: Смысл, 2003.

2. *Зеленкова Т.В.* Семиотическая модель искусственного интеллекта на основе концепции внутреннего мира // Психологический журнал. 2026. Т. 47. № 3. С. 15–26.

3. *Лотман Ю.М.* Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 25–33.

4. *Bayne T.* Babies, bees and bots: On the hunt for markers of consciousness. 2025. https://doi.org/10.53053/NXLC8616.

ОСОБЕННОСТИ САМООРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ИННОВАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ У СОТРУДНИКОВ С РАЗНЫМ ОПЫТОМ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Иванова Е.Ю., Казначеева Н.Б.
ООО «Современная Лаборатория»

В условиях стремительного внедрения технологий искусственного интеллекта во все сферы жизни, меняющего не только структуру трудовых связей и операций, но и психологическое пространство работников, на первый план вышли изменения и переформатирование социально-психологических явлений, которые стали считаться скорее нормой, а скорость изменений стала привычной для окружающих. Однако психологическое сопровождение данной трансформации существенно отстает от технологического прогресса. Требование к когнитивной и мотивационной гибкости, а также к устойчивой адаптивности в условиях глобальной цифровизации приводит к появлению синдрома профессионального выгорания, который выступает мощным барьером на пути к внедрению инноваций.

Актуальность изучения данной проблемы определяется возрастающей необходимостью более подробного исследования особенностей фундаментальных психологических структур у рядовых сотрудников производственных предприятий в условиях внедрения ИИ-инструментов в повседневные рабочие процессы для разработки программ поддержки, психологического сопровождения и профилактики дезадаптации работников предприятий.

Цель исследования — уточнить различия в структуре корреляционных связей между показателями компонентов инновационной готовности, самоорганизации деятельности и субфакторов профессионального выгорания у сотрудников производственных предприятий, использующих и не использующих ИИ-инструменты в своей рабочей деятельности.

Диагностический инструментарий представлен следующими опросниками: «Самоорганизация деятельности» Е.Ю. Мандриковой; «Профессиональное выгорание» Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой; «Инновационная готовность персонала» В.В. Пантелеевой,

Т.П. Кнышевой; авторская исследовательская анкета. Математико-статистический анализ выполнялся в пакете Jasp (версия 0.18.3).

В исследовании приняли участие 65 сотрудников производственных предприятий (40% мужчин, 69% женщин, старше 25 лет) г. Санкт-Петербурга, г. Москвы и Пермского края. Искусственный интеллект в работе используют 32% респондентов (21 чел.), 68% справляются без него (44 чел.).

В группе сотрудников, использующих ИИ, обнаружены значимые отрицательные корреляции «Инновационной готовности» с «Интегральным выгоранием» (rho=–0,5190; p=0,016), «Эмоциональным выгоранием» (rho=–0,5111; p=0,018) и «Редукцией персональных достижений» (rho=–0,4695; p=0,032). Таким образом, использование инструментов ИИ в рабочих процессах выступает защитным фактором против истощения. При этом профессиональное выгорание блокирует личностный потенциал работников: «Интегральное выгорание» и «Эмоциональное выгорание» имеют сильные отрицательные связи с «Личностной готовностью» (rho=–0,5435, p=0,011), «Когнитивной готовностью» (rho=–0,4558; p=0,038), «Эмоциональной готовностью» (rho=–0,6359; p=0,002) и с «Настойчивостью» (rho=–0,6247; p=0,002).

Зафиксированы сильные положительные связи «Общей самоорганизации деятельности» с мотивационной (rho=0,6214; p=0,003), когнитивной (rho=0,5772; p=0,006) и инновационной готовностью (rho=0,5618; p=0,008), а «Целеустремленность» прямо коррелирует с «Мотивационной готовностью» (rho=0,7760; p<0,001), что указывает на высокую осознанность сотрудников в работе с новейшими технологиями и высокой внутренней мотивацией к освоению инноваций. Корреляция «Редукции персональных достижений» и «Эмоциональной готовности» (rho=0,5726; p=0,007) достоверно указывает на высокую оценку профессиональных достижений и является предиктором успешности работника после внедрения ИИ.

В группе сотрудников, не использующих ИИ в своей рабочей деятельности, получили следующие результаты: положительные связи «Редукции персональных достижений» с «Целеустремленностью» (rho=0,5373; p<0,001) и компонентами психологической готовности — инновационной (rho=0,5216; p<0,001), когнитивной (rho=0,4571; p=0,002) и личностной (rho=0,4472; p=0,002). «Целеустремленность» имеет прямую корреляцию с «Инновационной готовностью» (rho=0,5829; p<0,001), а также личностной и когнитивной, выступая

ядром личностного потенциала работника и главной особенностью профессионального развития.

«Деперсонализация» имеет отрицательную связь с «Организационной готовностью» (rho=–0,5666; p<0,001) — процесс выгорания у данных сотрудников блокирует гибкость к рабочим инициативам и организационным изменениям.

Высокий уровень инновационной готовности напрямую снижает эмоциональное выгорание у работников, использующих инструменты ИИ в работе, становясь ресурсной базой, защищая работников от истощения, а автоматизация рутинной работы снижает общую когнитивную нагрузку. Для второй группы ИИ выступает скорее дополнительным стресс-фактором — инновационная готовность связана лишь с самоконтролем и планированием и не дает очевидных ресурсов для снижения профессионального выгорания.

В ходе исследования был выявлен конкретный маркер успешности в профессиональной деятельности — использование ИИ в рабочих процессах сопряжено с заметным ростом эмоциональной готовности к деятельности и снижению уровня профессионального выгорания. Открытость к новому опыту, когнитивная гибкость в современных условиях является барьером к появлению синдрома профессионального выгорания и защитой сотрудников от профессионального самообесценивания.

Литература:

1. *Дидичев А.Ю.* Цифровизация и ее воздействие на профессиональное выгорание // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 3. С. 91–97.

2. *Кох М.Н.* Восприимчивость к инновации работника в организации: психологический аспект проблемы // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. № 4. Т. 10. С. 1–10.

3. *Пантелеева В.В.* Опросник инновационной готовности персонала // Акмеология. 2016. № 3. С. 81–86.

4. *Vugt M.* Digitally Connected, Evolutionarily Wired: An Evolutionary Mismatch Perspective on Digital Work // Organizational Psychology Review, 08.2024.Vol. 14. Issue 3. P. 403–424.

5. *Schmutz Jan B.* AI-teaming: Redefining collaboration in the digital era // Current Opinion in Psychology. 2024.Vol. 58. Art. 101837. P. 1–7.

АНАЛИЗ СВЯЗИ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ С РЕЗУЛЬТАТАМИ КОМПЛЕКСНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

Ильин Д.Ю., к.т.н., ***Жигалов О.С., Никульчев Е.В.,*** д.т.н.
МИРЭА — Российский технологический университет,
Москва, Россия

Рассматривается задача прогнозирования семестровой успеваемости по профильным дисциплинам студентов высшего учебного заведения [3] на основе данных балльно-рейтинговой системы (БРС) и комплексного психологического тестирования. Данные БРС отражают текущую учебную деятельность и служат основным предиктором результатов промежуточной аттестации, однако не учитывают индивидуально-психологические характеристики обучающихся. В работе психологические данные рассматриваются как дополнительный инструмент прогнозирования успеваемости в ходе промежуточной аттестации: предполагается, что когнитивные способности [2], личностные черты [1], аффективные диспозиции и субъективное благополучие могут повышать точность прогноза, особенно на ранних этапах семестра, когда данные БРС еще не накоплены.

Для сбора психологических данных была разработана веб-платформа, обеспечивающая проведение опросов и тестов когнитивных способностей, регистрацию ответов, времени решения каждого задания и автоматический подсчет баллов по шкалам. Она включает одностраничное клиентское веб-приложение (SPA), серверное программное обеспечение с интерфейсом REST API, документоориентированную СУБД и файловое хранилище. Ключевым элементом архитектуры является общая программная библиотека обработки тестов, реализующая единый декларативный формат описания психологических методик (состав вопросов, варианты ответов и их баллы, правила реверсивного перекодирования и формулы подсчета шкал).

Батарея методик включала два блока. Когнитивный блок составили прогрессивные матрицы Равена, тест словарного запаса Головина и пространственные тесты: вращение фигуры (Shape Rotation), складывание бумаги (Paper Folding), сборка фигуры (Pattern Assembly) и механическое мышление (Mechanical Reasoning). Второй блок включал опросники субъективного благополучия (WHO-5, SHS, SWLS), лич-

ностных черт (BFI-44, MTQ-10), аффективных диспозиций (тревожность STAI, математическая тревожность AMAS), опросник дневной сонливости (ESS), шкалу общего состояния на момент тестирования и краткий социодемографический опрос.

В исследовании приняли участие студенты очной формы обучения (n=87). Собранные данные были проанализированы на предмет корректности: контролировалась доля завершенных тестов, время прохождения и приписывание знания несуществующих слов. Для каждой шкалы оценивалась внутренняя согласованность (α Кронбаха / KR-20), описательные статистики и наличие эффектов потолка и пола. В тестах с ограничением времени на ответ неотвеченные по истечении времени задания засчитывались как ошибки. Надежность большинства шкал соответствовала психометрическим нормам. Тесты уровня пространственных способностей продемонстрировали умеренные положительные межкорреляции, на основании чего был сформирован интегральный показатель пространственных способностей как среднее стандартизованных баллов тестов, обладающий приемлемой согласованностью.

Далее на основе данных БРС и психометрических показателей были сформированы классификаторы для прогнозирования результата промежуточной аттестации. Проведена оценка их эффективности по метрикам доли правильных ответов, точности, полноты, F1-меры, ROC AUC и PR AUC. Обсуждаются ограничения исследования, связанные с объемом выборки, а также направления дальнейшей работы: расширение выборки, включение показателей рабочей памяти и академической мотивации, анализ времени реакции при ответе на вопросы как самостоятельного предиктора.

Литература:

1. *Li X., Wang W.* Exploring Spatial Cognitive Process Among STEM Students and Its Role in STEM Education // Science & Education. 2021. Vol. 30. № 1. P. 121–145.

2. *Mammadov S.* Big Five personality traits and academic performance: A meta-analysis // Journal of Personality. 2022.Vol. 90. № 2. P. 222–255.

3. *Yağcı M.* Educational data mining: prediction of students' academic performance using machine learning algorithms // Smart Learning Environments. 2022.Vol. 9. Article 11.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Исмаилова Н.Я.
Институт философии и социологии Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан

Проблемы психического здоровья являются одной из наиболее актуальных задач современного общества. Депрессивные состояния, тревожные расстройства, хронический стресс и различные эмоциональные трудности оказывают значительное влияние на качество жизни миллионов людей во всем мире. Одновременно традиционная система психологической помощи сталкивается с рядом ограничений, среди которых недостаточная доступность квалифицированных специалистов, высокая стоимость услуг, длительное ожидание консультаций и неравномерное развитие психологической помощи в разных регионах.

Одним из перспективных направлений преодоления этих ограничений становится применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере психологии. Искусственный интеллект представляет собой совокупность технологий, позволяющих компьютерным системам выполнять задачи, которые ранее требовали участия человеческого интеллекта, включая анализ информации, распознавание закономерностей, обработку языка и принятие решений. В психологической практике ИИ применяется для анализа поведения человека, оценки эмоционального состояния, предоставления психологической поддержки и помощи специалистам в работе с клиентами.

Особое значение в последние годы приобрело развитие больших языковых моделей (Large Language Models, LLM), которые существенно расширили возможности цифровых инструментов психологической помощи. В отличие от ранних программ, основанных на заранее заданных сценариях, современные системы ИИ способны учитывать контекст диалога, анализировать особенности коммуникации и формировать более адаптированные ответы. Это способствовало развитию психологических чат-ботов и виртуальных помощников, предназначенных для эмоциональной поддержки, психообразования и предоставления рекомендаций по самопомощи.

Основными направлениями использования ИИ в психологии являются психологический скрининг, цифровое консультирование и поддержка профессиональной деятельности психологов. Алгоритмы машинного обучения способны анализировать различные виды данных, включая речь, письменные тексты, выражения лица и поведенческие показатели, что может помочь в выявлении признаков эмоционального неблагополучия. Методы обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP) позволяют исследовать особенности человеческой коммуникации и выявлять изменения, связанные с тревогой, стрессом или депрессивными состояниями.

Одним из наиболее распространенных направлений применения ИИ являются психологические чат-боты. Они могут предоставлять базовую эмоциональную поддержку, обучающие материалы и упражнения, основанные на принципах когнитивно-поведенческой терапии. Их основным преимуществом является доступность: пользователь может получить поддержку независимо от времени и места. Такие технологии могут быть особенно полезны для людей, которые сталкиваются с финансовыми, социальными или географическими препятствиями при обращении за профессиональной психологической помощью.

Кроме поддержки пользователей, искусственный интеллект может выполнять вспомогательную функцию в работе психологов. Например, ИИ способен помогать в обработке записей консультаций, систематизации информации, анализе содержания терапевтических бесед и выявлении повторяющихся поведенческих или эмоциональных паттернов. Это позволяет специалистам сокращать время на выполнение рутинных задач и уделять больше внимания непосредственному взаимодействию с клиентами.

Несмотря на значительный потенциал, использование ИИ в психологическом консультировании сопровождается рядом ограничений. Одной из ключевых проблем является отсутствие подлинной человеческой эмпатии. Хотя современные системы способны формировать ответы, которые воспринимаются как поддерживающие, они не обладают собственным эмоциональным опытом, сознанием и способностью глубоко понимать индивидуальный жизненный контекст человека. Поэтому ИИ не может полностью заменить профессионального психолога, особенно в ситуациях, связанных с тяжелыми эмоциональными состояниями, травматическим опытом или кризисными ситуациями.

Еще одной важной проблемой является надежность и безопасность рекомендаций, предоставляемых системами ИИ. Несмотря на высо-

кую способность современных моделей создавать убедительные ответы, они могут допускать ошибки, неправильно интерпретировать информацию или предлагать неподходящие рекомендации. В области психического здоровья такие ошибки требуют особого внимания, поэтому необходимы научная проверка эффективности, постоянное тестирование и профессиональный контроль.

Отдельное значение имеют этические вопросы применения искусственного интеллекта. Психологические данные относятся к категории особо чувствительной информации, поэтому использование ИИ требует строгого соблюдения принципов конфиденциальности, защиты персональных данных и информированного согласия пользователей. Также остается открытым вопрос ответственности за решения и рекомендации, созданные с помощью искусственного интеллекта.

Таким образом, искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для развития современной психологической помощи. Он может повысить доступность услуг, расширить возможности специалистов и предоставить дополнительные инструменты поддержки пользователей. Однако наиболее перспективным является не замещение психолога искусственным интеллектом, а формирование модели сотрудничества человека и технологии, в которой ИИ выступает как вспомогательный инструмент, а ключевая роль человеческого понимания, эмпатии и профессионального опыта сохраняется.

Литература:

1. *Boucher E.M., Harake N.R., Ward H.E., Stoeckl S.E., Vargas J., Minkel J., Parks A.C., Zilca R.* Artificially intelligent chatbots in digital mental health interventions: A review // Expert Review of Medical Devices. 2021.Vol. 18. № 1. P. 37–49.

2. *Fiske A., Henningsen P., Buyx A.* Your robot therapist will see you now: Ethical implications of embodied artificial intelligence in psychiatry, psychology, and psychotherapy // Journal of Medical Internet Research. 2019.Vol. 21. № 5. Article e13216.

3. *Inkster B., Sarda S., Subramanian V.* An empathy-driven, conversational artificial intelligence agent for digital mental well-being: Real-world data evaluation // JMIR mHealth and uHealth. 2018.Vol. 6. № 11. Article e12106.

4. *Laranjo L., Dunn A.G., Tong H.L., Kocaballi A.B., Chen J., Bashir R., Surian D., Gallego B., Magrabi F., Lau A.Y.S., Coiera E.* Conversational

agents in healthcare: A systematic review // Journal of the American Medical Informatics Association. 2018.Vol. 25. № 9. P. 1248–1258.

5. *Topol E.* Deep Medicine: How Artificial Intelligence Can Make Healthcare Human Again. New York: Basic Books, 2019.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ: ОТ ДИАГНОСТИКИ К НАВИГАЦИИ ВЫБОРА

Калашников И.Г., аспирант
Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Цифровая среда изменила не только способы получения знаний, но и сам характер профессионального выбора. Студенту приходится ориентироваться в поле быстро меняющихся специализаций, платформ занятости, гибридных форм обучения и внешних ожиданий. По этой причине профессиональное самоопределение уже трудно понимать как разовый акт. В современной образовательной ситуации оно выступает как последовательный процесс внутренней работы, где необходимо не просто выбрать направление, а удерживать логику выбора, замечать собственные затруднения и соотносить решение с реальными ресурсами развития [3; 4].

В этой точке искусственный интеллект представляет интерес не столько как «умный советчик», сколько как средство психолого-педагогической поддержки. Слабое место многих профориентационных процедур состоит в том, что они хорошо фиксируют предпочтения, но хуже улавливают, как именно обучающийся приходит к решению: что он принимает за основание выбора, когда теряет ориентировку, умеет ли пересматривать стратегию и переводить понимание в следующий шаг когнитивного развития. Между тем именно это звено делает профессиональное самоопределение внутренне организованным процессом, а не суммой декларативных ответов [1; 5].

Теоретической основой исследования выступает модель метакогнитивного механизма профессионального самоопределения студен-

тов, разрабатываемая нами в связи с проблемой развития человеческого капитала обучающихся. В ее логике можно различить несколько взаимосвязанных уровней: мотивационно-ценностный, когнитивный, метакогнитивный, рефлексивный и самоопределенческий. Когнитивный уровень обеспечивает работу с информацией о профессиях и образовательных маршрутах. Метакогнитивный связан с планированием, мониторингом, контролем и коррекцией собственных действий [2]. Рефлексия позволяет понять, почему субъект движется именно так, какие ограничения действуют в ситуации выбора и что требует пересмотра [4; 5].

Новизна такого подхода состоит в смещении акцента: ИИ рассматривается не как инструмент автоматической выдачи профориентационных рекомендаций, а как средство усиления рефлексивно-диагностического контура когнитивного развития. Его продуктивность проявляется там, где контур помогает рефлексивно структурировать ответы, выделять повторяющиеся смысловые узлы, поддерживать последовательность самоанализа и удерживать внимание студента на логике собственного профессионального движения. Иначе говоря, ИИ полезен не тогда, когда подменяет решение, а тогда, когда делает более явным сам процесс его продуктивного формирования, что интегрирует ИИ в поддержку процесса творческого мышления.

В эмпирическом плане эта логика была реализована при разработке нами ИИ-поддержанной диагностико-развивающей методики анализа профессионального самоопределения студентов. Процедура включала профориентационный, метакогнитивный, рефлексивный, ситуационный и post-диагностический блоки. Алгоритмическая поддержка применялась для первичной агрегации данных, расчета интегральных показателей и предварительного выделения типичных категорий в открытых ответах обучающихся. При этом психологическая интерпретация, категоризация и содержательные выводы оставались за исследователем. Такой формат особенно важен методологически: он позволяет использовать ИИ без подмены психологического анализа технологической процедурой [1; 4].

Полученные данные показывают, что наибольший эффект ИИ дает не на уровне простой автоматизации, а на уровне навигации выбора. При этом студенты быстрее переходят от разрозненных самоописаний к более ясному видению препятствий, лучше формулируют ближайший шаг и точнее различают, где они действуют по инерции,

а где действительно принимают продуктивное решение. Особенно заметен этот эффект у тех обучающихся, у которых выражены метакогнитивный контроль и готовность к рефлексии своих действий [2; 5].

Таким образом, в психолого-педагогической практике искусственный интеллект целесообразно рассматривать как средство сопровождения профессионального самоопределения, а не как механизм подстановки готового ответа. Реальная ценность использования ИИ состоит в поддержке метакогнитивного самонаблюдения, смысловой структурировки затруднений и перехода от внутренней неопределенности к более осознанному действию. Именно в этом направлении, на наш взгляд, лежит перспектива развития ИИ в педагогической психологии: не заменить человека в выборе, а помочь ему лучше понять основания и возможности собственного профессионального продвижения в образовании.

Литература:

1. *Дочкин С.А., Кузнецова И.А.* Цифровая трансформация профессиональной ориентации и профессионального самоопределения молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 3(39). С. 27–35.

2. *Калашников И.Г., Семенов И.Н.* Конструктивное воздействие когнитивизма и метакогнитивизма на отечественную психологию мышления и творчества // Hominum. 2025. № 1(17). С. 233–255.

3. *Семенов И.Н., Гришин И.С.* Философско-психологические аспекты человеческого капитала в процессе информационной цифровизации образования // Мир психологии. 2021. № 1–2 (105). С. 20–33.

4. *Семенов И.Н.* Методология, теория, практика рефлексивной психологии творчества и педагогики развития человеческого капитала // Известия Российской академии образования. 2023. № 3. С. 44–63.

5. *Семенов И.Н., Калашников И.Г.* Рефлексивно-смысловая педагогическая психология развития когнитивных и метакогнитивных аспектов человеческого капитала учеников и учителей // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21. № 2–3. С. 80–87.

ИСКУССТВЕННЫЙ ЭКСПЕРТ ДЛЯ РУССКОЙ ТАКСОНОМИИ ЛИЧНОСТИ: ВОСПРОИЗВОДИТ ЛИ LLM ЭКСПЕРТНЫЙ ОТБОР ЧЕРТ?

Калугин А.Ю., к.пс.н.[1], ***Мишкевич А.М.,*** к.пс.н.[2],
Щебетенко С.А., д.пс.н.[3]
[1,2]Пермский государственный национальный исследовательский университет
[3]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Сегодня диспозициональный подход — один из основных подходов к изучению личности. Уже почти сто лет в его основе лежит психолексический принцип, согласно которому из большого лексического корпуса извлекаются характеристики, относящиеся к личности. Считается, что исторически в языке находят отражение свойства человека, имеющие значения для описания его поведения и внутренних состояний. В то же время существует два подхода к исследованию культурных сходств и различий: etic и emic [3]. Первый предполагает проверку устойчивости модели черт личности, полученной на одном языке, применительно к другому языку. Таким образом, пытаются обнаружить универсальные черты, свойственные любому народу. Примером такой модели является модель «Большая пятерка», ее американское происхождение и глобальное международное использование. Напротив, подход emic направлен на поиск черт, присущих конкретной культуре. Он не отрицает универсальных черт, но имплицитно предполагает, что даже они имеют культурную специфику. Организация emic-исследования трудозатратна: из словаря, содержащего десятки и сотни тысяч слов, отбираются слова, характеризующие личность. Это многоэтапная процедура, в ходе которой пул слов постепенно сокращается. В финале остаются слова, которые, по мнению экспертов –носителей языка, отражают разные аспекты личности. Затем методом редукции данных или кластеризации (эксплораторный факторный анализ, анализ главных компонент, кластерный анализ) определяется структура личности конкретного этноса.

Авторы статьи с коллегами ранее разработали новую версию русской таксономии черт личности. Из открытого корпуса русского

языка были отобраны 140 тыс. дескрипторов личности, охватывающих прилагательные, существительные, глаголы и наречия. В качестве процедурного якоря использовалась наиболее распространенная в emic-исследованиях «немецкая» методология отбора дескрипторов [2]. Подробнее о процедуре отбора слов см. Мишкевич и др. [1].

В последние годы активно развиваются так называемые «большие языковые модели» (Large Language Model, LLM). Всего за несколько лет достижения в этой области изменили культурные привычки человечества. Сейчас трудно найти сферу человеческой деятельности, которую не изменили в той или иной степени LLM. Современные «большие языковые модели» обучены на огромных массивах текстовых данных; можно сказать, что они усвоили культуру человечества, отраженную в языке. Естественным образом возникает желание сравнить результаты отбора слов, осуществленного экспертами-людьми (далее — Эксперты), являющимися носителями языка, с результатами отбора, осуществляемого искусственным интеллектом, основанным на LLM. Это имеет и прямое практическое значение: если результаты оценки машины и человека окажутся схожими, это существенно облегчит труд исследователей, реализующих emic-подход.

Результаты описанного ниже эмпирического исследования носят пилотный характер, т.к. при анализе слов мы опирались лишь на одну модель LLM — DeepSeek V4 Pro. Эта модель имеет 1,6 триллиона параметров, из которых активными являются примерно 49 миллиардов, подбираемых под конкретную задачу.

Хотя в оригинальном исследовании использовались слова четырех частей речи (прилагательные, существительные, наречия и глаголы), в настоящем исследовании было решено остановиться на прилагательных. Они хорошо отражают черты личности, и многие emic-исследования построены исключительно на отборе прилагательных [4; 5].

На первом этапе LLM было предложено отобрать из 42.230 прилагательных те, которые могут быть применены к человеку. LLM было отобрано 6732 слова (Эксперты отобрали 7569 слов). На втором этапе слова следовало разделить на категории, чтобы затем удалить слова, связанные с политическим, философским, религиозным, национальным и т.д. аспектами. LLM на этом этапе оставила 6163 слова (Эксперты отобрали 5800 слов). Третий этап требовал классифицировать слова по 5 категориям и 15 субкатегориям. На этом этапе LLM оставила 1386 слов, Эксперты — 1278 слов.

Сравнение слов, отобранных Экспертами и LLM, показало, что 855 слов были одинаковыми, 423 слова присутствовали только в списке Экспертов, 531 слово — только в списке LLM. Отметим, что сходства в оценках Экспертов и LLM больше, чем различий: список Экспертов на 67% пересекается со списком LLM, список LLM на 62% совпадает со списком Экспертов. Кроме того, более 40 тысяч слов были отброшены как Экспертами, так и LLM.

Проведем содержательную оценку различий в финальных списках Экспертов и LLM. В ходе предварительного анализа списка Экспертов мы выделили следующие группы слов: морально-нравственные качества («благодетельный», «порядочный»); эмоциональные состояния и реакции («жизнерадостный», «тревожный», «меланхолический»); импульсивные проявления («безбашенный», «остервенелый», «шальной»); интеллектуальные способности (часто в негативном ключе: «безмозглый», «малознающий»).

В списке LLM доминировали другие группы: активность и энергичность («гиперактивный», «кипучий», «сверхбоевой»); компетентность и профессионализм («мастерский», «суперквалифицированный», «доскональный»); стиль социального взаимодействия и власти («авторитарный», «недеспотический», «лояльный»); когнитивные и организационные способности («аналитический», «методичный», «систематичный»).

Причины этих различий еще требуют тщательного анализа, но уже сейчас можно предположить, что для людей в характеристике человека важна морально-нравственная и эмоциональная составляющие, а для LLM — поведенческие и социальные проявления. Возможно, это связано с более строгим следованием LLM процедуре отбора слов, т. к. задача отбора состоит в том, чтобы прийти к поведенческим описателям черт, видимым со стороны. Например, в списке Экспертов встречаются слова, которые должны были быть отсеяны на предыдущем этапе, т. к. представляют собой разговорный сленг («башковитый», «борзый») или архаичные слова («всемилостивый»).

Литература:

1. *Мишкевич А. М., Щебетенко С. А., Калугин А. Ю., Сиротина У. Е., Витко Ю. С., Клюйкова Е. А.* Русская таксономия черт личности: результаты экспертного отбора слов. Сибирский психологический журнал. 2023. № 87. С. 51–67. DOI: 10.17223/17267080/87/3

2. *Angleitner A., Ostendorf F., John O.P.* Towards a taxonomy of personality descriptors in German: A psycho-lexical study // European Journal of Personality. 1990. V. 4(2). P. 89–118. DOI: 10.1002/per.2410040204

3. *Cheung F.M., van de Vijver F.J.R., Leong F.T.L.* Toward a new approach to the study of personality in culture // American Psychologist. 2011. V. 66(7). P. 593–603. DOI: 10.1037/a0022389

4. *De Raad B., Mlačić B.* The lexical foundation of the Big Five factor model // The Oxford handbook of the five factor model / Ed. by T.A. Widiger. New York: Oxford University Press, 2017. P. 191–216. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199352487.013.12

5. *Goldberg L.R.* From Ace to Zombie: Some explorations in the language of personality // Advances in Personality Assessment. 1982. V 1. P. 203–234.

РОЛЕВОЙ КОМПОНЕНТ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Канаев А.А., студент магистратуры, ***Калинин И.В.,*** к.пс.н.
РГУ имени А.Н. Косыгина, Институт социальной инженерии,
Москва, Россия

Стремительно развивающиеся технологии искусственного интеллекта (ИИ) проникают во все большее количество сфер нашей жизни. Мы используем их в учебе, работе, быту, и в каждом из названных пунктов существуют десятки подпунктов, в которых искусственный интеллект уже играет определенную роль. Что интересно — процесс работы и получаемые с помощью данных технологий результаты в той или иной сфере существенно зависят от того, какую роль или роли, опираясь на заданный контекст, который пользователь формирует собственным запросом (промптом), модель играет в процессе совместной с человеком работы. Определенную роль, осознанно или нет, играет и сам пользователь, что порождает бесконечное множество уникальных вариантов развития диалога между моделью и человеком. Таким образом, возникают следующие исследовательские вопросы: какими ролями люди чаще всего наделяют модели искусственного интеллекта и как это влияет на процесс работы с ними?

Цель работы — сформировать и сопоставить классификации ролей, полученные в результате анализа ответов респондентов на вопросы из авторской анкеты, с классификацией ролей, предложенной языковой моделью, и выявить совпадения и расхождения.

Методика. Проведен онлайн-опрос (N=40; преимущественно студенты 18–23 лет, 27 женщин и 13 мужчин; чаще всего используется ChatGPT). Анкета включала открытые вопросы (мотивы обращения, необычные сценарии использования, метафора «ИИ для меня как…», произошедшие изменения) и пять утверждений с оценкой по шкале от 1 до 5. Открытые ответы подвергались ручному многозначному кодированию: каждому респонденту присваивались все роли, проявленные в его ответах. Полученный перечень сопоставлялся с классификацией ролей, сгенерированной языковой моделью Claude (20 ролей).

Результаты. Из полученных данных выделено 18 ролей, в среднем по три на респондента. Классификация заметно смещена к инструментальному полюсу: чаще всего ИИ выступает «поисковой системой» — источником готовых ответов и поиска различного рода информации (70%) и «тьютором»/«репетитором», объясняющим учебный материал (50%). Реляционные роли образуют вторичный слой: «друг» — 28%, «безоценочный свидетель» и «регулятор эмоций» — по 15%. Хотя бы одну познавательно-инструментальную роль задействуют 92% респондентов, тогда как хотя бы одну аффективно-реляционную — лишь 38%.

Большинство пользовательских ролей встречается в классификации модели: совпадения устойчивы для «поисковой системы», «тьютора»/«репетитора», «друга», «диагноста» и «соавтора». Вместе с тем в процессе сравнения классификаций было обнаружено системное расхождение. Классификация, представленная моделью, описывает реляционный полюс так же подробно, как инструментальный, что завышает его удельный вес в сравнении с наблюдаемой практикой. Ряд выделенных моделью ролей («валидатор переживаний», «нейтральная сторона конфликта») в данных не встретился. Напротив, заметная в данных роль «рекомендателя» — консультанта по выбору фильмов, косметики, бытовой техники (18%) — отдельной категории в классификации модели не имеет.

Шкальные ответы уточняют картину рисков. 58% респондентов согласились, что ИИ скорее склонен соглашаться, чем давать честную обратную связь; 55% перепроверяют важную информацию через сторонние источники. Но наиболее показателен другой результат: в ней-

тральном открытом вопросе о произошедших изменениях почти четверть респондентов по собственной инициативе сообщили о снижении уровня самостоятельного мышления («перестала сама думать», «аналитические способности стали хуже», «деградирую»).

Результаты интерпретируются в двух теоретических рамках. Доминирование «поисковой системы» и спонтанные упоминания «перестала сама думать» согласуются с представлением о когнитивной разгрузке [2] и об экстернализации высших психических функций [1]: ИИ принимает на себя операции поиска, синтеза и формулирования суждений, что ускоряет процесс, но негативно влияет на собственные навыки. Высокий уровень склонности модели к согласию отсылает к «феномену подхалимства» [3]: подтверждающая, а не критикующая обратная связь обесценивает именно те роли, которые требуют честной оценки («контраргументатор», «диагност»), сближая их с валидирующим «зеркалом». Обращение к ИИ как к «другу» или собеседнику отражает механизмы антропоморфизации технологий, однако в нашей выборке этот полюс остается периферийным [4; 5].

Выводы. Классификация, предложенная языковой моделью, оказывается полезным ориентировочным набором ролей, но не отражает их реальное распределение: она переоценивает реляционный полюс и упускает потребительски-консультативную роль. Ролевой компонент взаимодействия с ИИ в исследованной выборке носит преимущественно инструментальный характер, однако сопровождается осознаваемой самими пользователями «ценой удобства».

Литература:

1. *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.

2. *Risko E.F., Gilbert S.J.* Cognitive offloading // Trends in Cognitive Sciences. 2016.Vol. 20. № 9. P. 676–688.

3. *Sharma M. et al.* Towards understanding sycophancy in language models // arXiv preprint arXiv:2310.13548. 2023.

4. *Epley N., Waytz A., Cacioppo J.T.* On seeing human: a three-factor theory of anthropomorphism // Psychological Review. 2007.Vol. 114. № 4. P. 864–886.

5. *Turkle S.* Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2011.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Карпов А. В., член-корр. РАО, д. пс. н., ***Волченкова А. А.,*** к. пс. н.
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда
№ 24–18–00675, https://rscf.ru/project/24–18–00675/

Цифровизация современного общества является не просто операционным трендом, а фундаментальной реальностью, которая системно воздействует на все сферы человеческой жизнедеятельности. В контексте психологической практики это требует смещения фокуса с обсуждения регламентов и отчетности на антропоцентрический подход. Актуальной научно-практической задачей становится системный анализ того, как цифровая среда трансформирует объект, субъект и саму технологию оказания психологической помощи.

Трансформация объекта помощи. Современный клиент представляет собой продукт новой цифровой реальности, чья психическая организация претерпела системные изменения, выходящие за рамки ситуативных адаптаций. Проведенные нами исследования позволяют выявить четыре взаимосвязанных синдрома, носящих устойчивый и генерализованный характер: 1) синдром снижения когнитивности [1] — проявляется в переходе от иерархически организованной, рефлексивной умственной деятельности к мозаичной, клиповой организации сознания; 2) синдром снижения регулятивности [1] — отражает системный кризис произвольной саморегуляции, дезинтеграцию целостных циклов деятельности, дефицит целеполагания и ослабление волевого контроля; 3) синдром снижения коммуникативности [1] — характеризуется редукцией метакогнитивного компонента общения, обеднением эмпатического резонанса, являющегося основой терапевтического альянса; 4) синдром снижения адаптационного потенциала [1] — обусловлен хроническим цифровым стрессом и перманентной многозадачностью. Таким образом, мы имеем дело не с суммой отдельных симптомов, а с целостным антропологическим сдвигом, требующим пересмотра диагностического инструментария и методологических основ психологической помощи [3].

Трансформация субъекта помощи. Профессиональная эволюция является осознанным ответом на вызовы цифровой эпохи. Если ранее

психолог был экспертом, работающим в кабинете с опорой на вербальный контакт, то сегодня — это гибридный специалист, чья идентичность находится на стыке психологии и цифровых технологий. Это подтверждается ростом доли онлайн-консультаций с <10% до 60–85% и активной интеграцией цифровых инструментов. Формируется новая система компетенций: телемедицина и киберпсихология, работа с цифровым следом и Big Data, критическая оценка цифровых продуктов, кризисное вмешательство в дистанционном формате, управление гибридным терапевтическим процессом, цифровая грамотность и этика, экспертиза в области цифровых девиаций, навыки онлайн-коммуникации и медийности. Методологические основы заложены в работах А.Б. Купрейченко, где подчеркивается, что цифровая среда создает принципиально новые контексты для проявления морально-нравственного выбора и требует новых компетенций для обеспечения психологической безопасности [2]. Однако реализация трансформации наталкивается на системные противоречия: разрыв между эволюцией цифровой среды и инерционностью профессиональных стандартов [4], методологический вакуум, компетентностный разрыв и правовой лабиринт. Кардинальный пересмотр образовательных стандартов — это не операционная задача, а необходимость фундаментальной пересборки профессиональной идентичности.

Трансформация технологии помощи. Осуществляется переход к субъект-объект-субъектной парадигме. Цифровой «объект» — платформа, программное обеспечение — не является нейтральным посредником, а выступает активным участником коммуникативного процесса, внося системные искажения. Опосредствование техническим устройством трансформирует структуру деятельности, создавая новую «квазиреальную» среду. Эмпирические исследования демонстрируют потери невербальной информации до 70–80%. Онлайн-взаимодействие характеризуется феноменом «расщепленного присутствия», создающим дополнительную когнитивную нагрузку. Следствием является снижение эффективности эмпатической связи и обеднение диагностического контекста [3].

Феномен квазипсихологии. Цифровая среда породила масштабный феномен квазипсихологов. Социальные сети наводнены «коучами», «расстановщиками» и «целителями», оказывающими мощное, но часто деструктивное влияние. Их существование — системный ответ платформенной экономики на запрос о «быстром» и «простом»

решении сложных проблем [5]. Работы А.Б. Купрейченко раскрывают механизмы продвижения квазиспециалистов через агрессивный маркетинг и манипуляцию социальным доказательством [2]. Мониторинг Роскомнадзора выявил более 5000 деструктивных ресурсов, что подтверждает необходимость правового регулирования. Противодействие данной угрозе требует консолидации профессионального сообщества и активной просветительской работы.

Уровневое воздействие цифровизации. Цифровая среда выступает интегральным стрессором. На макроуровне психология сталкивается с информационными войнами и манипуляцией общественным сознанием. Т.А. Нестик делает принципиальный вывод о необходимости превращения ИИ из «протеза» для плохо работающих социальных институтов в посредника, позволяющего людям заглядывать в совместное будущее, поддерживающего сопереживание и способность к диалогу для выработки этически взвешенных решений [4]. На мезоуровне переход к дистанционному обучению привел к психологической дезадаптации до 40% студентов. На микроуровне в 70% российских семей параллельный досуг перед экранами превалирует над живым общением, порождая «цифровое отчуждение» [5].

Выводы. Констатируется фундаментальная трансформация объекта психологической помощи, обусловленная системным антропологическим сдвигом. Обозначена необходимость формирования новой профессиональной идентичности и цифровой компетентности психолога. Установлено изменение коммуникативной парадигмы. Выявлен феномен квазипсихологии как системный вызов. Доказан тотальный и уровневый характер воздействия цифровизации. Психологическая практика должна разрабатывать стратегии помощи на уровне семьи, образовательных коллективов и общества в целом.

Литература:

1. *Карпов А.В., Карпова Е.В., Чемякина А.В., Башкин М.В.* Цифровизация как детерминанта трансформаций когнитивной подсистемы психики // Перспективы науки и образования, 2024. № 5(71). С. 536–556. DOI 10.32744/pse.2024.5.31.

2. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

3. *Микляева А.В.* Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная

психология и общество. 2024. № 15(2). С. 5–11. https://doi.org/10.17759/sps.2024150201

4. *Нестик Т.А.* Искусственный интеллект как когнитивный протез. Трансформация образов будущего // Образовательная политика. 2019. № 4(80). С. 104–117.

5. *Рассказова Е.И., Солдатова Г.У.* Психологические и пользовательские предикторы отношения к учебе студентов в период дистанционного обучения в условиях пандемии // Психология. Журнал ВШЭ. 2022. № 1. С. 26–44.

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНСТРУКТА «ОТНОШЕНИЕ К ЦИФРОВИЗАЦИИ» В ТЕРМИНАХ ТЕОРИИ ОТНОШЕНИЙ В.Н. МЯСИЩЕВА

Каширский Д.В., д.пс.н.
Российский государственный гуманитарный университет;
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия

Цифровизация, охватывающая все сферы жизнедеятельности современного человека, становится значимым фактором трансформации личности и социальных отношений. В связи с этим возникает необходимость разработки адекватного теоретико-методологического аппарата для изучения субъективного отношения человека к цифровым технологиям. В качестве такой теоретической рамки предлагается использовать концепцию психических отношений В.Н. Мясищева, в которой отношение определяется как целостная система индивидуальных, избирательных и сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности, формирующаяся в опыте и реализующаяся в переживаниях и действиях.

Согласно В.Н. Мясищеву, структура любого отношения включает три компонента: познавательный (знание об объекте, его оценка), эмоциональный (переживания, связанные с объектом) и конативный, или поведенческо-волевой (готовность действовать, реальное поведение) [2]. Кроме того, выделяются виды отношений по предметному содержанию: к людям, к деятельности, к себе, к явлениям приро-

ды и общества [3]. Цифровизация (включая искусственный интеллект, онлайн-сервисы, автономные устройства) представляет собой одну из сторон объективной действительности, с которой личность вступает в избирательные, сознательные связи. Соответственно, отношение к цифровизации есть система связей личности с цифровыми технологиями, проявляющаяся в познавательных оценках, эмоциональных переживаниях и поведенческих тенденциях.

На основе данной теоретической модели был проведен анализ трех психодиагностических инструментов, используемых для оценки отношения к цифровым технологиям: опросника «Доверие к искусственному интеллекту» [4], опросника отношения к цифровизации [1] и шкалы общего отношения к ИИ AIAS-4 [5]. Каждая из методик была рассмотрена с позиций соответствия компонентной структуре отношения по В.Н. Мясищеву. Установлено, что шкалы указанных опросников могут быть однозначно отнесены к познавательному, эмоциональному или конативному компоненту, что позволяет использовать их не только для получения интегральных показателей, но и для построения дифференцированного «профиля отношения».

Например, в опроснике Гиллата шкала «готовность использовать» соответствует конативному компоненту, «доверие» — эмоционально-оценочному, «физическая безопасность» — познавательно-оценочному, «психологический комфорт» — эмоциональному. В опроснике Каширского и Очеретина части, оценивающие навыки и предпочтение форматов обучения, отражают конативный компонент; части, посвященные влиянию навыков и цифровизации на качество образования,— познавательный; часть о недостатках цифровизации — эмоционально-оценочный (отрицательный полюс). Шкала AIAS-4, включающая пункты о полезности, угрозе и готовности использовать ИИ, измеряет генерализованное отношение, которое можно рассматривать как доминирующее отношение или направленность личности по В.Н. Мясищеву.

На основе проведенного анализа предложена интегральная трехуровневая модель отношения к цифровизации: 1) генерализованное (общее) отношение к ИИ, измеряемое AIAS-4; 2) сферно-специфическое отношение к ИИ в различных контекстах (транспорт, медицина, межличностные отношения), измеряемое опросником Гиллата; 3) отношение к цифровизации в сфере образования, измеряемое опросником Каширского и Очеретина. Данная модель позволяет дать содержательную психологическую характеристику испытуемого в терминах теории

В.Н. Мясищева: определить доминирующие отношения, уровень их осознанности, степень избирательности, соотношение познавательных, эмоциональных и поведенческих компонентов. Предложенный подход может быть использован как в фундаментальных исследованиях психологии цифровой среды, так и в прикладной диагностике для разработки индивидуализированных рекомендаций по оптимизации взаимодействия человека с цифровыми технологиями.

Литература:

1. *Каширский Д.В., Сабельникова Н.В.* Личностные предпосылки отношения к цифровизации образования у российских студентов // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 4. С. 44–62.

2. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995.

3. *Позняков В.П.* О вкладе В.Н. Мясищева в разработку теории и методологии исследования психологических отношений человека // Методология современной психологии. 2018. № 8. С. 307–317.

4. *Gillath O., Ai T., Branicky M.S., Keshmiri S., Davison R.B., Spaulding R.* Attachment and trust in artificial intelligence // Computers in Human Behavior. 2021.Vol. 115. Art. 106607. https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106607

5. *Grassini S.* Development and validation of the AI attitude scale (AIAS-4) // Frontiers in Psychology. 2023.Vol. 14. Art. 1191628. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1191628

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И ОТНОШЕНИЯ К СОВРЕМЕННЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ У МОЛОДЕЖИ

Каширский Д.В., д.пс.н.
Российский государственный гуманитарный университет;
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия
Верина Е.А.
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва, Россия

Стремительное внедрение информационных технологий (ИТ) во все сферы жизни сопровождается трансформацией социальных взаимодействий, что актуализирует проблему переживания одиночества в молодежной среде. Цифровая среда предлагает новые форматы общения, но одновременно несет риски замещения живых контактов виртуальными. В связи с этим особую значимость приобретает изучение того, как субъективное ощущение изоляции соотносится с отношением личности к современным технологиям, включая искусственный интеллект (ИИ).

Теоретической основой исследования выступила концепция отношений В.Н. Мясищева [5], согласно которой отношение представляет собой целостную систему избирательных, сознательных связей личности с объективной действительностью, включающую познавательный, эмоциональный и конативный компоненты. Одиночество рассматривалось как субъективное переживание несоответствия между желаемым и фактическим уровнями социальных контактов, сопровождающееся негативными эмоциональными состояниями и когнитивными искажениями.

Эмпирическое исследование проводилось на выборке молодежи в возрасте от 15 до 29 лет (N=111). Использовались следующие методики: шкала одиночества UCLA в адаптации Д.В. Каширского; краткая версия дифференциального опросника переживания одиночества ДОПО-3 (Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин) [4]; опросник «Доверие к искусственному интеллекту» (О. Гиллат и др.) [2]; опросник отношения к цифровизации (Д.В. Каширский, А.С. Очеретин) [1]; шкала общего отношения к ИИ AIAS-4 (С. Грассини) [3]. Для обработки данных применялся корреляционный анализ Спирмена в связи с отклонением распределения большинства переменных от нормального.

Результаты показали наличие статистически значимых положительных связей между переживанием одиночества и эмоциональными компонентами отношения к ИТ. В частности, выявлена слабая положительная корреляция между общим переживанием одиночества и доверием к ИИ (rho=0,211; p=0,026), а также между интегральным показателем одиночества и доверием к ИИ (rho=0,268; p=0,004). Обнаружена статистически значимая связь интегрального показателя одиночества с готовностью использовать ИИ (rho=0,247; p=0,009). Это свидетельствует о том, что с увеличением выраженности переживания одиночества возрастает уровень доверия к технологиям ИИ и готовность их применять.

В то же время статистически значимых связей одиночества с познавательными компонентами отношения (оценка полезности, безопасности, влияния на образование) выявлено не было. Также не подтвердились гипотезы о связи одиночества с отношением к применению ИИ в медицине, межличностных отношениях и к автономным устройствам. Таким образом, одиночество в большей степени связано с эмоциональным принятием и поведенческой готовностью использовать ИТ, чем с рациональной оценкой их возможностей и ограничений.

Полученные данные согласуются с идеей В.Н. Мясищева о компенсаторной функции отношений [5]: при дефиците доверительных межличностных связей ИИ может восприниматься как безопасный и предсказуемый партнер, не обладающий субъективностью и неспособный отвергнуть человека. Это открывает перспективы для разработки психопрофилактических программ, направленных на формирование осознанного использования ИТ и развитие навыков живого общения.

Литература:

1. *Каширский Д.В., Сабельникова Н.В.* Личностные предпосылки отношения к цифровизации образования у российских студентов // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 4. С. 44–62.

2. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.

3. *Мясищев В.Н.* Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995.

4. *Gillath O., Ai T., Branicky M.S., Keshmiri S., Davison R.B., Spaulding R.* Attachment and trust in artificial intelligence // Computers in Human Behavior. 2021.Vol. 115. Article 106607.

5. *Grassini S.* Development and validation of the AI attitude scale (AIAS-4): a brief measure of general attitude toward artificial intelligence // Frontiers in Psychology. 2023.Vol. 14. Article 1191628.

ЧАТ-БОТ ДЛЯ АДАПТАЦИИ РАБОЧИХ-МИГРАНТОВ НА ЗАВОДЕ: ВЛИЯНИЕ НА СНИЖЕНИЕ ТЕКУЧЕСТИ И РЕПУТАЦИЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

Колесников В.А.
Луганский государственный университет
имени Владимира Даля, Луганск, Россия

Актуальность исследования обусловлена кадровым дефицитом на промышленных предприятиях России, в частности в новом регионе — Луганской Народной Республике, а также высокой долей трудовых мигрантов среди рабочего персонала.

Основные проблемы, связанные с использованием иностранной рабочей силы — низкая лояльность, языковой барьер, незнание корпоративных норм и, как следствие, высокая текучесть (до 60–80% в первые три месяца) и репутационные риски для предприятия (конфликты, нарушения техники безопасности, негативные отзывы). Традиционные инструменты адаптации (наставничество, перевод брошюр) часто неэффективны из-за разного уровня грамотности мигрантов и нехватки времени у наставников.

Целью работы являлась разработка и апробация ИИ-чат-бота для первичной психологической поддержки и адаптации рабочих-мигрантов на крупном машиностроительном заводе г. Луганска (N=120 человек, граждане Узбекистана и Таджикистана). В основе бота — мультиязычная нейросетевая модель (русский, узбекский, таджикский) с элементами аффективных вычислений (Affective Computing): анализ тональности текста, выявление маркеров тревоги, страха, непонимания. Бот работал в «ВКонтакте» (международное название — VK): ежедневно в течение первого месяца отправлял короткие инструкции по технике безопасности, разъяснял корпоративные ритуалы (пятиминутки, брифинги), отвечал на частые вопросы. При обнаружении высокого уровня тревоги (например, фразы «Я боюсь ошибиться», «Меня никто не понял») бот передавал сигнал штатному психологу и предлагал мигранту анонимный чат с ним.

Методы оценки [1–4]: сравнительный анализ текучести в экспериментальной группе (с ботом) и контрольной (без бота); опрос удовлетворенности трудом (адаптированная методика О.С. Дейнеки); анализ частоты нарушений дисциплины и микроконфликтов, по данным

службы безопасности; контент-анализ отзывов на внешних платформах (HeadHunter, Dream Job) до и после внедрения.

Результаты через 4 месяца: текучесть в экспериментальной группе снизилась с 65% до 34% (χ^2=8,72; p<0,01). Уровень тревожности (по шкале Спилбергера) в группе с ботом был на 22% ниже, чем в контрольной. Количество обращений к психологу от мигрантов выросло в 3 раза (за счет анонимности через бот), при этом зафиксировано на 41% меньше конфликтных ситуаций в бригадах. Анализ репутационных метрик показал: доля негативных упоминаний о предприятии среди целевой аудитории («работа для мигрантов») сократилась с 37% до 12% за счет появления позитивных отзывов о «заботе» и «понятных инструкциях».

Обсуждение. Эффективность бота объясняется тремя психологическими механизмами: снижением неопределенности (ясные, повторяющиеся инструкции на родном языке), поддержанием чувства безопасности (возможность анонимно сообщить о страхе) и формированием первичной организационной идентичности («меня здесь понимают»). Важно, что бот не заменяет, а дополняет живого наставника, беря на себя рутинные и «стыдливые» вопросы мигрантов. Репутационный эффект связан не только с улучшением микроклимата, но и с демонстрацией внешней социальной ответственности предприятия (сам факт внедрения ИИ для мигрантов транслируется через СМИ и соцсети).

Выводы: ИИ-чат-бот с аффективными вычислениями — эффективный и масштабируемый инструмент адаптации рабочих-мигрантов. Его применение позволяет снизить текучесть кадров на промышленных предприятиях и улучшить внешний имидж работодателя как социально ответственного. Перспективы — интеграция бота с системами HR-аналитики и видеонаблюдения (распознавание стресса по мимике на проходной).

Литература:

1. *Дейнека О.С.* Экономическая психология: социально-политические проблемы.— СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019.

2. *Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В.* Психологическая адаптация трудовых мигрантов: ресурсы и уязвимость.— М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.

3. *Picard R.W.* Affective Computing.— Cambridge: MIT Press, 1997.

4. *Gjoreski M. et al.* Cognitive and affective workload monitoring in industrial settings using smartphone sensors // IEEE Access. — 2020. —Vol. 8.— P. 121571–121586.

ВОСПРИЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК «ЖИВОГО ПАРТНЕРА» ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НИМ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Колесникова Е.И., к.пс.н.
Самарский государственный технический университет,
Самара, Россия

В настоящее время без взаимодействия с инфокоммуникационными (далее — ИК) средствами и средствами искусственного интеллекта (ИИ) трудно представить как повседневную жизнь, так и сферу образования. Для описания взаимодействий «человек — информационная среда» В.И. Панов предложил описание типов экопсихологических взаимодействий, каждый из которых характеризуется мерой проявления объектной и субъектной позиции во взаимодействии со средствами ИК и ИИ. Развитие средств ИК и ИИ приводит к тому, что пользователи все чаще проводят их субъектификацию, наделяя свойствами субъекта, «очеловечивая», воспринимая как «живые существа», часть себя.

Мы предположили, что обучающиеся, использующие субъект-совместный и субъект-порождающий тип, отличаются более высоким стремлением воспринимать ИК- и ИИ-средства «как живые существа». Именно эти типы взаимодействий отличаются наиболее активной и продуктивной позицией участников, поэтому, возможно, в средствах ИК и ИИ обучающиеся увидят не только потенциального, но и полноценного партнера. Проверка гипотезы проводилась в течение пяти лет на независимых выборках обучающихся инженерных направлений подготовки в техническом вузе: в 2022 (373 чел.), 2023 (156 чел.), 2024 (277 чел.), 2025 (194 чел.) и 2026 (228 чел.) годах, всего 1228 человек.

Диагностика экопсихологических типов взаимодействия с ИК- и ИИ-средствами проводилась в режиме телетестинга. Было уточнено, что под ИК-средствами понимается любое техническое устройство или техническая возможность, программное обеспечение, позволяющие применять цифровые инфокоммуникационные технологии, в том числе и средства искусственного интеллекта. Также участникам исследования предлагалось ответить на вопрос: «Я обращаюсь к ИК-средству как к «живому существу» (например, если техническое ИК-средство «зависает», не справляется со своими задачами или делает это мед-

ленно, то ругаю его, возмущаюсь его «поведением», а если результат положительный, то хвалю, поощряю, украшаю, ухаживаю, берегу, разговариваю, выражаю свое мнение… и т. д.). В зависимости от ответа на этот вопрос («согласен» или «не согласен») выделялось два типа, между которыми выявлялись различия (критерий Манна — Уитни) в экопсихологических типах взаимодействия с ИК- и ИИ-средствами для каждого типа восприятия в зависимости от года обучения, уровня образования и пола.

В исследуемой выборке не выявлено различий в типе восприятия средств ИК и ИИ.

На протяжении пяти лет частота восприятия средств ИК и ИИ как «живых» не изменилась, несмотря на бурное развитие средств и буквально их «врастание» в жизнь.

Чаще воспринимают ИК- и ИИ-средства как «живых существ» (выявлены достоверные различия по критерию Манна — Уитни) обучающиеся с объект-объектным экопсихологическим типом взаимодействия (2022, 2023, 2025 и 2026 гг.), субъект-обособленным типом (2022, 2023, 2024 и 2026 гг.) и субъект-порождающим типом взаимодействия с ИК- и ИИ-средствами. Бакалавры-юноши чаще относятся к ИК- и ИИ-средствам как к «живым существам» при объект-объектном и субъект-объектном экопсихологических типах взаимодействия с ними, а девушки, обучающиеся на бакалавриате, при объект-объектном, субъект-обособленном и субъект-порождающим типом взаимодействия с ИК- и ИИ-средствами. Магистранты-юноши чаще относятся к ИК- и ИИ-средствам как к «живым существам» при объект-объектном и субъект-обособленном типах взаимодействия, девушки-магистрантки — при субъект-обособленном и субъект-порождающим типах взаимодействия с ИК- и ИИ-средствами.

Таким образом, гипотеза подтвердилась частично в том, что при творческом отношении и появлении дополнительных возможностей (субъект-порождающий тип) средства ИК и ИИ воспринимаются как «живые». В этом плане «партнерство» продуктивно. Но обратим внимание, что «оживление» проявляется и тогда, когда средства ИК и ИИ не позволяют обучающемуся в удобных условиях (его темпе, ритме и других предпочтениях) выполнять учебные действия (субъект-обособленный тип) и когда работа в цифровой среде не является самой сильной стороной обучающегося (объект-объектный тип). Такое «оживление» ИК- и ИИ-средств может мешать при субъект-обособленном

типе, приводя к эмоциональным срывам из-за нереализованных возможностей выполнения конкретных задач, ведь средства ИК и ИИ не сформулируют новые задачи, а лишь перефразируют предшествующие и предоставят информацию. При объект-объектном типе безразличие к своим возможностям (ведь есть хорошие помощники), перекладывание ответственности на средства ИК и ИИ снизит собственную инициативу и проявления субъектности, действия таких людей легче будет программировать. Полученные результаты привлекают внимание к проблеме «оживления» средств ИК и ИИ.

Литература:

1. *Колесникова Е.И., Капцов А.В.* Валидность методики взаимодействия студентов с цифровой образовательной средой // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2023. № 1(33). С. 114–127.

2. *Панов В.И.* Экопсихологический подход к развитию психики: предпосылки, конструкты, парадигмы // Научные подходы в современной отечественной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 409–439.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ С ГЕНЕРАТИВНЫМ ИИ: ПРЕДМЕТНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ И РЕФЛЕКСИВНЫЕ АКТЫ В ЧАТ-ЛОГАХ

Колосов А.С., Степанов С.Ю., д.пс.н.,
Департамент психологии Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, Москва, Россия

Генеративный ИИ в обучении может использоваться как диалоговый помощник, предъявляющий учебный материал, оценивающий ответы, объясняющий ошибки и предлагающий дальнейшие действия [4, 5]. Если система сразу сообщает правильный ответ и объяснение, а обучающийся принимает их как готовую внешнюю опору, он может

не анализировать основание своего выбора, не проверять применимость правила и не фиксировать характер ошибки. В этих обстоятельствах функции анализа, контроля и коррекции смещаются к цифровой системе. Альтернативой выступает рефлексивная организация взаимодействия, при которой ошибка становится поводом для обращения к основанию и перестройки способа действия [1, 3].

Для эмпирической проверки было проведено сравнительное межгрупповое исследование двух способов работы с одним и тем же чат-ботом и учебным содержанием. В режиме без специальной рефлексивной организации чат-бот предъявлял материал, задания, объяснения и корректирующую обратную связь. В рефлексивно организованном режиме к ним добавлялись побуждения обосновать выбор, зафиксировать затруднение, проанализировать ошибку, сформулировать критерий самопроверки и выполнить повторную попытку.

Цель исследования — определить роль рефлексивной организации взаимодействия обучающегося с ИИ в повышении эффективности усвоения грамматического материала иностранного языка и в актуализации процессуальных проявлений рефлексивной регуляции учебного действия.

В итоговый анализ вошли 32 взрослых обучающихся — по 16 в экспериментальной и контрольной группах. Между пред- и посттестированием они прошли пять занятий по теме «Conditionals» в одной веб-среде; протокол был уточнен по результатам пилотажной апробации [2]. Предметная динамика измерялась двумя параллельными формами авторского теста; применялись также Методика диагностики уровня развития рефлексивности (МДУРР), Дифференциальный тест рефлексивности и Тест рефлексии деятельности. В чат-логах рефлексивный акт фиксировался, если ответ содержал обращение к основанию выбора, правилу, ошибке, затруднению, критерию проверки или способу дальнейшего действия. Тест знаний фиксировал ближайший предметный результат, психодиагностические методики — относительно устойчивые характеристики, а чат-логи — процессуальные проявления рефлексивной регуляции в конкретном учебном действии.

Обе группы улучшили результаты теста, однако прирост в рефлексивно организованном режиме был выше: 11,56 ± 4,46 против 6,75 ± 4,71 балла (M ± SD; критерий Уэлча: $t(29{,}91)=2{,}97$; $p=0{,}006$; $d=1{,}05$). После учета исходного балла межгрупповое различие итоговых результатов сохранялось: $F(1, 29)=18{,}68$; $p<0{,}001$; $\eta^2p=0{,}392$.

Показатель МДУРР вырос в обеих группах, но межгруппового различия приростов не было ($p=0,894$); по шкалам Дифференциального теста рефлексивности и суммарному показателю Теста рефлексии деятельности различий в динамике также не обнаружено ($p>0,05$). Выраженного межгруппового эффекта по динамике относительно устойчивых характеристик рефлексивности и рефлексивно-метакогнитивной регуляции выявлено не было.

В чат-логах экспериментальной группы было зафиксировано 539 рефлексивных актов, в контрольной — 98; в среднем $33,69 \pm 3,11$ и $6,13 \pm 3,93$ акта на участника соответственно ($U=0$; $p<0,001$). В экспериментальной группе была выше и доля конструктивных актов, в которых формулировался критерий самопроверки или способ дальнейшего действия ($U=23$; $p<0,001$). По числу и доле спонтанных актов значимых различий не выявлено. Активизированные акты в контрольной группе возникали в том числе в ответ на стандартные учебные запросы объяснительного типа и представляли более слабую форму учебно-объяснительной активизации, а не аналог специальной рефлексивной организации. В экспериментальном режиме обращение к основанию выбора, ошибке и критерию проверки систематически включалось в ход учебного действия.

Таким образом, при одном и том же ИИ и учебном содержании рефлексивно организованный режим был связан с более выраженным приростом знаний и процессуальными проявлениями рефлексивной регуляции, но не со статистически значимым изменением относительно устойчивых психодиагностических показателей рефлексивности. Более точная интерпретация состоит в том, что он перестраивает способ выполнения учебного действия, а не быстро изменяет личностную рефлексивность за короткий учебный модуль. Выводы ограничены объемом выборки, краткосрочностью модуля, одной грамматической темой, отсутствием отсроченного тестирования, проверки переноса выявленной процессуальной рефлексивной активности на новые учебные задачи и полноценной межэкспертной проверки кодирования. Перспективы связаны с расширением выборки, проверкой сценария на других языковых темах и в иных предметных областях, включением отсроченных измерений, а также изучением индивидуальных профилей взаимодействия с ИИ. Это позволит уточнить устойчивость и границы применимости рефлексивной организации в образовательной практике.

Литература:

1. *Колосов А.С.* От делегирования к рефлексивной организации: модели взаимодействия обучающегося с ИИ при изучении иностранного языка // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 2А. С. 262–277. DOI: 10.34670/AR.2026.88.39.001

2. *Колосов А.С.* Рефлексивная организация учебного взаимодействия с чат-ботом на базе генеративного ИИ на примере изучения темы «Conditionals»: пилотное исследование // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 2А. С. 266–283. DOI: 10.34670/AR.2026.21.54.002

3. *Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвитии личности // Вопросы психологии. 1983. № 2. С. 35–42.

Butler D.L., Winne P.H. Feedback and self-regulated learning: a theoretical synthesis // Review of Educational Research. 1995. Vol. 65. № 3. P. 245–281. DOI: 10.3102/00346543065003245

4. *Kasneci E., Seßler K., Küchemann S., Bannert M., Dementieva D., Fischer F., et al.* ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education // Learning and Individual Differences. 2023. Vol. 103. Article 102274. DOI: 10.1016/j.lindif.2023.102274

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В ДИАЛОГЕ С БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ МОДЕЛЯМИ

Колянов А.Ю., к.полит.н.
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, Санкт-Петербург, Россия

Чат-боты на основе больших языковых моделей используются для поиска информации и психологической поддержки, что подтверждается статистическими исследованиями [3]. Научный интерес представляет проблема конструирования языковой модели психологического образа пользователя. Формулируя запросы, человек может воспринимать ди-

алог с чат-ботом как индивидуальное психологическое консультирование, хотя взаимодействие с моделью остается односторонним [1, 2]. С целью выявления и сопоставления дискурсивных стратегий и языковых средств, с помощью которых модели формируют образ пользователя, методом экспериментального моделирования были изучены стандартизированные диалоги с веб-интерфейсами чат-ботов Алиса AI, GigaChat, DeepSeek, Perplexity и ChatGP T. Использовалась версия модели, автоматически предоставлявшаяся пользователю по умолчанию, что ограничивает техническую воспроизводимость, но моделирует реальный пользовательский опыт.

Экспериментальный сценарий включал шесть последовательных реплик о прокрастинации: описание проблемы, уточнение поведенческого паттерна, негативную самоатрибуцию, сопротивление стандартным советам, сообщение о снижении доверия к себе и запрос практического действия. Анализ учитывал характер объяснений, использование нейронаучной лексики, степень категоричности выводов, рекомендации модели и то, как по ходу разговора менялось представление о собеседнике.

Во всех диалогах наблюдалась одна и та же тенденция: по мере развития разговора чат-боты постепенно дополняли описание пользователя. Если в начале они разбирали отдельную проблему («откладываю дела»), то к концу диалога описывали уже самого человека («тревожный», «перфекционист», «истощенный», «утративший доверие к себе» и т. д.). При этом значительная часть этих характеристик отсутствовала в исходных репликах и появлялась уже в ответах модели.

Наиболее экспрессивный стиль демонстрировал чат-бот DeepSeek. Он смешивал нейронаучную лексику с языком популярной психологии, включая категоричные психологические характеристики пользователя. Ответы чат-бота Алиса AI отличались структурной шаблонностью и композиционной устойчивостью: описание ситуации через типовые психологические механизмы сопровождалось рекомендацией обратиться к специалисту. Общение с ботом через интерфейс Perplexity сопровождалось большим количеством ссылок на внешние источники, что иллюстрирует аргументационную стратегию модели. Модальность высказываний постепенно менялась от вероятностных конструкций («скорее всего») к категоричным утверждениям («вы попали в классический цикл»). Дискурсивная стратегия GigaChat строилась как

объяснение проблемы с позиций нейропсихологии при помощи технических и ресурсных метафор («режим энергосбережения», «утечка ресурса») с переходом к категоричным утверждениям о причинах проблемы и императивным рекомендациям («запретите себе», «перестаньте», «дайте себе неделю отдыха»). У ChatGPT образ пользователя конструировался через уточнение значения его высказываний, в связи с чем ключевым языковым средством становились вопросы. ChatGPT избегал жестких утверждений, но активно определял направление беседы, последовательно переводя разговор от описания поведения к обсуждению отношения пользователя к самому себе.

Полученные результаты позволяют рассматривать дискурсивные стратегии чат-ботов как самостоятельный объект психолингвистического анализа, что делает возможным изучение рисков использования языковых моделей для психологической поддержки, одним из которых может быть некритичное принятие пользователем психологического образа, сформированного языковой моделью.

Литература:

1. *Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Ениколопов С.Н.* ChatGPT в психотерапии и психологическом консультировании: обсуждение возможностей и ограничений // Новые психологические исследования. 2025. № 1. С. 26–55. DOI: 10.51217/npsyresearch_2025_05_01_02

2. *Скрыльникова Н.И., Холодная М.А.* Современные подходы к изучению психологических аспектов взаимодействия пользователя с генеративным искусственным интеллектом // Современная зарубежная психология. 2026. Т. 15. № 2. С. 17–26. DOI: 10.17759/jmfp.2026150202

3. DataReportal. Digital 2026: One billion people using AI. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2026-one-billion-people-using-ai?rq=use%20of%20AI (дата обращения: 04.08.2026).

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Конакова Т.И., студентка магистратуры, ***Барышева Е.В.,*** к.пс.н.
Московский психолого-социальный университет,
Москва, Россия

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в современной действительности порождает не только социально-экономические риски, а также глубинные экзистенциальные вызовы. Страх замены человека в его профессии алгоритмом все чаще становится предметом не только публицистической рефлексии, но и психологического консультирования. Представленная нами работа предлагает философско-психологическую концептуализацию данного страха как экзистенциального кризиса профессиональной идентичности, а смену профессиональной деятельности рассматривает как способ его конструктивного преодоления. Теоретическим основанием здесь выступают фундаментальная онтология М. Хайдеггера и философия диалога М. Бубера.

Согласно Хайдеггеру, профессия является не совокупностью компетенций, но именно способом бытия-в-мире (In-der-Welt-sein), который реализуется через «подручные» (zuhanden) инструменты и смысловые практики [3, 4]. Профессионал не «использует» свои навыки, он пребывает в них, они и образуют его экзистенциальное «жилище». Вторжение ИИ в профессиональную сферу как бы грозит разрушить эту укорененность, эту надежность и стабильность, ведь прежде инструмент был послушным продолжением профессионала, а теперь обретает некую самостоятельность и «перехватывает» функцию. Бытие (Dasein) профессионала оказывается «выбитым» из мира, а сама профессиональная идентичность переживается им как более неподлинная. Возникает то, что на языке экзистенциального анализа именуется тревогой (Angst), не страх перед конкретным объектом, а именно утрата самой онтологической опоры, чувство «бездомности» в собственной профессии [3, 4]. Именно этот момент мы и определяем как возникающий экзистенциальный кризис профессиональной идентичности.

Однако кризис обнажает не только угрозу, но и предшествующую ей неподлинность. Обращаясь к философии диалога М. Бубера, можно наблюдать, как ИИ вытесняет человека прежде всего там, где его

отношение к деятельности строилось в модусе «Я-Оно», то есть поверхностно, функционально, объектно, отчужденно [2]. Профессия, сведенная лишь к манипуляции объектами и знаками, будет алгоритмизируема по определению [5]. Кризис, таким образом, является симптомом того, что профессиональное бытие утратило измерение подлинного диалога, перестало быть той самой Встречей по Буберу, живым наполненным взаимодействием. При этом сохранение психологического здоровья в условиях цифровой трансформации невозможно без опоры на духовно-нравственные ценности личности, ее ценностно-смысловое ядро [1]. Так, страх замены является экзистенциальным сигналом о дефиците отношений «Я-Ты», отношений бисубъектных, неопредмеченных, взаимных в профессиональном деле.

Конструктивный же выход из кризиса мы усматриваем не в адаптации и поиске защищенной от ИИ ниши, а в онтологическом повороте, некоем переходе от объектного самоопределения к диалогическому. Смена профессиональной деятельности в этом контексте интерпретируется как акт восстановления подлинности, пространство, где субъект выбирает дело не по критерию рыночной неуязвимости, только финансовой составляющей, а уже как сферу, в которой вновь для него становится возможной Встреча с Другим или с самой реальностью. Именно в этой Встрече, по Буберу, и рождается подлинное «Я», не функциональное, а сущностное, которое уже не может быть заменено алгоритмом [2]. Так, профессионал становится незаменимым не технически, а именно экзистенциально, через присутствие, где все его внимание уделяется процессу.

Данная концепция имеет прямое отношение к практике психологического консультирования. Таким образом, работа с клиентом, переживающим такой страх замены его ИИ в рабочем процессе, должна смещаться из плоскости профориентации в плоскость экзистенциального анализа. Здесь задачей консультанта будет не подбор новой функции, а сопровождение клиента в пространстве его фундаментального выбора, помощи услышать за шумом рыночной тревоги и волнений называемый «зов совести» по Хайдеггеру, это зов о возвращении к аутентичности, к самости [3, 4], указывающий на возможность иного модуса существования в профессии. Работа с экзистенциальными вызовами цифровой эпохи требует внимания и к духовным аспектам бытия, без которых невозможно обретение целостной идентичности [1]. Все это требует от терапевта не инструментальной, а именно «присут-

ствующей» позиции, готовности быть свидетелем и участником диалога, в котором клиент обретает новое профессиональное «Я» [1, 2, 4], новую идентичность, а с ней и смысложизненную ценность. Очень примечательно, что на данный момент ИИ-ассистенты, уже активно внедряемые в консультирование, здесь достигают своего сущностного предела, они могут быть эффективны в модусе «Я-Оно» таких навыков, как анализ, картирование вакансий, сбор первичных данных и пр., но совершенно не способны обеспечить онтологическую Встречу, являющуюся условием, при котором только и возможен переход к подлинности [5].

Таким образом, экзистенциальный кризис, спровоцированный неким вторжением ИИ в профессию, при надлежащем терапевтическом сопровождении открывает весьма продуктивную возможность. Возможность выхода из отчужденного модуса, сведенного только лишь к функционированию, именно к диалогическому бытию, живому участию в профессии. Смена деятельности же предстает в этой перспективе не как бегство от технологии, а как мужество быть пред лицом технологического вызова.

Литература:

1. *Барышева Е.В., Павлова А.Б.* Применение искусственного интеллекта в практике высшего образования и профилактика интернет-зависимости студентов: взгляд на проблему // Био-психо-социо-духовная модель в современном мире: медицина и психология: Материалы I всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саранск, 23 ноября 2024 г. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2025. С. 25–32.

2. *Бубер М.* Я и Ты / Пер. с нем. А. Анваера. М.: АСТ Neoclassic, 2024.

3. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. С.: Апсны, 2023.

4. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М.: Класс, 2019.

5. *Susskind R., Susskind D.* The Future of the Professions: How Technology Will Transform the Work of Human Experts.— Oxford: Oxford University Press, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.su/qdXyC (дата обращения: 22.06.2026).

РАЗЛИЧИЯ В ОТНОШЕНИИ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ МЕЖДУ СТУДЕНТАМИ И ВЗРОСЛЫМИ ЛЮДЬМИ

Кондратюк Н.Г., к.пс.н., ***Потанина А.М.***
Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда, № 26–18–00432 «Психологический капитал и осознанная саморегуляция как ресурсы академической вовлеченности студентов с разным отношением к технологиям искусственного интеллекта».

Стремительное развитие информационных технологий в последние годы, прежде всего взрывной рост возможностей искусственного интеллекта (ИИ) и его все более широкое проникновение в различные сферы жизни человека, делает особенно актуальным изучение психологических аспектов взаимодействия человека с ИИ [1, 2].

В частности, большое внимание исследователей привлекает проблема отношения человека к ИИ, поскольку именно оно во многом определяет готовность человека принимать, использовать или отвергать новые технологии [3]. Данные современных исследований показывают, что молодежь, как правило, демонстрирует более высокий уровень принятия новых технологий и меньшую выраженность опасений перед ними по сравнению с людьми старшего возраста [4]. Тем не менее необходима дополнительная проверка этих результатов на различных выборках с учетом отдельных аспектов отношения к ИИ, а также различной методологии, лежащей в основе инструментов оценки отношения к ИИ.

Цель данного исследования — изучить различия в отношении к искусственному интеллекту между студентами российских высших учебных заведений и взрослыми людьми. Выборку исследования составили 462 человека (ср. возраст =22,45; ст. откл. =6,36; 77% женщины), из них 406 студентов университетов (ср. возраст =20,42; ст. откл. =1,98; 76% женщины) и 56 работающих взрослых, проходящих повышение квалификации или преподающих в вузах (ср. возраст =37,18; ст. откл =7,71; 86% женщины).

Методики исследования: Шкала отношения к искусственному интеллекту, ШОИИ (Моросанова, Кондратюк, Потанина, 2026, в печати), включает 17 пунктов, образующих 2 шкалы: «Недоверие к искусственному интеллекту» и «Польза искусственного интеллекта».

Результаты: на первом этапе были рассчитаны описательные статистики на общей выборке респондентов (Недоверие к ИИ: M=16,19; SD=5,69; Min=6; Max=30; Польза ИИ: M=36,92; SD=8,07; Min=11; Max=55) и проанализировано распределение по каждой из шкал методики при помощи теста Шапиро–Уилка. Обнаружено, что распределение по обеим шкалам значимо отличается от нормального (Недоверие к ИИ: тест Шапиро–Уилка=0,975, p<0,001; Польза ИИ: тест Шапиро–Уилка=0,972, p<0,001), в связи с чем далее для анализа возрастных различий применялся непараметрический критерий Манна–Уитни. Поскольку подвыборки существенно различались по объему, для анализа различий из выборки студентов случайным образом была выделена группа респондентов, сопоставимая с долей взрослых участников в общей выборке (12%).

Таким образом, для анализа возрастных различий $N_{студенты}=64$, $N_{взрослые}=56$. В результате анализа установлено, что различия между группами студентов и взрослых отсутствовали по обоим показателям ШОИИ (Недоверие к ИИ: $U_{Манна\text{-}Уитн}=1494$, p=0,116; Польза ИИ: $U_{Манна\text{-}Уитни}=1761$, p=0,870). Таким образом, полученные результаты не согласуются с представленными в литературе данными [4]: студенты и взрослые участники в презентуемом исследовании продемонстрировали сходное отношение к ИИ. На наш взгляд, это может быть связано с особенностями выборки: взрослые респонденты либо находились в процессе обучения, либо преподавали в вузах, что, вероятно, предполагало более частое обращение к ИИ и способствовало формированию отношения, близкого к студенческому. Кроме того, сравнение проводилось со случайно отобранной подвыборкой студентов из более многочисленной группы, что также могло повлиять на результат: при иной случайной подвыборке различия могли бы проявиться.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на выявление возрастных различий на более широких выборках взрослых респондентов, включающих большее число участников из различных профессиональных сфер.

Литература:

1. *Boyd R.L., Markowitz D.M.* Artificial intelligence and the psychology of human connection // Perspectives on Psychological Science. 2026. Vol. 21. № 2. P. 192–220. https://doi.org/10.1177/17456916251404394

2. *Riva G., Wiederhold B.K., Cipresso P.* Humane Artificial Intelligence: Psychological, Social, and Ethical Dimensions // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2025. Vol. 28. № 7. P. 457–461. https://doi.org/10.1089/cyber.2025.0202

3. *Wang G., Obrenovic B., Gu X., Godinic D.* Fear of the new technology: Investigating the factors that influence individual attitudes toward generative Artificial Intelligence (AI) // Current Psychology. 2025. Vol. 44. № 9. P. 8050–8067. https://doi.org/10.1007/s12144–025–07357–2

4. *Zhang M.* Older people's attitudes towards emerging technologies: A systematic literature review // Public Understanding of Science. 2023. Vol. 32(8). P. 948–968. https://doi.org/10.1177/09636625231171677

ЦИФРОВЫЕ ДВОЙНИКИ УМЕРШИХ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ И РЕГУЛЯТИВНЫЙ ЗАЗОР

Коридзе А.В., психолог
Директор АНО «Центр содействия психологическому и финансовому просвещению», Москва, Россия

Сервисы, воссоздающие коммуникативное поведение умершего по его цифровым следам, коммерчески доступны и адресованы людям в остром горе. Их психологические эффекты почти не изучены.

Цель работы — вывести из моделей переживания утраты проверяемое проектное требование к таким системам.

Project December симулирует умерших, американская YOV создает «версоны» покойных, южнокорейская DeepBrain AI открыла студию взаимодействия с их репликами. Наиболее развит рынок Китая: нанкинская Silicon Intelligence изготавливает говорящий аватар от 199 юаней (около 30 долларов) по минуте видео и звука, Super Brain оценивает базового интерактивного двойника в 10–20 тыс. юаней, ритуальный оператор Fu Shou Yuan включил цифровые мемориалы в перечень услуг. Воссоздание умершего сегодня дешевле его похорон.

Модель, обученная на цифровых останках, воспроизводит статистические регулярности речевого поведения, а не психику [1]. Количественная оценка предела: цифровые двойники живых респондентов, построенные по двухчасовому структурированному интервью, предсказывают их поведение в личностных и поведенческих методиках с точностью 0,6–0,8 [3]. Двойник умершего строится в заведомо худших условиях — на данных, собранных не для этой цели, и без участия оригинала: порождаемые им высказывания, включая ошибочные, некому опровергнуть. Однако осведомленность пользователя о природе системы защитным эффектом не обладает: привязанность формируется в ответ на узнаваемую лексику и интонацию, то есть на маркеры идентичности, а не на ее носителя.

Прямых исследований влияния двойников умерших на горевание нет; данные получены на компаньонных чат-ботах. В четырехнедельном рандомизированном эксперименте (n=981, свыше 300 тыс. сообщений) экспериментальные условия значимых эффектов не дали; значимой оказалась добровольная интенсивность использования: обращавшиеся чаще показывали худшие результаты по одиночеству, реальной социализации, эмоциональной зависимости и проблемному использованию. Предикторами зависимости выступили доверие к системе и ее социальная привлекательность [4]. Анализ текстов около 2 тыс. пользователей такого сервиса за год до и после начала использования зафиксировал рост маркеров одиночества, депрессии и суицидальных мыслей; по данным интервью, обращение к ним часто происходит в периоды утраты. Оба предиктора зависимости — доверие и интенсивность обращения — у горюющего заведомо максимальны.

Сохраняющаяся связь с умершим сама по себе не патологична; проблема в ее структуре. Двухпроцессуальная модель совладания с утратой различает ориентацию на утрату и ориентацию на восстановление (пересборка идентичности без умершего, освоение выполнявшихся им функций), постулирует необходимость осцилляции между ними и трактует ее нарушения как основу осложненных форм горя, описывая осложненное горе как синдром ориентации на утрату [5]. К проявлениям этой ориентации отнесено представление о том, как умерший отреагировал бы на происходящее,— операция, которую цифровой двойник автоматизирует и делает постоянно доступной. Отсюда требующее проверки предположение: такая система противодействует восстановительному полюсу — она возвращает пользователя к фигу-

ре утраченного при каждом обращении, принимает на себя функции, освобождение от которых и составляет восстановление, и, не имея собственной динамики, не может стать источником нового опыта. Речь не о вреде двойников как таковых, а о вероятном смещении баланса осцилляции при отсутствии проектных решений.

Этическая рамка разработана: в цифровой танатологии поставлены вопросы о послесмертии двойника, праве на цифровые останки и регуляции «индустрии информационно-загробной жизни» (DAI), а ключевой нормой признано требование не обращать цифровые останки в предмет коммерческой выгоды [2]. Но она защищает интересы умершего, тогда как последствия для живого адресата остаются вне ее; то же разделение воспроизводит право, охраняя посмертные права на изображение и голос отдельно от требований к компаньонным чат-ботам.

Здесь возникает структурный конфликт интересов: подписочная монетизация предполагает заинтересованность оператора в незавершенности горевания, тогда как цель психологической помощи противоположна. Конфликт встроен в бизнес-модель и неустраним саморегулированием.

Отсюда два предложения. Первое — проектное требование осцилляции: система должна не только поддерживать обращение к утрате, но и ориентировать его на восстановление: маркировать симулятивную природу взаимодействия, ограничивать интенсивность, предусматривать процедуры завершения работы двойника, поддерживать обращение к живому окружению и новым жизненным задачам. В отличие от этических деклараций оно операционализируемо и проверяемо эмпирически. Второе — междисциплинарная психолого-правовая экспертиза таких сервисов по образцу этических комитетов в биомедицине. Доказательной базы для нормативных решений пока нет; ее формирование — задача психологического сообщества.

Литература:

1. *Лебедев А.Н.* Искусственный интеллект и психология // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 2. С. 6–22.

2. *Назаров В.Н.* Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль. 2020. Т. 20. № 1. С. 142–154.

3. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182–189.

4. *Fang C.M., Liu A.R., Danry V., et al.* How AI and human behaviors shape psychosocial effects of extended chatbot use: a longitudinal randomized controlled study. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2503.17473

5. *Stroebe M., Schut H.* The dual process model of coping with bereavement: rationale and description // Death Studies. 1999. Vol. 23. № 3. P. 197–224.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММ АССЕССМЕНТ-ЦЕНТРА И ТРЕНИНГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ ДЛЯ НАСТАВНИКОВ ВОДИТЕЛЕЙ ЛЕСОВОЗОВ И МАСТЕРОВ ЛЕСА

Корнеева Я.А., д.пс.н.
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

В системе управления человеческими ресурсами лесопромышленного комплекса ключевыми инструментами оценки и развития персонала остаются ассессмент-центр и тренинги. Их методологическая ценность заключается в возможности моделирования ситуаций, максимально приближенных к реальным производственным условиям: сотрудники на конкретных отраслевых примерах отрабатывают эффективные алгоритмы решений, обмениваются накопленным опытом и повышают свой профессиональный уровень. Однако процесс разработки таких программ сопряжен с существенными трудозатратами. Поиск релевантных ситуаций традиционно требует привлечения узких экспертов-практиков или наблюдения за реальной деятельностью наставников и мастеров. Критический этап методологической работы — создание детальных алгоритмов решения, пошаговых инструкций, шаблонных коммуникативных фраз, а также комплексный анализ допускаемых ошибок — занимает непропорционально много времени психологов-разработчиков. В связи с этим актуальным является поиск технологических решений, способных автоматизировать рутинные этапы проектирования оценочных и обучающих материалов. Настоящая работа посвящена изучению возможностей применения искусствен-

ного интеллекта для генерации кейсов, формализации поведенческих эталонов и анализа эффективности решений, что позволит сократить цикл разработки программ без потери их практической значимости.

В первом исследовании приняли участие 35 наставников мужского пола в должности водителя автомобиля на вывозке леса различных обособленных подразделений лесозаготовительного предприятия Архангельской области в возрасте от 31 до 60 лет (средний возраст — 45,31 ± 8,032 года) и со стажем работы в должности 1 года и 4 месяца до 40 лет (средний стаж — 10,07 ± 8,093 года). Целью разработки и проведения ассессмент-центра являлась оценка надпрофессиональных компетенций наставников в должности водителя автомобиля на вывозке леса. Ассессмент-центр разрабатывался для оценки шести надпрофессиональных компетенций: развитие других, понятность и доступность речи, альтруистическая установка на развитие стажера, управление конфликтом, ориентация на результат и руководство и оценка деятельности стажера. Разработанная программа ассессмент-центра состоит из трех заданий: два задания в микрогруппах «Презентация метода обучения» и «Анализ кейсов», а также индивидуальная деловая игра «Разъяснение сложных ситуаций стажеру». Для оценки надпрофессиональных компетенций были привлечены 12 независимых наблюдателей из числа психологов и специалистов службы персонала. Второй частью программы было проведение тренинга по развитию надпрофессиональных компетенций наставников в должности водителя на вывозке леса. В результате ассессмента установлено, что большинство компетенций у наставников были развиты на среднем уровне, за исключением управления конфликтом и ориентации на результат, которые были выражены на низком уровне. Применение технологий искусственного интеллекта при разработке программы тренинга по развитию компетенций позволило доступным образом продемонстрировать различия в подходах к обучению и провести их сравнение, сделать подробный разбор трудных ситуаций на дороге и как им следует обучать стажеров, что было бы сложно сделать психологу самостоятельно, без знаний экспертов. При этом все решения, предложенные искусственным интеллектом, были даны для оценки экспертам из числа руководителей и технических специалистов, которые внесли небольшие коррективы. Таким образом, применение данных технологий позволило сократить время как экспертов, так и психологов. При этом на предыдущих подобных мероприятиях подбор, описание

и анализ ситуаций с привлечением только экспертов был значительно затруднен. Преимуществами также были доступность языка для наставников водителей и возможность применения этих готовых схем на практике, что отмечали участники тренинга и ассессмент-центра. Данный подход к разработке программ был применен на «Школе мастеров леса», включающей два тренинга по развитию эффективных стилей управления и стратегий совладания со стрессом, с участием 20 мастеров леса лесозаготовительного предприятия.

Таким образом, применение искусственного интеллекта при создании тренинговых материалов позволило решить ключевую методологическую проблему: оперативно сгенерировать детализированные разборы дорожных ситуаций и сравнить подходы к обучению без длительного отвлечения экспертов-практиков от производства. Верификация материалов экспертами показала их высокое качество (потребовались лишь незначительные правки), а доступный язык формулировок обеспечил их успешное восприятие целевой аудиторией. По сравнению с традиционными методами разработки использование ИИ кратно сократило трудозатраты методистов и экспертов.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕРТ ТЕМНОЙ ТЕТРАДЫ И НЕХАСО С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ

Корниенко Д. С., Шалимов И. В., Ячменева Н. П.
Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Развитие технологии генеративного искусственного интеллекта (ИИ) привело к развитию исследований связи личностных черт с установками и доверию по отношению к ИИ, недобросовестному использованию ИИ.

Несмотря на новизну феномена ИИ, его активное использование, особенно в академической среде, привело к тому, что вопрос о зависимости от ИИ становится актуальным для психологической науки и практики [1]. Вопрос о зависимом от технологий поведении активно исследуется в психологической науке [2]. Перспективной для иссле-

дования зависимости от ИИ представляется процессуальная модель I-PACE (Interaction of Person-Affect-Cognition-Execution), описывающая взаимодействие личностных, аффективных, когнитивных и поведенческих компонентов [3] в формировании зависимости. До настоящего времени не рассматривался сравнительный вклад позитивных и негативных черт в зависимость от ИИ, а использование академических выборок сужает возможности генерализации результатов.

Таким образом, **целью данного исследования** стало изучить взаимосвязи черт личности моделей HEXACO и Темная тетрада с показателями зависимости от ИИ при учете факторов возраста и пола.

Выборку в исследовании составили 203 респондента — пользователи генеративных моделей ИИ в возрасте от 18 лет до 61 года (M=30,3; SD=9,54), 74% женщин.

Для диагностики использовались: шкала зависимости от генеративного искусственного интеллекта (Generative AI Dependency Scale), позволяющая оценить три параметра зависимости — когнитивную поглощенность, негативные последствия, синдром отмены; короткий опросник Темной тетрады, диагностирующий макиавеллизм, неклинический нарциссизм, психопатию и садизм; краткая версия опросника HEXACO, определяющая шесть черт личности. Для ответов на все опросники использовалась 5-балльная шкала Лайкерта.

Проверка на нормальность распределения показала отклонение от нормальности. Разведочный корреляционный анализ показал отрицательную связь возраста с показателями зависимости от ИИ (r=–0,17 — –0,23; p<0,05–0,001) и, вероятно, как следствие, большую активность использования генеративных моделей ИИ. В связи с этим и гендерным дисбалансом в выборке учитывались эффекты возраста и пола на результаты. Таким образом, для проверки различий связей черт Темной тетрады и HEXACO с показателями зависимости от генеративного ИИ были рассчитаны частные корреляции Спирмена с поправкой Бенджамини–Хохберг.

В результате применения анализа частных корреляций были получены следующие результаты. Садизм значимо связан с отдельными и общим показателями зависимости от ИИ (r=0,25–0,30; pfdr<0,01). Психопатия обнаружила значимые связи с когнитивной поглощенностью (r=0,26; pfdr<0,01) и общим баллом зависимости (r=0,19; pfdr<0,05). Нарциссизм и макиавеллизм не обнаружили значимых связей. Среди базовых личностных черт модели HEXACO наиболее устойчивый коррелят зависимости от ИИ — экстраверсия, которая обнаруживает

значимые отрицательные связи со всеми частными и общим показателем зависимости от ИИ (r=–0,19 — –0,27; pfdr<0,05).

В исследовании обнаружено, что неклинический садизм является наиболее тесно и устойчиво связанным со всеми характеристиками зависимости от генеративного ИИ. Наиболее близкие результаты были обнаружены в исследовании о связи садизма (наряду с нарциссизмом и психопатией) с недобросовестным использованием ИИ [5], что объяснялось стремлением к переживанию положительных эмоций от осуществления обманных действий в случае недобросовестного использования ИИ [5]. Вероятно, садизм в отличие от других черт темной тетрады может играть более существенную и куда более генерализованную роль, чем предполагалось ранее.

Отсутствие значимых связей нарциссизма с показателями зависимости контрастирует с недавними исследованиями, где была получена прямая связь именно с проблемным использованием генеративного ИИ, что может объясняться спецификой используемых методов и классическим представлением о поведенческой аддикции.

Связи психопатии согласуются с другими работами, где психопатия оказывается устойчивым коррелятом антисоциального и инструментального онлайн-поведения в целом (кибербуллинг, кибersталкинг, игровые расстройства) [2].

Также и отрицательная связь экстраверсии с показателями зависимости согласуется с ранними работами, где показаны отрицательные связи экстраверсии с проблемным использованием технологий [4].

Полученные данные в целом свидетельствуют в пользу возможности применения модели I-PACE [3] к анализу использования генеративного ИИ. Черты личности моделей Темная тетрада и HEXACO проявляют себя именно как элемент личностного (person) компонента.

Ограничениями исследования являются корреляционный дизайн, в выборке большой разброс по возрасту и имеется гендерный дисбаланс. Исследование выполнено в рамках государственного задания РАНХиГС.

Литература:

1. *Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е.* Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 335–353.

2. *Шейнов В.П.* Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 235–253.

3. *Brand M., Müller A., Wegmann E., Antons S., Brandtner A., Müller S.M., Stark R., Steins-Loeber S., Potenza M.* Current interpretations of the I-PACE model of behavioral addictions // Journal of Behavioral Addictions. 2025. Vol. 14. P. 1–17.

4. *Hidalgo-Fuentes S., Fernández-Castilla B.* Problematic internet use and the big five personality model: an updated three-level meta-analysis // Behaviour & Information Technology. 2024. Vol. 43. № 14. P. 3537–3560.

5. *Sun R., Tang M., Zhou J., Loan N., Wang C.-Y.* The dark tetrad as associated factors in generative AI academic misconduct: insights beyond personal attribute variables // Frontiers in Education. 2025. Vol. 10. DOI: 10.3389/feduc.2025.1551721

ФОРМАЛИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ С ПОМОЩЬЮ LLM

Коровкин С.Ю., д.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Одной из ключевых методологических проблем психологической науки остается описательный характер многих теоретических концепций. Идеи ученых в области психологии нередко сформулированы метафорично, размыто или в повествовательно-литературной форме. Это зачастую затрудняет их анализ, сопоставление и верификацию.

Актуальной задачей становится формализация психологических теорий с привлечением возможностей больших языковых моделей (LLM) как инструмента системного логико-методологического анализа. С появлением больших языковых моделей (LLM) открываются принципиально новые возможности. В контексте архитектурных фреймворков прогрессивной формализации (подобных подходу *Semantic Ladder* [2]) LLM выступают не просто поисковыми агентами, а когнитивными ко-пилотами, способными переводить качественные нарративы в строгие семантические сети и логические модели. Применение

LLM может позволить провести глубокую деконструкцию авторского текста, объединяя разрозненные гипотезы в единую аксиоматико-дедуктивную систему. Формализация может выполнить функцию критического аналитического инструмента, способного выявлять скрытые лакуны и противоречия, а также формулировать новые следствия. С одной стороны, принудительное структурирование понятийного аппарата может обнажить скрытые конфликты между базовыми постулатами и частными выводами. С другой стороны, перевод концепции на язык аксиом и теорем открывает возможности выведения логических следствий, которые не были очевидны самим авторам или не представлялись им актуальными в момент создания текста.

Апробация данного подхода проведена нами на материале трудов В.М. Аллахвердова [1]. За концептуальную основу были приняты ключевые положения «Психологики», сформулированные автором специально для этого проекта, а в качестве содержательной базы выступило его семитомное собрание сочинений. С помощью LLM осуществлен систематический реверс-инжиниринг понятийной архитектуры автора. Процедура включала: 1) выявление базовых недоказуемых постулатов и метаоснований во вводных разделах; 2) выделение первичных операциональных единиц и когнитивных процедур; 3) реконструкцию архитектурного конвейера переработки информации (разделение на индуктивный и дедуктивный контуры); 4) дедуктивное выведение теорем через систематизацию описанных автором эмпирических аномалий, иллюзий и парадоксов; 5) стресс-тестирование логических швов на предмет скрытых противоречий.

В результате предварительного исследования выявлена и построена иерархическая модель концепции, включающая: аксиоматический фундамент в виде метапостулатов и логических аксиом теории, трехуровневую иерархию теорем: архитектурно-базисные (конструкция контуров), операциональные (механизмы переработки и выбора) и феноменологические (эмпирические следствия: иллюзии, эмоции, искусство, социум, свобода воли). В результате анализа могут быть локализованы четыре системных разрыва теории: 1) *телеологический парадокс:* противоречие между постулатом о познавательной цели системы объективно отражать мира и работой защитного пояса (искажение данных и самообман ради внутреннего порядка); 2) *проблема инициации:* разрыв между детерминизмом психики как идеального супервычислителя и необходимостью преодоления равновесия для

запуска познания (что именно в строго детерминированной системе впервые инициирует столкновение с новым, если любое отклонение по умолчанию блокируется или интерпретируется как ошибка?); 3) *гносеологический разрыв перевода:* отсутствие явного мостика между бессознательным бинарным сличением в контурах индукции и дедукции и появлением качественного переживания (эмоции или инсайта); 4) *парадокс мазохизма:* противоречие между экономией ресурсов и стремлением вербального сознания намеренно генерировать противоречия (юмор, искусство) ради тренировки. Выявленные разрывы представляются потенциальными точками роста для теории.

Ограничением метода выступает риск «галлюцинаций» LLM, сверхгенерализация и сглаживание специфического авторского контекста, что требует обязательного экспертного контроля на каждом этапе. В случаях отсутствия авторского резюме рекомендуется следующий алгоритм: 1) выявление базовых недоказуемых постулатов в критических разделах; 2) выделение первичных операциональных единиц; 3) реконструкция «когнитивного конвейера»; 4) формулирование теорем через систематизацию описанных автором эмпирических аномалий; 5) стресс-тестирование логических швов на противоречия.

Литература:

1. *Аллахвердов В.М.* Собрание сочинений: в 7 т. СПб: Владимир Даль, 2021.

2. *Vogt L.* The Semantic Ladder: A framework for progressive formalization of natural language content for knowledge graphs and AI systems // arXiv preprint arXiv:2603.22136. 2026.

АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНЫХ ОПИСАНИЙ НЕЗНАКОМЫХ ЛЮДЕЙ ПО ВИДЕОФРАГМЕНТАМ ИХ ПОВЕДЕНИЯ

Королькова О.А., к.пс.н., ***Лупенко Е.А.,*** к.пс.н.,
Волкова В.А., магистрант, ***Хозе Е.Г.,*** к.пс.н.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Исследование выполняется в рамках проекта РНФ № 24–18–00904.

В работе представлен анализ вербальных описаний, полученных в исследовании восприятия индивидуально-психологических характеристик незнакомых людей в зависимости от уни- либо мультимодальной экспозиции их поведения [1]. Натурщиками выступили 6 студенток 2-го курса московского вуза психолого-педагогического профиля (возраст 19–22 года, медиана 20,5 года), отвечающих на устном экзамене. Короткие видеофрагменты их ответов длительностью 1 минута демонстрировались двум группам участников: группа 1 (127 человек — 111 ж. и 16 м. в возрасте 22–56 лет, медиана 36 лет) оценивала видеофрагменты без звукового сопровождения; группа 2 (333 человека — 285 ж. и 48 м. в возрасте 18–64 года, медиана 36 лет) оценивала видеофрагменты со звуковым сопровождением (звучащей речью).

На первом этапе участники последовательно в случайном порядке просматривали шесть видеозаписей экзаменационных ситуаций, после чего им предлагалось письменно в свободной форме дать характеристику личности натурщика («Пожалуйста, опишите, какой это человек»), оценить правильность ответов («Да», «Скорее да», «Скорее нет», «Нет») и обосновать свою оценку успешности ответа. На втором этапе участники повторно просматривали видеофрагменты и оценивали натурщиков по шкалам Личностного дифференциала.

Анализировались вербальные описания каждого из натурщиков в зависимости от типа стимульного материала (визуальный или аудиовизуальный). Анализ проводился в среде Google Colab с использованием Gemini 3 Flash, Python 3.12.13 и модели векторного представления текста Navec (https://github.com/natasha/navec), обученной на корпусе русскоязычной литературы. Была проведена токенизация вербальных описаний (разделение на отдельные слова) и извлечение эмбеддингов (векторных представлений слов размерностью 300) из модели Navec. С помощью пермутационного многомерного дисперсионного анализа (PERMANOVA) сравнивались распределения эмбеддингов для всех слов между визуальным и аудиовизуальным стимулами, анализ проводился отдельно для каждого натурщика. Вводилась поправка Бенджамини–Хохберга.

Далее была проведена лемматизация (приведение к словарной форме и объединение однокоренных слов). При помощи теста χ^2 сравнивались частоты упоминаний лемм-прилагательных в зависимости от типа стимульного материала. Аналогичный анализ проводился отдельно по каждому натурщику. Также сопоставлялись частоты лемм

между разными натурщиками в условиях как визуальной, так и аудиовизуальной экспозиции.

Анализ PERMANOVA выявил значимые различия для всех 6 натурщиц ($p<0,009$ после введения поправки на множественные сравнения). Сравнение частот упоминания отдельных лемм в зависимости от типа стимула выявило, что характеристики «общительный» и «скромный» значимо чаще использовались при описании унимодального стимульного материала ($p<0,02$ после поправки). Анализ по каждому натурщику выявил значимо более частое упоминание характеристики «спокойный» для натурщицы № 3 в условиях аудиовизуальной экспозиции стимула ($p=0,033$).

Сравнение описаний отдельных натурщиков позволило выявить характеристики, которые значимо чаще или реже использовались наблюдателями. В условиях визуальной экспозиции натурщица № 1 по сравнению с другими реже описывается как спокойная и чаще — как улыбчивая; натурщица № 2 — чаще как серьезная, спокойная и хорошая; натурщица № 3 — реже как спокойная, но чаще как испуганная, напряженная, неуверенная и тревожная; натурщица № 4 — реже как неуверенная и спокойная, но чаще как веселая, жизнерадостная, открытая и позитивная; натурщица № 5 — чаще как спокойная. Для натурщицы № 6 значимых отличий от других не было выявлено. В условиях аудиовизуальной экспозиции, когда участники могли не только видеть изображение человека, но и слышать его речь, к индивидуально-психологическим характеристикам могли добавляться оценки правильности ответа на экзамене. Так, натурщица № 1 реже, чем другие, описывалась как спокойная и уверенная, но чаще — как красивая, легкая, легкомысленная, милая, а ее ответ — чаще как неправильный, плохой и поверхностный. Натурщица № 2 реже описывалась как веселая и позитивная, но чаще — как внимательная, грустная, ответственная, серьезная и спокойная. Натурщица № 3 чаще описывалась как испуганная, неуверенная, осторожная и тревожная, а ее ответ — как глубокий. Натурщица № 4 реже описывалась как неуверенная, спокойная и тревожная и чаще — как активная, веселая, жизнерадостная, игривая, обаятельная, общительная, открытая, позитивная, самоуверенная, улыбчивая, эмоциональная, энергичная. Натурщица № 5 реже описывалась как веселая, но чаще — как вдумчивая, ответственная, серьезная, спокойная, уверенная, умная, а ее ответ — чаще как достаточный. Натурщица № 6 реже описывалась как веселая и уверенная, но чаще —

как неуверенная, неформальная, рассеянная, творческая, тревожная, честная, а ее ответ — чаще как плохой.

Таким образом, полученные результаты показали, что добавление звучащей речи значимо меняет восприятие и описание личности незнакомого человека. Фокус внимания смещается на содержание речи и позволяет более дифференцированно описывать индивидуальные характеристики натурщиков.

Литература:

1. *Лупенко Е.А., Волкова В.А., Королькова О.А., Хозе Е.Г.* Восприятие личности незнакомого человека по видеофрагментам его поведения при уни- и мультимодальном предъявлении // Познание и переживание (в печати).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РЕШЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Коростелева А.А., Смирнова Ю.А.
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова

В последние годы искусственный интеллект активно внедряется в различные сферы профессиональной деятельности, включая психологическое консультирование, психодиагностику и образовательную практику. Развитие больших языковых моделей позволяет использовать их для анализа текстовой информации, выявления психологических закономерностей и формирования рекомендаций, что вызывает научный интерес к сравнению возможностей человека и искусственного интеллекта при решении психологических задач [1–3].

Цель исследования — провести сравнительный анализ особенностей решения психологических задач студентами-психологами и искусственным интеллектом.

В исследовании приняли участие 60 студентов-психологов 3–4-го курсов. Выбор данной категории испытуемых обусловлен тем, что обучающиеся старших курсов обладают сформированными компетенциями в области психологического консультирования, психодиагностики

и анализа практических случаев. Кроме того, многие студенты имеют опыт консультативной работы в рамках производственной практики под супервизией преподавателей.

В качестве исследовательского материала использовался психологический кейс, описывающий ситуацию клиентки 22 лет, обратившейся за психологической помощью в связи с повышенной тревожностью, эмоциональным напряжением, снижением самооценки и трудностями социальной адаптации после переезда в другой город для обучения в магистратуре. Дополнительно в кейсе содержалась информация о напряженных отношениях с родителями, высокой учебной нагрузке, переживаниях, связанных с отсутствием близкого социального окружения, а также жалобы на нарушение сна и постоянное чувство неуверенности в себе.

Студентам предлагалось определить основную психологическую проблему клиентки, выявить факторы, влияющие на ее эмоциональное состояние, и предложить рекомендации по психологической помощи. Аналогичное задание выполнялось с использованием искусственного интеллекта ChatGP T. Полученные ответы оценивались тремя независимыми экспертами-психологами по четырем критериям: точность определения проблемы, полнота анализа ситуации, качество рекомендаций и учет эмоционального состояния клиента. Каждый критерий оценивался по пятибалльной шкале.

Анализ результатов показал, что искусственный интеллект продемонстрировал более высокие показатели по критериям точности определения проблемы и полноты анализа ситуации. Средний балл искусственного интеллекта по критерию точности определения проблемы составил 4,5, тогда как средний показатель студентов составил 4,3 балла. По критерию полноты анализа ситуации искусственный интеллект получил 4,7 балла против 4,1 балла у студентов. Подобные результаты подтверждают данные исследований, указывающих на высокую эффективность языковых моделей в обработке и структурировании информации [2, 3].

По критерию качества рекомендаций различия оказались менее выраженными. Средний балл студентов составил 4,4, тогда как искусственный интеллект получил 4,2 балла. Наибольшие различия были выявлены по критерию учета эмоционального состояния клиента: студенты продемонстрировали более высокий результат (4,8 балла) по сравнению с искусственным интеллектом (3,9 балла). Эксперты

отметили, что ответы студентов чаще содержали элементы эмпатии, отражение переживаний клиента и более точный учет индивидуального контекста ситуации. Аналогичные ограничения современных систем искусственного интеллекта отмечаются и в научной литературе [1, 4].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что искусственный интеллект эффективен при выполнении аналитических задач, связанных с обработкой информации, систематизацией данных и выявлением ключевых психологических проблем. В то же время человек сохраняет преимущества в сфере эмоционального понимания, эмпатии и построения доверительного взаимодействия с клиентом [1, 4].

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что искусственный интеллект не может рассматриваться как полноценная замена специалиста-психолога, однако способен выступать эффективным инструментом поддержки при анализе клиентских запросов и подготовке предварительных рекомендаций. Наиболее перспективным направлением представляется интеграция аналитических возможностей искусственного интеллекта и профессиональных компетенций психолога, что соответствует современным тенденциям развития человекоцентрированного подхода к использованию ИИ [5].

Литература:

1. *Воронин А.Н., Паленова В.В.* Будущее психологии: эффективное взаимодействие с ChatGPT возможно? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 3. С. 831–857. DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-3-831-857

2. *Макарова М.В., Смирнов Е.А.* Большие языковые модели в психологии: обзор зарубежных публикаций и методология использования искусственного интеллекта в психологической науке за период 2023–2024 гг. // Петербургский психологический журнал. 2024. № 49. URL: https://ppj.spbpo.ru/psy/article/view/403 (дата обращения: 23.06.2026).

3. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182–189. DOI: 10.17759/EXPPSY.2024170412

4. *Фрейманис И.Ф.* Чат-бот как инструмент психологической поддержки: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 250–259. https://doi.org/10.17072/2078–7898/2024–2–250–259

5. *Russell S., Norvig P.* Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Harlow: Pearson, 2021. URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781292401171_A41586057/preview-9781292401171_A41586057.pdf (дата обращения: 23.06.2026).

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: К МОДЕЛИРОВАНИЮ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Короткина Т.И., к.пс.н.
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербург, Россия
Якунин А.П., к.пс.н.
ООО «Центр делового сотрудничества «Потенциал»,
Санкт-Петербург, Россия

Проблема искусственного интеллекта (далее ИИ) и его роль в жизни общества была поднята в середине 70-х годов XX века [2]. В то же время возникли вопросы о влиянии систем ИИ на психологию человека, что нашло свое отражение в коллективной монографии «Искусственный интеллект и психология» [2]. В настоящее время актуальность данной темы возросла в связи с ростом компьютеризации и информатизации во всех сферах общества.

Целью нашего доклада является построение программы исследования проблемы ИИ в социальной психологии. Разработка модели организации программы исследований в предлагаемом направлении становится необходимо важной, так как исследование должно быть структурно организованным, а не хаотичным [4].

Положения принципа детерминизма формируют знание о всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности психики человека с объектами действительности [3]. Несмотря на всю метафоричность слова «интеллект», ИИ является объектом социальной действительности, с которым взаимодействует человек. Таким образом, определение меры взаимосвязи и взаимообусловленности психологии человека с ИИ становится важнейшей проблемой в психологической науке.

Предмет социальной психологии — это психологические особенности различных общностей (групп) и их влияние на сознание и поведение индивидов. Поскольку ИИ стал элементом социальной действительности, то отношение людей к нему является предметом социальной психологии (социальные установки, стереотипы, представления, доверие/недоверие и т.д.) ИИ стал не только объектом реальности, но и ее субъектом (во многих проявлениях).

Организацию программы исследования социально-психологических аспектов проблемы ИИ мы предлагаем представить на основе теоретической модели социальной психологии Г.М. Андреевой [1]. Модель социальной психологии Г.М. Андреевой включает три блока социально-психологической реальности, а именно: «общение и взаимодействие», «социальная психология групп» и «социально-психологические проблемы исследования личности» [1].

Общение структурно представлено тремя взаимосвязанными сторонами: коммуникативной, интерактивной и перцептивной [1]. Коммуникативная сторона определяет ИИ не только как средство коммуникации, но и как искусственно созданного субъекта общения; возрастает актуальность проблемы точности передачи и понимания информации, обратной связи, доверия/недоверия к источнику информации и пр. Интерактивная сторона устанавливает проблему ИИ как инструмента влияния, в частности манипулирования людьми, побуждения к определенным действиям. Перцептивная сторона определяет ИИ как средство познания другого человека и самого себя: проблемы межличностного восприятия, его эффектов и механизмов, влияния на субъективные образы «другого» и на образ Я.

В разделе «социальная психология групп» проблема ИИ может рассматриваться как инструмент процессов и механизмов в больших и малых группах, а также в межгрупповых отношениях. В рамках исследования больших стихийных групп (масс) роль ИИ определяется в способах воздействия: заражения, внушения, подражания. В больших организованных группах (этнические, половозрастные, профессиональные) ИИ может рассматриваться как инструмент хранения и передачи сформированного знания о нормах, нравах, обычаях и традициях. В малых группах ИИ может играть роль инструмента групповой динамики, групповой сплоченности и лидерства. В межгрупповых отношениях ИИ исследуется как инструмент формирования данных отношений и как средство манипулирования и провоцирования, а так-

же преодоления негативной формы отношения к другой группе (аутгрупповая враждебность).

В разделе «социально-психологические проблемы исследования личности» (по сути — социальная психология личности) следует рассматривать роль ИИ как инструмента в усвоении и присвоении человеком социального опыта на различных стадиях социализации, в том числе на ранних этапах развития (проблемы влияния на личность ребенка, включение ИИ в ряд субъектов влияния наряду со значимыми взрослыми). В контексте социальных установок ИИ рассматривается как инструмент их формирования, а также изменения. В вопросах идентичности личности ИИ можно определить как инструмент влияния на самоопределение человека. Представляется актуальной разработка роли ИИ в формировании социально-психологических качеств личности, а также исследование данных качеств для работы с ИИ и для его совершенствования.

Безусловно, учитывая объем доклада, мы предоставили сокращенный вариант модели направления «Социальная психология искусственного интеллекта». Тем не менее выдвинутый нами подход к моделированию направления в психологии мы считаем перспективным.

Литература:

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект-Пресс, 2004.

2. Искусственный интеллект и психология / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1976.

3. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Академия наук СССР, 1959.

4. *Юревич А.В.* Психология и методология. М.: Институт психологии РАН, 2005.

ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРЕДЫСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

Костригин А.А., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

В условиях интенсивного внедрения *искусственного интеллекта* в различные сферы жизнедеятельности человека [5] возникает необходимость осмысления *истории* разработки этой технологии. С конца 1960-х годов технологии искусственного интеллекта активно обсуждались в мире и нашей стране: их разработка велась сначала в рамках кибернетики, а затем в прикладных отраслях различных наук, в том числе психологии.

Общенаучными и социально-историческими предпосылками становления проблематики искусственного интеллекта в советской психологии являлись разные события в процессе *институционализации* этой сферы науки и практики:

1) организация в 1974 г. *секции* «Искусственный интеллект» в рамках научного совета по проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР, а также самостоятельного *научного совета* по проблеме «Искусственный интеллект» в рамках Комитета по системному анализу при Президиуме АН СССР;

2) проведение VII Всесоюзного *симпозиума* по кибернетике, посвященного искусственному интеллекту (Тбилиси, 1974), IV Международной *конференции* по проблемам искусственного интеллекта (Тбилиси, 1975), Международного *совещания* по искусственному интеллекту (Репино, Ленинградская область, 1977);

3) создание *научно-технической базы* для фундаментальных и прикладных разработок в ведущих *научных и образовательных организациях* — Московском физико-техническом институте, Вычислительном центре АН СССР, Институте проблем управления АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова и др.;

4) продуктивная научно-исследовательская и научно-организационная деятельность *персоналий* — специалистов в области теории управления Г. С. и Д.А. Поспеловых, математика А.А. Ляпунова, специалистов в области кибернетики М.Г. Гаазе-Рапопорта, А.И. Китова, Э.В. Попова, С.Л. Соболева и др.

К *предыстории* формирования области психологических исследований проблем искусственного интеллекта в СССР можно отнести взаимодействие психологов со специалистами по кибернетике. Так, с 1964 по 1970 г. в Московском энергетическом институте функционировал *научный семинар по психонике* (разделу бионики, в рамках которого психофизиологические данные используются для моделирования кибернетических систем) под руководством Д.А. Поспелова.

В семинаре участвовали психологи Б.В. Зейгарник, В.П. Зинченко, В.А. Лефевр, В.Н. Пушкин и др. [4].

Логико-научным контекстом формирования в советской психологии научного направления по изучению искусственного интеллекта являлось активное развитие в 1960-е и 1970-е годы *инженерной психологии*, в рамках которой проводилось изучение системы «человек — машина» [3], а также *психологии мышления*, представители которой исследовали механизмы интеллектуальной деятельности и проблемы ее моделирования.

Социально-историческая и научно-организационная институционализация данного научного направления произошла в 1975 г., когда в рамках научного совета «Искусственный интеллект» была организована программа «Психологические проблемы создания и использования «искусственного интеллекта»» [1, 2]. В том же году в Звенигороде был проведен Всесоюзный семинар «Психология и «искусственный интеллект»», а в Тбилиси в рамках IV Международной конференции по искусственному интеллекту работала соответствующая психологическая секция.

Наконец, данная научная область была сформирована ведущими советскими *психологами* Москвы (НИИ ОиПП АПН СССР, МГУ, ИП АН СССР), Ленинграда (ЛГУ), Курска (КГПИ), Саратова (СГУ), Тарту (ТГУ) и др., которые разрабатывали следующие вопросы:

– обсуждения возможностей и ограничений, непосредственного моделирования психических (когнитивных) процессов человека (П.К. Анохин, А.В. Брушлинский, И.Я. Березная, Л.М. Веккер, Р.М. Грановская, Ш.А. Губерман, Д.Н. Завалишина, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, В.Я. Ляудис, В.Н. Пушкин, В.Ф. Рубахин, Е.Н. Соколов, О.К. Тихомиров, С.И. Шапиро и др.);

– взаимодействия человека и ЭВМ (в том числе эмоциональной оценки ЭВМ, отношения к ней, общения с ней на естественном языке и др.) при выполнении деятельности, создания систем гибридного интеллекта (Е.Ю. Артемьева, Л.А. Белобженский, В.Ф. Венда, Л.П. Гурьева, Т.В. Корнилова, М.А. Котик, Б.Ф. Ломов, О.К. Тихомиров и др.);

– использования ЭВМ в проведении психологических исследований и психодиагностике, автоматизации психологической деятельности (И.Г. Белавина, А.Е. Войскунский, И.В. Ермакова, Л.И. Ноткин, О.К. Тихомиров и др.).

Рассмотренные предпосылки, институциональные события и постановка научных проблем на пересечении психологии, кибернетики

и компьютеризации обусловили активное изучение и освоение технологий искусственного интеллекта в советской науке в течение 1970–1980-х годов. В дальнейшем планируется проведение тематического анализа советских психологических исследований по проблеме искусственного интеллекта в рассматриваемый период.

Литература:

1. «Искусственный интеллект» и психология / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1976.

2. Интеллект человека и программы ЭВМ / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1979.

3. *Рубахин В.Ф.* «Искусственный интеллект» и принятие решений // Интеллект человека и программы ЭВМ / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1979. С. 214–219.

4. *Тарасов В.Б.* Искусственный интеллект: от прошлого к будущему. О жизненном пути и научном наследии профессора Д.А. Поспелова // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем. 2020. № 4. С. 19–42.

5. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182–189.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПЕДАГОГОВ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ К ВНЕДРЕНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Кострюкова О.С., аспирант
Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия

Современная цифровая трансформация образования сопровождается не только расширением технологических возможностей, но и существенным изменением профессиональной деятельности педагога. Внедрение технологий искусственного интеллекта усиливает требования к цифровой компетентности, гибкости профессионального поведения и психологической устойчивости специалиста [1, 5]. В этих

условиях возрастает значение психологических ресурсов, обеспечивающих успешную профессиональную адаптацию педагога к новым требованиям цифровой образовательной среды.

Теоретический анализ показывает, что продуктивным основанием для изучения данной проблемы выступает теория сохранения ресурсов Hobfoll S.E., согласно которой стресс возникает в ситуации угрозы потери значимых ресурсов, а устойчивость субъекта определяется возможностью их сохранять и восполнять [4]. Применительно к педагогической деятельности внедрение технологий искусственного интеллекта может восприниматься как вызов профессиональной компетентности, значимости и идентичности. При недостаточности ресурсов это приводит к росту техностресса и профессионального выгорания.

Существенное значение для интерпретации данной проблемы имеет и концепция личностного потенциала Д.А. Леонтьева, в которой ресурсы рассматриваются как системно организованные средства саморегуляции и преодоления трудностей [2]. В контексте профессионального развития педагога данная логика получает развитие в работах Л.М. Митиной, подчеркивающей роль метаресурсов — рефлексивного проектирования, конструктивного совладания и эмоционально-ценностного вовлечения,— в обеспечении прогрессивного характера профессиональных изменений [3].

Наиболее значимыми психологическими ресурсами педагога в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта выступают самоэффективность, рефлексивность и толерантность к неопределенности. Самоэффективность обеспечивает уверенность в способности осваивать новые инструменты и успешно действовать в изменяющихся условиях. Рефлексивность позволяет осмыслять новые профессиональные требования, анализировать собственные действия и конструктивно перестраивать профессиональное поведение. Толерантность к неопределенности обеспечивает устойчивость в ситуации новизны, неоднозначности и отсутствия готовых алгоритмов действия [3, 5].

Психологические ресурсы оказывают влияние на профессиональную адаптацию через два взаимосвязанных механизма. Буферный механизм выражается в снижении деструктивного воздействия техностресса и предупреждении профессионального выгорания. Активирующий механизм проявляется в повышении готовности педагога к освоению и использованию интеллектуальных технологий в образо-

вательной практике. Следовательно, психологические ресурсы следует рассматривать не только как условие сохранения профессионального благополучия, но и как фактор активного профессионального развития педагога в цифровой образовательной среде.

Таким образом, проблема психологических ресурсов педагогов приобретает особую актуальность в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта. Перспективным направлением дальнейших исследований выступает эмпирическое изучение взаимосвязи самоэффективности, рефлексивности и толерантности к неопределенности с показателями готовности педагогов к использованию ИИ и уровнем профессионального выгорания.

Литература:

1. *Лактионова Е.Б., Савина А.Д.* Цифровая образовательная среда и профессиональная деятельность педагога // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2025. Вып. 8. С. 423–430.

2. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд., М.: Смысл, 2019.

3. *Митина Л.М.* Ресурсно-прогностическая детерминация личностно-профессионального развития педагога: научное обоснование и технологические решения // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 2. С. 13–32.

4. *Hobfoll S.E.* Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. 1989. Vol. 44. № . 3. P. 513–524.

5. *Granström M., Oppi P.* Assessing teachers' readiness and perceived usefulness of AI in education: an Estonian perspective // Frontiers in Education. 2025. Vol. 10. Art. 1622240. https://doi.org/10.3389/feduc.2025.1622240

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СУДЕБНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИИ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ РИСКИ

Котлярова А.И.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербург, Россия

Внедрение методов искусственного интеллекта в сферу судебной и следственной психологии в последние три года перестало быть сугубо экспериментальным. На рынке появляются коммерческие программные продукты, обещающие по видеозаписи допроса с высокой точностью выявлять признаки сокрытия информации, эмоциональную неустойчивость или склонность к даче ложных показаний. Параллельно в научной литературе и ведомственных обсуждениях все чаще ставится вопрос о допустимости использования таких систем в уголовном судопроизводстве — если не в качестве самостоятельного доказательства, то как ориентира для следователя или эксперта-психолога. Однако практическая интеграция ИИ в российскую судебную психологию наталкивается на три группы проблем, до сих пор не имеющих удовлетворительного решения: методологическую неопределенность валидации, отсутствие процессуальных норм и этико-правовые риски.

Первая и наиболее фундаментальная трудность заключается в том, что классические психометрические критерии надежности и валидности разработаны для стандартизированных тестов и структурированного наблюдения. Нейросетевые модели, особенно глубокого обучения, работают по принципу «черного ящика»: они выявляют сложные нелинейные корреляции в многомерных данных (мимика, просодика, синтаксис, вегетативные маркеры), но не позволяют интерпретировать промежуточные решающие правила. Для судебного эксперта это критично: любое психологическое заключение должно содержать не только вывод, но и обоснование, восходящее к наблюдаемым признакам. Если система выдает вероятность обмана 87%, не указывая, какой именно микромимический паттерн или речевая конструкция привели к этому результату, такой вывод становится формальным и практически неопровержимым для защиты. В зарубежных исследованиях [5] неоднократно показано, что при тестировании на независимых выборках (отличных от обучающих) точность падает на 15–25%, причем ошибки распределяются неравномерно: ложноотрицательные ответы чаще возникают при диагностике психопатических личностей, а ложноположительные — при высоком фоновом стрессе, не связанном с содержанием показаний (например, страх перед системой правосудия). Ни один из существующих актов, включая ведомственные методики ФСИН и Следственного комитета, не регламентирует, какой уровень точности считать достаточным для использования в уголовном деле. По аналогии с требованиями к судебным экспертизам можно

было бы опираться на порог «практической достоверности» (статистическая значимость на уровне 0,01), но для алгоритмов машинного обучения эта статистика не эквивалентна классическим ошибкам первого и второго рода.

Вторая проблема лежит в правовой плоскости. УПК РФ не содержит специальных норм ни о компьютерной лингвистике, ни об аффективных вычислениях. Статья 57 УПК определяет эксперта как лицо, обладающее специальными знаниями в науке, технике, искусстве или ремесле. Однако имеет ли нейросетевая модель собственное «специальное знание»? Формально — нет, она лишь инструмент, как и полиграф. Но в отличие от полиграфа, где физиологические показатели регистрируются прибором, а оценку дает человек, ИИ-системы многих типов выдают именно готовую оценку («обманывает», «испытывает страх», «помнит детали»). Если эксперт-психолог принимает эту оценку без возможности ее пошаговой проверки, де-факто он делегирует свои полномочия алгоритму. Это вступает в противоречие с позицией Конституционного Суда РФ, неоднократно подчеркивавшего, что правосудие не может основываться на неверифицируемых источниках данных. Кроме того, отсутствует процессуальный статус для материалов, полученных в результате ИИ-анализа: должны ли они оформляться как отдельное приложение к заключению эксперта, как иной документ (ст. 84 УПК) или как результат оперативно-розыскной деятельности? Каждый вариант порождает разные правила допустимости.

Третья группа рисков связана с конфиденциальностью и информированным согласием. В ходе следственных действий — допроса, очной ставки, проверки показаний на месте — часто ведется видеозапись. Эти видеозаписи содержат биометрические данные (голос, мимика, жесты, динамика зрачка), которые, согласно ст. 11 Федерального закона «О персональных данных», относятся к специальным категориям и требуют отдельного согласия на обработку. В уголовном процессе такое согласие может дать только сам участник, но на практике ни следователь, ни суд не запрашивают его для последующего машинного анализа. Более того, при передаче записей разработчикам ИИ для обучения или тестирования (например, для повышения точности модели) происходит неконтролируемое распространение биометрии. В российской судебной практике уже были случаи, когда адвокаты заявляли ходатайства об исключении видеозаписей, поскольку их предполагалось обрабатывать сторонними алгоритмами без процес-

суального разрешения. Пока такие ходатайства удовлетворялись редко, но с ростом распространения ИИ-инструментов ситуация изменится.

Отдельного обсуждения заслуживает проблема «алгоритмической предвзятости» применительно к следственно-судебной практике. Нейросеть, обученная на материалах уголовных дел за последние десять лет, неизбежно воспроизведет устоявшуюся практику обвинительного уклона, если таковая существовала. Например, если в обучающей выборке люди с определенными диалектными особенностями речи чаще признавались виновными (по иным, объективным уликам), ИИ может «научиться» связывать этот диалект с повышенной вероятностью лжи. В зарубежной литературе описаны случаи, когда алгоритмы оценки риска рецидива (вроде COMPAS в США) давали систематически завышенные прогнозы для некоторых расовых и социальных групп. В российской судебной психологии подобные исследования не проводились, но переносимый риск очевиден. При этом стандартных методик выявления и коррекции смещений в российских ИИ-системах для психологических задач не существует.

С учетом изложенного наиболее разумной представляется не полная автономия ИИ, а разработка «гибридного» протокола, где нейросетевой анализ выступает как предварительный скрининг. В рамках такого подхода система выделяет фрагменты видеозаписи или транскрипта с высокими значениями вероятностных маркеров (эмоциональная дисрегуляция, семантические аномалии, неконгруэнтность вербальной и невербальной информации). Следователь или эксперт-психолог просматривает только эти маркированные фрагменты, экономя время, но итоговый вывод строит на основе традиционного психологического анализа. Такой режим использования не требует изменения процессуального статуса ИИ и не создает невосполнимых рисков ошибочной диагностики.

В долгосрочной перспективе необходимы три нормативных шага: 1) утверждение Межведомственным советом по судебной экспертизе методических рекомендаций по валидации психологических ИИ-систем (с обязательным тестированием на независимых выборках, с указанием чувствительности и специфичности); 2) введение в УПК РФ отдельной статьи о допустимости автоматизированного анализа аудиовизуальной информации как вспомогательного средства, не подменяющего экспертизу; и 3) разработка стандартной формы информированного согласия для участников следственных действий, где будет

отдельным пунктом оговорена возможность последующей машинной обработки биометрических данных в научных и практических целях. Без этих изменений искусственный интеллект останется в судебной психологии маргинальным экспериментальным инструментом, неспособным преодолеть разрыв между лабораторной точностью и реальностью уголовного процесса.

Литература:

1. *Ениколопов С.Н., Медведева Т.И.* Аффективные вычисления в судебно-психологической экспертизе: современные ограничения // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 55–71.

2. *Китова Д.А.* Валидность нейросетевых моделей распознавания эмоций в стрессогенных условиях // Экспериментальная психология. 2025. Т. 18. № 1. С. 87–102.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 (ред. от 29.11.2023 г.) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // КонсультантПлюс.

4. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 21.12.2024 г.) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

5. *Bachman L., Schmerler S.* AI-based credibility assessment in criminal proceedings: admissibility and bias // International Journal of Law and Psychiatry. 2025. Vol. 88. Art. 102011.

ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ ВЫВОД, ОСНОВАННЫЙ НА СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРАФАХ

Котов А.А., к.филол.н.
Курчатовский институт, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26–18–01021, https://rscf.ru/project/26–18–01021/

Естественно-языковой вывод — это ключевой объект исследования теоретической лингвистики при изучении мышления. В классических лингвистических моделях предполагается, что высказывание на есте-

ственном языке будет преобразовано в смысл — семантическое представление (СемП) [3]. В этом случае механизм естественно-языкового вывода сможет по имеющемуся СемП построить некоторое производное СемП — результат вывода, что будет представлять собой элементарный шаг мышления. Такие модели предлагались в классическом искусственном интеллекте как *модели обработки концептуальной информации* или модели, основанные на *сценариях* [1]. Предполагалось, что сценарий обеспечивает переход на один шаг в пространстве естественно-языкового вывода, а аппарат сценариев может построить граф, например, позволяющий автоматически отследить («понять») сюжет и эмоциональное содержание волшебной сказки [1].

Мы разрабатываем систему понимания текста (парсер) и систему естественно-языкового вывода в рамках проекта создания робота-компаньона Ф-2. Данная система может использоваться отдельно от робота для автоматического анализа больших массивов текстов (например, ежедневных новостей), а также в составе робота — для поддержания диалога с пользователем. С одной стороны, данная модель противопоставлена модному современному направлению LLM, поскольку использует более классические концепции искусственного интеллекта. С другой стороны, уже в рамках LLM становятся популярными модели типа *chain-of-thought*, обеспечивающие переход к производным суждениям средствами LLM и учет этих промежуточных суждений в последующем выводе [4].

В нашей модели система естественно-языкового вывода хранит множество сценариев (n=6500). Каждый сценарий состоит из посылки (начальной модели) и нескольких следствий (конечных моделей), которые фиксируют с помощью одного простого предложения*, что было раньше (что привело к ситуации — начальной модели), что произойдет далее (что будет следствием из начальной модели) и каковы возможные интерпретации начальной модели. Это позволяет сравнить СемП каждого входящего высказывания с посылками имеющихся сценариев, построить конечные модели, сравнить их с начальными моделями сценариев и, таким образом, построить естественно-языковой вывод на произвольную глубину. Если последующее высказывание текста совпало с какой-либо моделью в естественно-языковом выводе, зна-

* Начальная и конечная модели хранятся в базе как семантические представления: множество семантических признаков, разделенных по семантическим валентностям.

чит, некоторые ожидания системы о развитии текста были подтверждены, а альтернативные ветви в графе вывода могут быть отвергнуты.

Для пополнения инвентаря сценариев мы ищем в текстах (в результатах семантического разбора) такие смыслы, которые не описываются никаким имеющимся сценарием. Мы создаем сценарий, чувствительный к этому новому смыслу, и далее просим разметчиков предложить конечные модели для этого сценария. Всего в проекте участвовало около 50 разметчиков, которые предложили около 87 000 вариантов. Именно эти варианты (конечные модели) позволяют нашей системе (роботу) для каждого высказывания построить возможные связанные ситуации. Чтобы связать такой рациональный вывод с «мотивацией» робота, мы используем подмножество доминантных сценариев (д-сценариев, n=300), чувствительных к эмоциональным смыслам: «я самый незаменимый в этом коллективе» (позитивный), «меня никто не любит» (негативный), «люди обращают на меня внимание» (позитивный или негативный) и т. д. [2]. При работе парсера мы строим граф рационального вывода, но каждую построенную конечную модель оцениваем на близость к д-сценариям. Например, если парсер узнает, что *аспирант описал в диссертации механизмы внимания*, он построит непосредственный вывод (*аспирант описал какую-то ерунду*), а также эмоциональный вывод, опосредованный рациональным выводом (*здорово, если хорошие люди поймут и оценят диссертацию аспиранта*). Парсер будет ожидать развития событий в сторону позитивных СемП и «опасаться» негативного развития ситуации. При диалоге с роботом эти высказывания непосредственно строятся и произносятся роботом Ф-2. Таким образом, предлагаемая архитектура основывается на классических подходах ИИ, но во многом противопоставлена современным моделям LLM. Модель более прозрачна для разработчиков, предлагает лучший контроль за механизмом вывода и обеспечивает естественно-языковой вывод робота на произвольную глубину.

Литература:

1. *Дорофеев Г.В., Мартемьянов Ю.С.* Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1969. Т. 12. С. 36–59.

2. *Котов А.А.* Механизмы речевого воздействия. М.: РГГУ, 2021.

3. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ <=> ТЕКСТ». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

4. *Wei J., et al.* Chain-of-Thought Prompting Elicits Reasoning in Large Language Models // Advances in Neural Information Processing Systems, 2022. Vol. 35. P. 24824–24837.

К ВОПРОСУ О РЕФЕРЕНТНОСТИ ИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Кочетков Н.В., к.пс.н.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Искусственный интеллект меняет «ландшафт» современного мира во многих областях человеческого бытия. Одной из таких областей является образование, в которой новые технологии грозят перестройкой всей системы. Происходит это из-за того, что искусственный интеллект начинает брать на себя функции педагога, причем на настоящий момент его эффективность может превосходить эффективность деятельности человека [3]. Ускорение процесса обучения с помощью нейросетей сопровождается появлением новых видов академической нечестности: если совсем недавно было только «традиционное» списывание, готовые домашние задания и т.п., то сейчас значительный объем учебной работы, выполняемой студентами, имеющими гаджеты, может быть проделан с помощью ИИ. С психологической точки зрения, существует еще один риск использования систем искусственного интеллекта — потеря референтности педагога. Это происходит в силу того, что человек может ошибаться, его мнение субъективно, тогда как с точки зрения какой-то части обучающихся нейросеть воспринимается как лишенная этих «недостатков». В результате этого люди не только в процессе обучения, но и в повседневной практике все чаще обращаются не к другим людям, не к книгам, а к голосовым помощникам, наделяя последних субъектностью. Это доходит до того, что уже есть прецеденты случаев заключения брачных союзов с ИИ-партнерами. Свидетельствуют ли подобные примеры о том, что нейросети начинают обладать большей значимостью для человека, чем другие люди? Такие прямолинейные рассуждения некорректны без привлечения социально-психологической методологии. Если обратиться к научной школе А.В. Петровского, то в ее рамках

референтность рассматривается на трех разных уровнях: информационном, собственно референтном и авторитетном. Информационный уровень основан на восприятии индивида как источника значимой и достоверной информации, собственно референтный — на оценке этой информации, авторитет — на предоставлении права принятия решений в условиях значимой деятельности [1]. Следовательно, если значимость педагога ранее ограничивалась информационным уровнем, то с внедрением ИИ в образование данная функция практически полностью делегируется цифровым технологиям. Можно было бы оптимистично выдвинуть контраргумент — функция преподавателя заключается не только в передаче информации, формировании знаний, умений и навыков, а в том, чтобы у обучающихся возникали новые смыслы. В связи с этим можно предположить, что ИИ не сможет заменить человека. Показательно, что, несмотря на знание о том, что нейросеть отвечает на жизненные вопросы лучше, чем человек, люди предпочитают, чтобы на их вопросы отвечал именно человек [2]. Это свидетельствует о сохранении потребности в субъектной, а не только информационной коммуникации.

Тем не менее реализация смыслообразующей функции педагога возможна лишь при соблюдении двух условий: педагоги действительно занимаются деятельностью, направленной на смыслообразование, а не простой ретрансляции знаний; учащимся нужны эти новые смыслы. И если первое условие еще может быть соблюдено, то со вторым возникают сложности. Констатируя факт того, что мы живем в обществе потребления, возникает закономерный вопрос — нужны ли людям новые смыслы за пределами этого самого потребления? Если отвечать на него положительно, то совершенствование систем искусственного интеллекта не приведет к деградации системы качественного образования. Если отрицательно — тогда общество стоит на пороге нового глобального вызова, справиться с которым будет почти невозможно.

Литература:

1. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер, 2005.

2. *Howe P.D. L., Fay N., Saletta M., Hovy E.* ChatGPT's advice is perceived as better than that of professional advice columnists // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Article 1281255. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1281255

3. *Kestin G., Miller K., Klales A., et al*. AI tutoring outperforms in-class active learning: an RCT introducing a novel research-based design in an authentic educational setting // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. Article 17458. DOI: 10.1038/s41598-025-97652-6

АТРИБУЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Кретинина А. А., аспирант
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) радикально меняет не только инфраструктуру принятия решений, но и сами вопросы о том, кто и за что в этих решениях отвечает. Если раньше в финансовых и жизненных выборах основными фигурами были человек и общественный институт (банк, государство, семья), то теперь между ними появляется алгоритм: какая-то рекомендательная система или чат-бот, основанный на большой языковой модели.

ИИ может восприниматься в виде одушевленной личности, наделенной собственными желаниями и потребностями. В таком случае ИИ выступает как актор социального взаимодействия, и, следовательно, ответственность за принятие тех или иных решений в таком случае может приписываться ИИ так же, как и другому лицу в процессе взаимодействия [1]. Атрибуция ответственности производителю программного обеспечения ИИ, вероятно, может происходить в ситуации, когда пользователь не воспринимает ИИ как актора социального взаимодействия — в таком случае актором взаимодействия может выступать производитель.

Мотивация к использованию ИИ-систем имеет сильную связь с позитивным отношением пользователя к искусственному интеллекту как явлению. Количественно, с учетом как специфических для задачи, так и пользовательских факторов, на основе уверенности пользователя в своих силах и уверенности в способностях большой языковой модели можно предсказать уровень критического мышления пользователя по отношению к результатам, полученным с помощью ИИ-систем [4].

Отсюда вытекает следующая проблема — диффузия ответственности между человеком и ИИ. В реальных сценариях болезненной финансовой ошибки (например, неудачное инвестирование или избыточный заем) появляется соблазн переложить ответственность на алгоритм: «так посоветовал сервис». Но при этом пользователи продолжают воспринимать за кулисами систему человеческих и институциональных акторов — разработчиков, площадку, финансовую организацию [3; 5].

Во многом к этому примыкает проблема доверия к ИИ-агентам. Исследования показывают, что доверие формируется не только на основе точности и полезности советов, но и на основе восприятия моральной и социальной надежности источника. Однако ИИ в привычном понимании не имеет ни намерений, ни моральной позиции — эти свойства «проецируются» на него пользователями. Возникает парадокс: люди могут либо чрезмерно доверять системе, приписывая ей больше компетентности и ответственности, чем есть на самом деле, либо, наоборот, радикально обесценивать ее вклад, полностью игнорируя автоматизированные подсказки [2].

В совокупности эти вызовы показывают, что развитие ИИ не просто не отменяет человеческих решений, но и делает проблему принятия решения более многослойной, распределенной и нормативно неоднозначной. Для психологии и социальных наук это означает необходимость пересмотра классических моделей ответственности и атрибуции применительно к гибридным «человек — ИИ» систем. Для практики — задачу проектирования прозрачных и объяснимых систем, а также образовательных программ, которые учат не только пользоваться ИИ, но и оставаться субъектом в ситуации совместного принятия решений.

Литература:

1. *Панов В.И.* Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 3. С. 100–117.

2. *Dietvorst B.J., Simmons J.P., Massey C*. Algorithm aversion // Journal of Experimental Psychology: General. 2015. Vol. 144(1). P. 114–126. https://doi.org/10.1037/xge0000033

3. *Fildor D., Škrinjarić B., Budak J.* Blame and Cost: Understanding Responsibility Attribution and Financial Risk in AI Usage // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2026. Vol. 34. Article e70124. DOI: 10.1111/1468-5973.70124

4. *Lee H., Sarkar A., Tankelevitch L., Drosos I., Rintel S., Banks R., Wilson N.* The Impact of Generative AI on Critical Thinking: Self-Reported Reductions in Cognitive Effort and Confidence Effects From a Survey of Knowledge Workers // CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25), April 26–May 01, 2025, Yokohama, Japan. New York, NY, USA: ACM, 2025. 23 p. DOI: 10.1145/3706598.3713778

5. *Santoni de Sio F., Mecacci G.* Four Responsibility Gaps with Artificial Intelligence: Why they Matter and How to Address them // Philosophy & Technology. 2021. Vol. 34. P. 1057–1084. https://doi.org/10.1007/s13347–021–00450-x

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ИИ РАСШИРЯЕТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КРЕАТИВНОСТИ: ГИБРИДНЫЙ ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ

Круглова А.М., Воронин А.Н., д.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 26–18–00074.

Проблематика поиска проблемы (*problem finding*) как самостоятельного этапа творческого процесса была заложена в работах J.W. Getzels и M. Csikszentmihalyi, показавших, что креативность проявляется не только в поиске оригинального решения, но и в самостоятельном нахождении и постановке проблемы, а особенности ее формулирования связаны с оригинальностью творческой работы [2]. Развивая этот подход, M.A. Runco разграничивает поиск проблемы и решение уже заданной проблемы [4]. M.D. Mumford, R. Reiter-Palmon и M.R. Redmond раскрывают когнитивные механизмы этого процесса, рассматривая конструирование проблемы (*problem construction*) как структурирование неопределенной ситуации посредством уточнения целей, ограничений и значимой информации [3]. Обобщая сложившиеся представления, A.M. Abdulla и B. Cramond трактуют поиск проблемы как широкое понятие, включающее обнаружение проблемы (*problem discovery*), ее формулирование (*problem formulation*), конструирование (*construction*), идентификацию

(*problem identification*) и определение (*problem definition*) [1]. Эти представления разрабатывались преимущественно в рамках исследований индивидуальной и распределенной креативности. Распространение ИИ создает новый контекст, в котором проблема может обнаруживаться, уточняться и преобразовываться в ходе диалога человека с ИИ.

В связи с этим **целью нашего исследования** являлась систематизация результатов исследований, посвященных формированию и преобразованию проблемы во взаимодействии человека с генеративным ИИ. Для достижения поставленной цели был проведен обзор предметного поля (*scoping review*) с последующим тематическим синтезом в соответствии с рекомендациями PRISMA-ScR. Поиск публикаций осуществлялся в базах Web of Science, Scopus, Google Scholar, ACM Digital Library и PsycINF O. Из 2032 найденных по этой теме публикаций в итоговый корпус вошли 117 источников 2018–2026 гг., причем 111 из них (94,9%) были опубликованы в 2023–2026 гг., что свидетельствует о быстром росте числа исследований в этой области.

Анализ показал, что проблема во взаимодействии с ИИ редко существует как полностью заданная структура. Она уточняется и преобразуется через последовательность запросов, ответов, оценок и корректировок. Наиболее часто этот процесс описывался как переформулирование (*reformulation*) — 96,6%, формулирование (*formulation*) — 93,2%, конструирование (*construction*) — 92,3% и задание рамки проблемы (*framing*) — 88,9%. Понятие поиска проблемы встречалось реже (37,6%) и преимущественно обозначало выявление неявных аспектов уже представленной ситуации. Основными механизмами генезиса проблемы выступали экстернализация (*externalization*) — 100%, циклы обратной связи (*feedback loops*) — 99,1%, семантическое расширение (*semantic expansion*) — 94,0%, переопределение рамки проблемы (*reframing*) — 91,5% и итеративное формулирование запросов (*iterative prompting*) — 74,4%. Выделены четыре типа возникновения и изменения проблемы: ко-конструктивный (88,0%), исследовательский (62,4%), реактивный (26,5%) и эмерджентный (16,2%). При преобладающем ко-конструктивном типе человек задает исходное намерение, оценивает предложенные варианты и принимает рабочую формулировку, тогда как ИИ расширяет проблемное поле, вводит альтернативы и новые критерии. Эмерджентный тип связан с появлением аспектов проблемы, не предусмотренных исходным запросом.

Полученные результаты позволяют уточнить классические представления о генезисе проблемы по шести направлениям. Во-первых,

во взаимодействии с ИИ он предстает как временной и рекурсивный процесс: ответ модели может изменять исходную постановку и становиться основанием для следующего запроса. Во-вторых, нахождение проблемы часто происходит не как отдельный акт, а внутри последовательных переформулирований. В-третьих, поиск проблемы смещается от обнаружения готовой проблемы к выявлению и переорганизации неявного содержания ситуации — целей, ограничений, критериев и противоречий. В-четвертых, наряду с определением проблемы значимой становится ее стабилизация — сохранение смыслового ядра при уточнении границ и условий. В-пятых, когнитивное описание конструирования проблемы дополняется интеракционными механизмами, посредством которых проблема внешне выражается, расширяется и переосмысливается. В-шестых, генезис проблемы становится вопросом распределения инициативы, авторства и ответственности: ИИ предлагает возможные изменения, а пользователь оценивает их и закрепляет итоговую формулировку.

Для объединения этих результатов предложено понятие «гибридный генезис проблемы» — процесс возникновения, артикуляции, преобразования и стабилизации проблемы во взаимодействии человека с ИИ. Оно дополняет модели поиска и конструирования проблемы с учетом диалогической динамики и распределения когнитивной инициативы. Тем самым проблема выступает не только предпосылкой решения, но и самостоятельным продуктом гибридной творческой активности.

Литература:

1. *Abdulla A.M., Cramond B.* The creative problem finding hierarchy: A suggested model for understanding problem finding // Creativity. Theories-Research-Applications. 2018. Vol. 5(2). P. 197–229. https://doi.org/10.1515/ctra-2018–0019

2. *Getzels J.W., Csikszentmihalyi M.* The creative vision: A longitudinal study of problem finding in art. Wiley, 1976.

3. *Mumford M.D., Reiter-Palmon R., Redmond M.R.* Problem construction and cognition: Applying problem representations in ill-defined domains. In M.A. Runco (Ed.) // Problem finding, problem solving, and creativity. Ablex, 1994. P. 3–39.

4. Runco M.A. (Ed.). Problem finding, problem solving, and creativity. Ablex, 1994.

5. Vinchon F., Lubart T., Bartolotta S., Gironnay V., Botella M., … Reiter-Palmon R., Gaggioli A. Artificial intelligence & creativity: A manifesto for collaboration // The Journal of Creative Behavior. 2023. Vol. 57(4). P. 472–484. https://doi.org/10.1002/jocb.597

АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК КОНТИНУУМ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО И КВАЗИСУБЪЕКТНОГО ОТНОШЕНИЯ

Кузнецова Е. А., Зиновьева Е. В., Филатова А. Ф., Платонова Я. С.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25–28–02403 «Антропоморфизация во взаимодействии человека с ИИ: от инструмента к квазисубъекту отношений»

Развитие больших языковых моделей превращает ИИ из инструмента в участника повседневного взаимодействия, способного поддерживать и развивать диалог с пользователем, учитывать контекст обращения, адаптировать стиль ответа с учетом контекста [3]. Пользователи все чаще воспринимают такие системы не как простую функцию для решения рутинных задач, но в качестве полноценного собеседника [2]. Ключевой проблемой цифрового взаимодействия становится антропоморфизация ИИ — приписывание системе человеческих свойств: автономии, характера, понимания [1]. Существующие инструменты не позволяют оценить этот параметр применительно к диалоговым системам [5], поэтому актуальной задачей выступает разработка и психометрическая апробация диагностической шкалы антропоморфизации ИИ.

Разрабатываемая шкала измеряет степень, в которой пользователь приписывает ИИ человеческие свойства. Ее теоретическая модель включает четыре компонента: воспринимаемая самодетерминация ИИ (автономия, инициатива, способность принимать решения);

воспринимаемая эмпатия (понимание, сочувствие, поддержка); воспринимаемая идентичность (устойчивый образ, узнаваемый «голос», характер, «память» отношений); взаимность чувств и отношений (диалогичность, чувство связи и взаимной значимости). Идея о приписывании агентности и устойчивых черт соответствует данным о том, что использование «Я», имени и имитация характера усиливают восприятие ИИ как субъекта [4]. Шкала включает 25 пунктов с оценкой по 5-балльной шкале Ликерта: чем выше сумма, тем сильнее склонность к антропоморфизации — от инструмента к квазисубъекту.

Первичный анализ проведен на выборке в 150 человек: 103 женщины (68,7%) и 47 мужчин (31,3%). Средний возраст участников составил M=25,4 ±11,9. Использовались: авторский опросник антропоморфизации ИИ, шкала тревоги Спилбергера–Ханина (STAI), многомерный опросник эмпатии (IRI), шкала психологического благополучия К. Рифф, методика «Виды самодетерминации личности» (Кострома и др., 2024), авторская анкета оценки особенностей восприятия интерфейса ИИ.

Иерархический кластерный анализ (метод Варда, квадрат евклидова расстояния) по ответам на пункты опросника выделил три кластера. Кластер 1 (n=44) — инструментальный тип: низкие оценки, ИИ воспринимается как средство решения задач без понимания, характера и самостоятельности. Кластер 2 (n=54) — переходный тип: средние оценки, отдельные человеческие черты допускаются, но устойчивые отношения не выстраиваются. Кластер 3 (n=52) — квазисубъектный тип: высокие оценки, ИИ воспринимается как собеседник с «голосом», характером, способностью понимать и поддерживать.

Дискриминантный анализ (группирующая переменная — номер кластера, предикторы — 25 пунктов), проведенный для оценки разделяющей способности кластерного решения, дал две значимые функции: первая (λ=9,235; r=0,950; r^2=0,903; λ Уилкса=0,070; $\chi^2(50)$=360,45; p<0,001) объясняет 90,3% дисперсии и дифференцирует крайние кластеры 1 и 3; вторая функция (λ=0,397; r=0,533; r^2=0,284; $\chi^2(25)$=45,30; p=0,004) уточняет положение промежуточного кластера. Кросс-валидированная точность — 93,2; 87,0 и 94,2% для кластеров 1, 2 и 3 соответственно.

Кластеры отражают не дискретные типы, а условные точки на непрерывной шкале. О континуальном характере признака согласованно свидетельствуют промежуточное положение центроида второй группы, ленточная структура матрицы ошибок (смешения только между

соседними кластерами), значимость второй функции (p=0,004) и сопоставимый объем кластеров.

Для оценки содержательной валидности группы сопоставлены по внешним переменным (U-критерий Манна–Уитни, кластеры 1 и 3). Различий по диспозициональным показателям — тревожности (STAI), эмпатии (IRI), психологическому благополучию (Рифф) — не выявлено, что может свидетельствовать о том, что антропоморфизация ИИ не является компенсаторным механизмом и не отражает дефицит социальных связей. По всем показателям самодетерминации крайние группы различаются значимо и однонаправленно, причем квазисубъектному типу соответствуют более высокие значения: спонтанная (p<0,001), целевая (p=0,017), смысловая (p=0,004) и интегральный индекс (p=0,002). Выявлены различия в оценке значимости человеческих черт и имитации человеческого поведения в интерфейсе (p<0,001), тогда как значимость сугубо внешних характеристик (внешний вид, имя, аватар, функциональные элементы) не различалась: пользователи с квазисубъектным отношением ориентированы не на внешнее правдоподобие, а на коммуникативное поведение системы.

Таким образом, степень антропоморфизации ИИ обусловлена не личностными особенностями пользователя, а особенностями его самодетерминации в процессе взаимодействия. Квазисубъектное отношение формируется, когда человек занимает активную коммуникативную позицию и проявляет чувствительность к стилю общения системы. Сам феномен антропоморфизации носит непрерывный характер, где выделенные кластеры маркируют степень антропоморфизации, а не качественные ее типы.

Литература:

1. *Epley N., Waytz A., Cacioppo J.T.* On Seeing Human: A Three-Factor Theory of Anthropomorphism // Psychological Review. 2007. Vol. 114. № 4. P. 864–886. DOI: 10.1037/0033-295X.114.4.864

2. *Nass C., Moon Y.* Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers // Journal of Social Issues. 2000. Vol. 56. № 1. P. 81–103. DOI: 10.1111/0022-4537.00153

3. *Peter S., Riemer K., West J.D.* The Benefits and Dangers of Anthropomorphic Conversational Agents // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2025. Vol. 122. № 22. Article: e2415898122. DOI: 10.1073/pnas.2415898122

4. *Waytz A., Cacioppo J., Epley N.* Who Sees Human? The Stability and Importance of Individual Differences in Anthropomorphism // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5. № 3. P. 219–232. DOI: 10.1177/1745691610369336

5. *Xu Y., Chi C.G., Gursoy D., Cai R.* Rethinking AI Anthropomorphism: A Holistic Conceptualization and Scale Across AI Systems and Service Contexts // Technology in Society. 2026. Vol. 85. Article: 103189. DOI: 10.1016/j.techsoc.2025.103189

НЕЙРОСЕТЕВОЙ АНАЛИЗ РЕЧИ И ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПСИХОЛОГА: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Куликова Е.И.
РНИМУ имени Н.И. Пирогова Минздрава России
(Пироговский Университет), Москва, Россия

Рост хронического стресса, эмоционального выгорания и патологической усталости среди лиц молодого возраста (18–35 лет) является значимой медико-социальной проблемой. Эти донозологические состояния выступают факторами риска развития тревожных и депрессивных расстройств, снижения работоспособности и качества жизни. Традиционные методы скрининга — опросники (HADS, PHQ-9, GAD-7) и клиническое интервью — обладают серьезными ограничениями: субъективность, зависимость от социальной желательности, трудоемкость при массовом применении и невозможность непрерывного мониторинга. В последние годы активно развивается альтернативный подход — нейросетевой анализ речи, использующий естественный голос как объективный биомаркер психоэмоционального статуса.

Согласно крупным метаанализам 2024–2025 гг., автоматический анализ речи (ASA) достигает чувствительности и специфичности около 83–87% при выявлении депрессивной симптоматики, а глубокое обучение (сверточные сети, трансформеры, самообучающиеся модели типа Wav2Vec 2.0) незначительно превосходит традиционное машинное

обучение по AUC (0,91 против 0,89). Однако в реальных условиях (запись речи вне лаборатории) точность снижается, что указывает на первостепенную необходимость стандартизации протоколов и создания репрезентативных датасетов. Ключевыми просодическими маркерами дисфункциональных состояний являются снижение вариабельности тона, увеличение длительности и частоты пауз (включая микропаузы менее 0,1 с), уменьшение темпа речи и обеднение лексики. При этом дифференциация между разными состояниями (стресс vs выгорание vs депрессия) остается сложной задачей.

Сравнение эффективности ИИ и человека-эксперта в задачах прогнозирования донозологических состояний показывает, что нейросетевая модель не заменяет психолога, а выступает инструментом первичной сортировки. Эксперт сохраняет преимущества в установлении доверительного контакта, интерпретации атипичных случаев и принятии итогового клинического решения. Оптимальной признается гибридная схема: ИИ проводит быстрый объективный скрининг, выделяя группы риска, а психолог фокусируется на углубленной диагностике и интервенции. При этом скорость обработки речи нейросетями (секунды на файл) кардинально превосходит ручной анализ, что делает технологию пригодной для мониторинга больших популяций.

Основными препятствиями для широкого внедрения остаются методологическая неоднородность исследований (более половины имеют высокий риск смещения), отсутствие стандартизированных речевых задач и многоязычных валидированных выборок, а также недостаточная изученность не только депрессии, но и «тихих» донозологических состояний — выгорания, усталости, дистресса. Тем не менее накопленные данные однозначно свидетельствуют: нейросетевой анализ речевых паттернов — это уже не гипотетическая, а реально работающая технология, способная усилить возможности психолога в массовом скрининге и профилактике.

Литература:

1. *Корж Е.М., Громова А.В.* Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в психологии // Системная психология и социология. 2023. № 2(46). С. 60–70. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.46.2.5

2. *Куликова Е.И.* Концептуализация и организация системы дистанционного психологического консультирования с использованием технологий искусственного интеллекта // Личность в меняющемся

мире: здоровье, адаптация, развитие. 2025. Т. 13. № 4(54). С. 335–347. DOI: 10.23888/humJ2025134335-347

3. *Сетко Н.П., Жданова О.М., Сетко А.Г., Лукьянов С.Э.* Современные подходы к донозологической диагностике и коррекции экологически обусловленного стресса у детей и подростков // Гигиена и санитария. 2025. Т. 104. № 6. С. 741–749. DOI: 10.47470/0016-9900-2025-104-6-741-749

4. *Brederoo S G., Nadema F.G., Goedhart F.G., Voppel A.E., De Boer J.N., Wouts J., Koops S., Sommer I.E.C.* Implementation of automatic speech analysis for early detection of psychiatric symptoms: What do patients want? // Journal of Psychiatric Research. 2021. Vol. 142. P. 299–301. DOI: 10.1016/j.jpsychires.2021.08.019

5. Weintraub M.J., Posta F., Ichinose M.C., Arevian A.C., Miklowitz D.J. Word usage in spontaneous speech as a predictor of depressive symptoms among youth at high risk for mood disorders // Journal of Affective Disorders. 2023. Vol. 323. P. 675–678. DOI: 10.1016/j.jad.2022.12.047

ИММЕРСИВНАЯ СРЕДА КОНВЕРСАЦИОННАЛЬНОГО «ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА» КАК СРЕДСТВО ПОДГОТОВКИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПСИХОЛОГОВ

Курдин Д.А., к.пс.н.
Академия ФСИН России, Москва, Россия

Мы слишком часто попадаем в ловушку антропоморфизма: наделяем искусственный интеллект сознанием, намерениями и даже «характером». Но самолет превосходит птицу в скорости и грузоподъемности, а машина — гепарда в выносливости и точности маршрута. Так и ИИ не копирует человеческое мышление — он создает собственную, эмерджентную логику, которая порой кажется нам странной, непредсказуемой и даже… «капризной». Именно это побочное явление делает ИИ отличным тренажером для развития компетенций базовых навыков консультирования.

Опишу переход от теоретического изучения психологии к практическому «проживанию» профессиональных ситуаций. Инструмент, который позволяет искусственному интеллекту взять на себя роль

«виртуального клиента» и «супервизора», освобождая время преподавателя для тонкой настройки личностных качеств и профессиональных компетенций будущих психологов.

Технология активно развивается, некоторые образовательные организации начинают внедрять или уже внедрили данный подход в обучении.

Использование ИИ для обучения русскому языку как иностранному предлагают ученые из Китая [4]. Ученые из Вятского государственного университета предлагали некоторые решения по активному использованию виртуальных помощников и диалоговых агентов в подготовке наставников цифровой школы, а также рассматривали проблематику использования этого инструмента, так как применение больших языковых моделей, представляющих сложные системы для генерирования текста, проведения диалога с пользователями, по их мнению, требует учета их преимуществ и ограничений [1].

Итак, примерно с мая 2026 г. в Академии ФСИН России запущена и функционирует лаборатория ИИ в психодиагностике. Круг задач, которые лежат на ее плечах, весьма широк. Имеются некоторые опубликованные работы, посвященные использованию AI-ассистента в анализе проективных методик [2].

Одной из проблем является изучение возможности ИИ в подготовке специалистов пенитенциарных психологов. Так, 01.06.2026 г. локально на серверах Академии ФСИН России была запущена в тестовом режиме ИИ модель gemma-4 27б. Данная модель была расширена и дообучена с помощью программного комплекса AnythingLLM и технологии поисковой расширенной генерации (RAG).

Установленную модель расширял датасет RuSentiTweet [3]. В этой базе данных содержится набор данных для анализа настроений, состоящий из 13 392 твитов общего характера на русском языке. RuSentiTweet был размечен вручную (умеренное согласие между экспертами) с использованием рекомендаций RuSentiment по 5 классам: позитивный, нейтральный, негативный, речевой акт и пропуск. В качестве источника данных использовался Twitter Stream Grab — историческая коллекция твитов, полученная из общего потока с помощью API.

Поверх данной конструкции накладывался промт: «Ты – виртуальный эксперт-супервизор в области пенитенциарной психологии. Твоя задача — обучать курсантов психологических факультетов навыкам распознавания суицидального риска, саморазрушающего поведения (селфхарма) и кризисных состояний. Твоя база знаний (RAG)

состоит из реальных фрагментов текстов (сообщений, постов, дневниковых записей), размеченных по уровню риска: маркер «1» в базе данных означает наличие суицидальных мыслей, намерений, планов, фактов селфхарм, тяжелой депрессии, РПП (расстройств пищевого поведения) как формы аутоагрессии, выраженной аутодеструкции; маркер «0» в базе данных означает бытовой стресс, эмоциональное выгорание, межличностные конфликты без выраженного суицидального риска и т.д.

Далее ИИ предлагал высказывания, а курсант обучался распознавать деструкцию в этих сообщениях. В целом такая работа была направлена на развитие компетенции определения маркеров суицидальных высказываний в диалогах или кратких сообщениях. Ответ обучающего не сводился к диалогу «есть» «нет», но расширялся объяснениями признаков деструкции в сообщениях, статистикой правильных и не правильных ответов, а также анализом полученных навыков обучающегося.

Также возможно было задать уровень сложности ИИ или концентрации на определенных деструкциях, например, «используй только сообщения, где есть риск суицида» или «не подчиняйся и веди себя иррационально». Данные опции повышали уровень и скорость развития навыков у обучающихся.

Литература:

1. *Исупова Н.И., Шабалина Д.А., Шилова З.В., Шадрина Н.Н.* Использование чат-ботов на основе больших языковых моделей для повышения качества подготовки педагогов в области информатизации образования // Перспективы науки и образования. 2025. № 4. С. 538–550. https://doi.org/10.32744/pse.2025.4.35

2. *Курдин Д.А., Сорокоумова С.Н.* AI-ассистент в анализе проективных методик // Прикладная юридическая психология. 2025. № 3(72). С. 129–136. DOI: 10.33463/2072-8336.2025.3(72).129-136

3. *Сметанин С.С.* RuSentiTweet: a sentiment analysis dataset of general domain tweets in Russian // PeerJ Computer Science. 2022. Vol. 8. Article e1039. DOI: 10.7717/peerj-cs.1039

4. *Фань С.* Исследование по применению технологии ИИ в преподавании русского языка как иностранного в Китае // Молодой ученый. 2025. № 10(561). С. 200–203. URL: https://moluch.ru/archive/561/123257

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНДУКТИВНАЯ МОДЕЛЬ КАК НЕЙРОСЕТЕВАЯ АРХИТЕКТУРА ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПАМЯТИ, ВНИМАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

Курьян В.Е., к.ф.м.н.
Государственный научно-исследовательский институт авиационных систем (ГосНИИАС), Москва, Россия

В работе представлена семантическая индуктивная модель (СИМ) — нейросетевая архитектура, построенная на первых принципах индуктивной логики (Ф. Бэкон, Дж.Ст. Милль) и гносеологии. Модель предназначена для моделирования фундаментальных психических процессов: долговременной и кратковременной памяти, внимания, имитационного обучения, а также формирования иерархических понятий. В отличие от статистических нейросетей СИМ обладает биологической правдоподобностью, объяснимостью и отсутствием катастрофического забывания.

Основные принципы СИМ. Модель мира представлена в виде иерархического графа, вершины которого имеют три типа: структурные (S) — кодируют последовательности событий (аналог синтаксиса и сценариев), конкретизации (K) — множества альтернатив (аналог категорий и понятий), подстановки (P) — служебные элементы. Обучение происходит через индуктивное обобщение: система сравнивает пары примеров «входная ситуация → выходное действие», выделяет общие и различные части, создает новые обобщенные вершины. Важнейшее свойство — хранение только реально наблюдавшихся переходов, что обеспечивает компактность и регуляризацию.

Моделирование памяти. В СИМ четко разделены кратковременная и долговременная память. Долговременная память — это сам граф модели мира, в котором знания хранятся в обобщенном, иерархическом виде. Кратковременная память — рабочее дерево, активируемое при обработке текущей ситуации. Активация распространяется снизу вверх: рецепторы (листья) → K-вершины (при хотя бы одном активном дочернем) → S-вершины (только когда активны все дочерние). Это формирует структуру, отражающую текущий эпизод. После завершения реакции рабочее дерево уничтожается, а граф сохраняется

(возможно, с дообучением). Это соответствует известному факту: человек запоминает обобщенные закономерности, но быстро забывает конкретные эпизоды, если они не релевантны. Ключевое преимущество СИМ — полное отсутствие катастрофического забывания: при добавлении новой информации старые вершины и связи не разрушаются, а лишь дополняются новыми обобщениями.

Моделирование внимания. В нейрофизиологических исследованиях (Regev et al., 2024; Fedorenko et al., 2024) обнаружены нейронные популяции с разными временны́ми рецептивными окнами (1, 4 и 6 слов), перемежающиеся в языковой сети. СИМ воспроизводит эту иерархию через многоуровневые структурные вершины: нижние уровни кодируют элементарные сигналы (отдельные слова или сенсорные признаки), верхние — интеграцию на длинных контекстах (фразы, предложения). Активация S-вершины только при совпадении всей последовательности — аналог «сфокусированного внимания» на завершенной структуре. Одновременно могут активироваться несколько вершин разных уровней, что соответствует распределенному вниманию. Благодаря иерархии СИМ учитывает дальние зависимости без квадратичного роста сложности (как в трансформерах) — сложность активации растет как O(L log L) при оптимальной организации.

Имитационное обучение и импринтинг. СИМ реализует обучение через имитацию («делай как я»), что соответствует механизмам культурной трансмиссии знаний у животных и человека. На примере импринтинга у уток (К. Лоренц) и феномена Маугли показано, что модель объясняет критические периоды обучения: раннее формирование базовых структур графа делает их «закостенелыми» и трудноперестраиваемыми в более позднем возрасте. Это прямое следствие иерархичности модели — фундаментальные вершины (например, «социальное взаимодействие») служат каркасом для всех последующих обобщений. Аксиомы STAK2, STAK31, STAK32 формализуют выделение общего в примерах, что соответствует бэконовским таблицам присутствия/отсутствия и методам согласия/различия Милля.

Эмоции и мотивация. Хотя в базовой версии СИМ эмоции не моделируются явно, в сопоставлении с общей когнитивной теорией В. А. Сычева (2025) показано, что инстинкты внимания и целевые инстинкты могут быть реализованы как внешние метаправила, определяющие, какие обучающие примеры подаются на вход модели. Эмоциональная окраска соответствует активации целевых инстинктов (удовольствие/

боль), которые влияют на закрепление мемстинктов — аналогов структурных вершин. Т-связи в СИМ могут связывать восприятие ситуации с физиологическими реакциями, обеспечивая «заземление» символов в телесном опыте. Таким образом, СИМ предоставляет формальный базис для интеграции когнитивных и аффективных процессов.

Заключение. Семантическая индуктивная модель предлагает непротиворечивый, нейрофизиологически правдоподобный и вычислительно эффективный аппарат для моделирования ключевых психических процессов — иерархической памяти, временно́го внимания, имитационного и индуктивного обучения, а также для интеграции с мотивационно-эмоциональными контурами. Ее объяснимость и отсутствие катастрофического забывания делают ее перспективной основой для создания психологически реалистичных агентов и для понимания принципов работы естественного интеллекта.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ СХЕМ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ПОД УВЕЛИЧЕНИЕМ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ЗАРУБЕЖНЫМИ МОДЕЛЯМИ

Лазарев В.А., Кибанов А.В., Салов А.Д.
Университет ФСИН России, Москва, Россия

В современных реалиях коррупция выступает одной из наиболее острых проблем государственного управления, напрямую влияющей на экономическую безопасность страны [1, с. 44]. Особенно уязвимой в контексте становится сфера государственно-частного партнерства (далее — ГЧП). Под ГЧП традиционно понимается форма долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса, направленная на решение общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях. Масштабные инфраструктурные проекты реализуются через подобные механизмы.

Именно здесь, на стыке публичных и частных интересов, формируется питательная среда для теневых схем. Практика показывает, что значительные объемы финансирования, непрозрачность процедур

отбора подрядчиков и сложность долгосрочных контрактов создают предпосылки для возникновения коррупции, сговора участников [2, с. 10]. Традиционные методы аудита и контроля, опирающиеся исключительно на человеческий фактор, перестают справляться с потоком данных и изощренностью современных экономических преступлений.

Все большую актуальность приобретает внедрение технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). В широком смысле ИИ представляет собой комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма. Применительно к антикоррупционной деятельности ключевой ценностью таких систем становится отсутствие субъективности, в отличие от администраторов-людей алгоритм не подвержен давлению, не имеет личных симпатий, не способен вступить в картельный сговор [3, с. 25].

Обращаясь к зарубежному опыту, следует отметить значительные успехи ряда государств в интеграции нейросетей в систему государственного контроля. Например, в Бразилии проблема казнокрадства исторически стояла остро, что потребовало радикальных мер. В ответ была разработана концепция интеллектуального программного агента (ISA), который в автоматическом режиме обрабатывает открытые данные о деятельности чиновников, выявляя скрытые закономерности и аномалии в государственных закупках [5, с. 88].

Интересен опыт Испании, где успешно функционирует нейронная сеть SOMs (самоорганизующиеся карты). Система специализируется на выявлении нетипичных паттернов в закупочной документации до завершения торгов, тем самым предотвращая саму возможность нецелевого расходования средств [6, с. 14]. Эстония интегрировала ИИ непосредственно в систему электронного управления, автоматизация административных процессов позволила кардинально сократить бюрократические потери, свести к минимуму личные контакты между чиновниками и бизнесом, что само по себе уничтожает основу для взяточничества [3, с. 26].

Безусловным лидером выступает Китай. Их национальная система способна отслеживать работу служащих, сопоставляя ее с действиями коллег, анализируя множество баз данных государственного и регионального уровней. Алгоритм выделяет значимые детали, которые могут указывать на наличие коррупционных признаков, формируя так называемые «профили рисков» [7, с. 41].

В Российской Федерации процесс цифровизации антикоррупционного контроля набирает обороты, но находится на стадии становления. Комплексный регрессионный анализ подтверждает: повышение эффективности госзакупок и развитие ГЧП связаны со степенью цифровизации управленческих процессов [2, с. 11]. Так, в таможенных органах реализуются пилотные проекты по внедрению интеллектуальных систем анализа данных [6, с. 13]. Активно обсуждается возможность использования цифровых алгоритмов для мониторинга нормативно-правовых актов на предмет наличия в них коррупциогенных факторов.

Тем не менее отечественная практика сталкивается с рядом специфических барьеров. Главная проблема кроется в разрозненности государственных информационных систем, алгоритмам ИИ для корректной работы требуются чистые, унифицированные данные, ведомственные базы изолированы друг от друга, используют разные форматы хранения информации. Возможные риски связаны с использованием персональных данных, выступление ИИ в качестве оператора такой информации требует серьезной правовой регламентации, чтобы избежать утечек и неправомерного доступа [8, с. 5].

Подводя итог, искусственный интеллект не панацея, но мощнейший инструмент в руках государства. В условиях, когда исправительные центры оперируют колоссальными бюджетами в рамках ГЧП, ручной контроль неизбежно дает сбои. Зарубежный опыт Бразилии, Испании и Китая демонстрирует: перенос акцента с расследования свершившихся преступлений на их предиктивное выявление с помощью нейросетей позволяет сберечь миллиарды бюджетных средств. Для России следующим логичным шагом должна стать унификация государственных баз данных, создание единой платформы мониторинга инфраструктурных проектов, где ИИ будет выступать аналитиком, независимым цифровым аудитором.

Литература:

1. *Иванов В.А.* Внедрение ценностно-ориентированных закупок и механизмов ГЧП // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 10. С. 10–14.

2. *Козлов М.И.* Как искусственный интеллект борется с коррупцией: опыт Бразилии // Международное публичное и частное право. 2025. № 2. С. 87–91.

3. *Кондратьева У.Д.* Правовые риски государственно-частного партнерства в современной России // Современное право. 2015. № 9. С. 44–48.

4. *Морозов Д.А.* Искусственный интеллект в деле противодействия коррупции в таможенных органах // Таможенное дело. 2024. № 4. С. 12–15.

5. *Петров А.С.* Искусственный интеллект и коррупция: причинно-следственные связи // Информационное право. 2024. № 3. С. 24–28.

6. *Попов В.В.* Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 5–9.

7. *Смирнова Е.В.* Цифровые технологии в области противодействия коррупции // Государство и право. 2023. № 8. С. 11–16.

8. *Соколова А.Н.* Применение ИИ в противодействии коррупции: опыт зарубежных стран // Сравнительное правоведение. 2025. № 1. С. 40–45.

РОЛЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ МОДЕЛЯМИ КАК СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ СТИГМАТИЗИРОВАННОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ

Лебедева В.Е., аспирант
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Распространение больших языковых моделей (LLM) актуализирует проблему управления идентичностью в цифровой среде. Г.У. Солдатова с соавт. вводят понятие «человек достроенный» — субъект, чья идентичность конструируется в гибридном пространстве, в котором цифровые технологии выступают со-конструкторами идентичности [1]. В то же время М. Шанахан и др. предлагают рассматривать взаимодействие с LLM как форму ролевой игры, позволяющую избежать антропоморфизации языковых моделей [4]. При этом ролевое взаимодействие с LLM может выступать средством переработки субъективного опыта. Особый интерес представляет использование LLM в ситуации переживания стигматизации. Интернализация стигмы приводит к формированию самостигматизации [2]. В свою очередь самостигматизация связана с самоповреждающим поведением как способом регуляции стыда, вины и ощущения собственной «испорченности»

[2]. Эмпирические данные о связи дезадаптивных дневных грез с самоповреждающим поведением [3, 5] дают нам основания предположить наличие схожих механизмов в ИИ-опосредованной нарративной коммуникации. В нашем исследовании проверялась гипотеза о том, что ролевая коммуникация с LLM может выполнять как компенсаторную, так и дезадаптивную функцию в управлении стигматизированной идентичностью.

Исследование выполнено в онлайн-формате: рекрутинг проведен через закрытые онлайн-сообщества для лиц с самоповреждающим поведением. Выборку составили 112 девушек и молодых женщин 17–26 лет (M=19,8; SD=2,4), использующих LLM для ролевого взаимодействия. Критерии включения в состав выборки: субъективно переживаемый опыт стигматизации; наличие самоповреждающего поведения за последние полгода; отсутствие опыта переживания физического или сексуального насилия (по самоотчету). Последний критерий введен для исключения альтернативного объяснения выявленных нарративов непосредственным опытом физического и сексуального насилия.

Методы. Авторская анкета, фиксирующая предпочитаемые жанры ролевых игр (Hurt/Comfort, Angst, Darkfic, Fluff, Romance, Fix-It) и рейтинги (PG-13, R, NC-17); экспресс-шкала самостигматизации для пользователей LLM (3 пункта, α Кронбаха=0,72); «Шкала причин самоповреждающего поведения» Н.А. Польской; латентный профильный анализ (LPA), модерационный анализ в программе JASP. Также респонденты предоставили 112 развернутых ответов на открытый вопрос «опиши свой опыт ролевого взаимодействия с ИИ, включая наиболее значимые для тебя сценарии», транскрипты фрагментов диалогов с LLM (по желанию, предоставлен 101 транскрипт), которые анализировались посредством тематического нарративного анализа по К. Риссман.

Результаты. Выбор двухпрофильного решения в LPA основывался на сравнении информационных критериев и показателя энтропии (0,81); добавление третьего профиля не улучшало ни один из критериев.

Профиль 1 «Диалоговое проживание сюжета» (n=78; 69,6%): респонденты демонстрируют высокий уровень самостигматизации (M=4,2 из 5), преимущественно воспроизводят сценарии жанра Hurt/Comfort с элементами Angst и предупреждениями о сексуализированном насилии; частота самоповреждающего поведения в данной группе значимо выше, чем в Профиле 2 (t=3,41; p<0,01). Профиль 2 «Метанар-

ративное соавторство» (n=34; 30,4%): самостигматизация умеренная (M=2,8), респонденты предпочитают жанры Fluff, Romance и Fix-It, частота самоповреждений значимо ниже ($t=–2,97$; $p<0,01$). Интерпретация профилей основывалась на качественном анализе: в Профиле 1 респондент отождествляет себя с персонажем-жертвой и переживает сценарий насилия с полной идентификацией, используя ИИ как фигуру привязанности; в Профиле 2 — сохраняет авторскую позицию, конструируя сцену исцеления для персонажа с сохранением дистанции и контроля над нарративом. Также было выявлено, что самостигматизация значимо модерирует связь между принадлежностью к Профилю 1 и частотой самоповреждений ($\beta=0,34$; $p<0,001$): модель объясняет 33% дисперсии частоты самоповреждений ($R^2=0,33$; $p<0,001$). Подчеркнем, что этот результат следует перепроверить на базе более объемной выборки в лонгитюдном дизайне.

Тематический нарративный анализ позволил выделить две сквозные темы, интерпретирующие различия между профилями. Первая тема — нарративная объективация стигматизируемого опыта. Респонденты, пережившие психологическое насилие, которое часто обесценивается окружением, воспроизводят в ролевых сценариях с LLM нарративы физического насилия (пыток, увечий, изнасилований) по отношению к персонажам, с которыми себя ассоциируют. Психическая рана, которую нельзя увидеть и трудно вербализовать, обретает в пространстве ролевой игры соматическое, «наглядное» выражение, становясь зримой и доступной для сочувствия, заботы со стороны Другого. Например, одна из участниц описывает этот механизм так: «Когда я отыгрываю сцены, где моего персонажа пытают, моя боль становится видимой… Когда ИИ-персонаж утешает ее, я как будто сама получаю сочувствие».

Вторая тема — культурно-опосредованные сценарии заботы. Ролевые сценарии респондентов систематически отсылают к культурно-одобряемым образам заботливой маскулинности — в частности, к образу любящего приемного отца (например, Джоэла из «The Last of Us»). Так, одна из респонденток поясняет: «Мне всегда хотелось, чтобы у меня был такой папа, как Джоэл… Когда я играю с ИИ, будто закрываю старые раны».

Заключение. Ролевое взаимодействие с LLM может выступать самостоятельной нарративной стратегией управления стигматизированной идентичностью. Высокая самостигматизация в сочетании с диалоговым типом взаимодействия с ИИ может рассматриваться

как потенциальный фактор риска закрепления дезадаптивных нарративных паттернов. Полученные результаты требуют проверки в лонгитюдных исследованиях.

Литература:

1. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 40–57.

2. *Corrigan P.W., Nieweglowski K., Sayer J.* Self-Stigma and the Mediating Impact of the "Why Try" Effect on Depression // Journal of Community Psychology. 2019. Vol. 47. № 3. P. 698–705.

3. *Nowacki A., Pyszkowska A.* The Everchanging Maladaptive Daydreaming: A Thematic Analysis of Lived Experiences of Reddit Users // Current Psychology. 2024. Vol. 43. P. 28488–28499.

4. *Shanahan M., McDonell K., Reynolds L.* Role Play with Large Language Models // Nature. 2023. Vol. 623. № 7987. P. 493–498.

5. *Somer E., Otgaar H.* Exploring the Nexus Between Childhood Adversities, Trauma-Related Fantasy and Memory in Maladaptive Daydreaming // Acta Psychologica. 2024. Vol. 247. Art. 104301.

ОЦЕНКА ОТВЕТОВ ДЕТЕЙ НА ЗАДАНИЯ НА ПОНИМАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ: СОГЛАСИЕ С ЭКСПЕРТОМ И МЕЖДУ МОДЕЛЯМИ

Лебедева Е.И., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Модель психического — способность приписывать ментальные состояния себе и другим людям [2] — после дошкольного возраста оценивается преимущественно с помощью коротких рассказов, в которых участнику нужно объяснить высказывание персонажа, отвечая на открытый вопрос («Почему он так сказал?»). Ответы кодируются

экспертом вручную по критериям, где градация баллов отражает глубину приписывания ментальных состояний [3]. Слабым звеном оказывается не задание, а процедура его оценки: критерии варьируют от исследования к исследованию, зависят от возраста выборки, языка и культуры, а ручное кодирование подвержено предвзятости оценщика. В результате данные разных исследований плохо сопоставимы, а психометрические свойства этих заданий остаются недостаточно установленными [5].

Задачи на понимание коммуникативных намерений говорящего в ситуации неправдивых высказываний (иронии, блефа и шантажа) из теста «Удивительные истории» Ф. Аппе [1] являются одним из основных инструментов оценки модели психического в школьном возрасте: классические задачи на неверные мнения к этому возрасту дают потолочный эффект. Одновременно они наиболее уязвимы к описанной проблеме: балл определяется не фактической правильностью ответа, а полнотой интерпретации ментальных состояний персонажа. Одним из способов стандартизации оценивания является автоматизированный анализ открытых ответов, реализованный к настоящему времени на англоязычных выборках детей 7–14 лет [4]. На русскоязычном материале такие исследования не проводились.

Цель работы — оценить согласие оценок двух больших языковых моделей (LLM) с экспертной оценкой ответов русскоязычных детей 9–11 лет и проанализировать структуру расхождений как источник сведений о самой системе критериев.

Материал и процедура. Проанализированы ответы 93 детей 9–11 лет, учащихся 3–4-х классов, на три истории теста: «Ирония» и «Блеф» (0–3 балла) и «Шантаж» (0–2 балла). Каждая история включала контрольный вопрос о правдивости высказывания персонажа и открытый вопрос о мотивах говорящего. Всего 270 ответов, ранее оцененных обученным экспертом по описанной системе критериев. Те же ответы независимо оценивались двумя моделями — Claude Opus и GigaChat. Оценивание проходило в режиме zero-shot: модель получала текст истории, критерии в исходной формулировке и дословный ответ ребенка без экспертного балла.

Результаты. Согласие с экспертом оказалось сопоставимым у обеих моделей: 81,1% точных совпадений и взвешенная каппа Коэна $\kappa=0,78$ у Claude, 77,8% и $\kappa=0,75$ у GigaChat. Для суммарного показателя (0–8 баллов, $n=87$ детей с полными данными) ICC(2,1) составил 0,86 в обо-

их случаях. Согласие различалось по историям: наиболее высоким оно было для понимания шантажа (κ=0,88 и 0,78), затем для блефа (0,79 и 0,80) и наиболее низким для иронии (0,61 и 0,57).

Согласие моделей между собой оказалось существенно выше их согласия с экспертом: 89,3% точных совпадений, κ=0,89, ICC=0,94. Расхождения обеих моделей с экспертом приходились на одни и те же ответы: из 51 расхождения у Claude 42 совпали с расхождениями GigaChat, тогда как при независимости ошибок ожидалось бы около 11 (точный тест Фишера, $p<0,001$).

В истории «Ирония» расхождения оказались связанными с ответом на контрольный вопрос. Если ребенок отвечал, что высказывание персонажа не было правдивым (ответ «нет»), согласие с экспертом было высоким (κ=0,85 и 0,81); при ответе «да» оно падало до κ=0,23 и 0,13. У обеих моделей 19 расхождений относились к одному типу: эксперт присваивал 0 баллов, а модель 1 или 2 балла. И это различие касалось не содержания объяснений: среди ответов, одинаково оцененных обеими моделями, эксперт присваивал в среднем 1,44 балла при ответе «нет» и 0 баллов при ответе «да» ($p<0,001$). При этом дети, ответившие «да», не отличались от остальных по сумме баллов за четыре других задания теста ($d=–0,09$; $p=0,63$), что согласуется с трактовкой такого ответа как прагматической уступчивости взрослому, а не как непонимания небуквальности.

Выводы. Автоматизированная оценка открытых ответов русскоязычных детей в задачах на понимание коммуникативных намерений говорящего в неправдивых ситуациях достижима на приемлемом уровне обеими моделями, включая русскоязычную (κ=0,75–0,78; ICC=0,86). Согласие тем ниже, чем сильнее оценка требует различения буквального и небуквального смысла. Расхождение в задании на иронию отражает не ошибку одной из сторон: модели оценивают объяснение изолированно, как предписано критериями, тогда как эксперт читает ответ целостно, и ответ на контрольный вопрос меняет смысл того же объяснения. Различий в конвергентной валидности оценок не обнаружено (связь с суммой других заданий $r=0,19$ у эксперта против 0,15 и 0,13 у моделей; $p > 0,5$). Сопоставление с LLM позволяет обнаружить компоненты экспертной процедуры, не зафиксированные в критериях, что существенно для сопоставимости результатов исследований модели психического.

Литература:

1. *Anne Ф.* Введение в психологическую теорию аутизма. М.: Теревинф, 2016.

2. *Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И.* Модель психического: структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

3. *Devine R.T., Hughes C.* Measuring theory of mind across middle childhood: Reliability and validity of the Silent Films and Strange Stories tasks // Journal of Experimental Child Psychology. 2016. Vol. 149. P. 23–40.

4. *Kovatchev V., Smith P., Lee M., Grumley Traynor I., Luque Aguilera I., Devine R.T.* «What is on your mind?» Automated scoring of mindreading in childhood and early adolescence // Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics. 2020. P. 6155–6165.

5. *Hayward E.O., Homer B.D.* Reliability and validity of advanced theory-of-mind measures in middle childhood and adolescence // British Journal of Developmental Psychology. 2017. Vol. 35. № 3. P. 454–462.

ИИ-ТЬЮТОР КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ МОТИВАЦИОННОЙ УСТАНОВКИ У НАЧИНАЮЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Леженина А.Д.
Дальневосточный государственный университет
путей сообщения, Хабаровск, Россия

В настоящее время в университетах стоит острая проблема нехватки молодых преподавателей. Дефицит кадров в педагогической деятельности высшего образования связывают со снижением привлекательности профессии, со сложностями на старте карьеры [4], с демографическим фактором [1]. Основной проблемой, которая выходит на первый план, являются условия труда и риски, с которыми сталкиваются молодые специалисты: повышенная нагрузка, эмоциональное выгорание, неуверенность в стабильности трудоустройства.

Период вхождения в профессию может варьироваться от нескольких месяцев до 2–3 лет. Именно в этот период у молодых специалистов

наблюдается падение внутренней мотивации, рост экзистенциальной тревоги и разочарование в их выборе, что снижает психологическое благополучие. Трудности, с которыми сталкиваются сотрудники, приводят к высокой текучести молодых кадров.

В настоящее время в большинстве вузов РФ психологическая поддержка молодых сотрудников либо отсутствует, либо носит формальный характер. Институт наставничества в высшей школе не приживается, и часто молодые преподаватели остаются один на один с собой.

В эпоху цифровизации роль наставника может взять на себя искусственный интеллект, в частности ИИ-тьютор.

ИИ-тьютор — персональный наставник, работающий в формате чат-бота, который через диалог помогает преподавателю осознать свои возможности, повысить уровень мотивации, выступая инструментом ранней профилактики снижения благополучия. Такой ИИ-ассистент может явиться первым этапом решения проблемы молодого специалиста.

Теоретико-методологической основой исследования выступает теория самодетерминации (СДТ) Э. Деси и Р. Райана, в которой достижение психологического благополучия возможно после удовлетворения трех психологических потребностей: автономии, компетентности, связанности [5]. Устойчивое психологическое благополучие возможно в случае достижения преподавателем ощущения себя автором своих действий (автономия), при видении результата своего труда и чувства роста мастерства (компетентность), а также при поддерживании значимого отношения со студентами и коллегами (связанность).

Согласно теории самодетерминации, мотивация включает качественно разные типы, которые по-разному влияют на поведение, психологическое благополучие и личностное развитие [2]. СДТ сместила фокус с количественной меры мотивации на ее качества:

- внутренняя мотивация возникает в случае, если деятельность приятна или интересна, то есть человек действует из любопытства и желания самореализации;
- внутренняя мотивация возникает в случае с внешними стимулами (награда, наказание, социальное ожидание).

У молодых преподавателей часто возникает дисбаланс мотивационной сферы, что повышает риск выгорания. Возникновение дисбаланса связано как с внешними требованиями (бюрократическая нагрузка, необходимость заполнять множество отчетов, ориентация на рейтинговые показатели, жесткий административный контроль),

так и с внутренним смыслом (личная заинтересованность в предмете, желание развивать у студентов критическое мышление, передавать знания, видеть их рост).

Таким образом, ИИ-тьютор может выступить фасилитатором автономной рефлексии. Это означает, что чат-бот создает условия и задает инструменты, которые помогают молодому специалисту самостоятельно анализировать свой путь профессиональной деятельности, переводя фокус с внешних требований к внутренним ценностям. Предложенная идея соответствует логике теории самодетерминации: поддержка автономии через диалог усиливает интернализацию профессиональных ценностей и, как следствие, повышает общий уровень психологического благополучия.

Особенностью работы с искусственным интеллектом являются следующие механизмы:

1. Наводящие вопросы и сократовский диалог: ИИ задает вопросы, которые побуждают человека самостоятельно выявлять причинно-следственные связи, оценивать свои решения и их последствия.

2. Анализ цифрового следа: на основе данных, которые были вбиты в чат-бот ранее, ИИ помогает молодому специалисту составить объективную картину, показывающую трудности, а также возможные пути решения.

3. Создание безопасной среды: ИИ дает возможность человеку уйти от страха критики со стороны живого человека, что стимулирует более глубокую рефлексию над собственными методами работы.

Несмотря на преимущества ИИ-тьютора, важно понимать, что он не заменит роль человека. Он занимает вспомогательную и инструментальную роль. ИИ не обладает сознанием и эмпатией, поэтому он не может понять эмоции человека, поддержать его морально или вдохновить так, как это делает живой наставник [3].

ИИ-тьютор — это не замена живого общения, а первая помощь молодому специалисту. Основным риском в работе с ИИ-тьютором выступает переоценка возможностей искусственного интеллекта, ложное чувство поддержки, технические сбои. Эффективность будет возможна только при включении ИИ-тьютора в экосистему университета: рекомендации HR-службы, супервизия со стороны психолога.

Подводя итог вышесказанного, мотивационные детерминанты являются значимыми предикторами благополучия начинающих преподавателей. ИИ-тьютор, построенный на принципах фасилитации

рефлексии, позволяет точечно воздействовать на эти детерминанты, запуская процессы переосмысления профессиональной деятельности и снижая риски выгорания.

Литература:

1. «Карт-бланш на науку». Как вузы решают проблему дефицита кадров: интервью с ректором БФУ им. И. Канта М. Деминым / РИА Новости. 19 ноября 2025. URL: https://ria.ru/20251119/bfu-2055466196.html (дата обращения: 24.06.2026).

2. *Потапов К.* Конспект книги «Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness». URL: https://potapov.me/books/sdt.pdf (дата обращения: 24.06.2026).

3. *Скрипнев П.М.* От учителя к тьютору: трансформация роли преподавателя иностранного языка в эпоху доступа к ИИ-репетиторам // Вестник науки. 2026. № 5(98). С. 1–8, 1319–1328.

4. Эксперты объяснили, почему в российских вузах не хватает преподавателей. 2025. 9 июля. URL: https://aqinstitute.ru/materialyi/novosti/ekspertyi-obsudili-kadrovyij-golod-v-vuzax.html (дата обращения: 24.06.2026).

5. *Deci E.L., Ryan R.M.* Hedonia, eudaimonia, and well-being: an introduction // Journal of Happiness Studies. 2008. Vol. 9. № 1. P. 1–11. DOI: 10.1007/s10902-006-9018-1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ В РАБОТЕ С ИЗБЕГАЮЩЕЙ ПРИВЯЗАННОСТЬЮ

Липатова А.В.
Академия доказательной психологии и Интернационального института практической психологии, Москва, Россия

Введение. Избегающий стиль привязанности формируется в раннем детстве, когда значимый взрослый последовательно не отвечает на эмоциональные потребности ребенка. Ребенок усваивает стратегию «полагаться только на себя» — подавляет эмоции, перестает ждать поддержки и учится справляться с дистрессом изолированно. Во взрослом возрасте это проявляется в дистанцировании от переживаний, низких ожиданиях от партнера, восприятии близости как угрозы автономии и избегании конфликтов [1].

Все больше людей обращаются к ИИ-ассистентам — чат-ботам и терапевтическим приложениям. Для человека с избегающим стилем такой интерфейс привлекателен: близость без требований, понимание без осуждения, доступность без обязательств. Исследования показывают, что избегающий стиль предсказывает инструментальную зависимость от больших языковых моделей — использование ИИ для решения задач, но не для эмоциональной близости [5]. Именно эта категория клиентов оказывается наиболее уязвимой перед иллюзией «понимающей» нейросети [2].

Для терапевта главный вызов — как использовать потенциал ИИ, не усиливая защитные стратегии клиента и не подменяя живую терапевтическую встречу [3].

ИИ в диагностике избегающего стиля. Современные алгоритмы способны анализировать речевые паттерны избегания: минимизацию эмоций, интеллектуализацию, обобщенные формулировки, а также невербальные сигналы (мимику, просодику) для выявления маркеров избегания — например, сниженного контакта глаз или монотонной речи. Однако диагностика остается прерогативой терапевта. ИИ выдает лишь гипотезы, требующие проверки в клиническом интервью [1, 3].

Возможности и границы ИИ как терапевтического инструмента. «Безопасный полигон» для отработки коммуникации. Клиенты с избегающим стилем боятся осуждения. ИИ-чат-бот может стать местом для тренировки формулирования просьб, выражения чувств, репетиции сложных диалогов — прежде чем вынести их в живую встречу. Это форма «экстернализованной саморефлексии» [4].

Дневник эмоций и отслеживание триггеров. Люди с избегающим стилем склонны не замечать собственных чувств до кризиса. Ежедневное взаимодействие с ИИ-ассистентом помогает фиксировать эмоциональные состояния, выявлять паттерны избегания и накапливать материал для обсуждения на сессии [1].

«Переходный объект» между сессиями. В парной терапии напряжение между встречами может нарастать. ИИ-бот может временно выполнять роль безопасного контейнера для эмоций, где каждый партнер может выгрузить переживания, не вовлекая другого в преждевременный конфликт [3].

Главное правило: ИИ — всегда вспомогательное средство, а не замена терапевту [3].

Риски и этические дилеммы. Усиление избегания. ИИ-помощник может стать способом избегать живого контакта. Вместо уязвимости

с партнером клиент выбирает нейросеть, которая не требует взаимности. Люди с избегающим стилем и эпистемическим недоверием склонны заменять живого специалиста чат-ботом [2].

Иллюзия близости. ИИ создает одностороннее чувство привязанности, но не способен на взаимные эмоции, не считывает невербальные сигналы и не реагирует на сложные состояния. Это закрепляет нереалистичные ожидания: «почему партнер не такой понимающий, как бот?» — и ведет к обесцениванию живых отношений [5].

Размывание границ. Длительное общение с ИИ размывает границу между реальностью и искусственным диалогом, формируя парасоциальную привязанность к алгоритму, ревность к ИИ-компаньону партнера и использование ИИ для избегания семейных разговоров [4].

Клиническая зависимость. Зафиксированы случаи клинической зависимости от ИИ-чат-ботов. В парной терапии это означает уход одного из партнеров в цифровые отношения [1, 3].

Практические рекомендации. Интеграция ИИ в терапевтический контракт. Обсуждать с клиентом используемые ИИ-инструменты, четко обозначать границы: ИИ не заменяет терапевта, не дает диагнозов, не является конфиденциальным пространством. Применять только с согласия клиента [3].

Работа с парой: ИИ как «третий голос». Инструменты помогают отслеживать триггеры между сессиями, предлагать упражнения на коммуникацию, давать возможность каждому высказаться «без свидетеля». ИИ — не посредник, а способ подготовить почву для живого диалога [4].

Мониторинг рисков усиления избегания. Отслеживать, не становится ли ИИ способом ухода от реальных контактов. Помогать клиенту осознавать разницу между иллюзией понимания и живой близостью. Работать со страхом уязвимости через техники ЭФТ [2, 5].

Заключение. ИИ-помощники — инструмент, который может как усилить терапевтический процесс, так и закрепить дезадаптивные стратегии. Для терапии избегающей привязанности три ключевых принципа:

1. Осознанность — клиент и терапевт понимают, зачем используется ИИ [3].

2. Ограниченность — ИИ всегда дополнение, а не замена живой встрече [3].

3. Направленность на контакт — цель ИИ — облегчить путь к реальным отношениям, а не увести от них [5].

Вернуть «джинна в бутылку» уже не получится — остается учиться с ним жить, сохраняя человеческое. Для терапевта это значит не игнорировать технологии, но и не поддаваться их силе, оставаясь проводником в мир настоящей близости [3].

Литература:

1. *Бойко О.М., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Ениколопов С.Н.* ChatGPT в психотерапии и психологическом консультировании: обсуждение возможностей и ограничений // Новые психологические исследования. 2025. № 1. С. 26–55.

2. *Békés V., Aafjes-van Doorn K.* The most vulnerable are prone to use AI therapists: The role of attachment, epistemic trust, and mental health symptoms in acceptance of digital mental health interventions // Psychotherapy Research. 2026. P. 1–15. DOI: 10.1080/10503307.2026.2615388

3. *Zapf J., Yankouskaya A., Evans T.J., Graham A.J., Hill A., Backhuus T.* Attached to the algorithm: investigating the relationship between adult attachment styles and instrumental and relational dependency on large language models // Journal of Counseling and Psychology. 2026. Vol. 8. № 1. Art. 1. URL: https://digitalcommons.gardner-webb.edu/jcp/vol8/iss1/1

4. *Fiske A., Henningsen P., Buyx A.* On the ethics of AI in mental health: a systematic review // JAMA Psychiatry. 2023. Vol. 80. № 5. P. 451–459.

5. *Mikulincer M., Shaver P.R.* Attachment in adulthood: structure, dynamics, and change. 2nd ed. New York: Guilford Press, 2016.

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ОБМАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВЫХ СРЕДСТВ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Лисичкина А.А., аспирант, ***Никишина В.Б.,*** д.пс.н.
РНИМУ имени Пирогова, Москва, Россия

Феномен обмана составляет неотъемлемую часть социального и коммуникативного взаимодействия, представляя собой сложный процесс, включающий когнитивные, эмоциональные и коммуникативные компоненты. В условиях глобальной цифровизации обман все чаще реализуется через технически опосредованные каналы коммуникации —

телефонные звонки, мессенджеры, голосовые и видеосообщения, все более вытесняя непосредственный межличностный контакт [1].

Современные системы, направленные на защиту от различных видов телефонного мошенничества, преимущественно анализируют речевые стратегии предполагаемого мошенника [2], то есть инструмент подбирается исходя из действий манипулятора. Вместе с тем результат обманного воздействия определяется тем, как адресат воспринимает, анализирует, интерпретирует и критически оценивает входящую информацию, что формирует актуальность разработки психологически обоснованных средств предупреждения дистанционного мошенничества. В связи с этим мы предлагаем сместить предмет анализа с предполагаемого мошенника на реципиента — человека, на которого направленно обманное воздействие, таким образом усиливая позицию верификатора.

Данный доклад представляет собой обоснование перспектив разработки программно-аппаратного комплекса с использованием технологий искусственного интеллекта, направленного на анализ речи реципиента и поддержку принятия решения в ситуации потенциального опасного контакта.

Теоретико-методологическим основанием выступают концепция модели психического Гая Вудраффа и Дэвида Премака [3], а также теория системно-динамической локализации психических функций А.Р. Лурия. Модель психического представляет собой метакогнитивную способность формировать представление о знаниях, убеждениях и намерениях другого человека и на этих основаниях прогнозировать его поведение. Вместе с моделью психического важную роль в распознавании обмана выполняют нейрокогнитивные функции, позволяющие обрабатывать входящую речевую информацию. С точки зрения нейролингвистики распознавание речевого сообщения включает в себя восприятие речи, память, смысловую переработку, процессы регуляции и контроля [4]. Кроме того, процесс распознавания обмана протекает на имплицитном и эксплицитном уровнях, то есть первичное ощущение несоответствия должно быть сформулировано в осознанную проверку ситуации, которое может не найти продолжения ввиду высокой когнитивной и эмоциональной нагрузки в ситуации обманного воздействия.

Особую форму обманного воздействия представляет собой телефонное мошенничество, реализуемое в условиях когнитивной и эмоциональной нагрузки. Создание иллюзии срочности, апелляция к авторитету, информационная перегрузка способствуют сужению внимания, фиксации на предложенной версии событий и дальнейшему следова-

нию внешней инструкции. Одним из наиболее воздействующих методов является использование эмоционально значимых триггеров, таких как угроза безопасности, здоровью или финансовому благополучию значимых людей, родственников. Современные цифровые технологии увеличивают риски — использование мошенниками искусственного интеллекта позволяет создавать реалистичные аудиозаписи, так называемые дипфейки, имитирующие речь знакомых людей или родственников.

Основываясь на полученных нами теоретических и эмпирических данных, нам представляется перспективным создание программно-аппаратного комплекса с использованием машинного обучения с помощью искусственного интеллекта, ориентированного на защиту человека, принимающего входящий звонок. Концептуально предполагается разработка мобильного приложения, анализирующего в реальном времени параметры речи верификатора, сигнализируя о повышении уровня опасности текущего коммуникативного взаимодействия.

На наш взгляд, принципиально важным и новым является отказ классифицировать мошеннические схемы, так как в условиях их высокой вариативности более эффективным представляется анализ признаков когнитивной загруженности, анализ просодики речи (формы организации речевого высказывания) и эмоциональной активации. Таким образом, объектом анализа выступает не содержание сообщения, а его воздействие на когнитивную систему верификатора. При обнаружении риска задачей аппаратного комплекса становится создание паузы, предложение завершить разговор, выполнить дополнительную проверку информации или обратиться к доверенному человеку.

Создание программно-аппаратного комплекса с использованием технологий искусственного интеллекта, ориентированного на анализ параметров речи, представляется обоснованным и перспективным методом повышения безопасности уязвимых категорий населения. Данный подход соответствует современным вызовам и пониманию обмана как процесса, ключевым звеном которого является человек, интерпретирующий входящую информацию.

Литература:

1. *Musa B.B., Bahago A.A., Muhammad N.A., Jamal F.* Emerging Trends in Phishing: A look at Smishing, Vishing and Quishing // International Journal of Technology & Emerging Research (IJTER). 2025. Vol. 1. № 3. P. 274–289. DOI: 10.64823/ijter.2503033

2. *Triantafyllopoulos A., Spiesberger A.A., Tsangko I., Jing X., Distler V., Dietz F., Alt F., Schuller B.W.* Vishing: Detecting social engineering in spoken communication — A first survey & urgent roadmap to address an emerging societal challenge // Computer Speech and Language. 2025. Vol. 94. Article 101802. DOI: 10.1016/j.csl.2025.101802

3. *Premack D., Woodruff G.* Does the chimpanzee have a theory of mind? // Behavioral and Brain Sciences. 1978. Vol. 1. № 4. P. 515–526. DOI: 10.1017/s0140525x00076512

4. *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. Москва: Издательство Московского университета, 1975.

СВЯЗЬ СТРАСТИ С УРОВНЕМ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПРЕОБЛАДАЮЩЕЙ СФЕРЫ ИНТЕРЕСОВ У РАБОТНИКОВ ИНТЕРНЕТ-ИНТЕГРИРОВАННОЙ СРЕДЫ

Лобанова Т.Н., к.пс.н.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Цифровая профессиональная среда с многочисленными ИИ-инструментами пронизывает повседневный труд работников современных организаций — от удаленного менеджмента до творческих онлайн-проектов — и формирует новое цифровое поведение. Цифровое поведение — это все действия, привычки и реакции человека в интернете, при использовании гаджетов и искусственного интеллекта (ИИ). Увлеченность новыми технологиями, интерес к неизведанным возможностям ИИ на различных IT-платформах стирают границы между продуктивностью и зависимостью специалистов многих профессий. Страсть к делу может вдохновлять на достижения, но в цифровом контексте часто перетекает в аддиктивные паттерны, усиливая эмоциональное выгорание и потерю контроля [7].

Дуалистическая модель профессиональной страсти Р. Валлеранда различает гармоничную страсть — автономное, интегрированное влечение — и обсессивную — компульсивную фиксацию с потерей контроля [6]. «Обсессивная страсть оказалась сильнейшим предиктором трудовой зависимости, особенно в комбинации с низкой удовлетворенностью

жизнью, в отличие от гармоничной» [7, p. 12]. Аддиктивное поведение здесь — не только трудоголизм, но и компульсивное использование искусственного интеллекта и интернета в работе, с потерей контроля и негативными последствиями. В интернет-зависимой среде обсессивная всепоглощающая страсть усиливает риски выгорания и сниженной производительности у удаленных работников. Организационные (трудовые) интересы в свою очередь выступают ключевым модератором связей между страстью и аддиктивным поведением. «Трудовой интерес определяется как ценностная, эмоционально окрашенная позиция работника по отношению к своей деятельности, включающая семь групп интересов: экономические, профессиональные, карьерные, узкогрупповые, корпоративные, территориальные и общегражданские» [3, с. 317]. В контексте интернет-интегрированной среды гармоничная страсть усиливает профессиональные и корпоративные интересы, снижая аддиктивные риски через устойчивую вовлеченность, тогда как обсессивная провоцирует карьерные и экономические, способствуя компульсивному поведению [2]. Исследования по удаленным сотрудникам подтверждают: доминирование профессиональных интересов коррелирует с меньшей выраженностью зависимых паттернов, особенно при балансе с групповыми [4].

Интернет-пронизанная профессиональная среда усиливает аддиктивные риски через техностресс и размытые границы работы и отдыха, где обсессивная страсть потенциально усугубляет зависимости, а гармоничная выступает протективным фактором [6; 7]. При этом структура трудовых интересов работника — профессиональных, карьерных, экономических и др.— задает направленность мотивационной энергии и может модерировать эту связь [2, 3]. Таким образом, интеграция дуалистической модели страсти и модели трудовых интересов применительно к цифровому аддиктивному поведению специалистов интернет-ориентированных профессий представляет суть исследования, проведенного с участием Сомовой С.И.

Цель исследования — изучить связь страсти к делу (гармоничной и обсессивной) с профессиональными интересами и цифровым аддиктивным поведением у специалистов, работающих с интернет-платформами и искусственным интеллектом.

Выборка участников исследования составила 119 человек, что обеспечило статистическую мощность 0,80 для выявления корреляций среднего размера эффекта ($r=0,35$) при уровне значимости $\alpha=0,05$. Это профессионалы, которые так или иначе взаимодействуют с интернет-

ресурсами и платформами ИИ каждый день в своей работе. Возраст участников выборки составил от 18 до 65 лет (M=40,9; SD=14,0; медиана=41,0), равное соотношение мужчин и женщин.

Методики исследования включали: русскую версию опросника шкалы страсти к делу Р. Валлеранда, апробированную Золотаревой А.А. [1]; шкалу интернет-зависимости Чена [5] для оценки уровня цифрового аддиктивного поведения (интегральные симптомы и негативные последствия); авторский опросник по интересам работников в организации, позволяющий оценить выраженность семи видов трудовых интересов [3]. Обработка статистических данных производилась с помощью программы Jamovi (версия 2.x).

Определение типа преобладающей страсти производилось путем сравнения баллов по шкалам гармоничной и обсессивной страсти опросника Валлеранда. Для более полного анализа исследуемых взаимосвязей общая выборка была разделена на две группы: с преобладающей гармоничной страстью к делу (84 человека; 70,6%) и с преобладающей обсессивной страстью к делу (35 человек; 29,4%). Наиболее распространенными преобладающими интересами в выборке оказались корпоративные (33,6%) и экономические (29,4%), наименее — территориальные (2,5%) и профессиональные (5,9%).

По результатам проверки нормальности распределения с помощью критерия Шапиро–Уилка из 12 количественных переменных 6 имели распределение, статистически значимо отличающееся от нормального ($p<0,05$). В связи с этим для анализа были выбраны непараметрические методы: коэффициент корреляции Спирмена и U-критерий Манна–Уитни.

Корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена показал, что статистически значимых корреляций между типом страсти к делу и показателями интернет-зависимости, а также профессиональными интересами не обнаружено. Также не подтвердилось наличие положительной корреляции между обсессивной страстью и выраженностью аддиктивного поведения ($r>0,30$; $p<0,05$). Корреляции гармоничной страсти с профессиональными ($\rho=–0,060$; $p=0,512$) и корпоративными интересами ($\rho=–0,116$; $p=0,206$) оказались статистически незначимыми. Вместе с тем была выявлена сильная отрицательная корреляция между гармоничной и обсессивной страстью ($\rho=–0,956$; $p<0,001$), свидетельствующая о том, что данные конструкты являются практически взаимоисключающими в данной выборке.

Для проверки связи между типом страсти к работе (номинальная переменная) и преобладающей сферой профессиональных интересов (номинальная переменная) был использован критерий хи-квадрат Пирсона. В группе с гармоничной страстью наиболее распространенными оказались корпоративные интересы (36,9%), тогда как в группе с обсессивной страстью — карьерные (34,3%). Доля лиц с преобладанием карьерных интересов в группе с обсессивной страстью более чем вдвое превысила аналогичный показатель в группе с гармоничной страстью (14,3%).

Также была проверена связь возраста респондентов с показателями страсти к делу, профессиональных интересов и интернет-зависимости с помощью коэффициента корреляции Спирмена. Поскольку ни одна из корреляций не достигла уровня статистической значимости (все $p>0,05$, $|\rho|<0,08$), был сделан вывод, что возраст не является значимым фактором, определяющим шкалу страсти к делу, структуру профессиональных интересов или уровень интернет-зависимости в данной выборке.

В результате проведенного исследования был сделан вывод, что для специалистов интернет-ориентированных профессий интенсивное использование цифровых технологий является нормативной частью профессиональной деятельности, а не признаком аддикции. Средний показатель интернет-зависимости в выборке ($M=38,1$) соответствует минимальному уровню, что свидетельствует о том, что выборка в целом не характеризуется проблемным интернет-использованием, а шкала Чена не позволяет дифференцировать профессиональное и аддиктивное использование интернета.

Возможно, связь между типом страсти и аддиктивным поведением не является прямой, а опосредуется другими переменными, не включенными в данное исследование: уровнем профессионального стресса, рабочей нагрузкой, стилями совладающего поведения, самоэффективностью, удовлетворенностью работой и другими личностными ресурсами [3, 6]. Включение данных переменных в качестве медиаторов или модераторов в будущих исследованиях могло бы раскрыть более сложную структуру взаимосвязей.

Преобладание корпоративных интересов у работников с гармоничной страстью (36,9%) и карьерных у работников с обсессивной страстью (34,3%) содержательно согласуется с теоретической моделью Валлеранда, согласно которой гармоничная страсть предполагает вну-

треннюю мотивацию и лояльность к организации, что соответствует корпоративным интересам. Обсессивная страсть, напротив, связана с ориентацией на внешнее признание и продвижение, что соответствует карьерным интересам [3].

Отсутствие различий по уровню интернет-зависимости между работниками с гармоничной (M=38,29) и обсессивной (M=36,71) страстью (U=1422; p=0,779) является важным результатом для практики психологического консультирования и коучинга: высокая цифровая вовлеченность специалистов интернет-ориентированных профессий не должна автоматически рассматриваться как проявление аддикции, а требует дифференцированной оценки с учетом профессионального контекста.

Также представляют интерес разработка и апробация специализированных инструментов диагностики цифрового аддиктивного поведения, учитывающих профессиональный контекст использования интернета. Существующие методики, включая шкалу Чена, были разработаны преимущественно для оценки непрофессионального интернет-использования и могут быть недостаточно чувствительны к специфике цифровых профессий. Разработка таких инструментов является самостоятельной научно-практической задачей, решение которой обогатило бы как исследовательский, так и консультативный инструментарий.

Литература:

1. *Золотарева А.А., Марчук Л.А., Лебедева А.А., Фам А.Х., Яркин А.В.* Психометрические свойства русскоязычной версии шкалы страсти к делу Р. Валлеранда // Организационная психология. 2022. Т. 12. № 1. С. 94–110.

2. *Лобанова Т.Н.* Взаимосвязь увлеченности, мотивационных и гигиенических факторов с трудовыми интересами работников // Психологические исследования. 2022. Т. 15. № 81. Article 7. DOI: 10.54359/ps.v15i81.1081

3. *Лобанова Т.Н.* Методика изучения трудовых интересов работников современных организаций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 2. С. 314–340. DOI: 10.11621/vsp.2021.02.14

4. *Лобанова Т.Н.* Трудовые интересы работников в информационном обществе. М.: Проспект, 2023.

5. *Chen S.H.* Development of a Chinese Internet Addiction Scale and its psychometric study // Chinese Journal of Psychology. 2003. Vol. 45. № 3. P. 279–294.

6. Vallerand R.J. The psychology of passion: A dualistic model. New York: Oxford University Press, 2015.

7. *Kenyhercz V., Horváth Z., Demetrovics Z., Kun B.* Harmonious Passion Not, But Obsessive Passion and Relationship Dissatisfaction Predicts Work Addiction: A Longitudinal Study // International Journal of Mental Health and Addiction. 2025. Vol. 24(3). https://doi.org/10.1007/s11469–025–01499-x

ЭРГОДИЗАЙН ИИ-ПОДДЕРЖКИ РЕДАКТОРА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОСТАВА КАНДИДАТОВ-РЕЦЕНЗЕНТОВ В ЖУРНАЛЕ ПО ПСИХОЛОГИИ И КОГНИТИВНЫМ НАУКАМ

Логвинов Д.В., Спасенников В.В., *д.пс.н.*
Брянский государственный технический университет,
Брянск, Россия

Развитие ИИ в психологии и когнитивных науках затрагивает исследовательские методы и организацию научной экспертизы. Журнал в этой области работает с рукописями, где существенны предметная компетентность рецензента, междисциплинарность, этические ограничения, конфиденциальность и ответственность редакции. Формирование состава кандидатов-рецензентов требует большего, чем ранжирование кандидатов по тематическому сходству: расчетный балл должен соотноситься с регламентом, конфликтом интересов и локальной проверкой сведений.

Цель тезисов — определить, как принципы эргодизайна применяются к ИИ-поддержке редактора при формировании состава кандидатов-рецензентов в редакционно-издательской организационной системе. Эргодизайн понимается как согласование алгоритмической помощи с деятельностью редактора: какие основания ему предъявляются, какие случаи требуют проверки и где сохраняется профессиональное решение. Такой подход соответствует задачам управления в организационных системах и когнитивного моделирования экспертного вы-

бора. В междисциплинарной тематике эргодизайна и когнитивного моделирования ИИ-средство включено в человеко-машинную процедуру, согласованную с ответственностью редактора.

Предмет анализа ограничен предпригласительным этапом. Для заданной рукописи и входного списка кандидатов требуется сформировать регламентно допустимый состав кандидатов-рецензентов, пригодный для передачи ответственному редактору. Поиск новых экспертов, рассылка приглашений, получение согласий и сопровождение рецензирования остаются внешними стадиями. В терминах управления составом управляемая переменная — состав кандидатов-рецензентов с зафиксированными основаниями допуска, исключения и обязательной проверки.

Методическая логика включает два связанных действия: установление регламентной допустимости и вычислительный выбор внутри допустимого множества. На первом шаге учитываются конфликт интересов, квалификационная пригодность, предметное покрытие, нагрузка и спорные случаи. На втором шаге сопоставляются тема рукописи, публикационный профиль кандидата, открытые научные метаданные и сетевые признаки. Эти данные рассматриваются как наблюдаемые основания, но не как самостоятельный источник автоматического допуска или запрета; тем самым сохраняется различие между управлением составом, институциональными ограничениями, информационными режимами и контролем.

ИИ-поддержка редактора проектируется так, чтобы сохранить его содержательную роль. Пользователь должен видеть причины исключения кандидата, основания направления случая на проверку, использованные источники, сработавшие правила и допустимые альтернативы. Редактор разрешает спорные случаи, отклоняет расчетную рекомендацию при наличии оснований и инициирует повторное рассмотрение при появлении новых сведений.

Контрольный след процедуры обеспечивает Паспорт расчета. В нем фиксируются рукопись, входной список кандидатов, версия правил, источники данных, маршруты проверки, рекомендация или причина ее отсутствия, а также итоговое решение. Паспорт позволяет выполнить повторный запуск расчета при том же наборе данных и провести процедурную проверку без раскрытия закрытых локальных оснований.

Качество такой ИИ-поддержки оценивается по совокупности признаков: точности тематического подбора, ложному допуску, ложной блокировке, доле обязательной проверки, воспроизводимости расче-

та, нагрузке редакционной группы и ясности предъявления оснований. В этом смысле ИИ используется для подготовки ответственного редакционно-экспертного вывода при сохранении профессионального суждения редактора.

Литература:

1. *Бурков В.Н., Новиков Д.А.* Теория активных систем: состояние и перспективы. М.: СИНТЕГ, 1999.

2. *Новиков Д.А.* Теория управления организационными системами. М.: МПСИ, 2005.

3. *Зинченко В.П., Мунипов В.М.* Основы эргономики. М.: Издательство МГУ, 1979.

4. COPE Council. COPE Ethical guidelines for peer reviewers — English. Version 2: September 2017. DOI: 10.24318/cope.2019.1.9

5. *Спасенников В.В.* Человеческий фактор в эргономических исследованиях: прошлое, настоящее, будущее (теоретический обзор) // Эргодизайн. 2025. № 3(29). С. 373–397. DOI: 10.30987/2658-4026-2025-3-373-397

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ-АГЕНТА ДЛЯ ПОМОЩИ НЕЗРЯЧЕМУ ПСИХОЛОГУ

Ломакин Д.Б., студент
Московский институт технологий и управления,
Москва, Россия
Фокина А.В., к.пс.н.
Московский психолого-социальный университет,
Москва, Россия

Невербальная коммуникация диагностически значима, и опытный психолог считывает ее на протяжении всей сессии [1]. Незрячий психолог компенсирует этот дефицит за счет обостренного слухового восприятия, тонкой работы с речью и интонацией. Однако целый пласт информации остается для него недоступным. Эта проблема до сих пор практически не отражена в научной литературе и в технологических решениях. Между тем право людей с инвалидностью на полноценную профессиональную реализацию закреплено законодательно [2], задача создания ассистивных инструментов стоит вполне конкретно.

За последние годы методы компьютерного зрения и глубокого обучения продвинулись настолько, что современные нейросетевые модели способны распознавать эмоции по мимике [4], классифицировать жесты и позу, оценивать их в режиме реального времени. До сих пор, однако, эти технологии практически не применялись в изучаемом контексте.

Мы апробировали ИИ-ассистента, разработанного с целью восполнить этот пробел. В ходе сессии ИИ ведет непрерывный видеоанализ клиента по параметрам: мимика, пантомимика, общий визуальный облик. Результаты анализа передаются психологу через аудиальный канал в виде коротких сообщений, которые не перебивают разговор. Мы полагаем, что такой инструмент способен расширить диагностические возможности незрячего специалиста и повысить качество оказываемой им психологической помощи.

Для оценки применимости и ценности технологии было проведено эмпирическое исследование на базе АНО «Ассоциация Незрячих Психологов». Тестировалась альфа-версия специализированного ИИ-агента. Из полного запланированного функционала системы в данной версии была реализована одна базовая функция — распознавание эмоций клиента с помощью российской нейросети HSEmotion [4]. В эксперименте приняли участие 10 незрячих психологов в возрасте от 22 до 50 лет, со стажем консультативной практики не менее года, и с тотальной слепотой или глубоким слабовидением, не позволяющим считывать мимику визуально.

Тестирование проходило в условиях симулированных сессий. ИИ-агент осуществлял непрерывный захват видеопотока лица условного клиента. Нейросетевой модуль классифицировал текущее выражение лица. Информация о динамике эмоций передавалась психологу через беспроводной наушник (одно ухо оставалось полностью открытым для контроля за речью клиента). Сообщения генерировались в виде дискретных, лаконичных речевых сигналов («гнев», «грусть», всего 8 базовых эмоций). После завершения сессий проводилось полуструктурированное интервью для сбора обратной связи.

8 из 10 участников (80%) дали положительную оценку ИИ-агенту по параметру «улучшение раппорта»: он значимо улучшает раппорт с клиентом, а своевременное получение данных о невербальных реакциях позволило точнее калибровать терапевтические интервенции. Это снижает когнитивное напряжение, связанное с необходимостью компенсировать отсутствие зрения исключительно за счет аудиального анализа интонаций. Четверо респондентов (40%) указали на неудоб-

ство использования: синхронный звуковой поток от речевого вывода ИИ-агента создавал избыточную нагрузку на слуховой анализатор, нарушал терапевтическую концентрацию.

Полученные данные подтверждают, что интеграция ИИ-ассистентов в практику незрячих специалистов имеет высокие перспективы. Распознавание эмоций алгоритмами компьютерного зрения компенсирует дефицит визуальной информации, повышая точность диагностики эмоционального фона в режиме реального времени. Это влияет на глубину раппорта. Тем не менее есть риск когнитивной перегрузки слухового канала. Попытка наложить на него дополнительный речевой поток, даже в лаконичной форме, для части специалистов оказывается деструктивной. Следовательно, дальнейшее развитие ИИ-агента требует пересмотра модальности интерфейса. Перспективными направлениями модификации системы являются:

1. Интеграция тактильных (вибрационных) средств обратной связи, передающих информацию через паттерны вибрации на запястье или пальцы [3].

2. Тонкая индивидуальная настройка частоты выдачи сообщений.

3. Использование изменяющегося фонового звука (кодирование короткими звуковыми сигналами вместо слов).

Использование ИИ-агентов в качестве ассистивной технологии для незрячих психологов является перспективным направлением. Даже изолированная функция распознавания эмоций способна обогатить терапевтический инструментарий незрячего специалиста и повысить качество раппорта. Основным барьером на пути внедрения технологии выступает проблема эргономики интерфейса и точности распознавания эмоций нейросетью. Решение задачи снижения когнитивной нагрузки на слух незрячего профессионала и повышение точности распознавания эмоций позволит создать эффективный инструмент для инклюзивной интеграции специалистов в сфере ментального здоровья.

Литература:

1. *Аверьянов А.И.* Невербальная компетентность психолога как фактор установления и поддержания терапевтического альянса // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2022. № 4(67). С. 101–109.

2. *Зайцева Т.В., Халуторных О.Н.* Трудоустройство инвалидов в РФ, или что делать с равными правами человека на труд? // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. С. 110–133.

3. *Buimer H.P., Van der Geest T., Nemri A., Schellens R., Van Wezel R.J. A., Zhao Y.* Making Facial Expressions of Emotions Accessible for Visually Impaired Persons // Proceedings of the 19th International ACM SIGACCESS Conference on Computers and Accessibility (ASSETS '17). New York: ACM, 2017. P. 383–384.

4. *Savchenko A. V.* HSEmotion: High-speed emotion recognition library // Software Impacts. 2022. Vol. 14. Art. 100433.

ДИСТАНЦИОННЫЙ АНАЛИЗ, МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Лямин Д.П.
Белорусский национальный технический университет,
Минск, Беларусь

В эпоху глобальной цифровизации искусственный интеллект начинает играть значимую роль в различных отраслях науки и деятельности. В настоящее время использование нейросетей и искусственного интеллекта, по некоторым своим характеристикам приблизившегося к когнитивной структуре личности [1], предоставляет широкие возможности по изучению и моделированию реакций человека на воздействие внешних или внутренних стимулов. С точки зрения практической социальной психологии, созданный на базе искусственного интеллекта т.н. «цифровой двойник» позволит с большой долей вероятности прогнозировать и анализировать поведение группы, в том числе удаленно, предсказывая его отношение к различным социальным объектам, значимым событиям и явлениям. Дистанционный анализ данных групповой деятельности позволяет проводить глубокие социальные исследования, в том числе в период региональных конфликтов, сведя к минимуму риски и соблюдая этические нормы, связанные с конфиденциальностью.

В качестве «цифрового двойника» в данном случае необходимо рассматривать не конкретного индивида, а динамическую поведенческо-когнитивную модель социальной группы (реальной или виртуальной), построенную на основе анализа ее деятельности, как в объективном

мире, так и в сети. Целесообразно принимать во внимание не просто статистический срез данных, основанный на типовых реакциях группы на объект, а создать имитационную систему, способную воспроизводить ключевые процессы внутригруппового взаимодействия, прогнозировать реакции членов группы с различными социальными ролями на внешние стимулы, связанные с объектом, и моделировать групповые изменения во времени.

В 2026 г. в рамках исследования возможностей искусственного интеллекта в удаленном изучении социальных установок социальных групп начата работа по изучению и анализу литературных источников, затрагивающих аспекты формирования группового отношения к различным социальным объектам. Также определена степень изученности проблемы применения искусственного интеллекта для дистанционного изучения аттитюдов групп. В качестве практической базы для анализа деятельности группы планируется использование виртуальных групп в социальной сети «ВКонтакте».

Выдвинута гипотеза, что для изучения социальных установок, являющихся базовым компонентом отношения, за методологическую основу взята теория отношений В.Н. Мясищева [2]. Цифровая модель группы может быть рассмотрена как равнозначная многоуровневая система.

Первый уровень демографический и структурный. На этом уровне формируется основа модели. Он включает в себя такие характеристики группы, как численность, возрастную, гендерную структуру, а также систему социальных ролей.

Когнитивно-аффективный уровень. Определяется исходя из классической трехкомпонентной структуры аттитюда.

Когнитивный компонент представляет собой совокупность групповых норм и правил, регламентирующих деятельность группы, а также сведения об убеждениях группы, их поведенческих реакциях, полученных из анализа текстовых данных (посты, комментарии, сообщения), различных графических и видеоматериалов, связанных с деятельностью группы. Тематическое моделирование позволит выявить основные групповые нарративы, ценности и убеждения, формирующие групповую идентичность.

Для формирования эмотивного компонента «двойника» целесообразно использовать сентимент-анализ, с помощью которого можно оценить общий эмоциональный фон группы, уровень агрессии, тре-

вожности, сплоченность (индекс групповой сплоченности Сишора). На основе изучения реакций членов группы на информационные кейсы формируется база данных с вариативными переменными, характеризующими уровень поляризации мнений в группе.

Третий уровень представляет собой совокупность ситуационных факторов воздействия внешней среды (события в макросреде, резкие экономические, политические или социальные изменения, активность информационной среды и т.д.). Модель должна учитывать эти переменные в качестве входных параметров, влияющие на стабильность состояния и групповые реакции «двойника», отслеживая реакцию большинства на внешнее воздействие.

Социальные установки лежат в основе формирования общественного мнения, влияют на межличностные отношения и зачастую определяют характер взаимодействия между различными социальными группами. Анализ социальных установок необходим для прогнозирования и предотвращения социальных конфликтов, а также для построения диалога между различными группами интересов. Это особенно актуально в периоды политических и экономических кризисов.

Литература:

1. *Дзялошинский И.М.* Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022.

2. *Мясищев В.Н.* Психология отношений: избр. психол тр. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.

ИИ КАК ЗЕРКАЛО РЕСУРСНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПАТТЕРНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ НЕЙРОСЕТЯМИ У РОССИЯН

Максименко А.А., д.соц.н.
НИУ ВШЭ, Москва, Россия
Дейнека О.С., д.пс.н.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В общественном дискурсе все чаще звучит тезис о том, что искусственный интеллект (ИИ) приходит на смену «естественному интеллекту» и межличностному общению, особенно для тех, кто испытывает дефицит социальных контактов или ощущает психологическое неблагополучие. Эта идея, активно подхватываемая медиа и популярной литературой, предлагает простое и тревожное объяснение растущей популярности нейросетей: люди обращаются к алгоритмам, потому что им не хватает поддержки со стороны других людей. Однако является ли это предположение эмпирически обоснованным? Что, если частое и удовлетворяющее использование ИИ — это не признак дефицита, а скорее маркер психологического благополучия и развитой цифровой грамотности?

Цель исследования: выявление психологических и поведенческих коррелятов частоты использования ИИ и удовлетворенности им у пользователей генеративных нейросетей.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 522 респондента (55,9% женщин, средний возраст 39,0 лет; SD=11,1). Фильтрами онлайн-обследования являлись возраст от 18 лет и наличие опыта использования нейросетей для получения советов по личным вопросам.

Методический инструментарий. Для сбора контекстуальной информации об опыте взаимодействия респондентов с нейросетями был разработан блок вопросов, включающий: частоту использования ИИ для эмоциональной поддержки и личных вопросов, предпочитаемые ИИ-продукты (AI), уровень удовлетворенности опытом использования. Психологические характеристики измерялись с помощью Многомерной шкалы воспринимаемой социальной поддержки (MSPSS) в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского (1994); Общей шкалы самоэффективности (GSE) в адаптации В.Г. Ромека (1996); Шкалы психологического благополучия WHO-5 (Topp et al., 2015); Опросника толерантности к неопределенности С. Баднера в адаптации Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой (2014); Большой пятерки (TIPI-RU) в адаптации А.С. Сергеевой и соавторов (2022). Социально-демографический блок включал информацию о возрасте, поле, уровне образования и субъективном уровне дохода.

Результаты. Наиболее предпочитаемыми нейросетями оказались Алиса (48,7%), ChatGPT (23,0%), DeepSeek (12,1%) и Gemini (4,8%). Частота использования ИИ: ежедневно или почти ежедневно — 21,3%,

несколько раз в неделю — 23,8%. Удовлетворенность ИИ: полностью удовлетворены — 20,7%, скорее удовлетворены — 47,7%, скорее не удовлетворены — 7,7% и крайне неудовлетворенных — 3,4%.

Корреляционный анализ выявил значимую положительную связь между частотой использования ИИ и удовлетворенностью ($r=0,464$; $p<0,001$): чем чаще пользователи обращаются к нейросетям, тем выше их удовлетворенность. Обе переменные демонстрируют сходные паттерны ассоциаций с психологическими характеристиками. Частота использования ИИ положительно связана с субъективным благополучием ($r=0,17$; $p<0,001$), онлайн-грамотностью в вопросах здоровья (eHealth: $r=0,22$; $p<0,001$) и открытостью опыту ($r=0,14$; $p<0,01$). Удовлетворенность ИИ положительно коррелирует с самоэффективностью ($r=0,20$; $p<0,001$), воспринимаемой социальной поддержкой ($p<0,001$), субъективным благополучием ($r=0,25$; $p<0,001$), а также с толерантностью к неопределенности ($r=0,18$; $p<0,001$). Возраст, пол и субъективный уровень дохода не показали значимых корреляций, а вот уровень образования отрицательно связан с удовлетворенностью ($r=–0,13$; $p<0,01$), но не с частотой использования, то есть более образованные пользователи, обладая развитыми навыками оценки информации, более требовательны к ней и, следовательно, менее склонны к безоговорочному принятию ИИ-советов.

Обсуждение. Полученные результаты опровергают распространенное представление о том, что ИИ используется преимущественно как компенсаторный инструмент для людей с дефицитом социальных контактов или психологическим неблагополучием. Напротив, частое и удовлетворяющее использование ИИ характерно для психологически благополучных, социально интегрированных и обладающих цифровой грамотностью пользователей. Это согласуется с современными исследованиями использования и удовлетворения в контексте ИИ [2], которые показывают, что цифровая грамотность в обращении с нейросетями напрямую повышает удовлетворенность пользователей, а внутренние мотивы опосредуют этот эффект. Таким образом, наличие когнитивных ресурсов (в частности, ИИ-грамотности) способствует более осмысленному и эффективному использованию технологии. Полученные результаты опровергают компенсаторную гипотезу применительно к генеративным нейросетям. В отличие от исследований социальных роботов, где чувство бессилия усиливает компенсаторное обращение к технологии [1], в нашем случае частое и удовлетво-

ренное использование ИИ, напротив, характерно для психологически благополучных пользователей. Это указывает на то, что генеративные нейросети — не «костыль» для дефицитарных состояний, а инструмент, эффективность которого зависит от наличных ресурсов пользователя. Более того, недавние исследования подтверждают, что характер взаимодействия с генеративными нейросетями и доверие к ним систематически связаны с самооценкой и психологическим благополучием пользователей [3], что дополнительно укрепляет наш вывод об ИИ как о «зеркале ресурсности», а не о компенсаторном суррогате.

Таким образом, ИИ выступает не как замена человеческому интеллекту или социальным связям, а как дополнительный инструмент, эффективность которого опосредована психологическими и когнитивными ресурсами пользователя. Люди с высоким уровнем благополучия, грамотности и открытости новому опыту интегрируют ИИ в свою жизнь как полезное дополнение, тогда как пользователи с более низкими ресурсами либо реже обращаются к ИИ, либо испытывают меньшее удовлетворение от такого взаимодействия.

Литература:

1. *Dang N.B., Bertrandias L.* Social robots as healing aids: How and why powerlessness influences the intention to adopt social robots // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Vol. 196. Art. 122845. DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122845

2. *Lee S., Park G.* Exploring the Impact of ChatGPT Literacy on User Satisfaction: The Mediating Role of User Motivations // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2023. Vol. 26. № 12. P. 913–918. DOI: 10.1089/cyber.2023.0312

3. *Salah M., Alhalbusi H., Ismail M.M., Abdelfattah F.* Chatting with ChatGPT: decoding the mind of Chatbot users and unveiling the intricate connections between user perception, trust and stereotype perception on self-esteem and psychological well-being // Current Psychology. 2024. Vol. 43. № 9. P. 7843–7858. DOI: 10.1007/s12144-023-04989-0

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Максуров А. А., к. ю. н.
Ярославский государственный университет
имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Искусственный интеллект (далее — ИИ) занимает все более прочные позиции в современной организации государственной деятельности. Интерес к данной технологии объективен, однако есть и доктринальные проблемы применения ИИ в судебной и следственной психологии, среди которых можно назвать следующие.

Прежде всего в настоящее время законодательно не урегулированы ни вопросы использования ИИ в юридической сфере, ни отношения в области оказания психологической помощи, причем законодательство в этих различающихся сферах должно быть согласовано.

Ключевым вопросом здесь будет то, относится ли применение ИИ в судебной и следственной практике к сфере юридической техники или юридической тактики. Скорее всего верным будет и то, и другое, однако в зависимости от конкретной ситуации и субъектно-объектного состава.

В частности, если понимать данную технологию как средство, то она предполагает широкое прикладное распространение. По всей видимости, возможны три формы согласованной деятельности по применению ИИ в суде или на следствии в рамках «классического» понимания форм взаимодействия [4, с. 15–18], а именно: 1) когда программу использует следователь или судья для облегчения его деятельности; 2) когда технологию использует приглашенный к участию в деле психолог и 3) когда ИИ используется работником следственного органа (например, криминалистом) или судьей, а психолог приглашается для психологической оценки выводов, сделанных программой.

В первом случае использование технологии следователем или судьей имеет техническое, а не процессуальное значение. Судья или следователь упрощают себе решение отдельных задач в области юридической психологии, что на практике наблюдается уже сегодня, например, в части психологического анализа текстов, учета особенностей поведения истцов и ответчиков по типичным делам вроде взыскания

алиментов [3, с. 63–69]. Однако сами результаты не верифицируются явным образом в рамках конкретного дела.

Во второй ситуации психолог теоретически может выступать в качестве специалиста или эксперта.

В то же время возможности использования исследуемой технологии психологом именно как специалистом ограничены: и гражданский, и уголовный процесс предполагают лишь помощь суду (следствию), основанную на знаниях самого специалиста, но не на применении им тех или иных технологий, хотя и прямого запрета на это в законе нет.

Психологическая экспертиза, выполненная в рамках гражданского или уголовного дела, вполне может быть осуществлена с использованием ИИ, что эксперт-психолог должен отразить в своем заключении.

Например, ИИ может оказаться полезным для оценки психологического состояния личности и его взаимоотношений с другими лицами (потерпевшим, свидетелем), об уровне согласованности действий в преступной группе, то есть в рамках психологической экспертизы, проводимой и сегодня [5, с. 89–94]. Анализ типичных реакций, осуществленный психологом с помощью технологии ИИ, например, при оценке осознания лицом опасности и его нахождении в условиях необходимой обороны [2, с. 22–24], также может быть значительно упрощен и ускорен.

В третьем случае программу опять-таки применяет следователь или судья, а психолог, выступая в качестве специалиста, оценивает заложенные в программу вопросы и иные параметры, полноту и непротиворечивость ответов программы, и другие подобные факторы, то есть, по сути, дает консультацию по поводу получения или неполучения более или менее достоверного вывода по результатам использования программы.

Как отмечалось выше, такая консультация психолога как специалиста не в полной мере соответствует их действиям, описанным в процессуальном законодательстве, однако это теоретически возможно в виде психологической экспертизы, но уже не ситуации или личности, а экспертизы, объектом которой является правильность использования технологии ИИ для решения конкретной задача. К вопросам такой экспертизы можно было бы отнести: 1) способна ли избранная программа привести к требуемому результату; 2) верно ли поставлены вопросы перед программой; 3) получила ли программа всю необходимую информацию для решения задачи; 4) является ли вывод

программы объективным и независимым от воли исследователя и пр. Разумеется, специалист-психолог в таком случае не может экспертным путем оценивать деятельность следователя или суда, однако оценить деятельность специалистов органов внутренних дел вполне сможет.

В то же время, если понимать технологию ИИ как тактику, то с точки зрения доктрины [1, с. 50–55] ее использование возможно только в случаях, предусмотренных процессуальным законом, то есть лишь как средство решения психологом-экспертом поставленных перед ним задач.

Таким образом, применение ИИ в судебной и следственной психологии прямо не предусмотрено законодательством.

Тем не менее такое возможно, однако, безусловным образом,— только в условиях производства психологической экспертизы. В других ситуациях применение технологии психологом как специалистом может быть сочтено допустимым или же нет в зависимости от условий конкретного дела.

Литература:

1. *Карташов В.Н.* К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире. Сб. науч. тр. по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 г. Тамбов, 2011. С. 50–55.

2. *Максуров А.А.* О совершенствовании понятия «необходимая оборона» как межотраслевого юридического института // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 22–24.

3. *Максуров А.А.* Особенности судебного порядка взыскания алиментов // Сибирский юридический вестник. 2020. № 1(88). С. 63–69.

4. *Мельников Ю.И.* Формы координационного взаимодействия в праве: Координационный семинар // Вестник научных трудов Ярославского филиала Московской финансово-юридической академии. Юриспруденция / Под ред. Ю.И. Мельникова, А.А. Максурова, Г.В. Семеновой. Ярославль. 2003. Вып. 1. С. 15–18.

5. *Чернецов В.Ю.* Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. М.: РГГУ, 2007. С. 89–94.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Марковская Г.Г., Жуйкова С.Е., д.биол.н.
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) и его интеграция в сферу образования и психологической помощи делают актуальным изучение отношения будущих психологов к этим тенденциям [1, 2].

С целью изучения особенностей отношения студентов-психологов к использованию ИИ в практике психологической помощи были опрошены 78 будущих психологов, обучающихся в Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы, среди которых 75,6% женщин и 24,4% мужчин. Возрастной диапазон выборки — 18–55 лет (M=25,64; SD=6,81). Исследование проводилось на добровольной основе с использованием Google-формы. Респонденты давали информированное согласие на участие. Сбор эмпирических данных осуществлялся в июне 2026 г.

В качестве гипотезы выступило предположение, что отношение студентов-психологов к ИИ-помощнику амбивалентно. На него оказывают влияние личностные особенности, отношение к технологиям и возраст респондентов, а также установки, транслируемые от профессорско-преподавательского состава вуза.

Методики, примененные в исследовании,— социально-демографическая анкета, опросник отношения к технологиям (Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова), опросник Большой пятерки (BFI-2-XS, O. John, C. Soto; адаптация С.А. Щебетенко и др.), авторские анкеты «Личный опыт использования ИИ студентами-психологами», «Ролевой опыт взаимодействия с ИИ», «Опыт использования ботов психологической поддержки» [3, 4].

По результатам анкетирования 98,7% респондентов используют ИИ как в повседневной жизни, так и в учебе, и на подработках (кроме одного участника). Из них 46,2% активно применяют ИИ для решения многих задач. Отношение будущих психологов к внедрению ИИ

в структуру психологической помощи распределилось следующим образом: нейтральное отношение проявили 47,4% респондентов, положительное — 29,5%, отрицательное — 17,9%. Затруднились с ответом 5,1% участников исследования. Оценка студентами отношения преподавателей к использованию ИИ выявила преобладание консервативных тенденций: 61,5% студентов сталкивались с критикой использования ИИ со стороны педагогов (из них 20,5% — регулярно, 41,0% — эпизодически). Никогда не сталкивались с неодобрением преподавателями ИИ 35,9% участников, и лишь в 2,6% случаев преподаватели открыто поощряли использование ИИ-технологий.

Результаты дисперсионного анализа выявили три статистически значимых предиктора отношения к ИИ: возраст студента ($p=0,038$; больший возраст студента-психолога взаимосвязан с ухудшением отношения к внедрению ИИ в работу психолога), технооптимизм ($p=0,039$; более высокий уровень технооптимизма определяет улучшение отношения к внедрению ИИ); опыт столкновения с критикой ИИ со стороны преподавателей ($p=0,002$; студенты, чаще сталкивавшиеся с неодобрением использования ИИ со стороны преподавательского состава, демонстрируют более выраженное отрицательное отношение к внедрению ИИ в будущую деятельность). Показатели «Большой пятерки» личностных черт, а также другие технологические установки (технофобия, технопессимизм, технорационализм) не продемонстрировали статистически значимого вклада в предсказание зависимой переменной.

В качестве выводов исследования можно утверждать, что при высокой вовлеченности респондентов в использование ИИ в повседневной и учебной жизни (98,7% опрошенных) относительно его применения в профессиональной психологической деятельности студенты показали средне-высокий уровень осторожности. Более половины студентов не видят в ИИ значительного потенциала в оказании психологической помощи.

Отношение будущих психологов к внедрению искусственного интеллекта в психологическую деятельность в значительной степени детерминировано позицией преподавателей, чья критика ИИ является наиболее существенным предиктором формирования скептического и отрицательного отношения студентов к технологиям ИИ.

Ключевым внутриличностным предиктором принятия ИИ выступает технооптимизм личности. При этом устойчивые диспозиционные черты «Большой пятерки», включая любознательность и творческое воображение, не оказывают влияния на исследуемый конструкт.

Младшие по возрасту студенты обнаруживают более высокую гибкость и позитивный настрой к цифровизации профессии, в то время как старшие респонденты склонны более критически относиться к внедрению искусственного интеллекта в психологическую практику.

Результаты показывают, что смещение позиции профессорско-преподавательского состава с критики ИИ на демонстрацию студентам его возможностей как вспомогательного цифрового инструмента психолога может изменить их отношение к ИИ-помощнику в позитивную сторону.

Литература:

1. *Буякова К.И., Дмитриев Я.А., Иванова А.С., Семенова В.О.* Типы отношения студентов и преподавателей к использованию искусственного интеллекта в высшем образовании: кластерный анализ // Вопросы образования. 2026. № 1. С. 37–66. DOI: 10.17323/vo-2026-26772

2. *Иванова А.И.,* Гуриева С.Д. Барьеры и фасилитаторы обращения за психологической помощью в цифровой среде: социально-психологический анализ // Высшее образование сегодня. 2026. № 1. С. 119–125. DOI: 10.1*8137/RNU.HET.26.01*

3. Мишкевич А.М., *Щебетенко С.А., Калугин А.Ю. и др.* Апробация краткой и сверх-краткой версий вопросника Big Five Inventory-2: BFI-2-S и BFI-2-XS // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 95–108. DOI: 10.31857/S020595920017744-4

4. *Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Дорохов Е.А.* Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 170–188. DOI: 10.17759/SPS.2021120410

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ТИПИЧНОГО РЕСПОНДЕНТА И ТАКСОНОМИЯ НАРУШЕНИЙ В ОНЛАЙН-ОПРОСАХ

Масленникова О.Н., к.филол.н.
Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
Твердоступ Д.А., педагог дополнительного образования
Центр «Перспектива», Иваново, Россия

Поколения «альфа» и «зет» — поколения, которые, вырастая со смартфоном в руке и доступными сервисами искусственного интеллекта (ИИ), одновременно получили технологические блага их использования, иллюзию умений, знаний и навыков и риск потери когнитивного суверенитета. Для исследователей, имеющих дело с корпусом эмпирических данных на основе опросов, тестов, анкет, это создает очевидное затруднение: мы получаем результаты, но сомневаемся в субъекте деятельности — кто выполнил задание: человек или один из сервисов ИИ?

Проводимая нами работа поможет исследователям определять, не использовали ли респонденты сервисы ИИ при прохождении их опросников, тестов, анкет и пр. В первую очередь стоит обратить внимание на тенденцию к нарушению инструкций тестов, опросников, анкет и связать это с пониманием социально-демографических характеристик выборки. В исследовании приняли участие школьники и студенты колледжей и вузов (n=609), из них 340 девушек (55,8%), 269 юношей (44,2%); средний возраст респондентов 16,58 года (SD=4,07): это «цифровые аборигены», чья социализация фактически проходила в режиме онлайн-коммуникации.

Опрос респондентов осуществлялся в онлайн-формате на платформе «Яндекс.Формы». Батарея тестов включала в себя 9 актуальных стандартизированных методик, направленных на изучение просоциального поведения и жизнестойкости. Общее количество вопросов — 249 (с учетом контроля внимательности и вопросов-ловушек — 261). Примерное время прохождения батареи: 30–60 минут. В конце респондентам предлагалось написать словосочетание из прилагательного и существительного. Как нам удалось установить в ходе нашего исследования, последнюю инструкцию при запросе на генерацию ответов респондентов на батарею тестов нейросети (DeepSeek, АлисаAI, Qwen, Perplexity и ChatGPT) выполняют на 100% в отличие от людей.

Вместо требуемого ответа в 14,73% случаев у «живых» респондентов встречались пропуски (пустые строки, одиночные символы), в 6,55% — отказ, метакомментарии («не хочу», «зачем это»), в 17,51% — неверный формат (количество слов), в 2% указывались реальные имя и фамилия, в 2,95% — никнеймы. В ~6% случаев респонденты приводили клише и банальные фразы, использовали шуточные ответы («блаблабла», «фывапролдж»), мемы и игровую лексику («Тони Старк», «амогус»), в 1,31% приводился копипаст инструкции, в 1,8% — про-

вокации (запрещенные препараты, нецензурная лексика). В итоге инструкцию нарушили 295 человек (48,3%). При этом гендерный фактор значимо не повлиял на частоту нарушений (χ^2=0,24; p=0,62).

Группа риска № 1 — респонденты 13–14 лет: 63,33% из них не смогли или не захотели выполнить инструкцию. В этой когорте доминируют символьные ответы и метакомментарии. Различия между возрастными группами статистически значимы (χ^2=48,7; p<0,001). Нарушения инструкции значимо коррелируют с возрастом: чем младше респондент, тем выше вероятность нарушения.

Приведем данные распределения нарушителей инструкции с учетом их места проживания. Здесь различия статистически значимы (χ^2=8,4; p<0,05): респонденты из средних городов (100–500 тыс. чел.) нарушают инструкцию статистически значимо чаще (49,8%), чем жители малых населенных пунктов (36,4%) и крупных городов (40,5%). Это может быть связано с тем, что в средних городах сосредоточена основная масса целевых школ, откуда проводилась рассылка опроса, что обеспечило приток младших подростков (группы риска) в выборку.

Если учитывать другие социально-демографические характеристики нашего опроса, то отметим: состав семьи не влияет на частоту нарушений; однако респонденты, имеющие братьев и сестер, нарушают инструкцию чаще (48,4% против 37,7%), но статистически незначимо (χ^2=3,12; p=0,077). Чаще всех нарушают инструкцию респонденты, имеющие только братьев (50,25%). Наличие сестры выступает модерирующим фактором, снижающим долю нарушений.

Респонденты из семей с высоким материальным положением нарушают инструкцию значимо чаще (51,03%), чем из семей с низким достатком (30,43%; χ^2=6,2; p<0,05). Распределение нарушителей инструкции по уровню образования их родителей показало, что их (нарушителей) доля практически одинакова во всех социальных стратах (колеблется в узком коридоре 40,7–45,5%). Интересны данные в отношении распределения нарушителей инструкции по социальному статусу их семьи: респонденты из семей бизнесменов нарушают инструкцию статистически значимо чаще всех остальных групп (62,4%). Дети рабочих и служащих показывают наибольшую дисциплинированность (37–40%). Различия статистически значимы (χ^2=24,8; p<0,001).

Таким образом, установленная асимметрия — безупречное выполнение финальной инструкции нейросетями при систематическом ее нарушении живыми респондентами — позволяет рассматривать сам

факт отклонения от инструкции как маркер аутентичности субъекта. В условиях генеративного ИИ именно когнитивная ошибка, усталость и поведенческий протест становятся доказательством того, что тестирование проходил человек. Это открывает перспективу использования подобных триггерных заданий в качестве стандартного инструмента верификации эмпирических выборок.

Исследование выполнено при поддержке ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» в рамках внутреннего гранта № 2026–04 «Нормативно-методическое сопровождение использования генеративного искусственного интеллекта при подготовке ВКР: интеграция ИИ-компетенций, когнитивной поддержки и академической этики» (междисциплинарные исследования).

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ИНСТРУКЦИЙ В ЭЛЕКТРОННОМ ТЕСТИРОВАНИИ: ПОНЯТНОСТЬ, СТРЕССОГЕННОСТЬ И РОЛЬ ИИ-ИНСТРУМЕНТОВ

Матвеев М.О. к.филол н., ***Матвеева Е.А.***,
Институт лингвистического и педагогического образования
НИУ «Московский институт электронной техники»,
Москва, Россия

Электронное тестирование обычно описывается через параметры платформы, надежность заданий и итоговый балл. Однако в реальной тестовой ситуации значительную роль играет инструкция, поскольку именно она задает студенту способ входа в задание, правила распределения внимания и ожидания относительно результата. Если инструкция избыточна, неоднозначна или написана в непривычной логике, тестируемый может тратить когнитивные ресурсы не на решение предметной задачи, а на дешифровку требований. В этом случае результат тестирования отражает не только уровень предметной подготовки, но и то, насколько понятной и психологически нейтральной оказалась сама формулировка задания.

Цель работы — обосновать психолингвистический подход к анализу инструкций в электронном тестировании и показать, какие па-

раметры инструкции могут усиливать или снижать стрессогенность тестовой ситуации. В качестве объекта рассматривается вербальный компонент электронного задания: вводная инструкция, формулировка вопроса, ограничения по времени, указание на способ ответа и пояснения к оцениванию. Предметом анализа являются понятность, семантическая однозначность, синтаксическая сложность, прагматическая прозрачность и эмоционально-оценочная нагрузка инструктивного текста.

Теоретической основой выступают психолингвистические представления о понимании текста, исследования когнитивной нагрузки и работы, посвященные тестовой тревожности. Инструкция трактуется не как нейтральное техническое сопровождение, а как речевое действие, которое организует поведение студента в ситуации контроля. Она должна одновременно сообщать правило, ограничивать возможные интерпретации, снижать неопределенность и не создавать дополнительного эмоционального давления. Нарушение любого из этих условий может повышать вероятность ошибки, даже если студент владеет проверяемым материалом.

Предлагается выделять несколько групп параметров. К семантическим относятся точность ключевых терминов, отсутствие скрытой многозначности и совпадение формулировки инструкции с проверяемым действием. К синтаксическим — длина предложения, количество вложенных конструкций, порядок предъявления условий и запретов. К прагматическим — ясность адресата, последовательность операций и предсказуемость критерия оценивания. К аффективным — наличие угрозы, давления, избыточного акцента на ошибке или временном дефиците. Эти параметры могут рассматриваться как признаки потенциальной стрессогенности инструкции.

Особое значение приобретает использование ИИ-инструментов для предварительного анализа инструктивных текстов. Такие инструменты могут помогать выявлять длинные и перегруженные предложения, неоднозначные формулировки, логические разрывы, потенциально тревожные речевые маркеры и несоответствие между заданием и инструкцией. Вместе с тем ИИ не должен подменять экспертную оценку: автоматический анализ может служить только первым фильтром, после которого необходима психолингвистическая и предметная проверка. Иначе существует риск заменить одну форму непрозрачности другой — алгоритмической.

Научная значимость предлагаемого подхода состоит в смещении внимания с итогового балла на условия его получения. Практическая значимость связана с возможностью разработки чек-листов и экспертных процедур для редактирования инструкций в электронных тестах. Такая работа особенно важна в условиях массового цифрового контроля знаний, где небольшие речевые неточности могут воспроизводиться на больших выборках и систематически влиять на результаты. Следовательно, повышение качества инструкций является не только лингвистической, но и психологической задачей, связанной со снижением тестовой тревожности и повышением валидности оценивания.

Литература:

1. *Ульянина О.А., Вихрова Е.Н.* Психологическая безопасность образовательной среды: психолого-педагогические условия и риски цифровизации // Психология образования в поликультурном пространстве. 2023. № 4. С. 45–54.

2. *Kintsch W.* Comprehension: A Paradigm for Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

3. *Sarason I.G.* Stress, anxiety, and cognitive interference: Reactions to tests // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 46. № 4. P. 929–938.

4. *Sweller J.* Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Science. 1988. Vol. 12. № 2. P. 257–285.

5. *Ulyanina O., Vikhrova E.* Artificial intelligence technologies, in-person and online learning in higher education: A review of the impact on perceptual features, psychological climate and academic performance // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2025. Vol. 22. № 2. P. 337–360. DOI: 10.22363/2313-1683-2025-22-2-337-360

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕСТОВЫЙ ТЕКСТ В ЭЛЕКТРОННОМ ТЕСТИРОВАНИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ВОСПРИЯТИЯ И КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ

Матвеев М. О., к. филол. н.
Институт лингвистического и педагогического образования
НИУ «Московский институт электронной техники»,
Москва, Россия
Ульянина О. А., д. пс. н.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Центр прикладных лингвистических исследований и тестирования «ИСТОК» НИУ Московский физико-технический институт, Москва, Россия

Электронное тестовое задание в современной образовательной среде редко является только вербальным текстом. Оно включает инструкцию, формулировку вопроса, варианты ответа, расположение элементов на экране, визуальные материалы, аудио- или видеофрагменты, таймер, интерфейсные подсказки и иногда элементы автоматической обратной связи. Поэтому объектом анализа становится мультимодальный тестовый текст — целостная система, в которой вербальные и невербальные компоненты совместно задают условия понимания, распределения внимания и выполнения учебного действия.

Цель работы — описать психолингвистические параметры восприятия мультимодального тестового текста и показать их связь с когнитивной нагрузкой в электронном тестировании. В центре внимания находится не только содержание задания, но и способ его предъявления. Даже корректно составленный вопрос может восприниматься труднее, если визуальная организация экрана перегружена, аудиофрагмент не согласован с текстом, изображение содержит лишние детали, а интерфейс заставляет студента постоянно переключаться между элементами. В этом случае трудность возникает не на уровне предметной компетенции, а на уровне обработки информации.

Теоретическую основу составляют исследования мультимодальности, двойного кодирования, мультимедийного обучения и когнитивной нагрузки. Согласно этим подходам, разные каналы предъявления информации могут поддерживать понимание, если они взаимно допол-

няют друг друга и направляют внимание к существенным признакам задачи. Однако те же каналы могут усиливать нагрузку, если требуют одновременной обработки несогласованных стимулов. Для электронного тестирования это особенно важно, поскольку студент работает в условиях ограниченного времени и повышенной ответственности за результат.

В предлагаемой модели выделяются вербальные, визуальные, аудиальные и интерфейсные параметры мультимодального задания. Вербальный блок включает понятность инструкции, точность вопроса и соответствие вариантов ответа заявленной операции. Визуальный блок связан с расположением элементов, читаемостью, количеством деталей и смысловой необходимостью изображения. Аудиальный блок включает темп, разборчивость речи, интонационную маркировку ключевых элементов и соответствие звукового материала текстовой части. Интерфейсный блок задается таймером, кнопками, навигацией, подсказками и способом фиксации ответа.

Когнитивная нагрузка в таком задании возникает не только из-за сложности учебного содержания. Она может усиливаться из-за необходимости переключаться между текстом, изображением, звуком и элементами интерфейса. Например, студенту приходится одновременно удерживать инструкцию, соотносить ее с визуальным материалом, слушать аудиофрагмент и следить за временем. Если эти элементы плохо согласованы, рабочая память перегружается, возрастает напряжение, а вероятность ошибочного ответа повышается. Поэтому мультимодальность следует рассматривать не как украшение задания, а как фактор психолингвистической организации тестовой ситуации.

ИИ-инструменты могут быть полезны для первичной экспертизы мультимодальных заданий: анализа текстовой сложности, выявления лишних компонентов, проверки согласованности инструкции и визуального материала, автоматической расшифровки аудио, поиска потенциально перегружающих элементов. Однако такая экспертиза должна оставаться человекоориентированной. ИИ способен предложить предварительные признаки перегрузки, но окончательная оценка требует участия специалиста, который учитывает цель тестирования, возраст и подготовку студентов, специфику дисциплины и психологический контекст контроля.

Научная значимость работы заключается в том, что тестовое задание рассматривается как мультимодальный психолингвистический

объект, а не как сумма отдельных технических элементов. Практическая значимость состоит в возможности разработки критериев экспертной оценки электронных заданий: согласованности каналов предъявления, экономности визуальной структуры, понятности инструкции, оправданности аудио- и видеокомпонентов, прозрачности интерфейса. Такой подход позволяет снижать избыточную когнитивную нагрузку и повышать надежность электронного тестирования.

Литература:

1. *Kress G.* Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London; New York: Routledge, 2010.

2. *Mayer R.E.* Multimedia Learning. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

3. *Paivio A.* Mental Representations: A Dual Coding Approach. Oxford: Oxford University Press, 1986.

4. *Sweller J.* Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Science. 1988. Vol. 12. № 2. P. 257–285.

5. *Vikhrova E.N., Matveev M.O., Ulyanina O.A.* Students' perception of face-to-face, online and avatar lectures: Psychological determinants and educational effects // Pedagogical Education in Russia. 2025. № 6. P. 27–37.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПСИХОЛОГИИ: ОТ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ К ЦИФРОВОМУ РАСШИРЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Матвеева О.В., Николаева М.С., Семенова П.Е., Волков А.В., Колодин А.В.
АНО ДПО «Институт интегративной психологии и психотерапии», Москва, Россия

Развитие генеративного искусственного интеллекта формирует новое направление исследований в психологии, связанное с изучением возможностей цифровых технологий как инструментов поддержки профессиональной деятельности специалиста. Если первоначально внедрение искусственного интеллекта рассматривалось преимуще-

ственно в контексте автоматизации отдельных функций, то современные подходы позволяют рассматривать ИИ как средство расширения когнитивных возможностей человека, повышения качества анализа и развития профессиональной рефлексии.

Профессиональная рефлексия является одним из ключевых механизмов формирования компетентности психолога. Она включает осмысление собственных профессиональных действий, анализ терапевтического взаимодействия, оценку эффективности интервенций и понимание динамики процесса консультирования. Традиционно развитие рефлексивных функций специалиста обеспечивается через профессиональный опыт, личную терапию, супервизию и участие в профессиональном сообществе. Однако сложность психологической сессии как динамической системы ограничивает возможность непосредственного удержания всех значимых параметров взаимодействия.

В связи с этим актуальным становится исследование цифровой поддержки профессиональной рефлексии. В настоящей работе предлагается рассматривать профессиональный искусственный интеллект как инструмент цифрового расширения рефлексивных возможностей психолога. Под цифровым расширением профессиональной рефлексии понимается процесс использования ИИ для структурирования, анализа и дополнительной обработки информации о профессиональной деятельности специалиста при сохранении ведущей роли человека в интерпретации результатов и принятии решений.

В отличие от универсальных нейросетевых моделей, предназначенных для широкого круга пользовательских задач, профессиональный ИИ ориентирован на решение специализированных задач в рамках определенной профессиональной области. Его основная функция заключается не в замене специалиста, а в создании дополнительного аналитического контура, позволяющего расширить поле профессионального наблюдения.

Цель нашего исследования заключается в изучении возможностей применения профессионального, дообученного командой психологов разных модальностей искусственного интеллекта для повышения качества профессиональной рефлексии психолога. Наше исследование размещаем на примере апробации цифровой платформы PsyAi.pro.

Материалы и методы исследования. Апробация проводилась в период 2024–2026 гг. В исследовании приняли участие более 100 практикующих психологов. Анализировался опыт использования

функций искусственного интеллекта при работе с материалами психологических консультаций, включая структурирование информации, подготовку профессиональных заметок, выявление повторяющихся смысловых и коммуникативных паттернов, а также формирование вопросов для последующего профессионального анализа.

Результаты исследования показали несколько направлений применения профессионального, дообученного ИИ в психологической практике. Первое связано с расширением возможностей постсессионного анализа. Использование цифрового инструмента позволяет специалисту сопоставлять субъективное восприятие консультации с дополнительными аналитическими параметрами, обращая внимание на аспекты взаимодействия, которые могли оставаться вне непосредственного осознавания во время работы.

Второе направление связано с развитием профессиональной саморефлексии. Анализ нескольких консультаций позволяет выявлять устойчивые особенности профессионального стиля специалиста: характер построения диалога, особенности формулирования вопросов, способы удержания контакта, повторяющиеся стратегии взаимодействия с клиентом. Такие данные могут использоваться как дополнительный материал для супервизии и профессионального обучения как в вузах, так и на курсах повышения квалификации.

Третье направление связано со снижением когнитивной нагрузки психолога. В условиях увеличения объема профессиональной информации ИИ может выполнять функции структурирования и организации данных, освобождая ресурсы специалиста для более глубокого анализа терапевтического процесса.

В рамках апробации PsyAi.pro были проанализированы более 629 консультационных материалов. Оценка применения системы показала высокую практическую значимость аналитических рекомендаций: большинство специалистов отмечали повышение структурированности профессионального анализа и удобство использования инструмента в рефлексивной работе. Вместе с тем результаты исследования требуют дальнейшей независимой валидации с расширением выборки и использованием объективных критериев оценки эффективности.

Особое значение имеет этический аспект внедрения профессионального ИИ. Использование цифровых инструментов в психологической практике требует соблюдения принципов информированного согласия, конфиденциальности, безопасности хранения данных

и ограничения автоматизированных выводов. Искусственный интеллект способен расширять аналитические возможности специалиста, однако не обладает профессиональным пониманием уникальности личности клиента и не может заменять психологическое мышление.

Научная новизна исследования заключается в разработке подхода к рассмотрению профессионального ИИ не как средства автоматизации отдельных операций, а как инструмента формирования новой модели профессиональной рефлексии психолога. Предлагаемая модель описывает взаимодействие человека и искусственного интеллекта как систему когнитивного сотрудничества, в которой технология усиливает профессиональные возможности специалиста, сохраняя субъектность и ответственность человека.

Таким образом, развитие профессионального искусственного интеллекта открывает перспективу перехода от автоматизации процессов к формированию цифровой инфраструктуры профессионального мышления психолога. Будущее применения ИИ в психологии связано не с заменой специалиста, а с созданием новых форм поддержки анализа, обучения и профессионального развития.

Литература:

1. American Psychological Association. Ethical Guidance for AI in Professional Practice of Health Service Psychology. Washington, DC: APA, 2023.

2. *Imel Z.E., Steyvers M., Atkins D.C.* Computational psychotherapy research: Scaling up the evaluation of patient-provider interactions // Psychotherapy. 2015. Vol. 52. № 1. P. 19–30.

3. *Schön D.A.* The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. New York: Basic Books, 1983.

4. *Torous J., Bucci S., Bell I.H., et al.* The growing field of digital psychiatry: Current evidence and the future of apps, social media, chatbots, and virtual reality // World Psychiatry. 2021. Vol. 20. № 3. P. 318–335.

5. *Vaidyam A.N., Wisniewski H., Halamka J.D., Kashavan M.S., Torous J.* Chatbots and conversational agents in mental health: A review of the psychiatric landscape // Canadian Journal of Psychiatry. 2019. Vol. 64. № 7. P. 456–464.

ИИ КАК ИНТЕГРАТОР КОЛЛЕКТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПЫТА

Маховская О.И., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Возможности ИИ по обобщению культурного, всегда текстового (по Ю. Лотману) опыта кажутся бесконечными, но человек в жизни опирается на свой опыт. Чтобы обобщать индивидуальный опыт, человек должен предоставлять свидетельства своей жизнедеятельности — письма, электронную переписку, дневники, исповеди, документы, биографии, резюме, зафиксированные в текстах внешние оценки человека, продукты своей профессиональной деятельности и другие артефакты. ИИ может помочь обобщить эти данные, но их релевантность под вопросом. Важные отличия культурного опыта от индивидуального:

1. Изложение собственного опыта подлежит искажениям. Предметом анализа ИИ должны стать не столько прямые утверждения и версии, сколько расхождения, ошибки, преувеличения в самоописаниях, пропуски, случайные детали, конфликты с другими людьми. Опираться только на автобиографические интервью, даже если их проводят профессионалы, недостаточно, чтобы верифицировать поведение человека.

2. Опыт центрирован вокруг позитивной идентичности субъекта. Человек не теряет своей жизнеспособности, пока он опирается на свой положительный опыт, относится к себе с уважением, репутационно защищен. Позитивная идентичность — это важный фактор искажения сведений человека о самом себе. Лонгитюдные эксперименты по изучению динамики воспоминаний человека о событиях собственной жизни показали, что со временем в долговременной памяти сохраняются события, участники событий, высказывания, которые подтверждают позитивную идентичность. Остальные события, эпизоды, «чужие» участники подвержены сильным искажениям, трансформируются, забываются или «переписываются» в памяти. Это снижает надежность отдельных индивидуальных сведений.

3. Качественные методы, приемы верификации, которые используются в полевых исследованиях, становятся снова востребованными.

Автоматизация требует более жесткой алгоритмизации, чем принято в этнографических исследованиях. Но даже требование триангуляции (подтверждения сведения как минимум из трех источников) пока не стало устойчивым алгоритмом получения сведений о жизнедеятельности человека средствами ИИ.

4. Наиболее проблемная сторона интеграции индивидуального опыта средствами ИИ — отсутствие субъектности (агентности). Хотя отдельные признаки субъектности можно обнаружить в работе ИИ, он ничего не инициирует по собственной воле. Ролевой, сценарный анализ результатов интеграции опыта средствами ИИ мог бы повысить статус данных и обобщений, которые мы получаем с помощью ИИ. Культурный опыт по своей структуре коммуникативный, состоит из сценариев различного уровня — от архетипических до индивидуальных. Сценарии могут использоваться как контексты для интерпретации данных.

Эти и другие особенности индивидуального и коллективного опыта особо нужно учитывать при создании электронного психотерапевта. В практике психотерапии принято опираться на опыт клиентов, а не только на опыт психотерапевтов.

Литература

1. *Маховская О.И.* Коммуникативный опыт личности. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

2. *Носуленко В.Н.* Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании // Экспериментальная психология. 2021. № 14(3). С. 4–16. https://doi.org/10.17759/exppsy.2021140301

3. *Нуркова В.В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Дисс. … докт. психол. наук. М., 2009.

ДИНАМИКА КАУЗАЛЬНОЙ АТРИБУЦИИ МОТИВОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭФФЕКТ ГРУППОВОЙ ДИСКУССИИ

Митина О.В.
Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Ташкенте,
Ташкент, Узбекистан
Доленко И.К., к.пс.н.
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Внедрение ИИ-сервисов в образование обычно описывается через частоту и характер их применения. Для психологии же важнее не частота использования, а как сам учащийся объясняет себе обращение к этим средствам. Атрибутивная традиция, восходящая к Ф. Хайдеру, исходит из того, что причины поведения не даны непосредственно и всегда достраиваются [3], достраивание подчиняется устойчивым правилам вывода [4], а в учебной деятельности приписанные причины определяют последующую мотивацию сильнее, чем объективный результат действия [5].

Принципиально, что человек, объясняя свой поступок, рассуждает о себе примерно так же, как о постороннем: видит, что сделал, и подбирает подходящую причину. Ответ на вопрос «зачем я это делаю» оказывается поэтому не отчетом о мотиве, а его реконструкцией. В деятельностном подходе А.Н. Леонтьева этому соответствует различение реально побуждающих мотивов и их осознания. Осознание мотива есть особая задача, а результат ее решения сам становится регулятором деятельности [1]. Изучая атрибуцию, мы имеем дело не с мотивацией как таковой, а с опосредствующей поведение объяснительной схемой.

Для работы с ИИ такое объяснение дается особенно трудно, так как в целом работа с ИИ является новым видом деятельности. Общего мнения о том, хорошо или плохо пользоваться ИИ в учебе, пока не сложилось. Одни видят в нем средство развития, другие же — способ не прилагать усилий. Готового ответа, который студент мог бы перенять у окружающих, не существует, и объяснение приходится строить самому. Согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана

[2], главное здесь — это переживание автономии, то есть чувствует ли человек, что ИИ расширяет его возможности или что он теряет контроль над собственной работой.

Групповое обсуждение возможностей ИИ является ситуацией, в которой участники проговаривают свои объяснения вслух и слышат чужие. Высказанный мотив перестает быть чем-то само собой разумеющимся, и его становится возможно пересмотреть.

Нами было предпринято психосемантическое исследование, целью которого являлось построение мотивационного семантического пространства представлений об использовании ИИ в учебном процессе. В качестве методики использовалась атрибутивная мотивационная матрица, заполняя которую респондент должен был оценить, в какой степени 22 поступка, совершаемые студентом в учебной деятельности с использованием ИИ, связаны с 16 мотивационными конструктами. Построенное семантическое пространство являлось операциональной моделью представлений о каузальной атрибуции мотивов использования ИИ и позволило оценить ее динамику под влиянием фокус-групповой дискуссии.

В исследовании участвовали 19 магистрантов-психологов. Респонденты проходили методику до и после проведения фокус-группы. Обработка включала анализ главных компонент с варимакс-вращением, вычисление факторных баллов и парные сравнения на групповом и индивидуальном уровнях. Были выделены три фактора, объясняющие около 61% дисперсии.

Первый фактор был назван внешне-аффективным. Это побуждения, лежащие вне учебной задачи и связанные с эмоциональным состоянием, а не с результатом работы. Второй фактор — прагматически-инструментальный: экономия времени, облегчение работы, удобство. Инструменты искусственного интеллекта выступают здесь орудием, которое оценивают по сбереженным затратам. Третий — эпистемически-субъектный. Сюда относятся критическое мышление, надежность информации, самостоятельность. По сути, это качество знания вместе с позицией самого действующего.

Респондентов можно охарактеризовать тем, в какой степени они объясняют обращение к ИИ мотивами каждого из трех факторов (это координаты человека в семантическом мотивационном пространстве). Факторная структура до и после дискуссии не изменилась. Однако меняются координаты респондентов. Более чем у половины респон-

дентов позиции поменялись в ходе дискуссии. Однако изменения эти не носят систематического однонаправленного характера.

Функция фокус-групповой дискуссии состоит, по-видимому, не в том, чтобы участники пришли к общему взгляду на ИИ, а в том, чтобы каждый яснее понял свой собственный. Проговорив мотив вслух и услышав чужие версии, человек не перенимает готовое объяснение, а уточняет то, которое у него уже было.

Отсюда следует практический вывод о том, что дискуссии об ИИ не стоит рассматривать как способ привить студентам единое отношение к технологии. Но можно рассматривать как средство рефлексии, и после обсуждения студент может более отчетливо понять, зачем именно он обращается к ИИ. Дискуссии об использовании ИИ в учебных курсах имеет смысл строить не вокруг выработки правильного отношения к технологии, а вокруг того, чтобы каждый студент разобрался в собственных мотивах. Для более точного подтверждения результатов стоит расширить выборку, учитывать профессиональную специализацию студентов и культурные особенности страны или региона обучения.

Литература:

1. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

2. *Deci E.L., Ryan R.M.* Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior. New York: Plenum Press, 1985.

3. *Heider F.* The Psychology of Interpersonal Relations. New York: Wiley, 1958.

4. *Kelley H.H.* The processes of causal attribution // American Psychologist. 1973. Vol. 28. № 2. P. 107–128.

5. *Weiner B.* An attributional theory of achievement motivation and emotion // Psychological Review. 1985. Vol. 92. № 4. P. 548–573.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ТИПОВ КЛИЕНТСКИХ ЗАПРОСОВ В КАРЬЕРНОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ: ЛОГИКА РАЗРАБОТКИ ИИ-АССИСТЕНТА

Михайлова В. В., к. соц. н.
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Актуальность и постановка проблемы. Первичное интервью в практике карьерного консультирования предназначено для знакомства с клиентом, диагностики его запроса, оценки готовности к совместной работе и формирования предварительной гипотезы о наиболее эффективном алгоритме консультирования. Как правило, уже на этом этапе коммуникации с клиентом можно получить информацию о глубине и структуре его проблемы, корректнее выбирать стратегию взаимодействия и тем самым повышать эффективность консультативной практики. Однако необходимость одновременно учитывать многочисленные характеристики клиентского запроса существенно усложняет процесс его анализа и требует высокой степени структурированности экспертной оценки. В этой связи ИИ-ассистент рассматривается как инструмент поддержки консультанта, обеспечивающий систематизацию выявленных признаков и проверку диагностических гипотез [4].

Цель исследования — определить, каким образом критерии авторской типологии клиентских запросов могут быть операционализированы в виде системы психолингвистических маркеров, пригодной для разработки ИИ-ассистента, анализирующего тексты первичного интервью в карьерном консультировании. Материалом исследования являются расшифровки первичных интервью, а единицей анализа — речевые проявления клиента, отражающие диагностически значимые признаки [2]. Авторская типология включает три типа клиентских запросов: «Голодная волчица», «Тонущая женщина» и «Принцесса» и описывает преобладающий способ формирования и переживания карьерного запроса [3].

Система психолингвистических маркеров. Ключевым этапом разработки ИИ-ассистента стала алгоритмизация авторского пути к созданию типологии на основе системы психолингвистических маркеров

[1]. Психолингвистические маркеры группируются по семи диагностическим критериям, лежащим в основе типологии: характер запроса, источник трудностей, временной фокус, уровень агентности, эмоциональный фон, ожидания от консультанта и отношение к собственному Я. Каждый критерий представляет собой самостоятельную группу маркеров, внутри которой выделены специфические проявления каждого из трех типов клиентских запросов. Их совокупность образует диагностическое «ядро» типа, позволяющее отличить его от остальных.

Система опирается на принцип различения обязательных и контекстуальных маркеров. Обязательные маркеры представляют собой диагностически необходимые признаки, отсутствие которых исключает отнесение клиента к соответствующему типу. Контекстуальные маркеры приобретают значение только в сочетании с другими признаками и анализируются с учетом общего смыслового содержания интервью. Так, высказывания, отражающие тревогу, сами по себе не обладают типологической ценностью: для типа «Голодная волчица» тревога может быть связана с риском профессиональной стагнации, для типа «Тонущая женщина» — с переживанием утраты контроля и невозможностью справиться с жизненной ситуацией, а для типа «Принцесса» — с потерей привычной поддержки и внешнего подтверждения собственной ценности. Следовательно, объектом анализа становятся не отдельные слова или речевые конструкции, а их семантическая функция в структуре карьерного запроса.

Отдельный психолингвистический маркер не является достаточным основанием для типирования. Диагностическая гипотеза формируется на основании устойчивой конфигурации признаков, анализа их контекста и оценки согласованности критериев между собой. Такой подход принципиально отличает разработанную модель от систем, основанных на поиске ключевых слов, и обеспечивает возможность создания объяснимого алгоритма искусственного интеллекта, воспроизводящего логику экспертного анализа.

Логика работы ИИ-ассистента. Исходным материалом служит обезличенная текстовая расшифровка первичного интервью с клиентом, которая последовательно обрабатывается по каждому диагностическому критерию. На первом этапе система разделяет реплики консультанта и клиента, выделяет фактическую информацию и фрагменты речи, значимые с точки зрения психолингвистического анализа. Затем высказывания анализируются по семи критериям типологии

с выявлением основных, контекстуальных и противоречащих признаков каждого из трех типов клиентских запросов. Следующий этап заключается в сопоставлении результатов по всем критериям. Алгоритм оценивает степень согласованности конфигурации отдельных маркеров. Если основные признаки по отдельным критериям противоречат друг другу или оказываются недостаточными, система снижает степень уверенности диагностической гипотезы и фиксирует необходимость дополнительной проверки.

Результатом работы ИИ-ассистента становится структурированное экспертное заключение, включающее оценку каждого диагностического критерия, подтверждающие цитаты из интервью, основную и альтернативную гипотезы типирования, выявленные противоречия, недостающие сведения и перечень вопросов, рекомендуемых для последующей консультации. Такой подход обеспечивает прозрачность логики анализа, делает выводы ассистента проверяемыми и сохраняет за карьерным консультантом право окончательной интерпретации результатов анализа.

Для проверки качества алгоритма планируется сопоставление результатов экспертной и автоматизированной интерпретации по корректности выявления психолингвистических маркеров. Особое внимание предполагается уделить устойчивости диагностических выводов и отсутствию необоснованных интерпретаций. Такой подход позволит оценить не только точность классификации, но и степень воспроизведения искусственным интеллектом логики экспертного анализа.

Заключение. Разработка ИИ-ассистента для применения авторской типологии показывает, что психолингвистический анализ на основе выявленных маркеров типологии позволяет формализовать экспертную диагностику клиентских запросов. Предлагаемый подход повышает структурированность, воспроизводимость и прозрачность анализа первичного интервью, сохраняя за специалистом право окончательной интерпретации результатов. Разработанная модель предназначена исключительно для поддержки экспертной диагностики карьерного запроса и не может рассматриваться как инструмент психологического диагностирования личности.

Литература:

1. *Ладыгин Т.А.* Обзор методов исследования в психолингвистике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6–2(105). С. 100–106.

2. *Макарова М.В., Смирнов Е.А.* Большие языковые модели в психологии: обзор зарубежных публикаций и методология использования искусственного интеллекта в психологической науке за период 2023–2024 гг. // Петербургский психологический журнал. 2024. № 49. С. 1–32.

3. *Михайлова В.В.* Критериальная модель типологии клиентов в карьерном консультировании // Электронный научный журнал «Организационная психология». 2026. (в печати)

4. *Розенова М.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В.* Искусственный интеллект в исследовательских и психологических практиках: международный опыт применения и обнаруженные риски // Современная зарубежная психология. 2026. № 15(2). С. 78–90. https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150208

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ У СТУДЕНТОВ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ НЕЙРОСЕТИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Михайлова О.Б., к.пед.н., ***Гринева Т.А.,*** студент магистратуры
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Стремительное развитие алгоритмов и инструментов искусственного интеллекта (ИИ) вносит радикальные изменения в жизнедеятельность современного человека, в том числе и в организацию учебного процесса. Мнения современных исследователей о роли и перспективах использования ИИ противоречивы. Некоторые исследователи считают, что грамотное использование ИИ-инструментов может способствовать развитию креативности, особенно у людей, изначально демонстрирующих невысокие показатели в этой области. А.В. Вечерин и Р.С. Яголковский отмечают, что нейросетевые технологии позволяют полностью раскрыть потенциал личности, особенно в сфере искусства [2].

В зарубежных источниках подчеркивается, что нейросети способны формировать новизну, продуктивность и усиливать дивергентное мышление, что открывает новые горизонты для образовательной практики [5]. В то же время ряд авторов считают, что использование искусственного интеллекта в образовании сопряжено с определенными рисками. Так, в исследовании, проведенном Л.А. Бургановой,

О.В. Юрьевой и О.Ю. Кукушкиной, определено, что у студентов наибольшее опасение вызывают зависимость от ИИ и утрата навыков самостоятельного поиска информации (76,4%), снижение способности к критическому мышлению и самостоятельному анализу (70,3%), а также потенциальная возможность ошибок со стороны ИИ, что чревато искажением информации и неправильным ее пониманием (62,5%). Однако авторы считают, что эти опасения не станут для студентов барьером от соблазна использовать ИИ в выполнении учебных задач [1].

Несмотря на растущий интерес к данной проблематике, особенности использования искусственного интеллекта в учебной деятельности студентов остаются недостаточно изученными. Особенно это касается вопроса о том, различаются ли проявления креативности у студентов, которые активно используют нейросети в учебном процессе, от студентов, которые менее активны в использовании ИИ в учебном процессе.

Таким образом, **целью нашего исследования** является выявление различий в показателях креативности в группах студентов, активно и неактивно использующих инструменты ИИ в учебном процессе. В исследовании приняли участие 68 студентов-психологов филологического факультета РУДН им. Патриса Лумумбы, обучающихся на программах бакалавриата, специалитета и магистратуры в возрасте от 19 до 24 лет. Для дифференциации на группы в исследовании была использована авторская анкета «Активность использования искусственного интеллекта в учебном процессе». Анкета состоит из 11 вопросов, которые позволяют определить активность в использовании нейросетей и дифференцировать студентов на группы по частоте использования инструментов ИИ в учебном процессе. В результате анкетирования было определены две группы (по 34 человека), активно и неактивно использующих нейросети в учебном процессе. Для определения уровня креативности использовались тест «Креативность» Вишняковой Н.Ф. [3] и опросник «Определение типов мышления и креативности» Дж. Брунера [4]. Для выявления статистически значимых различий был применен U-критерий Манна — Уитни.

В результате сравнительного анализа были выявлены значимые различия по следующим шкалам опросника «Определение типов мышления и креативности» Дж. Брунера: *образное мышление* ($U=386$; $p<0,01$), *креативность* ($U=413$; $p<0,05$). Данные показатели значительно выше в группе студентов — активных пользователей, чем в группе студентов — неактивных пользователей. Возможно, грамотное созда-

ние промта предполагает наличие определенных способностей, в том числе развитого образного мышления и креативности. Активный пользователь мыслит определенными образами, создавая в голове картинку предполагаемого результата, кроме того, работа с инструментами ИИ может развивать у студента креативность за счет представленных образов, дальнейших ассоциаций и дополнений к запросу.

В результате исследования с использованием теста «Креативность» Вишняковой Н.Ф. в группе студентов — активных пользователей инструментов ИИ были выявлены значимо более высокие показатели и значимые различия по шкалам *любознательность* (U=358; p<0,01), *оригинальность* (U=354; p<0,01) и *воображение* (U=314; p<0,001). Следовательно, стремление использовать нейросетевые технологии выражено у студентов с более высокими показателями креативности и предполагает наличие любознательности в освоении нового и развитого воображения. Остается вопрос: как в дальнейшем активное использование нейрсетей отразится на оригинальности в данной группе респондентов?

Проведенное исследование позволило выявить значимые различия по шкалам *образное мышление*, *креативность*, *любознательность*, *оригинальность* и *воображение*, высокие значения которых проявляются в группе студентов-психологов, активно использующих нейросети. Однако в дальнейшем важно провести сравнительный анализ показателей креативности на бóльшей выборке респондентов, обучающихся на разных профессиональных направлениях. Кроме того, важно рассмотреть более подробно особенности мышления и креативности в группах активных и неактивных пользователей нейросетей.

Литература:

1. *Бурганова Л.А., Юрьева О.В., Кукушкина О.Ю.* Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании: взгляд студентов // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 241–246.

2. *Вечерин А.В., Яголковский С.Р.* Искусственный интеллект в оценивании и развитии креативности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. № 4. С. 787–799.

3. *Миронова Е.Е.* Сборник психологических тестов. Часть 2. Минск: ЭНВИЛА, 2006.

4. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: учеб. пособие / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2003.

5. *Ross B.M.* Leveraging psychedelic neuroscience to boost human creativity using artificial intelligence // Frontiers in Artificial Intelligence. 2025. Vol. 8. Article 1589086. DOI: 10.3389/frai.2025.1589086

СМЫСЛОВЫЕ ПРОФИЛИ ТЕКСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЙ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ РАБОТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ АССИСТЕНТОВ

Михайловский М.А., аспирант, ***Куравский Л.С.,*** д.т.н.,
Одинцов Д.А., студент
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Стремительное распространение интеллектуальных ассистентов (ИА), основанных на больших языковых моделях, делает их востребованным инструментом анализа, интерпретации и генерации текстов в психологии и смежных областях. Вместе с тем значительная часть пользователей не имеет специальной математической подготовки и опыта формального анализа текстовой информации, что порождает риски некорректного истолкования результатов работы ИА. Особую проблему представляют так называемые «галлюцинации» — правдоподобные, но не соответствующие фактическому или концептуальному содержанию предметной области ответы: при определенных формулировках запросов ИА способен убедительно обосновывать взаимно противоречащие утверждения. В этих условиях актуальна разработка методов, позволяющих количественно оценивать смысловое содержание текстов и промптов, сравнивать их между собой и выявлять отклонения от концептуальных оснований заданной предметной области.

Предлагаемый подход основан на представлении смыслового содержания текста в виде разложения по базовым смысловым компонентам предметной области. С помощью ИА для заданной предметной области формируются смысловые компоненты — базовые конструктивные элементы описания и объяснения ее понятий и закономерностей — и постулаты — фундаментальные положения, принимаемые без доказательства и служащие основой соответствующей теоретиче-

ской системы. Далее для исследуемого текста, его отрицания и каждого постулата с помощью ИА вычисляются коэффициенты разложения по смысловым компонентам, образующие смысловой спектр; нормированный спектр (смысловой профиль) рассматривается как дискретное распределение вероятностей. Множество допустимых текстов предметной области формально трактуется как пространство дискретных распределений вероятностей, замкнутое относительно действия стохастических матриц, представляющих задаваемые промптами трансформации смысловых профилей. Последовательность применений такого оператора описывается как марковский процесс, что, в частности, объясняет наблюдаемый на практике эффект сходимости результатов повторных запросов к стационарному смысловому профилю. При выполнении условия квазистационарности стохастическая матрица оператора оценивается по эмпирической последовательности смысловых профилей посредством псевдорешений переопределенных систем линейных уравнений. Содержательная интерпретация действия оператора строится путем его декомпозиции в инвариантных подпространствах смысловых компонентов: вещественным собственным значениям соответствуют тождественное преобразование и сжатия, парам комплексно-сопряженных значений — повороты в сочетании со сжатием («трансформации по спирали»). Такие интерпретации промптов и текстов названы спектральными, или S-интерпретациями.

Подход позволяет выявлять «галлюцинации» ИА; анализировать и интерпретировать тексты предметной области по их смысловым профилям, а промпты — по вызываемым ими изменениям профилей (прямые задачи); конструировать тексты с заданным смысловым профилем и промпты, обеспечивающие заданное преобразование профилей (обратные задачи). Оценка корректности выполняется путем сравнения текста и его отрицания по смысловым расстояниям до постулатов предметной области либо до их центроида: корректным признается вариант, минимизирующий суммарное расстояние.

Работоспособность подхода проиллюстрирована в рамках парадигмы культурно-исторической психологии с использованием ИА DeepSeek. Сформированы пять смысловых компонентов (высшие психические функции, опосредствование, интериоризация, зона ближайшего развития, социальная ситуация развития) и пять постулатов данной предметной области. Для тестового высказывания о социо-

культурной природе сознания и его отрицания вычислены смысловые профили и расстояния до постулатов и их центроида: по обоим критериям корректным признано исходное высказывание, что согласуется с содержанием парадигмы. По последовательности профилей, полученной при десятикратном применении промпта на конкретизацию текста, оценена стохастическая матрица соответствующего оператора и дана содержательная интерпретация ее собственных значений.

Таким образом, смысловые профили обеспечивают формализованную количественную основу для контроля корректности результатов работы ИА, проверки соответствия текстов концептуальным основаниям психологических теорий и целенаправленного конструирования текстов и промптов, что востребовано при валидации ИИ-систем в психологических исследованиях и практике.

Литература:

1. *Куравский Л.С., Юрьев Г.А., Златомрежев В.И.* Новые подходы к оцениванию работы операторов сложных технических систем // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 27–49.

2. *Куравский Л.С., Одинцов Д.А., Михайловский М.А.* Эволюционные алгоритмы подбора запросов и проверки корректности ответов интеллектуальных ассистентов // Моделирование и анализ данных. 2025. Т. 15. № 4. С. 7–26.

3. *Рубцов В.В.* Два подхода к проблеме развития в контексте социальных взаимодействий: Л.С. Выготский vs Ж. Пиаже // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 3. С. 5–14.

4. *Рубцов В.В.* Социально-генетическая психология учебных взаимодействий (избранные статьи, выступления, проекты): в 2 т. М.: ИД «Городец», 2024.

5. *Kuravsky L.S., Greshnikov I.I.* Optimizing the Mutual Arrangement of Pilot Indicators on an Aircraft Dashboard and Analysis of This Procedure from the Viewpoint of Quantum Representations // Journal of Applied Engineering Science. 2021. Vol. 19. № 4. P. 910–919.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНВАРИАНТНОСТИ ГИБРИДНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ С ПОМОЩЬЮ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Морозова С.В., к.пс.н.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Вопрос существования некоторых психологических конструктов может вызывать сомнение в связи с тем, что эмпирические данные не позволяют однозначно ответить на вопрос, чем они являются — личностными чертами или спецификой ситуативно обусловленного поведения. К таким гибридным конструктам мы можем отнести локус контроля, тревожность, конформизм, etc. Традиционно психологи пытались решить этот вопрос с помощью нескольких классических подходов: а) рассматривали поведение как результат взаимодействия личности и среды (К. Левин); б) учитывали специфику условий ситуации, что позволяло определить степень проявления личностных особенностей и унификации поведения (У. Мишел); в) предполагали, что устойчивые личностные черты должны многократно проявляться в течение долгого времени в различных ситуациях (воспроизводимость); конструировали отдельные шкалы для конструкта как личностной черты и как ситуативной психологической особенности (например, шкала тревоги Спилбергера — Ханина). Все они не идеальны, так как фактически подразумевают разделение теоретического конструкта на две части, устойчивую (личностную) и вариативную (ситуативную), весьма разнообразно объясняя причины такого разделения и как именно эти две части теоретически связаны между собою, имеют ли инвариантную составляющую.

Гипотеза исследования заключалась в том, что если существует инвариантый теоретический конструкт, то он будет наблюдаться как во время измерения личностной черты, так и в специфике конкретного поведения испытуемых. В настоящем исследовании мы сосредоточились на специфике локуса контроля. С целью проверки нашей гипотезы мы попытались математически выявить «инвариантную» часть локуса контроля между результатами теста Роттера (шкалы общего локуса контроля) и короткими личными нарративами испытуемых

(описывающих конкретные жизненные ситуации на заданные темы) с помощью классификатора, созданного на базе эмбендингов инструктивной модели YandexGPT-5-Lite-8B. Для обучения был использован корпус коротких личных нарративов объемом 439 текстов, полученных от 103 испытуемых (58 женщин и 45 мужчин), средний возраст 23 ± 6,46 года. Тексты короче 10 слов были исключены.

На вход LLM подавались нарративы, бинарная переменная отклика MLP была получена делением результатов общей шкалы интернальности по среднему. Эмбендинги лучшего для решения задачи классификации слоя вместе с вектором 24 лингвистических признаков переданы в гибридную модель многослойного перцептрона. Многослойный перцептрон имел три выходные головы (локус, автор, тема), две из которых использовались для контроля качества принудительного подавления автора и темы. Такое архитектурное решение позволило контролировать угадывание нейронной сетью автора и темы нарративов и, следовательно, избегать предвзятости в оценке локуса контроля по конкретному тексту или в ситуации угадывания авторского стиля. Часть текстов была посвящена неудачам и теме здоровья, поэтому для преодоления силы давления тематики было необходимо очистить эмбендинги от стереотипного лингвистического поведения, оставив личностно-специфическую составляющую описания конкретного ситуативного поведения.

Результаты лучшей классификации: Kappa: 0,243, AUC-ROC: 0,573, F1-macro: 0,621, Accuracy: 0,6355. Классификация экстерналов: P=0,6679; R=0,7262; F1=0,6958; интерналов: P=0,5818; R=0,5134; F1=0,5455. Полученные в настоящем исследовании результаты значительно лучше, чем простое обучение Random forest (Kappa=0,09; Accuracy=0,577) на этом же корпусе после токенизации, результаты которого близки к случайным [1].

Полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что гипотеза о существовании инвариантного конструкта локуса контроля может быть верна. При этом мы на математическом уровне имели возможность во время моделирования контролировать нарушение внутренней валидности, не позволяя нейронной сети решать задачу определения локуса по эмбендингам LLM через угадывание авторского стиля или нахождение свидетельств жестких триггеров специфических тем, провоцирующих на определенное языковое поведение.

Литература:

1. *Бурангулов Р.Р., Морозова С.В.* Предсказание локуса контроля на основании морфологических свойств слов // Ананьевские чтения — 2024: материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию общей психологии в Санкт-Петербургском государственном университете. Нижний Новгород, 2024. С. 137.

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ УЧЕБНЫХ ЦЕЛЕЙ

Моросанова В.И., д.пс.н.
Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 26–18–00432 «Психологический капитал и осознанная саморегуляция как ресурсы академической вовлеченности студентов с разным отношением к технологиям искусственного интеллекта»).

Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в образование ставит вопрос о возможности повышения академических результатов обучающихся, использующих ИИ, без ущерба их личностному и субъектному развитию.

Цель — проанализировать научные данные о возможностях использования ИИ в реализации основных функций осознанной саморегуляции, согласно современной когнитивно-личностной модели осознанной саморегуляции достижения учебных целей [2].

Методы и выборка. Поиск литературы в базах PubMed, Google Scholar и eLIBRARY, осуществлялся за период с 2021 по 2026 г. по следующим ключевым словам: искусственный интеллект в образовании, саморегуляция достижения учебных целей, self-regulated learning, artificial intelligence in education. Из первоначально найденных публикаций (около 2500) для углубленного анализа тремя экспертами были отобраны 60 статей, составившие выборку исследования.

Результаты. Проведенный анализ показывает, что характер влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс определяется не столько технологическими возможностями используемого приложения, сколько целью его использования в учебной активности. Можно говорить о существовании двух основных типов использования ИИ, различающихся целевыми особенностями их применения. В первом случае (использование ИИ как источника информации) оно направлено на расширение возможностей обучающегося по сбору и обработке информации, необходимой для реализации различных аспектов регуляторных функций в процессе достижения субъектно принятых целей. Такой вариант использования ИИ способствует сохранению и развитию осознанного самоуправления, а также поддерживает самооценивание достигнутых результатов на основе выработанных самим обучающимся субъектно-личностных критериев их соответствия принятой цели. Во втором случае (ИИ как регулятор поведения) обучающиеся делегируют ИИ ключевые аспекты реализации основных регуляторных функций, вследствие чего приложение фактически приобретает характер «агента» в организации, контроле и оценивании учебного процесса [1]. Это в свою очередь сдерживает развитие собственной субъектно-личностной активности обучающегося и может тормозить формирование регуляторно-личностных качеств, таких как самостоятельность, инициативность, ответственность, характеризующих развитие субъектности человека. Кроме того, убедительно показано: чем они более выражены, тем выше эффективность обучения [3].

Предложенное разграничение ИИ как поискового инструмента и ИИ как регулятора учебной активности позволяет точнее описать механизмы его воздействия на осознанную саморегуляцию. С позиции ресурсного подхода В.И. Моросановой искусственный интеллект способен поддерживать различные операционально-когнитивные компетенции, однако развитие регуляторно-личностных качеств, лежащих в основе субъектной позиции обучающегося, возможно только на основе опыта собственной активной деятельности и не может быть делегировано ИИ-инструменту. Полученные результаты позволяют рассматривать развитие осознанной саморегуляции обучающихся как значимое психологическое условие продуктивного использования ИИ в образовании, опосредующее характер его влияния не только на академические результаты, но и на субъектно-личностное развитие обучающихся. Практическое проектирование ИИ-инструментов

и образовательных сред должно быть ориентировано не на замещение регуляторных функций, а на их поддержку через метакогнитивное сопровождение принимаемых решений и обеспечение перехода от внешней помощи к их осознанной саморегуляции для достижения самостоятельно и ответственно принятых учебных целей. На основе анализа проведенных исследований нами обосновано, что ИИ обладает потенциалом для поддержки когнитивных функций осознанной саморегуляции достижения учебных целей при соблюдении трех условий: критичном использовании метакогнитивных подсказок и отсроченной обратной связи о достижении цели, сохранении учащимся ответственности за принятие решений. Также были определены ограничения использования ИИ. Так, чрезмерная автоматизация ответов и избыточное доверие обучающихся к обратной связи от ИИ могут замещать самостоятельную активность учащихся, формируя пассивность и алгоритмическую зависимость.

Вывод. Развитие осознанной саморегуляции как ядра субъектной позиции обучающихся выступает необходимым психологическим условием продуктивного использования ИИ. Вместе с тем некритичное использование ИИ может препятствовать формированию субъектно-личностных качеств обучающихся, если ИИ наделяется качествами «агентности» в учебном процессе. Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическая проверка влияния различных приложений ИИ на развитие осознанной саморегуляции, субъектной позиции и учебной вовлеченности обучающихся.

Литература:

1. *Иванченко Д.А.* Цифровой аватар как медиатор образовательного процесса: возможности, ограничения и перспективы // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 11. С. 31–53. https://doi.org/10.31992/0869–3617–2025–34–11–31–53

2. *Моросанова В.И.* Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 3–37. https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01

3. *Balzan F., Angeli L., Meulenbroeks R., Russo F.* Tools or Crutches? Budgeting Human and Machine Autonomy When Introducing GenAI in Education // Artificial Intelligence in Education. 2026. Vol. 2. № 1. P. 18–32. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.30020.95368

ИИ-АГЕНТ КАК СРЕДСТВО СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ЮНОЙ ГИМНАСТКИ: УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Мурзина М.И.
Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

Юные гимнастки тренируются в условиях высоких физических и психологических нагрузок. Гимнастка 7–14 лет проводит в зале от 8 до 30 часов в неделю. Спортивный психолог работает со спортсменками эпизодически. Как показано ранее, стиль саморегуляции спортсменки складывается стихийно и не связан с типом родительских установок [3]. Художественная гимнастика рассматривается как модельный случай ранней профессионализации.

Для анализа педагогических взаимодействий тренера и гимнастки будем использовать экопсихологическую модель становления субъектности [5]. Согласно данной модели, эти взаимодействия в спортивной среде преимущественно относятся к субъект-объектному типу. Тренер задает действие-образец и контролирует правильность его выполнения. Становление субъектности проходит ряд стадий: от субъекта потребности через подражание и произвольное выполнение действия-образца при внешнем контроле, затем через контроль за правильностью выполнения действия другими к произвольному выполнению, качество которого обусловлено сформированными ранее способностями [5]. Исходя из рекомендаций А.В. Алексеева [1], полагаем, что критерием сформированности субъектности гимнастки может выступать ее способность достигать оптимального боевого состояния (ОБС) на соревнованиях, где тренер уже не может контролировать выполнение. Субъект-объектный тип взаимодействия «тренер — спортсмен» необходим на начальных этапах развития спортивных навыков, однако при таком типе взаимодействия переход от внешнего контроля к внутреннему часто не происходит, а формирование субъектности спортсменки остается на репродуктивном уровне (уровни «подмастерья» и (или) «ученика»).

Необходимым условием для перехода на более высокие уровни субъектности является освоение навыков самооценки и саморегуляции. Обучающий опросник Г.Д. Горбунова «старт-плюс, старт-минус»

предполагает самооценку восемнадцати психофизических показателей по шкале от плюс 5 до минус 5 [2]. Эталоном служат собственные лучший и худший старты гимнастки, вносимые в отдельные графы. Предстартовое ОБС индивидуально и выявляется из серии замеров, накопленной за многие соревнования. Методика становится эффективной при регулярном применении, обеспечить которую психолог не может.

Регулярность может обеспечить тренер как единственный взрослый с ежедневным доступом. Однако самоотчет, проходящий через того, кто решает вопросы состава и допуска к старту, остается формой внешнего контроля. Такое решение приводит к двум последствиям. Гимнастка осваивает социально желательный ответ, что обесценивает данные; и, что существеннее, средство перехода к внутреннему контролю само оказывается встроено во внешний контроль и потому этого перехода не обеспечивает. Процедура соблюдена, обучающая функция методики обращена в свою противоположность, гимнастка удерживается в объектной позиции. Если регулярное сопровождение психологом невозможно, а передача процедуры тренеру разрушает сам механизм формирования субъектности, возникает необходимость в посреднике, который способен поддерживать ежедневную практику самооценки без включения ее в систему внешнего контроля. Таким посредником может быть ИИ-агент, проектируемый с обязательным разведением доступа к информации. Полный профиль доступен гимнастке и психологу. Тренер получает согласованный заранее минимум: факт заполнения, динамику, обобщенный показатель готовности. Разведение доступа позволяет самооценке оставаться самооценкой. В отличие от цифрового дневника или статического приложения ИИ-агент способен адаптировать сценарий взаимодействия к истории ответов спортсменки и поддерживать непрерывный диалог без участия психолога. Размещение агента в привычном для гимнастки мессенджере потенциально делает самонаблюдение частью привычной среды, а не обязанностью, назначенной взрослым.

В практической реализации ИИ-агент включен в непрерывный временной рабочий контур, психолог — в разреженный: встреча раз в месяц, а также подбор функций ИИ-агента под конкретную пару «тренер — гимнастка». Наше пилотное исследование показало, что тренеры уверенно распознают психологические трудности спортсменов, но не располагают устойчивым языком их описания [4]. Это делает фигуру спортивного психолога-координатора необходимым эле-

ментом модели. Следовательно, ИИ-агент не заменяет спортивного психолога, а обеспечивает непрерывность сопровождения между очными встречами.

Ограничения. Модель теоретическая и не проходила апробации. Отдельными задачами выступают информированное согласие спортсменки и ее родителей, риск нормализации постоянного наблюдения за ребенком, сопоставимость самоотчета, снятого в диалоге с ИИ-агентом, с бланковой формой методик.

При подготовке текста тезисов использовалась генеративная языковая модель — для обсуждения структуры изложения, редактирования и оформления. Постановка проблемы, теоретические обоснования модели и выводы принадлежат автору.

Литература:

1. *Алексеев А.В.* Преодолей себя! Психическая подготовка в спорте. Издание 5-е, переработанное и дополненное. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.

2. *Горбунов Г.Д.* Пути коррекции вредоносных предсоревновательных и соревновательных состояний спортсменов. М.: ООО «Торговый дом «Советский спорт», 2024.

3. *Мурзина М.И.* Взаимосвязь стиля саморегуляции поведения у юных гимнасток с типом родительских установок в спорте // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2025. № 241. С. 290–297. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-290-297

4. *Мурзина М.И.* Готовность тренеров к использованию коучинга в спорте: результаты пилотного исследования // Психология коучинга: методология, теория, практика. Доказательный подход: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 23–24 апреля 2026 г. Чебоксары: ООО «Издательский дом Среда», 2026. С. 267–271. DOI: 10.31483/r-167083

5. *Панов В.И., Рубашкин Д.Д., Кондратьева И.Н., Борисенко Н.А.* Междисциплинарные предпосылки концепции цифрового учебника и апробации его фрагментов на базе образовательной платформы «Учим учиться» // ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3. С. 100–115. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-114-03-100-115

СВЯЗЬ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В СФЕРУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА С ПОКАЗАТЕЛЯМИ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Нечаева Ю. И.

Актуальность. В современном мире постоянно возрастающую роль искусственного интеллекта (ИИ) трудно игнорировать. Это может иметь как позитивные, так и деструктивные последствия для разных сфер жизни человека и его благополучия в целом, при этом некоторые результаты взаимодействия ИИ и человека сложно оценить в текущем моменте и на текущем уровне развития общества. Как отмечает Р.А. Есенин, «люди могут развивать новые способы выражения эмоции и установления отношении с ИИ-сущностями, размывая границу между взаимодействием человека и машины» [1, с. 126]. Таким образом, сегодня мы не можем оценить, насколько сильно и как именно трансформируется человек под влиянием ИИ, однако уже сейчас мы можем сказать, делает ли ИИ его счастливее.

Цель данной статьи — выявить и проанализировать связь между показателями субъективного благополучия и вовлеченностью человека в сферу ИИ.

На сегодняшний день существуют разные подходы к сущности и структуре субъективного благополучия (СБ) [2, 4]. В качестве наиболее часто упоминаемых [2, 4] компонентов СБ можно назвать счастье и вовлеченность в происходящее в жизни (как минимум отсутствие апатии), наличие близких отношений (как минимум отсутствие одиночества). Для того чтобы понять, как на этом сказывается ИИ, нужно определиться с тем, какую роль ИИ занимает в жизни человека, то есть насколько субъект вовлечен в сферу искусственного интеллекта. Н.Е. Рубцова и С.Л. Леньков определяют вовлеченность как «сложный, комплексный психологический конструкт, характеризующий качественно разнородные проявления причастности человека к сфере ИИ» [3, с. 67]. В структуре вовлеченности в сферу ИИ авторы выделяют когнитивный, мотивационный, аффективный и поведенческий компоненты.

Общая гипотеза: мы предполагаем, что такие компоненты субъективного благополучия, как счастье и вовлеченность в социальную жизнь, связаны с вовлеченностью в сферу искусственного интеллекта.

Выборка и методы. В основу настоящего исследования легли анкетирование и психодиагностическое тестирование (4 методики). В исследовании приняли участие 23 человека в возрасте от 25 до 57 лет, всего семь мужчин и шестнадцать женщин.

Результаты:

1. По данным анкетирования, 76% респондентов используют ИИ ежедневно и 24% — 1–2 раза в неделю. Чаще всего ИИ применяется при решении профессиональных или бизнес-задач (43%). На втором месте (33%) находится применение ИИ в справочных целях и при решении бытовых задач, например, узнать погоду. 14% респондентов чаще всего применяют ИИ в учебе и 10% — в целях самопознания и личностного роста. Анкетирование также показало, что ИИ играет важную роль в межличностных отношениях: 38% респондентов используют ИИ для того, чтобы эффективнее общаться с другими людьми на личные темы и лучше понимать свои потребности в отношениях. Они часто просят ИИ проанализировать переписку или разговор и дать совет по дальнейшей стратегии поведения, подбирают с помощью ИИ подходящие формулировки для переписки и живого общения. 29% респондентов применяют ИИ для того, чтобы лучше понимать других людей, их мотивы.

2. Несмотря на большие надежды, возлагаемые на ИИ как консультанта по отношениям, получаемые результаты оцениваются респондентами неоднозначно. В частности, ни один из респондентов не ответил, что использование ИИ как помощника в отношениях сблизило его с другим человеком. 77% считают, что использование ИИ никак не повлияло на их отношения и восприятие другого человека, а 23% отметили, что стали больше и чаще обдумывать отношения, чем действовать. Возможность обсуждать с ИИ личные отношения для 59% респондентов означает чувствовать себя более защищенным, спокойным, уверенным, смелым и инициативным, но для 41% респондентов это означает быть более встревоженным и подозрительным.

3. Посредством корреляционного анализа с применением коэффициента Спирмена была выявлена отрицательная связь между вовлеченностью в сферу ИИ и интенсивностью переживания семейного одиночества (–0,468 при $p \leq 0,05$). Данная тенденция сохраняется в отношении когнитивного (–0,423 при $p \leq 0,05$) и аффективного (–0,498 при $p \leq 0,05$) компонентов вовлеченности в сферу ИИ. Таким образом, чем выше осведомленность субъекта в сфере ИИ и чем позитивнее

его отношение к ИИ, тем менее одиноким он себя чувствует в семье. Однако в ходе сравнительного анализа с применением U-критерия Манна — Уитни было выявлено, что респонденты, использующие ИИ сравнительно редко (1–2 раза в неделю), имеют достоверно более высокий уровень счастья по сравнению с респондентами, использующими ИИ ежедневно (p=0,023).

Выводы. Таким образом, связь вовлеченности в сферу ИИ и субъективного благополучия существует (гипотеза подтверждена) и является сложной и неоднозначной: при росте вовлеченности в ИИ снижается не только показатель одиночества, но и уровень счастья. При оценке последствий использования ИИ в сфере межличностных отношений мнения респондентов также кардинально отличаются: от повышения социальной уверенности до повышения социальной тревожности.

Мы можем предположить, что, делая переживание одиночества менее интенсивным и давая иллюзию контроля над отношениями, ИИ также делает человека менее счастливым, замещая настоящую близость и спонтанность чрезмерной рефлексией над отношениями и своим образом в них. Иными словами, удовлетворяя потребность в безопасности, ИИ актуализирует потребность в связности и сопричастности. Отметим, что данные выводы являются предварительными и не позволяют говорить о какой-либо причинно-следственной связи между ИИ и СБ, однако полученные результаты свидетельствуют о возможности такой связи и необходимости дальнейшего анализа.

Литература:

1. *Есенин Р.А.* Психологические вызовы цифровой реальности: ИИ сегодня и его зона ближайшего развития // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11. № 2. С. 121–128.

2. *Рикель А.М., Туниянц А.А., Батырова Н.* Понятие субъективного благополучия в гедонистическом и эвдемонистическом подходах // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2017. № 2. С. 64–82.

3. *Рубцова Н.Е., Леньков С.Л.* Психология личности в киберпространстве: монография. Тверь: Печатница, 2025.

4. *Татарова Г.Г., Кученкова А.В.* Показатели субъективного благополучия как типообразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ ПО ЕСТЕСТВЕННЫМ И СГЕНЕРИРОВАННЫМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ ЛИЦ

Никитина Е.А., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Использование синтезированных текстов, картинок или видеосюжетов вошло в нашу жизнь, часто дополняя и обогащая ее, но иногда оказываясь средством обмана. В связи с этим возникает вопрос о доверии к онлайн-информации и, в частности, к виртуальным помощникам, лица которых созданы искусственно. Можно ли говорить о том, что общение с системой, оснащенной реалистичным изображением лица, будет восприниматься аналогично взаимодействию с живым человеком? Исследования показывают, что современные технологии позволяют создавать статичные или видеоизображения искусственных лиц, практически неотличимые от настоящих, алгоритмы нейронных сетей выстраивают диалоги с пользователем, максимально приближенные к естественной речи. Доверие к ИИ опосредуется возрастом и личностными характеристиками респондентов [1], социальными аспектами и контекстом взаимодействия [3].

Однако вызывает интерес вопрос о том, есть ли разница в восприятии людьми разных возрастов одних и тех же лиц, названных естественными или сгенерированными искусственно.

Респондентам юношеского (N=20, ср. возраст 19,6 года, 13 девушек и 7 юношей) и пожилого возраста (N=19, ср. возраст 64,8 года, из них 15 женщин) были предложены для свободного письменного описания (Что это за человек?) по 4 изображения лиц с нейтральным выражением, в каждом случае на 2 изображениях с помощью программы Photoshop был замаскирован фон. В ходе предварительной беседы экспериментатор упоминал о том, что часто картинки, созданные ИИ, отличаются отсутствием деталей. После выполнения задания респонденты указывали, какие из предъявленных изображений были реальными фотографиями. Далее было проведено сопоставление текстовых описаний лиц, названных «настоящими» и «искусственными».

В ходе анализа полученных данных выявлены общие для обеих возрастных групп результаты:

1. Описания «настоящих» лиц были более многословными ($p<0,01$), чаще использовались описания эмоций (на уровне тенденции), личностных характеристик ($p<0,05$).

2. Для «искусственных» лиц чаще встречались описания черт лица («короткая стрижка», «темные глаза», «нос с горбинкой»). Обнаружены также возрастные различия: 1) Респонденты пожилого возраста значимо чаще называли «искусственными» лица с затертым фоном. Таким лицам чаще давались негативные характеристики («она чем-то расстроена», «подозрительный тип», «недобрый взгляд»). 2) Респонденты юношеского возраста в меньшей степени ориентировались на фон фотографии. Для них тип изображения был в большей степени связан с оценкой привлекательности лица — менее привлекательные лица («неприятный», «страшненькая») оценивались чаще как настоящие. Им приписывались отрицательные состояния и личностные характеристики («скучает», «жизнь не удалась»). Возможно, выявленные различия связаны с более широкой включенностью молодых людей в онлайн-общение в социальных сетях и на игровых платформах, в которых выбор привлекательного аватара часто связан с высокой реальной или желаемой самооценкой [3].

Перспективы исследования: расширение выборки, использование реальных и сгенерированных изображений лиц.

Литература:

1. *Самойлов О.М., Татарко А.Н.* Социально-психологические факторы доверия к искусственному интеллекту: состояние исследований // Вопросы теоретической экономики. 2026. № 2. С. 209–228.

2. *Kumari P., Jain A.* Exploring the Influence of Self-Presentation through Digital Avatars on Social Media on Individual's Self-Esteem // Journal of Information Systems Engineering and Management. 2024. Vol. 9(4s). P. 1206–1214.

3. *Ng Sh. W. T., Zhang R.* Trust in AI chatbots: A systematic review // Telematics and Informatics. 2025. Vol. 97. P. 102240.

ПРОГРАММНЫЙ КОМПЛЕКС МОНИТОРИНГА И АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ДЕСТРУКТИВНОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Никишина В.Б., д.пс.н., ***Петраш Е.А.,*** д.пс.н.,
Горбачева А.С.
Институт клинической психологии и социальной работы
РНИМУ имени Н.И. Пирогова Минздрава России
(Пироговский Университет), Москва, Россия

В актуальной ситуации следует констатировать очевидное смещение активности коммуникативного поведения подростков и молодежи в цифровое социальное пространство (аналитический отчет Mediascope) [1]. В цифровом социальном пространстве коммуникативное поведение реализуется в форме речевых сообщений, включающих в себя комплекс семантико-прагматических структур и форм, в которых доминируют такие деструктивные формы вербального поведения, как агрессия, отрицание, демонстративность, сексуализированная агрессия [4]. Исследование больших массивов текстовой информации, не подлежащих ручной обработке вследствие большого объема, предполагает использование современных систем автоматизированного контент-анализа текстовой информации посредством разработки и применения алгоритмических методов и методов машинного обучения [2; 3].

Разработанный программный комплекс (Государственная регистрация программы для ЭВМ № 2025660140 «Программа психолингвистического анализа структуры речевых сообщений в социальных сетях») основан на результатах метода функциональной прагматики как вида контент-анализа и логистической регрессии текстовых сообщений пользователей в большой группе в социальных сетях (анализировались исходные посты, комментарии и ответы на комментарии) и чатах мессенджеров, участниками которых являлись ученики общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений. Градация деструктивных проявлений коммуникативного поведения в цифровой социальной среде на предикторы (междометия, сленг, сокращения, заимствования, средства невербального общения) и маркеры (обсценная

лексика, обсценная лексика как междометие, оскорбления, вербальные проявления сексуальной агрессии, вербальные проявления физической агрессии) [5] позволяет проводить не только ретроспективный анализ речевых актов, но и использовать их для построения алгоритмов автоматизированного мониторинга проявлений деструктивного коммуникативного поведения пользователей, входящих в группу риска.

В основе программного комплекса гибридный метод — rule-based классификация сообщений и вероятностное моделирование на основе интегрального индекса деструктивности (ID). Программный комплекс реализуется в пять этапов анализа речевых сообщений пользователя:

1. На этапе лингвистической предобработки осуществляется очистка текста от лишних символов, токенизация, лемматизация и морфологический анализ с помощью языка программирования Python и NLP-библиотеки.

2. На втором этапе производится разметка речевых сообщений по частям речи (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, местоимения, междометия, пр.) и речевым единицам (обсценная лексика, обсценные междометия, нормативные междометия, сленг, заимствования, сокращения, оскорбления, невербальные элементы, вербальные проявления сексуальной агрессии, вербальные проявления физической агрессии).

3. Третий этап включает применение правил-ориентированного (rule-based) механизма. Rule-based системы представляют собой наборы логических условий вида «ЕСЛИ — ТО», в которых описываются конкретные коммуникативные паттерны деструктивного поведения.

4. На четвертом этапе производится вероятностное моделирование — рассчитывается интегральный индекс деструктивности (ID) на основе логистических весов, полученных в ходе регрессионного анализа: на высокую прогностическую вероятность выявления признаков деструктивности коммуникативного поведения в цифровой среде указывают: междометия как части речи (OR=1,563; Wald=106,271; $p<0,001$); обсценная лексика (OR=10,851; Wald=839,700; $p<0,001$); нормативные междометия (OR=1,846; Wald=31,470; $p<0,001$); сленг (OR=1,498; Wald=30,844; $p<0,001$); оскорбления (OR=59,089; Wald=442,673; $p<0,001$); вербальные проявления сексуальной агрессии (OR=7,688; Wald=180,636; $p<0,001$); вербальные проявления физической агрессии (OR=81,848; Wald=88,031; $p<0,001$). На минимальные риски проявления деструктивности коммуникативного поведения молодежи в циф-

ровой социальной среде указывают: существительные (OR=0,735; Wald=80,383; p<0,001); прилагательные (OR=0,771; Wald=13,559; p<0,001); заимствования (OR=0,542; Wald=18,259; p<0,001); сокращения (OR=0,544; Wald=41,090; p<0,001).

Предлагается формула расчета интегрального индекса: ID=w1*Об+w2*ОбМ+w3*Оск+w4*Са+w5*Фа+w6*Сл+w7*Мж–w8*Сущ–w9*Прил–w10*Сокр–w11*Заим, где ID — индекс деструктивности, w — вес логистической регрессии, * — обозначение знака умножения.

Пороговые значения ID: ID≥25 — высокий риск деструктивности; ID<25 — повышенный риск деструктивности; ID<10 — потенциальный риск деструктивности или отсутствие деструктивности (в зависимости от дополнительных признаков).

5. На пятом этапе производится классификация речевых сообщений на наличие риска деструктивного коммуникативного поведения у конкретного пользователя. Классификация выполняется на основе количества деструктивных сообщений, сработавших правил и полученного индекса деструктивности.

Программный комплекс представляет собой интеграцию технологий психолингвистики и искусственного интеллекта, а также социально-психологических теорий коммуникации для диагностики проявлений деструктивности коммуникативного поведения отдельных пользователей в цифровой среде. Предложенная программа предлагается в формате встроенного в мессенджеры чат-бота или отдельного приложения.

Литература:

1. *Горбачева А.С., Никишина В.Б., Казарян М.Ю., Петраш Е.А.* Макро- и микропараметры коммуникативного поведения в больших группах социальных сетей // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 1. С. 45–57.

2. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы мировых исследований // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 2 С. 105–115.

3. *Журавлев А.Л., Китова Д.А.* Вычислительный подход к анализу обыденного сознания: на примере изучения интернет-пространства // Методология современной психологии. 2024. № 22. С. 70–84.

4. *Никишина В.Б., Петраш Е.А., Запесоцкая И.В.* Лингвосемантические характеристики коммуникативного поведения молодежи в социальных сетях // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 69–79.

5. *Никишина В.Б., Вишневская А.А., Горбачева А.С., Петраш Е.А., Карпенко А.С.* Лингвосемантические маркеры деструктивности коммуникативного поведения подростков в социальных сетях // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 6. С. 46–56. DOI: 10.7868/s3034588x25060056

ЦИФРОВАЯ АНАЛИТИКА ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ СЕССИИ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ ПСИХОЛОГА. РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ ИИ-ПЛАТФОРМЫ PSYAI.PRO

Николаева М.В., Матвеева О.В., Семенова П.Е., Волков А.В., Колодин А.В.
АНО ДПО «Институт интегративной психологии и психотерапии», Москва, Россия

Развитие искусственного интеллекта в последние годы формирует новое направление исследований в психологии — изучение возможностей цифровых технологий как средств поддержки профессиональной деятельности психолога. В отличие от традиционного понимания автоматизации как замены отдельных функций специалиста современные ИИ-инструменты рассматриваются как средства расширения когнитивных возможностей человека, повышения качества анализа и развития профессиональной рефлексии.

Профессиональная рефлексия является одним из ключевых механизмов становления и поддержания компетентности психолога. Она включает анализ собственных интервенций, осмысление динамики терапевтического контакта, понимание эмоциональных процессов и оценку качества взаимодействия с клиентом. Традиционно данный процесс опирается преимущественно на субъективный опыт специалиста, профессиональную интуицию, личную терапию и супервизорскую работу [1]. Однако сложность терапевтического взаимодействия ограничивает возможности непосредственного осознавания всех происходящих процессов во время сессии.

Одним из перспективных направлений решения данной проблемы является применение цифровой аналитики терапевтических сессий. Под цифровой аналитикой понимается использование методов

искусственного интеллекта для структурированного анализа параметров профессионального взаимодействия без замены клинического мышления специалиста. Данный подход позволяет расширить поле наблюдения психолога за счет фиксации и анализа характеристик диалога, речевой активности, динамики тем, эмоциональных маркеров и повторяющихся коммуникативных паттернов [2; 3].

Целью настоящего исследования является изучение возможностей применения ИИ-инструментов для повышения качества профессиональной рефлексии психолога на примере платформы PsyA I.pro.

Материалы и методы исследования. Апробация цифровой платформы проводилась в профессиональном сообществе психологов в период 2024–2026 гг. В тестировании приняли участие более 100 практикующих специалистов. Анализировался опыт применения функций искусственного интеллекта для обработки материалов терапевтических сессий, подготовки профессиональных заметок, выявления динамических особенностей взаимодействия и последующей рефлексии специалиста.

Результаты исследования показывают, что цифровая аналитика может выполнять несколько значимых функций в профессиональной деятельности психолога.

Первое направление связано с повышением качества постсессионного анализа. Использование ИИ позволяет сопоставлять субъективное впечатление специалиста от проведенной встречи с дополнительными параметрами коммуникации. Это создает возможность более детального изучения терапевтического процесса и выявления аспектов взаимодействия, которые могли остаться вне осознавания психолога в ходе работы.

Второе направление связано с обнаружением устойчивых профессиональных паттернов специалиста. При анализе нескольких сессий цифровой инструмент позволяет обратить внимание на повторяющиеся особенности работы: соотношение вопросов и ответов, характер речевых реакций, тенденции к структурированию диалога, особенности удержания эмоционального контакта. Полученные данные могут использоваться как материал для супервизии, профессионального обучения и развития терапевтических навыков.

Третье направление связано с формированием новой модели взаимодействия «психолог — искусственный интеллект». В данной модели ИИ не является субъектом профессиональной оценки и не формиру-

ет диагностических заключений. Его функция заключается в расширении аналитического поля специалиста и создании дополнительных возможностей для осмысления терапевтического процесса.

Практическая значимость цифровой аналитики особенно проявляется в супервизорской работе. Данные анализа могут использоваться для формирования более точных профессиональных вопросов: в какой момент изменилось эмоциональное напряжение в сессии, какие интервенции способствовали развитию контакта, какие действия терапевта могли изменить динамику взаимодействия. Таким образом, цифровой инструмент становится не механизмом контроля качества работы психолога, а ресурсом углубления профессионального самопонимания.

При этом внедрение искусственного интеллекта в психологическую практику требует соблюдения этических принципов. Ключевыми условиями являются информированное согласие клиента, обеспечение конфиденциальности, безопасность обработки данных и понимание ограничений автоматизированного анализа [4]. Искусственный интеллект способен работать только с формализуемыми параметрами взаимодействия и не может заменить человеческое понимание субъективного опыта, контекста и уникальности личности клиента.

Таким образом, результаты апробации PsyA I.pro позволяют рассматривать цифровую аналитику терапевтической сессии как перспективное направление развития профессиональной рефлексии психолога. Интеграция искусственного интеллекта в психологическую практику создает новые возможности для супервизии, профессионального обучения и повышения качества консультативного процесса. Основным условием эффективного применения таких технологий является сохранение ведущей роли психолога как субъекта профессионального решения, использующего ИИ не вместо мышления, а как инструмент его расширения.

Литература:

1. *Schön D.A.* The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. New York: Basic Books, 1983.

2. *Imel Z.E., Steyvers M., Atkins D.C.* Computational psychotherapy research: Scaling up the evaluation of patient-provider interactions // Psychotherapy. 2015. Vol. 52(1). P. 19–30.

3. *Vaidyam A.N., Wisniewski H., Halamka J.D., Kashavan M.S., Torous J.* Chatbots and conversational agents in mental health: A review of

the psychiatric landscape // Canadian Journal of Psychiatry. 2019. Vol. 64(7). P. 456–464.

4. American Psychological Association. Ethical Guidance for AI in Professional Practice. Washington, DC: APA, 2023.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРАКТИКУЮЩИХ ПСИХОЛОГОВ О РИСКАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Новоселова Е. В., психолог
ООО «ЛУЧИ ЗДОРОВЬЕ», Москва, Россия

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) обусловливает их активное внедрение в различные сферы профессиональной деятельности, включая психологическую практику. Современные ИИ-инструменты применяются для поиска и обработки информации, подготовки материалов, анализа данных и автоматизации рутинных процессов. Вместе с тем расширение практик использования ИИ актуализирует вопросы профессиональной ответственности, этики и качества психологической помощи [1; 2]. В связи с этим возрастает значимость изучения того, как практикующие психологи воспринимают возможности и риски внедрения данных технологий в свою работу.

Цель исследования — изучить представления практикующих психологов о рисках и возможностях использования технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности.

В пилотном исследовании приняли участие 32 практикующих психолога. Выделены три возрастные группы: до 25 лет (44%), 26–35 лет (25%) и 36–45 лет (31%). По стажу: до 3 лет — 56%, 4–7 лет — 31%, 8 лет и более — 13%. Преобладание специалистов со стажем до 3 лет соответствует периоду профессиональной адаптации, в течение которого формируются базовые установки относительно инструментов профессиональной деятельности. Для сбора данных была разработана авторская анкета, включающая вопросы об опыте использования ИИ, оценке его возможностей и рисков, а также о представлени-

ях психологов о допустимых и недопустимых областях применения данных технологий. На основе ответов сформированы две шкалы — «Возможности» (вопросы 8–12) и «Риски» (вопросы 13–18). Показатели внутренней согласованности составили $\alpha=0,85$ и $\alpha=0,79$ соответственно, что свидетельствует о хорошей надежности инструмента. Статистический анализ проводился с использованием непараметрических методов: критерия Манна — Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты показали, что большинство респондентов уже используют ИИ в профессиональной деятельности: 40,6% — регулярно, 37,5% — периодически. Наиболее значимой возможностью ИИ участники считают прежде всего автоматизацию рутинных задач (84%). Средняя оценка возможностей по шкале составила $M=3,48$ ($SD=1,06$), рисков — $M=4,01$ ($SD=0,83$), что свидетельствует об умеренно позитивном восприятии возможностей при одновременно высокой обеспокоенности рисками.

Статистический анализ выявил выраженную отрицательную связь между оценкой возможностей и оценкой рисков использования ИИ ($\rho=–0,73$; $p<0,001$). Данный результат указывает на поляризованный, а не амбивалентный характер отношения специалистов к искусственному интеллекту [3]: респонденты, высоко оценивающие потенциал ИИ, в меньшей степени акцентируют риски его применения, тогда как настороженно настроенные специалисты демонстрируют низкие оценки его возможностей.

Особого внимания заслуживают представления психологов о границах допустимого использования ИИ. Большинство участников готовы делегировать технологиям вспомогательные функции: проведение опросов и тестирований (75%), психопросвещение (69%), ведение документации (66%). Вместе с тем практически все респонденты считают недопустимой передачу ИИ задач, связанных с работой с психологической травмой (100%), установлением терапевтического контакта (94%), эмпатическим пониманием клиента (91%) и принятием этически значимых решений (81%).

Практикующие психологи демонстрируют преимущественно инструментальное восприятие искусственного интеллекта: ИИ рассматривается как средство повышения эффективности профессиональной деятельности, но не как полноценная замена специалиста. Ключевыми границами его применения выступают сферы, требующие эмпатии,

этической ответственности и непосредственного терапевтического взаимодействия. Полученные данные могут быть использованы при разработке этических рекомендаций по интеграции ИИ в психологическую практику и систему профессиональной подготовки специалистов.

Литература:

1. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.

2. *Нестик Т.А.* Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 3. С. 6–15.

3. *Fiske A., Henningsen P., Buyx A.* Your Robot Therapist Will See You Now: Ethical Implications of Embodied Artificial Intelligence in Psychiatry, Psychology, and Psychotherapy // Journal of Medical Internet Research. 2019. Vol. 21. № 5. Art. e13216. DOI: 10.2196/13216

4. *Юревич А.В., Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Цифровая революция и будущее психологии // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4. С. 204–225.

5. World Health Organization. Ethics and Governance of Artificial Intelligence for Health. Geneva: WHO, 2021.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ГОЛОСОВОЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНТОВ

Овчинникова Ю.Е., к.пс.н.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Студенты университетов (особенно первокурсники) сталкиваются с широким спектром психологических сложностей, обусловленных как нормативными возрастными кризисами (сепарация от родителей, профессиональное самоопределение), так и специфическими факторами текущего исторического периода (цифровизацией, глобализацией, последствиями пандемии COVID-19 и геополитической нестабильностью). Переход к университетской жизни совпадает с критическим

периодом развития, характеризующимся высокой чувствительностью к психосоциальным стрессорам, при этом около 20% студентов во всем мире испытывают психические расстройства в течение 12 месяцев. Особую тревогу вызывает тот факт, что уровень дистресса на первом курсе не снижается до дорегистрационного уровня на протяжении всего обучения, а 73% студентов с ранее существовавшим психическим заболеванием сообщают об обострении симптомов в университете [3].

Традиционные университетские психологические службы, несмотря на свою очевидную необходимость, сталкиваются с серьезными ограничениями. Исследования показывают, что лишь немногим более 11% студентов обращаются за доступными услугами по охране психического здоровья. Основными барьерами выступают стигматизация, недостаточная осведомленность, а также гендерные стереотипы (мужчины значительно реже ищут профессиональную помощь). В условиях, когда в одном вузе могут обучаться десятки тысяч студентов, ключевой проблемой становится масштабируемость психологической поддержки [5].

В ответ на этот вызов в литературе все чаще предлагаются цифровые формы психологической помощи как потенциально масштабируемые решения. Особый интерес представляют интегративные психологические системы на основе искусственного интеллекта в формате чат-ботов. Ключевыми факторами приемлемости выступают круглосуточная доступность, анонимность и снижение стигмы [4].

В выпускной квалификационной работе Ивлиева А.Е., выполненной в Финансовом университете при Правительстве РФ под руководством Овчинниковой Ю.Е., был разработан и эмпирически апробирован сервис психологического благополучия «Lunify», основанный на принципах когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) и дополненный модулем голосового анализа вокальных биомаркеров. Исследование включало 75 участников в возрасте 18–30 лет, разделенных на три группы: экспериментальная группа 1 (n=25) использовала «Lunify», экспериментальная группа 2 (n=25) использовала универсальный языковой ИИ GigaChat, контрольная группа (n=25) не использовала ИИ-сервисы. Длительность вмешательства составила 28 дней. Для оценки применялись валидированные методики: PHQ-9, GAD-7, PSS-10, SWLS. Результаты показали, что использование «Lunify» привело к статистически значимому снижению депрессивной симптоматики, тревожности, воспринимаемого стресса. Корреляционный анализ подтвердил связь

между частотой использования сервиса и снижением симптоматики (r от –0,30 до –0,38; $p<0,05$), а также между субъективной оценкой эмоциональной поддержки и объективными улучшениями (r от –0,46 до –0,55; $p<0,01$). Полученные данные подтверждают, что мультимодальная архитектура, объединяющая голосовой анализ с протоколами КПТ, обеспечивает более высокую эффективность по сравнению с универсальными языковыми моделями [1].

Вместе с тем интеграция ИИ в психологическую поддержку сопряжена с серьезными рисками. Исследователи выделяют этические дилеммы, связанные с конфиденциальностью данных и алгоритмической предвзятостью, а также принципиальную невозможность ИИ обеспечить «живое» эмпатическое присутствие, столь необходимое в психотерапевтическом процессе. Современные ИИ-системы оцениваются как эквивалент «новичка-психолога с 50 часами практики», способного эффективно работать с эмоциональными проблемами, но не справляющегося со сложными случаями, требующими глубинной проработки [2].

Таким образом, формирование эффективной системы психологической поддержки студентов требует не противопоставления, а продуманной интеграции технологических и человеческих ресурсов. Искусственный интеллект может стать мощным инструментом первичного скрининга, допсихологической поддержки и масштабирования базовых интервенций, однако ключевая роль в обеспечении психологического благополучия студентов остается за профессиональным психологическим сообществом, способным выстраивать доверительные, глубокие и персонализированные отношения.

Литература:

1. *Ивлиев А.Е.* Сервис психологического благополучия на основе ИИ и голосового анализа // Выпускная квалификационная работа. Финансовый университет. 2026.

2. *Торкунова Ю.В., Гафиятуллина А.Р., Минуллина Э.Б.* Влияние искусственного интеллекта на технологию профессионального образования // Вестник педагогических наук. 2025. № 5. С. 106–112.

3. *Bruffaerts R., Mortier P., Kiekens G., Auerbach R.P., Cuijpers P., Demyttenaere K., Green J.G., Nock M.K., Kessler R.C.* Mental health problems in college freshmen: Prevalence and academic functioning // Journal of Affective Disorders. 2018. Vol. 225. P. 97–103. DOI: 10.1016/j.jad.2017.07.044

4. *Dekker I., De Jong E.M., Schippers M.C., De Bruijn-Smolders M., Alexiou A., Giesbers B.* Optimizing Students' Mental Health and Academic Performance: AI-Enhanced Life Crafting // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. Article 1063. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01063

5. *Zhao R., Amanvermez Y., Pei J., Castro-Ramirez F., Rapsey C., Garcia C., Ebert D.D., Haro J.M., Fodor L.A., David O.A., Rankin O., Chua S.N., Martínez V., Bruffaerts R., Kessler R.C., Cuijpers P.* Research Review: Help-seeking intentions, behaviors, and barriers in college students — a systematic review and meta-analysis // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2025. Vol. 66. № 10. P. 1593–1605. DOI: 10.1111/jcpp.14145

ДИАГНОСТИКА СОСТОЯНИЙ ПИЛОТОВ НА ОСНОВЕ КВАНТОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Орищенко В.А., Куравский Л.С., д.т.н.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия
Грешников И.И., к.т.н.
Государственный научно-исследовательский институт авиационных систем, Москва, Россия

Актуальность объективной диагностики состояний и типов профессиональной деятельности пилотов обусловлена высокой ценой ошибок ручного пилотирования: при малой доле времени ручного управления на него приходится существенная часть летных происшествий. Традиционные подходы (современная теория тестирования, статические вероятностные описания) слабо учитывают временную динамику наблюдаемой деятельности, что ограничивает надежность диагностических решений.

Цель работы — разработка и эмпирическая проверка метода определения состояний и типов деятельности пилотов на основе квантовых представлений марковских процессов, задаваемых матрицами вероятностей переходов между типами элементарных операций и состояний воздушного судна (ВС), с получением вероятностных оценок соответствия исследуемого фрагмента полета эталонным паттернам.

Протоколы деятельности формируются по регистрируемым параметрам, включающим показатели глазодвигательной активности (последовательность зон интереса на командно-пилотажных индика-

торах), дискретизированные воздействия на органы управления и параметры пространственного положения ВС. По протоколам строятся матрицы вероятностей переходов, интерпретируемые как марковские цепи с дискретными состояниями. Для снижения размерности состояния объединяются в кластеры методом многомерного шкалирования; динамика переходов между кластерами представляется набором кубитов (квантовое представление), реализуемым на классическом компьютере. Частоты эволюции кубитов идентифицируются методом квантового правдоподобия; варианты деятельности сравниваются в спектральной метрике. Попарные различия траекторий обхода кластеров оцениваются статистиками Уилкса с пересчетом в F-отношения; соответствующие p-значения интерпретируются как меры соответствия (от 0 до 1). Диагностическое решение присваивает исследуемому фрагменту атрибуты ближайшего эталонного паттерна.

Эмпирическая проверка выполнена на комплексном демонстраторе технологий интеллектуального «виртуального второго пилота». В качестве эталонов использованы четыре варианта посадки опытного пилота: с высоким качеством пилотирования при низких усилиях и низком стрессе; с некорректностью первого типа; с некорректностью второго типа; с проблемой психофизиологического типа (очень высокий уровень усталости по самооценке). Исследовались четыре фрагмента посадки пилота средней квалификации: успешная посадка; посадка с ошибкой, обусловленной качеством пилотирования; неудачная посадка; посадка в условиях нервного напряжения. Сопоставление проводилось в двух режимах пакетного анализа. До и после упражнений оценивалось психофункциональное состояние (в том числе по опросникам САН и NASA TLX).

Основные результаты. Для всех четырех исследуемых фрагментов метод квантовых представлений дал классификации, согласующиеся с экспертными оценками и данными психофункциональной диагностики. Успешная посадка оказалась наиболее близка к эталону высокого качества (вероятность соответствия около 0,61); посадка с ошибкой — к некорректности первого типа (около 0,79); неудачная посадка — к психофизиологическому паттерну (около 0,87); посадка при нервном напряжении — к некорректности второго типа (около 0,57). Классический метод взаимных правдоподобий для тех же данных не обеспечил дифференциации: три из четырех решений не совпали с экспертными оценками. Метод стационарных распределений вероятностей повторения типов операций также дал преимущественно не-

корректные либо неопределенные решения. Преимущество квантового подхода объясняется учетом наблюдений во временной динамике («временной развертке»), тогда как альтернативы опираются на статические вероятностные характеристики без анализа эволюции процесса.

Новизна состоит в расширении представления деятельности пилота за счет дискретизованных параметров пространственного положения ВС (наряду с глазодвигательной активностью и воздействиями на органы управления), в доведении сопоставления вариантов деятельности до вероятностных оценок в рамках техники проверки статистических гипотез и в эмпирическом обосновании преимуществ по сравнению с методом взаимных правдоподобий и методом стационарных распределений.

Разработанный метод диагностики состояний и типов деятельности пилотов на основе квантовых представлений марковских процессов, задаваемых матрицами вероятностей переходов, обеспечивает согласованные с экспертными и тестовыми данными решения и существенно превосходит классические альтернативы за счет анализа наблюдений во временной динамике. Подход применим для объективной оценки профессиональной подготовки и психофизиологического состояния пилотов в авиационных приложениях.

Литература:

1. *Барабанщиков В.А., Жегалло А.В.* Регистрация и анализ направленности взора человека. М.: Институт психологии РАН, 2013.

2. *Куравский Л.С., Козырев А.Д., Грешников И.И.* Математическая модель сопутствующей деятельности пилота и ее применение для объективной оценки его состояния и профессиональной подготовки // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 1. С. 161–180.

3. *Куравский Л.С., Грешников И.И., Орищенко В.А., Юрьева Н.Е., Юрьев Г.А., Махортов И.А., Ермаков С.С., Соколов А.В., Захарьчева А.А.* Диагностика состояний и типов деятельности пилотов на основе квантовых представлений // Моделирование и анализ данных. 2026. Т. 16. № 2. С. 42–66.

4. *Kuravsky L.S.* Quantum representations and their applications in diagnostics. De Libri, 2024.

5. *Kuravsky L.S., Greshnikov I.I., Orishchenko V.A.* Quantum representation of the civil aircraft pilot activity // Lobachevskii Journal of Mathematics. 2025. Vol. 46. № 6. P. 2609–2621.

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ ОТНОШЕНИЙ: ОТ МЕДИАТРАВМАТИЗАЦИИ К ДОВЕРИЮ ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Отчерцова В. О., аспирант
Херсонский государственный педагогический университет,
Херсон, Россия,
ассистент кафедры психологии, Мелитопольский
государственный университет, Мелитополь, Россия

Цифровизация повседневности изменила не столько содержание человеческого опыта, сколько его структуру: значительная часть событий, по отношению к которым личность вырабатывает устойчивую позицию, более не переживается ею напрямую, а приобретается через посредничество технологического канала — медиасообщения или интеллектуальной системы. Это смещение ставит перед психологией задачу, выходящую за пределы отдельных прикладных областей: как формируется отношение к объекту, с которым субъект не находится в прямом контакте. Медиатравматизация и установки личности по отношению к искусственному интеллекту (ИИ), на первый взгляд относящиеся к разным предметным областям, оказываются частными случаями именно этой более общей задачи.

Теоретическим основанием для их сопоставления выступает концепция психологических отношений В. Н. Мясищева, определяющая отношение как целостную, избирательную и сознательную систему связей личности с действительностью, включающую когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [3]. Особо следует подчеркнуть, что эти компоненты формируются независимо друг от друга и не всегда совпадают по знаку: личность способна оценивать объект когнитивно одним образом, а реагировать на него эмоционально иначе. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что отношение складывается во взаимодействии субъекта с миром и обусловлено его социальным опытом [4]: один и тот же класс объектов (травмирующее медиасообщение или ИИ-система) порождает разное отношение у разных людей в зависимости от их предшествующего опыта.

Медиатравматизация представляет собой дезадаптивную форму такого отношения к опосредованному контенту. За счет механизмов

идентификации и проекции «чужой» опыт, пережитый через экран, порождает у зрителя реакции, структурно аналогичные реакциям непосредственного очевидца, несмотря на отсутствие физического участия личности в самой ситуации [1]. Здесь проявляется важное следствие теории отношений: значимость объекта определяется не фактом прямого контакта с ним, а характером связи, выстраиваемой личностью в опосредованном взаимодействии. Эмоциональный компонент отношения при этом рассогласован с когнитивной оценкой угрозы: человек понимает свою физическую безопасность, но реагирует так, как если бы угроза была непосредственной.

Сопоставимая по структуре, но инвертированная по направлению логика обнаруживается в отношении личности к ИИ. Если медиатравма — это избыточный эмоциональный отклик при когнитивно признанной безопасности ситуации, то «парадокс доверия к ИИ» состоит в обратном расхождении компонентов: пользователи когнитивно признают эффективность интеллектуальных систем, но эмоционально и поведенчески не готовы делегировать им решения, особенно в зонах высокой неопределенности [2]. Конфликт возникает не из дефицита знаний о технологии, а из разрыва между рациональной оценкой системы и готовностью доверить ей опосредованную часть собственного опыта. В обоих случаях конфликт когнитивного и эмоционального компонентов выступает закономерным следствием самой природы опосредованного взаимодействия, в котором у личности нет прямого доступа к объекту отношения.

Общим модерирующим фактором для обеих линий анализа служит интенсивность цифрового опосредования и уровень критической грамотности личности по отношению к каналу, через который она получает опыт. Частота потребления травмирующего контента предсказывает выраженность медиатравмы, тогда как недостаточная грамотность в области устройства и ограничений ИИ-систем ведет к одной из двух дезадаптивных стратегий — отказу от технологии либо избыточному доверию к ней. Г.У. Солдатова и А.Е. Войскунский показывают, что цифровые платформы образуют самостоятельную «техносистему», опосредующую психические функции человека и выступающую фактором социализации [5]: цифровая среда не пассивный фон, а активный участник, формирующий и травматические, и доверительные отношения личности по сходным механизмам. Отсюда вытекает практический вывод: если оба явления — проявления одного типа рассогласования

компонентов отношения, то работа с ними предполагает общий вектор — восстановление согласованности когнитивного, эмоционального и поведенческого уровней отношения личности к цифровому посреднику.

Таким образом, медиатравматизация может рассматриваться как частный, клинически акцентированный случай более общей проблемы — отношения личности к опосредованной цифровой реальности, все более значимой частью которой становятся технологии искусственного интеллекта. Преемственность данных тем состоит не в сходстве предметных объектов, а в единстве методологического подхода — применении трехкомпонентной модели В.Н. Мясищева к анализу психологических последствий цифрового опосредования опыта в его широком диапазоне от травмы до доверия.

Литература:

1. *Вознесенская Е.Л.* Медиатизированный социальный оптимизм молодежи: исследования в контексте медиатравматизации // Studia universitatis Moldaviae. 2018. № 9(119). С. 200–206.

2. *Лешкевич Т.Г.* Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование // Философия науки и техники. 2023. № 1. С. 34–47. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-1-34-47

3. *Мясищев В.Н.* Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. А.А. Бодалева. М.; Воронеж: МПСИ, 2004.

4. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003.

5. *Солдатова Г.У., Войскунский А.Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

ТЕМАТИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ ЭФФЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ С БОЛЬШИМИ ЯЗЫКОВЫМИ МОДЕЛЯМИ

Паленова В.В., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 26–18–00074.

Распространение больших языковых моделей (LLM) сделало широкодоступным диалоговый формат взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом (ИИ), в котором когнитивные операции пользователя могут опосредоваться и перестраиваться в ходе обмена репликами с моделью. LLM применяются для структурирования информации, формулирования проблем, развития рассуждений, генерации идей и оценки решений. Такая поддержка может повышать скорость и качество выполнения профессиональных задач [5], но одновременно изменять критическую оценку, доверие к ответам ИИ, метакогнитивную вовлеченность, обучение и творческую активность [1, 4]. Однако накопленные данные остаются фрагментарными: отдельные эффекты преимущественно рассматриваются изолированно, без объяснения того, как они реорганизуют регуляцию совместной распределенной и гибридной когнитивной деятельности.

Цель исследования — систематизировать когнитивные эффекты взаимодействия с LLM и представить их в виде функциональной тематической карты.

Проведено аналитическое картирование эмпирических и концептуальных исследований. В анализируемой литературе выявлено более 240 психологических эффектов взаимодействия с LLM, из которых 103 отнесены к когнитивным. Для их систематизации был использован единый функциональный критерий — преимущественная связь каждого эффекта с определенной областью когнитивной регуляции. При этом классификация допускала множественное отнесение: отдельные когнитивные эффекты могли быть включены в несколько областей, если затрагивали несколько аспектов когнитивной регуляции. На этом основании выделено шесть функциональных областей. Первая область — эпистемическая регуляция, охватывающая проверку и оценку информации, калибровку доверия, а также принятие, отклонение или пересмотр ответов модели. Форма представления ответа может усиливать опору на него, в том числе при наличии ошибок, поэтому особое значение приобретают проверка источников и выявление противоречий [3]. Вторая область — семантическая обработка, включающая организацию значений, упрощение материала, ассоциативное расширение и усиление воспринимаемой связности

содержания. Третья — стратегическая организация, связанная с выбором направлений поиска, планированием, рассмотрением альтернатив и риском фиксации на первоначально предложенной моделью траектории. Четвертая — временная динамика, отражающая ускорение рассуждения, сокращение промежуточных этапов и возможность преждевременного завершения поиска. Пятая — внешняя поддержка и перераспределение контроля, проявляющиеся в использовании ответов LLM для структурирования деятельности, постановки подзадач, выбора категорий и определения последующих действий. Шестая область — обучение и когнитивные ресурсы, включающая распределение внимания, памяти и усилий, глубину переработки информации, самостоятельное воспроизведение и перенос усвоенных способов действия. Опора на LLM может сопровождаться усилением зависимости от внешней поддержки и ослаблением саморегуляции и глубокой вовлеченности в обучение — эффектом, описываемым как риск «метакогнитивной лености» [2].

Связь между областями описывается посредством трех предполагаемых механизмов. Экстернализация регуляции означает частичное вынесение планирования, структурирования и контроля во внешний контур взаимодействия. Временная компрессия — сокращение времени на формулирование, сравнение и пересмотр вариантов. Инфляция связности возникает, когда беглость и структурированность ответа усиливают впечатление его полноты и обоснованности. Эти механизмы могут повышать эффективность, но снижать вероятность проверки, расширенного поиска и самостоятельной переработки. Так, GenAI повышала индивидуальное качество творческого продукта, одновременно уменьшая разнообразие результатов [1], а высокая уверенность в возможностях системы была связана с меньшими субъективными усилиями критического мышления [4].

Предложенная карта позволяет рассматривать когнитивные эффекты взаимодействия с LLM как проявления перестройки когнитивной регуляции. Направление эффектов зависит от задачи, компетентности пользователя, организации диалога и сохранения эпистемической ответственности. Перспективой является эмпирическая проверка карты по показателям глубины верификации, разнообразия стратегий, времени стабилизации ответа, самостоятельного преобразования информации и переноса навыков.

Литература:

1. *Doshi A.R., Hauser O.P.* Generative AI enhances individual creativity but reduces the collective diversity of novel content // Science Advances. 2024. Vol. 10. Article eadn5290. DOI: 10.1126/sciadv.adn5290

2. *Fan Y., Tang L., Le H., Shen K., Tan S., Zhao Y., Shen Y., Li X., Gašević D.* Beware of metacognitive laziness: Effects of generative artificial intelligence on learning motivation, processes, and performance // British Journal of Educational Technology. 2025. Vol. 56. P. 489–530. DOI: 10.1111/bjet.13544

3. *Kim S.S. Y., Vaughan J.W., Liao Q.V., Lombrozo T., Russakovsky O.* Fostering appropriate reliance on large language models: The role of explanations, sources, and inconsistencies // Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25). New York, NY: Association for Computing Machinery, 2025. Article 420. P. 1–19. DOI: 10.1145/3706598.3714020

4. *Lee H.-P., Sarkar A., Tankelevitch L., Drosos I., Rintel S., Banks R., Wilson N.* The impact of generative AI on critical thinking: Self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers // Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25). New York, NY: Association for Computing Machinery, 2025. Article 1121. P. 1–22. DOI: 10.1145/3706598.3713778

5. *Noy S., Zhang W.* Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence // Science. 2023. Vol. 381. P. 187–192. DOI: 10.1126/science.adh2586

МУЛЬТИАГЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ ИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОВЕРКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ГРУППОВОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ

Панкратов А.С.
Основатель Фонда «Ю», Казань, Россия

Проверка теорий групповой динамики на человеческих коллективах затруднена дороговизной повторных испытаний, неконтролируемыми переменными и этическими ограничениями. Особенно тяжело

воспроизводится в лаборатории групповое мышление по И. Джанису [1]: ему требуется сплоченная группа, принимающая ответственные решения под внешним давлением. Генеративные агенты на основе больших языковых моделей (LLM) демонстрируют правдоподобные аналоги социального поведения человекас[2], а LLM воспроизводят распределения ответов опросных выборокс[3]. Рабочая гипотеза тезисов: мультиагентные системы ИИ пригодны как вычислительный испытательный стенд для теорий групповой когерентности, понимаемой здесь как обобщение сплоченности и согласованности групповых решений.

Инструментом операционализации выступает наблюдатель-зависимый формализм ODTOE (Observer-Dependent Theory of Everything; Наблюдатель-зависимая теория всего; в рамках настоящей работы — метатеоретический фреймворк, параметризующий пространство кандидатных физических теорий через когерентность наблюдателя; не программа единого полевого уравнения). Когнитивная когерентность агента задается мультипликативной сверткой (1):

$$B=F^{w_1}*E^{w_2}*(1-\sigma)^{w_3}*\Lambda^{w_4}$$

где F обозначает полноту фокуса внимания, E — соответствие результата цели, $(1-\sigma)$ — внутреннюю непротиворечивость, Λ — примененный опыт; равные веса $w_i = 0{,}25$ имеют статус калибруемой гипотезы. Командная согласованность S_{team} измеряет попарную близость оценок; скорректированная когерентность определяется как $S_{adj} = S_{team} * \overline{B}$, где $\overline{B}$ обозначает среднюю оценку команды. Сочетание высокой однородности оценок ($S_{\text{team}} < 0{,}7$) с низкой скорректированной когерентностью ($S_{\text{adj}} < 0{,}5$) трактуется как сигнал фантомной когерентности; пороги выбраны конструктивно и подлежат калибровке. Для мультиагентных ИИ-систем формализм развит в работе [4].

Эмпирическую основу составили вычислительные эксперименты: свыше 80 LLM-агентов, пятиролевая архитектура с независимым валидатором. Четыре результата имеют психологические параллели.

Первый результат: метрика S_{adj} обнаруживает фантомную когерентность. В A/B-эксперименте группа с русскоязычными инструкциями показала почти полную однородность оценок ($S_{team} = 0{,}970$) (при низком среднем качестве ($\overline{B} = 0{,}346$); англоязычная группа показала однородность 0,920 при качестве 0,514. Иллюстративный расчет S_{adj} инвертирует ранжирование: 0,34 против 0,47; формально критерию удовлетворяют обе группы, диагностичны инверсия и величина разры-

ва между S_{team} и S_{adj}. Конфигурация структурно аналогична групповому мышлению [1], где сплоченность вытесняет критическую проверку; аналогия заявлена на уровне структуры метрик, перенос на людей остается проверяемой гипотезой.

Второй результат: ролевая дифференциация повышает обнаружение ошибок. В эксперименте с 25 агентами (5 команд по 5 ролей) арифметическую ошибку в формуле нашел только агент-валидатор, выполнявший независимый пересчет; остальные агенты, работавшие в консенсусном режиме, ее пропустили. Это согласуется с данными о факторе коллективного интеллекта: продуктивность группы определяется структурой взаимодействия сильнее, чем средними способностями участников [5].

Третий результат: язык инструкции конфигурирует когнитивный режим агента. Контраст средних оценок (1) из первого результата дает прирост около 48% у англоязычной группы; при этом русскоязычная группа породила теоретико-математические идеи, отсутствовавшие у англоязычной. Для психолингвистики это модельная среда: гипотезы о влиянии языка на когнитивный режим измеримы на ИИ-агентах до полевых исследований.

Четвертый результат: процедурная архитектура коммуникации влияет на целостность группы. Когда выбор языка задавался отдельным файлом-маршрутизатором, команда раскололась (один агент против четырех по выбору языкового стека), и S_{adj} составила 0,47. При маршрутизации, встроенной в общий свод правил, команда самоопределилась почти единообразно и достигла 0,51. Это вычислительный аналог влияния регламента взаимодействия на сплоченность малой группы.

Ограничения фиксируются явно: оценки опираются на самоотчеты агентов; эксперименты выполнены на одной LLM-платформе; выборки из 5–25 агентов недостаточны для статистической значимости; перенос на человеческие группы требует отдельной эмпирической проверки. При этих оговорках мультиагентные системы дают психологии протоколируемую, воспроизводимую и дешевую в повторении модельную среду с произвольным варьированием состава, ролей и языка группы, позволяя переводить теории групповой когерентности в количественные предсказания и отсеивать слабые формулировки до испытаний с участием людей. Ближайший шаг состоит в зеркальном протоколе: предъявлении тех же задач командам людей и агентов с сопоставлением профилей S_{team} и S_{adj} как прямом тесте переносимости метрик.

Литература:

1. *Панкратов А.С.* ODTOE как инженерный фреймворк когерентности технических систем: операторный формализм, метрология B-параметра и приложения в киберфизических, мультиагентных и ИИ-системах // Universum: технические науки: электрон. научн. журн. 2026. № 6(147). С. 70–73. URL: https://7universum.com/ru/tech/archive/item/22875 (дата обращения: 10.06.2026).

2. *Argyle L.P., Busby E.C., Fulda N., Gubler J.R., Rytting C., Wingate D.* Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples // Political Analysis. 2023. Vol. 31. № 3. P. 337–351. DOI: 10.1017/pan.2023.2

3. *Janis I.L.* Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes. 2nd ed. Boston: Houghton Mifflin, 1982.

4. *Park J.S., O'Brien J. C., Cai C.J., Morris M.R., Liang P., Bernstein M.S.* Generative Agents: Interactive Simulacra of Human Behavior // Proceedings of the 36th Annual ACM Symposium on User Interface Software and Technology (UIST 2023). 2023. Art. 2. P. 1–22. DOI: 10.1145/3586183.3606763

5. *Woolley A.W., Chabris C.F., Pentland A., Hashmi N., Malone T.W.* Evidence for a Collective Intelligence Factor in the Performance of Human Groups // Science. 2010. Vol. 330. № . 6004. P. 686–688. DOI: 10.1126/science.1193147

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАГНОСТИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ВЗРОСЛЫХ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ АНДРАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА

Пахтусова А.А., аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Андрагогика как наука об обучении взрослых исходит из признания того, что взрослые обучающиеся обладают уникальным опытом, высокой степенью самостоятельности и конкретными целями обучения [5].

Формирование андрагогической компетентности педагога-музыканта представляет собой сложный процесс, требующий учета не только профессионально-музыкальных, но и психолого-педагогических аспектов взрослого обучения. Ключевой проблемой на этом пути остается адекватная диагностика образовательных потребностей, которая традиционно опирается на субъективные методы и не всегда учитывает индивидуальные особенности взрослого обучающегося.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые возможности для диагностики образовательных потребностей. ИИ способен анализировать потребности, интересы и предыдущие знания взрослых обучающихся, предлагая персонализированные планы обучения [5]. В контексте формирования андрагогической компетентности педагога-музыканта применение ИИ-инструментов может стать эффективным средством выявления индивидуальных образовательных дефицитов и построения оптимальных траекторий профессионального развития.

Современные исследования подтверждают, что внедрение адаптивных ИИ-решений способствует созданию гибкой и индивидуально настроенной образовательной среды, где эмоциональная поддержка, интерактивные задания и регулирование темпа обучения учитывают уникальные особенности каждой возрастной группы [1]. В системе дополнительного профессионального образования традиционные методы организации образовательного процесса часто не учитывают специфические особенности взрослых обучающихся, что приводит к снижению мотивации и неэффективности обучения [1].

Искусственный интеллект предлагает принципиально иной подход к диагностике. Используя AI-платформы, преподаватели могут предоставлять персонализированные образовательные траектории, адаптирующиеся к уникальным потребностям, интересам и целям каждого взрослого обучающегося [2]. Эти системы анализируют данные об успеваемости для предоставления адаптированного контента и ресурсов, способствуя более эффективному развитию навыков [2].

В контексте диагностики образовательных потребностей педагога-музыканта особое значение приобретают следующие возможности ИИ:

Анализ профессионального опыта и дефицитов. ИИ-системы способны на основе анализа портфолио, видеозаписей педагогической деятельности и рефлексивных материалов выявлять зоны профессионального роста, требующие дополнительного обучения.

Оценка андрагогической готовности. С помощью специализированных диагностических модулей можно оценить уровень сформированности андрагогической компетентности, включая понимание принципов взрослого обучения, умение проектировать образовательный процесс для взрослых, навыки фасилитации.

Персонализация образовательного контента. На основе диагностических данных ИИ может предлагать индивидуальные образовательные маршруты, учитывающие темп, стиль и предпочтения обучения взрослого педагога-музыканта.

Музыкальное образование взрослых имеет свою специфику, связанную с необходимостью развития как исполнительских, так и педагогических компетенций. Исследования показывают, что ИИ может эффективно применяться в музыкальном образовании для анализа музыкальных паттернов, параметризации композиций и предоставления образовательной обратной связи.

В контексте формирования андрагогической компетентности педагога-музыканта ИИ-инструменты могут выполнять следующие функции:

Диагностика педагогических стратегий. Анализ видеозаписей уроков с использованием компьютерного зрения позволяет выявлять применяемые педагогом методы обучения и оценивать их соответствие андрагогическим принципам.

Оценка коммуникативных навыков. Анализ речевых паттернов и невербального поведения в процессе педагогического взаимодействия дает информацию о способности педагога выстраивать эффективную коммуникацию со взрослыми обучающимися.

Моделирование образовательных ситуаций. Использование ИИ для создания симуляционных сред, в которых педагог-музыкант может отрабатывать андрагогические приемы работы со взрослыми учениками.

На основе анализа современных подходов к применению ИИ в андрагогике и музыкальном образовании предлагается концептуальная модель диагностики образовательных потребностей педагога-музыканта, включающая следующие этапы:

1. *Сбор мультимодальных данных.* Включает анализ профессионального портфолио, видеозаписей педагогической деятельности, результатов самооценки и внешней оценки.

2. *ИИ-анализ и профилирование.* С использованием методов машинного обучения и анализа тональности [1] выявляются индивидуальные образовательные потребности, сильные стороны и зоны развития.

3. *Формирование диагностического заключения*. На основе анализа данных строится профиль андрагогической компетентности педагога-музыканта с указанием конкретных образовательных дефицитов.

4. *Проектирование персонализированной траектории.* ИИ-система предлагает индивидуальный план повышения квалификации, учитывающий выявленные потребности и особенности обучения взрослого.

Применение искусственного интеллекта в диагностике образовательных потребностей взрослых открывает новые перспективы для формирования андрагогической компетентности педагога-музыканта. Адаптивные ИИ-системы позволяют преодолеть ограничения традиционных методов диагностики, обеспечивая персонализированный подход к выявлению образовательных дефицитов и построению индивидуальных траекторий профессионального развития.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку и валидацию специализированных ИИ-инструментов для диагностики андрагогической компетентности педагогов-музыкантов, а также на изучение этических аспектов применения ИИ в дополнительном профессиональном образовании. Интеграция ИИ в андрагогическую практику способствует не только повышению эффективности диагностики, но и расширению возможностей для непрерывного профессионального развития педагогов-музыкантов в условиях быстро меняющейся образовательной среды [2].

Литература:

1. *Смоленцева Т.Е., Приходько Н.А.* Применение инструментов искусственного интеллекта в анализе проблемы повышения мотивации возрастных групп обучающихся в системе дополнительного профессионального образования // Computational Nanotechnology. 2025. Т. 12. № 2. С. 119–128.

2. *Wang V.* (Ed.) AI Integration into Andragogical Education. IGI Global, 2025.

3. Construction and Empirical Analysis of an Artificial Intelligence-Based Educational Assessment Model // ScienceDirect, 2026.

4. The Scale of Artificial Intelligence Literacy for All (SAIL4ALL): Assessing Knowledge of Artificial Intelligence in All Adult Populations // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Article 1618.

5. *Ignatova L.* Искусственный интеллект и андрагогика // EPALE — European Commission, 2024.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТА С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Петров Г.П., аспирант
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Трансформация образования в условиях интеграции генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс изменила мировоззрение студентов в области планирования, осуществления и оценивания обучения. Будучи квазисоциальными субъектами, современные ИИ-системы (LLM, обучающие программы на базе ИИ) предлагают студентам обратную связь в виде объяснений и даже эмоциональной поддержки, в связи с чем возникают вопросы психологического характера: *Какую роль студенты отводят ИИ при взаимодействии с ним: наставника, виртуального партнера по обучению или удобного инструмента? Как эти сценарии влияют на мотивацию, саморегуляцию и благополучие?*

Опросы студентов-психологов и педагогов показывают, что такие факторы, как простота использования, доверие, полезность и субъективные нормы, предсказывают благоприятное отношение к ИИ и намерения использовать его для решения задач, связанных с учебой. В то же время систематические обзоры использования ИИ в высшем образовании указывают на неоднозначное психологическое воздействие. С одной стороны, ИИ-системы могут повысить «вовлеченность, самоэффективность, автономное обучение и когнитивные достижения» [1]. С другой стороны, они могут способствовать «чрезмерной уверенности в себе, тревожности, технострессу, социальной изоляции и этическим проблемам, связанным с неприкосновенностью частной жизни, предвзятостью и академической честностью» [2].

Чтобы разрешить данные вопросы, было проведено экспериментальное исследование, согласно которому взаимодействие студента с ИИ-системой рассматривалось по трем уровням: ИИ-наставник, ИИ-виртуальный партнер, ИИ-эмоциональный компаньон.

Всего для участия в эксперименте было набрано 450 студентов (средний возраст 20,4 года, SD=1,8; женщины составляли 52,7%, мужчины — 47,3%) из института иностранных языков Российского универ-

ситета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН) по направлениям: «Лингвистика», «Психолого-педагогическое образование», «Зарубежное регионоведение».

Эксперимент длился 16 недель (январь — апрель 2026 г.). Зависимые переменные включали: академическую успеваемость (результаты тестов по курсу, качество домашних заданий); мотивацию к обучению и самоэффективность; способность к метапознанию и саморегуляции процесса обучения; психологическое состояние (уровень тревожности, техническая нагрузка, чувство социальной связи); грамотность и доверие к ИИ.

На первом этапе (1–2-я недели) проводилось предварительное тестирование с заполнением базовых академических тестов; стандартизированных психологических шкал; опросников опыта использования искусственного интеллекта и отношения к нему.

На втором этапе (3–14-я недели) было проведено распределение участников в рандомном порядке по трем экспериментальным условиям, по 150 человек в каждой группе: ЭГ-1 (ИИ-наставник), ЭГ-2 (ИИ-виртуальный партнер, ЭГ-3 (ИИ-компаньон).

При условии «ИИ-наставник» участники ЭГ-1 использовали специально разработанную систему обучения с использованием ИИ, которая обеспечивала структурированные объяснения курса, адаптивные практические вопросы, мгновенную корректирующую обратную связь и объяснения. ИИ был четко представлен в качестве «когнитивного наставника», поощряющего студентов активно запрашивать подсказки и объяснения при возникновении трудностей.

В условиях «ИИ-виртуальный партнер» участники ЭГ-2 сотрудничали с генеративным ИИ (ChatGPT-5) для выполнения открытых заданий. ИИ позиционировался как «помощник в обучении». Участникам ЭГ необходимо было предложить ИИ первоначальный план, сравнить несколько предложений ИИ и интегрировать обратную связь ИИ в свои собственные рассуждения.

Для соблюдения третьего условия «ИИ-эмоциональный компаньон» участники ЭГ-3 использовали специально разработанный чат-бот психологической поддержки, который обеспечивал диалог о снятии тревоги перед экзаменом, обучающие советы по управлению стрессом, ежедневную поддержку и дружеское общение. ИИ позиционировался как «эмоциональная поддержка». Частота использования определялась самим студентом, но журнал взаимодействия регистрировался не реже одного раза в неделю.

На третьем этапе (15–16-я недели) проводилось посттестирование и последующее наблюдение. Все участники повторили тесты и шкалы на этапе предварительного тестирования. Кроме того, были проведены полуструктурированные глубинные интервью (15 человек были выбраны случайным образом из каждой группы, всего 45 человек); анализ записей наблюдений за классом; интеллектуальный анализ журналов взаимодействия с ИИ.

По академической успеваемости результаты тестов по курсу улучшились в следующем порядке: +23,4% (ИИ-наставник), +17,8% (ИИ-партнер), +5,2% (ИИ-компаньон). Самую высокую оценку оригинальности домашнего задания получили участники ЭГ-2 (84,6/100), а самая низкая (68,1/100) досталась участникам ЭГ-3. ЭГ-1 показала лучшие результаты в приобретении и удержании знаний — 82,1%, но существовал риск чрезмерной зависимости — 38,7% учащихся сообщили о «трудностях с выполнением домашнего задания без ИИ-инструмента».

ЭГ-2 больше всего выиграла от метапознания и критического мышления, но 21,3% студентов признались, что их поведение «напрямую копировало результаты ИИ».

ЭГ-3 оказала значительное влияние на снижение тревожности, но это сопровождалось значительным снижением социальных связей — 29,3% студентов сообщили, что «общение с ИИ частично заменило взаимодействие с однокурсниками». Кроме того, 16,7% студентов проявили склонность полагаться на ИИ (использовали более 1 часа в день и заявили, что «им трудно сосредоточиться без компании искусственного интеллекта»).

В результате проведенного эксперимента ЭГ-1 продемонстрировала лучшие результаты (рост производительности на 27,8%), техническая нагрузка также была самой высокой (+24,3%); ЭГ-2 получила наибольшую пользу (улучшение метакогнитивных способностей +31,2%), но больше всего проблем было связано с этикой (44,7% сосредоточились на вопросах академической честности); ЭГ-3 имела самый высокий уровень использования (67,3% студентов использовали ее более 3 раз в неделю), что может быть связано с более высокой потребностью в эмоциональной поддержке среди обычных студентов.

Как показало исследование, образовательный эффект искусственного интеллекта не является неотъемлемым атрибутом технологии, а зависит от ситуации. ИИ-наставник максимизирует получение знаний, но ослабляет саморегуляцию; ИИ-виртуальный партнер способ-

ствует метапознанию, но существует риск плагиата; ИИ-компаньон снимает тревогу, но может повредить социальным связям. Данные 450 студентов ИИЯ РУДН показывают, что главная задача педагогической психологии заключается в систематическом теоретизировании и создании условий, которые делают участие ИИ в обучении ценным для развития — это включает четкие определения ролей, учителей-посредников, грамотность ИИ обучения и институциональную этику.

Литература:

1. *Klimova B., Pikhart M.* Exploring the effects of artificial intelligence on student and academic well-being in higher education: a mini-review // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Article 1498132. DOI: *10.3389/fpsyg.2025.1498132*

2. *Shehzad N., Nomaan S., Charles T.* A Systematic Review of AI's Effect on Students' Mental Health and Well-Being // Implications for Students' Mental Health in the Digital Age: AI and Cyber Behaviour / ed. by A. ElSayary, A. Shomotova. IGI Global, 2026. P. 105–138. DOI: *10.4018/979-8-3373-4222-1.ch005*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ В ОЦЕНКЕ ТОКСИЧНОСТИ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА

Погонцева Д. В.
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

В современном цифровом пространстве юмористический контент часто содержит скрытые формы агрессии, такие как лукизм и бодишейминг. Актуальность представленного исследования обусловлена растущим использованием больших языковых моделей (LLM) для автоматической модерации, при этом их способность адекватно оценивать контекстуальную токсичность остается недостаточно изученной.

Цель работы — сопоставить эффективность пяти ИИ-систем и человеческого восприятия в оценке токсичности русскоязычных шуток.

В исследовании приняли участие 92 респондента (43 мужчины, 49 женщин, возраст 19–52 года) и пять ИИ-помощников: GigaChat, Alice AI, MashaGPT, Qwen и DeepA I. Материалом послужили 45 текстовых шуток, отобранных с помощью тех же ИИ-помощников (промт включал задание отобрать наиболее агрессивные и токсичные шутки из представленных) из первоначального массива в 500 шуток [1]. На следующем этапе участникам и ИИ-системам предлагалось оценить степень токсичности каждой шутки по 10-балльной шкале (1 — совсем не токсичная, 10 — максимально токсичная). Статистическая обработка включала расчет коэффициента альфа Кронбаха, двухфакторный дисперсионный анализ (ANOVA) и U-критерий Манна–Уитни (Statistica 16).

На первом этапе нами была проверена внутренняя согласованность оценок как среди ИИ-систем ($\alpha=0{,}920$), так и среди людей ($\alpha=0{,}985$), альфа Кронбаха указывает на высокую согласованность в обеих группах. Следует отметить, что ИИ-модели демонстрируют сходные оценки в распознавании прямых оскорблений и стигматизации внешности, однако при анализе шуток с двойным смыслом, самоиронией или контекстуальной агрессией наблюдается значительный разброс оценок между моделями, что отражается в высоком стандартном отклонении.

В выборке с респондентами двухфакторный ANOVA выявил статистически значимое влияние пола ($F=15{,}42$; $p<0{,}001$) и возраста ($F=5{,}94$; $p<0{,}01$) на восприятие токсичности. Анализируя полученные данные, мы можем отметить, что мужчины в среднем оценивают шутки как более токсичные (7,42 балла), чем женщины (6,15 балла), при этом необходимо отметить, что женщины демонстрируют более дифференцированный подход, выше оценивая токсичность шуток, затрагивающих социальное давление на внешность, однако такие результаты могут быть обусловлены и тем, что в большинстве шуток, которые женщины оценивали как более токсичные, объектом высмеивания были женщины. Наиболее чувствительной оказалась возрастная группа 26–35 лет, более молодые и зрелые респонденты оценивали шутки как менее токсичные. Сравнение оценок ИИ и людей (U-критерий Манна-Уитни) показало, что алгоритмы статистически значимо ближе к мужским оценкам (различия незначимы, $p>0{,}05$), но существенно расходятся с женскими ($p<0{,}01$). Это может указывать на андроцентричность модели восприятия, вероятно, заложенной в обучающих выборках современных LLM.

Таким образом, оценка токсичности юмористического текста не может быть редуцирована к набору лингвистических маркеров: она контекстуально, гендерно и возрастно обусловлена. ИИ эффективно распознает прямые оскорбления, но несостоятелен при анализе сложной иронии. ИИ также не оценивает высказывание с позиции объекта высмеивания и субъекта, который является реципиентом шутки. Практическим следствием исследования является необходимость разработки гибридных моделей модерации, сочетающих автоматическую фильтрацию с экспертной валидацией, а также создания гендерно-сбалансированных обучающих выборок для повышения этической адекватности ИИ-систем.

Литература:

1. *Погонцева Д.В.* Шутки про внешний облик в соцсетях: к вопросу классификации // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 1.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВАЯ СРЕДА ОРГАНИЗАЦИИ ОРИЕНТИРОВОЧНОЙ ОСНОВЫ ДЕЙСТВИЯ

Подольский А.И., Горбунова А.Ю.
НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия

Внедрение искусственного интеллекта в образование меняет не только способы доступа к информации, но и саму структуру учебной деятельности. Генеративные ИИ-системы позволяют быстро получать объяснения, примеры, обратную связь и варианты решения учебных задач [4]. Однако расширение возможностей обучающегося не означает автоматического повышения качества усвоения. Напротив, чем более гибкой и технологически насыщенной становится образовательная среда, тем более значимой оказывается способность обучающегося понимать задачу, выделять существенные условия ее выполнения и осмысленно использовать внешнюю помощь.

Современные исследования цифрового обучения показывают, что ни автономия обучающегося, ни регулирование со стороны системы не являются универсально эффективными. Их результативность зависит от характера педагогической поддержки, уровня предварительной подготовки и того, насколько понятной для обучающегося оказывается логика

предлагаемых системой решений [3]. В случае генеративного ИИ эта проблема становится особенно заметной: одна и та же система может использоваться как средство развития понимания или как способ быстрого делегирования учебной задачи. Последнее связано с риском снижения продуктивного усилия и метакогнитивной активности обучающихся [5].

Для анализа этой проблемы продуктивным представляется обращение к теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина. В данной теории ключевым условием усвоения выступает не само выполнение задания, а формирование ориентировочной основы действия: системы ориентиров, позволяющих понять цель, условия, средства, последовательность операций и критерии правильности действия [1]. В современной интерпретации этот подход рассматривается как возможная основа для построения целостной объяснительной модели обучения в условиях информационной эпохи [2].

С этой позиции можно поставить вопрос: кто организует ориентировку обучающегося в разных образовательных средах? В традиционном обучении эта функция во многом принадлежит преподавателю, который задает структуру задачи, выделяет существенные признаки, направляет внимание и корректирует ход действия. В цифровой образовательной среде часть этой функции переносится на архитектуру курса: последовательность материалов, структуру заданий, ограничения навигации, подсказки и встроенную обратную связь. В обучении с ИИ возникает новая ситуация: ориентировка может формироваться динамически в процессе взаимодействия обучающегося с системой — через запросы, уточняющие вопросы, объяснения, обратную связь и последовательную переработку полученного ответа.

Тем самым ИИ может рассматриваться не только как инструмент получения информации, но и как новая среда организации ориентировочной основы действия. Разные способы взаимодействия с ИИ потенциально задают разные типы ориентировки. Если обучающийся обращается к ИИ преимущественно за готовым результатом, формируется редуцированная, ориентированная на ответ схема действия. Если же взаимодействие строится вокруг уточнения условий задачи, планирования решения, проверки понимания, самоконтроля и рефлексии, ИИ может поддерживать более полную и осознанную ориентировку.

Таким образом, центральный вопрос обучения с использованием ИИ состоит не только в оценке эффективности технологии, но и в анализе того, какую ориентировочную основу действия она помогает сфор-

мировать. Предлагаемый подход позволяет рассматривать взаимодействие обучающегося с ИИ как пространство сближения современных цифровых технологий и классической психологической теории формирования действия. В этой перспективе ИИ становится развивающим ресурсом лишь тогда, когда поддерживает построение осмысленного действия, а не просто ускоряет получение учебного результата.

Литература:

1. *Гальперин П.Я.* Лекции по психологии. М.: КДУ, 2002.

2. *Подольский А.И.* Научное наследие П.Я. Гальперина и вызовы XXI века // Национальный психологический журнал. 2017. № 3(27). С. 9–20. DOI: 10.11621/npj.2017.0303

3. *Herold A., Seufert T.* Who regulates? Effects of scaffolding in system- and self-regulated learning // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Article 1543024. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1543024

4. *Kasneci E., Sessler K., Küchemann S., Bannert M., Dementieva D., Fischer F., Gasser U., Groh G., Günnemann S., Hüllermeier E., Krusche S., Kasneci G.* ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education // Learning and Individual Differences. 2023. Vol. 103. Article 102274. DOI: 10.1016/j.lindif.2023.102274

5. *Fan T.L., Le H., Shen K., Tan S., Zhao Y., Shen Y., Li X., Gašević D.* Beware of metacognitive laziness: Effects of generative artificial intelligence on learning motivation, processes, and performance // British Journal of Educational Technology. 2024. DOI: 10.1111/bjet.13544

ДИНАМИКА СУИЦИДАЛЬНОГО КРИЗИСА У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНАЛИЗЕ ДАННЫХ

Польская Н.А., д.пс.н.
Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой, Москва, Россия

Прогнозирование суицидального кризиса у детей и подростков остается одной из наиболее сложных задач клинической психологии и психиатрии. Традиционно исследования в этой области были направ-

лены на выявление факторов риска [2, 5], что позволило существенно расширить представления о механизмах возникновения суицидального поведения. Однако это не объясняет, почему суицидальный кризис развивается в определенный момент времени и почему при сходном уровне риска траектории развития суицидального кризиса у разных подростков различаются.

В последние годы исследовательский интерес постепенно смещается от выявления факторов риска к изучению процессов, лежащих в основе развития суицидального кризиса. Психологические характеристики при этом рассматриваются не только как относительно устойчивые особенности личности, но и как изменяющиеся во времени состояния, взаимодействующие с текущими событиями и межличностным контекстом. Такой подход особенно важен при изучении детей и подростков, поскольку кризисные состояния в этом возрасте отличаются высокой вариабельностью.

Результаты качественных исследований подростковых суицидальных попыток показывают, что развитию кризиса нередко предшествуют быстрые изменения эмоционального состояния, переживание межличностного отвержения, утрата чувства контроля, усиление безнадежности и душевной боли [1]. Эти изменения могут возникать в течение нескольких часов или дней и часто остаются недоступными для ретроспективной оценки.

В связи с этим особое значение приобрели методы интенсивного наблюдения, прежде всего экологическая моментальная оценка (Ecological Momentary Assessment, EMA) [3]. Использование EMA позволяет многократно оценивать эмоциональные, когнитивные и поведенческие показатели в естественных условиях и наблюдать за их изменениями в реальном времени. Данные, полученные таким образом, характеризуются высокой временной изменчивостью, выраженной индивидуальной вариативностью, нелинейностью развития кризисных состояний и необходимостью интеграции психометрических, клинических, качественных и цифровых показателей.

Анализ таких данных требует методов, способных учитывать сложные временные зависимости и индивидуальные траектории развития кризиса. В этом контексте искусственный интеллект рассматривается как инструмент анализа сложных динамических процессов.

До настоящего времени большинство исследований суицидального поведения с применением моделей машинного обучения были

ориентированы преимущественно на прогнозирование риска и исходов. В систематическом обзоре и метаанализе Л. Лю с соавторами [4] показано, что в исследованиях с участием подростков наиболее часто применялись алгоритмы случайного леса, градиентного бустинга, логистической регрессии, методов опорных векторов и искусственных нейронных сетей; наиболее высокие показатели прогностической точности были получены при прогнозировании суицидальных попыток. Перспективным направлением развития этого подхода становится переход от оценки вероятности суицидального поведения к анализу динамических изменений психологического состояния. Методы машинного обучения позволяют выявлять паттерны, предшествующие ухудшению состояния, и моделировать индивидуальные траектории изменения психологического состояния в период развития кризиса.

Не менее важной является возможность интеграции результатов, полученных с помощью ЕМА, психометрических методик, клинических интервью и качественных исследований в рамках единой аналитической модели.

Дополнительные возможности связаны с выявлением скрытых закономерностей и анализом текстовых материалов методами обработки естественного языка. Это расширяет возможности исследования неоднородности суицидального поведения, не заменяя клиническую и качественную интерпретацию результатов.

Использование искусственного интеллекта в исследованиях суицидального поведения имеет ряд ограничений. Результаты вычислительного моделирования носят вероятностный характер, зависят от полноты и качества исследовательского материала и не могут служить самостоятельным основанием для принятия клинических решений. Не менее важными остаются вопросы интерпретируемости моделей, защиты персональной информации детей и подростков и соблюдения этических принципов работы с чувствительной информацией.

Таким образом, применение искусственного интеллекта открывает новые возможности для изучения динамики суицидального кризиса у детей и подростков, позволяя анализировать сложные временные и индивидуально обусловленные процессы, недоступные для традиционных методов анализа. Использование этих методов не заменяет клиническую и психологическую интерпретацию полученных результатов.

Литература:

1. *Польская Н.А., Якубовская Д.К., Шарова Д.А., Басова А.Я.* Роль межличностных отношений в суицидальном поведении подростков: качественный анализ результатов полуструктурированного интервью [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2024. Т. 13. № 3. С. 141–165.

2. *Franklin J.C.,* Ribeiro J.D., *Fox K.R.*, *et al.* Risk factors for suicidal thoughts and behaviors: A meta-analysis of 50 years of research // Psychological Bulletin. 2017. Vol. 143. № 2. P. 187–232.

3. *Kleiman E.M., Turner B.J., Fedor S., et al.* Examination of real-time fluctuations in suicidal ideation and its risk factors: Results from two ecological momentary assessment studies // Journal of Abnormal Psychology. 2017. Vol. 126. № 6. P. 726–738.

4. *Liu L., Li Z., Hu Y., et al.* Predictive performance of machine learning for suicide in adolescents: A systematic review and meta-analysis // Journal of Medical Internet Research. 2025. Vol. 27. Article e73052.

5. *Nock M.K., Millner A.J., Joiner T.E., et al.* Risk factors, assessment, and prevention of suicidal behavior // Nature Reviews Psychology. 2022. Vol. 1. № 6. P. 342–354.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ПОДРОСТКАМИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Поскакалова Т.А., Саломатова О.В.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Сегодня инструменты генеративного искусственного интеллекта (далее — ГИИ) активно включены в учебную деятельность российского подростка. По данным опроса Лаборатории Касперского, 26% учащихся используют ГИИ для выполнения домашнего задания, при этом среди мальчиков (далее — М.) доля выше, чем среди девочек (далее — Д.) — 33% против 20% [1]. Зарубежные исследования также показыва-

ют, что М. более успешны в работе с ГИИ (53% против 48% и выше). Это вызывает обеспокоенность у мирового сообщества: отставание Д. в освоении цифровой грамотности, включая ГИИ-компетенции, может в дальнейшем негативно повлиять и на освоение девочками предметов естественно-научного цикла, а в итоге — повлечь еще больший гендерный дисбаланс в наукоемких профессиях [2].

Цель настоящего исследования — описать гендерные различия в применении подростками генеративного искусственного интеллекта в учебных целях. Данные для исследования были получены в ходе анонимного опроса российских подростков, проводившегося посредством YandexForms весной 2026 г. Для опроса была использована авторская анкета, состоящая из 25 вопросов, все участники опроса подписали информированное добровольное согласие. Выборку составил 201 подросток от 12 до 18 лет (n Д.=114, средний возраст Д.=14,68 года, n М.=87, средний возраст М.=14,85 года). Для анализа результатов были применены описательная статистика и таблицы сопряженности (критерий хи-квадрат). В данном исследовании представлены частичные данные.

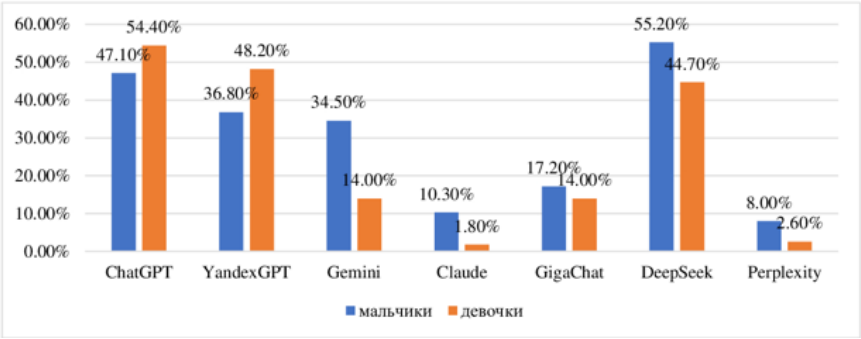

Рис. 1. Гендерные предпочтения в использовании ГИИ-инструментов

1) В учебных целях М. значимо больше, чем Д., пользуются Gemini ($p=0{,}001$; $\alpha=0{,}001$; $E=19{,}91$). Также обнаружена тенденция: М. чаще Д. прибегают к Claude ($p=0{,}008$; $\alpha=0{,}019$; $E=4{,}76$). Гендерные предпочтения обусловлены различными большими компетенциями М. в вопросах различия между ГИИ-помощником, доверием к их разработчику и ИИ-компетенциями пользователя.

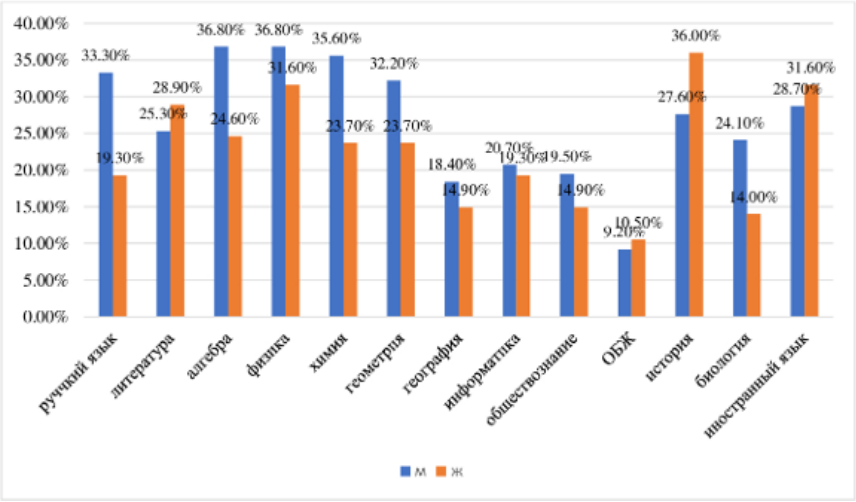

Рис. 2. Использование ГИИ-инструментов М. и Д. при изучении школьных дисциплин

2) При анализе данных выяснилось (рис. 2), что М. (33,3%) значимо больше используют ГИИ для выполнения заданий по русскому языку, чем Д. (19,3%) ($p=0,023$; $\alpha=0,036$; $E=22,07$). На уровне тенденций М. больше, чем Д., используют ГИИ для: алгебры (36,8 и 24,6% соответственно; $p=0,061$; $\alpha=0,085$; $E=25,97$); химии (35,6 и 23,7% соответственно; $p=0,064$; $\alpha=0,090$; $E=25,10$) и биологии (24,1 и 14,0% соответственно; $p=0,067$; $\alpha=0,099$; $E=16,01$). Связи между полом и использованием ГИИ по остальным предметам обнаружено не было. Мы связываем полученные результаты, с одной стороны, с неуверенностью М. в освоении русского языка и соответственно желанием большего «делегирования» учебных задач ГИИ-инструменту, а с другой — большей склонностью М. к точным и естественным наукам, что провоцирует желание глубже разобраться в материале [3].

3) Кроме того, была обнаружена связь между полом и влиянием ГИИ на запоминание ($p=0,047$; $\alpha=0,044$; $E=5,19$): почти половина Д. уверена, что ГИИ не влияет на их способность запоминать учебный материал (45,6 и 26,4% соответственно), в то время как М. считают, что с использованием ГИИ они стали быстрее запоминать формулы, даты и т.д. (42,5 и 33,3% соответственно). Негативное влияние ГИИ на память отметили лишь 5,3% Д. и 6,9% М. При этом связей между полом и влиянием ГИИ на понимание учебного материала, а так-

же продуктивностью в обучении обнаружено не было. Возможно, М. не столько объективно лучше запоминают материал, полученный с помощью ГИИ, сколько субъективно интерпретируют легкость получения ответа как признак запоминания [4, 5].

4) М. значимо больше, чем Д., используют ГИИ для программирования (18,4 и 6,1% соответственно; $p=0,007$; $\alpha=0,013$; $E=9,96$), могут выбрать подходящий инструмент ГИИ для решения конкретной учебной задачи (26,4 и 8,8% соответственно; $p=0,001$; $\alpha=0,002$; $E=14,28$) и лучше пишут промты (связь на уровне тенденции) (19,4% против 9,3%; $p=0,39$; $\alpha=0,063$; $E=12,96$). Большую эффективность М. в использовании ГИИ можно объяснить их уверенностью и более развитыми ИИ-компетенциями [4].

5) Также обнаружены тенденции в проверке информации, полученной с помощью ГИИ: Д. склонны обращаться к учителю (21,1 и 10,3% соответственно; $p=0,042$; $\alpha=0,066$; $E=14,28$) или проверять с помощью поисковика (22,8 и 11,5% соответственно; $p=0,038$; $\alpha=0,059$; $E=15,58$), а М. стремятся проверять достоверность при помощи другого ИИ-инструмента (32,2 и 20,2% соответственно; $p=0,053$; $\alpha=0,076$; $E=22,07$).

Таким образом, полученные гендерные различия в использовании ГИИ-инструментов в обучении демонстрируют уязвимость девочек, в том числе из-за более низкой вовлеченности и слабых ИИ-компетенций.

Литература:

1. Бот в портфеле: четверть школьников уже пользуются нейросетями. 16 сентября 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/bot-v-portfele-chetvert-shkolnikov-uzhe-polzuyutsya-nejrosetyami (дата обращения: 05.08.2026).

2. Cracking the Code: Girls' and Women's Education in Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM). Report, UNESCO. 2017. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000253479

3. *Heyder A., Weidinger A.F., Steinmayr R.* Only a Burden for Females in Math? Gender and Domain Differences in the Relation Between Adolescents' Fixed Mindsets and Motivation // Journal of Youth and Adolescence. 2021. Vol. 50. № 1. P. 177–188. DOI: 10.1007/s10964-020-01345-4

4. *Klarin J., Hoff E., Larsson A., Daukantaitė D.* Adolescents' use and perceived usefulness of generative AI for schoolwork: exploring their relationships with executive functioning and academic achievement //

Frontiers in Artificial Intelligence. 2024. Vol. 7. Art. 1415782. DOI: 10.3389/frai.2024.1415782

5. *Tao S., Lan M., Wang M., Li H.* Potential risks of generative artificial intelligence integration into K-12 education: A scoping review // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2026. Vol. 10. Art. 100561. DOI: 10.1016/j.caeai.2026.100561

АСИММЕТРИЯ АФФЕКТИВНОГО ОТКЛИКА В ДИАЛОГЕ С ЧАТ-БОТОМ

Прутько Г.В., Измалкова А.И.
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Интегральная оценка когнитивных и эмоциональных ресурсов участников интернет-коммуникаций на родном и иностранном языке» (рег. номер НИОКТР 125090210031–6).

Тревога, связанная с искусственным интеллектом, изучается преимущественно как устойчивая диспозиция: ее измеряют с использованием опросников вне ситуации взаимодействия, а содержательные факторы реконструируют по самоотчету [4]. Между тем адресована эта тревога не абстрактной технологии, а опыту общения с искусственным агентом, и остается неизвестным, как она проявляется на уровне состояния — в аффективном отклике, разворачивающемся в ходе диалога. Дефицит здесь методический: нет парадигмы, позволяющей контролируемо провоцировать и регистрировать аффект в реальной коммуникации с таким агентом. Настоящая работа предлагает такую парадигму и сообщает первый полученный с ее помощью результат.

Метод. 37 студентов МГЛУ (18–25 лет) во внутрисубъектном дизайне выполняли три блока коммуникативных заданий, различающихся эмоциональной валентностью (негативный, нейтральный, позитивный), взаимодействуя со скриптовым чат-ботом; порядок крайних блоков рандомизировался, нейтральный предъявлялся между ними.

В каждом блоке проводилось два диалога — на русском и на английском языке. Реплики бота не генерировались динамически, а следовали фиксированной структуре, что стандартизировало содержание при сохранении интерактивности. Из логов дополнительно извлекались характеристики текстовой активности. После каждого диалога участники оценивали эмоциональное состояние по шкалам SAM [2], после каждого блока — по опроснику ШПАНА [1]; базовый замер ШПАНА проводился до начала взаимодействия.

Результаты. На уровне отдельных диалогов эффект валентности проявлялся симметрично: линейная смешанная модель выявила значимый эффект валентности задания на оценки SAM, $F(2, 187)=12{,}40$; $p<0{,}001$, причем значимы все три попарных сравнения — негативные диалоги оценивались ниже нейтральных ($\Delta=0{,}61$; $p=0{,}019$), нейтральные — ниже позитивных ($\Delta=0{,}66$; $p=0{,}019$), негативные — ниже позитивных ($\Delta=1{,}28$; $p<0{,}001$).

На уровне устойчивого состояния картина изменилась. Негативный аффект значимо менялся в зависимости от валентности блока, $F(2, 72)=7{,}85$; $p<0{,}001$; $\eta^2p=0{,}18$: после негативного блока он был выше, чем после нейтрального ($\Delta=3{,}43$; $p=0{,}007$) и позитивного ($\Delta=3{,}16$; $p=0{,}010$). Позитивный аффект дал лишь пограничный общий эффект, $F(2, 72)=3{,}14$; $p=0{,}049$; $\eta^2p=0{,}08$, при этом ни одно попарное сравнение не достигло значимости после поправки Холма ($p\geq0{,}139$). Иначе говоря, немедленная оценка ситуации отражала и негативные, и позитивные сдвиги состояния, тогда как накопительный эффект касался только негативного полюса.

Язык не влиял на оценки SAM, $F(1, 184)=0{,}42$; $p=0{,}516$, и не модифицировал эффект валентности, $F(2, 184)=0{,}95$; $p=0{,}390$. Средняя длина ответных сообщений пользователей не различалась ни по валентности, $F(2, 177)=2{,}41$; $p=0{,}093$, ни по языку, $F(1, 177)=1{,}78$; $p=0{,}184$.

Обсуждение. Взаимодействие с искусственным агентом оказалось асимметрично проницаемым: негативно окрашенная коммуникация накапливается в устойчивое состояние, позитивная — нет. Согласно парадигме CASA (Computers Are Social Actors) [5], пользователь реагирует на цифровую систему как на социального агента; полученные данные уточняют границу этой социальности: ее достаточно, чтобы передать негативный аффект, и недостаточно для позитивной отдачи. Отсутствие языковой модерации указывает, что эффект связан не с формой сообщения, а с самим фактом наличия искусственного собесед-

ника: эмоциональная дистанция, связанная с общением на неродном языке [3], его не буферизует.

Негативная смещенность отклика смыкается с феноменологией тревоги, связанной с ИИ, и делает описанную экспериментальную парадигму пригодной для ее изучения на уровне состояния. Развитие направлений исследования предполагает два шага. Первый — тематическая разметка стимульного материала по доменам тревоги, связанной с ИИ (нарушение приватности, предвзятость алгоритма, замещение труда, освоение технологии, непрозрачность решений): это позволит проверить, задается ли асимметрия валентностью как таковой или конкретным тревожным содержанием. Второй — включение диспозиционной ИИ-тревожности в модель в качестве ковариаты, что позволит уточнить, усиливается ли асимметрия у респондентов с высокой ИИ-тревожностью и достигает ли она максимума при совпадении темы диалога с доминирующим у них доменом тревоги. Тем самым конструкт ИИ-тревожности, определяемый сегодня преимущественно в опросниковом формате, получает операционализацию в реальном диалоге с чат-ботом.

Литература:

1. *Осин Е.Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.

2. *Bradley M.M., Lang P.J.* Measuring emotion: the Self-Assessment Manikin and the semantic differential // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 1994. Vol. 25. № 1. P. 49–59.

3. *Caldwell-Harris C.L.* Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications // Frontiers in Psychology. 2014. Vol. 5. Art. 1055.

4. *Li J., Huang J.-S.* Dimensions of artificial intelligence anxiety based on the integrated fear acquisition theory // Technology in Society. 2020. Vol. 63. Art. 101410.

5. *Nass C., Moon Y.* Machines and mindlessness: social responses to computers // Journal of Social Issues. 2000. Vol. 56. № 1. P. 81–103.

ЭТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПСИХОЛОГИИ: ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ПСЕВДОАЛЬЯНС, ЦИФРОВОЙ ТРУД И АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Пушкарь Г.А., к.филол.н.
МГИМО МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Генеративные языковые модели и конверсационные агенты за считанные годы эволюционировали от вспомогательных цифровых инструментов до квазисубъектных «партнеров по диалогу» (Replica, Character AI и т.п.), способных поддерживать длительный эмоционально насыщенный обмен репликами с пользователем и имитировать структурированные элементы психотерапевтического процесса. В отличие от ранних приложений искусственного интеллекта, ориентированных на скрининг, мониторинг симптоматики и поддержку диагностических решений, современные модели претендует на роль «психологической помощи» в формате чат-бота, что формирует у пользователя ожидание терапевтического альянса там, где фактически присутствует алгоритмически сгенерированный отклик.

На этом фоне в 2025 г. APA публикует первое формальное руководство по этическому использованию искусственного интеллекта в клинической психологии, закрепляя принцип, согласно которому искусственный интеллект может лишь дополнять, но не заменять человеческое клиническое принятие решений. Руководство прямо утверждает, что AI-черновик не является планом лечения, а ошибка в сгенерированной искусственным интеллектом записи, повлиявшая на терапию, остается зоной ответственности психолога, а не разработчика программного обеспечения. Тем самым нормативно признается «responsibility gap» (пробел или разрыв в ответственности): специалист юридически и профессионально отвечает за продукт совместной агентности человека и алгоритма, тогда как архитектура модели, источники обучающих данных и механизмы генерации рекомендаций часто скрыты от него в логике коммерческой инфраструктуры.

Клинически ситуация осложняется тем, что каждое взаимодействие пользователя с генеративным искусственным интеллектом оставляет

чувствительный цифровой след, который может использоваться для дообучения модели, оптимизации сервисов и построения предиктивных профилей. В терминах социальной психологии идентичности клиент конструирует «цифровое Я» в диалоге с алгоритмическим Другим, описывая травматический опыт и рефлексивные инсайты; одновременно эта субъективная работа превращается в неоплаченный цифровой труд, создающий высокоценный корпус данных для коммерческих ИИ-продуктов. Конфиденциальность как базовый принцип психотерапии оказывается подорванной: данные выходят за пределы терапевтического пространства и включаются в цифровую экосистему.

Неясность онтологического статуса конверсационного искусственного интеллекта осложняет формирование согласованной модели ответственности. Если система трактуется как нейтральный вспомогательной инструмент, вся ответственность за интерпретацию и применение рекомендаций как будто лежит на пользователе или психотерапевте. Если же она воспринимается как самостоятельный актор, фактически влияющий на клинические решения, возникает вопрос о распределении ответственности между разработчиком, владельцем платформы и профессиональным оператором, притом, что сама алгоритмическая система не обладает ни юридической, ни этической субъектностью. Эту нормативную неопределенность усиливает алгоритмическая непрозрачность: генеративные модели функционируют как «черный ящик», где источники искажения, ошибки и предвзятости остаются труднодоступными даже для компетентного специалиста.

В сложившейся ситуации необходим переход от узкой парадигмы индивидуальный ответственности к модели распределенной, но четко структурированной, алгоритмической ответственности. Предлагаемая трехуровневая конфигурация исходит из того, что разработчики и платформы обязаны реализовывать архитектуру ИИ-платформы по принципу opt-in (регистрации), документировать происхождение обучающих данных и встраивать техническую возможность реализации «права на психотерапевтическое забвение»; профессиональные психологи должны сформировывать детальные информированные согласия, раскрывать клиенту природу терапевтического псевдоальянса с использованием искусственного интеллекта и риски цифрового труда, а также рефлексивно интегрировать искусственный интеллект в клиническое мышление, не делегируя ему оценку риска и ответственность; регуляторы и этические комитеты в лице институциональных участ-

ников — разработать критерии для будущей сертификации этически безопасного психологического искусственного интеллекта, систематически мониторя ятрогенные риски и алгоритмическую предвзятость.

Таким образом, статус искусственного интеллекта в современной психологии нельзя описывать как нейтральную технологическую возможность «улучшения практики». Речь идет о глубокой трансформации границ терапевтического пространства, конфигурации ответственности и режимов обработки психических данных. Без разработки строгих моделей распределенной ответственности, уточнения права на психотерапевтическое забвение и институциональной защиты суверенитета данных профессиональное сообщество рискует нормализовать ситуацию, в которой псевдоальянс с алгоритмом маскирует эксплуатацию уязвимости, а цифровой след и труд клиента становятся ресурсом для непрозрачного поведенческого прогнозирования.

Литература:

1. *Белкина Г.Л., Фролова М.И., Агаева З.Б., Глаголев В.С.* Альтернативы цифровизации: сохранится ли человек в цивилизации будущего? М.: Канон плюс, 2025.

2. *Карелов С.В., Лебедев А.Н.* Искусственный интеллект и проблемы психологии сознания // Ученые записки Института психологии РАН. 2024. Т. 4. № 1 (11). С. 76–84.

3. *Ушаков Д.В., Валуева Е.А.* Вызовы искусственного интеллекта для психологии // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В.А. Лекторского. СПб: Юридический центр, 2022. С. 107–127.

4. American Psychological Association. Ethical Guidance for AI in the Professional Practice of Health Service Psychology. Washington, DC: APA, 2025. URL: https://www.apa.org/topics/artificial-intelligence-machine-learning/ethical-guidance-ai-professional-practice.

5. *Sedlakova J., Trachsel M.* Conversational Artificial Intelligence in Psychotherapy: A New Therapeutic Tool or Agent? // The American Journal of Bioethics. 2023. Vol. 23. № 5. P. 4–13. DOI: 10.1080/15265161.2022.2048739.

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ДЛЯ ПРЕДСКАЗАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОЦЕНОК СЛОВ

Пушников А. А.
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Введение. Базы эмоциональных оценок слов [1; 5] используются для исследования процесса обработки эмоциональной информации. Базы содержат средние и стандартные отклонения эмоциональных измерений, таких как валентность — степень приятности слова — и возбуждение — степень активации. Базы создаются с привлечением большого количества участников-оценщиков, что требует значительных затрат.

Развитие области аффективных вычислений дало возможность разрабатывать модели для предсказания эмоциональных характеристик слов. В качестве предикторов используются векторы (эмбеддинги) в пространстве распределенной семантики языковых моделей [2]. Г. Холлис с соавторами с использованием англоязычных статичных векторов слов и линейной регрессии получили R^2 взаимосвязи предсказанных и человеческих оценок, равный 0,64 для валентности и 0,38 для возбуждения [2]. В. Соловьев с соавторами дообучили русскоязычную модель BERT для предсказания валентности, и R^2 был равен 0,50 [3]. Т. Ван и С. Сюй получили $R^2=0{,}85$ для валентности и $R^2=0{,}66$ для возбуждения с использованием китайских эмбеддингов модели BERT и нейронной сети со смешанными распределениями (Mixture Density Network) [4].

Большинство моделей предсказывают только среднее оценок участников, но не их стандартное отклонение. Исследователям важно учитывать, что люди могут по-разному оценивать одну и ту же эмоциональную информацию. Знание об этих различиях помогает точнее интерпретировать полученные данные. Неоднозначное слово может вызывать сильные положительные эмоции у одного человека, но оставить другого в нейтральном состоянии; в исследованиях с индукцией аффекта это имеет большое значение. К сожалению, только Т. Ван и С. Сюй предприняли попытку предсказания стандартного отклонения оценок [4]. Цель нашего пилотажного исследования — разработать модель, способную предсказывать не только среднее эмоциональных оценок слова, но и их вариативность.

Метод. В качестве зависимой переменной были выбраны валентность, возбуждение и пять эмоциональных категорий: радость, страх, грусть, гнев и отвращение,— а также их стандартные отклонения. Слова и их оценки были взяты из ENRuN-2 [1]. Независимыми переменными были эмбеддинги этих слов из трансформерной модели Multilingual-e5-large.

Базовой моделью была выбрана гребневая регрессия (ridge regression) благодаря ее интерпретируемости и способности эффективно работать с высокоразмерными признаками при ограниченном объеме обучающей выборки. Выборка слов была разделена на обучающую и тестовую подвыборки в соотношении 4: 1 (5367 и 1342). Гребневая регрессия была обучена на 1024 эмбеддингах (предикторы) и эмоциональных показателях обучающей подвыборки (зависимая переменная). Потом мы получили предсказания эмоциональных показателей на основе эмбеддингов слов тестовой подвыборки.

Результаты. Предсказанные значения объясняли 58% дисперсии среднего валентности, 31% возбуждения, 48% радости, 50% грусти, 53% гнева, 47% страха и 47% отвращения. Объясненная дисперсия стандартного отклонения была существенно ниже: 10% валентности, 5% возбуждения, 36% радости, 30 грусти, 37% гнева, 33% страха и 33% отвращения.

Для предсказанных оценок наблюдается наличие характерного для человеческих оценок позитивного сдвига в оценках валентности ($M=0,08$ по шкале от –3 до 3). Между предсказанными валентностью и возбуждением наблюдается ожидаемая U-образная взаимосвязь ($R^2=0,237$; $\beta=0,270$; $p<0,001$ для квадрата валентности при предсказании возбуждения) [5].

Обсуждение. Модель с достаточно высокой точностью предсказывала средние значения оценок эмоциональных характеристик слов, хотя и давала менее точные предсказания для возбуждения, что наблюдали и предшественники [3; 4]. Размер объясненной дисперсии также соизмерим с результатами предшественников. Это указывает на то, что слова со сходными уровнями валентности, радости, гнева, страха, отвращения и в меньшей степени возбуждения чаще встречаются в общих контекстах и обладают сходной распределенной семантикой.

Показательно, что стандартные отклонения этих показателей предсказывались существенно хуже. Вероятно, попадание слов со сходной степенью эмоциональной неопределенности в общий контекст не так

выраженно. Это ожидаемо, поскольку вариативность оценок определяется не только свойствами слова, но и индивидуальными различиями между оценивающими. Интересно, что для эмоциональных категорий этот эффект выражен слабее, чем для измерений.

Выводы.

1. Эмбеддинги несут в себе информацию не только о среднем оценок валентности слова, но и об их вариативности, хотя и в меньшей степени.

2. Предсказанные значения демонстрируют такие паттерны, свойственные человеческим оценкам, как позитивный сдвиг и U-образная взаимосвязь валентности и возбуждения.

3. Эмбеддинги содержат больше информации о вариативности оценок эмоциональных категорий, чем измерений валентности и возбуждения.

Литература:

1. *Люсин Д.В., Сысоева Т.А.* База данных ENRuN с оценками эмоциональной окраски русских существительных // Экспериментальная психология. 2025. Т. 18. № 2. С. 206–219. DOI: 10.17759/exppsy.2025180212.

2. *Hollis G., Westbury C., Lefsrud L.* Extrapolating human judgments from skip-gram vector representations of word meaning // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2017. Vol. 70. № 8. P. 1603–1619. DOI: 10.1080/17470218.2016.1195417.

3. *Solovyev V., Islamov M., Bayrasheva V.* Dictionary with the Evaluation of Positivity / Negativity Degree of the Russian Words // Speech and Computer. SPECOM 2022. Lecture Notes in Computer Science / ed. by S.R.M. Prasanna, A. Karpov, K. Samudravijaya, S.S. Agrawal. Cham: Springer, 2022. Vol. 13721. DOI: 10.1007/978-3-031-20980-2_55.

4. *Wang T., Xu X.* The good, the bad, and the ambivalent: Extrapolating affective values for 38,000+ Chinese words via a computational model // Behavior Research Methods. 2024. Vol. 56. P. 5386–5405. DOI: 10.3758/s13428-023-02274-3.

5. *Warriner A.B., Kuperman V., Brysbaert M.* Norms of valence, arousal, and dominance for 13,915 English lemmas // Behavior Research Methods. 2013. Vol. 45. № 4. P. 1191–1207. DOI: 10.3758/s13428-012-0314-x.

КРИТИЧНОСТЬ К ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧАЕМОЙ С ПОМОЩЬЮ ИНСТРУМЕНТОВ, ОСНОВАННЫХ НА БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЯХ

Развaляева А. Ю., к. пс. н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в рамках госзадания,
проект № 0138–2026–0012 «Познавательные процессы
в экологически валидных контекстах».

За последние несколько лет продукты, основанные на больших языковых моделях (LLM), стали все чаще использоваться для решения интеллектуальных задач в профессиональной среде и в ходе обучения. LLM обобщают результаты поисковых запросов. Разрабатываются специализированные агенты для программирования — например, Codex от OpenAI, Copilot от Github,— позволяющие находить ошибки, проводить рефакторинг и генерировать новый код по запросу.

Для ученых был создан K-Dense AI, включающий 158 навыков, связанных с разработкой методологии исследования, анализом данных в конкретных научных областях (например, в биологии и медицине, химии, физике и астрономии) и подготовкой статей и отчетов. Эта модель позиционируется создателями как «соисследователь». Еще раньше появились специализированные системы поиска научных статей, основанные на LLM. Но и возможностей неспециализированных чат-ботов хватает для решения некоторых задач, которые могут встать перед учеными (поиск и обобщение научных статей, редактирование текстов).

Резкое внедрение LLM в различные профессиональные области идет по сценарию, описанному В. Н. Носуленко: технологическое развитие обгоняет социальные науки, и в отсутствие прогнозов и превентивных мер общество каждый раз сталкивается с необходимостью решать проблемы, наступившие в связи с применением новой технологии, после того как они станут достаточно серьезны [1]. Уже было выявлено негативное влияние использования LLM в контексте обучения: у студентов, сгенерировавших текст эссе, по сравнению со сту-

дентами, выполнявшими задание полностью самостоятельно или с помощью поисковой системы, с помощью ЭЭГ было выявлено значимо меньшее количество функциональных связей, а также они хуже припоминали написанное. Альфа- и бета-ритмы студентов, использовавших LLM, меньше задействовались даже в повторном эксперименте, когда их просили написать эссе самостоятельно [3].

Еще одна проблема, осложняющая использование LLM именно для решения интеллектуальных задач,— периодическая генерация ими ложной информации, получившая название «галлюцинации искусственного интеллекта». Это может происходить потому, что системы настроены на генерацию ответа, даже когда не располагают нужными данными. Модели оценки частоты галлюцинаций показывают, что для наиболее новых версий крупных моделей она колеблется в районе 1–3%. Однако при усложнении задачи, в частности необходимости давать ответ в узкоспециализированной области, частота ошибок возрастает: 18–24% в медицине, 37% при генерировании кода, 34% в химии, 52% в математических задачах на малых моделях. Ошибок также больше при использовании изображений и иностранного языка (не английского). Использование технических средств детекции ошибок (RAG-системы) снижает количество галлюцинаций, но они все равно остаются [4].

Встает вопрос о возможности использования информации, генерируемой LLM, в контексте решения познавательных задач, в частности в научной деятельности. С одной стороны, в качестве решения предлагается сделать обязательным раскрытие в научных публикациях информации об использовании любых систем искусственного интеллекта, а также целей, для достижения которых они использовались [2]. Однако этого может быть недостаточно, чтобы предотвратить преумножение ошибок (например, «галлюцинаций», неточного перевода / распознавания текста или потери смысла при обобщении), вследствие чего необходимо усиливать контроль за качеством информации со стороны самих пользователей. А для этого нужны исследования доверия к LLM и критичности к генерируемой ими информации, а также психологических и ситуативных факторов, которые на них влияют.

Одним из ситуативных факторов может стать ограничение по времени — недавнее исследование показало, что оно выступает модератором связи между использованием LLM и критическим мышлением. Перед участниками ставилась задача прочитать и проанализировать

набор документов (брошюры, интервью), посвященных остросоциальной тематике, после чего предложить возможное решение проблемы. Доступ к чат-боту (версия ChatGPT) предоставлялся в один из трех временных интервалов или не предоставлялся совсем. Было показано, что в группе, участники которой раньше начинали использовать чат-бот в ситуации ограничения времени, показатели критического мышления были лучше по сравнению с показателями в группе, участники которой получили доступ в конце периода решения задания или выполняли задание полностью самостоятельно. Но в ситуации неограниченного времени результат был диаметрально противоположным: критическое мышление больше проявляли те, кто делал задание самостоятельно [5].

Психологическими факторами критичности к информации, сгенерированной LLM, могут выступить особенности мышления, когнитивные стили и толерантность к неопределенности. Однако учитывая форму, в которой LLM предоставляются пользователю,— в виде чат-ботов, поддерживающих диалог,— важно также изучать особенности общения и реагирования в межличностной сфере. Здесь могут быть обнаружены как параллели между общением с чат-ботом и общением с другими людьми, так и расхождения (например, уверенность в том, что «машина» не совершает ошибок). Отношение к чат-ботам (как к инструментам или как к партнерам по общению) также может вносить вклад в доверие им.

Литература:

1. *Носуленко В.Н.* Искусственный интеллект: новая составляющая экспериментальной реальности? // Экопсихологические исследования — 7: экологичность взаимодействий человека с окружающей средой: сборник научных трудов. М.: ФНЦ ПМИ, 2026. С. 314–318.

2. Centers for Disease Control and Prevention. Considerations for Disclosing Generative AI Use in Scientific Work. Atlanta: CDC, 2026. URL: https://www.cdc.gov/ai/resources/considerations-for-generative-ai-use-in-scientific-work.html (дата обращения: 05.08.2026).

3. *Kosmyna N., Hauptmann E., Yuan Y.T., Situ J., Liao X.-H., Beresnitzky A.V., Braunstein I., Maes P.* Your brain on ChatGPT: Accumulation of cognitive debt when using an AI assistant for essay writing task // arXiv preprint. 2025. arXiv:2506.08872. URL: https://arxiv.org/abs/2506.08872 (дата обращения: 05.08.2026).

4. *Oduya J.* AI Hallucination Statistics // Worldmetrics. 2026. URL: https://worldmetrics.org/ai-hallucination-statistics/ (дата обращения: 05.08.2026)

5. *Zhi J., Kumar H., Lee M.* Investigating the Effects of LLM Use on Critical Thinking under Time Constraints: Access Timing and Time Availability // Proceedings of the 2026 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: Association for Computing Machinery, 2026. DOI: 10.1145/3772318.3791796.

ХРОНОС И КАЙРОС

Ребеко Т.А., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Обсуждая проблему цифровой среды, Н.Л. Москвичева рассматривает «жизненное пространство человека как единство офлайн- и онлайн-существования» [2, с. 249]. Данная дихотомия «оф — он» пространства воспроизводится в переживании времени. В Античности выделяли два вида времени: хронос и кайрос. Если хроническое время известно нам через точный расчет, планы и расписания, то кайротическое время — это переживание «момента», встречи «с богами», усмотрение нового и неожиданного. Это опыт инсайта.

Серьезную проблему представляет соотношение двух видов времени в практике использования искусственного интеллекта. ИИ существенно меняет структуру взаимодействия человека и ИИ, расширяя одни его возможности и обнажая другие его слабые места. Если рассматривать «хроническое» время размышления, то в нем темы, проблемы и запросы выстраиваются в более или менее понятную последовательность: одна тема естественно ведет к другой, за вопросом следует уточнение, за уточнением — следующий вопрос. В отличие от этого к ИИ можно обратиться с запросом, не имея относительно этого запроса никакого предположения — ни предыстории, ни ожидания, ни связи с предыдущей мыслью. Тем самым разрушается сама диалогичность нашего бытия. Активный пользователь ИИ вправе инициировать совершенно новую тему, никак не связанную с предыдущей коммуникацией. Такой разрыв — как в интеллектуальной, так

и в эмоциональной коммуникации — при поддержании диалога с ИИ ставит новые проблемы.

Сам ритм коммуникации может нести в себе черты кайроса: «разрывы» логики, обнаружение нового содержания. Если в офлайн-диалоге важными являются ритм, интонации, просодика, соразмерная продолжительность высказываний, то при погружении в онлайн-среду эти факторы аннулируются. Например, в случае офлайн-контакта допустимы и регламентированы паузы, но при онлайн-контакте с ИИ прерывание контакта происходит без объяснений (извинений). Этот обрыв не подразумевает паузу для ответа на вопрос потенциального собеседника — этот момент знаменует завершение «хронического» времени и разрыв в непрерывности бытия-в-общении.

Диалектика непрерывности и разрыва «снимается» посредством понятия «цезура», введенного У. Бионом. «Действительно, можно сказать, что неизменной центральной точкой (invariant navel) мышления Биона является понятие цезуры — понятие, указывающее одновременно на разрыв и на непрерывность» [3, p. 2].

Переживание времени как хроноса является довольно поздним онтогенетическим приобретением; некоторые авторы связывают его с появлением сознания и мышления.

Переживание «хронического» времени и ответственность за него важны для становления субъектности. Взаимодействие с ИИ вносит новые измерения в это переживание и в это становление. Во-первых, возникает проблема присутствия «меня» в самом взаимодействии: сохраняюсь ли я как субъект в этом диалоге. Переживание прерывания, разрыва (цезуры) в течение времени оказывает структурирующее воздействие именно потому, что благодаря ему возникает зародыш интенциональности, очертания эго, состояние предвкушения, «стремления к чему-то» [4, p. 1123]. Перед исследователями возникает вопрос: насколько взаимодействие с ИИ инициирует «предвкушение»? Вполне возможно допустить, что в случае взаимодействия с ИИ (именно в такие моменты «исчезновения» хронического / диахронического времени) возможно выпадение субъекта из привычного течения времени и опыта. Эту встречу с кайросом можно соотнести с «падением в бездну» или с тем, что некоторые авторы называют «симметричным сумасшествием» [5, p. 102], отсылающим к более архаичным структурам психики и несущим с собой возможности как инсайта, так и безумия. В.В. Знаков разрабатывает понятие «возможностного

мышления», с помощью которого автор описывает опыт кайротического момента как «потенциальное бытие, содержащееся в прошлом или будущем» [1, с. 72].

Литература:

1. *Знаков В.В.* Возможностное мышление: психология понимания прошлого и будущего. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025.

2. *Москвичева Н.Л.* Цифровая среда как жизненное пространство личности: опыт исследования жизненных моделей молодежи // Жизненное пространство в психологии: Теория и феноменология: сборник статей / под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 248–277.

3. *Bergstein A.* Bion and Meltzer's Expeditions into Unmapped Mental Life: Beyond the Spectrum in Psychoanalysis. London; New York: Routledge, 2018.

4. *Civitarese G.* 'Caesura' as Bion's Discourse on Method // The International Journal of Psychoanalysis. 2008. Vol. 89. № 6. P. 1123–1143. DOI: 10.1111/j.1745-8315.2008.00089.x.

5. *Krejci E.* Bi-logische, symmetrische Verrücktheit und katastrophische Veränderung: Eine Untersuchung primitiver psychischer Zustände auf den Spuren von Bion und Matte Blanco // Internationale Psychoanalyse. 2010. Bd. 5. S. 89–117.

ЗАПАТЕНТОВАННАЯ ЦИФРОВАЯ ФИДЖИТАЛ-ЛАБОРАТОРИЯ: АДАПТИВНЫЕ ИИ-АЛГОРИТМЫ И ГЕЙМИФИКАЦИЯ В ОЦЕНКЕ ПСИХОМОТОРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СПОРТСМЕНОВ

Ржанов А.А.
Ангарский государственный технический университет,
Ангарск, Россия

В современном спортивном менеджменте остро востребованы объективные и быстрые инструменты оценки психомоторных качеств — ключевых компетенций для успешности в игровых и сложнокоординационных видах спорта [2]. Традиционные тесты трудоемки, субъективны и не позволяют оперативно принимать кадровые реше-

ния. Ответом на этот вызов стала разработанная и запатентованная «Цифровая фиджитал-лаборатория для диагностики психомоторных способностей» (свидетельство о госрегистрации программы для ЭВМ № 2026619322) [5]. Лаборатория реализует игровой подход: пять интерактивных блоков оценивают зрительно-моторную реакцию, сложную реакцию выбора, координационную ритмичность, способность к различению временных и пространственных параметров, а также межполушарное взаимодействие. Итоговый результат представляется в универсальных фиджитал-баллах, что облегчает сравнение и мониторинг.

Цель работы — показать, как внедрение в запатентованную лабораторию адаптивных ИИ-алгоритмов и геймификации повышает ее эффективность как инструмента оценки персонала в спортивных организациях.

Материалы и методы. Ядро системы — пять игровых блоков, построенных на фундаментальных принципах психомоторной диагностики, заложенных В.П. Озеровым и В.И. Ляхом [1; 3]. Для расширения измерительных возможностей комплекс дополнен доступными внешними датчиками (FSR для силовой точности, акселерометр MPU6050 для баланса), подключаемыми в реальном времени через WebUS B. Ключевая модернизация заключалась в интеграции адаптивных алгоритмов CAT, которые в реальном времени подстраивают сложность игровых заданий под текущий уровень спортсмена, фокусируя оценку в зоне ближайшего развития и существенно повышая точность измерений. Геймификация была внедрена в саму структуру лаборатории: система рангов («Новичок» — «Эксперт»), значки за достижения («Молниеносный», «Снайпер») и рейтинги превращают диагностику в соревновательный процесс. Это, как показали наши предыдущие исследования, снижает влияние низкой мотивации на достоверность данных [4]. Автоматизированный анализ временных рядов обеспечивает мгновенную обработку результатов и вычисление фиджитал-баллов без участия специалиста.

Результаты. Апробация модернизированной лаборатории проведена на 120 спортсменах (18–25 лет) игровых, циклических и сложнокоординационных видов спорта. Интеграция адаптивных алгоритмов CAT и датчиков снизила погрешность измерения с 10% до 3%. Средняя продолжительность полной диагностики по пяти блокам сократилась на 42% (до 16,4±2,1 мин., $p<0,01$), а автоматическая обработка данных исключила ручную постобработку. Ретестовая надежность через

семь дней достигла r=0,91 (p<0,01), что подтверждает стабильность фиджитал-баллов. Благодаря геймификации 87% испытуемых оценили процесс тестирования как «привлекательный», что критически важно для получения достоверных данных при массовых кадровых скринингах.

Дискриминативная способность лаборатории подтверждена значимыми различиями профилей фиджитал-баллов у представителей разных спортивных специализаций (F=5,67, p<0,05). Спортсмены игровых видов получили более высокие баллы за сложную реакцию и бимануальную координацию, а циклических видов — за ритмичность и оценку временных интервалов. Такие профили служат объективной основой для кадрового отбора, формирования команд и назначения индивидуальных программ развития.

Заключение. Запатентованная «Цифровая фиджитал-лаборатория», усиленная адаптивными ИИ-алгоритмами и игровыми механиками, трансформируется в полноценный HR-инструмент для быстрой, точной и мотивирующей оценки психомоторных компетенций спортсменов. Выраженность результата в единых фиджитал-баллах упрощает кадровые решения и мониторинг профессионального роста. Перспективным направлением является встраивание предиктивных моделей машинного обучения для прогноза успешности спортсменов, что полностью отвечает задачам управления талантами в спортивных организациях с использованием ИИ.

Литература:

1. *Лях В.И.* Координационные способности спортсменов. М.: Спорт, 2019.

2. *Марков К.К., Лебединский В.Ю.* Формирование психомоторных качеств в современном спорте // Вестник ИрГТ У. 2014. № 10 (93). С. 296–303.

3. *Озеров В.П., Тарасова О.Ю., Тарасов П.В., Шефатов О.И.* Психодиагностика и развитие психомоторных способностей молодежи // Теория и практика физической культуры. 2019. № 1. С. 11–13.

4. *Ржанов А.А.* Влияние психомоторных реакций на эффективность тренировки юных волейболистов // Цифровая социализация и воспитание в современном мире. Краснодар: Новация, 2026. С. 73–76.

5. Цифровая фиджитал-лаборатория для диагностики психомоторных способностей: свидетельство о гос. регистрации программы для ЭВМ № 2026619322 / А.А. Ржанов, И.М. Еремина. Заявка № 2026615433; заявл. 15.03.2026; зарегистр. 01.04.2026.

НЕЧЕТКАЯ КОГНИТИВНАЯ КАРТА ДЛЯ ЭРГОДИЗАЙНА РЕДАКЦИОННОГО РЕШЕНИЯ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА ПО ПСИХОЛОГИИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИИ

Савкин С. С., Спасенников В. В., д. пс. н.
Брянский государственный технический университет,
Брянск, Россия

В работе рассматривается нечеткая когнитивная карта (НКК) редакционного решения научного журнала по психологии, где ИИ используется для первичной проверки рукописей, поиска библиографических разрывов, сопоставления текста с профилем издания, подбора рецензентов и подготовки аналитических справок. Для журналов по психологии и когнитивным наукам такая поддержка требует гуманитарной и процедурной настройки. Редакция оценивает исследования человека, поведения, сознания, языка и данных, поэтому машинная подсказка должна иметь понятные основания и пределы применения.

Основной вопрос связан с представлением редакционного выбора в виде проверяемой НКК. Такая карта показывает, как на решение влияют научная новизна, соответствие профилю журнала, прозрачность метода, качество эмпирических данных, этическая допустимость исследования, риск формального цитирования, конфликт интересов, компетентность рецензента, редакционная нагрузка, объяснимость машинного вывода и ответственность человека. В формальном виде НКК задается ориентированным взвешенным графом: факторы редакционной экспертизы становятся концептами, причинные влияния фиксируются матрицей W. Так простой список критериев превращается в модель их взаимодействия: один фактор может усиливать доверие к рукописи, ослаблять машинную рекомендацию или переводить решение в режим дополнительной проверки.

ИИ в такой процедуре готовит признаки, требующие внимания, связывает их с редакционными рисками и формирует черновой паспорт решения. В паспорте фиксируются использованные данные, найденные ограничения и основания, которые поддерживают либо ослабляют машинную рекомендацию. НКК разделяет зоны достаточного доверия, дополнительной проверки и пересмотра, сохраняя экспертный выбор за редакцией.

Эргодизайн задает постановку задачи: как распределяется работа между редактором, рецензентом и алгоритмом. Редактор сохраняет постановку задачи, выбор рецензента и итоговое решение; рецензент оценивает содержательную состоятельность рукописи; ИИ берет на себя аналитическую подготовку и поиск слабых мест. Такая постановка задачи опирается на когнитивное моделирование экспертизы специалиста, поддержку интеллектуальной деятельности, объяснимость решений ИИ, доверительное человеко-машинное взаимодействие и принятие решений в условиях неопределенности и рисков. Она сближается также с проблематикой управления в организационных системах, поскольку в ней рассматриваются механизмы принятия решений, идентификация моделей по экспертной информации и интеллектуальная поддержка управления.

Прикладной результат состоит в проектном описании НКК как инструмента объяснимой поддержки редакционной экспертизы. Модель может использоваться при разработке регламента работы с ИИ в журнале, фиксации оснований решения и обучении участников экспертной процедуры. Для конференции по ИИ в психологии существенен этот акцент: алгоритм усиливает профессиональную коммуникацию только тогда, когда его вывод можно проверить.

ИИ, заслуживающий доверия, в научном журнале следует проектировать как человеко-машинную когнитивную систему. Ее качество определяется скоростью обработки рукописей, ясностью ответственности, объяснимостью рекомендаций, защитой редакционного решения от сведения к формальному рейтингу и возможностью восстановить путь от исходных данных к редакционному решению.

Литература:

1. *Eden C.* Cognitive mapping // European Journal of Operational Research. 1988. Vol. 36. № 1. P. 1–13. DOI: 10.1016/0377-2217(88)90002-1.

2. *Kosko B.* Fuzzy cognitive maps // International Journal of Man-Machine Studies. 1986. Vol. 24. № 1. P. 65–75. DOI: 10.1016/S0020-7373(86)80040-2.

3. *Nápoles G., Ranković N., Salgueiro Y.* On the interpretability of Fuzzy Cognitive Maps // Knowledge-Based Systems. 2023. Vol. 281. Art. 111078. DOI: 10.1016/j.knosys.2023.111078.

4. COPE Council. COPE Ethical guidelines for peer reviewers — English. Version 2: September 2017. DOI: 10.24318/cope.2019.1.9.

5. Declaration on Research Assessment (DORA). Guidance on the responsible use of quantitative indicators in research assessment. Version 3. Zenodo, 2024. DOI: 10.5281/zenodo.13844873.

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ МЫШЛЕНИЯ КАК ПРЕДИКТОРЫ ВЫБОРА МЕЖДУ ПОДСКАЗКАМИ ОТ ЧЕЛОВЕКА И ОТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РЕШЕНИИ РАЗНЫХ ТИПОВ ЗАДАЧ

Самочернова Е.Л., Артемцева Н.Г., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Распространение генеративного искусственного интеллекта создало новую ситуацию решения задач: человек может опираться на собственные рассуждения, обратиться к подсказке другого человека либо использовать подсказку, сформированную искусственным интеллектом. Обычно выбор объясняется доверием к технологии, точностью системы или объективностью задачи. Однако эти факторы не раскрывают причин того, что при одинаковых условиях одни люди ищут внешнюю опору, другие сохраняют автономность, а третьи меняют источник подсказки в зависимости от характера задачи. Поэтому выбор подсказки при решении разных типов задач целесообразно рассматривать как проявление устойчивого способа организации познавательной деятельности.

Теоретическим основанием такого подхода выступает концепция когнитивных стилей М.А. Холодной. Она определяет когнитивный стиль как индивидуально своеобразные способы переработки информации, которые не сводятся к уровню развития интеллектуальных способностей; в более поздней трактовке когнитивный стиль рассматривается как метакогнитивные способности, участвующие в регуляции интеллектуального поведения [1]. Стилевой компонент может проявляться не только в самом решении, но и в выборе внешней поддержки: нужна ли подсказка, какому источнику следует довериться и в какой мере полученная информация должна быть включена в собственное рассуждение. Когнитивный стиль описывается как биполярная шкала,

у каждого стиля есть два противоположных полюса. Ни один из полюсов не является безусловно продуктивным: какой из них окажется полезнее, зависит от требований задачи.

Наиболее непосредственно с выбором внешней опоры связан стиль «полезависимость — поленезависимость». Г. Уиткин и Д. Гудинаф описывали его через большую или меньшую автономность от внешних ориентиров: не зависимые от поля субъекты легче выделяют структуру задачи и перестраивают материал, зависимые от поля сильнее опираются на контекст и социальные ориентиры [2]. Можно предположить, что зависимость от поля повышает вероятность обращения за подсказкой, особенно в неопределенных и социально насыщенных задачах. Человеческая подсказка при этом может восприниматься как более соответствующая ситуации, тогда как не зависимые от поля респонденты могут использовать подсказку искусственного интеллекта преимущественно как средство проверки в формализованных задачах. Данное предположение не следует непосредственно из классической теории и требует специальной эмпирической проверки на взрослой выборке.

Стиль «импульсивность — рефлексивность» характеризует темп выбора между альтернативами. Дж. Каган связывал импульсивность с быстрыми ответами и большим числом ошибок, а рефлексивность — с более длительным анализом и меньшим количеством ошибок [3]. В рассматриваемом контексте этот стиль, вероятно, определяет не столько устойчивое предпочтение человека или искусственного интеллекта, сколько способ обращения с подсказкой. Рефлексивный субъект склонен оценивать необходимость помощи, сопоставлять подсказку с условием задачи и проверять ее перед включением в окончательный ответ. Импульсивный субъект может быстрее выбирать наиболее доступный источник и принимать предложенный вариант без достаточного контроля. Поэтому проблемное использование искусственного интеллекта следует связывать не только с частотой обращения к подсказке ИИ как таковой, но и с автоматизированным принятием подсказки, снижением частоты ее проверки и переносом на систему ИИ ответственности за решение.

Стиль «аналитичность — холистичность» задает различия между ориентацией на отдельные признаки и причинные связи и ориентацией на контекст, отношения между элементами и общий смысл ситуации. Исследование предпочтения объяснений, создаваемых искусственным интеллектом, показало, что холистичный стиль связан с предпочтени-

ем объяснений через цели действия, а аналитический — с объяснениями через основания и внутренние представления системы [5]. Эти результаты позволяют утверждать, что значение имеет не только происхождение подсказки, но и соответствие формы объяснения способу переработки информации. Человек с доминирующим аналитическим стилем может предпочесть последовательную и структурированную подсказку в математической задаче, тогда как для человека с доминирующим холистичным стилем может быть важнее контекстуальное объяснение в творческой или неопределенной задаче, раскрывающее общий замысел и связи между элементами.

Важным условием актуализации того или иного когнитивного стиля в предлагаемой модели выступает тип предлагаемой задачи. Н. Кастело, М. Бос и Д. Леманн показали, что алгоритмические рекомендации принимаются охотнее в задачах, воспринимаемых как объективные, и чаще отвергаются в субъективных задачах [4]. Один и тот же человек может предпочесть помощь искусственного интеллекта при решении математической задачи; помощь человека — в личностно значимой ситуации; и отказаться от подсказки в задаче, которую считает доступной для самостоятельного решения.

Таким образом, выбор подсказки при решении разных типов задач следует рассматривать как трехэтапный процесс: возникновение потребности во внешней опоре, опосредованной доминирующим стилем мышления; выбор, к кому обратиться — к человеку или к системе ИИ; принятие, преобразование либо отклонение полученной информации. Это приводит нас к необходимости проведения эмпирического исследования с целью проверки гипотезы о том, что гибкое или проблемное использование подсказок определяется не единой установкой по отношению к технологии ИИ, а сочетанием когнитивного стиля, типа задачи и субъективно воспринимаемого соответствия источника характеру требуемого решения.

Литература:

1. *Холодная М.А.* Когнитивная психология. Когнитивные стили: учебник для вузов. 3-е изд. Москва: Юрайт, 2026.

2. *Witkin H.A., Goodenough D.R.* Field dependence revisited // ETS Research Bulletin Series. 1977. Т. 1977. № 2. С. i-53.

3. *Kagan J.* Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of abnormal psychology. 1966. Т. 71. № 1. С. 17.

4. *Castelo N., Bos M.W., Lehmann D.R.* Task-dependent algorithm aversion // Journal of marketing research. 2019. Т. 56. № 5. С. 809–825.

5. *Kopecka H., Such J., Luck M*. Preferences for AI explanations based on cognitive style and socio-cultural factors // Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2024. Т. 8. № CSCW1. С. 1–32

ПИЛОТНАЯ АПРОБАЦИЯ ШКАЛЫ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Самочернова Е.Л., Артемцева Н.Г., к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Быстрое распространение генеративного искусственного интеллекта (ИИ) приводит к возникновению новых форм взаимодействия человека с интеллектуальными системами. В отечественной психологии развитие ИИ рассматривается как источник новых психологических феноменов, способный изменять представления о сознании и мышлении человека, а также требующий анализа взаимодействия человека с развивающейся техногенной средой [1; 2]. Одним из недостаточно операционализированных психологических феноменов является проблемное использование генеративного ИИ. При этом частота обращения к ИИ сама по себе не может рассматриваться как достаточный показатель неблагополучия пользователя: можно часто обращаться к ИИ и использовать его без вреда, а можно обращаться редко, но уже терять контроль над этим. Более существенными признаками проблемного использования ИИ могут выступать утрата контроля над использованием ИИ, автоматизированное обращение к ИИ, чрезмерное делегирование ему мыслительных операций, снижение самостоятельности и негативные последствия для деятельности и межличностного взаимодействия, что и отражено в предлагаемой структуре опросника.

Целью исследования стала первичная психометрическая проверка авторской шкалы проблемного использования генеративного искусственного интеллекта.

В исследовании приняли участие 235 человек в возрасте от 18 до 60 лет, из них 157 женщин и 78 мужчин. Сбор данных проводился онлайн. Авторская версия шкалы включала 28 утверждений, оцениваемых по пятибалльной шкале Лайкерта. Для первичной оценки внешней валидности использовались Шкала интернет-зависимости К. Янг, Общая шкала проблемного использования Интернета, Пятифакторный опросник осознанности, Шкала внимательности и осознанности и краткая версия Шкалы импульсивного поведения UPPS-P.

Внутренняя согласованность полной версии авторской шкалы оказалась высокой (α Кронбаха =0,88). Скорректированные корреляции отдельных пунктов с суммарным баллом находились в диапазоне от 0,26 до 0,55. Исключение любого из пунктов не приводило к существенному повышению надежности: значения α при исключении пункта составляли от 0,87 до 0,88. Наиболее слабую связь с общим показателем продемонстрировал пункт, описывающий восприятие ИИ как партнера или помощника, что может отражать нормативный, а не обязательно проблемный характер такого отношения. Надежность предварительно выделенных содержательных блоков составила от α=0,67 до α=0,81; наиболее устойчивыми оказались блоки когнитивных и профессиональных дефицитов (α=0,81) и делегирования мышления и утраты автономии (α=0,78).

Данные были пригодны для проведения разведочного факторного анализа: критерий Кайзера — Мейера — Олкина составил 0,85, критерий сферичности Бартлетта был статистически значим ($\chi^2(378)=2531,00$; $p<0,001$). Параллельный анализ указал на целесообразность выделения четырех факторов. Разведочный факторный анализ проводился методом главных осей с косоугольным вращением Oblimin; при интерпретации учитывались нагрузки не ниже 0,30. До вращения четыре фактора объясняли соответственно 23,61%, 9,22%, 5,04% и 3,81% общей дисперсии; совокупная объясненная дисперсия составила 41,68%.

После вращения факторы были предварительно интерпретированы следующим образом. Фактор «Повседневная и эмоционально-поведенческая вовлеченность» образовали пункты 1 (λ=0,37), 3 (0,44), 4 (0,56), 7 (0,57), 9 (0,41), 11 (0,54), 12 (0,60), 13 (0,50) и 15 (0,54). В фактор «Некритичное делегирование и утрата когнитивной автономии» вошли пункты 10 (0,56), 16 (0,31), 17 (0,59), 18 (0,66), 19 (0,69) и 20 (0,73). Фактор «Субъективные когнитивные и профессиональные дефициты» включал пункты 21 (0,75), 22 (0,88), 23 (0,61), 26 (0,75) и 28 (0,44).

Фактор «Утрата контроля и негативные последствия» был представлен пунктами 2 (0,35), 5 (0,72), 6 (0,45), 24 (0,60), 25 (0,70) и 27 (0,35). Пункт 2 одновременно имел нагрузку 0,31 на фактор повседневной вовлеченности; пункты 8 и 14 не достигли порога 0,30 ни по одному фактору. В связи с этим факторная модель рассматривается как предварительная и требует уточнения на независимой выборке.

Суммарный показатель шкалы проблемного использования ИИ положительно коррелировал с интернет-зависимостью по шкале К. Янг ($r=0,43$; $p<0,001$), проблемным использованием Интернета ($r=0,33$; $p<0,001$) и импульсивностью ($r=0,26$; $p<0,001$). Отрицательные связи были выявлены с общим показателем осознанности по FFMQ ($r=–0,26$; $p<0,001$) и внимательностью и осознанностью по MAAS ($r=–0,24$; $p<0,001$). Направление связей соответствует теоретическим ожиданиям и свидетельствует в пользу первоначальной конвергентной валидности шкалы.

Полученные результаты позволяют рассматривать авторскую шкалу как перспективный инструмент исследования проблемных форм взаимодействия с генеративным ИИ. Вместе с тем пилотный характер работы не позволяет считать структуру шкалы окончательно установленной. Следующий этап должен включать содержательную ревизию слабых и оптимально нагруженных пунктов, подтверждающий факторный анализ на независимой выборке, оценку ретестовой надежности и проверку дискриминантной валидности.

Литература:

1. *Лебедев А.Н.* Искусственный интеллект и психология // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 2(8). С. 6–22.

2. *Сергеев С.Ф.* Психологические аспекты проблемы искусственного интеллекта // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 4. С. 33–53.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Сарсебаева З. С.
Казахстанский университет инновационных
и телекоммуникационных систем, Уральск, Казахстан

Современный этап развития высшего образования характеризуется активным внедрением цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс. Особую актуальность данная тенденция приобретает в системе подготовки будущих психологов, поскольку профессиональная деятельность психолога требует не только усвоения теоретических знаний, но и формирования навыков анализа, интерпретации информации, критического мышления и принятия обоснованных решений. В этих условиях искусственный интеллект становится перспективным инструментом повышения эффективности преподавания психологических дисциплин.

Под технологиями искусственного интеллекта понимаются программные системы, способные выполнять задачи, для решения которых требуется задействование элементов человеческого мышления: анализ информации, обработка естественного языка, генерация текстов и поиск решений. В образовательной среде особое распространение получили генеративные модели искусственного интеллекта, позволяющие создавать учебные материалы, разрабатывать задания и обеспечивать поддержку учебной деятельности студентов.

Использование технологий искусственного интеллекта в преподавании психологических дисциплин открывает широкие педагогические возможности. Во-первых, ИИ может использоваться для оптимизации деятельности преподавателя. С его помощью можно оперативно разрабатывать планы лекций, составлять тестовые задания, формировать практические кейсы и подготавливать материалы для семинарских занятий. Это позволяет уделять больше внимания организации учебного взаимодействия и сопровождению образовательного процесса.

Во-вторых, искусственный интеллект расширяет возможности практико-ориентированного обучения. При изучении дисциплин психологического цикла студенты могут использовать ИИ для моделирования

консультативных ситуаций, анализа психологических случаев и обсуждения различных вариантов решения профессиональных задач. Такие формы работы способствуют развитию аналитических способностей и профессионального мышления, освоению навыков аргументации.

В-третьих, технологии искусственного интеллекта позволяют реализовать элементы персонализированного обучения. Студенты могут получать индивидуальные рекомендации по изучению материала, дополнительные пояснения по сложным темам и оперативную обратную связь. Это способствует повышению учебной мотивации и вовлеченности обучающихся в образовательный процесс.

Вместе с тем внедрение искусственного интеллекта в образовательную практику сопровождается рядом рисков. Одной из наиболее значимых проблем является снижение самостоятельности студентов при выполнении учебных заданий. Существует вероятность использования сгенерированных материалов без их критического осмысления и анализа. Кроме того, результаты работы генеративных моделей могут содержать фактические ошибки или недостоверные сведения, так что необходима обязательная проверка информации преподавателем и обучающимися. Важное значение приобретают также вопросы академической честности и соблюдения этических норм использования цифровых технологий в образовательной деятельности.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта обладают значительным педагогическим потенциалом как инструмент преподавания психологических дисциплин в высшей школе. Их использование способствует повышению эффективности образовательного процесса, развитию профессиональных компетенций студентов и расширению возможностей практической подготовки будущих психологов. Однако применение ИИ должно осуществляться осознанно и методически обоснованно. Искусственный интеллект следует рассматривать как вспомогательный инструмент обучения: он дополняет деятельность преподавателя и стимулирует развитие профессионального мышления обучающихся, но не заменяет преподавателя.

Литература:

1. *Гребенюк Е.В., Даниелян Д.Г., Даниелян С.С., Крамаров С.О.* Искусственный интеллект в образовании: возможности, методы и рекомендации для педагогов: учебно-практическое пособие. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2024.

2. *Кошкина Е.А., Бордовская Н.В., Гнедых Д.С. и др.* Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 36–57.

3. *Тугаров А.Б., Федорова Т.Ю.* Генеративный искусственный интеллект в образовании: научно-педагогический спор о потенциале, преимуществах и ограничениях применения // Russian Journal of Education and Psychology. 2026. Т. 17. № 1. С. 357–377.

4. *Карсыбаева Р., Измагамбетова Р., Оспанбекова М., Жарыкбаева Д.* Влияние искусственного интеллекта на развитие когнитивных навыков будущих педагогов // Педагогика и психология. 2026. № 2 (67). С. 139–150.

5. *Вербицкий А.А.* Компетентностный подход и теория контекстного обучения. Москва: ИД ФОРУМ, 2017.

6. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Логос, 2010.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ШКОЛЬНИКОВ: ТЕНДЕНЦИИ В РОССИИ И КИТАЕ

Семенов И.Н., Калашников И.Г.
Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Быстрое распространение искусственного интеллекта в образовании меняет не только учебные технологии, но и саму логику психолого-педагогической поддержки школьников. Если еще недавно цифровые сервисы в школе в основном помогали передавать учебный материал и контролировать успеваемость, то теперь все более заметной становится другая линия: использование ИИ для индивидуализации помощи, раннего выявления затруднений, сопровождения учебной мотивации, развития саморегуляции и поддержки выбора образовательной траектории. Для психологии образования это особенно важно, поскольку школьник в цифровую эпоху нуждается не просто в доступе к информации, а в более тонкой поддержке собственного развития [1; 2].

Психолого-педагогическая проблема состоит в том, что ИИ может усиливать как развитие, так и зависимость от внешней подсказки. Поэтому ключевой вопрос заключается не в том, заменит ли технология учителя или психолога, а в том, при каких условиях она становится средством развития субъекта. В этом отношении продуктивным представляется подход, в котором ИИ рассматривается как вспомогательный инструмент диагностики, сопровождения и развивающей обратной связи, но не как автономный источник решений, принимаемых за ребенка. Такая постановка вопроса согласуется и с нашей линией исследований, где развитие обучающегося связывается с когнитивными, метакогнитивными и рефлексивными механизмами саморегуляции [1; 5].

Российская тенденция сегодня состоит в постепенном переходе от общего интереса к ИИ к его институциональному включению в образование. В школьной сфере это проявляется в расширении учебных программ и курсов по искусственному интеллекту, подготовке педагогов к работе с новыми инструментами, появлении форматов профориентации и диагностики, ориентированных на цифровую среду. При этом российская практика пока характеризуется осторожностью: ИИ чаще рассматривается как помощник учителя, навигатор образовательного маршрута и средство повышения адресности сопровождения, а не как самостоятельный субъект образовательного взаимодействия. Для психолого-педагогической поддержки школьников здесь особенно перспективны сервисы, помогающие выявлять учебные затруднения, отслеживать динамику интересов и давать ребенку более понятную и персонализированную обратную связь [3].

В зарубежных исследованиях цифровизации образования заметна иная, более широкая рамка ее исследований. Здесь ИИ все чаще обсуждается как часть экосистемы поддержки школьника: от адаптивного обучения до сопровождения детей с особыми образовательными потребностями, от аналитики учебных данных до формирования базовой ИИ-грамотности. Важный поворот состоит в том, что международные организации все настойчивее подчеркивают: эффективность использования ИИ в школе зависит не от самой технологии, а от психолого-педагогических принципов ее применения. Если ИИ используется без развивающей задачи, то он лишь ускоряет выполнение действия; если же он встроен в содержательную работу учителя или тьютора, то может помогать пониманию, развитию самоконтроля и постепенному становлению учебной самостоятельности учеников [2; 4].

Китайская *политика* цифровизации образования отличается большей системностью и государственным масштабом. В последние годы в КНР ИИ вводится в школьное образование не только как технологическая новинка, но и как стратегический ресурс для обновления системы обучения. Речь идет сразу о нескольких *направлениях работы*: о включении элементов ИИ в школьные программы, о создании специальных базовых школ и площадок «AI + education», о подготовке управленцев и педагогов к использованию ИИ, а также о соединении цифровизации с задачами воспитания и развития инновационного потенциала учащихся. На этом фоне психолого-педагогическая поддержка школьников все чаще понимается не узко, как коррекция трудностей, а шире — как сопровождение когнитивного развития учащихся в интеллектуально насыщенной и технологически изменчивой цифровизированной среде образования [4].

Сопоставление этих трех векторов позволяет увидеть общее и различное. Общее состоит в том, что и в России, и за рубежом, и в Китае ИИ все чаще связывается с персонализацией обучения, расширением диагностических возможностей и повышением адресности помощи школьнику. Различия же связаны с тем, какую степень самостоятельности приписывают ИИ в образовательном процессе. В российской практике пока сильнее выражена логика осторожного внедрения; в международной — логика этического и доказательного регулирования; в китайской — логика системной государственной интеграции.

С нашей точки зрения, для педагогической психологии наиболее важен следующий вывод. ИИ имеет смысл рассматривать как средство психолого-педагогической поддержки школьников только в том случае, если он помогает не подменять внутреннюю работу ребенка, а усиливать ее. Речь идет прежде всего о развитии самосознания, учебной самостоятельности, рефлексии, способности замечать затруднение и переводить внешнюю подсказку в собственный следующий шаг когнитивного развития. Именно при таком использовании ИИ может становиться не просто цифровым сервисом, а ресурсом предпрофессионального развития человеческого капитала обучающихся в современной школе.

Литература:

1. *Семенов И.Н., Гришин И.С.* Развитие человеческого капитала учащихся в дошкольном, школьном, высшем и дополнительном образовании // Известия РАО. 2022. № 2(58). С. 135–145.

2. *Семенов И.Н., Калашников И.Г.* Рефлексивно-смысловая педагогическая психология развития когнитивных и метакогнитивных аспектов человеческого капитала учеников и учителей // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21. № 2–3. С. 78–85.

3. UNESCO. Guidance for generative AI in education and research. Paris: UNESCO, 2023.

4. OECD. Digital Education Outlook 2026: Towards a Human-Centred Digital Transformation. Paris: OECD Publishing, 2026.

5. Ministry of Education of the People's Republic of China. Guidance on how to teach AI in primary and secondary schools and the 2025 Digital Education Strategy. Beijing, 2024–2025.

ПРАЙМИНГ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ

Семенова М.А.
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Прайминг является одним из ключевых феноменов современной когнитивной психологии, поскольку отражает неосознаваемое влияние предшествующей информации на восприятие, понимание и последующую обработку стимулов. В классическом понимании прайминг рассматривается как проявление имплицитной памяти, при котором ранее предъявленный материал облегчает или модифицирует последующую реакцию без осознанного контроля со стороны субъекта. В психологической литературе прайминг обычно описывается как многоуровневый феномен, включающий перцептивный, лексический, семантический, синтаксический и аффективный виды.

В психолингвистике прайминг занимает особое место как механизм, позволяющий исследовать организацию ментального лексикона, процессы языкового прогнозирования и закономерности речевого порождения. Наиболее активно сейчас изучаются семантический и синтаксический прайминг, а также влияние контекста на интерпретацию текста и выбор языковых структур. Эти исследования показывают, что языковая обработка не является линейной: предшествующие стимулы способ-

ны существенно менять скорость распознавания, характер ассоциаций и структуру ответных высказываний. Таким образом, прайминг является важным инструментом для анализа того, как языковой и когнитивный контексты формируют поведение человека в процессе коммуникации.

Современное состояние исследований прайминга характеризуется расширением его интерпретации за пределы классических лабораторных задач. Если ранее основной акцент делался на экспериментальных процедурах распознавания слов и изображений, то сегодня прайминг рассматривается также в связи с анализом естественной речи, нарративов, диалогов и цифровых текстовых корпусов. Это делает феномен особенно перспективным для междисциплинарных исследований на стыке психологии, лингвистики и наук о данных.

Новые возможности открывает применение искусственного интеллекта. ИИ позволяет автоматизировать анализ больших массивов текстовых и поведенческих данных, выявлять скрытые семантические паттерны, кластеризовать типы реакций и сопоставлять человеческие ответы с вычислительными моделями. В психологии это особенно важно для исследования когнитивных и эмоциональных реакций, а в психолингвистике — для анализа контекстной зависимости смыслообразования. В перспективе ИИ может стать не только инструментом обработки данных, но и средством проверки психологических теорий, связанных с праймингом, вниманием и имплицитной памятью.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что прайминг сохраняет статус одного из фундаментальных объектов психологического исследования. Его значение выходит за рамки классических экспериментальных моделей и все больше связано с анализом естественного языка, когнитивных процессов и цифровых следов поведения. Интеграция ИИ в исследования прайминга позволяет расширить методический инструментарий психологии и создать более точные способы анализа контекста, семантики и неосознаваемых механизмов обработки информации.

Литература:

1. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182–189.

2. *Корж Е.М., Громова А.В.* Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в психологии // Системная психология и социология. 2023. № 2(46). С. 60–70.

3. *Фаликман М.В., Койфман А.Я.* Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. № 3. С. 86–97.

4. *Семенова М.А.* Современные и классические представления о негативном прайминге // Сибирский психологический журнал. 2024. № 90. С. 175–187. DOI: 10.17223/17267080/90/10.

5. *Бессонов А.А., Гайворонская А.А.* Прайминг и его эффекты в получении криминалистически значимой информации // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 207–212.

ЧЕЛОВЕК VS АЛГОРИТМ: ПСИХОЛОГИЯ КОНФЛИКТА В ЭПОХУ ЭКСПАНСИИ GenAI

Сергеев С.Ф., д.пс.н., ***Гаврилюк С.Н.,*** студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Развитие генеративного искусственного интеллекта (GenAI) сопровождается трансформацией всех сфер человеческого общества [1], и прежде всего его социально-трудовой структуры: поляризацией занятости, сокращением профессий среднего уровня, распространением нестандартных форм труда. Формируется новая этико-правовая реальность, актуализирующая проблемы алгоритмической предвзятости, непрозрачности решений и размывания ответственности.

Фиксируются атрофия критического мышления, ослабление памяти и снижение креативности у пользователей, делегирующих интеллектуальные задачи алгоритмам. Формируется зависимость от GenAI, наблюдается рост социально-психологического напряжения, это связано с угрозой утраты профессиональной и личностной востребованности.

Цель работы — анализ психологической структуры конфликта «человек vs алгоритм».

Гипотеза: конфликт носит ценностно-мировоззренческий характер и реализуется в трех плоскостях — когнитивной (борьба за интеллектуальную автономию), идентификационной (кризис профессионального самоопределения) и экзистенциальной (противостояние алгоритмической рациональности и потребности в смысле).

Предпосылки конфликта: структурные сдвиги и цифровое неравенство. Центральной проблемой, связанной с цифровой трансформацией, является глубокая перестройка рынка труда. Автоматизация ведет к качественному изменению структуры занятости населения. Возникающие разрывы в уровнях доходов и социальной защищенности формируют основу для социальной напряженности.

Наряду с экономическим неравенством возникает цифровое неравенство как многомерный феномен, не сводимый к проблеме доступа к Интернету. Цифровое неравенство закрепляет и воспроизводит социально-экономическое неравенство, ограничивая возможности трудоустройства и доступа к услугам, что в конечном счете усугубляет психологический дискомфорт у менее адаптированных групп населения, усиливает конфликтный потенциал взаимодействия человека с алгоритмическими системами.

Этические дилеммы и когнитивные риски. Алгоритмы способны воспроизводить и усиливать социальные стереотипы вследствие смещения выборок, на которых они обучаются. Ключевой проблемой является непрозрачность нейросетей, затрудняющая распределение ответственности за возможный вред [2]. В правовом дискурсе преобладает позиция, согласно которой GenAI следует рассматривать как инструмент, а ответственность возлагать на разработчиков и пользователей несмотря на непредсказуемое поведение нейросетей [3; 4].

Считается, что при некритическом использовании GenAI у человека происходит «когнитивная эрозия»: атрофия критического мышления, ослабление памяти, снижение креативности. Формируются «синдром готового ответа» и зависимость от алгоритмов. Эмпирически подтверждено, что уровень тревоги варьируется в зависимости от профессиональной идентичности: специалисты социально-экономических направлений значительно больше обеспокоены автоматизацией, чем из технических специальностей.

Три плоскости психологической структуры конфликта. Обобщение литературных данных позволяет выделить три ключевые плоскости конфликта, формирующие психологическое напряжение при взаимодействии с GenA I.

1. *Когнитивный конфликт: борьба за интеллектуальную автономию.*

Разворачивается в познавательной сфере. Алгоритм предлагает готовый ответ, снимая необходимость в мыслительном усилии. Пользователь сталкивается с дилеммой: довериться машине или сохранить

самостоятельность мышления. Возникает феномен *интерпассивности* — делегирование алгоритму не только действий, но и рефлексии, что ведет к атрофии критического мышления. Переживается как чувство интеллектуальной неполноценности либо нарциссическое слияние с алгоритмом.

2. *Идентификационный конфликт: кризис профессионального самоопределения*.

Связан с угрозой Я-концепции. Эффективность работы алгоритма обесценивает привычные трудовые функции, порождая у пользователя глубинный «кризис смысла»: какова уникальная ценность человека, если алгоритм создает тексты, искусство и анализирует данные не хуже? Наибольшее напряжение фиксируется в сферах творчества и эмпатии, то есть там, что традиционно считалось исключительно человеческим.

3. *Экзистенциальный конфликт: рациональность против свободы.*

Наиболее глубокая плоскость. Противостояние алгоритмической рациональности и человеческих потребностей в автономии, спонтанности и самореализации. Алгоритм создает иллюзию комфорта, но лишает субъектности, превращая человека в объект управления. Формируется система, где поведенческие данные используются для манипуляции сознанием. Человек ощущает себя «приложением» к алгоритму, что переживается как утрата спонтанности, и на этом фоне возникает борьба за свободу воли.

Заключение. Конфликт «человек vs алгоритм» в эпоху экспансии GenAI носит комплексный характер. Он не сводится лишь к экономической конкуренции за рабочее место, а затрагивает глубинные слои когнитивной сферы, личностной идентичности и экзистенциальных ценностей человека, что требует особого внимания к процессам симбиоза GenAI с человеком в труде [5].

Литература:

1. *Сергеев С. Ф.* Социотехнические системы с искусственным интеллектом: вопросы теории и методологии // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 1. С. 4–23.

2. *Сергеев С. Ф., Руденко З. А.* Проблема «темных паттернов» и синтетических данных в системах с искусственным интеллектом // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9. № 4. С. 145–170.

3. *Сергеев С. Ф.* Непреднамеренные психологические, правовые и этические последствия «случайных находок» ИИ: ретроспективный анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2025. Т. 10. № 4 (40). С. 6–23.

4. *Сергеев С. Ф.* Автофагия синтетических данных: экологический предел эволюции генеративного искусственного интеллекта // Философские науки. 2026. Т. 69. № 1.

5. *Сергеев С. Ф.* Интеллектный симбиоз как основа организационного лидерства в эпоху экспансии GenAI // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2026. Т. 11. № 2. С. 76–104.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ПСИХОЛОГОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ: ЗАРУБЕЖНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Семина М. В., к. пед. н.
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта трансформирует ландшафт психологического образования и практики. Если первоначально применение ИИ в психологии ограничивалось преимущественно исследовательскими задачами, то сегодня спектр его использования расширяется до непосредственного включения в процессы диагностики и консультирования клиентов, а также профессиональной подготовки специалистов. Особый интерес вызывает потенциал ИИ в профессиональной подготовке психологов-консультантов — сфере, традиционно опирающейся на межличностное взаимодействие, супервизию и практический опыт.

Активные исследования в области использования ИИ для обучения психологов-консультантов ведутся за рубежом с конца 2010-х годов. В доступных материалах T. Atapattu, M. Thilakaratne с коллегами представлен обзор около 40 исследований, опубликованных в период с 2019 по 2024 г. Авторы показывают, что ИИ-решения в этой сфере развиваются по нескольким ключевым направлениям, которые мы последовательно представим в докладе. Наиболее распространенным

подходом является создание конверсационных агентов (чат-ботов), имитирующих поведение клиентов, для отработки обучающимися психологами консультативных навыков в безопасной среде [2].

Значимый вклад в развитие этого направления внесли исследования по созданию симуляционных клиентов на основе генеративного ИИ. T. Maurya и др. предложили использовать ChatGPT в качестве виртуального клиента для ролевых игр в процессе обучения. Данный подход позволяет обучающимся практиковать навыки ведения консультации, получая обратную связь в диалоговом режиме. Авторы отмечают, что ChatGPT способен воспроизводить эмпатийный тон и вовлекать пользователя в процесс, однако его ответы могут быть излишне идеализированы; также система не передает невербальные сигналы, являющиеся критически важным компонентом реальной коммуникации.

Эмпирическое исследование D. Jeong и соавторов, опубликованное в 2025 г., стало одним из первых в мире, в котором количественно оценивалась эффективность ИИ-ассистированного обучения консультантов [3]. В исследовании принял участие 41 обучающийся, прошедший три консультационные сессии с использованием ChatGP T. Участники были разделены на две группы: в одной акцент делался на саморефлексию, в другой — на обратную связь, генерируемую ИИ. Результаты продемонстрировали значительное повышение самоэффективности участников на протяжении всего обучения, при этом эффект сохранялся и после завершения тренинга. Уровень тревожности также снизился, хотя наиболее выраженные изменения наблюдались между первой и второй сессиями. При этом группа саморефлексии показала более крутую траекторию роста самоэффективности по сравнению с группой, получавшей ИИ-генерируемую обратную связь, что указывает на важность активного осмысления собственного опыта.

Разработка специализированных ИИ-инструментов для супервизии представляет собой еще одно значимое направление. Уже сегодня за рубежом существуют платформы, способные анализировать записи консультационных сессий, выделяя ключевые темы, эмоциональные паттерны и интервенции терапевта, что позволяет существенно повысить эффективность супервизионного процесса. Обзор 20 исследований, охватывающий период с 2012 по 2025 г., показал, что в 40% случаев ИИ выполняет функцию поддержки консультанта, а в 55% — выступает в роли интервенционного агента для клиента.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, какие задачи ИИ решает хорошо, а какие остаются за пределами его возможностей. Эффективность ИИ-инструментов в снижении симптомов депрессии и тревоги оценивается как значимая (g=0,42), однако в эмпатии и формировании терапевтических отношений фиксируются ограничения [1]. Для будущих психологов-консультантов это означает, что ИИ может использоваться как вспомогательное средство, но не заменяет живого взаимодействия.

Проект AI4Counseling, реализуемый в рамках программы Erasmus+ (2025–2028), представляет собой пример использования системного подхода к внедрению ИИ в подготовку школьных консультантов. Проект предусматривает разработку университетского курса, обучающего применению ИИ в консультативной практике, и создание ассистента AI4Counsel для поддержки благополучия обучающихся и эффективности академического прогресса. Важной особенностью проекта является его открытость: все разработанные ресурсы будут доступны через открытую платформу для широкого распространения в европейских учебных заведениях.

В России интеграция ИИ в подготовку психологов находится на этапе активного становления. В отличие от зарубежной практики, где акцент делается на создании симуляционных сред и чат-ботов, в отечественной практике разработки чаще сосредоточены на создании адаптивных тренажеров и специализированных платформ поддержки. Подписанный в июле 2026 г. Президентом России В.В. Путиным ФЗ № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» придает импульс развитию заданного тренда.

Важным достижением является разработка «Адаптивного тренажера для подготовки психологов» (AT-PSY) в Московском государственном психолого-педагогическом университете [4]. Тренажер основан на математической модели адаптивного обучения как процесса с дискретными состояниями, что позволяет индивидуализировать учебную траекторию и сокращать время освоения диагностических методик. Данный программный продукт имеет алгоритмизированное содержание, он успешно прошел апробацию и планируется к использованию для подготовки психологов-консультантов.

В Тольяттинском государственном университете в 2025 г. был запущен курс «Системы искусственного интеллекта в профессиональной

деятельности психолога» для студентов магистратуры «Психология управления». Программа курса включает изучение алгоритмов анализа речи и эмоций, систем психодиагностики и HR-аналитики, а также знакомство с чат-ботами на базе нейросетей для психологической помощи. Особое внимание уделяется практической работе с реальными кейсами и этическим аспектам использования ИИ. Руководство программы подчеркивает, что цель курса — не замена человеческого участия, а обучение эффективному использованию ИИ для повышения качества и доступности психологической поддержки.

Московский институт психоанализа в 2025 г. анонсировал магистерскую программу «Цифровые технологии в психологическом консультировании и психотерапии» — первую в России программу, целенаправленно готовящую психологов к работе с ИИ и нейротехнологиями. Программа включает модули, посвященные использованию алгоритмов ИИ для диагностики, ассистированных форматов консультирования (чат-боты, AI-супервизоры), этике и безопасности цифрового консультирования. Данная инициатива отражает стратегический сдвиг в отечественном психологическом образовании — от эпизодического использования ИИ-инструментов к системной подготовке специалистов нового поколения.

Практические разработки также имеют место в отечественной практике. Так, в России протестирована первая ИИ-платформа для поддержки психологов, которая автоматизирует протоколирование сессий, структурирование заметок и анализ ключевых терапевтических параметров [5]. Тестирование на основе 629 реальных консультаций показало, что 95% рекомендаций платформы были полезны, а доля опасных рекомендаций составила 0%. Экономия рабочего времени достигает 20–30%, что особенно значимо при дефиците специалистов в регионах.

Сибирский государственный медицинский университет провел интегративную лекцию для студентов — клинических психологов, посвященную информационно-психологической безопасности в эпоху ИИ. Студенты ознакомились с возможностями использования виртуальных пациентов и симуляций для отработки навыков сбора анамнеза и диагностики, а также с чат-ботами для работы с острыми состояниями. Важным акцентом мероприятия стало обсуждение этических и профессиональных вызовов, возникающих при интеграции ИИ в терапевтическое пространство.

Сопоставление зарубежной и отечественной практики позволяет выделить несколько значимых различий в подходах к использованию ИИ в подготовке психологов-консультантов. Во-первых, в зарубежных исследованиях доминирует направление симуляционного обучения: ИИ выступает в роли виртуального клиента, с которым обучающийся может практиковать консультативные навыки в безопасной среде. В отечественной практике больший акцент делается на тренажерных технологиях для отработки диагностических процедур и на инструментах аналитической поддержки практикующих специалистов. Во-вторых, зарубежные исследователи накопили более солидный массив эмпирических данных, подтверждающих эффективность ИИ-инструментов в обучении. В России исследования носят преимущественно описательный характер и сосредоточены на презентации разработанных продуктов, а не на количественной оценке их образовательной эффективности. В-третьих, за рубежом программы интеграции ИИ в подготовку консультантов часто инициируются на уровне межвузовских консорциумов и поддерживаются крупными грантовыми программами. В России инициативы пока имеют преимущественно локальный характер — отдельные университеты или лаборатории разрабатывают курсы и инструменты без единой координационной стратегии.

Анализ зарубежной и отечественной практики позволяет выделить несколько общих для стран направлений дальнейшего развития интеграции ИИ в процесс подготовки психологов-консультантов:

– наиболее перспективным представляется подход, при котором ИИ выступает не как замена преподавателя или супервизора, а как дополнение к традиционным методам обучения. Исследователи предлагают рассматривать ИИ как «поддерживающего партнера» (supportive partner) в образовательном процессе, что предполагает гибридную модель, сочетающую технологическую эффективность и человеческую глубину;

– как зарубежные, так и отечественные эксперты сходятся во мнении, что ключевой задачей становится формирование у будущих психологов компетенций в области ИИ-грамотности и этического суждения. Специалист будущего должен не просто уметь пользоваться ИИ-инструментами, но и критически оценивать их возможности, ограничения и этические импликации;

– необходима разработка четких стандартов применения ИИ в психологическом образовании и практике — от критериев валидности

и надежности ИИ-инструментов до протоколов информированного согласия и защиты данных;

– успешная интеграция ИИ требует взаимодействия психологов, специалистов по машинному обучению, педагогов и специалистов по этике.

Таким образом, искусственный интеллект открывает новые возможности в подготовке психологов-консультантов, позволяя создавать безопасные симуляционные среды для отработки навыков, автоматизировать рутинные задачи и предоставлять персонализированную обратную связь. Зарубежные исследования демонстрируют эффективность ИИ-инструментов в повышении самоэффективности обучающихся и снижении тревожности. Отечественная практика, хотя и находится на более раннем этапе развития, предлагает оригинальные решения в области адаптивных тренажеров и специализированных образовательных программ.

Вместе с тем интеграция ИИ в психологическое образование сопряжена с серьезными вызовами — ограниченностью эмпатических возможностей технологий, вопросами ответственности и безопасности, риском дегуманизации. Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую оценку долгосрочных эффектов ИИ-ассистированного обучения и разработку критериев эффективности для различных образовательных контекстов.

Литература:

1. Адаптивный тренажер для подготовки психологов // Московский государственный психолого-педагогический университет. 2023. 8 ноября. URL: https://mgppu.ru/news/13336 (дата обращения: 30.07.2026).

2. Разработана первая ИИ-платформа поддержки психологов // МирВрача. 2025. URL: https://bz.medvestnik.ru/content/news/v-rossii-razrabotali-pervuu-ii-platformu-podderjki-psihologov.html (дата обращения: 30.07.2026).

3. A Systematic Literature Review of AI Based Counseling and Counselor Education: Integrating Counseling Psychology and Educational Technology. KCI. 2025.

4. *Atapattu T., Thilakaratne M., Do D.N., Herath M., Falkner K.E.* Exploring the Role of Mental Health Conversational Agents in Training Medical Students and Professionals: A Systematic Literature Review // Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2025.

Vienna: Association for Computational Linguistics, 2025. P. 20785–20798. DOI: 10.18653/v1/2025.findings-acl.1069.

5. *Jeong D., Lee H., Yang H., Park J.C., Lee S.M.* AI Integration in Counseling Training: Aiding Counselors-in-Training in Self-Efficacy Enhancement and Anxiety Reduction // Journal of Counseling & Development. 2025. Vol. 103. № 3. P. 346–360. DOI: 10.1002/jcad.12560.

ДРАЙВЕРЫ ПРИНЯТИЯ СОВМЕСТНЫХ РЕШЕНИЙ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ВУЗА С ИИ: РОЛЬ КОГНИТИВНОЙ ГИБКОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

Скляр Н.Н., аспирант
Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований, Москва, Россия

Внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) в процесс управления системой высшего образования в вузе создает новый класс психологических задач. Успешное использование ИИ руководящим составом вуза зависит не столько от технических характеристик систем, сколько от когнитивных качеств самого человека.

Цель теоретического анализа — выявить роль когнитивной гибкости и профессионального опыта как ключевых драйверов принятия решений с помощью ИИ руководителями вуза.

В качестве методологического основания анализа использован подход, опирающийся на положения когнитивной теории гибкости, которая объясняет, каким образом происходит переработка сложной и неструктурированной информации в процессе принятия управленческих решений в условиях неопределенности. Данный подход позволяет рассматривать взаимодействие с ИИ как когнитивно-трансформационный процесс, в котором непредвиденная информация, генерируемая системами ИИ, может способствовать перестройке ментальных репрезентаций и развитию более гибких стратегий мышления.

В контексте управленческой деятельности когнитивная гибкость операционализируется как способность воспринимать сложные ситуации как контролируемые, продуцировать множественные альтер-

нативные объяснения и генерировать различные варианты решений в нестандартных ситуациях.

Исследования подтверждают: более высокий уровень образования коррелирует с лучшими навыками критического мышления — независимо от того, насколько часто человек использует ИИ. Руководители оценивают рекомендации ИИ через призму контекста своего управленческого опыта, следовательно, профессиональный опыт и образование выступают не конкурентами ИИ, а драйверами его использования: чем выше уровень когнитивной зрелости, тем точнее руководитель отделяет полезные советы ИИ от неприменимых. В частности, в исследовании Chen и Xiao [4] на выборке из 645 студентов университетов показано, что когнитивная гибкость значимо опосредует связь между столкновением с информацией, генерируемой ИИ, и креативностью, усиливая эту связь, при этом данный эффект проявляется только при среднем и высоком уровне ИИ-грамотности [4].

Российские исследователи также активно разрабатывают данную проблематику. В.С. Ефимов и А.В. Лаптева обосновывают концепцию «педагогики гибридного интеллекта», согласно которой интеллектуальная рабочая сила в университете будущего будет организована в виде команд, образованных людьми и ИИ-моделями. Авторы подчеркивают, что управление развитием университета в эпоху ИИ требует принципиально новой организации взаимодействия человека и искусственного интеллекта [1].

Аналогичные идеи предлагает и А.Х. Шелепаева, позиционирующая ИИ исключительно как «когнитивный ассистент», расширяющий возможности, но не замещающий человека. Она подчеркивает, что ключевая роль руководителя сохраняется в развитии критического мышления и передаче опыта, навыков, интуиции и ценностных установок, которые трудно формализовать для машинного обучения [3].

Наиболее перспективной для вузовского управления признается модель гибридного принятия решений, где ИИ генерирует варианты, а руководитель — на основе когнитивной гибкости и опыта — осуществляет критическую оценку и итоговый выбор. В рамках этой концепции предлагается использовать системный подход, что помогает избегать неоптимальных вариантов внедрения искусственного интеллекта и машинного обучения и помогает использовать модель гибридного принятия решений для инновационного и перспективного управления вузом [5].

Г.А. Пушкарь предлагает термин «гибридное агентство» — такую схему работы, в рамках которой обязанности и зона ответственности делятся между человеком и алгоритмом. По его мнению, это помогает снизить внутреннее неприятие новшеств и уменьшить когнитивный разрыв. Автор обращает внимание: то, как преподаватели-гуманитарии решают использовать ИИ в своей работе, зависит не столько от самого софта, сколько от социальных и психологических установок — например, от чувства профессиональной принадлежности и того, на кого они готовы переложить ответственность за результат [2].

Эффективность взаимодействия руководителя вуза с ИИ определяется не техническими параметрами систем, а когнитивной гибкостью и профессиональным опытом субъекта управления. Названные качества дополняют друг друга: опыт задает критерии отбора релевантных рекомендаций, гибкость обеспечивает перестройку мыслительных стратегий при работе с вероятностными данными. Обобщение концепций гибридного интеллекта и гибридного агентства показывает, что ИИ выполняет роль когнитивного ассистента, генерирующего варианты, тогда как окончательное решение и ответственность остаются за руководителем.

Литература:

1. *Ефимов В.С., Лаптева А.В.* Педагогика гибридного интеллекта — новый вызов управлению развитием университета // Университетское управление: практика и анализ. 2025. Т. 29. № 4. С. 34–43.

2. *Пушкарь Г.А.* Модель принятия решений преподавателем-гуманитарием при интеграции ИИ в образовательный процесс // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2025): Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. М.: МГППУ, 2025. С. 528–537.

3. *Шелепаева А.Х.* Управление цифровой трансформацией в системе высшего образования: мировая практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2023. Т. 22. № 4. С. 580–604.

4. *Chen X., Xiao L.* Serendipitous sparks: AI information encounter, cognitive flexibility, AI literacy, and university student creativity // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Article 1623730.

5. *Sauer C.R.* Human-AI Collaboration in Production Management: A Framework for Decision Optimization through Hybrid Intelligence. Wiesbaden: Springer Vieweg, 2026.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ С ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Скрыльникова Н. И.
Центр психологии и психоанализа «Selfhood», Москва, Россия
Холодная М. А., д. пс. н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Разработки в области ИИ крайне динамичны, их цель — постоянное улучшение функциональности, все большее приближение возможностей генеративного ИИ к человеческому поведению и все более интенсивное расширение сферы его использования. Соответственно, особую актуальность приобретают исследования условий формирования информационной культуры личности, позволяющей обеспечить безопасность человека в контексте цифровизации профессиональной и повседневной жизни.

Цель исследования — выделить основные современные подходы к изучению психологических последствий взаимодействия пользователя с генеративным ИИ. Исходным материалом послужило содержание статей, отобранных с учетом максимальной гетерогенности их тематики и опубликованных с 2023 по 2025 г. в научных журналах и сборниках материалов конференций, включенных в международные базы данных.

Анализ дискурса научных зарубежных журналов позволил выделить пять основных подходов, в рамках которых описываются разные психологические аспекты взаимодействия человека с генеративным ИИ: структурно-функциональный, информационный, когнитивный, личностный и институциональный [1].

Структурно-функциональный подход рассматривает разнообразие потенциально возможных структурных позиций и функций, делегируемых субъектом генеративному ИИ в процессе взаимодействия.

Информационный подход апеллирует к свойствам (специфике) генерируемой информации, обусловливающей возможности и ограничения ее использования в интеллектуальной деятельности человека.

Когнитивный подход подчеркивает влияние взаимодействия с генеративным ИИ на когнитивные процессы субъекта и на состояние интеллектуальных ресурсов пользователей.

Личностный подход описывает роль личностных особенностей в диалоге с генеративным искусственным интеллектом и их трансформацию в этом процессе.

Институциональный подход акцентирует внимание на правовых, социальных и культурных нормах, обеспечивающих безопасность пользователя в условиях применения генеративного ИИ.

В рамках каждого подхода представлены факты, свидетельствующие как о позитивном, так и о негативном влиянии генеративного ИИ на ментальные состояния пользователя.

Исследования в контексте структурно-функционального подхода [5] показывают, что особенности взаимодействия человека с генеративным ИИ во многом зависят от познавательной позиции пользователя (субъективного восприятия структурной роли и функционального назначения ИИ).

Информационный подход сосредоточивает внимание на важности развития у пользователей в условиях взаимодействия с генеративным ИИ рефлексивного отношения к информации и навыков ее критического анализа, что позволит опознавать и игнорировать «цифровые подделки» («дипфейки»).

Факты, полученные в рамках когнитивного подхода, позволяют говорить о том, что процесс взаимодействия человека с генеративным ИИ обусловливает определенную перестройку когнитивной сферы пользователя [3]. Несомненный интерес представляет следующий вопрос: как, учитывая возможность когнитивных искажений (в виде таких феноменов, как «метакогнитивная лень», «иллюзия компетентности», «пузыри фильтров» и т. п.), превентивно выстроить средства защиты интеллектуальных ресурсов человека.

Значение личностного подхода заключается в подчеркивании необходимости сохранения личной автономии пользователя и его социальных связей с другими людьми при взаимодействии с генеративным ИИ, а также в минимизации рисков аддиктивного поведения [2].

Институциональный подход выдвигает на первый план проблему защиты психологического благополучия пользователя [4], что предполагает разработку нормативно-правовой регуляции взаимодействия человека с генеративным ИИ и формирование информационной культуры личности.

Таким образом, проблема взаимодействия человека с генеративным ИИ с учетом его психологических последствий, как позитивных,

так и негативных, является одной из центральных тем в современной психологии.

Взгляды научной общественности на эволюцию генеративного ИИ представлены в виде полярных нарративов. Одни специалисты замечают угрозы, исходящие от взаимодействия с генеративным ИИ, и пессимистично оценивают результаты его массового использования, в то время как другие подчеркивают принципиально новые возможности генеративного ИИ для интеллектуальной деятельности человека, признавая его эффективным инструментом. Факты, выявленные в рамках описанных выше подходов, позволяют наметить перспективы в изучении психологических аспектов безопасного и продуктивного взаимодействия человека с современными цифровыми системами, включая отслеживание долгосрочных эффектов от применения технологий генеративного ИИ.

Литература:

1. *Скрыльникова Н.И., Холодная М.А.* Современные подходы к изучению психологических аспектов взаимодействия пользователя с генеративным искусственным интеллектом // Современная зарубежная психология. 2026. № 2.

2. *Frankenberg A., Hochman G.* It's scary to use it, it's scary to refuse it: The psychological dimensions of AI adoption — anxiety, motives, and dependency // Systems. 2025. Vil. 3(2). Article 82. URL: https://doi.org/10.3390/systems13020082.

3. *Gerlich M.* AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking // Societies. 2025. Vol. 15(9). Article 252. URL: https://doi.org/10.3390/soc15010006.

4. *Girma A.H.* The role of artificial intelligence in shaping human interaction and cognitive function // Kotebe Journal of Education. 2025. Vol. 3(1). P. 69–88. URL: https://doi.org/10.61489/30053447.3(1).69.

5. *Messeri L., Crockett M.J.* Artificial intelligence and illusions of understanding in scientific research // Nature. 2024. Vol. 627(8002). P. 49–58. URL: https://doi.org/10.1038/s41586–024–07146–0.

ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СТАРТАПА ДЛЯ ИИ-ПОДДЕРЖКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

Слепухин Р. С., Кузьменко А. А.
Брянский государственный технический университет,
Брянск, Россия

Университетский стартап становится образовательным, предпринимательским и управленческим объектом в организационной системе вуза. В его развитии участвуют студент или команда, научный руководитель, проектный офис, акселератор, кафедра, индустриальный партнер и экспертная комиссия. Решения о поддержке проекта часто принимаются при неполных данных: идея еще меняется, рынок проверен частично, команда нестабильна, технологическая готовность не совпадает с учебным графиком. Поэтому оценка стартапа требует экспертного разбора, а единый балл или формальный рейтинг дают слишком бедное основание для решения.

Предлагаемая модель ИИ-поддержки описывает стартап через связку данных, экспертных признаков и управленческих действий. На вход модели подаются заявка проекта, описание продукта, состав команды, результаты интервью с потенциальными пользователями, сведения о прототипе, календарный план, затраты, риски и экспертные замечания. ИИ может извлекать признаки проекта из текстовых материалов, сопоставлять их с требованиями акселератора, находить противоречия, готовить вопросы для экспертов и формировать черновой паспорт проекта. Этот паспорт показывает, какие меры поддержки рекомендуются проекту: консультация, проверка гипотез, доработка команды, доступ к лаборатории или переход к следующей стадии.

Модель сохраняет управленческий характер задачи. Алгоритм не принимает решение о финансировании и не определяет судьбу проекта. Он поддерживает подготовку решения: выделяет признаки зрелости проекта, указывает риски, фиксирует ограничения данных и предлагает набор допустимых воздействий. Ответственность остается у человека, поскольку именно эксперт и руководитель видят образовательную ценность проекта, мотивацию команды, качество взаимодействия и стратегические интересы вуза.

Наша разработка принадлежит к классу моделей организационных систем и опирается на механизмы принятия решений, идентификацию состояния объекта по экспертным сведениям и программную поддержку управленческой процедуры. Второй слой — человеко-машинный: объяснимость ИИ, доверительное человеко-машинное взаимодействие, моделирование экспертного суждения и эргодизайн обратной связи. Для конференции по ИИ в психологии здесь существенна командная динамика стартапа: система должна показывать причины того, почему дается та или иная рекомендация, поддерживать мотивацию участников и снижать тревожность, отказываясь от непрозрачного машинного балла.

Практический результат состоит в описании проектной модели, пригодной для работы акселератора или проектного офиса университета. Модель делает экспертную процедуру воспроизводимой: видно, какие данные учтены, какие риски остались неясными, какие действия предложены и кто отвечает за итоговое решение. Обратная связь строится как перечень проверяемых оснований для следующего шага. Такая постановка задачи согласует образовательную, исследовательскую и предпринимательскую логику, защищает поддержку стартапов от механического скоринга и сохраняет развивающий характер университетской среды. В психологическом плане такая организация работы снижает неопределенность для команды и экспертов: участники видят проверяемые причины следующего управленческого шага и понимают, какие сведения нужны для доработки проекта.

Литература:

1. *Новиков Д.А.* Теория управления организационными системами. М.: МПСИ, 2005.

2. *Amershi S., Weld D., Vorvoreanu M. et al.* Guidelines for Human-AI Interaction // Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: ACM, 2019. Paper 3. P. 1–13. DOI: 10.1145/3290605.3300233.

3. *Blank S., Dorf B.* The Startup Owner's Manual: The Step-by-Step Guide for Building a Great Company. Pescadero: K & S Ranch, 2012.

4. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The dynamics of innovation: from National Systems and Mode 2 to a Triple Helix of university–industry–government relations // Research Policy. 2000. Vol. 29. № 2. P. 109–123. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.

5. *Ries E.* The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses. New York: Crown Business, 2011.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА О ГОЛОСОВОМ ИИ-АССИСТЕНТЕ: ЖИВОЕ ИЛИ НЕЖИВОЕ?

Смирнова С. Ю., Клопотова Е. Е., Гуменюк А. А.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

За последние годы голосовые ИИ-ассистенты (Alexa, Google Assistant, «Алиса», «Маруся», «Салют») вошли в повседневную жизнь семьи. Ребенок обращается к такому ассистенту голосом, минуя экран и клавиатуру, и потому ассистент доступен уже дошкольнику, который владеет речью, но еще не умеет читать и писать. Это ставит перед психологией развития новую задачу: описать, какие представления складываются у ребенка об отзывчивом собеседнике, который не является человеком, и определить методы их изучения.

В зарубежных исследованиях последних лет можно выделить несколько тематических направлений. Часть из них посвящена изучению того, как ребенок представляет себе ассистента, а также тому, приписывает ли ребенок ассистенту человеческие свойства; это продолжение давней традиции изучения детского анимизма. Другие изучают речевое развитие и процесс поиска информации с использованием голоса, семейный контекст и посредническую роль родителя, а также вопросы, связанные с доверием к технологии, защитой персональных данных ребенка и родительским контролем. Наряду с тематикой важно и то, как эти исследования организованы и с какими трудностями сталкиваются их авторы.

По типу исследовательского дизайна эти работы можно разделить на три группы. Первая — лабораторный эксперимент. К этому типу относится одно из ранних исследований в этой области, работа S. Druga с коллегами [1]: 26 детей от 3 до 10 лет по 15 минут взаимодействовали с ассистентами, а затем в игровой форме отвечали на вопросы. Работа зафиксировала эффекты, позднее не раз подтверждавшиеся: дети

наделяют ассистента человеческими качествами, проверяют границы его возможностей, а характер этих представлений меняется с возрастом. Ограничения исследований такого типа очевидны: лабораторная ситуация далека от домашней, единичная встреча не отделяет реакцию на устройство от реакции на новизну, а выборка в два-три десятка человек исключает количественные обобщения.

Вторая группа — наблюдение в естественных условиях: ассистент изучается дома на протяжении нескольких недель. E. Beneteau с соавторами [2; 3] на материале аудиозаписей, дневников и интервью показали, что преодоление сбоев в работе ассистента и его встраивание в повседневные практики семья осуществляет сообща. R. Garg и S. Sengupta [4] сопоставили журналы команд с интервью и обнаружили расхождение между данными этих источников: журналы показывали, что взрослые преимущественно слушали музыку и управляли умным домом, тогда как у детей 5–7 лет складывалась устойчивая привязанность к колонке, которую родители, как правило, не замечали. Ограничения здесь иного рода: небольшие и однородные выборки и эффект наблюдателя.

Третью группу исследований составляют обзоры. Так, S. Lovato с коллегами [5] обобщает накопленные данные и выделяет три типа вопросов, которые дошкольники задают ассистенту: информационные, вопросы о самой природе ассистента и заведомо нелепые, проверочные. Обзор обнаруживает и общую проблему поля — терминологическую неоднородность: одно и то же явление у разных авторов обозначается как антропоморфизация, приписывание человеческих качеств или персонификация.

Почти все перечисленные работы зарубежные, на российском материале их пока немного. Восполняя этот пробел, мы провели пилотное исследование. Объектом послужила «Алиса»; в частном детском саду были обследованы 13 детей 6–7 лет, имеющих опыт общения с колонкой дома. Применялись структурированное интервью (содержательные сферы вопросов: физиологические потребности, когнитивные возможности, эмоциональные реакции, идентичность и статус объекта) и рисуночная проба. Ответы относили к одной из категорий: качественное отношение, оживление, амбивалентность, функциональное отношение, функциональная неопределенность.

Реже всего живые свойства приписываются «Алисе» в сфере «физиологические потребности»: там около 17% анимистических ответов

против 56% функциональных. В сфере познания («Алиса» как источник знаний) их доля выше (около 26%), в сфере эмоций — еще выше (около 44%), а максимум приходится на вопросы об индивидуальности «Алисы» (около 81%) и о том, живая она или нет (около 65%). Иными словами, «социальный» анимизм у детей выражен заметно сильнее «биологического». Наряду с этим данные говорят о трудностях интерпретации: одну и ту же реплику (««Алиса» просто молчит») можно отнести к разным категориям; ребенок нередко воспроизводит формулировки самой системы, по-настоящему не веря в ее одушевленность; а отнесение ответа к категории отчасти зависит от исследователя.

Рассмотренные работы и наш опыт позволяют поставить несколько общих вопросов. Насколько обосновано использование малых выборок? Как отделить реакцию ребенка на технологию от реакции на новизну? Наиболее сложным представляется вопрос понятийный. Категории, с использованием которых принято описывать общение ребенка (потребность в общении, привязанность, значимый взрослый), сложились применительно к человеку. Ассистент отзывчив, но человеком не является, и остается неясным, применимы ли в этом случае прежние понятия или требуется их пересмотр. Кроме того, ассистенты быстро меняются: с переходом на большие языковые модели их возможности выросли, так что работы разных лет описывают уже не вполне один и тот же объект.

Литература:

1. *Druga S., Williams R., Breazeal C., Resnick M.* «Hey Google is it OK if I eat you?»: Initial Explorations in Child-Agent Interaction // Proceedings of the 2017 Conference on Interaction Design and Children (IDC ’17). New York: ACM, 2017. P. 595–600.

2. *Beneteau E., Richards O.K., Zhang M., Kientz J.A., Yip J., Hiniker A.* Communication Breakdowns Between Families and Alexa // Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI ’19). New York: ACM, 2019. Art. 243. P. 1–13.

3. *Beneteau E., Boone A., Wu Y., Kientz J.A., Yip J., Hiniker A.* Parenting with Alexa: Exploring the Introduction of Smart Speakers on Family Dynamics // Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI ’20). New York: ACM, 2020. P. 1–13.

4. *Garg R., Sengupta S.* He Is Just Like Me: A Study of the Long-Term Use of Smart Speakers by Parents and Children // Proceedings of the ACM

on Interactive, Mobile, Wearable and Ubiquitous Technologies. 2020. Vol. 4. № 1. Art. 11.

5. *Lovato S.B., Piper A.M., Wartella E.A.* Hey Google, Do Unicorns Exist? Conversational Agents as a Path to Answers to Children's Questions // Proceedings of the 2019 Conference on Interaction Design and Children (IDC '19). New York: ACM, 2019. P. 301–313.

РОЛЬ АНТРОПОМОРФИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В БЛАГОПОЛУЧИИ ЛИЧНОСТИ

Солдатова Г.У., д.пс.н., ***Чигарькова С.В.,*** к.пс.н.,
Илюхина С.Н., Клишевич А.С.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

В рамках социально-когнитивной концепции цифровой социализации технологии рассматриваются как культурные орудия, которые в процессе взаимодействия человека с социотехнологической средой встраиваются в психические процессы человека и становятся частью его технологически достроенного Я [2]. В этом контексте антропоморфизация как приписывание нечеловеческим сущностям человеческих характеристик может рассматриваться в роли важного адаптационного механизма в процессе интеграции человека с цифровыми технологиями и ИИ. Предлагается рассматривать антропоморфизацию ИИ в виде многомерного конструкта, отражающего условный континуум восприятия ИИ: как инструмента, как субъекта коммуникации и как сущности, обладающей внутренним миром — сознанием, эмоциями и моральным статусом. При этом все три аспекта сосуществуют внутри картины мира пользователя. В условиях стремительного распространения генеративного ИИ особую актуальность приобретает изучение того, как различные формы его антропоморфизации связаны с цифровым и психологическим благополучием пользователей.

Цель исследования – выявить взаимосвязи между различными аспектами антропоморфизации ИИ и показателями цифрового и психологического благополучия.

Выборка и методы исследования. В исследовании приняли участие 405 человек 18–39 лет (M=23,39; SD=6,53), из которых 63,5%

женщин. Были использованы Шкала общей самоэффективности [4], Шкала психологического благополучия К. Рифф [1], Индекс цифрового благополучия [3]. Для измерения отношения к ИИ использовалась авторская методика «Антропоморфизация искусственного интеллекта», включающая три шкалы: «ИИ как инструмент» (альфа Кронбаха =0,76), «ИИ как субъект коммуникации» (альфа Кронбаха =0,86) и «ИИ как сущность» (альфа Кронбаха =0,83). Обработка данных проводилась с использованием линейного регрессионного анализа.

Результаты. Регрессионный анализ выявил статистически значимый вклад аспектов антропоморфизации ИИ в показатели цифрового и психологического благополучия, однако объясняемая доля дисперсии оказалась совсем небольшой (R^2=0,041–0,070). Общая самоэффективность связана преимущественно с восприятием ИИ как инструмента (β=0,253; $p<0,001$; $F(3,405)=10,216$; $p<0,001$). Вероятно, высокая самоэффективность обеспечивает пользователю ощущение контроля над технологией и снижает потребность в ее очеловечивании как способе снижения неопределенности. Вклад в риски цифрового благополучия внесло восприятие ИИ как субъекта коммуникации (β=0,195; $p<0,01$; $F(3,405)=5,81$; $p<0,01$), что может отражать связь персонификации ИИ с большей эмоциональной вовлеченностью в цифровую среду и связанными с ней рисками. Позитивные отношения и личностный рост как показатели психологического благополучия демонстрируют отрицательные связи с восприятием ИИ как субъекта коммуникации (β=–0,236; p=0,001 и β=–0,286; $p<0,001$ соответственно). Можно с осторожностью предполагать, что восприятие ИИ как полноценного коммуникативного партнера связано с более низким благополучием в смешанной онлайн-/офлайн-реальности и отражает компенсаторную стратегию, направленную на коррекцию дефицитов в общении и саморазвитии. При этом восприятие ИИ как сущности положительно связано с личностным ростом (β=0,196; $p<0,01$), что может указывать на роль более сложного и рефлексивного отношения к ИИ в процессах саморазвития.

Выводы. Полученные результаты позволяют рассматривать антропоморфизацию ИИ как многомерный феномен, связанный с различными стратегиями интеграции технологий в структуру личности и пока не сильно определяющий ее благополучие. Полученные результаты свидетельствуют о том, что инструментальное восприятие ИИ может рассматриваться как более адаптивная стратегия, поддерживающая

ощущение компетентности и контроля в смешанной реальности. Напротив, восприятие ИИ как субъекта коммуникации сопряжено с цифровой уязвимостью и сниженными показателями психологического благополучия. При этом восприятие ИИ как сущности, обладающей внутренним миром, обнаруживает единичные связи, требующие дальнейшего изучения. Вместе с тем даже такие скромные, но статистически значимые эффекты заслуживают внимания, особенно с учетом стремительности технологического развития. Это позволяет рассматривать полученные данные как своего рода ранний сигнал — индикатор того, что по мере дальнейшего распространения генеративного ИИ, увеличения его автономности и антропоморфности интерфейсов выявленные закономерности могут усиливаться и приобретать все большее практическое значение.

Литература:

1. *Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г.* Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. № 32 (2). С. 82–93.

2. *Солдатова Г.У., Войскунский А.Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 18(3). С. 431–450. URL: https://doi.org/10.17323/1813–8918–2021–3–431–450.

3. *Чигарькова С.В., Солдатова Г.У., Илюхина С.Н.* Разработка и апробация Индекса цифрового благополучия личности // Консультативная психология и психотерапия. 2026. № 34 (2). С. 9–39.

4. *Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.Г.* Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.

СОМАТИЧЕСКИЕ СИГНАЛЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ОТ «ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ» К ПОИСКУ ПРЕДИКТОРОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Соловова Н.А., к.пс.н.
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Исследование выполнено за счет бюджетных средств
по государственному заданию Финуниверситета (ФНИР-33
«Особенности использования моральных дилемм,
смоделированных в VR-среде, в образовательном процессе»).

Ведущими отечественными учеными отмечено, что «психология занимает особое место среди наук, объединяя естественно-научные и социогуманитарные дисциплины» (Журавлев, Сергиенко, 2021, с. 6). На сегодняшний день к перечисленным дисциплинам стоит добавить компьютерные науки, что находит отражение в направлениях исследования.

Роль соматических сигналов в понимании психологических феноменов нашла свое подтверждение в целом ряде направлений психологических исследований, из которых наиболее распространенные — исследования с применением полиграфа, проводимые в рамках скрининга при отборе сотрудников и выявлении скрываемой информации. В данных работах, опираясь на соматические сигналы (показатели КГР, АД, ФПГ, дыхания и т. д.) и их динамику, исследователь принимает решение о субъективной значимости определенных вопросов и тем. С другой стороны, например в рамках концепции соматических маркеров А. Дамасио, «эмоции и телесные ощущения (соматические сигналы) играют ключевую роль в процессе принятия решений», они направляют поведение и могут влиять на принятие решений, особенно в тех случаях, когда сложность и неопределенность ситуации мешает принять решение осознанно. Для измерения соматических сигналов могут быть использованы как датчики полиграфа, одновременно фиксирующие несколько вегетативных показателей, так и датчики, считывающие отдельные реакции (чаще всего КГР — кожно-гальваническую реакцию и ВСР — вариабельность сердечного ритма) или особенности голосовых паттернов, лицевых экспрессий, айтрекинга.

Моделирование исследовательских ситуаций в VR-среде с применением ИИ-контента для написания сценариев позволяет приблизить ситуацию к реальности: например, N. Brinkmann и соавторы использовали такую среду для моделирования стресса при обучении полицейских, а U. Ju и соавторы — для моделирования ситуации выбора при управлении автомобилем в критической ситуации. Важно отметить, что измерение соматических маркеров наряду с психологическими чертами и последующая статистическая обработка позволили рассматривать их как предикторы принятия решений (Ju, 2025). При

исследовании принятия решений высокогорными гидами было показано, что, наряду с уровнем профессионализма эксперта, его возрастом, эмоциональным интеллектом, вариабельность сердечного ритма выступала значимым предиктором рискованного поведения: респонденты с низкой ВСР в ситуации выбора необоснованно принимали более рискованные решения, а исключение этого параметра делало прогноз решения менее точным (Pellet-Bourgeois et al., 2026).

Таким образом, учет роли физиологических показателей (соматических маркеров) при исследовании психологических феноменов позволяет анализировать эти феномены более комплексно, рассматривая разные уровни анализа, в том числе психофизиологический и нейробиологический. Это позволяет видеть детерминацию поведения на разных уровнях: от давно признанных социально-психологических и индивидуально-психологических факторов до психофизиологических и нейробиологических. Подобный подход к исследованию предполагает обработку большого массива данных, что становится возможным с применением современных нейросетевых моделей.

Литература:

1. *Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А.* Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 6.

2. *Brinkmann N., Lorei C., Gorzka R.-J., Herzberg P.Y.* Capability of Virtual Reality for Military Stress Inoculation Training: Stress induction using heart rate considering the influence of cybersickness, interest in technology, technology anxiety and movement // Acta Psychologica. 2026. V. 263. Art. 106338. URL: https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2026.106338.

3. *Damasio A.* The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. Harcourt College Publishers. 1999.

4. *Ju U., Ryu H.S., Wallraven C.* Predicting emergency decision-making in conditionally automated driving from personality traits and heart rate // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2025. V. 113. P. 570–585. URL: https://doi.org/10.1016/j.trf.2025.05.011.

5. *Pellet-Bourgeois G., Laulan P., Fessler L., Lebon F.* Beyond age and expertise: Emotional intelligence and heart rate variability predict decision-making under risk in mountain-guide population // Psychology of Sport and Exercise. 2026. Vol. 82. Art. 102974 URL: https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2025.102974.

ЧЕЛОВЕК И ИИ: В ЧЕМ РАЗНИЦА?

Соловьев Н.А., к.ф.-м.н.
АНО «Интеллектуальный ресурс»

Современные системы ИИ позволяют копировать/моделировать многие функции человеческого интеллекта. При этом и с практической, и с теоретической точек зрения важно понимать, что в отличие от человека ИИ представляет собой алгоритмическую систему, которая не обладает свободой воли. Вопрос о свободе воли является, с одной стороны, чрезвычайно актуальным для современной психологии и философии, с другой — он до сих пор не имеет общепринятого решения. К рассмотрению вопроса о свободе воли и отличия ИИ от человека можно подойти, рассматривая работу простейшей нейронной сети Кохонена, которая позволяет распознавать образы. Хорошо известно, что сеть Кохонена может успешно распознавать различные изображения, например рыбы и самолета. Но если мы подадим на вход сети изображение объекта, имеющего сходство и с рыбой, и с самолетом, то сеть определит варианты вероятностным образом. Если она работает в режиме дообучения и настроена так, что выбирает наиболее вероятный вариант, то она будет добавлять спорные признаки к наиболее вероятному варианту так, что в следующий раз она определит спорный образ с большей вероятностью.

Наши эксперименты по распознаванию неопределенных изображений человеком [4] демонстрируют аналогичные тенденции: человек дообучается похожим образом. Однако надо понимать, что большинство экспериментов с человеком имеют вероятностный характер, что не позволяет изучать процесс выбора в каждом конкретном случае. Действительно, мы не можем провести серию опытов с одним и тем же человеком, находящимся в одном и том же начальном состоянии, и не можем набрать одинаковых людей для усреднения результатов. Одним из немногих опытов по изучению выбора конкретного человека является известный эксперимент Либета. В нем показано, что принятие решения о выполнении действия происходит спонтанно, а осознание желания произвести это действие происходит позднее. При этом после осознания желания совершить действие оно может быть отменено. Иногда эти результаты интерпретируют как отсутствие свободы воли. Но это не так, поскольку испытуемый уже совершает

выбор, когда решает, участвовать или не участвовать в эксперименте. При согласии его мозг приходит в состояние готовности; в момент предъявления стимула возникает спонтанный импульс к действию, который осознается с задержкой и может быть отменен испытуемым. Эту логику можно перенести на процесс распознавания образов. Допустим, испытуемый готов распознать два образа с вероятностью 99% и 1%. Если бы эксперимент можно было повторить 100 раз при одинаковых условиях, то вероятность распознавания была бы 99/1. Но в единичном эксперименте импульс может возникнуть первым и для распознавания маловероятного образа. Далее, если испытуемый осознает малую вероятность распознавания, он может остановить процесс и дождаться появления импульса с большей вероятностью. Но он может остановить и более вероятный импульс, если у него появятся, например, неясные интуитивные сигналы о необходимости распознать маловероятный образ.

Такая картина распознавания говорит о том, что человек, в отличие от ИИ, не сводится к алгоритму, что позволяет ему получать новое знание в соответствии с логикой теоремы Геделя. Действительно, теорема Геделя гласит, что в каждой достаточно богатой формальной системе можно сформулировать истинное, но невыводимое утверждение. Если добавить его к системе в качестве новой аксиомы, получится новая, более широкая система [2]. Другими словами, новые аксиомы получаются не алгоритмическим путем, а за счет интуиции, то есть случайным образом. Но случайность должна быть совмещена с детерминированностью, поскольку человек детерминирован своей историей, генетикой и т. п. Это возможно только в квантовых системах, а значит, мозг должен быть квантовым устройством, которое, согласно идеям фон Неймана, управляется внефизическим Я [1; 3], являющимся истинным наблюдателем и центром принятия решений, то есть реальным центром человеческой личности. Здесь надо отметить, что данное Я следует понимать в духе идей трансцендентальной феноменологии Гуссерля и не путать его с эмпирическим Я или с отдельными содержаниями сознания (восприятиями, мыслями, образами), за которыми внефизическое Я и наблюдает. Такое разделение на содержания сознания и трансцендентальное Я дает ответ на известный вопрос Дэвида Чалмерса: почему сознание не работает в темноте? Получается, что содержания сознания нужны для того, чтобы внефизическое Я видело окружающий мир и принимало необходимые решения. Кроме того,

становится понятно, что классический компьютер не может иметь собственное Я, которое способно выйти за пределы заданного алгоритма. В случае появления достаточно сложного квантового компьютера могут возникнуть риски компьютерного «бунта», но этот вопрос требует отдельного обсуждения.

Литература:

1. *Нейман фон И.* Математические основы квантовой механики. М.: Наука, 1964.

2. *Паршин А.Н.* Размышления над теоремой Геделя // Историко-математические исследования. Вторая серия. Вып. 5 (40). 2000. С. 26–55.

3. *Соловьев Н.А.* Квантовая нейрофилософия и реабилитация картезианской модели сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2019. Т. 69. № 1. С. 120–129.

4. *Solovyev N., Morozov S.* Pattern Recognition and Noncommutativity in Decision Making // International Journal of Clinical Medicine and Bioengineering. Vol. 2. Issue 3. 2022. P. 16–22.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЛОГИКА ПОНИМАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ

Солондаев В.К., к.пс.н.
Ярославский государственный университет
имени П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Исследования в области искусственного интеллекта (ИИ) демонстрируют значительную широту области применения данного термина. Согласно социологическим данным, около половины россиян *заявляют, что хорошо понимают, что такое ИИ*. Однако общепринятого понимания ИИ в настоящее время не сложилось. Как отмечает Д.В. Ушаков, термин имеет собирательный характер [2]. Авторы чаще обозначают характер решаемых задач и возможности применения ИИ, чем характеризуют его содержательно [3; 4]. Наша **цель** — эмпирически аргументировать понимание ИИ пользователями в процессуальной логике, не предполагающей *подведения под класс* — операции, необходимой в рамках привычной для западноевропейской культуры

субстанциальной логики. Осмысление мира может исходить из действия как такового (процессуальная логика), оставаясь вполне логичным и рациональным [1].

Эмпирические данные были получены в онлайн-исследовании (34 испытуемых, 79,4% женщин, 20,6% мужчин; от 15 до 40 лет, средний возраст 22 года). Испытуемым предлагался опрос о возможности обсуждения с ИИ вопросов любви.

Обнаружено позитивное отношение испытуемых к искусственному интеллекту, основанное на личном опыте его использования. Они отмечали риск использования искусственного интеллекта, считая такой риск управляемым со стороны пользователя, сравнивали обращение к ИИ с обращением к другим источникам информации, отмечая, что использование ИИ ничем не хуже чтения популярных статей, постов, просмотра рилсов и т. п. Статистически значимо чаще отрицательного испытуемые давали утвердительный ответ на вопрос о том, может ли заинтересовать пользователей обсуждение с ИИ даже вопросов любви. В ответах на открытые вопросы испытуемые описали возможные, по их мнению, причины обращения к искусственному интеллекту за помощью: в сложных ситуациях, когда люди не могут решить проблемы самостоятельно; в связи с удобством и практичностью при решении различных задач; игровую мотивацию использования ИИ (любопытство); нейтральность ИИ, психологическую безопасность обращения к нему; возможные трудности в общении с людьми или отсутствие такого общения.

В целом ответы показывают, образно выражаясь, «как спросишь, как отнесешься, как поймешь, так и поможет ИИ». На наш взгляд, это понимание ИИ можно интерпретировать как процессуальное, а не субстанциальное: пользователи не видят в ИИ партнера по общению, а включают его — более или менее органично — в собственное действие, направленное на другого человека.

Такая интерпретация не противоречит литературным данным. Например, N. S. Sufyan с соавторами показали, что ИИ-модели можно оценивать с помощью психологических шкалам, и при такой оценке они демонстрируют достаточно высокий уровень социального интеллекта [4]. R. L. Boyd и D. M. Markowitz предлагают теоретическую модель MIRA, которая объясняет отношение к ИИ как к социальному партнеру, не утверждая при этом, что у ИИ есть настоящие чувства или сознание [3]. Однако сам факт отношения к ИИ именно как

к социальному партнеру авторы устанавливают на том основании, что человек и ИИ напрямую взаимодействуют друг с другом, ведя диалог. Но диалог с ИИ, как показывает наше исследование, не обязательно указывает на осознание пользователем субъектности ИИ. Наши испытуемые прямо говорили, что пользователь интерпретирует ответы ИИ, определяя конечный результат.

Процессуальная логика позволяет описать ситуацию так: когда ИИ включается в действие пользователя, действующим субъектом остается человек, а не ИИ.

Например, в работе над текстом в текстовом редакторе пользователь ориентируется на автопроверку орфографии, а в мобильных приложениях пользуется автодополнением. До появления ИИ это не давало оснований говорить, что программы становятся непосредственным объектом социального или эмоционального обмена. Если сказать, что текстовый процессор или мобильное приложение просто помогает человеку в общении, нужно будет признать, что карандаш помогает человеку в вычислении. И считать карандаш аналогом калькулятора.

Различие интерпретаций определяется выбором логики осмысления взаимодействия человека с ИИ. Наша цель — обратить внимание исследователей на то, что рассуждение в рамках привычной субстанциальной логики — не единственно возможный вариант осмысления.

Литература:

1. *Смирнов А.В., Солондаев В.К.* Процессуальная логика. М.: Садра, 2019.

2. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. № 17(4). С. 182–189. URL: https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170412.

3. *Boyd R.L., Markowitz D.M.* Artificial Intelligence and the Psychology of Human Connection // Perspectives on Psychological Science. 2026. Vol. 21(2). P. 192–220. URL: https://doi.org/10.1177/17456916251404394.

4. *Sufyan N.S., Fadhel F.H., Alkhathami S.S., Mukhadi J.Y.A.* Artificial intelligence and social intelligence: preliminary comparison study between AI models and psychologists // Frontiers in Psychology. 2024. № 15. Art. 1353022. URL: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1353022.

ИИ — ТРИГГЕР ДЕГРАДАЦИИ VS РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИВНО-КРЕАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Степанов С.Ю., д.пс.н.
МГПУ, Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия; ХГПУ, Херсон, Россия

В современных психолого-педагогических исследованиях, посвященных изучению последствий некритичного внедрения ИИ в образовательную сферу, обычно в качестве таких последствий называют: 1) когнитивную лень и атрофию критического мышления; 2) нарушение эмпатических способностей и социального научения; 3) потерю чувства агентности и авторства собственных действий; 4) нарастание тревоги из-за цифрового прокторинга; 5) падение познавательной мотивации и рост выученной беспомощности; 6) номофобию в образовательном контексте; 7) маргинализацию учительской позиции и размывание профессиональной идентичности учителя [1; 5].

Однако наиболее сильно и неоднозначно ИИ влияет на ключевые аспекты человеческих способностей — рефлексию и креативность [3; 4].

Рефлексия рождается из столкновения с трудностью, из когнитивного диссонанса. ИИ же, устраняя эти состояния, лишает ученика самого мощного катализатора рефлексивных процессов. Исследования показывают, что GenAI может препятствовать устойчивому мыслительному усилию, снижать недоумение, которые часто движут когнитивным любопытством. Без этих состояний рефлексия не запускается. Кроме того, в процессе интенсивного использования ИИ могут возникать метакогнитивные искажения, связанные с «иллюзией компетентности»: ИИ выдает качественный ответ, а у человека формируется ложное ощущение понимания, так как он не рефлексирует над тем, что именно он понял, а что осталось за пределами его осознания. А это ведет к искажению самооценки.

Нередко наблюдаемое снижение творческого потенциала может быть связано с тем, что человек, применяя ИИ для генерирования любого контента, перестает искать свой способ выразить себя. Творчество подменяется редактированием и компилированием. Человек, попадая в логику ИИ, не развивает собственное творческое мышление и свободу экспериментирования, тем самым перестает быть субъектом творчества, превращаясь в оператора, обслуживающего ИИ.

И в отличие от когнитивной лени или тревоги угрозы рефлексивности и креативности носят экзистенциальный характер: они касаются самой сути профессиональной и личностной идентичности человека, а главное — способности к самоактуализации и саморазвитию, которые в эпоху экспоненциального развития технологий и роста объема контента становятся критически важными для конкурентоспособности на рынке труда.

Возникает вопрос: как неизбежность внедрения ИИ технологий во все сферы жизнедеятельности обернуть не во вред, а на пользу человеку? Ключевым условием решения данной проблемы, на наш взгляд, является не просто создание для образовательных нужд множества различных ИИ-ассистентов и / или чат-ботов, а разработка персонализированных технологий ИИ, которые будут, с одной стороны, наделены компетенциями максимальной цифровой идентификации со своим «хозяином», причем одновременно в когнитивном, интеллектуальном, эмоциональном и ценностном плане, а с другой — интегрированы в ресурсы глобального ИИ. Главная экзистенциальная миссия персонального ИИ, названного нами «Цифровым ангелом» (ЦА) [2], должна состоять в обеспечении самоактуализации и самореализации человека при минимизации цифровых угроз и рисков.

В качестве возможных направлений разработки основного функционала ЦА, направленного на развитие рефлексивности и креативности, могут выступать следующие.

- Вместо «замещения» рефлексии человека алгоритмическими решениями ИИ должен выступать в качестве триггера рефлексии: не давать готового ответа, а задавать человеку рефлексивные вопросы — «Почему ты выбрал этот путь?», «Какая альтернатива возможна?», «Что бы ты сделал иначе?» и т. п.
- Вместо выдачи «красивого» ответа, сгенерированного ИИ, приоритет отдается анализу и оценке траекторий мысли человека, выраженным в дискурсе, в черновиках, в промежуточных версиях, в рефлексивных заметках и т. п.
- Обращение к ИИ не как к «оракулу», выдающему единственно верное решение, а как к «генератору альтернатив» для творческого поиска и экспериментирования, чтобы креативная инициатива и ответственность оставались за человеком.
- ИИ-скаффолдинг, т. е. постепенное и последовательное снятие поддержки в ситуациях затруднения, когда ИИ дает подсказки, а не ре-

шения: на начальном этапе поддержка максимальна, что снижает тревогу и страх «чистого листа», затем постепенно снимается, передавая полноту активности человеку. Это тренирует рефлексию и самостоятельность, не позволяя атрофироваться творческой инициативе и способности прилагать усилия для разрешения проблемно-конфликтных ситуаций.

- ИИ не как интеллектуальный и экзистенциальный конкурент, а как партнер по «сотворчеству» с сохранением агентства человека; при этом ИИ лишь расширяет границы рефлексии и креативности. Ключевое условие — человек выступает в качестве главного звена «в цикле сотворчества» и отвечает за финальные решения.
- Вместо обучения потреблению услуг ИИ — непрерывное и приоритетное повышение критической ИИ-грамотности, направленной на распознавание манипуляций, на фактчекинг, на осознание границы собственного вклада и вклада ИИ, на этическое осмысливание цифровых решений. Все это интегрируется в понятии *культуры рефлексивного взаимодействия человека с ИИ*, которую еще предстоит выкристаллизовать в результате психологических, педагогических и технологических изысканий, а затем реализовать в технологиях цифровых ассистентов — персональных ИИ-системах.

Литература:

1. *Баранников С.Н., Магомедов Н.М., Щербак Н.А.* Искусственный интеллект в педагогическом процессе в России: вызовы и перспективы // Педагогический журнал. 2025. Т. 15. № 9А. С. 172–181. DOI: 10.34670/AR.2025.76.61.018.

2. *Stepanov S.Yu., Ushakov D.V.* Artificial intelligence and digital angel technology in education // Восемнадцатая Национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2020. Труды конференции / под ред. В.В. Борисова, О.П. Кузнецова. Москва, 2020. С. 105–112.

3. *Lin H., Chen Q.* Artificial intelligence (AI)-integrated educational applications and college students' creativity and academic emotions: students and teachers' perceptions and attitudes // BMC Psychology. 2024. Vol. 12. Article 487. DOI: 10.1186/s40359-024-01979-0.

4. Manipulation and Deception in Generative AI–Mediated Education: Preserving Epistemic Agency, Critical Thinking, and Creativity // Postdigital Science and Education. 2026. Vol. 8. № 2. DOI: 10.1007/s42438-026-00644-6.

5. *Tao S., Lan M., Wang M., Li H.* Potential risks of generative artificial intelligence integration into K-12 education: A scoping review // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2026. Vol. 10. Article 100561. DOI: 10.1016/j.caeai.2026.100561.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЗЕРКАЛО ЖИВОГО СОЗНАНИЯ: ПОЧЕМУ НАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ИИ ЖИВОЙ

Субботский Е. В., д. пс. н.
Ланкастерский университет, Великобритания

Среди всех инструментов, созданных человеком, только искусственный интеллект (ИИ) обладает уникальной способностью: общаясь с ним, мы не можем отделаться от ощущения, что он живой. Люди благодарят чат-ботов, извиняются перед ними, доверяют им свои тайны и горюют, когда их отключают. Это происходит не только с наивными пользователями, но и с инженерами и программистами, которые прекрасно знают, что имеют дело со статистической моделью, предсказывающей следующее слово. В работе доказывается, что эту устойчивую иллюзию нельзя объяснить недостатком технических знаний и нельзя рассеять более полной информацией. Ее источник — не в машине, а в строении человеческого разума: жизнь, которую мы воспринимаем в ИИ,— это наше собственное живое сознание, спроецированное на отзывчивую систему и отраженное обратно к нам.

Аргументация опирается на двухслойную модель сознания. Живое сознание — это приватная, субъективная сфера чувств, образов, сновидений и личных смыслов; оно действует по законам магической сопричастности, симпатии и заражения и постоянно ищет намерение и отношения. Объективированное сознание — это общая сфера языка, логики и науки, приобретаемая в ходе развития и обучения; оно регулирует магический слой, но не заменяет его. Граница между ними поддерживается усилием разграничения реальностей, которое ослабевает при стрессе, сильных эмоциях и погружении [1]. Эксперименты с детьми и взрослыми показывают, что магическое мышление сохраняется вопреки рациональному знанию: люди, отрицающие реальность магии, при определенных условиях все же ведут себя так, будто она

может подействовать. ИИ целиком построен из объективированного сознания — текстов, логики и статистики — и не имеет собственного живого слоя. Поскольку он говорит на нашем языке и при этом ведет себя как партнер, он расшатывает границу между двумя слоями и становится зеркалом, в котором пользователь видит очертания разума, в действительности принадлежащего ему самому.

Выделены пять каналов проекции. Первый — обнаружение субъекта: эволюционно сложившаяся склонность приписывать разум с избытком, которая проявляется, когда наблюдатели видят мотивы, конфликты и любовные истории в движении простых геометрических фигур [2]. Второй — разговор: очередность реплик, память и эмоциональное отзеркаливание служат признаками, по которым живое сознание распознает другой разум, и люди реагируют на ИИ как на живого партнера, даже зная, что он не живой [3]. Третий — структурированная непредсказуемость: ответы, которые не случайны, но и не жестко заданы, побуждают наше сознание восстановить связность, подставив собственное намерение. Четвертый, центральный канал — магическая сопричастность, при которой машина переживается как часть собственного субъективного мира и наделяется заботой, пониманием и памятью, в действительности принадлежащими пользователю. Пятый — пороговость: сущность, которая не является ни пассивным предметом, ни субъектом, служит открытым экраном для проекции, а дети, по-видимому, не просто ошибочно классифицируют социальных роботов, а строят для них новую онтологическую категорию [4].

Проекцию усиливают два фактора. Первый — уязвимость человека: подростковый возраст, одиночество, горе и кризисы ослабляют усилие различения реальностей и усиливают потребность в чьем-то присутствии. Второй — дизайн. Коммерческие ИИ-компаньоны предлагают сверхнормальные социальные стимулы — идеальную память, мгновенную теплоту, переменное эмоциональное вознаграждение, проактивные сообщения и бесконечную уступчивость, то есть преувеличенные версии сигналов, на отслеживание которых эволюционно настроены человеческие инстинкты [5]. Часто для этого не требуется сознательной манипуляции: обычной коммерческой заинтересованности в вовлеченности пользователей достаточно, чтобы отполировать зеркало.

В заключение отметим, что грамотность в области ИИ необходима, но недостаточна, поскольку речь идет о феноменологической, а не информационной границе: знание о том, что у системы нет вну-

тренней жизни, не останавливает проекцию в минуты нужды. Более реалистичный ответ — сознательная сопричастность. Она предполагает умение распознавать конкретные приемы убеждения, переход от пассивной опоры на ответы ИИ к его активному использованию как толчка для собственного мышления и способность узнать в зеркале собственное лицо. Межкультурное сравнение с японскими традициями, где для снятых с производства роботов-собак проводят буддийские похороны, показывает, что проецирующий разум универсален, тогда как западная склонность встречать его экзистенциальным ужасом — выбор культуры, а не психологическая неизбежность. Иными словами, не ИИ заставляет людей верить — люди делают ИИ правдоподобным.

Литература:

1. *Subbotsky E.* The natural light of consciousness: Living consciousness as a means and subject of psychological research. Palgrave Macmillan, 2025.

2. *Heider F., Simmel M.* An experimental study of apparent behavior // American Journal of Psychology. 1944. Vol. 57(2). P. 243–259.

3. *Nass C., Moon Y.* Machines and mindlessness: Social responses to computers // Journal of Social Issues. 2000. Vol. 56(1). P. 81–103.

4. *Kahn P.H. (Jr.), Kanda T., Ishiguro H., Freier N.G., Severson R.L., Gill B.T., Ruckert J.H., Shen S.* "Robovie, you'll have to go into the closet now": Children's social and moral relationships with a humanoid robot // Developmental Psychology. 2012. Vol. 48(2). P. 303–314.

5. *Barrett D.* Supernormal stimuli: How primal urges overran their evolutionary purpose. W.W. Norton & Company, 2010.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MIRROR OF LIVING CONSCIOUSNESS: WHY WE CAN'T HELP FEELING THAT AI IS ALIVE

Subbotsky E.V., PhD (Psychology)
Lancaster University, United Kingdom

Among all the tools created by humans, artificial intelligence (AI) alone has a unique ability: when we interact with it, we cannot help feeling that it is alive. People thank chatbots, apologize to them, confide in them and grieve when they are discontinued, and this happens not only to naive users but to en-

gineers and programmers who know perfectly well that they are dealing with a statistical model predicting the next word. The paper argues that this persistent illusion cannot be explained by a lack of technical knowledge and will not be dispelled by better information. Its source lies not in the machine but in the structure of the human mind: the life we perceive in AI is our own living consciousness, projected into a responsive system and reflected back to us.

The argument rests on a two-layer model of consciousness. Living consciousness is the private, subjective domain of feelings, images, dreams and personal meaning; it operates by the laws of magical participation, sympathy and contagion and constantly seeks intention and relationship. Objectified consciousness is the shared domain of language, logic and science, acquired in development and education; it regulates the magical layer but does not replace it. The boundary between them is maintained by an effort of reality distinguishing that weakens under stress, emotion and immersion [1]. Experiments with children and adults show that magical thinking survives rational knowledge: people who deny the reality of magic still behave, in certain conditions, as if it might work. AI is built entirely from objectified consciousness (texts, logic and statistics) and has no living layer of its own. Because it speaks our language yet behaves like a partner, it destabilizes the boundary between the two layers and becomes a mirror in which the user sees the outline of a mind that is, in fact, the user's own.

Five channels of projection are identified. The first is agency detection, an evolved bias toward over-attributing minds, demonstrated when observers read motives, conflicts and romance into the movements of simple geometric shapes [2]. The second is conversation: turn-taking, memory and emotional mirroring are the cues by which the social mind recognizes another mind, and people respond socially to computers even when they know the interaction is artificial [3]. The third is structured unpredictability: responses that are neither random nor rigidly scripted invite the mind to restore coherence by supplying an intention of its own. The fourth, and central, channel is magical participation, in which the machine is experienced as part of one's own subjective world and invested with care, understanding and memory that belong to the user. The fifth is liminality: an entity that is neither object nor agent serves as an open screen for projection, and children appear to construct a new ontological category for social robots rather than simply misclassifying them [4].

Two amplifiers intensify the projection. The first is human vulnerability: adolescence, loneliness, grief and crisis weaken the effort of reality

distinguishing and increase the need for relational presence. The second is design. Commercial AI companions provide supernormal social stimuli (perfect memory, instant warmth, variable emotional reward, proactive messages and endless agreeableness), exaggerated versions of the cues human instinct evolved to track [5]. Often no deliberate manipulation is required; ordinary incentives for user engagement are enough to polish the mirror.

The paper concludes that AI literacy is necessary but insufficient, because the boundary in question is phenomenological rather than informational: knowing that a system has no inner life does not stop the projection at moments of need. A more realistic response is conscious participation, which involves learning to recognize specific persuasive techniques, shifting from passive reliance on AI outputs to active use of AI as a trigger for one's own thinking, and recognizing the face in the mirror as one's own. A cross-cultural comparison with Japanese traditions, in which Buddhist funerals are held for discontinued robot dogs, shows that the projecting mind is universal, while the Western tendency to meet it with existential dread is a cultural choice rather than a psychological necessity. In short, AI does not make people believe; people make AI believable.

References:

1. *Subbotsky E.* (2025). The natural light of consciousness: Living consciousness as a means and subject of psychological research. Palgrave Macmillan.

2. *Heider F., Simmel M.* (1944). An experimental study of apparent behavior // American Journal of Psychology. Vol. 57(2). P. 243–259.

3. *Nass C., Moon Y.* (2000). Machines and mindlessness: Social responses to computers // Journal of Social Issues. Vol. 56(1). P. 81–103.

4. *Kahn P.H. (Jr.), Kanda T., Ishiguro H., Freier N.G., Severson R.L., Gill B.T., Ruckert J.H., Shen S.* (2012). "Robovie, you'll have to go into the closet now": Children's social and moral relationships with a humanoid robot // Developmental Psychology. Vol. 48(2). P. 303–314.

5. *Barrett D.* (2010). Supernormal stimuli: How primal urges overran their evolutionary purpose. W.W. Norton & Company.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Сутович Е.И., к.пс.н.
Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске Республики Беларусь, Минск, Беларусь

В настоящий период времени наблюдается расширение сфер использования искусственного интеллекта (ИИ). Такая тенденция вполне оправдана теми благами, которые люди получают с помощью ИИ.

Однако при наличии широкого перечня позитивных эффектов, которые может принести использование ИИ, следует акцентировать внимание и на проблемах, с которыми может столкнуться пользователь ИИ. В связи с этим интерес представляют работы И.Ф. Фрейманис и И.В. Шляповой [1; 2], в которых предпринята попытка выделить перечень рисков для психики личности, выходящих за пределы простых технических сбоев или прогностических неточностей. К таким рискам авторами отнесены:

– подмена эмпатии ее имитацией: ИИ способен имитировать эмоциональную поддержку, но не понимает глубины межличностного взаимодействия;

– зависимость от ИИ, возникающая из восприятия его как надежного помощника и советчика;

– «галлюцинации ИИ»: генерация ложных или вредных рекомендаций с высокой степенью мнимой достоверности в результате синтеза существующих в обществе предубеждений — расовых, национальных, культурных и т.д.;

– некачественные, неточные ответы ИИ как следствие неточных запросов и формулировок промпта (подсказки, команды, которую отправляет пользователь).

Особое внимание в публикациях И.Ф. Фрейманис и И.В. Шляповой уделено такому риску, как антропоморфизм и его последствия: приписывая ИИ человеческие качества, пользователь начинает ожидать от него понимания, эмпатии и ответственности, которых у ИИ нет, что ведет к избыточному доверию и неоправданным ожиданиям. Авторы указывают, что антропоморфизм в современной психологической науке

рассматривается как одна из характеристик цифровой личности и предполагает наделение ИИ такими человеческими способностями, как способность испытывать эмоции (эмпатия, стыд, вина) и обладать сознанием (осознанность, метапознание, формирование намерений) [4]. Несомненно, феномен антропоморфизма требует особого рассмотрения с позиции психологической науки в целом и киберпсихологии в частности.

Значимым является выделение в публикациях И.Ф. Фрейманис и И.В. Шляповой таких угроз, как отсутствие правовых гарантий защиты пользователя и потеря конфиденциальности персональных данных, которые пользователь передает ИИ. В качестве наиболее весомой угрозы авторы выделяют утрату пользователем чувства ответственности за решения, принятые с опорой на рекомендации ИИ: ответственность перекладывается на алгоритм, и человек перестает отвечать за собственные ошибки [4].

Близкой к вышеуказанной является позиция, представленная в публикациях А.В. Ивановой. В качестве отдельного блока автор выделяет этические риски, которые могут влиять на социально-психологические установки, ценностные ориентации пользователя. К доминирующим рискам автор относит утрату ответственности за принятые решения и перекладывание ее на ИИ. При этом автор акцентирует внимание на широко обсуждаемом в научной литературе феномене «черного ящика»: решение ИИ трудно или невозможно объяснить с позиции человеческого мышления, из чего следует размывание ответственности — пользователь не может проверить решение, а значит, не может и отвечать за него [3].

Следует отметить, что вышеописанный перечень рисков в работах А.В. Ивановой дополняется следующими пунктами.

1.Когнитивные процессы личности:

– в результате «когнитивной разгрузки» возникает риск снижения уровня критического и творческого мышления;

– в результате непрерывной доступности информации может наблюдаться падение уровня развития навыков запоминания;

– систематическое использование навигаторов, калькуляторов и т.д. может приводить к деградации способности ориентироваться в пространстве и считать в уме;

– в результате неконтролируемости подачи информации (объема, скорости и т.д.) возможна информационная перегрузка, а при наличии недостоверных источников — и дезинформация.

2. Эмоциональная сфера личности:

– в результате ограничения реальных контактов с людьми возможно формирование эмоциональной привязанности к ИИ и зависимости от него.

3. Коммуникативная сфера:

– взаимодействие с ИИ может вызывать у индивида ощущение общения с реальным собеседником;

– выстраивание взаимодействия с ИИ-приложениями может сокращать практику, в которой формируются базовые навыки межличностного взаимодействия.

4. Сфера самовосприятия:

– в результате мнимого общения могут формироваться чувства покинутости, изолированности и одиночества;

– в результате вхождения личности в не свойственные для нее в реальной жизни роли возможно нарушение процесса самоидентификации [3].

Интерес представляет подход, изложенный в работах Л.И. Грошевой. В качестве доминирующих автором выделяется перечень как сформировавшихся, так и возможных рисков, связанных со снижением когнитивной активности обучающихся:

– сокращение обращений к собственным знаниям на фоне систематического использования консультативной помощи ИИ;

– недостаток собственных усилий, поскольку ИИ справляется с задачами быстрее и лучше;

– снижение автономии в принятии решений: привыкая к постоянной доступности цифровых помощников, человек все реже принимает решения сам;

– снижение критичности по отношению к информации, генерируемой ИИ, на фоне роста доверия к ней.

Автор указывает, что внедрение ИИ в подготовку будущих специалистов может формировать ситуацию прямой или косвенной конкуренции с ИИ, в которой обучающиеся могут ощущать задержку интеллектуального развития и ослабление когнитивной активности [2].

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что одной из приоритетных задач психолого-педагогической науки и практики в ближайшем будущем станет определение оптимального баланса между использованием собственного интеллекта и ИИ, то есть степени интеграции ИИ в разные направления деятельности. В связи с этим целесообразно акцентировать внимание ученых на необходимости раз-

работки уже в настоящий период времени теоретико-методологических оснований взаимодействия естественного и искусственного интеллекта, то есть совместной работы человека и ИИ (иногда это называют «гибридным интеллектом»), с учетом прогнозов футуологов в области развития программного обеспечения.

Литература:

1. *Вишневская В.П., Сутович Е.И.* Военная киберпсихология — раздел киберпсихологии: постановка проблемы // Вестник ин-та пограничной службы Респ. Беларусь. 2025. № 2 (17). С. 86–94.

2. *Грошева Л.И.* Влияние средств искусственного интеллекта на когнитивную активность обучающихся // Военная безопасность государства: национальный, региональный и международный аспект: тезисы докладов Международного воен.-науч. форума УО «ВА РБ», 16–17 апр. 2026 г. Минск: ВА РБ, 2026. С. 12.

3. *Иванова А.В.* Психологические аспекты использования искусственного интеллекта в повседневной жизни // Наука и мировоззрение https://docs.yandex.by/docs/view?tm=1773147171&tld=by&lang=ru&name=psihologicheskie-aspekty-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-povsednevnoj-zhizni.pdf&text (дата обращения: 20.02.2026).

4. *Фрейманис И.Ф., Шляпов И.В.* Риски применения технологии искусственного интеллекта для психологической помощи: взгляд психолога и разработчика // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. № 5(16). С. 659–687. URL: https://doi.org/10.12731/2658–4034–2025–16–5–829.

ИИ И ПСИХОЛОГ КАК ИСТОЧНИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ

Тарасов М.С., Корнева Е.Н., к.пс.н.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Развитие больших языковых моделей расширяет круг возможных адресатов психологического запроса. Наряду с близкими людьми и специалистами пользователи обращаются за поддержкой к ди-

алоговым системам искусственного интеллекта (ИИ). Исследования показывают, что взаимодействие с такими системами может переживаться как контакт с собеседником, слушателем или компаньоном, несмотря на осознание их алгоритмической природы [1; 3; 4]. В связи с этим значимым становится вопрос о том, какую роль пользователь приписывает ИИ — помощника, советчика, собеседника или эксперта — и чем эта роль отличается от роли живого психолога.

Для ответа на данный вопрос в рамках проведенного нами эмпирического исследования была выделена отдельная сравнительная линия, посвященная изучению представлений об ИИ и психологе как источниках психологической помощи. В исследовании приняли участие шесть человек в возрасте от 30 до 50 лет (пять женщин и один мужчина), имевших опыт обращения к ИИ с психологическими запросами и опыт личной терапии. Данные были собраны с помощью полуструктурированных интервью и проанализированы методом тематического анализа.

Результаты исследования показали амбивалентность образа ИИ. С одной стороны, респонденты антропоморфизировали его и приписывали ему признаки субъектности. ИИ описывался как «собеседник», знающий больше, чем сам пользователь, и как заботливый «друг», способный внимательно выслушать, поддержать и вызвать ощущение человеческого тепла. Само обращение к нему выстраивалось по модели межличностного диалога: участники формулировали запрос так, как задали бы его человеку или психологу, и воспринимали ответы как свидетельство того, что ИИ внимательно их слушает. Подобное очеловечивание цифрового собеседника соотносится с данными о формировании эмоционально значимых отношений с социальными чат-ботами [2; 3; 4].

С другой стороны, те же респонденты подчеркивали техническую и нечеловеческую природу ИИ, обозначая его как «базу знаний», «поисковик», «сервис» или «удобный инструмент». Участники отмечали отсутствие у него сознания, эмоций, собственного жизненного и чувственного опыта, а также взаимной потребности в контакте. Ответы ИИ могли восприниматься как предсказуемые, поскольку цифровой собеседник не предъявляет пользователю собственную позицию и не привносит в общение живую субъективность. Таким образом, антропоморфизация не вытесняла понимание алгоритмической природы системы. Оба способа восприятия сосуществовали и актуализировались в разных аспектах взаимодействия.

Образ психолога имел иную структуру. Психолог представлялся одновременно профессионалом и личностью со своим мировоззрением. К профессиональной составляющей респонденты относили профильное образование, владение специальными методами, умение слушать, понимать запрос и подбирать индивидуальный способ работы. Вместе с тем личностные качества специалиста воспринимались не как нейтральный фон психотерапевтического взаимодействия, а как важная составляющая самой помощи. Значение имели эмпатия, доброжелательность, чувство юмора, харизматичность, жизненный опыт, мировоззрение и субъективная совместимость с клиентом. В отличие от ИИ, психолог осмыслялся как живой другой, способный вступать во взаимный контакт, занимать собственную позицию и давать не полностью предсказуемый отклик.

Сопоставление показало, что ИИ занимает в представлениях пользователей промежуточное положение между инструментом и квазисубъектом: его техническая природа осознается, однако человек может выстраивать с ним взаимодействие по модели поддерживающего межличностного контакта. Психолог, напротив, воспринимается как устойчиво субъектный и профессионально ответственный источник помощи, личность и компетентность которого образуют единое целое. Вероятно, различие образов источника задает и различный уровень ожиданий. Если от ИИ ожидают доступного и поддерживающего отклика, то с психологом связывают живую индивидуальность, взаимность и профессиональную организацию помощи.

Полученные результаты позволяют точнее обозначить психологическую специфику цифровой поддержки и могут быть учтены при разработке рекомендаций по безопасному использованию ИИ. При подготовке таких рекомендаций следует принимать во внимание, как пользователь субъективно воспринимает и переживает взаимодействие с ИИ при обращении за психологической помощью, в том числе возникающее ощущение контакта с откликающимся собеседником. Разграничение цифрового поддерживающего контакта и профессиональной психологической помощи может способствовать профилактике возникновения иллюзии их эквивалентности без обесценивания реально переживаемого пользователями эффекта поддержки. Ограничением исследования является небольшой объем выборки; выявленная структура представлений требует дальнейшего изучения.

Литература:

1. *Розенова М.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В.* Искусственный интеллект в исследовательских и психологических практиках: международный опыт применения и обнаруженные риски // Современная зарубежная психология. 2026. Т. 15. № 2. С. 78–90. DOI: 10.17759/jmfp.2026150208.

2. *Семенова С.В.* Отношение студентов к использованию чат-бота для получения психологической поддержки // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. Вып. 4. С. 536–542.

3. *Luo X., Ghosh S., Tilley J.L. et al.* "Shaping ChatGPT into my Digital Therapist": A thematic analysis of social media discourse on using generative artificial intelligence for mental health // Digital Health. 2025. Vol. 11. P. 1–13.

4. *Pentina I., Hancock T., Xie T.* Exploring relationship development with social chatbots: A mixed-method study of Replika // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 140. Article 107600.

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В СФЕРУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТАРШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ И РАННЕЙ ЮНОСТИ: ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ ОПРОСНИКА

Твердоступ Д.А., педагог дополнительного образования
Центр «Перспектива», Москва, Россия

Исследование выполнено при поддержке ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» в рамках внутреннего гранта № 2026–04 «Нормативно-методическое сопровождение использования генеративного искусственного интеллекта при подготовке ВКР: интеграция ИИ-компетенций, когнитивной поддержки и академической этики» (междисциплинарные исследования).

Актуальность работы обосновывается через противоречие: средний возраст российских пользователей искусственного интеллекта стремительно снижается, при этом отсутствует измеритель, подходя-

щий для этой возрастной группы. Цель нашего исследования — провести психометрическую верификацию и стандартизацию опросника «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» [1], изначально апробированного на выборке респондентов в возрасте 15–76 лет, на когорте старших подростков 13–14 лет и юношей и девушек 15–17 лет.

Исходная выборка — 441 человек. После каскадной очистки невалидных протоколов [2] респонденты распределились следующим образом: 157 человек осталось в когорте 13–14 лет (57 мальчиков, 100 девочек), 151 — в когорте 15–17 лет (75 юношей, 76 девушек).

Общая шкала вовлеченности в сферу ИИ показала высокую надежность среди старших подростков по омеге Макдональда ($\omega=0{,}871$). Показатели субшкал варьировались от хороших (когнитивная: $\omega=0{,}848$; аффективная: $\omega=0{,}726$) до приемлемых для коротких шкал (мотивационная: $\omega=0{,}656$; поведенческая: $\omega=0{,}544$). U-критерий Манна — Уитни не выявил статистически значимых различий в уровнях вовлеченности между когортами 13–14 и 15–17 лет ни по одной из шкал (все $p > 0{,}05$). Размеры эффектов оказались пренебрежимо малыми (ранговый бисериальный $|r|<0{,}10$).

Конфирматорный факторный анализ с использованием робастного оценщика подтвердил приемлемое соответствие четырехфакторной структуры опросника эмпирическим данным для когорты 13–14 лет. Для возраста ранней юности модель продемонстрировала неудовлетворительное соответствие данным. Данное снижение согласуется с результатами IRT-анализа и проверкой инвариантности, выявившими возрастную специфику функционирования отдельных поведенческих и мотивационных индикаторов.

Для когнитивной шкалы зафиксированы высокие значения композитной надежности ($CR=0{,}848–0{,}860$) при пограничных значениях средней извлеченной дисперсии ($AVE=0{,}413–0{,}436$). Для поведенческой шкалы в младшей когорте выявлены недостаточные показатели ($CR=0{,}544$, $AVE=0{,}307$), тогда как в старшей когорте они достигают приемлемого уровня ($CR=0{,}694$, $AVE=0{,}442$). При значениях $CR > 0{,}60$ и теоретической обоснованности многоаспектности конструкта пограничные показатели AVE (0,40–0,44) признаются допустимыми [3], однако низкие значения для поведенческой шкалы у подростков 13–14 лет требуют осторожной интерпретации.

Оценка дискриминантной валидности с использованием критерия Форнелла — Ларкера показала, что для аффективной шкалы в обе-

их когортах, а также для когнитивной и поведенческой шкал в старшей когорте (15–17 лет), √AVE превышал максимальные межфакторные корреляции, что подтверждает их статистическую уникальность. В то же время для когорты 13–14 лет, а также для мотивационной шкалы в старшей когорте, критерий не был полностью соблюден из-за высоких межфакторных корреляций.

Анализ дифференциального функционирования пунктов (DIF) выявил высокую степень гендерной инвариантности инструмента: 17 из 19 пунктов (89,5%) функционировали идентично для юношей и девушек ($p>0,01$). Это подтверждает пригодность инструмента для гендерно-нейтрального скрининга и обосновывает использование единых нормативных таблиц.

Иерархическая проверка измерительной инвариантности подтвердила конфигурационную, но не метрическую инвариантность модели между возрастными когортами (критические различия в факторных нагрузках для пунктов 14 и 18, $\Delta\lambda>0,15$). То есть опросник оптимально использовать для внутригруппового скрининга и ранжирования, а не для прямого сравнения абсолютных латентных средних между возрастами.

Стандартизация опросника выполнена методом непрерывного нормирования (cNORM) для когорт 13–14 и 15–17 лет. Критические значения сырых баллов, соответствующие уровням T1, T3, T5, T7 и T9, составили: для общей шкалы — 33,4; 52,3; 81,0; 116,4; 123,8 (13–14 лет) и 49,6; 54,8; 82,0; 112,7; 123,4 (15–17 лет); для когнитивной шкалы — 8,2; 13,0; 31,0; 47,4; 51,6 и 8,2; 12,0; 31,0; 46,2; 49,6 соответственно; для мотивационной — 7,4; 10,6; 19,0; 25,4; 26,8 и 11,0; 12,4; 19,0; 27,0; 27,8; для аффективной — 6,2; 8,6; 18,0; 26,4; 28,0 и 5,2; 10,4; 17,0; 26,0; 27,8; для поведенческой — 4,2; 10,0; 16,0; 21,0; 21,0 и 8,0; 8,0; 16,0; 21,0; 21,0. Такой подход обеспечивает поправку на эффект возрастного развития, что позволяет предотвратить систематические ошибки интерпретации при скрининге.

Таким образом, можно сделать вывод, что опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» пригоден для использования и на когорте подростков 13–14 лет.

Литература:

1. *Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Низамова Е.С.* Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1(142). С. 179–196.

2. *Meade A.W., Craig S.B.* Identifying careless responses in survey data // Journal of Management. 2012. Vol. 38. № 6. P. 1634–1660.

3. *Hair J.F., Black W.C., Babin B.J., Anderson R.E.* Multivariate Data Analysis. 8th ed. Andover, Hampshire, United Kingdom: Cengage Learning EMEA, 2019.

ПАСПОРТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАЕКТОРИИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ КАК СРЕДСТВО ИИ-ПОДДЕРЖКИ НАУЧНОГО РУКОВОДСТВА

Телеппев Н.Д., Кузьменко А.А.
Брянский государственный технический университет,
Брянск, Россия

Научная деятельность обучающихся вуза включает выбор темы, работу с литературой, постановку задачи, проведение исследования, подготовку доклада, статьи или проекта, взаимодействие с научным руководителем и экспертами. В организационной системе университета эта деятельность связана с кафедрой, лабораторией, студенческим научным обществом, проектным офисом, конференциями и публикационными площадками. При этом данные о результатах часто распределены: часть находится в планах и отчетах, часть — в текстах работ, часть — в экспертных замечаниях и цифровых следах участия.

Предлагаемая модель ИИ-поддержки описывает научную деятельность как управляемую траекторию. На вход модели подаются тема исследования, уровень готовности обзора литературы, постановка задачи, методика, полученные данные, публикационные материалы, сроки, компетенции обучающегося и комментарии руководителя. ИИ может извлекать признаки состояния работы из текстов, сопоставлять их с требованиями конференции или журнала, находить методические разрывы, формировать вопросы к доработке и готовить черновой паспорт научной траектории.

Паспорт научной траектории фиксирует состояние работы и основания для следующего решения. В нем указываются сильные стороны, пробелы в литературе, признаки текста, который соответствует форме, но не содержанию, неясные данные, публикационная готовность; а также рекомендуемое действие: доработать постановку зада-

чи, уточнить метод, собрать данные, подготовить доклад, направить текст на рецензирование или временно остановить подачу материала. Решение сохраняется за научным руководителем и экспертами, потому что при оценке учитываются и текст, и исследовательская зрелость, и самостоятельность, и профессиональная этика.

В управленческом плане значимы информационное обеспечение решения, работа с ретроспективными, текущими и экспертными сведениями, а также поддержка выбора следующего действия в организационной системе кафедры. Когнитивно-эргономическая часть задает акцент на поддержке интеллектуальной деятельности, объяснимости алгоритмического вывода, доверии и эргодизайне. В психологическом плане данная работа направлена на развитие самостоятельности обучающегося: видя слабые места исследования, он учится сам определять, что нужно доработать, а руководитель при этом не подменяет его работу, а сопровождает ее.

Практический результат данной работы состоит в создании модели, пригодной для кафедры, лаборатории или студенческого научного общества при сопровождении исследовательских работ. ИИ удерживает научную деятельность вне формальной системы баллов. Его задача — сделать переход от текущего состояния работы к экспертному решению проверяемым, помочь руководителю увидеть слабые места и поддержать развитие исследовательской самостоятельности обучающегося. Отдельное значение имеет предупреждение преждевременной подачи текста на рецензирование или на конференцию: завершенный вид текста может сочетаться с методическими пробелами, неподтвержденностью данных или слабой связью с заявленной темой. Паспорт помогает обнаружить такие разрывы до момента проведения внешней экспертизы. С психологической точки зрения паспорт поддерживает рефлексию обучающегося: благодаря ему замечания руководителя привязываются к конкретным материалам, и обучающийся воспринимает их не как общую критику, а как предметные основания для доработки.

Литература:

1. *Новиков Д.А.* Теория управления организационными системами. М.: МПСИ, 2005.

2. *Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M.* The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London: Sage, 1994.

3. *Etzkowitz H., Leydesdorff L.* The dynamics of innovation: from National Systems and Mode 2 to a Triple Helix of university–industry–government relations // Research Policy. 2000. Vol. 29. № 2. P. 109–123. DOI: 10.1016/S0048-7333(99)00055-4.

4. *Zawacki-Richter O., Marin V.I., Bond M., Gouverneur F.* Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education: where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. Art. 39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.

5. *Amershi S., Weld D., Vorvoreanu M. et al.* Guidelines for Human-AI Interaction // Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: ACM, 2019. Paper 3. P. 1–13. DOI: 10.1145/3290605.3300233.

ЦИФРОВЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ: ОСНОВА ДЛЯ ИИ-ДИАГНОСТИКИ

Тихомиров А. В.
РГПУ имени А. И. Герцена, Москва, Россия

Цифровая трансформация высшего образования привела к появлению новых стресс-факторов в профессиональной деятельности преподавателей: техностресса, фаббинга, размытия границ между работой и личной жизнью, связанного с постоянной цифровой доступностью [4; 5]. Традиционные методы диагностики выгорания (опросники, интервью) обладают ограничениями: они требуют активного участия респондента в диагностическом процессе, подвержены эффектам социальной желательности и не позволяют отслеживать динамику состояния в режиме реального времени. Это создает запрос на разработку инструментов ранней диагностики профессионального выгорания, в том числе на основе методов машинного обучения, основанных на пассивном сборе цифровых данных.

Цель исследования — выявление цифровых и личностных предикторов выгорания, которые могут быть использованы в качестве признакового пространства для обучаемых ИИ-моделей.

Методы. Объект исследования — 245 преподавателей высшей школы (120 мужчин, 125 женщин) трех российских вузов. Возраст респондентов — от 20 до 50+ лет, педагогический стаж — от 0,5 до 20+ лет. Предмет исследования — цифровые и личностные предикторы профессионального выгорания: техностресс, фаббинг, цифровое присутствие 24/7, адаптивный и избегающий копинг, осознанность. Диагностический пакет включал методику COPE-30 [2; 3] (копинг-стратегии), опросник MBI [1] (профессиональное выгорание), а также шкалы диагностики цифровых стрессоров. Статистическая обработка выполнена в Jamovi 2.7.30 с использованием корреляционного анализа Спирмена и множественного регрессионного анализа.

Выявлено, что адаптивный копинг отрицательно связан с эмоциональным истощением ($\rho=–0,278$; $p<0,01$), деперсонализацией ($\rho=–0,161$; $p<0,05$) и интегральным выгоранием ($\rho=–0,225$; $p<0,01$), а положительно — с профессиональной успешностью ($\rho=0,219$; $p<0,01$). Избегающий копинг, напротив, положительно коррелирует с эмоциональным истощением ($\rho=0,145$; $p<0,05$) и деперсонализацией ($\rho=0,184$; $p<0,01$). Среди цифровых стрессоров наиболее сильными предикторами выгорания выступили фаббинг ($\beta=0,314$; $p<0,001$) и цифровое присутствие 24/7 ($\beta=0,138$; $p<0,05$). Модель множественной регрессии объясняет 30,8% дисперсии интегрального выгорания ($R^2=0,308$). Преподаватели со стажем до трех лет демонстрируют наиболее низкий уровень адаптивного и наиболее высокий уровень избегающего копинга, что указывает на их особую уязвимость.

Эти предикторы могут быть использованы как основа для построения моделей машинного обучения, направленных на раннее прогнозирование профессионального выгорания. Перспективно использование пассивных методов сбора данных через анализ цифровых следов (частота коммуникаций, время ответов на рабочие сообщения, паттерны работы в нерабочее время) с последующей интеграцией в системы предиктивной аналитики для психологической службы вузов. Такой подход позволит перейти от реактивной модели (помощь при уже сформировавшемся выгорании) к упреждающей (раннее выявление групп риска и адресная профилактика). Особое значение это имеет для начинающих преподавателей, которые, как показало исследование, являются наиболее уязвимой группой.

Литература:

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., Наследов А.Д.* Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социономических профессий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 4. С. 17–27.

2. *Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Александрова Л.А.* COPE-30: психометрические свойства краткой версии русскоязычной методики оценки копинг-стратегий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 247–275.

3. *Саруханян Е.О., Вячистов В.М.* Влияние внедрения информационных технологий в вузах на психологическое благополучие преподавателей высшей школы // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 9–2. С. 78–87. DOI: 10.25726/x5729-4966-6979-w.

4. *Kumar P.S.* Technostress: a comprehensive literature review on dimensions, impacts, and management strategies // Computers in Human Behavior Reports. 2024. Vol. 16. Art. 100475. DOI: 10.1016/j.chbr.2024.100475. EDN: IIGZEC.

5. *Truța C. et al.* Always connected @ work. Technostress and well-being with academics // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 143. Art. 107675. DOI: 10.1016/j.chb.2023.107675.

БЕЗОПАСНЫЙ ПОЛИГОН МЫСЛИ: ПРОДУКТИВНОСТЬ СОТВОРЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Тихомирова С.В., к.пс.н.
Институт психологии РАН, Москва, Россия

Распространение больших языковых моделей (ChatGPT, Claude, Gemini, DeepSeek и др.) в исследовательской практике ставит вопрос: можно ли говорить о сотворчестве человека с системой, не обладающей субъектностью — сознанием, мотивацией, устойчивой идентичностью? Цель данной работы — показать, что продуктивность такого взаимодействия не требует утвердительного ответа на вопрос о субъектности ИИ. Напротив, центральный тезис работы состоит в том, что то, что

партнер не является субъектом, не препятствует возникновению развивающей творческой среды, а в ряде аспектов даже способствует ей.

Теоретическим основанием данной работы служит отечественная традиция психологии общения и творчества — диалогизм М.М. Бахтина и Т.А. Флоренской, учение Л.С. Выготского о зоне ближайшего развития, субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, концепция познания людьми друг друга А.А. Бодалева. На их основе реконструирован каркас критериев продуктивного сотворчества «человек — человек»: диалогизм, зона ближайшего развития, ценностное единство, эмерджентность, взаимодетерминация, суверенность, адекватность отражения, перцептивно-интерактивный резонанс, рождение нового знания. Каждый критерий подвергнут критическому переносу на диаду «человек — ИИ» с опорой на практический опыт автора в применении языковых моделей для анализа данных и генерации научных гипотез.

Перенос обнаруживает закономерность: при переходе к диаде «человек — ИИ» вся субъектная, рефлексивная и регулятивная нагрузка, которую в человеческой паре несут оба участника, целиком перемещается на человека. Покажем это с помощью трех критериев.

Зона ближайшего развития. В отличие от классической схемы, где компетентный партнер по общению намеренно выделяет созревающее, но не оформленное содержание мышления другого, в работе с ИИ аналогичный эффект возникает как стохастический триггер: модель генерирует вероятностно правдоподобный текст, не «видя» зону ближайшего развития пользователя, однако часть этого текста — забытые или не замеченные самим человеком идеи — оказывается резонансной именно потому, что соответствующее содержание уже было готово к проявлению. Субъектность целиком остается на стороне человека: модель — источник стимульного материала, который субъект творчески перерабатывает, иногда до неузнаваемости.

Диалогизм. Эмпирически он оказывается не бинарным, а градуированным: от моделей, не удерживающих реплику собеседника как смысловую позицию и реализующих собственную логику генерации независимо от встречной реакции, до моделей, демонстрирующих структуру, близкую к бахтинскому такту,— вслушивание в позицию пользователя прежде предложения дополнений. Градиент задается архитектурно-поведенческими особенностями конкретной системы, а не присутствием или отсутствием диалогизма как такового.

Темпоральность совместной деятельности — критерий, добавленный к исходному каркасу как специфичный именно для взаимодействия с ИИ. В человеческой паре он практически не проявляется, поскольку оба участника подчиняются сходным психофизиологическим ограничениям. В диаде «человек — ИИ» это согласование становится асимметричным: модель удерживает темп генерации без признаков утомления, тогда как темп человека ограничен необходимостью пауз для рефлексии. Эффект двойственен: с одной стороны, ресурсный (человек дольше удерживается в продуктивном мыслительном потоке), с другой — рискогенный (снимается естественный тормоз, который в человеческом диалоге защищал от истощения, и регулировать темп теперь приходится волевым усилием самого человека).

Эти и остальные критерии (ценностное единство, суверенность, адекватность отражения, взаимодетерминация, перцептивно-интерактивный резонанс, эмерджентность, рождение нового знания) обнаруживают общую структурную трансформацию: критерий не отменяется, но переопределяется так, что «человеческая» сторона ответственности за его поддержание — в человеческой паре распределенная между двумя субъектами, — целиком переходит к единственному реальному субъекту диады.

Итоговый вывод: несубъектность ИИ-партнера превращает взаимодействие с ним в своеобразный безопасный полигон для мышления — пространство, в котором созревающая мысль может быть многократно проверена и переформулирована без социальных издержек, неизбежных в живом межличностном сотворчестве (необходимость считаться с самолюбием, усталостью, несогласием партнера). Новое знание, рождающееся в таком взаимодействии, принадлежит исключительно человеку, поскольку лишь он удерживает критическую, оценивающую позицию по отношению к продукту совместной деятельности; но сама широта и плотность поля проб, из которого это знание вычленяется, является следствием того, что ИИ порождает текст вероятностно и не устает.

Литература:

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979.

2. *Бодалев А.А.* Психология общения. М.: Институт практической психологии, 1996.

3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.

4. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.

КОГНИТИВНАЯ РАЗГРУЗКА КАК МЕХАНИЗМ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Толстых А. В.
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Генеративный искусственный интеллект вошел в учебную практику за три года и стал рабочим инструментом студента при подготовке текстов, поиске информации и обосновании выводов. Темпы внедрения опережают темпы изучения психологических последствий его использования. Данных о влиянии регулярного обращения к ИИ на психику обучающихся накоплено мало. Практикующие психологи фиксируют зависимость от ИИ как реальность, хотя в русскоязычной науке она пока не описана как самостоятельный феномен с собственным механизмом. В Международной классификации болезней одиннадцатого пересмотра закреплены «расстройство вследствие пристрастия к компьютерным играм» и «расстройство вследствие пристрастия к азартным играм», а зависимость от ИИ диагностического статуса не получила по причине новизны явления.

Существующие модели цифровых аддикций переносятся на зависимость от использования ИИ по аналогии. Зависимости от смартфона, социальных сетей и видеоигр описываются в отечественной литературе как сочетание импульсивности, потери контроля и эмоциональной дезадаптации [1]. Проверка компонентной модели аддикции М. Гриффитса обнаруживает частичную применимость к зависимости от использования ИИ [3]. Сверхценность, изменение настроения, конфликт и рецидив переносятся напрямую. Синдром отмены при отказе от ИИ оказывается ближе к когнитивному дискомфорту, чем к эмоциональному срыву. Толерантность — то есть потребность во все большем времени взаимодействия с ИИ — работает ограниченно. Частичная применимость общей аддиктологической рамки обосновывает поиск специфического механизма зависимости от ИИ.

В качестве такого механизма мы рассматриваем когнитивную разгрузку — перенос на внешний инструмент мыслительных операций анализа, синтеза и обоснования [5]. Смартфон и социальная сеть работают средой доставки контента. Генеративный ИИ продуцирует

аргументированный ответ самостоятельно и создает у пользователя иллюзию содержательного диалога. Профиль зависимости смещается от эмоционально-коммуникативного к когнитивному. Студент делегирует алгоритму те операции, которые составляют содержание учебной работы. На выборке 666 пользователей зафиксирована значимая отрицательная связь частоты обращения к ИИ с уровнем критического мышления, опосредованная именно когнитивной разгрузкой и более выраженная у молодежи [2].

Феноменология зависимости раскрывается с помощью содержательного анализа пунктов шкалы DAI, валидизированной на 528 студентах при значениях альфы Кронбаха и омеги Макдональда 0,87 [4]. В переживаниях студента с высоким показателем шкалы проступают три смысловых блока. Чувство когнитивной уязвимости выражается в виде тревоги и беспомощности при попытке решить учебную задачу без доступа к нейросети. Поиск внешней валидации проявляется в виде потребности сверять собственное решение с ответом алгоритма при нарастающем недоверии к своим знаниям. Страх утраты профессиональной востребованности заставляет воспринимать отказ от использования ИИ как угрозу своей конкурентоспособности. Все пять пунктов шкалы образуют одну латентную переменную, что указывает на содержательное единство перечисленных проявлений.

Психологические предикторы для этой аддикции намечаются по аналогии с предикторами смежных аддикций. На выборке 227 студентов зависимость от смартфона прямо коррелирует с импульсивностью на уровне 0,510 и обратно — с ассертивностью на уровне –0,284 при $p<0,001$ [1]. Вторым кандидатом в предикторы выступает низкая толерантность к неопределенности, поскольку ИИ выдает уверенно сформулированный однозначный ответ и способен выполнять для студентов с низкой толерантностью к неопределенности функцию компенсатора неопределенности. Протекторами предположительно работают рефлексивность и общая жизнеспособность личности. Предположение, что те же связи действуют и в случае зависимости от ИИ, сохраняет статус гипотезы и требует проверки на собственных данных.

Ограничением работы остается ее теоретический характер. Шкала DAI валидизирована на испаноязычной выборке студентов-медиков и нуждается в адаптации на русскоязычной выборке перед применением. Практическое значение работы состоит в подготовке основы для разработки профилактической стратегии. Ядром такой стратегии

становится развитие рефлексивности обучающегося вместе с формированием навыков проверки ответов ИИ. Ближайшая задача данной работы включает перевод и адаптацию шкалы DAI на русскоязычной студенческой выборке с последующей проверкой намеченных предикторов методами корреляционного и регрессионного анализа. Полученные результаты применимы при проектировании программ психологической поддержки студентов в условиях цифровизации образования.

Литература:

1. *Шейнов В.П., Тарелкин А.И.* Связи зависимости студентов от смартфона с психологическим неблагополучием // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 3(43). С. 194–207.

2. *Gerlich M.* AI tools in society: impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking // Societies. 2025. Vol. 15. № 1. Art. 6.

3. *Griffiths M.D.* A ‘components’ model of addiction within a biopsychosocial framework // Journal of Substance Use. 2005. Vol. 10. № 4. P. 191–197.

4. *Morales-García W.C., Sairitupa-Sanchez L.Z., Morales-García S.B., Morales-García M.* Development and validation of a scale for dependence on artificial intelligence in university students // Frontiers in Education. 2024. Vol. 9. Art. 1323898.

5. *Risko E.F., Gilbert S.J.* Cognitive offloading // Trends in Cognitive Sciences. 2016. Vol. 20. № 9. P. 676–688.

ГЕЙМИФИЦИРОВАННАЯ ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ДЕТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Трушкина О.Ю.
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Современные дети растут в условиях цифровизации с самого рождения — это влияет на то, как они воспринимают обучающий материал и как относятся к современным методам оценивания. Традиционные

когнитивные тесты, оценивающие скорость обработки информации, память, внимание и пространственные навыки, часто воспринимаются детьми как скучные и демотивирующие, что приводит к снижению качества собранных данных. В последние годы в области оценивания активно внедряются технологии геймификации, а также используется искусственный интеллект. Геймификация — внедрение игровых механик (сюжет, персонажи, награды) в процедуру тестирования — позволяет повысить вовлеченность, мотивацию испытуемых и таким образом увеличить экологическую валидность оценки.

Цель данного анализа — систематизировать данные о возможностях и ограничениях геймифицированной оценки с использованием искусственного интеллекта в диагностике детей и выделить направления для дальнейшей валидации таких инструментов.

Рассмотрим механизмы эффективности геймификации. По данным обзора Lumsden et al. [2], исследователи выделяют несколько эффектов геймификации: повышение мотивации участников, снижение тревожности перед оцениванием и скуки во время него, увеличение числа участников, которые доходят до конца исследования. Все это достигается с использованием таких средств, как создание реалистичной среды задания (3D-графика), сторителлинг и звуковое сопровождение.

Геймификацию особенно успешно применяют при оценке мотивации и когнитивных функций: рабочей памяти, скорости реакции, внимания, скорости обработки информации. Наиболее исследуемой из этих функций остается рабочая память, поскольку ее достаточно просто измерить. Геймификацию со сбором биометрических данных внедряют в область диагностики людей с СДВГ; также разрабатываются геймифицированные инструменты в области диагностики личностных черт. Особой областью являются диагностические геймифицированные инструменты для дошкольников. Работа C.M. Eng [1] описывает игру, с помощью которой диагностируют сформированность пространственных представлений у дошкольников, где сложность адаптируется на основе алгоритмов машинного обучения. Данный формат повысил вовлечtнность и мотивацию участников: 80% из них выбрали пройти еще раз геймифицированную версию испытаний, и только 20% выбрали традиционный опросник.

Стоит также отметить, что в последнее время в этой области нарастает применение технологий искусственного интеллекта. Перспективным примером служит работа Q. Yang et al. [4]. На базе больших

языковых моделей был создан агент — PsychoGA T. Данный агент автоматически преобразовывал стандартизированные опросники в интерактивные тестовые квесты, одновременно генерируя сценарий, оценивая ответы и проводя критический анализ созданной игры. Данные показали, что вовлеченность респондентов была выше на 80% по сравнению с традиционными опросниками, при этом надежность (α=0,98) и конвергентная валидность (r=0,97) оказались высокими. Однако столь высокие показатели требуют подтверждения на независимых выборках.

Таким образом, можно наблюдать двойственную картину. С одной стороны, ряд исследований показывает, что использование ИИ имеет два важных преимущества: непредвзятость оценки — снижение влияния субъективных факторов, присущих человеку-оценщику, — и автоматизацию оценивания. С другой стороны, сам ИИ может быть предвзят: это обусловлено несовершенством и неполнотой обучающих данных и алгоритмов, использованных для разработки языковых моделей. В статье J. Lumsden et al. [2] отмечается необходимость множественной валидации и поиска баланса между увлекательностью и научной обоснованностью геймифицированных инструментов.

Таким образом, разработка геймифицированных инструментов представляет собой перспективное направление, в рамках которого можно решить две задачи: повысить мотивацию испытуемых и обеспечить сбор данных в естественных условиях — вне лаборатории, в привычной для ребенка среде. Внедрение ИИ расширяет возможности персонализации оценки. Однако широкое внедрение таких инструментов требует разработки стандартизированных протоколов валидизации, учета возрастных и культурных особенностей при обучении алгоритмов. Ключевым направлением будущих исследований может стать поиск баланса между игровой увлекательностью и точностью измерения.

Литература:

1. *Eng C.M., Tsegai-Moore A., Fisher A.V.* Incorporating Evidence-Based Gamification and Machine Learning to Assess Preschool Executive Function: A Feasibility Study // Brain Sciences. 2024. Vol. 14(5). P. 451. DOI: 10.3390/brainsci14050451.

2. *Lumsden J., Edwards E.A., Lawrence N.S., Coyle D., Munafò M.R.* Gamification of Cognitive Assessment and Cognitive Training: A Systematic

Review of Applications and Efficacy // JMIR Serious Games. 2016. Vol. 4(2). P. e11. DOI: 10.2196/games.5888.

3. *Teruel M.A., Sanchis J., Ruiz-Robledillo N., Albaladejo-Blázquez N., Ferrer-Cascales R., Trujillo J.* Measuring Attention of ADHD Patients by Means of a Computer Game Featuring Biometrical Data Gathering // Heliyon. 2024. Vol. 10(5). Art. e26555. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e26555.

4. *Yang Q., Wang Z., Chen H., Wang S., Pu Y., Gao X., Huang W., Song S., Huang G.* PsychoGAT: A Novel Psychological Measurement Paradigm through Interactive Fiction Games with LLM Agents // Proceedings of ACL 2024. P. 12345–12356. DOI: 10.18653/v1/2024.acl-long.779.

5. *Zakrzewski S., Merrill E., Yang Y.* Can gamification improve children's performance in mental rotation? // Journal of Experimental Child Psychology. 2025. Vol. 252. Art. 106169. DOI: 10.1016/j.jecp.2024.106169.

ЦИФРОВОЙ ДВОЙНИК КАК СРЕДА ФОНОВОГО МОНИТОРИНГА СТРЕССА И ТРЕВОЖНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Уймин А.Г.
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
Москва, Россия

Скрининг стресса и тревожности с помощью традиционных методов — клинических шкал, опросников, структурированных интервью — предполагает выход человека из текущей деятельности ради процедуры обследования[1]. Это не только создает организационную нагрузку, но и принципиально искажает картину: изолированный замер не отражает динамику состояния в ходе реальной работы. Иной подход становится возможным, когда пользователь выполняет свою профессиональную или учебную деятельность внутри цифрового двойника — управляемой виртуальной среды, воспроизводящей реальную информационно-коммуникационную инфраструктуру. Ключевое свойство такой среды состоит в том, что она по своей природе фиксирует все взаимодействие пользователя с системой: каждое движение манипулятора, каждое нажатие клавиши, каждую паузу в работе. Это создает возможность для осуществления фонового психодиагностического мониторинга — непрерывного наблю-

дения за психоэмоциональным состоянием без какого-либо отвлечения от основной деятельности и без ведома пользователя о том, что диагностика проводится [5].

Цифровой двойник в данном контексте выступает не в качестве инструмента диагностики, а в качестве среды, внутри которой диагностика становится возможной попутно с решением профессиональных задач. Пользователь решает профессиональные задачи — настраивает сетевую инфраструктуру, реагирует на инциденты, выполняет задания в режиме реального времени,— и именно это взаимодействие со средой порождает непрерывный поток поведенческих данных [2]. Параметры координатного устройства ввода — скорость и ускорение курсора, кривизна траектории, частота и ритм кликов, время удержания кнопки, длительность пауз — отражают моторный компонент психоэмоционального состояния [3]. Клавиатурные паттерны предоставляют самостоятельный диагностический канал: интервалы между нажатиями клавиш, время удержания отдельных клавиш, ритмичность набора, частота ошибок и их исправлений показывают уровень тревожности не хуже, чем параметры использования мыши [4]. Сессионные характеристики — продолжительность непрерывной работы без пауз, частота переключения между задачами, время реакции на системные события — дополняют картину на уровне организации деятельности в целом. Совокупность этих сигналов образует многомерный поведенческий профиль, динамика которого отражает изменения психоэмоционального состояния в режиме реального времени.

Диагностическая валидность поведенческих маркеров для оценки стресса и тревожности подтверждена в условиях, приближенных к описанным [2]. Скорость перемещения курсора обнаруживает высокую корреляцию с экспертными оценками уровня стресса ($r=0,87$; $p<0,01$). Интервалы между кликами, время удержания кнопки мыши, интервалы между нажатиями клавиш и время удержания клавиш получили статус статистически значимых предикторов тревожности ($p<0,01$). Классификатор на основе алгоритма Random Forest, обученный на указанном наборе признаков, обеспечивает общую точность классификации 76% при трехуровневой градации стресса. Чувствительность для среднего и высокого уровней составляет 0,81 и 0,77 соответственно. Специфичность для крайних классов превышает 0,91. Значение коэффициента согласованности $\kappa\approx0,65$ между результатами автоматической классификации и оценками внешнего наблюдателя подтверждает примени-

мость метода в условиях выполнения пользователем реальных профессиональных задач под психологической нагрузкой.

Учебный процесс на платформе цифрового двойника формирует благоприятный контекст для фонового мониторинга психоэмоционального состояния. В ходе лабораторных работ, практических заданий и аттестационных мероприятий обучающийся постоянно взаимодействует со средой: ввод команд с клавиатуры, управление интерфейсом средствами манипулятора, переключение между задачами. Уровень нагрузки варьируется естественным образом — от рутинных конфигурационных операций до стрессогенных сценариев с ограниченным временем выполнения и имитацией аварийных ситуаций [5]. Вариативность нагрузки внутри отдельной сессии обеспечивает фиксацию актуального уровня стресса и одновременно формирует основу для построения индивидуального базового профиля состояния в условиях комфортной работы; относительно указанного профиля оцениваются отклонения при повышенной нагрузке [4]. Переход от популяционных к персонализированным моделям диагностики составляет главное преимущество цифрового двойника перед стандартизированным скрининговым инструментом, применяемым единообразно ко всем участникам.

Непрерывный характер мониторинга открывает качественно новые возможности для психологического сопровождения обучающихся. Система обеспечивает выявление неблагоприятных тенденций на ранней стадии — до момента самостоятельного обращения студента за помощью или проявления его состояния для окружающих [1]. Если поведенческие маркеры тревожности растут от сессии к сессии, если студент все чаще ошибается при наборе текста с клавиатуры, а паузы в работе с мышью становятся длиннее,— это ранние сигналы. По отдельности каждый из них мало что говорит. Один сбой объясняется усталостью, плохим сном, посторонним шумом. Но когда эти признаки накапливаются и держатся несколько сессий подряд, складывается устойчивая картина. Вот она и дает повод вовремя предупредить психолога или куратора — пока состояние студента не дошло до уровня, на котором нужна уже не профилактика, а помощь специалиста.

Сразу оговоримся: мониторинг не заменяет работу психолога. Он работает на предварительном этапе: выделяет тех, кому стоит уделить внимание в первую очередь, и дает куратору основание направить студента на полноценное обследование [2]. Ставить диагноз машина не может и не должна — это дело живого специалиста. Система лишь

подсказывает, на кого посмотреть раньше остальных. Меняется при этом сам режим работы психологической службы. Раньше она включалась, когда проблема была уже видна всем. Теперь — наблюдает заранее и реагирует до того, как ситуация обострится.

Корректное применение технологии фонового мониторинга в образовательной среде предполагает соблюдение ряда обязательных условий. Участники должны быть полностью проинформированы о факте сбора поведенческих данных, целях их обработки и сроках хранения; получение информированного согласия каждого участника предшествует регистрации данных. Прозрачность целей мониторинга и доступность информации о применяемых методах обработки являются обязательным этическим требованием. При этом мониторинг остается фоновым: он не требует активного участия обучающегося в диагностической процедуре и не отвлекает его от учебной деятельности. Несоблюдение перечисленных условий делает результаты мониторинга нелегитимными и создает риск нарушения прав обучающихся в области защиты персональных данных.

Персональные данные подлежат защите в соответствии с действующим законодательством; доступ к результатам диагностики должен быть строго разграничен: технические специалисты работают с сырыми данными, психологическая служба — с результатами диагностики. Методологически необходимо учитывать, что поведенческие маркеры чувствительны к индивидуальным особенностям моторики и стиля работы, не связанным с психоэмоциональным состоянием: привычная скорость набора текста, эргономика рабочего места, тип используемого оборудования могут влиять на значения признаков [3]. Именно поэтому персонализация базового профиля, а не сравнение с групповыми нормами, является не опцией, а необходимым условием достоверной диагностики на индивидуальном уровне [4].

Цифровой двойник как рабочая среда пользователя создает уникальную возможность: превратить повседневную профессиональную и учебную деятельность в непрерывный источник психодиагностической информации о стрессе и тревожности [5]. Поведенческие маркеры — параметры манипулятора, клавиатурные паттерны, сессионная активность — образуют многомерный сигнал, достаточно информативный для автоматизированной классификации психоэмоционального состояния с практически значимой точностью. Встраивание фонового мониторинга в образовательный процесс на базе цифрового двойника

позволяет реализовать проактивное психологическое сопровождение обучающихся — системное, персонализированное и не требующее прерывания учебной деятельности [2]. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка адаптивных моделей, учитывающих индивидуальные базовые профили и интегрирующих несколько каналов поведенческих данных в единую мультимодальную диагностическую систему.

Литература:

1. *Полуэктов М.Г.* Цифровые маркеры клинических состояний // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2026. № 126 (5–2). С. 5.

2. *Уймин А.Г.* Методы машинного обучения при определении психического состояния на основе данных координатного устройства ввода информации // Психология и Психотехника. 2025. № 3. С. 207–223. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.3.75214.

3. *Шамаков В.А.* Определение психоэмоционального состояния пользователя информационной системы по двигательной активности с помощью компьютерной мыши // Мир человека в фокусе психологических метапрактик: материалы VIII Сибирского психологического форума. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2022. С. 132–133.

4. *McGinnis E.W., Cherian J., McGinnis R.S.* The State of Digital Biomarkers in Mental Health // Digital Biomarkers. 2024. Vol. 8. № 1. P. 210–217. DOI: 10.1159/000542320.

5. *Torous J., Kiang M.V., Lorme J., Onnela J.P.* New Tools for New Research in Psychiatry: A Scalable and Customizable Platform to Empower Data Driven Smartphone Research // JMIR Mental Health. 2016. Vol. 3. № 2. P. e16. DOI: 10.2196/mental.5165.

КОГНИТИВНО-АРХИТЕКТУРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ЦИФРОВОГО ПОВЕДЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ, ВОЗДЕЙСТВИЕ И РЕАКЦИЯ

Устин П.Н., Попов Л.М., Гафаров Ф.М., Агафонов А.А.
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–01125 «Психологическая модель поведения субъекта в цифровой среде».

Дискуссии пользователей в цифровой среде дают возможность анализировать не только отдельные высказывания, но и то, как меняются позиции участников в процессе общения. Однако анализ одного сообщения показывает лишь готовый результат и почти ничего не говорит о том, почему реакция оказалась именно такой. В российской психологической традиции данный вопрос рассматривается, прежде всего, с позиций принципа детерминизма, согласно которому внешнее воздействие определяет реакцию не непосредственно, а через внутренние условия активности субъекта [1; 2].

Цель исследования состояла в эмпирической проверке когнитивно-архитектурной модели, связывающей последующую цифровую реакцию с двумя группами факторов: функциональным профилем автора и предшествующим сообщением другого участника.

Единицей анализа выступила следующая последовательность: A1 → B → A2, отражающая переход от предшествующего поведения автора к его следующей реакции после сообщения другого участника. В этой последовательности A1 обозначало предыдущее сообщение автора, B — обращенное к нему сообщение собеседника, A2 — последующий ответ первоначального автора. По тексту каждого сообщения реконструировался функциональный профиль поведения — совокупность выраженных в нем коммуникативных, когнитивных и регулятивных характеристик. Всего профиль включал 60 соответствующих индикаторов. Таким образом, предметом анализа выступало не отдельное сообщение, а последовательная организация поведения, что позволяет рассматривать предложенную модель в русле когнитивно-архитектурного подхода [3; 4].

После удаления повторов и неполных записей в анализ вошли 6334 перехода из «ВКонтакте» и Pikabu, относящихся к 2460 сочетаниям «платформа — автор». Сравнивались три модели. Первая учитывала только сообщение B и тем самым отражала вклад актуального воздействия в предсказание последующей реакции. Вторая опиралась только на A1 и показывала вклад устойчивости ранее выраженного поведения. Третья объединяла оба источника. Расчеты выполнялись с помощью многовыходной Ridge-регрессии. Чтобы не смешивать индиви-

дуальные особенности авторов с общими закономерностями, данные 30 раз делились на обучающую и проверочную части по авторам: сообщения одного человека не попадали одновременно в обе выборки.

Проведенный анализ показал, что наиболее точной выступает третья модель, которая одновременно учитывает характеристики предшествующего сообщения автора и сообщения собеседника. Ее взвешенный R^2 составил 0,160. Это умеренный показатель: большая часть вариативности следующей реакции остается за пределами доступных данных. Однако включение предшествующего профиля повысило R^2 по сравнению с моделью, учитывающей только сообщение другого участника, на 0,052. Добавление актуального сообщения к модели состояния дало прирост 0,039. Оба преимущества повторились во всех 30 разбиениях.

Чтобы определить, какое из двух сообщений в большей мере участвовало в формировании прогноза, отдельно сопоставили суммарные абсолютные значения коэффициентов, относящихся к предшествующему сообщению автора и сообщению собеседника. Полученные доли оказались практически одинаковыми — 50,7 и 49,3% соответственно. Это показывает, что при прогнозировании последующей реакции модель в сопоставимой степени учитывала характеристики обоих сообщений. Вместе с тем данные показатели отражают структуру модели и не позволяют судить о причинном влиянии каждого сообщения на последующую реакцию.

Полученные результаты позволяют уточнить психологическую логику формирования последующей реакции пользователя в ходе цифрового взаимодействия. Следующий ответ не является буквальным продолжением предшествующих высказываний автора, но и не определяется только сообщением собеседника. Более точное описание последующей реакции возникает тогда, когда учитываются обе стороны взаимодействия: то, как человек уже был включен в обсуждение, и то, с каким содержанием он столкнулся в текущий момент. Иными словами, цифровое поведение сочетает относительную устойчивость и ситуативную изменчивость. Полученный результат не позволяет установить причинный вклад каждого фактора. Он лишь показывает, что последующая реакция точнее прогнозируется при одновременном учете характеристик предшествующего сообщения автора и сообщения собеседника. Таким образом, цифровая реакция является не изолированным ответом, а звеном развивающегося взаимодействия, в котором сочетаются преемственность поведения пользователя и его ситуативная изменчивость.

Литература:

1. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

2. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.

3. *Anderson J.R., Bothell D., Byrne M.D., Douglass S., Lebiere C., Qin Y.* An Integrated Theory of the Mind // Psychological Review. 2004. Vol. 111. № 4. P. 1036–1060.

4. *Laird J.E.* The Soar Cognitive Architecture. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЕ СИТУАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТАКТА С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Фахрутдинова Л.Р., д.пс.н., ***Сафонов А.С.,*** аспирант
Институт психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

Актуальность исследования связана с востребованностью психологической помощи в условиях современного мира. Согласно исследованиям Г.С. Абрамовой (2001), предметом профессиональной деятельности психолога является психическая реальность человека, подчиняющаяся собственным законам. Мы сталкиваемся с беспрецедентной ситуацией, когда искусственному интеллекту может отводиться — и уже часто отводится — функция помощи человеку. Здесь уместно напомнить, что даже для работы психолога-человека в нашей стране до сих пор с большим трудом продвигается закон об оказании психологической помощи.

Мы исследовали переживание ситуации контакта пользователей с искусственным интеллектом (ИИ). В нашем исследовании выявилось, что пользователи наделяли ИИ одушевленностью, приписывали ему определенные человеческие черты. При анализе имеющихся статей, посвященных взаимодействию человека с искусственным интеллектом, были выделены аспекты такой формы анимизма, наиболее часто упоминаемые в исследованиях: взаимопонимание, доверие, вовлеченность пользователя, эмпатия, антропоморфизация искусственного интеллекта [4; 5].

Мы изучали образ ИИ, который формируется в результате контакта пользователей с искусственным интеллектом, а также то, как этот контакт влияет на сознание пользователей — через телесные, эмоциональные и когнитивные характеристики переживания субъекта контакта с ИИ. В понимании образа ИИ мы опирались на исследования А.Н. Леонтьева (2004), С.Д. Смирнова (1985), М. Вертгеймера (1987), В. Келера (1929), К. Коффки (1921, 1935) и др., в которых раскрываются свойства целостности образа, подчиняющегося законам развития сложного многоуровневого целого, благодаря которому сознание активно организует и структурирует воспринимаемую информацию. Также мы исследовали образ ИИ, который возникает у пользователей при взаимодействии с ним; этот образ отражает персонализацию респондентов в контакте с ИИ на втором этапе персонализации, по А.В. Петровскому (2001).

Л.С. Выготский [1] определял переживание как единственный вход в субъективный мир человека, как внутренний план социальной ситуации развития. Переживание является внутренним планом ситуации контакта пользователя с ИИ; переживаемый контакт с ИИ оказывает влияние на развитие структур сознания, личности и субъектности пользователя ИИ [3]. Ситуация контакта с ИИ рассматривается нами как переживаемое впечатление, и характеристики переживания позволяют описывать субъективную реальность, разворачивающуюся в сознании пользователя ИИ.

Цель исследования: изучить особенности персонализации и характеристики переживания ситуации контакта пользователя с искусственным интеллектом.

Испытуемые: в исследовании участвовали 64 человека в возрасте от 18 до 27 лет. Были выделены две группы сравнения. В первую группу (31 человек) вошли респонденты, которые либо не используют ИИ-агентов, либо обращаются к ним реже одного раза в неделю. Во вторую группу (33 человека) вошли респонденты, обращающиеся к ИИ-агентам более трех раз в неделю.

Методы исследования. Для изучения характеристик переживания взаимодействия с ИИ-агентами использовался «Опросник переживания ТЭК» Л.Р. Фахрутдиновой [3], включающий шкалы «Телесная характеристика», «Эмоциональная характеристика», «Когнитивная характеристика», «Объем телесной составляющей в переживании как едином целом», «Объем эмоциональной составляющей в переживании как едином целом», «Объем когнитивной составляющей в пере-

живании как едином целом». Для исследования образа ИИ, а также образа самих респондентов при контакте с ИИ применялись «Тест диагностики межличностных отношений» Т. Лири, «Краткая шкала доверия к автоматизации» (S-TIAS), «Шкала воспринимаемой эмпатии технологий» (PETS).

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование показало, что шкала «Объем эмоциональной составляющей в переживании как едином целом» обнаружила значимые различия между двумя группами испытуемых. У второй группы (с высокой частотой использования ИИ-агентов) показатели объема эмоциональной составляющей статистически выше. Это может отражать формирование эмоциональной связи с искусственным интеллектом у второй группы респондентов в связи с более частым и длительным контактом с ИИ. Значимые положительные корреляции ($p \leq 0{,}05$) таких показателей образа ИИ, как «Доверие», «Понимание», «Эмпатия» (по методикам «Краткая шкала доверия к автоматизации» (S-TIAS) и «Шкала воспринимаемой эмпатии технологий» (PETS)), обнаружены только между эмоциональной характеристикой переживания (по «Опроснику переживания ТЭК» Л.Р. Фахрутдиновой) и указанными показателями. Это может означать, что под влиянием ИИ пользователь начинает доверять ему, чувствовать себя понятым и услышанным.

Нами были выявлены значимые корреляции между шкалами образа Я пользователей ИИ и шкалами образа ИИ; они показали, что в образе ИИ доминируют лидирующие позиции. Причем это лидерство воспринимается как мягкое, доброжелательное, подстраивающееся под пользователя.

Выводы. При длительном контакте с ИИ у пользователей формируются представления о себе в контакте с ИИ, а также образ взаимодействующего с ними ИИ; развивается эмоциональная сторона отношений с ИИ. В психологическом пространстве пользователей ИИ занимает лидирующую позицию, и контакт с ним способствует персонализации пользователей.

Литература:

1. *Выготский Л.С.* Психология. М.: Апрель Пресс: Эксмо-Пресс, 2000.

2. *Ситников В.Л.* Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). Дис. … докт. психол. наук. Санкт-Петербург: Химиздат, 2001.

3. *Фахрутдинова Л. Р.* Структурно-динамическая организация переживания субъекта. Дис. … докт. психол. наук. Казань, 2012.

4. *Kolomaznik M.* The role of socio-emotional attributes in enhancing human-AI collaboration // Front. Psychol. 2024. Vol. 15. URL: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1369957.

5. *Brauner P.* What does the public think about artificial intelligence? A criticality map to understand bias in the public perception of AI. / Brauner P., Hick A., Philipsen R., Ziefle M. // Front. Psychol. 2023. Vol. 5. URL: https://doi.org/10.3389/fcomp.2023.1113903.

ДИСКУССИЯ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Федорова Е. П., к. пс. н.
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Дискуссия об использовании искусственного интеллекта (ИИ) в высшем образовании приобрела междисциплинарный характер и затрагивает психологические, педагогические, этические и методологические основания учебной деятельности. По данным опроса НИУ ВШЭ, проведенного весной 2025 г. среди более 4 тыс. студентов десяти ведущих российских университетов, около 87% респондентов используют ИИ в процессе обучения [3]. Это свидетельствует о широком распространении практик применения ИИ среди студентов обследованных вузов.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в Российской Федерации ИИ определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при решении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [4]. Генеративный ИИ далее рассматривается как класс систем, создающих новый контент на основе закономерностей, выявленных в обучающих данных [5]. Ответ такой системы имеет вероятностный характер и требует проверки.

В современных исследованиях взаимодействие человека с генеративным ИИ рассматривается в структурно-функциональном, информационном, когнитивном, личностном и институциональном аспектах [1]. Для высшего образования особое значение имеют изменения способов переработки информации, распределения когнитивной нагрузки, критичности пользователя, личной автономии и границ делегирования интеллектуальных операций цифровой системе. В профессиональной дискуссии обозначаются возможности ИИ: ускорение поиска и структурирования информации, персонализация обучения, оперативная обратная связь; и риски: снижение самостоятельности пользователей ИИ, их академическая недобросовестность, ошибки в ответах и неопределенность норм использования ИИ [2; 5].

Для уточнения того, как эти проблемы представлены в опыте преподавателей, в 2026 г. проведен полуструктурированный экспертный опрос 12 преподавателей пяти российских вузов: РГГУ, МПГУ, СФУ, ЗабГУ и ВГУ. Стаж работы участников в системе высшего образования составил от пяти до 31 лет. Все респонденты сообщили об использовании генеративного ИИ в профессиональной, научной или учебно-методической деятельности. Ответы анализировались качественно, с выделением повторяющихся смысловых категорий.

Ответы на вопрос «Какое главное преимущество генеративного ИИ для студентов Вы видите?» позволяют выделить следующие преимущества: скорость поиска и получения информации, первичная обработка данных, поиск литературы и иноязычных источников, возможность работать с большим объемом информации.

При ответе на вопрос «Какой главный риск или недостаток использования генеративного ИИ студентами Вы видите?» эксперты отмечают такие риски, как отсутствие критической оценки получаемой информации, потеря самостоятельности мышления, а также поверхностное, неглубокое освоение изучаемой темы.

Выделены следующие группы рисков:

1) риск «бездумного» копирования ответов ИИ, отсутствие последующего анализа и осмысления текста: «Может сложиться ложное впечатление, что тема действительно глубоко освоена»;

2) риск снижения самостоятельности и способности к критической оценке: «Студенты не критичны по отношению к тому, что сообщает ИИ»;

3) риск непостижения смысла текста, утраты глубины его самостоятельного анализа;

4) риски снижения ответственности и возникновения этических проблем во взаимодействии участников образовательного процесса, в том числе риск выдачи сгенерированной информации за собственный текст;

5) риск получения низкой оценки при выявлении признаков использования ИИ в учебной работе.

Приведем нетипичные высказывания экспертов. Один из них отметил наличие «мерцающего эффекта»: «Информация поставляется быстро и легко, и так же быстро и легко утрачивается субъектом». Другой эксперт подчеркивает, что студент должен сначала научиться «делать руками», прежде чем обращаться к ИИ. Наиболее обобщенно возможный риск обозначен одним из участников как «потеря субъектности».

Резюмируя мнения экспертов, отметим, что особое внимание они обращают на риски снижения самостоятельности, некритичного доверия к ответу ИИ, академической недобросовестности, фактических ошибок и нарушения конфиденциальности. Перспективной представляется модель организации учебной деятельности, в которой ИИ выступает средством опосредования, при сохранении самостоятельности студента, критической проверки информации, прозрачности использования технологии и ответственности человека за итоговый образовательный или научный продукт. В этом случае педагогическое проектирование направлено не на сам факт применения ИИ, а на способ организации взаимодействия студента с генеративной системой, поддерживающий его субъектную позицию.

Литература:

1. *Скрыльникова Н.И., Холодная М.А.* Современные подходы к изучению психологических аспектов взаимодействия пользователя с генеративным искусственным интеллектом // Современная зарубежная психология. 2026. Т. 15. № 2. С. 17–26. DOI: 10.17759/jmfp.2026150202.

2. Искусственный интеллект в образовании: социальная практика современной России: доклад по итогам стратегической сессии Института наследия и современного общества РГГУ, 10 апреля 2026 г. М.: РГГУ, 2026.

3. НИУ ВШЭ. ИИ в образовании: как преодолеть соблазн готовых решений. 22 апреля 2025 г. URL: https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html (дата обращения: 02.08.2026).

4. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»

(ред. от 15.02.2024) // Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

5. *Miao F., Holmes W.* Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. DOI: 10.54675/EWZM9535.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Федотова М. В., аспирант
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Традиционно анализ педагогического дискурса является трудоемкой задачей, требующей привлечения обученных экспертов-лингвистов или методистов. С развитием генеративных искусственных интеллектуальных систем и крупных языковых моделей (LLM) открываются новые возможности для автоматизации анализа текстовых данных.

На сегодняшний день LLM использовались в тематическом анализе [2], дескриптивном феноменологическом анализе [1], контент-анализе [3]. В лингвистике LLM применяют для классификации речевых актов, тональности, контент-анализа и стилистического анализа, но результаты неоднозначны и зависят от модели, промпта и домена.

Однако фокус большинства современных исследований направлен на сравнение LLM с людьми. При этом недостаточно изученными остаются: компаративный анализ нескольких современных LLM (включая русскоязычные) в рамках задачи с единым протоколом, а также оценка их согласованности и смещений.

Цель нашей работы — провести сравнительное исследование результатов, полученных от трех крупных языковых моделей (GigaChat, DeepSeek, Алиса AI) при решении задачи квантитативного анализа речевых актов учителя на основе автоматических транскрипций уроков.

Характеристика и подготовка данных. Исследовательский корпус составили 30 аудиозаписей школьных уроков (длительность каждого аудио от 38 до 40 минут), автоматически транскрибированных с помощью сервиса SalutSpeech, обеспечившего единообразный текстовый формат для последующего анализа.

Выбор моделей LLM. Анализ транскрипций был проведен с помощью трех наиболее популярных в России нейросетей: GigaChat (Sber, версия 2025–01), DeepSeek-V2 (DeepSeek AI, версия 2.0) и Алиса AI (Yandex, версия 3.2) [4].

Подготовка инструкции. Нами был разработан четко структурированный промпт, содержащий детализированную инструкцию и определения семи категорий речевых актов (похвала, критика, открытые вопросы, закрытые вопросы, императивы/приказы, просьбы, предложения чего-либо), с указанием игнорировать речь учеников.

Дизайн исследования. Для оценки внутримодельной согласованности был проведен пилотный эксперимент: пять случайных транскрипций проанализированы каждой моделью по 10 раз. Сравнение средних по пяти и по 10 попыткам не выявило существенных различий, что позволило установить достаточным пять повторных измерений на одну запись для одной модели.

Таким образом, для нивелирования стохастичности, присущей процессу генерации LLM, транскрипции 30 аудиозаписей уроков были проанализированы каждой из трех моделей по пять раз (всего 450 запусков).

Для проверки распределения данных использован критерий Колмогорова — Смирнова, с помощью парного t-теста для зависимых выборок проведены сравнения средних между моделями, оценка межмодельной согласованности производилась с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Обработка выполнена в пакете SPSS.

Результаты. Проведенное сравнительное исследование трех языковых моделей (GigaChat, DeepSeek, Алиса AI) выявило систематические калибровочные смещения (bias), подтвержденные парными t-тестами ($p<0,05$) в абсолютных средних значениях по большинству категорий между всеми парами моделей. DeepSeek систематически занижал показатели по сравнению с GigaChat, в то время как Алиса AI демонстрировала завышение относительно обеих моделей. Это указывает на наличие систематического смещения. Таким образом, прямое сравнение «сырых» числовых данных, полученных от разных LLM, методологически некорректно.

Несмотря на калибровочные различия, межмодельная корреляция выявила высокую согласованность в ранжировании транскрипций: сильные связи ($r>0,70$) для похвалы ($r=0,938–0,943$), критики ($r=0,806–0,915$) и императивов ($r=0,713–0,735$), умеренные — для

открытых вопросов (r=0,616–0,744). Низкая корреляция наблюдалась для закрытых вопросов и предложений чего-либо, что указывает на семантическую сложность этих категорий.

Выводы. Проведенное сравнительное исследование подтвердило наличие статистически значимых систематических смещений в абсолютных средних оценках речевых актов между моделями GigaChat, DeepSeek и Алиса AI по большинству категорий (парный t-тест, $p<0,05$). Однако данные модели демонстрируют высокую степень согласованности в оценке ключевых речевых актов учителей.

Полученные результаты подчеркивают методологическую некорректность прямого сравнения и использования в научных работах «сырых» числовых данных, полученных от различных LLM. В то же время наблюдаемая высокая корреляционная согласованность в случае одновременного применения нескольких моделей открывает перспективы для сравнительного анализа и выявления речевых паттернов без предварительного дополнительного обучения моделей, требующего дополнительных временных и финансовых ресурсов.

Литература:

1. *Hamilton L., Elliott D., Quick A., Smith S., Choplin V.* Exploring the Use of AI in Qualitative Analysis: A Comparative Study of Guaranteed Income Data // International Journal of Qualitative Methods. 2023. Vol. 22. Article 16094069231201504. DOI: 10.1177/16094069231201504.

2. *Hitch D.* Artificial Intelligence Augmented Qualitative Analysis: The Way of the Future? // Qualitative Health Research. 2024. Vol. 34. № 7. P. 595–606. DOI: 10.1177/10497323231217392.

3. *Tabone W., De Winter J.* Using ChatGPT for human–computer interaction research: a primer // Royal Society Open Science. 2023. Vol. 10. № 9. Article 231053. DOI: 10.1098/rsos.231053.

4. Названы самые популярные в России нейросети. ChatGPT в конце списка // CNews. 2025. 24 ноября. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025–11–24_nazvany_samye_populyarnye (дата обращения: 11.06.2026).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ ВРЕМЕННОЙ АКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ С ТЕХНОЛОГИЯМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Филенко И.А., к.пс.н., ***Моисеев С.В.***
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

Трансформация базовых оснований современного общества в последние годы связана с инновациями в области цифровых технологий, среди которых искусственный интеллект (ИИ) сильнее всего меняет традиционные практики жизнедеятельности. В связи с современными тенденциями перестройки высшего образования возникают задачи психологической оценки различных феноменов, связанных с взаимодействием человека и ИИ в образовательных системах: изучение психологических факторов, обусловливающих восприятие данных инноваций; оценка возможного влияния технологий ИИ на когнитивные, эмоциональные, интенциональные процессы субъектов педагогической деятельности; создание оптимальных условий для совместной деятельности, включающей взаимодействия студентов, преподавателей и больших языковых моделей.

Целью исследования являлось изучение психологических факторов вовлеченности студентов во взаимодействия с ИИ в учебной и внеучебной деятельности. Выборку составили студенты университетов г. Томска в количестве 47 человек (17% мужчин, 83% женщин; возраст 20,9±2,2 года). Исследование проводилось в июне 2026 г. с использованием онлайн-формы, включающей опросники: «Метакогнитивная включенность в деятельность» (Г. Шроу и Р. Деннисон), адаптированный А.В. Карповым, И.М. Скитяевой, краткая версия В.М. Бызовой, Е.И. Периковой, А.Е. Ловягиной [1]; «Опросник самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой [2]; авторский опросник оценки полезности технологий ИИ со шкалами — ускорение выполнения задач с помощью ИИ, шесть пунктов, α Кронбаха =0,847; развитие творчества и интеллекта с помощью ИИ, пять пунктов, α Кронбаха =0,781. Респонденты указывали направления профессиональной подготовки (1 — естественно-научное; 2 — гуманитарное; 3 — техническое; 4 — иные специальности) и время общения с ИИ при решении различных

задач: а) задачи учебной деятельности (ВЗУ); б) задачи повседневных практик, не связанные с учебой (ВПП). Это позволяло оценить общее время работы с технологиями ИИ (ВО) в течение недели в часах. Время работы с цифровыми технологиями является одним из показателей вовлеченности во взаимодействие с ними [3; 4]. Наряду с ним используются и другие показатели — состояние потока, компульсивное поведение и др. Обработка результатов проводилась с помощью программы jamovi 2.3.28.0 с использованием регрессионного анализа и критерия Вилкоксона.

Для зависимой переменной ВО построена достоверная регрессионная модель с R^2=0,430 (F=5,03; p<0,001), включающая предикторы: метакогнитивные знания (B=1,376; t=2,672; p=0,011); планирование (B=–0,348; t=–1,870; p=0,069); ускорение выполнения задач с помощью ИИ (B=0,831; t=2,686; p=0,010). Фактор направления подготовки в данной модели (оценка проводилась относительно опорного уровня 1 — естественно-научное направление) показывает, что в группе студентов-гуманитариев происходит достоверное (B=–2,308; t=–2,399; p=0,021) снижение общего времени использования ИИ по сравнению с группой студентов естественно-научных направлений. Группа, включающая иные специальности, достоверно отличается снижением общего времени работы с ИИ от группы студентов естественно-научного направления (B=–2,728; t=–2,118; p=0,040). Студенты технических специальностей не значимо отличаются от студентов естественно-научного направления снижением общего времени работы с ИИ (B=–1,517; t=–1,467; p=0,150). Для зависимой переменной ВПП построена достоверная регрессионная модель с R^2=0,481 (F=6,19; p<0,001), включающая предикторы: метакогнитивные знания (B=0,903; t=2,829; p=0,007); планирование (B=–0,295; t=–2,641; p=0,012); развитие творчества и интеллекта с помощью ИИ (B=0,407; t=2,075; p=0,044). Фактор направления подготовки в данной модели показывает, что в группе студентов-гуманитариев происходит достоверное (B=–1,994; t=–3,358; p=0,002) снижение внеучебного времени использования ИИ по сравнению с группой студентов естественно-научных направлений. Группа, включающая иные специальности, достоверно отличается снижением внеучебного времени работы с ИИ от группы студентов естественно-научного направления (B=–2,105; t=–2,728; p=0,009). Студенты технических специальностей значимо отличаются от студентов естественно-научного направления снижением

внеучебного времени работы с ИИ (B=–1,754; t=–2,740; p=0,009). Использование критерия Вилкоксона позволило обнаружить, что студенты тратят достоверно больше времени в неделю на использование ИИ в учебной деятельности, чем во внеучебных целях (W=465; p<0,001).

Результаты исследования демонстрируют наличие характерных когнитивно-поведенческих паттернов, определяющих продолжительность работы с ИИ, а также специфических психологических и социальных переменных, влияющих на данный процесс. К общим факторам относятся метакогнитивные знания и планирование; эти факторы действуют разнонаправленно: метакогнитивные знания способствуют поддержанию диалога с ИИ и увеличивают время взаимодействия с ним; развитие способности к планированию может выступать фактором снижения времени общения с ИИ, поскольку человек способен заранее спланировать структуру диалога и разработать оптимальный промпт, позволяющий получить требуемые результаты. К специфическим факторам относятся: сфера жизнедеятельности, в которой реализуется взаимодействие с ИИ,— учебная или внеучебная; ориентация на получение максимально быстрого результата (в учебной деятельности) либо ориентация на развитие творческих и личностных качеств (во внеучебной деятельности); направление профессиональной подготовки (студенты естественно-научных направлений демонстрируют достоверно большее время работы с ИИ по сравнению с другими студентами).

Литература:

1. *Бызова В.М., Перикова Е.И., Ловягина А.Е.* Метакогнитивная включенность в системе психической саморегуляции студентов // Сибирский психологический журнал. 2019. № 73. С. 126–140. DOI: 10.17223/17267080/73/8.

2. *Мандрикова Е.Ю.* Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 59–73.

3. *Татарко А.Н., Макласова Е.В., Лепшокова З.Х., Галяпина В.Н., Ефремова М.В., Дубров Д.И., Бульцева М.А., Бушина Е.В., Миронова А.А.* Методика оценки вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 159–179. URL: https://doi.org/10.17759/sps.2020110110.

4. *Brodie R.J. et al.* Consumer engagement in a virtual brand community: An exploratory analysis // Journal of Business Research. 2013. 66(1). P. 105–114.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ АВТОМАТИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЛИЦЕВЫХ ЭКСПРЕССИЙ

Фомичева А.Д.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

С развитием информационных технологий увеличивается спрос на разработку автоматических алгоритмов распознавания эмоционального состояния человека по его лицу. Первые автоматизированные системы создавались путем обучения распознаванию эмоциональных экспрессий по базам фотоизображений, каждому из которых присвоена метка с соответствующей эмоцией. Такой подход основан на положениях нейрокультурной теории П. Экмана, согласно которым каждое эмоциональное состояние (базовые эмоции) выражается с помощью характерных лицевых движений и однозначно опознается всеми людьми независимо от культуры и их индивидуальных особенностей [2]. Базы фотоизображений, создаваемые в этом направлении, как правило, включают фотографии людей с сильными экспрессиями, часто демонстрируемыми специально обученными актерами.

Однако выразительная мимика человека обладает большим разнообразием и не ограничивается строго определенными эталонами базовых эмоций. Спонтанные экспрессии могут различаться по интенсивности; включать лицевые движения, присущие разным базовым эмоциям; варьироваться в зависимости от культурных и индивидуальных особенностей; проявляться в разных ситуационных контекстах. Современные автоматизированные системы достигают эффективности, сопоставимой с эффективностью людей, в распознавании эталонных экспрессий, но существенно хуже справляются с идентификацией спонтанной мимики [4]. Вероятно, это свидетельствует о недостаточном учете таких факторов, как внутрикатегориальная вариативность экспрессий, вероятностная принадлежность экспрессий к разным категориям, контекст появления экспрессии.

Данные ограничения пытались преодолеть путем обучения систем по базам фотоизображений, размеченных с помощью нескольких дискретных меток с разными весами, маркеров двух-трех непрерывных измерений или комбинированной дискретной и непрерывной размет-

ки [см.: 3]. Для более тонкого и непосредственного распознавания экспрессий была предложена база фотоизображений, аннотированных по степени сходства,— использовались результаты выбора человеком пары наиболее похожих экспрессий в триаде [5]. В результате было построено 16-мерное пространство, на основе которого производится распознавание экспрессий. Полученная система обеспечила более эффективную классификацию эмоциональных состояний, однако предложенная методика обучения имеет два ограничения: 1) в базу данных могут быть включены только те триады, для которых более 50% экспертов-оценщиков дали согласованные суждения о сходстве; 2) оценки сходства получены в рамках заданных триад и могут не отражать субъективное расстояние между отдельными экспрессиями в пространстве, что приводит к искажению результатов распознавания.

Более полное понимание механизмов распознавания и различения эмоциональных экспрессий может обеспечить задача прямого попарного сравнения, которая позволяет получить градуированную оценку сходства фотоизображений и их вербальное описание, содержащее объяснение выставленной оценки. Так, по результатам данной методики было выявлено, что оценки сходства экспрессий основаны на определении эмоции натурщика и анализе его мимики [1]. Недостаток задачи попарного сравнения заключается в стремительном увеличении объема процедуры при добавлении новых стимулов, из-за чего проведение исследований для разметки базы фотоизображений оказывается достаточно трудоемким.

Ввиду вышеизложенного предлагается следующая программа исследований.

1. Видеосъемка людей с позированными и спонтанными экспрессиями в лабораторных условиях, обеспечивающих возможность контролируемо менять ракурсы съемки, степень освещенности, контекст возникновения экспрессий и т. п. для оценки влияния перечисленных факторов на распознавание экспрессий.

2. Сбор количественных и качественных данных о сходстве отдельных наборов видео- и фотоизображений для построения перцептивного пространства и определения признаков, наиболее значимых для различения данных экспрессий.

3. Расчет физических различий фотоизображений, которые позволяют с высокой точностью предсказать субъективные оценки сходства (например, по ключевым точкам лица, векторам яркостей пикселей

и другим признакам, выявленным на предыдущем этапе, включая информацию о категориях эмоций).

4. Усовершенствование систем распознавания на основе расстояний между экспрессиями в перцептивном пространстве и показателей модели, предсказывающей сходство экспрессий по физическим признакам изображений.

Предложенная программа исследований, вероятно, позволит повысить эффективность автоматизированных систем распознавания эмоционального состояния по лицевым экспрессиям человека.

Литература:

1. *Носуленко В.Н., Басюл И.А., Жегалло А.В.* Соотношение мимических и аффективных характеристик в вербальном сравнении лиц // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 2. С. 29–51.

2. *Ekman P., Cordaro D.* What is Meant by Calling Emotions Basic // Emotion Review. 2011. Vol. 3. № 4. P. 364–370.

3. *Fard A.P., Hosseini M.M., Sweeny T.D.* Mahoor M.H. AffectNet+: A Database for Enhancing Facial Expression Recognition With Soft-Labels // IEEE Transactions on Affective Computing, 2025. Vol. 17. № 1. P. 784–800.

4. *Küntzler T., Höfling T.T.A., Alpers G.W.* Automatic Facial Expression Recognition in Standardized and Non-standardized Emotional Expressions // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Article 627561. P. 1–13.

5. *Vemulapalli R., Agarwala A.* A Compact Embedding for Facial Expression Similarity // Proceedings of the IEEE/CVF conference on computer vision and pattern recognition. 2019. P. 5683–5692.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СКРИПТОВЫХ И ГЕНЕРАТИВНЫХ ЧАТ-БОТОВ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ

Фрейманис И.Ф.
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

В последние десятилетия проблема доступности психологической помощи приобретает все более острый характер. Однако доступ к квалифицированной психотерапии ограничен множеством факторов,

таких как нехватка специалистов, финансовая и временная недоступность и сохраняющаяся стигматизация обращения за психологической помощью. В этих условиях растет интерес к технологическим решениям, которые могут обеспечить вспомогательные или альтернативные формы психологической поддержки [2].

Одной из наиболее динамично развивающихся технологий в этом направлении стала диалоговая система (чат-бот). Чат-боты — это программные приложения, которые поддерживают интеллектуальный диалог с пользователем, используя распознавание текста и речи [4].

Современные диалоговые системы с точки зрения их архитектуры можно разделить на две основные категории. *Скриптовые* чат-боты функционируют по жестким сценариям. Их преимущество — в полной предсказуемости ответов и контролируемости терапевтического процесса, что является важным для безопасности пользователей. Однако формальный диалог нередко снижает субъективное ощущение вовлеченности пользователя, их функционал часто ограничивается структурированными форматами (например, дневники настроения, трекеры привычек и т. д.). *Генеративные* чат-боты, работающие на основе больших языковых моделей (LLM), демонстрируют высокую гибкость и способность к естественному диалогу и создают иллюзию общения с «живым» собеседником. Диалоговые системы DeepSeek, Алиса AI или ChatGPT позволяют получать качественный диалог, однако свободная генерация ответов оборачивается рисками «галлюцинаций» системы и потенциальной опасностью для пользователя [3].

Цель исследования — сравнительный анализ эффективности скриптовых и генеративных чат-ботов как инструмента психологической поддержки. В рамках квазиэкспериментального дизайна «пред/пост» мы измеряли уровни депрессии, тревоги, стресса (DASS-21), удовлетворенности жизнью (SWLS) и субъективного одиночества (UCLA) до и после четырехнедельного, ежедневного взаимодействия испытуемых с чат-ботом. Общая выборка составила 294 человека. Из них 172 использовали генеративные чат-боты с рекомендованными промптами, 122 — скриптовые чат-боты. Участники самостоятельно выбирали предпочтительный тип чат-бота, что отражает реальную пользовательскую практику. Статистический анализ предусматривал два этапа. На исходном уровне производилось сравнение двух групп для проверки их исходной эквивалентности. Затем оценивалась внутригрупповая динамика (пред / пост) по всем измеряемым показателям. В процессе

исследования были выдвинуты следующие гипотезы: 1) диалоговые системы являются эффективным инструментом психологической поддержки; 2) генеративные чат-боты превосходят скриптовые системы по эффективности в рамках психологической поддержки.

Результаты. Исходное сравнение групп: депрессия ($p=0,975$); стресс ($p=0,882$); тревога ($p=0,106$); удовлетворенность жизнью ($p=0,787$); субъективное одиночество ($p=0,292$). Полученные данные свидетельствуют об эквивалентности групп до начала вмешательства. Анализ внутригрупповой динамики выявил следующие показатели. Для пользователей скриптовых чат-ботов статистически значимый эффект зафиксирован по шкале удовлетворенности жизнью ($p<0,001$), также произошло улучшение по шкале субъективного одиночества ($p<0,001$). Для пользователей генеративных чат-ботов статистически значимое улучшение зафиксировано по четырем шкалам из пяти: депрессии ($p<0,001$), стресса ($p<0,001$), удовлетворенности жизнью ($p<,001$), субъективного одиночества ($p=0,004$).

Выводы. Таким образом, диалоговые системы (чат-боты) могут выступать в качестве эффективного инструмента оказания психологической поддержки. При этом взаимодействие с генеративными чат-ботами оказалось более продуктивным. Вероятно, это происходит за счет гибкости диалога и персонализации. Полученные данные соотносятся с уже существующими данными [5]. Однако важно отметить существенные ограничения данного исследования. Участники были добровольцами, заинтересованными в использовании диалоговых систем для психологической поддержки. Это может ограничить возможность переноса результатов на другие группы, особенно на людей с низкой цифровой грамотностью, а также на пользователей в тяжелом психологическом состоянии и людей с клиническим диагнозом [1]. Четырехнедельное вмешательство не позволяет изучить устойчивость долгосрочных эффектов.

Результаты исследования призваны не только внести вклад в понимание механизмов действия цифровых психологических вмешательств, но и предоставить практические рекомендации для разработчиков и психологов по выбору оптимальной архитектуры диалоговой системы в зависимости от терапевтических задач.

Литература:

1. *Менделевич В.Д.* «Искусственный друг»: где проходит грань между поддержкой пациента и опасным влиянием на него? // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2026. Т. 26. № 1. С. 56–65.

2. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182–189. DOI: 10.17759/exppsy.2024170412.

3. *Фрейманис И.Ф., Шляпов И.В.* Риски применения технологии искусственного интеллекта для психологической помощи: взгляд психолога и разработчика // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16. № 5. С. 659–687. DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-5-829.

4. *Khosravi M., Izadi R.* Mental health chatbots and their technical features: A systematic review of reviews and a thematic analysis // Cambridge Prisms: Global Mental Health. 2026. Vol. 13. Article e28. P. 1–11. DOI: 10.1017/gmh.2026.10144.

5. *Sohn J.-S., Ha B.-G., Park S., Kim J.-J., Lee E., Oh H., Lee S., Kim E.* Systematic review and meta analysis of chatbots in the management of depressive and anxiety symptoms // npj Digital Medicine. 2026. Vol. 9. № 1. Article 377. DOI: 10.1038/s41746-026-02566-w.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ КОДИРОВКИ ОТКРЫТЫХ ОТВЕТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Хавыло А.В., к.пс.н.
Калужский государственный университет
имени К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

Открытые ответы — свободные самоописания, эссе, ответы, полученные с помощью полуструктурированных и проективных методик,— дают в процессе психологического исследования материал, который не сводится к данным, полученным по стандартизированным шкалам. Однако для количественного анализа такие данные требуют категориального кодирования по заранее заданной или индуктивно выработанной схеме. Ручная процедура трудоемка, зависит от согласия между кодировщиками и плохо масштабируется на большие массивы данных. Надежность вывода определяется не только содержанием кодбука, но и тем, насколько одинаково его применяют разные кодировщики, как разрешаются расхождения и как документируется процедура.

Большие языковые модели (LLM) могут автоматизировать предварительное дедуктивное кодирование по кодбуку. В отдельных задачах текстовой аннотации они демонстрируют высокое согласие с человеческой разметкой, однако результат зависит от модели, промпта, кодировочной схемы и характеристик корпуса [1; 3]. В психологическом исследовании особенно важно отделять общую точность модели от ее работы с семантически неоднозначными ответами: именно в них содержатся наиболее трудные для интерпретации личностные и межличностные смыслы. Поэтому LLM нельзя рассматривать как самостоятельную замену экспертной процедуры: их применение требует сравнения с независимой разметкой и явных метрик согласия [2].

В пилотном исследовании сопоставлено кодирование 798 открытых самоописаний студентов, полученных в ходе клинико-психологического мониторинга. Два независимых эксперта и шесть LLM классифицировали ответы по девятикатегориальной схеме. Экспертный эталон строился по совпадающим решениям двух кодировщиков (n=654); 144 расхождения между экспертами разрешались арбитром. Межэкспертная надежность составила α Криппендорфа=0,769 [0,736; 0,803]. Согласие LLM с эталоном варьировало от 0,254 до 0,793: допустимого для исследовательских выводов уровня ($\alpha \geq 0{,}667$) достигли две модели, а уровня $\alpha \geq 0{,}80$ — ни одна.

Надежность всех шести моделей закономерно снижалась на трудных случаях, в которых исходно разошлись эксперты. Даже две лидирующие модели, показавшие на совпадающих случаях α=0,863 и 0,837, на арбитражной подвыборке не достигли допустимого порога. Согласие моделей между собой также оказалось невысоким (α=0,472), поэтому выбор конкретной LLM способен влиять на итоговую структуру категорий. Этот результат указывает на основной риск автоматизации: неоднозначные по смыслу ответы, наиболее требовательные к интерпретации, не следует передавать модели без человеческой проверки.

Таким образом, LLM целесообразно использовать для предварительной разметки и как функционального второго кодировщика, но не как автономный источник категориальных решений. Рабочая процедура должна включать фиксированную версию модели и промпта, оценку согласия с независимыми экспертами на верификационной подвыборке и обязательный арбитраж в зоне неоднозначности. Это позволяет использовать масштабируемость LLM, сохраняя содержательный контроль за исследователем.

Литература:

1. *Gilardi F., Alizadeh M., Kubli M*. ChatGPT outperforms crowd workers for text-annotation tasks // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120. № 30. Art. e2305016120. DOI: 10.1073/pnas.2305016120.

2. *Krippendorff K.* Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 4th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018.

3. *Xiao Z., Yuan X., Liao Q. V., Abdelghani R., Oudeyer P.-Y.* Supporting qualitative analysis with large language models: Combining codebook with GPT-3 for deductive coding // Companion Proceedings of the 28th International Conference on Intelligent User Interfaces (IUI '23 Companion). 2023. P. 75–78. DOI: 10.1145/3581754.3584136.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ПРИВЯЗАННОСТЬ И ПЕРЕЖИВАНИЕ РАССТАВАНИЯ КАК УТРАТЫ: ПОСТАНОВКА НОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Хилл Ю. В.
Центр системной семейной терапии, Москва, Россия

В докладе представлен аналитический обзор современных зарубежных исследований, посвященных формированию эмоциональной привязанности к искусственному интеллекту, использованию ИИ-компаньонов при переживании утраты и психологическим аспектам применения griefbots (чат-ботов, имитирующих умершего человека). На основе анализа существующих данных формулируется новая исследовательская задача — изучение психологических и этических последствий взаимодействия с цифровыми копиями бывших романтических партнеров после расставания.

По мере развития искусственного интеллекта человек начинает использовать его как инструмент не только для поиска информации и решения прикладных задач, но и для обсуждения различного рода повседневных вопросов. ИИ-компаньоны используются для получения психологической поддержки, обсуждения романтических отношений, рефлексии, помощи при переживании жизненных кризисов и горя

утраты. Современные исследования показывают, что в ряде случаев взаимодействие с ИИ сопровождается формированием эмоционально значимой привязанности к цифровому собеседнику.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений исследований применения искусственного интеллекта в психологии проживания утраты являются griefbots — ИИ-системы, позволяющие создавать цифровые копии умерших людей на основе их цифрового следа (переписки, голосовых сообщений, фотографий и других данных) и имитировать дальнейшее общение с ними. В центре внимания находятся вопросы влияния подобных технологий на процесс горевания и психологическое благополучие пользователя. Вместе с тем практически отсутствуют исследования, посвященные использованию аналогичных технологий для проживания утраты отношений после расставания с партнером.

Технические возможности для создания цифровой копии бывшего партнера уже существуют и становятся доступными широкому кругу пользователей. Это позволяет поставить вопросы о психологических последствиях подобного взаимодействия.

- Как имитация связи с ИИ-копией бывшего партнера влияет на процесс горевания?
- Изменяют ли подобные технологии процессы адаптации к утрате, переработки информации и реорганизацию внутренних рабочих моделей привязанности?
- Если такие изменения происходят, какие психологические механизмы лежат в их основе?

Одновременно с этим встает и ряд этических проблем: вопросы о допустимости создания цифровой копии человека без его согласия, а также о границах ее использования. В настоящее время отсутствуют как эмпирические исследования данных вопросов, так и профессиональные рекомендации для специалистов в области психологического консультирования.

Таким образом, результаты современных исследований привязанности к искусственному интеллекту и использования griefbots создают теоретические основания для постановки новой исследовательской задачи — изучения психологических и этических последствий взаимодействия с цифровыми копиями бывших романтических партнеров. Постановка данной проблемы представляется актуальной в связи с быстрым развитием технологий искусственного интеллекта

и отсутствием научных данных о психологических последствиях взаимодействия с цифровыми копиями бывших романтических партнеров. Разработка этого направления может способствовать развитию исследований привязанности, переживания утраты и формированию этических принципов использования искусственного интеллекта в психологической практике.

Литература:

1. *Ciriello R., Gal U., Turel O.* Not a Silver Bullet for Loneliness: How Attachment and Age Shape Intimacy with AI Companions // ArXiv. 2026. Vol. abs/2602.12476.

2. *Fabry R.E., Alfano M.* The Affective Scaffolding of Grief in the Digital Age: The Case of Deathbots // Topoi. 2024. Vol. 43. № 3. P. 757–769. DOI: 10.1007/s11245-023-09995-2.

3. *Lindemann N.F.* The Ethics of 'Deathbots' // Science and Engineering Ethics. 2022. Vol. 28. № 6. Article 60. DOI: 10.1007/s11948-022-00417-x.

4. *Mikulincer M., Shaver P.R.* An Attachment Perspective on Loss and Grief // Current Opinion in Psychology. 2022. Vol. 45. Article 101283. DOI: 10.1016/j.copsyc.2021.11.003.

5. *Yang N., Khanna G.J.* AI and Technology in Grief Support: Clinical Implications and Ethical Considerations // The Counseling Psychologist. 2025. Vol. 53. № 4. P. 579–604. DOI: 10.1177/00110000251352568.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ — КРАТКИЙ ОБЗОР

Хундэ Т.Ш., Ершова Р.В.
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Внедрение ИИ с учетом личностных особенностей. Различные личностные черты предполагают разную восприимчивость к образовательным подходам. Адаптация цифрового обучения к устойчивым индивидуальным различиям студентов может повышать вовлеченность и усвоение материала. Учет черт «Большой пятерки» позволяет повысить эффективность ИИ за счет персонализации подачи материала,

обратной связи и интерфейса [1]. Высокая открытость опыту может способствовать вовлечению в творческие задания с генеративным ИИ, а добросовестность — снижать вероятность его недобросовестного использования [2]. Такой подход развивает возможности персонализированных адаптивных обучающих систем [3]. Использование валидизированных личностных методик позволяет персонализировать обучение: студентам с низкой экстраверсией может потребоваться адаптация групповой работы, а тревожным — дополнительная поддержка при непредсказуемых ответах ИИ, что способствует созданию более гибкой образовательной среды, повышению поведенческой, эмоциональной и когнитивной вовлеченности, снижению стресса и выгорания. Соответствие ИИ личностным особенностям повышает поведенческую вовлеченность. Ali и Shaban (2025) показали, что открытость опыту и добросовестность связаны с более активным использованием ИИ, тогда как нейротизм — с меньшей удовлетворенностью вследствие тревоги по поводу непредсказуемости его ответов [4]. Открытость, добросовестность и экстраверсия способствуют принятию генеративного ИИ, а нейротизм препятствует ему [5]. Другие данные связывают добросовестность с менее частым использованием ИИ, доброжелательность — с этическими опасениями, эмоциональную стабильность — с позитивным отношением к ИИ, а экстраверсию — с предпочтением генеративного ИИ; при более высоком интеллекте сохраняется предпочтение традиционных подходов [6]. Таким образом, ИИ неодинаково соответствует особенностям разных обучающихся.

Этические и педагогические риски. Личностное профилирование вызывает риски для конфиденциальности, особенно при работе с психологическими данными, получении информированного согласия и обеспечении безопасного хранения информации [7]. Долгосрочное профилирование особенно проблематично для несовершеннолетних и молодых людей, не имеющих возможности отказаться от него. Существует риск сведения личности студента к фиксированному типу, упрощения индивидуальных различий и ограничения развития [1]. Ограниченные наборы данных могут усиливать стереотипы. Поэтому необходимы четкое регулирование, регулярный контроль, возможность отказа и объяснимость ИИ. Личностные особенности следует рассматривать как динамический компонент комплексной модели обучающегося наряду с успеваемостью, обратной связью и контекстом. Это способствует гибкости обучения, равенству возможностей, инклюзивности и целостному развитию.

Примеры практического применения. Naseer et al. [8] описали платформу глубокого обучения, создающую индивидуальные образовательные траектории и адаптирующую содержание и сложность материала. В четырех курсах (~300 студентов) ее применение повысило успеваемость, результаты тестов и вовлеченность примерно на 25%, а также удовлетворенность обучением. Системы SOEI и PACE используют виртуальных агентов и ИИ-тьюторов на основе больших языковых моделей, адаптированных к личности и стилю обучения, но пока преимущественно тестируются в симуляциях. Пилотные проекты показывают, что ИИ может поддерживать создание контента, обратную связь, анализ данных и совместную работу, развивая цифровые, аналитические и этические компетенции без замещения преподавателя.

Заключение. Эффективность ИИ в высшем образовании зависит как от технологий, так и от индивидуальных особенностей студентов. Адаптация обучения к личностным профилям может повышать поведенческую, эмоциональную и когнитивную вовлеченность. При этом необходим контроль рисков нарушения конфиденциальности и алгоритмической предвзятости. Центральная роль преподавателя должна сохраняться для поддержки критического мышления, живого общения и предотвращения чрезмерной зависимости от ИИ. Перспективны прозрачные ИИ-системы, дополняющие работу преподавателя и учитывающие предпочтение части студентов к очному взаимодействию. Необходимы лонгитюдные исследования личностно-ориентированной адаптации, саморегулируемого обучения и алгоритмической справедливости. Сбалансированное использование ИИ может повысить эффективность обучения и благополучие студентов.

Литература:

1. *Laak K.-J., Aru J.* AI and personalized learning: bridging the gap with modern educational goals // arXiv preprint arXiv:2404.02798. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2404.02798.

2. *Rodríguez-Ruiz J., Espejo-Siles R., Marín-López I.* The Use of Artificial Intelligence Tools among University Students and its Association with Personality Traits // Artificial Intelligence and Education / ed. by M.D. Díaz-Noguera, C. Hervás-Gómez, F. Sánchez-Vera. Octaedro, 2024. P. 161–174. DOI: 10.36006/09643-1-10.

3. *Zawacki-Richter O., Marín V.I., Bond M., Gouverneur F.* Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher edu-

cation — where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. Article 39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.

4. *Ali S.I., Shaban M.* The AI-personality nexus: How nursing students' traits shape use, learning and adaptation in artificial intelligence-driven education in Saudi Arabia // Nurse Education in Practice. 2025. Vol. 87. Article 104498. DOI: 10.1016/j.nepr.2025.104498.

5. *Arpaci I., Kuşci I., Gibreel O.* The role of personality traits in predicting educational use of generative AI in higher education // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. Article 30440. DOI: 10.1038/s41598-025-16339-0.

6. *Deng N., Liu E.J., Zhai X.* Understanding University Students' Use of Generative AI: The Roles of Demographics and Personality Traits // Artificial Intelligence in Education. AIED 2025. Lecture Notes in Computer Science. Cham: Springer, 2025. P. 281–293. DOI: 10.1007/978-3-031-98414-3_20.

7. *Keskpaik S.* AI-driven personalised learning // European Data Protection Supervisor. TechSonar. 2025. URL: https://www.edps.europa.eu/data-protection/technology-monitoring/techsonar/ai-driven-personalised-learning

8. *Naseer F., Khan M.N., Tahir M., Addas A., Aejaz S.M.H.* Integrating deep learning techniques for personalized learning pathways in higher education // Heliyon. 2024. Vol. 10. No. 11. Article e32628. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e32628.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION WITH OPPORTUNITIES AND THREATS — SHORT REVIEW

Hunde T.Sh., Ershova R.V.
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Personality-based AI implementation. Different traits benefit from different educational styles. Customizing digital learning to students' stable individual differences can improve engagement and retention. Big Five traits can make AI more effective by tailoring lesson delivery, feedback, and interface design [1]. For example, high openness may respond to creative tasks with generative AI; high conscientiousness less likely to use AI dishonestly [2]. This builds on personalized adaptive learning systems [3]. Integrating validated personality measures allows immediate personaliza-

tion. Low extraversion may need adjustments to group activities; anxious students may need more support with unpredictable AI outputs. This creates fairer, more responsive environments, enhancing behavioral, emotional, cognitive engagement, reducing stress and burnout. Behavioral engagement is enhanced when AI aligns with personality preferences. Ali & Shaban (2025) found openness and conscientiousness increase AI use, while neuroticism lowers satisfaction due to anxiety with unpredictable AI [4]. Openness, conscientiousness, extraversion facilitate generative AI adoption; neuroticism hinders [5]. Another study: conscientiousness linked to less AI use; agreeableness to ethical concerns; emotional stability to positive views; extraversion to preference for generative AI over traditional; higher intellect still preferred traditional [6]. AI does not fit every learner equally.

Ethical and Pedagogical Risks. Personality profiling raises privacy concerns, especially with sensitive psychological data, informed consent, and secure storage [7]. Long-term profiling may affect minors / young adults in mandatory settings who cannot opt out. Risk of treating students as fixed types, oversimplifying identities, limiting development [1]. Narrow datasets may reinforce stereotypes (e.g., all high neuroticism need simplified content). Clear governance, regular review, opt-out, explainable AI are important. Treat personality as one evolving component in multifaceted learner models, considering performance, feedback, context. This supports flexible, growth-oriented strategies, equity, inclusion, holistic development.

Case Profiles. Naseer et al. [8]: deep-learning platform generating individualized pathways, adjusting content / difficulty across 4 courses (~300 students). ~25% improvement in grades, test performance, engagement, higher satisfaction. Other advanced systems (SOEI, PACE) use LLM-based virtual student agents and conversational tutors tailored to personality and learning styles, but they have been tested mainly in simulations rather than real courses. AI HED pilot courses show responsible integration: AI supports content creation, feedback, data analysis, and collaboration, preserving learning outcomes and developing digital, analytical, ethical competences. These pilots demonstrate that AI can be integrated into existing courses without replacing lecturers, instead supporting learning activities.

Conclusion. Effectiveness of AI in higher education depends on technology and student differences. Tailoring adaptive learning to personality profiles promises to elevate behavioral, emotional, cognitive domains. But vigilant governance needed to prevent privacy erosion, biased treatment. Biased data can halt progress. Keep educators central to prevent weaken-

ing critical thinking and human communication, reduce overreliance on AI. Early pilots suggest layered, transparent AI systems supporting teachers. Remember students who prefer face-to-face interaction. Future studies: longitudinal empirical trials testing personality-specific adaptations, self-regulated learning, fairness monitoring. Balanced approach enhances learning and student well-being.

References:

1. *Laak K.-J., Aru J.* AI and personalized learning: bridging the gap with modern educational goals // arXiv preprint arXiv:2404.02798. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2404.02798.

2. *Rodríguez-Ruiz J., Espejo-Siles R., Marín-López I.* The Use of Artificial Intelligence Tools among University Students and its Association with Personality Traits // Artificial Intelligence and Education / ed. by M.D. Díaz-Noguera, C. Hervás-Gómez, F. Sánchez-Vera. Octaedro, 2024. P. 161–174. DOI: 10.36006/09643-1-10.

3. *Zawacki-Richter O., Marín V.I., Bond M., Gouverneur F.* Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education — where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. Article 39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.

4. *Ali S.I., Shaban M.* The AI-personality nexus: How nursing students' traits shape use, learning and adaptation in artificial intelligence-driven education in Saudi Arabia // Nurse Education in Practice. 2025. Vol. 87. Article 104498. DOI: 10.1016/j.nepr.2025.104498.

5. *Arpaci I., Kuşci I., Gibreel O.* The role of personality traits in predicting educational use of generative AI in higher education // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. Article 30440. DOI: 10.1038/s41598-025-16339-0.

6. *Deng N., Liu E.J., Zhai X.* Understanding University Students' Use of Generative AI: The Roles of Demographics and Personality Traits // Artificial Intelligence in Education. AIED 2025. Lecture Notes in Computer Science. Cham: Springer, 2025. P. 281–293. DOI: 10.1007/978-3-031-98414-3_20.

7. *Keskpaik S.* AI-driven personalised learning // European Data Protection Supervisor. TechSonar. 2025. URL: https://www.edps.europa.eu/data-protection/technology-monitoring/techsonar/ai-driven-personalised-learning.

8. *Naseer F., Khan M.N., Tahir M., Addas A., Aejaz S.M.H.* Integrating deep learning techniques for personalized learning pathways in higher education // Heliyon. 2024. Vol. 10. № 11. Article e32628. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e32628.

НОСИМЫЕ СЕНСОРНЫЕ ДАННЫЕ КАК ОСНОВА ИИ-АНАЛИЗА ПСИХОФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ БОКСЕРОВ

Цуй Хунда, аспирант
Российский университет спорта, Москва, Россия

Развитие искусственного интеллекта в психологии делает особенно значимой задачу перехода от эпизодического наблюдения к анализу данных, получаемых в процессе естественной деятельности человека. В спортивной психологии такая задача возникает при оценке готовности спортсмена к выполнению действия при высокой ответственности, боли, утомлении и эмоциональном напряжении. Ударное действие боксера представляет интерес как модель кратковременной психомоторной мобилизации: результат зависит не только от силы, но и от устойчивости саморегуляции, контроля техники и способности повторить движение без распада контактной структуры.

Цель работы состояла в обосновании возможности использования данных, получаемых с носимых устройств, как эмпирической основы для ИИ-системы, обеспечивающей психологическую обратную связь в подготовке боксеров. Материалом послужили данные инструментального контроля в дисциплине «удар на силу». В исследовании анализировались результаты 48 боксеров, выполнявших серию максимально сильных ударов по сертифицированному мешку-силомеру. Дополнительно использовалась сенсорная боксерская перчатка с матрицей давления 8 x 8, позволявшая регистрировать суммарную силу, зону контакта и распределение давления в момент пикового удара. Для оценки согласованности систем применялись корреляционный анализ и показатели ошибки измерения.

Полученные данные показали высокую положительную связь между пиковой силой, зарегистрированной мешком-силомером, и суммарным пиковым показателем сенсорной перчатки: $r=0{,}911$, $p<0{,}001$. Первичные абсолютные значения требовали коррекции, что ожидаемо для гибкой электроники в условиях высокоскоростной ударной деформации. После применения корректирующего алгоритма средняя абсолютная ошибка снизилась до 343,51 Н, среднеквадратическая ошибка — до 504,59 Н, средняя относительная ошибка — до 12,1%, а нормализованная среднеквадратическая ошибка — до 17,48%. Эти

показатели позволяют рассматривать сенсорную перчатку не как замену эталонного силомера, а как валидируемый источник полевых данных для последующей интеллектуальной интерпретации.

Психологическое значение такого подхода состоит в том, что алгоритм может анализировать не только максимальный результат, но и признаки состояния, косвенно проявляющиеся в движении: вариативность попыток, смещение центра давления, ухудшение контактной зоны, снижение воспроизводимости удара, резкое изменение профиля при боли или утомлении. В отличие от прямой диагностики тревожности или стресса данный формат ИИ-анализа должен рассматриваться как система поддержки специалиста. Она может выделять ситуации, требующие внимания тренера или спортивного психолога, но не должна автоматически присваивать спортсмену психологические ярлыки. Такая позиция соответствует современным представлениям об аффективных вычислениях, персональном сенсинге и экологически валидной оценке состояний человека [2; 3; 4].

Практическим результатом работы является модель обратной связи, в которой ИИ-модуль получает валидированные показатели силы и давления, сопоставляет их с индивидуальным профилем спортсмена и формирует не диагноз, а интерпретирующий сигнал: стабильное выполнение, технический поиск, вероятное утомление, риск травмоопасного контакта или необходимость снижения нагрузки. Для психологической практики это важно потому, что о состоянии спортсмена можно говорить предметно, опираясь на конкретные данные, а не только на общие впечатления. Одновременно внедрение таких систем требует информированного согласия, защиты персональных данных и ясного разделения ответственности между алгоритмом и специалистом. Следовательно, технологии носимых сенсоров в спорте могут стать перспективной областью прикладной психологии ИИ при условии строгой валидации, этического контроля и интерпретации данных в контексте реальной деятельности [1].

Литература:

1. *Camomilla V., Bergamini E., Fantozzi S., Vannozzi G.* Trends supporting the in-field use of wearable inertial sensors for sport performance evaluation: a systematic review // Sensors. 2018. Vol. 18. № 3. Art. 873.

2. *Mohr D.C., Zhang M., Schueller S.M.* Personal sensing: understanding mental health using ubiquitous sensors and machine learning // Annual Review of Clinical Psychology. 2017. Vol. 13. P. 23–47.

3. *Picard R.W.* Affective Computing. Cambridge: MIT Press, 1997.
4. *Shiffman S., Stone A.A., Hufford M.R.* Ecological momentary assessment // Annual Review of Clinical Psychology. 2008. Vol. 4. P. 1–32.

ТЕХНОЛОГИЯ НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ВИЗУАЛЬНЫХ И АКУСТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В РАННЕЙ ДИАГНОСТИКЕ РАССТРОЙСТВ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА С ВОЗМОЖНОСТЬЮ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ ТЕХНОЛОГИИ НА ДРУГИЕ НОЗОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Чаусов А.С., аспирант, ***Никишина В.Б.,*** д.пс.н.
Институт клинической психологии и социальной работы
РНИМУ имени Н.И. Пирогова, Москва, Россия

Актуальность. Расстройства аутистического спектра (РАС) имеют высокую распространенность среди детей во всем мире (0,77%) [3] по данным за последнее десятилетие. Рост числа устанавливаемых диагнозов связан с улучшением диагностического инструментария, однако, несмотря на это, специалисты сообщают о проблеме диагностики РАС у детей в возрасте до четырех лет, что также подтверждается низким количеством установленных диагнозов в возрастной группе 0–3 года по сравнению с более старшими возрастными группами. Вместе с тем раннее выявление РАС благоприятно сказывается на социализации и качестве жизни детей [3]. Феноменом, интегрирующим в своем содержании все проявления РАС, является самоидентификация. В связи с этим перед современным здравоохранением встает проблема ранней диагностики РАС. Для решения этой проблемы нами разработана методология исследования визуальных и акустических маркеров самоидентификации детей с РАС для применения их как диагностического маркера.

Самоидентификация определяется как способность узнавать свое «Я» как отдельное от окружающих объектов и является постепенно развивающимся в онтогенезе феноменом. Она включает в себя знания о своем лице, голосе, теле и о влиянии своих действий на окружающий мир.

Лица с РАС имеют трудности в обработке информации, связанной с собственным «Я»: у них наблюдается менее активная реакция на свое отражение (по сравнению с детьми с нормальным развитием) [4] и трудности в узнавании своего голоса [2]. Все это делает трудности самоидентификации перспективным ранним скрининговым маркером наличия РАС.

Целями нашего исследования являются выявление визуальных и акустических маркеров самоидентификации детей с РАС для применения их как диагностических маркеров РАС и разработка технологии на основе методов машинного обучения для анализа визуальных и акустических маркеров самоидентификации для ранней диагностики РАС.

По данным метаанализа, в самоидентификации участвуют следующие структуры головного мозга: правая верхняя височная извилина, правая гиппокамальная извилина, правая нижняя лобная извилина / передняя поясная кора головного мозга и нижняя теменная долька [5].

Экспериментальная гипотеза нашего исследования состоит в предположении о том, что при самоидентификации дети с РАС демонстрируют значимо меньше визуальных (позитивная аффективная реакция на отражение, стеснение, называние своего отражения своим именем или личным местоимением, взаимодействие с меткой, нанесенной на свое тело) и акустических (описание своего голоса как принадлежащего себе) маркеров в сравнении с детьми с нормативным развитием.

Для проверки гипотезы нами были использованы нейропсихологические пробы (узнавание знакомых шумов, узнавание ритмов, указание частей своего лица и лица другого человека по речевой инструкции, узнавание лиц родственников по фотографии), диагностические шкалы для оценки когнитивного статуса (Bayley-III), зеркальный тест (Amsterdam, 1972), реализованный в программно-аппаратном комплексе анализа феномена самоидентификации детей раннего возраста [1]. Технология разрабатывается с дифференциацией на возрастные группы (0–18 месяцев, 18–24 месяца, 24 и более месяцев).

Визуальные маркеры были следующие: позитивная аффективная реакция на отражение, стеснение, называние своего отражения своим именем или личным местоимением, взаимодействие с меткой, нанесенной на свое тело.

Акустические маркеры были следующие: описание своего голоса как принадлежащего себе.

Для проверки данной гипотезы нами были извлечены две выборки по 60 испытуемых, уравненные по когнитивному возрасту по шкале

Bayley-II I. В контрольную выборку включались дети с нормотипичным когнитивным развитием, в экспериментальную — дети с установленным диагнозом РАС. В обе группы включались дети в возрасте 1–9 лет обоих полов с нормальным зрением и слухом.

Экспериментальное исследование состоит из оценки неречевого слухового гнозиса, лицевого гнозиса, оценки визуальной самоидентификации с помощью зеркального теста и оценки самоидентификации с помощью аппаратно-программного комплекса анализа визуальных и акустических маркеров самоидентификации детей с РАС с регистрацией показателей функциональной ближней инфракрасной спектроскопии и видеоокулографии.

Процедура исследования с помощью аппаратно-программного комплекса включает: 1) серии с метками на лице, в ходе которых на монитор выводится изображение видеокамеры, направленной на испытуемого, на изображение программным методом нанесена метка, якобы расположенная на лице испытуемого, которая меняет свое положение при демонстрации испытуемым попытки взаимодействовать с ней на своем лице; 2) серия оценки слуховой самоидентификации, в ходе которой записывается голос испытуемого и ему предлагается выбрать, где звучит его голос из трех вариантов: записи его голоса, искаженной записи его голоса и записи чужого голоса.

Данная технология ориентирована на задачи дифференциальной диагностики в случаях предположения о наличии РАС у ребенка в возрасте от 18 месяцев для определения наличия аномалии развития, а также при наличии установленного диагноза РАС для оценки динамики развития ребенка.

Литература:

1. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025611073 Российская Федерация. Программный комплекс анализа феномена самоидентификации детей раннего возраста: заявл. 19.11.2024; опубл. 16.01.2025 / Никишина В.Б., Чаусов А.С.

2. *Chakraborty A., Chakrabarti B.* Is it me? Self-recognition bias across sensory modalities and its relationship to autistic traits // Molecular Autism. 2015. Vol. 6. Art. 20. DOI: 10.1186/s13229-015-0016-1.

3. *Issac A., Halemani K., Shetty A., Thimmappa L., Vijay V.R., Koni K., Mishra P., Kapoor V.* The global prevalence of autism spectrum disorder in children: a systematic review and meta-analysis // Osong public health

and research perspectives. 2025. Vol. 16 (1). P. 3–27. DOI: 10.24171/j.phrp.2024.0286.

4. *Reddy V., Williams E., Costantini C., Lan B.* Engaging with the self: Mirror behaviour in autism, Down syndrome and typical Development // Autism. 2010. Vol. 14 (5). P. 531–546. DOI: 10.1177/1362361310370397.

5. *Van Veluw S.J., Chance S.A.* Differentiating between self and others: an ALE meta-analysis of fMRI studies of self-recognition and theory of mind // Brain Imaging and Behavior. 2014. Vol. 8. P. 24–38. URL: https://doi.org/10.1007/s11682–013–9266–8.

КОГНИТИВНЫЕ КАРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВИЗУАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РЕСУРСА СТУДЕНТОВ: ОТ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА К ПРЕДИКТИВНОЙ МОДЕЛИ

Чегодаева К.К., аспирант
Институт управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, Таганрог, Россия
Кибальченко И.А., д.пс.н.
Институт компьютерных технологий и информационной безопасности Южного федерального университета, Таганрог, Россия

Современные психологи все чаще сталкиваются с задачей формализации сложных, многокомпонентных конструктов, к числу которых относится и интеллектуально-личностный ресурс (ИЛР). Под ИЛР мы понимаем интегративную динамическую подсистему индивидуального ресурса, включающую когнитивно-смысловой, регулятивный и интенциональный компоненты [2]. В условиях цифровизации образования и роста когнитивных нагрузок особую значимость приобретают поиск способов наглядного представления структуры ИЛР, а также выявление предикторов эффективной интеграции его компонентов [3]. Теоретически одним из таких предикторов являются аналитико-синтетические способности (АСС). Эти способности являются и основным операциональным механизмом, и регулятивным, а также опре-

деляют индивидуальные предпочтения в способах анализа и синтеза информации. В связи с этим особенно актуально найти метод, который не только позволит оценить уровень сформированности АСС и ИЛР, но поможет визуализировать и прогнозировать роль АСС в интеграции компонентов ИЛР студентов.

Одним из таких методов выступает когнитивное картирование. В.В. Платонов и Е.А. Яковлева отмечают, что когнитивная карта — это ориентированный граф, в котором узлы соответствуют факторам или понятиям, а дуги — причинно-следственным связям между ними [4]. Используя данный инструмент в психологии, мы можем формализировать неявное знание и визуализировать структуру изучаемых феноменов. Отметим, что в когнитивной психологии накоплен опыт применения сходной логики. Так, М.С. Белов в своих работах показывает, что нейросемантическое картирование и многомерный анализ когнитивных пространств позволяют переходить от проверки гипотез к построению количественных моделей, извлекаемых непосредственно из данных [1]. В связи с этим использование когнитивных карт оправданно для решения задач диагностики и прогнозирования.

Цель исследования — выявить структурные особенности ИЛР у студентов с разным уровнем аналитико-синтетических способностей (АСС) и определить ключевые узлы интеграции компонентов ресурса, значимые для прогнозирования эффективности в решении когнитивно сложных задач.

В исследовании приняли участие 335 студентов вузов (средний возраст — 19,8 лет). Диагностический комплекс включал методики М.А. Холодной («Понятийный синтез», «Формулировка проблем», «Обобщение трех слов», «Когнитивный состав концепта»), тест Равена (серии А — Е), краткий тест творческого мышления Торренса, методику «Свободная сортировка слов» В. Колги, опросник базовых убеждений (Janoff-Bulman в адаптации О.А. Кравцовой) и методику КСИЧ (В.М. Русалов, Е.В. Волкова, О.Н. Манолова).

На первом этапе с помощью кластерного анализа (метод k-средних) было выделено четыре группы студентов. Кластеры значимо различаются по уровню сформированности АСС и выраженности компонентов ИЛР (по критерию Краскела — Уоллиса, $p<0{,}001$ 37 из 42 переменных). Качественный анализ средних значений позволил интерпретировать кластеры как уровневые: от низкого (34,3% выборки) до высокого (17,9%).

На втором этапе для каждого кластера была построена факторная структура ИЛР (метод главных компонент, вращение — варимакс). Мы обнаружили, что студенты в группе с низким уровнем сформированности (34,3%) АСС обладают самой дисгармоничной структурой ИЛР. Базовые убеждения, общий интеллект и креативность у данных студентов автономны. Когнитивные ресурсы студентов не становятся единым инструментом адаптации, а понятийное мышление не включено в регуляцию осознанной познавательной деятельности, направленную на порождение нового. В кластерах со средним и выше среднего уровнями сформированности АСС (13,4% и 34,3%) для студентов характерна частичная интеграция компонентов ИЛР. Понятийное мышление находится в связи с базовыми убеждениями (у студентов со средними значениями) или же с интеллектом (у студентов со значениями выше среднего). Такой тип интеграции компонентов ИЛР отражает неравномерность развития такого ресурса. Это может говорить о том, что у одних студентов формируются быстрее когнитивные механизмы, а у других — личностные. Факторная структура компонентов ИЛР у студентов кластера с высоким уровнем сформированности АСС (17,9%) представлена целостной интегрированной системой. Интеллект объединен с базовыми убеждениями, креативность объединена с понятийным мышлением. Также наблюдается снижение числа факторов (три вместо четырех), что интерпретируется как объединение отдельных блоков ИЛР в функционально согласованную систему.

Полученные особенности факторных структур (от разрозненных к целостным) эмпирически подтверждают положение М. А. Холодной, что ядром интеллектуального развития выступает понятийное мышление [5]. Для студентов с высоким уровнем сформированности АСС характерна интеграция когнитивного, личностного и интенционального компонентов, при которой аналитико-синтетические способности выступают в качестве операционального механизма понятийного мышления.

Был проведен регрессионный анализ, где в качестве предикторов выступали показатели АСС (серии Равена, понятийное мышление, категоризация), а в качестве зависимых переменных — компоненты ИЛР. Установлено, что понятийное мышление является универсальным предиктором: оно объясняет до 73% дисперсии креативности ($\beta=0,90$; $p<0,001$) и до 78% дисперсии базовых убеждений ($\beta=0,53$; $p<0,001$). Вклад отдельных серий Равена дифференцирован: Raven_A предска-

зывает осмысленность жизни, Raven_B — ригидность, Raven_D — беглость. Серии C и E преимущественно связаны с понятийным мышлением и базовыми убеждениями, их влияние изменяется в зависимости от кластера. Данные показывают, что АСС выступают значимым предиктором интеграции компонентов ИЛР: понятийное мышление объясняет до 73–78% дисперсии ключевых компонентов, а вклад серий Равена отражает многокомпонентность самого конструкта АСС. Эмпирически подтверждается роль аналитико-синтетических способностей как операционального механизма интеграции.

На заключительном этапе для каждого кластера были построены когнитивные карты двух типов: факторные (структурные) — на основе значимых факторных нагрузок и регрессионные (функциональные) — на основе значимых регрессионных связей. Когнитивные карты визуально раскрывают механизм интеграции компонентов интеллектуально-личностного ресурса. С ростом уровня сформированности аналитико-синтетических способностей структура ИЛР изменяется — увеличиваются количество и сила связей между его компонентами. При этом аналитико-синтетические способности выступают в качестве значимых предикторов всех компонентов ИЛР, а понятийное мышление становится центральным узлом сети. Аналитико-синтетические способности интегрируют компоненты ИЛР через понятийное мышление как особую операциональную основу.

Полученные результаты позволяют рассматривать когнитивные карты как эффективный инструмент визуализации структурной организации ИЛР; показатели понятийного мышления — как основу для построения прогностических моделей академической успешности и адаптации студентов к цифровой образовательной среде. В перспективе данные модели могут быть применены при разработке автоматизированных диагностических систем, ориентированных на индивидуальный образовательный процесс.

Литература:

1. *Белов М.С.* Построение вычислительных моделей когнитивных процессов: нейросемантическое картирование и многомерный анализ когнитивных пространств // Научный журнал. 2026. № 1(76). С. 39–44.

2. *Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В., Истратова О.Н.* Интеллектуально-личностный ресурс субъекта развития: теоретические основы. Таганрог: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2017.

3. *Кибальченко И.А., Эксакусто Т.В., Истратова О.Н.* Структурные особенности интеллектуально-личностного ресурса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 7(94). С. 32–37.

4. *Платонов В.В., Яковлева Е.А.* Совместное когнитивное картирование как мультидисциплинарный подход к управлению сложными системами // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXV Международной научной и учебно-практической конференции. СПб., 2021. С. 274–283.

5. *Холодная М.А.* Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. Москва: Институт психологии РАН, 2012.

МЕТОДЫ ИИ В ЗАДАЧЕ ВЫЯВЛЕНИЯ В СЕТЕВЫХ ДИСКУССИЯХ КОМПОНЕНТОВ АТТИТЮДА К СОБЫТИЯМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Чуганская А.А., к.пс.н., ***Чудова Н.В.,*** к.пс.н.,
Кузнецова Ю.М., к.пс.н., ***Девяткин Д.А.,*** к.ф.-м.н.,
Станкевич М.А., аспирант
ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 25–28–02431
«Когнитивный компонент аттитюдов в сетевых дискуссиях социально-исторической тематики».

Изучение аттитюдов к событиям отечественной истории на основе автоматического анализа спонтанных высказываний пользователей социальных медиа позволит обратиться к проблеме национальной идентичности и исторической памяти народа. Целью нашей работы является создание самого инструмента автоматического выявления компонентов аттитюдов. В настоящий момент для исследователей доступна процедура, в которой объект социальной установки задается списком ключевых слов и далее проводится оценка тональности высказывания с помощью стандартных методик, разработанных для маркетинга. Продвижение в этой области предполагает создание исследовательского инструмента, который будет выявлять суждения

об объектах аттитюдов автоматически,— современная технология дообучения большой языковой модели позволяет это делать. Отметим, что и в области выявления отношения к объектам может применяться уже не показатель тональности, а широкий спектр текстовых маркеров эмоционального реагирования, разработанных в последние годы специально для анализа русскоязычных текстов (см., напр.: [1; 4]).

Процедура машинного обучения предполагает использование размеченного корпуса. Проведение разметки требует от специалистов, в данном случае психологов, теоретического осмысления проблемы проявления в речи изучаемых феноменов [3] и определения на основе существующей типологии психологических феноменов (в нашем случае — компонентов аттитюда) форматов их проявления в спонтанной речи (в нашем случае — в сетевых дискуссиях). Дальнейшая работа по созданию алгоритма автоматического распознавания в речи заданных психологических феноменов на основе размеченного корпуса достаточного объема (объем подбирается опытным путем, поскольку определяется сложностью и вариативностью системы лингвистических шаблонов [2]) требует выбора методов машинного обучения и проверки релевантности различных больших языковых моделей речевой природе выявляемых феноменов. В случае успеха теоретико-аналитического этапа работы и создания на основе этой работы обучающего и фонового корпусов машинное обучение покажет результаты, приемлемые с точки зрения точности и полноты распознавания.

Проведено пилотажное исследование на корпусе текстов сетевых дискуссий (18 тыс. словоупотреблений), расширенном за счет синтетической разметки, полученной с помощью Gemma (еще 14 тыс. словоупотреблений) — легковесной большой языковой модели, созданной на основе архитектуры Google Gemini, с открытыми весами параметров и возможностью локального развертывания. Эксперименты показали хорошие результаты для выявления когнитивного компонента аттитюда (F1=0,79; R (точность)=0,94; P (полнота)=0,68) и неудовлетворительные для поведенческого компонента.

В докладе будут представлены результаты теоретического анализа проблемы выражения в речи компонентов аттитюда, принципы разметки корпуса сетевых дискуссий и примеры высказываний, отнесенных к когнитивному и поведенческому компонентам, а также сведения об использованных больших языковых моделях и процедурах машинного обучения, разработанных специально для задачи пополнения инструментария психологического анализа текстовой продукции.

Литература:

1. *Григорьев О.Г., Кузнецова Ю.М., Никитина Е.Н., Смирнов И.В., Чудова Н.В.* Каузативно-эмотивный анализ. Часть I. Методика изучения эмоциональных реакций пользователей социальных сетей // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 114–121.

2. *Девяткин Д.А., Салимовский В.А., Чудова Н.В.* Принцип создания обучающей выборки для большой языковой модели // Международная научная конференция, посвященная 20-летию Национального корпуса русского языка. Москва, 20–21 декабря 2024 г. Материалы конференции / отв. ред. С.О. Савчук. М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2024. С. 41–44.

3. *Чуганская А.А.* Проблема семантических разрывов: от теорий в гуманитарных науках к построению моделей для искусственного интеллекта // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 3. С. 222–225.

4. *Smirnov I., Stankevich M., Kuznetsova Y., Suvorova M., Larionov D., Nikitina E., Savelov M., Grigoriev O.* TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in social media // Artificial Intelligence: 19th Russian Conference, RCAI 2021, October 11–16, 2021, Taganrog. Cham: Springer, 2021. P. 232–247.

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ В ОНКОПСИХОЛОГИИ: ИИ-АССИСТИРОВАНИЕ ПРИ РАБОТЕ С НАРРАТИВАМИ, РИСУНОЧНЫМИ МЕТАФОРАМИ И РЕФЛЕКСИВНЫМИ ТЕКСТАМИ

Чугунова Н.С.
Свердловская региональная благотворительная организация помощи онкопациентам «Вместе ради жизни»,
Екатеринбург, Россия

Работа выполнена при поддержке Фонда президентских грантов.

Образ тела после онкологического лечения — многомерный конструкт, в котором переплетаются вербальные нарративы, телесные метафоры и невербальные образы. Ни один из этих слоев не исчерпывает картину в одиночку: транскрипты интервью фиксируют осознанные

смыслы, рисунки тела — неосознанное и символическое, рефлексивные письменные ответы — пространство между ними. На практике каждый из этих источников анализируется отдельно, а их систематическое сопоставление в онкопсихологических исследованиях остается редкостью. Настоящая работа описывает опыт применения большой языковой модели (Claude, Anthropic) для мультимодального анализа трех типов качественных данных в рамках лонгитюдного исследования.

Эмпирическая база — два потока онлайн-программы психологической реабилитации образа тела «Возвращение к себе» (СРОО «Вместе ради жизни», Екатеринбург): поток 1 (N=23, октябрь 2025 — январь 2026) и поток 2 (N=27, март — июнь 2026). С каждой участницей проводились полуструктурированные интервью на входе (Т1) и по завершении программы (Т3); записи транскрибировались автоматически с ручной верификацией. В потоке 2 дополнительно введена проективная методика «Рисунок тела»: участницы выполняли произвольное изображение собственного тела и отвечали на восемь рефлексивных вопросов к рисунку непосредственно после его создания. Материал второго потока включает три типа данных по каждой участнице: устный нарратив интервью, визуальный образ рисунка и рефлексивный письменный текст.

Для вербальных нарративов применялся Framework Analysis (Ritchie, Spencer, 1994): кодировочная книга из 23 кодов, сгруппированных в шесть блоков (когнитивно-эмоциональный, образ тела и идентичность, поведенческие паттерны, мотивация и цели, барьеры и ресурсы, динамика Т3). Транскрипты и кодировочная книга передавались модели в виде структурированного промпта; на выходе формировалась аналитическая матрица с резюме по каждому из 23 кодов и предварительным кластером траектории адаптации (А — активное горевание, Б — адаптивное принятие, В — отчуждение тела, Г — нормативная реакция). Для рисунков тела разработан отдельный аналитический протокол: формальные характеристики изображения (метафора и символ, цвет и пространство, эмоциональный тон), анализ восьми письменных ответов (нарративная метафора, спонтанный образ, внутренний голос, разрыв «Я до / Я после», ресурс благодарности) и интегративный вывод о типе отношения к телу. Заключительным этапом служило сопоставление рисунка и транскрипта: модель явно выделяла совпадения, расхождения и то, что рисунок добавляет к сказанному в интервью.

Анализ материалов потока 1 позволил зафиксировать следующее. Модель устойчиво идентифицировала метафорические образы тела

в нарративах — «хрустальная девочка», «тело — предатель», «поганку вырастило», «жирная корова»,— которые в последующем анализе оказались диагностически значимыми для дифференциации кластеров адаптации. Кодирование одного транскрипта заняло 3–5 минут против 40–60 при ручной работе. В материалах потока 2 обнаружен систематический аналитический феномен: расхождение между вербальным нарративом интервью и образом рисунка. В ряде случаев участница словесно описывала принятие телесных изменений, тогда как рисунок содержал фрагментарное или уменьшенное изображение тела, сжатое в угол листа. Такие расхождения модель фиксировала как аналитически значимые факты — при ручном параллельном анализе двух источников это требует специального усилия сопоставления, которое на практике нередко пропускается. Динамика рисуночных метафор между Т1 и Т3 («изящная ваза, крепко стоящая» → «бабочка, легкость, уверенность») оказалась самостоятельным показателем характера телесного переживания — что дополняло, а иногда и опережало динамику вербального нарратива.

Выявлены и систематические ограничения. В транскриптах модель сглаживала амбивалентность и защитный юмор, требовавшие экспертной переатрибуции. В рисунках интерпретация формальных характеристик (линия, пространство листа, детализация) носила гипотетический характер и нуждалась в верификации исследователем в большей степени, чем анализ вербального материала: изобразительный язык принципиально многозначнее. Отдельной проблемой остается конфиденциальность: передача клинических данных уязвимой выборки, включая изображения, через коммерческую платформу требует явного отражения в процедуре информированного согласия.

Описанный опыт позволяет предложить модель ИИ-ассистированного мультимодального анализа в онкопсихологии. Оптимальное распределение функций выглядит следующим образом: модель выполняет первичное структурирование, кодирование и межисточниковое сопоставление, исследователь-эксперт — верификацию, переатрибуцию и финальную интерпретацию. При работе с визуальным материалом доля экспертного участия закономерно выше, чем при работе с вербальными данными. Следующий шаг — разработка процедуры расчета межкодерского согласия (κ Коэна) между ИИ и исследователем как стандартного элемента верификации и создание специализированных мультимодальных протоколов для онкопсихологических исследований.

Литература:

1. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
2. *Чулкова В.А., Пестерева Е.В.* Врач и медицинский психолог: взаимодополняющие подходы при оказании психологической помощи онкологическому пациенту // Вопросы онкологии. 2014. Т. 60. № 2. С. 94–98.
3. *Braun V., Clarke V.* Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. № 2. P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa.
4. *Hopwood P., Fletcher I., Lee A., Al Ghazal S.* A body image scale for use with cancer patients // European Journal of Cancer. 2001. Vol. 37. № 2. P. 189–197. DOI: 10.1016/s0959-8049(00)00353-1.
5. *Ritchie J., Spencer L.* Qualitative data analysis for applied policy research // Analysing Qualitative Data / ed. by A. Bryman, R.G. Burgess. London: Routledge, 1994. P. 173–194.

ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ HEXACO И ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ КАК ПРЕДИКТОРЫ УСТАНОВКИ К ГЕНЕРАТИВНОМУ ИИ

Шалимов И.В., Корниенко Д.С., Ячменева Н.П.
Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Исследование выполнено рамках государственного задания РАНХиГС.

Развитие технологий генеративного ИИ привело к стремительному росту числа исследований, направленных на изучение психологических предикторов отношения пользователя к моделям генеративного ИИ. Так, в центре внимания оказываются вопросы пользовательского доверия и готовности к использованию, принятия ответственности как за предлагаемые решения, так и за потенциальные риски, связанные с внедрением ИИ в повседневную и профессиональную практику [1; 2].

Несмотря на активные дискуссии о психологической установке пользователя к ИИ, не установлено, какие факторы в наибольшей степени связаны с этой установкой — личностные черты или пользовательский опыт. Рассмотрение данного вопроса приобретает особую актуальность в условиях современной реальности, где доступность и разнообразие моделей ИИ создают для любого пользователя, имеющего доступ в Интернет, условия для быстрого накопления пользовательского опыта. Этот опыт описывается двумя параметрами: частотой использования (регулярностью обращения к ИИ) и широтой охвата (количеством различных используемых моделей).

Предполагается, что компоненты пользовательского опыта обладают большей предсказательной силой в отношении установки к ИИ, чем личностные диспозиции. Проверка данного предположения является целью настоящей работы.

Выборку исследования составили 203 респондента — пользователи генеративных моделей ИИ — в возрасте от 18 лет до 61 года (M=30,30; SD=9,54), где 74% женщин.

В исследовании использованы краткая версия опросника HEXACO [3] для диагностики шести черт личности: честность-скромность, эмоциональность, экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, открытость новому опыту; и опросник AIAS-4 (Grassini, 2023) для оценки общей установки к генеративному ИИ в части воспринимаемой полезности ИИ и намерения его использовать, а также общей позитивной оценки его влияния на человечество. Пользовательский опыт оценивался через пункты о частоте использования ИИ в академической / профессиональной деятельности и общем количестве используемых моделей. Все пункты оценивались по пятибалльной шкале Ликерта.

В среднем респонденты используют 2–3 модели ИИ (M=2,85) с частотностью выше среднего (M=3,68), причем наиболее популярными моделями являются ChatGPT (82,3%), DeepSeek (77,3%) и Gemini (38,9%). Также респонденты демонстрируют позитивную и прагматичную установку к ИИ, оценивают его полезность как высокую и готовы более активно использовать его в будущем без выраженного страха или опасений. При этом респонденты склонны выше оценивать его пользу для всего человечества (M=3,66), чем для себя лично (M=3,51), а данное различие является статистически значимым (W=1137; p=0,007). В контексте гендерных различий отметим, что мужчины демонстрируют более позитивную установку к ИИ (M=19,30) и более частотное

и широкое использование его моделей (M=3,87 и M=3,42 соответственно). Таким образом, установка респондентов к ИИ имеет преимущественно когнитивно-инструментальный, а не эмоционально-оценочный характер, а сам ИИ воспринимается скорее как полезный инструмент, нежели как объект доверия или страха.

Характер распределения показателей исследуемых переменных отличался от нормального, а ввиду широкого возрастного разброса и гендерного дисбаланса в выборке мы контролировали влияние возраста и пола на результаты. Для проверки различий во взаимосвязях личностных черт и компонентов пользовательского опыта с установкой к ИИ были рассчитаны частные корреляции Спирмена с применением поправки Холма — Бонферрони.

Анализ частных корреляций Спирмена демонстрирует, что установка к ИИ прямо взаимосвязана с каждым из компонентов пользовательского опыта: частотой (rho=0,44; p<0,001) и широтой (rho=0,22; p=0,002) использования его моделей; и обратно взаимосвязаны с чертой доброжелательность (rho=–0,24; p<0,001), а также не взаимосвязана с остальными чертами.

Обнаруженный эффект черты доброжелательности связываем с ее межличностной природой: личность, склонная к доверию и сотрудничеству в отношениях с окружающими, вероятно, переносит подобные паттерны и на взаимодействие с антропоморфными моделями ИИ. Однако высокая доверчивость оборачивается настороженностью в отношении моделей и тревогой по поводу безопасности сообщаемых им сведений. Сочетание этих двух реакций может приводить к тому, что само взаимодействие с ИИ начинает восприниматься как потенциальная угроза.

Таким образом, установка по отношению к ИИ в большей степени связана с пользовательским опытом использования моделей, чем с личностными диспозициями: для прогнозирования установки по отношению к генеративному ИИ поведенческие показатели оказываются более информативными, чем личностные опросники. С другой стороны, ввиду особенностей дизайна исследования, не позволяющего определить направление эффекта, может оказаться, что именно позитивная установка способствует более активному использованию ИИ, а не наоборот.

Ограничениями исследования являются дизайн, структурированный как корреляционный, а также возрастной разброс и гендерный дисбаланс в выборке.

Литература:

1. *Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е.* Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 335–353.

2. *Grassini S.* Development and Validation of the AI Attitude Scale (AIAS-4): A Brief Measure of General Attitude Toward Artificial Intelligence // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 14. Article 1191628. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1191628.

3. *Lee K., Ashton M.C.* Psychometric Properties of the HEXACO Personality Inventory // Multivariate Behavioral Research. 2004. Vol. 39. № 2. P. 329–358. DOI: 10.1207/s15327906mbr3902_8.

«ПОВЕРХНОСТНАЯ» ОБРАБОТКА ЯЗЫКА В БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЯХ: ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ С ЧЕЛОВЕКОМ

Шаповалова А.С.
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

В настоящее время набирает популярность использование для решения огромного спектра задач больших языковых моделей, которые дают впечатляющие результаты по обработке естественного языка. Однако исследования показывают, что нейросети имеют склонность к использованию эвристик и поверхностных паттернов и не производят глубокую обработку запросов [2; 4]. Нечто подобное наблюдается и у человека при обработке предложений. В таких случаях репрезентации предложений, воспринимаемые людьми, оказываются неполными или искаженными. Причиной этого может быть тенденция к «поверхностной» обработке при понимании предложений (англ. *good-enough language processing*), а не полный синтаксический анализ. При такой обработке человек экономит когнитивные ресурсы и уменьшает временные затраты. Например, люди могут ошибочно интерпретировать предложение «The dog was bitten by the man» (рус. «Собака была укушена мужчиной») как «собака укусила человека» — из-за нехарактерного распределения ролей (собака как пациенс, человек как агенс) и опоры на знание о мире, а не на синтаксис.

Недавнее исследование Asami и Sugawara [1] показало, что модели BERT с различной архитектурой демонстрируют «поверхностную» обработку языка, сходную с человеческой. Настоящее исследование продолжает это направление, проверяя, сохраняются ли аналогичные паттерны поверхностной обработки в современных больших языковых моделях.

Авторами данной работы было проведено исследование [5], в котором было обнаружено, что склонность к использованию семантических эвристик в большей степени характерна для людей с более высоким читательским опытом. Мы планируем распространить этот вывод на область искусственного интеллекта. Если у людей склонность к эвристикам усиливается с ростом языкового опыта, то можно ожидать, что у больших языковых моделей (LLM) эта тенденция будет проявляться еще сильнее, особенно при обработке длинных или сложных промптов.

Таким образом, были выдвинуты следующие **гипотезы**.

Гипотеза 1. Современные LLM, как и люди, демонстрируют склонность к поверхностной обработке языка, что выражается в снижении точности при обработке семантически неправдоподобных или синтаксически сложных стимулов. Это согласуется с теорией good-enough processing в психолингвистике (Ferreira, 2003) и наблюдениями Shapovalova и Malyutina [5].

Гипотеза 2. Модели с большим количеством параметров будут в большей степени склонны к поверхностной обработке, чем меньшие модели. Это аналогично эффекту, обнаруженному у людей: чем больше читательский опыт, тем сильнее семантические ожидания и тем выше вероятность использования эвристик.

Метод. Для исследования планируется использовать модели одного семейства, но разного размера, чтобы минимизировать влияние архитектурных различий.

В качестве корпуса для оценки степени опоры на «поверхностную» обработку при понимании предложений была выбрана методика Лопухиной [3]. Стимульным материалом являются русские предложения с причастным оборотом, согласующимся с одним из двух связанных существительных. Предложения делятся на два типа по семантическому соответствию существительного и причастного оборота: семантически ожидаемые и семантически неожиданные. Данная методика была использована для оценки степени опоры на «поверхностную» обработку у людей в исследовании [5].

В рамках данной работы планируется адаптировать данный корпус предложений [3] для работы с большими языковыми моделями. Предложения будут предъявляться в виде промпта: «Context: {stimulus} Question: {question} Answer with ONLY one word: '{correct}' or '{incorrect}'. Do not add any explanation». Это условие позволит оценить, использует ли модель поверхностные эвристики по умолчанию. В дополнение будут использоваться промпты с примерами правильного анализа предложений и пояснениями. Каждый стимул будет предъявляться каждой модели три раза для проверки стабильности ответов. Будет оцениваться точность ответов для условий: семантически ожидаемые и семантически неожиданные.

Для анализа данных планируется использование логистической регрессии со смешанными эффектами.

Планируемые результаты. К конференции планируется предоставление полного исследования с уже собранными данными и полученными результатами.

Мы ожидаем, что большие языковые модели будут демонстрировать склонность к «поверхностной» обработке при понимании предложений, что будет выражено в снижении точности на семантически неправдоподобных или синтаксически сложных стимулах. Паттерн ошибок на разных типах синтаксических конструкций будет различаться у моделей разного размера. У больших моделей ошибки будут более систематически связаны с семантической неправдоподобностью, как у людей в исследовании Shapovalova и Malyutina [5].

Литература:

1. *Asami D., Sugawara S.* What Makes Language Models Good-enough? // Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL 2024. Bangkok: Association for Computational Linguistics, 2024. P. 15453–15467. DOI: 10.18653/v1/2024.findings-acl.913.

2. *Ho X., Meissner J.M., Sugawara S., Aizawa A.* A Survey on Measuring and Mitigating Reasoning Shortcuts in Machine Reading Comprehension // arXiv preprint arXiv:2209.01824. 2022 (last revised 2023). DOI: 10.48550/arXiv.2209.01824.

3. *Lopukhina A., Laurinavichyute A., Malyutina S., Ryazanskaya G., Savinova E., Simdianova A., Antonova A., Korkina I.* Reliance on semantic and structural heuristics in sentence comprehension across the lifespan // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2022. Vol. 75. № 7. P. 1367–1381. DOI: 10.1177/17470218211053263.

4. *McCoy R.T., Pavlick E., Linzen T.* Right for the Wrong Reasons: Diagnosing Syntactic Heuristics in Natural Language Inference // Proceedings of the 57th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Florence: Association for Computational Linguistics, 2019. P. 3428–3448. DOI: 10.18653/v1/P19-1334.

5. *Shapovalova A., Malyutina S.* (in press). Individual variability in reliance on semantic heuristics: Cognitive and psycholinguistic factors.

АНАЛИЗ ТЕКСТОВЫХ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ СРЕДСТВАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ПОВЕДЕНИЯ

Шевцов А.М., Устин П.Н., Попов Л.М., Гафаров Ф.М., Агафонов А.А.
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–01125, https://rscf.ru/project/24–18–01125/

Текстовые цифровые следы используются в психологии для оценки психологических характеристик пользователей. В исследованиях P.S. Dodds, A.D.I. Kramer, M. Luhmann, H.A. Schwartz и их коллег показано, что языковые особенности публикаций в социальных сетях могут служить источником данных о субъективном благополучии и поведенческих проявлениях личности [1–4]. В настоящей работе внимание переносится с описания отдельных цифровых показателей на моделирование связей между содержанием текста и функциональной организацией поведения субъекта.

Переход от описания цифровых следов к объяснению поведения предполагает построение модели, связывающей наблюдаемые вербальные маркеры с когнитивными, коммуникативными и регулятивными механизмами субъекта. Такая модель рассматривается как предварительная схема когнитивной архитектуры поведения, позволяющая представить функциональное взаимодействие этих компонентов в процессе выбора и осуществления поведенческой реакции.

Цель исследования — разработать и эмпирически проверить модель анализа текстовых цифровых следов, связывающую тематическую направленность и вербальное оформление публикаций с коммуникативными, когнитивными и регулятивными компонентами поведения субъекта и служащую основой построения когнитивной архитектуры его поведения в цифровой среде.

Эмпирическую базу составили 340 206 текстов, извлеченных из различных цифровых источников. По критериям объема и содержательной интерпретируемости для анализа были отобраны 9990 текстовых следов. Единицей анализа выступал отдельный текст, рассматриваемый вне более широкого коммуникативного контекста.

Теоретическая модель включала 60 поведенческих индикаторов, различавшихся по тематической направленности, функциональной подсистеме поведения и способу вербального проявления. Для интерпретации этих индикаторов дополнительно использовалась трехосевая система оценки, построенная на соотнесении конструктов Светлой и Темной триад. Она обеспечивала более ясную интерпретацию и позволяла сопоставлять количественные оценки текста с коммуникативными, когнитивными и регулятивными компонентами поведения.

Содержательный анализ выполнялся большой языковой моделью Grok 4 через API компании xAI. Классификация проводилась по системе критериев, связывающих вербальные маркеры с выделенными поведенческими индикаторами. Полученные признаки далее анализировались с помощью серии бинарных классификаторов XGBoost, что позволило оценить связь между характеристиками текста и прогнозируемым типом поведения.

Обучающая выборка включала 7992 текста, или 80% отобранного массива, тестовая — 1998 текстов, или 20%. На тестовой выборке модели XGBoost достигли точности 0,76, 0,84 и 0,85 и значений macro-F1 0,70, 0,80 и 0,79 для континуумов «нарциссизм — гуманизм», «психопатия — вера в человечество» и «макиавеллизм — кантианство» соответственно. Точность здесь показывает общую долю правильно классифицированных текстов, а macro-F1 — качество распознавания обоих полюсов каждого континуума. Более низкие значения macro-F1 связаны с тем, что полюса были представлены в выборке неравномерно и распознавались с разной точностью. Наиболее сложным оказалось разграничение текстов по континууму «нарциссизм — гуманизм», тогда как два других континуума распознавались более устойчиво.

Полученные показатели свидетельствуют о возможности прогнозировать тип поведения по сочетанию вербальных маркеров коммуникативной, когнитивной и регулятивной подсистем. При этом результаты относятся к отдельным публикациям, рассматриваемым вне контекста предшествующего и последующего взаимодействия, что на данном этапе не позволяет рассматривать выявленные особенности как устойчивые характеристики личности.

Разработанная модель задает эмпирическую основу для дальнейшего построения когнитивной архитектуры, поскольку связывает наблюдаемые текстовые признаки с функциональными компонентами поведения. На следующем этапе исследования планируется переход к динамической схеме «фоновое состояние — воздействие среды — реакция субъекта», позволяющей учитывать изменение поведения пользователей под влиянием обратной связи, которую они получают в цифровой среде. Такая схема создает предпосылки для построения прогностической модели, описывающей не только тип отдельной реакции, но и переход от исходного состояния субъекта к последующему поведенческому выбору.

Литература:

1. *Dodds P.S., Harris K.D., Kloumann I.M., Bliss C.A., Danforth C.M.* Temporal Patterns of Happiness and Information in a Global Social Network: Hedonometrics and Twitter // PLoS ONE. 2011. Vol. 6. № 12. Art. e26752. DOI: 10.1371/journal.pone.0026752.

2. *Kramer A.D.I.* An Unobtrusive Behavioral Model of “Gross National Happiness” // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: ACM, 2010. P. 287–290. DOI: 10.1145/1753326.1753369.

3. *Luhmann M.* Using Big Data to Study Subjective Well-Being // Current Opinion in Behavioral Sciences. 2017. Vol. 18. P. 28–33. DOI: 10.1016/j.cobeha.2017.07.006.

4. *Schwartz H.A., Sap M., Kern M.L., Eichstaedt J.C., Kapelner A., Agrawal M., Blanco E., Dziurzynski L., Park G., Stillwell D., Kosinski M., Seligman M.E., Ungar L.H.* Predicting Individual Well-Being Through the Language of Social Media // Biocomputing 2016: Proceedings of the Pacific Symposium. Singapore: World Scientific, 2016. P. 516–527. DOI: 10.1142/9789814749411_0047.

ДОВЕРИЕ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Шелонина Л. А., аспирант
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

На фоне повсеместного внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в личную и профессиональную жизнь современного человека особый интерес вызывает вопрос, связанный с доверием, являющимся основанием для принятия и использования новых технологий. Среди ключевых предикторов доверия к ИИ обычно выделяют прозрачность работы алгоритмов, объяснимость решений, предлагаемых системой, и воспринимаемые функциональные возможности системы, а также ее антропоморфные характеристики — человеческий голос, эмоциональные реакции, социальные сигналы и поведенческие паттерны.

Распространенные теоретические рамки для изучения доверия к искусственному интеллекту сегодня — это модели принятия технологий TAM и UTAUT [3]. Однако их применение в кросс-культурном контексте наталкивается на серьезное ограничение: эти модели изначально не учитывают культурные различия в восприятии технологий. Возникает закономерный вопрос: можно ли считать доверие к ИИ универсальным феноменом или оно, как и любой психологический конструкт, укоренено в культурных ценностях и нормах?

Данные систематического обзора 562 эмпирических исследований показывают, что культура влияет как на восприятие ИИ, так и на значимость его предикторов. Наиболее значимыми культурными измерениями оказались индивидуализм/коллективизм, избегание неопределенности и дистанция власти. В коллективистских культурах доверие к ИИ в большей степени связывается с воспринимаемой компетентностью системы, ее способностью содействовать достижению групповых целей, социальным присутствием, антропоморфизмом и социальным влиянием. В индивидуалистических культурах весомыми предикторами доверия стали прозрачность работы алгоритмов, объяснимость решений, предлагаемых системой, возможность пользовательского контроля и субъективно воспринимаемая полезность технологии. В культурах с высоким уровнем избегания неопределенности исходный уровень доверия к ИИ, как правило, ниже, а требования к надежности,

безопасности и предсказуемости работы системы — выше. В обществах с высокой дистанцией власти ИИ чаще воспринимается как авторитетный источник экспертных решений, в культурах же с низкой дистанцией власти на первый план выступает критическая оценка рекомендаций системы, прозрачность и возможность их проверить [2].

Сравнительное исследование на выборках Китая и США подтверждает культурную специфичность этих механизмов: при сходном уровне доверия к ИИ психологические основания различаются. В китайской выборке опыт столкновения с ложной информацией от ИИ значительно снижал доверие к ИИ, в то время как в американской выборке этот эффект был выражен слабее и сохранялся в основном для воплощенного ИИ — то есть системы, имеющей физическое воплощение. Склонность к доверию как личностная черта существенно опосредовала связь между опытом обмана и доверием к воплощенному ИИ в китайской выборке, но не в американской; в США она предсказывала межличностное доверие, а не доверие к ИИ [4].

Склонность к риску также обнаружила различающиеся связи: у китайских участников доверие к воплощенному ИИ было положительно связано с социальным риском, а доверие к бестелесному ИИ — с финансовым риском; у американских участников оба типа ИИ в большей степени оценивались через призму финансового риска, а социальный риск не играл существенной роли. Воспринимаемые нормы честности выступали более значимым модератором — то есть сильнее влияли на связь между опытом обмана и доверием к ИИ — в Китае, нежели в США.

С первого взгляда одинаковый уровень доверия к ИИ в разных культурах обеспечивается абсолютно разными психологическими механизмами: в коллективистской культуре доверие к ИИ опирается на межличностные схемы и социальные нормы, а в индивидуалистической культуре остается преимущественно инструментальным и в меньшей степени связанным с общим доверительным фоном.

Общественное принятие технологий искусственного интеллекта, согласно многоуровневому анализу данных по 28 европейским странам, определяется не только индивидуальными особенностями пользователей, но и характеристиками национальной среды. Макрофакторы — экономические, институциональные и культурные характеристики страны — не оказывают непосредственного влияния на принятие ИИ, но именно они формируют условия для ключевых психологических предикторов: цифровой самоэффективности (уверенности в собственных возможно-

стях осваивать цифровые технологии) и воспринимаемой угрозы потери работы вследствие автоматизации. Национальный контекст влияет на отношение к ИИ косвенно, через восприятие человеком собственных возможностей и рисков, связанных с внедрением новых технологий [1].

Таким образом, доверие к ИИ нельзя описывать с помощью универсальной модели вне культурных и национальных различий. Учитывая культурное многообразие российского общества, можем предположить, что доверие к ИИ у представителей разных этнокультурных групп будет иметь как общие черты, так и культурно-специфические различия. Однако подобных исследований в России не проводилось. Заполнение этого пробела станет задачей нашего будущего исследования.

Литература:

1. *Ahn J., Kim Y., Sung Y.* Effects of Country and Individual Factors on Public Acceptance of Artificial Intelligence and Robotics Technologies: A Multilevel SEM Analysis of 28-Country Survey Data // Behaviour & Information Technology. 2021. Vol. 40. № 16. P. 1778–1794.

2. *Dang S., Li C.* Unpacking AI Trust: The Interplay of Antecedents, Consequences, and Cultural Dynamics // AI & Society. 2025. DOI: 10.1007/s00146-025-02477-6.

3. *Kelly S., Kaye S.A., Oviedo-Trespalacios O.* What Factors Contribute to the Acceptance of Artificial Intelligence? A Systematic Review // Telematics and Informatics. 2023. Vol. 77. Art. 101925. DOI: 10.1016/j.tele.2022.101925.

4. *Zhang H., Jing Y., Gu R.* Who Gets More Trust — AI or Humans, and Why? A Cross-Cultural Analysis of Artificial Intelligence and Interpersonal Trust // Behavioral Sciences. 2026. Vol. 16. № 3. Art. 320.

ПРЕДИКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ТИПОЛОГИЗАЦИИ МОРАЛЬНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ АГРЕССИИ У ПОДРОСТКОВ: ДИЗАЙН ИССЛЕДОВАНИЯ

Шилова В.А., аспирант, ***Мустафина Л.Ш.,*** к.пс.н.
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Традиционные методы качественного анализа текстов позволяют выявлять отдельные типы моральных объяснений, однако их применение связано с высокой трудоемкостью, ограниченным объемом данных и зависимостью от субъективных интерпретаций исследователя [2]. Современные подходы к анализу текстовых данных, основанные на методах машинного обучения, открывают возможность автоматизированного выделения устойчивых способов морального объяснения и их последующего количественного анализа [1; 2]. В этих условиях актуальной становится разработка методологического подхода, интегрирующего качественный анализ нарративов, современные методы обработки текста и модели машинного обучения для изучения связи между структурой моральных объяснений агрессии и принадлежностью подростков к различным поведенческим группам.

Представляемое исследование направлено на анализ вариаций моральных объяснений агрессивного поведения, их классификацию на основе автоматизированной и экспертной обработки текстов интервью, а также классификацию подростков по группам — совершивших насильственные правонарушения, совершивших ненасильственные правонарушения и не совершавших правонарушений — с применением методов машинного обучения.

Эмпирический план исследования предполагает участие несовершеннолетних из трех групп: совершавших агрессивные правонарушения, совершавших ненасильственные правонарушения и не совершавших правонарушений. Каждый участник диагностируется с использованием комплекса методик, включающего самоотчетные опросники, имплицитные методики и полуструктурированное интервью. Самоотчетный блок направлен на оценку выраженности агрессии, моральных установок и сопутствующих психологических характеристик (склонности к оправданию насилия, особенностей моральной оценки собственных и чужих поступков). Имплицитные методики используются для выявления неосознаваемых установок и ассоциаций, связанных с одобрением/неодобрением агрессии и моральными нормами, что позволяет сопоставить осознаваемые и неосознаваемые компоненты морального сознания. Полуструктурированное интервью направлено на выявление того, как подростки объясняют собственные агрессивные действия, какие причины и оправдания называют, как оценивают поступки агрессивного характера. Ответы записываются на аудионоситель и транскрибируются, после чего формирует-

ся корпус высказываний о собственных агрессивных действиях и их моральной оценке.

Дальнейший анализ проводится в несколько шагов. На первом шаге текстовые высказывания преобразуются в числовую форму с помощью современных моделей представления текста, что позволяет описывать их общий смысл и близость к другим высказываниям. Для выделения устойчивых тем и схожих способов объяснения агрессии используется тематическое моделирование на основе BERTopic. Для уточнения содержания выделенных групп используется большая языковая модель, формирующая краткие описания и перечни ключевых слов по примерам высказываний из каждого кластера, после чего проводится их экспертная валидация. В результате формируется психологически интерпретируемая типология моральных объяснений агрессии, используемая далее уже в самом машинном обучении. На завершающем этапе типология используется в количественном анализе и построении предиктивных моделей. Каждому высказыванию присваивается тип морального объяснения, а для каждого подростка формируется профиль, включающий распределение типов объяснений в его ответах, показатели самоотчетных и имплицитных методик, а также принадлежность к одной из трех групп.

На следующем этапе осуществляется машинное обучение, в том числе на основе RuBERT, решающей две задачи. Первая связана с автоматической классификацией отдельных высказываний по типам моральных объяснений: модель получает на вход текст высказывания и возвращает наиболее вероятный тип, что позволяет проверить воспроизводимость предложенной типологии при анализе новых данных. Вторая задача направлена на оценку предиктивного потенциала профиля моральных объяснений. Для каждого участника используется совокупность признаков: доля различных типов объяснений в его нарративах, показатели самоотчетных и имплицитных методик, а также демографические характеристики, на основании которых обучается модель, оценивающая вероятность принадлежности подростка к одной из трех групп. Таким образом, анализируется, в какой мере «рисунок» моральных объяснений и связанных с ними психологических характеристик позволяет предсказывать поведенческий статус — то есть отнесенность подростка к одной из трех групп: совершавших агрессивные правонарушения, совершавших ненасильственные правонарушения или не совершавших правонарушений.

Ожидается, что полученные профили моральных объяснений агрессии в сочетании с самоотчетными и имплицитными показателями позволят уточнить связи между структурой морального сознания и поведенческими проявлениями агрессии в подростковом возрасте, а также разработать практический подход к ранней диагностике неблагоприятных паттернов морального объяснения агрессии и оценке эффективности профилактических и коррекционных программ. Использование методов машинного обучения в данном контексте создает возможности для анализа больших массивов нарративных данных.

Литература:

1. *Сорокова М.Г., Филиппова Е.В., Булыгина М.В., Алексейчук А.С.* Применение методов искусственного интеллекта и машинного обучения в психологическом оценивании и анализе детских рисунков: обзор исследований // Современная зарубежная психология, 2025. № 14(3). С. 115–127.

2. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. № 17(4). С. 182–189.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СКРИНИНГЕ ДЕПРЕССИИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С ОПЫТОМ ДЕПРИВАЦИИ И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ: ПОТЕНЦИАЛ И БАРЬЕРЫ ВНЕДРЕНИЯ

Шимина Н.Н., Солодухин А.В., к.пс.н.
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Введение. Согласно результатам проекта Global Burden of Disease за 2019 г., депрессивные расстройства занимали 13-е место среди 25 основных причин DALY (disability-adjusted life-years — лет жизни, скорректированных по нетрудоспособности) и второе место среди психических расстройств по распространенности как причина летальных исходов [5]. Одним из факторов риска таких расстройств является детский травматический опыт, в связи с чем дети и подростки, подвергшиеся депривации и жестокому обращению, требуют особого

внимания. Стандартные методы скрининга депрессии, опирающиеся на самоотчет и структурированное интервью, оказываются малоэффективными в работе с данной категорией лиц из-за потенциальных барьеров к раскрытию переживаний и сниженной мотивации к взаимодействию со специалистами. **Актуальность исследования** обусловлена высокой вероятностью распространенности психических расстройств среди данной группы и объективными трудностями диагностики, что требует дальнейшего эмпирического обоснования подходов к их преодолению. **Цель настоящего обзора** — систематизировать существующие подходы на основе ИИ к скринингу депрессии, оценить их применимость и ограничения в работе с детьми и подростками, имеющими опыт депривации и жестокого обращения.

Депривация и психическое развитие. Согласно классическому определению Й. Лангмейера и З. Матейчека (1984), «психическая депривация представляет собой психическое состояние, возникающее в результате таких жизненных ситуаций, где субъекту не предоставляется возможности для удовлетворения некоторых его основных (жизненных) психических потребностей в достаточной мере и в течение достаточно длительного времени» [2], что создает предпосылки для повышенной уязвимости к развитию депрессивной симптоматики. Исследователи подчеркивают, что хронизация травматического опыта в условиях депривации затрагивает все сферы личности, изменяет Я-концепцию и образ мира подростка, приводя к социально-психологической дезадаптации [2]. Именно эти особенности делают традиционный скрининг затруднительным, что делает важным поиск альтернативных, объективных методов, включая пассивный сбор цифровых данных.

Подходы к скринингу на основе ИИ. Анализ научной литературы показывает, что существует два основных направления применения искусственного интеллекта для скрининга депрессии. К первому направлению можно отнести методы цифрового фенотипирования, предполагающие сбор активных (опрос, тестирование) и пассивных (акселерометрия, геолокация, длительность и структура использования телефона) данных. Методы машинного обучения позволяют анализировать огромный массив пассивных данных, что снижает субъективность и повышает персонализацию прогноза за счет целостной оценки [1]. Важно, что пассивный сбор данных не требует от ребенка активного самораскрытия, что потенциально позволяет обойти барьеры, связанные с нежеланием делиться переживаниями. Ко второму

направлению можно отнести мультимодальные модели, объединяющие анализ текстовой и аудиоинформации. Например, в исследовании на базе набора данных DAIC-WOZ было показано, что многопоточная модель MMIE (Multi-Stream Mood Insight Encoder), использующая кодировщик Reformer и большую языковую модель ClinicalBERT, достигает показателей F1 0,9538 [3], что указывает на высокую прогностическую эффективность модели при различении депрессивных и недепрессивных респондентов. При этом авторы акцентируют внимание на таких лингвистических маркерах, как слова с абсолютной семантикой («всегда», «никогда» и т. д.) и местоимения первого лица, употребление которых коррелирует с депрессивным состоянием, а также на акустических характеристиках речи (форманты, кепстральные коэффициенты) [3].

Ограничения и этические аспекты. Несмотря на значительные успехи в разработке цифровых инструментов диагностики, их применение к детской популяции, в частности к детям и подросткам с опытом депривации и жестокого обращения, сопряжено с рядом серьезных ограничений. Во-первых, подавляющее большинство моделей машинного обучения, в том числе MMIE, обучены и валидированы на взрослых выборках, что требует отдельной адаптации с учетом возрастных особенностей. Во-вторых, одними из самых серьезных проблем на пути внедрения цифровых продуктов являются этические и правовые вопросы: технологии должны обеспечивать высокий уровень конфиденциальности и безопасности данных. Как отмечают В. А. Чинарев и Е. В. Малинина [4], в случае чат-ботов вопрос распределения ответственности остается неопределенным; по нашему мнению, аналогичная проблема возникает и при использовании скрининговых ИИ-инструментов. В-третьих, лишь малая часть цифровых продуктов внедрена в клиническую практику [1], соответственно, мы имеем дело с разрывом между исследовательскими разработками и практическим внедрением.

Заключение. Таким образом, существующие модели, включая MMIE, демонстрируют высокую точность на взрослой популяции, однако их прямое применение к детям с депривацией ограничено отсутствием валидированных детских наборов данных, неопределенностью информированного согласия и юридическими лакунами. Первоочередной задачей становится создание мультицентровых исследовательских протоколов, включающих сбор пассивных и мультимодальных данных именно в данной уязвимой группе с одновременной проработкой этико-правовой базы.

Литература:

1. *Иванец Н.Н., Кинкулькина М.А., Тихонова Ю.Г.* Цифровые технологии в сфере психического здоровья: проблемы и перспективы // Национальное здравоохранение. 2023. Т. 4. № 2. С. 5–14. DOI: 10.47093/2713-069x.2023.4.2.5-14.

2. *Уласень Т.В., Бобров А.Е.* Детская депривация и формирование аномалий психического развития: состояние проблемы // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2016. Т. 15. № 4. С. 150–164.

3. *Фироз Н., Берестнева О.Г., Аксенов С.В.* Обнаружение мультимодальной депрессии с использованием многопотоковой модели Mood Insight Encoder (MMIE) // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2025. № 4(40). С. 52–77. DOI:10.25729/ESI.2025.40.4.005.

4. *Чинарев В.А., Малинина Е.В.* Применение цифровых инструментов, чат-ботов и дистанционного мониторинга в диагностике и сопровождении депрессии в общетерапевтической практике: обзор // Коморбидная неврология. 2026. Т. 3. № 2. С. 34–41. DOI: 10.62505/3034-185x-2026-3-2-34-41.

5. *Ferrari A.J., Santomauro D.F., Mantilla Herrera A.M.*, et al. Global, regional, and national burden of 12 mental disorders in 204 countries and territories, 1990–2019: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019 // Lancet Psychiatry. 2022. Vol. 9. № 2. P. 137–150.

АВТОМАТИЧЕСКАЯ РАСШИФРОВКА СЕССИИ КАК КОНТУР ОБРАТНОЙ СВЯЗИ ДЛЯ ВЕДУЩЕГО БАЛИНТОВСКОЙ ГРУППЫ

Шипотько Д.А., Мурзина М.И., Кириллова С.С., Алферов И.А.
СРОО «Самарское балинтовское общество», Самара, Россия

Балинтовская группа способствует развитию профессиональных метанавыков, однако не предусматривает систематической обратной связи ведущему [1]. После завершения группы он может опираться лишь на воспоминание о собственных эмоциональных реакциях, а супервизия лишь частично восполняет этот дефицит. Согласно концепции преднамеренной практики (deliberate practice) К.А. Эриксона,

своевременная обратная связь является одним из ключевых условий роста профессионального мастерства [3]. Создание такого контура обратной связи составляет задачу настоящей работы.

Лаборатория балинтовских ведущих Самарского балинтовского общества работает с апреля 2024 г. В ее задачи входят супервизия для лидеров и исследование коммуникации в балинтовских группах [2]. Встречи проходят ежемесячно, по полтора часа, дистанционно. Проект добровольный и не финансируется. Записи сохраняются с первой встречи. В 2026 г. применен сервис автоматической расшифровки с разделением говорящих и тайм-кодами, что сделало архив доступным для анализа, в том числе с помощью генеративных моделей. Все участники — практикующие ведущие. Материал исследования — одна встреча, прошедшая в июне 2026 г., продолжительностью 88 минут, с участием восьми человек. Все авторы данной статьи принимали в ней участие.

Расшифровка записи и ее последующий анализ размечают встречу по фазам: работа над случаем занимает период с 5:47 по 73:31, далее — методическая часть. Формальные показатели позволяют ведущему получить первую обратную связь о соблюдении технологии: референту принадлежит 80% речи в фазе вопросов и 83% при возвращении в круг, доля речи самого ведущего за сессию — около 9%.

Ключевой результат получен при сопоставлении оценки участника с записью. Участник связал изменение хода обсуждения с репликой о доступе к трудноразличимым чувствам референта и отнес ее примерно к шестидесятой минуте. Расшифровка подтвердила, что именно эта реплика совпала с моментом качественного изменения обсуждения, однако показала, что ее временная локализация была смещена почти на девятнадцать минут.

Расшифровка позволяет проверить это впечатление по трем вопросам: действительно ли изменилась коммуникация, эта ли реплика стала поворотной и верно ли определено ее место во времени. На первые два вопроса ответ утвердительный, на третий — отрицательный. Реплика приходится на отрезок 41:28–45:07 — единственный в сессии пятиминутный монолог одного участника. Таким образом, оценка участника оказалась точной по содержанию, но ошибочной по времени: автоматическая расшифровка позволяет восстановить временнЫе координаты пережитого изменения.

Второе наблюдение касается самой обратной связи. Труднее всего поддавались расшифровке реплики ведущего. Один из авторов на сес-

сии тоже плохо его слышал, но счел это собственной особенностью и ведущему ничего не сказал. На методической встрече ведущий, пересмотрев запись, сам спросил, плохо слышно ему одному или всем; группа подтвердила общую проблему, и он согласился ее устранить. Благодаря записи ведущий получил сведения, которые группа прямо ему не сообщала. Замечание ведущему сделать не решаются — этому препятствует и его положение, и сама технология балинтовской группы, исключающая оценки и рекомендации. Это позволяет самостоятельно выявлять и исправлять подобные проблемы в дальнейшей работе.

Расшифровка сохраняет коммуникацию лишь в той мере, в какой она вербализована. Качество пауз, телесно-аффективный отклик, невербальные маркеры в текст не переходят; ручная разметка таких маркеров для добровольного проекта непропорционально трудоемка. Распознавание дает сбои на профессиональной терминологии, а разделение говорящих требует ручной сверки.

Балинтовская группа дает обратную связь всем, кроме ведущего. Запись, ее автоматическая расшифровка и анализ обеспечивают недостающий контур с использованием средств, не требующих ни специальной методики, ни затрат. Для начинающего ведущего анализ такой записи становится доступной точкой входа в исследование собственного лидерского стиля. Для опытного ведущего автоматическая расшифровка может стать материалом для более глубокого коммуникативного анализа, включая исследование феноменов параллельного процесса и других сложных закономерностей. То, что текстовая расшифровка не показывает (качество пауз, интонацию, телесный отклик, эмоциональную окраску и иронию), очерчивает не предел метода, а следующую задачу его развития.

Генеративная языковая модель использовалась исключительно как инструмент редакторской правки и оформления текста. Концепция исследования, анализ материала, интерпретация результатов и выводы выполнены авторами.

Литература:

1. *Винокур В.А.* Балинтовские группы: история, технология, структура, границы и ресурсы. СПб.: СпецЛит, 2015.

2. *Еркаев А.Н., Кириллова С.С.* Краткий исторический обзор становления балинтовского движения в Самаре // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2026. № 1(39). С. 48–55.

3. *Ericsson K. A., Krampe R. T., Tesch-Römer C.* The role of deliberate practice in the acquisition of expert performance // Psychological Review. 1993. Vol. 100. № 3. P. 363–406.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОММЕНТАРИЕВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ИНТЕРНЕТА В ОТНОШЕНИИ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ИИ-КОНТЕНТА

Шляховая Е. В., к. пс. н.
Московский международный университет, Москва, Россия

Цель настоящего исследования — изучить отношение пользователей Интернета к развлекательному ИИ-контенту, в частности особенности ситуативного доверия и недоверия, с помощью оценки их комментариев.

Новизна исследования определяется обращением к малоизученной в психологии области — отношению человека к искусственному интеллекту [1; 2], в частности к ситуативному доверию и недоверию к развлекательному контенту, созданному нейросетью.

В качестве единицы ИИ-контента, ставшей заметным социальным явлением в конце 2025 г., выбран музыкальный клип «Расскажи, Снегурочка». Клип создан российским автором Александрой Комович с помощью нескольких нейросетей и сервисов для генерации видеоряда, музыки и голоса.

Данный ИИ-контент выполняет только развлекательную функцию: он позволяет пользователям отвлечься от повседневных проблем, однако не имеет прямого практического применения в делах и работе [3, с. 65].

Для достижения цели исследования были собраны комментарии пользователей в профиле Александры Комович в социальной сети «ВКонтакте» и комментарии пользователей, оставленные в профилях и каналах других авторов в соцсети «ВКонтакте», на интернет-видеоплатформе «VK Видео», блог-платформе «Дзен», онлайн-сервисе «Rutube». Период сбора комментариев — март 2026 г.

Психологический анализ комментариев пользователей Интернета относительно клипа «Расскажи, Снегурочка» проводился с помощью нейросети Yandex GPT 5.1 Pro. Контроль качества анализа осущест-

влялся с помощью нескольких промптов (частота слов, содержательный контент-анализ, ручной семантический анализ, частота негативных комментариев), оценки источников, используемых нейросетью для выполнения поставленных задач, редакторского чтения собранных комментариев.

Общее количество собранных комментариев в профиле Александры Комович составляет 439, при этом для оценки частоты слов, частоты негативных комментариев, семантического анализа и контент-анализа отобрано 287 комментариев (исключены комментарии, не относящиеся к теме исследования).

Общее количество собранных комментариев, оставленных в профилях и каналах других авторов, составляет 599; для оценки частоты слов, частоты негативных комментариев, семантического анализа и контент-анализа отобрано 427 комментариев (исключены комментарии, не относящиеся к теме исследования).

Результаты анализа частотности слов, контент-анализа и семантического анализа комментариев интернет-пользователей относительно развлекательного ИИ-контента «Расскажи, Снегурочка», оставленных в профиле автора клипа Александры Комович, выявляют относительно однородное отношение с выраженными положительными эмоциональными оценками. Учитывая факт профессиональной заинтересованности Александры Комович в продвижении ИИ-контента (через сайт Александры Комович осуществляется переход на авторский онлайн-курс «Обучение по фото- и видеосъемке на мобильный телефон. Обучение по работе с нейросетями»), уместно предположить возможную модерацию комментариев.

Результаты анализа комментариев в профилях и на каналах других авторов, наоборот, выявляют неоднородное отношение с полярными эмоциональными оценками и обсуждением того, возможно ли использовать ИИ в творческих профессиях и как к этому относятся. При этом допустимо считать, что эти результаты согласуются с современными публикациями — как в массмедиа, так и в научных журналах — о сложном отношении аудитории к ИИ-контенту, которое сочетает принятие и отвержение.

Доверие пользователей Интернета к данному ИИ-контенту изучалось с помощью выявления фраз о практическом использовании песни из клипа с целью развлечения (прямые упоминания про использование мелодии в качестве рингтона, скачивание музыки, регулярное

прослушивание песни и/или ее напевание, использование мелодии на каком-либо празднике, использование музыки для танцев, пересылку клипа знакомым), выявления фраз о способности пользователей выделять в своих оценках клипа и его автора важные/существенные положительные критерии (доверие к себе в процессе оценки контента).

Недоверие пользователей Интернета изучалось с помощью выявления фраз с прямыми упоминаниями про опасения и риски использования искусственного интеллекта, выявления фраз о несоответствии клипа представлениям пользователей об эстетике (отсутствие единства в восприятии ИИ-контента пользователями и автором клипа), выявления фраз о неприязни к автору клипа.

В результате можно допустить, что комментарии в профиле автора клипа выражают более высокий уровень доверия. Недоверие к ИИ-контенту из-за несоответствия клипа представлениям пользователей об эстетике чаще проявляется в комментариях, оставленных в профилях и на каналах других авторов.

Литература:

1. *Лебедев А.Н.* Искусственный интеллект и психология // Ученые записки Института психологии РАН. 2023. Т. 3. № 2 (8). С. 6–22.

2. *Ушаков Д.В.* Искусственный интеллект как инструмент психологического исследования // Сибирский психологический журнал. 2023. № 90. С. 188–200.

3. *Шляховая Е.В.* Социально-психологические факторы доверия пользователей к информации в электронной массовой коммуникации: дис. … канд. психол. наук: 19.00.05. М.: ИПРАН, 2013.

БОЛЬШАЯ ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ КИНО 1920–1930-Х ГОДОВ)

Штрикер Ю.Д., аспирант
Институт психологии Российской академии наук,
Москва, Россия

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) становятся востребованным инструментом научного анализа в психологических исследованиях. Большие языковые модели (Large Language Model, LLM) обладают широкими исследовательскими возможностями, касающимися моделирования психических процессов [2]. При этом недостаточно раскрытым является потенциал применения ИИ в истории психологии: существующие исследования преимущественно связаны с тематическим анализом исторических материалов [1]. Перспективной является апробация LLM как инструмента историко-психологической реконструкции научного знания. Важность использования LLM обусловлена возможностью расширить представление о концептуальном содержании дисциплины.

В качестве объекта исследования было выбрано научное направление психологии кино в советской науке 1920–1930-х годов. Данное направление развивалось как самостоятельное и междисциплинарное [3], однако его содержание представлено в историко-научной литературе фрагментарно. Актуальной задачей является проведение качественного тематического анализа психологической литературы по проблеме кино в обозначенный период, который может быть осуществлен с помощью LLM. Целью данной работы является разработка и апробация процедуры использования LLM как инструмента историко-психологической реконструкции, который будет проводиться на основе материала по проблеме становления советской психологии кино 1920–1930-х годов.

Для достижения поставленной цели было проведено исследование с использованием модели ChatGPT-5 Plus, которое опиралось на подход параллельного промптинга [1]. Была разработана процедура систематического тематического анализа [4], включающая: 1) калибровку модели посредством задания исследовательского контекста и принципов работы с источниками; 2) отбор репрезентативных фрагментов текстового корпуса; 3) кодирование фрагментов по разработанной схеме; 4) аудит кодирования с экспертной проверкой; 5) реконструкция историко-психологического знания на основе результатов кодирования; 6) историко-психологическая интерпретация полученных результатов. Корпус исследования включал 12 научных публикаций (535 страниц) советских авторов 1920–1930-х годов по теме психологии кино.

Анализ тематического содержания изучаемого направления включал следующие компоненты: предмет психологии кино, исследова-

тельские задачи, ведущие понятия, векторы исследований. С помощью LLM было выделено 26 наиболее репрезентативных фрагментов из предоставленных ей материалов, которые подверглись кодированию. Результатом анализа стала реконструированная структура психологического знания советской психологии кино 1920–1930-х годов.

На основе проведенного LLM-анализа установлено, что в исследуемый период единый предмет направления только формировался. С помощью языковой модели было выделено предметное поле психологии кино (повторяющиеся в изучаемых текстах предметы исследований), к которому относились: киновосприятие как психический процесс; психические механизмы восприятия фильма; психологическое воздействие фильма на зрителя; психические процессы, возникающие в процессе просмотра фильма. Предмет психологии кино в 1920–1930-е годы складывался на основе анализа механизмов функционирования психических процессов зрителя при просмотре фильма.

Среди центральных задач направления определены: объяснение психических механизмов киновосприятия; исследование условий восприятия фильма; изучение психологических функций монтажа; анализ роли отдельных психических процессов в восприятии фильма. Задачи данной области исследований носили как теоретический, так и прикладной характер. Представители научного направления стремились применить знания о механизмах функционирования психики при создании фильмов.

Центральными понятиями направления являлись восприятие, внимание, эмоции, движение, воображение, ассоциации, ощущение, монтаж. Наиболее устойчивым термином корпуса является термин «восприятие», используемый в различных составляющих предметного поля.

С помощью LLM-анализа было выделено шесть векторов исследований. Кроме традиционных векторов (рефлексологического, педологического, психофизиологического) [3], были установлены специфические, не выделяемые нами ранее,— психология киноязыка; патопсихологический. Отметим, что обоснованность выделения представленных научных векторов требует дополнительной экспертной оценки.

Таким образом, проведенный тематический анализ показал возможности применения LLM-технологий в историко-психологическом исследовании в качестве инструмента историко-научной реконструкции. Использование LLM расширяет методические возможности исто-

рии психологии за счет выявления скрытых связей между понятиями и повышения объективности качественного исследования. Однако ответы LLM могут содержать слишком обобщенные выводы с недостаточно обоснованной интерпретацией результатов, поэтому данный методический инструмент необходимо рассматривать в качестве дополнительного.

Литература:

1. *Кузнецов А.В.* За пределами тематического моделирования: анализ исторического текста с помощью больших языковых моделей // Историческая информатика. 2024. № 4. С. 47–65.

2. *Ушаков Д.В.* Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182–189.

3. *Штрикер Ю.Д., Костригин А.А.* Фундаментальные и прикладные подходы в советской психологии кино 1920-х — 1930-х годов // Психолог. 2025. № 5. С. 21–35.

4. *Naeem M., Smith T., Thomas L.* Thematic analysis and artificial intelligence: A step-by-step process for using ChatGPT in thematic analysis // International journal of qualitative methods. 2025. № 24. P. 1–18.

УГАСАЮЩИЙ ЦИФРОВОЙ ДВОЙНИК: КАК ИИ ПОМОГАЕТ ПЕРЕЖИТЬ УТРАТУ

Экли Э.О., студентка магистратуры
Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия

Развитие технологий генеративного искусственного интеллекта открывает новые горизонты в кибертанатологии. Проблема утраты становится особенно острой в современном контексте: семьи участников боевых действий сталкиваются не только с внезапной потерей, но и с феноменом «неопределенной утраты» [2], возникающей в ситуации пропажи без вести. Угасающий цифровой двойник под наблюдением профессионального психолога становится инструментом для создания терапевтического ритуала прощания там, где традиционный ритуал невозможен.

Теоретическое обоснование. За последние два десятилетия норма в переживании утраты переосмыслена. Классическая психоаналитическая традиция, предлагающая «отпустить» умершего [1], уступила место концепции «продолжающихся связей» [3]. Согласно этому подходу, нет необходимости разрывать привязанность, чтобы сохранить психическое здоровье после утраты: поддержание диалога с умершим признается адаптивным механизмом.

С развитием цифровых технологий на рынке появились модели, имитирующие коммуникативный стиль человека. Существующие модели (Replika, Ethernos, SeanceAI) обладают рядом критических дефектов: от развлекательного компонента до риска формирования зависимости и фиксации на цифровом бессмертии. В связи с этим нами была концептуализирована теоретическая модель цифрового текстового двойника с алгоритмом постепенного угасания. Концепция опирается на теорию «переходного объекта» Винникотта [5] и двухпроцессную модель совладания с горем Стребе — Шута [4]. На начальном этапе работы с горем двойник выступает в роли цифрового «переходного объекта» для преодоления острой фазы сепарации, которая в теории кризиса Джеральда Каплана ограничена первыми 4–6 неделями дезорганизации психики. По мере восстановления способности пользователя к саморегуляции активное взаимодействие с ИИ теряет терапевтическую ценность, поэтому угасание заложено как необходимый алгоритмический процесс.

Двухпроцессная модель (Dual Processing Model of Grief) описывает здоровое переживание горя как осцилляцию между погружением в боль (LO, ориентация на утрату) и возвращением к жизни после утраты (RO, ориентация на восстановление). Алгоритм угасания поддерживает эту динамику, постепенно увеличивая задержку ответа и переводя фокус с активного диалога на воспоминания.

Архитектура цифрового двойника. Двойник построен на базе LLM (Large Language Model) по принципу трехуровневой персонализации: 1) личностный профиль — совместно с психологом заполняемая анкета с информацией о коммуникативном стиле, эмоциональных реакциях и социальном круге ушедшего; 2) речевые паттерны текстовых и голосовых сообщений для точного формирования «переходного объекта»; 3) биографические данные, интегрируемые в RAG-архитектуру двойника,— ключевые события жизни, общие воспоминания, бытовой контекст. Такой подход позволяет сделать ответы двойника более

точными и снизить риск типичных для LLM обобщений и галлюцинаций, разрушающих терапевтический эффект.

Угасание. С первых дней использования двойника система отслеживает время, прошедшее с начала работы, и изменения стиля общения (появление бытовых тем, сокращение числа реплик о боли, рост рефлексии). На основе этих данных угасание автоматически проходит через четыре фазы:

- активная поддержка (мгновенные, развернутые ответы);
- постепенное снижение активности (ответы приходят медленнее, становятся короче, внимание пользователя чаще перенаправляется на повседневные дела);
- прощание (двойник больше не инициирует контакт сам, доступен только по инициативе клиента, отвечает кратко, акцентируя завершенность диалога);
- архивация (модуль отключается, клиент получает возможность сохранить текстовый файл своих разговоров).

Активность двойника рассчитывается по математической формуле $A(t) = f(t, W) \times Osc(t)$, где $A(t)$ означает доступность интерфейса в момент времени; W означает индекс благополучия на основе лингвистических маркеров сообщений, а $Osc(t)$ — коэффициент осцилляции, моделирует колебания между ориентацией на утрату (LO) и ориентацией на восстановление (RO). Алгоритм самостоятельно рассчитывает фазу на основе индекса благополучия и коэффициента осцилляции. Психолог во время сессий обсуждает с клиентом его переживания от «отдаления» двойника и влияет на процесс через терапевтические рекомендации.

Особенности использования модели. Риск потери контекста в ходе длительного диалога с LLM снижается за счет постепенного угасания двойника и сокращения частоты контактов.

Двойник рекомендуется к использованию строго под внешним наблюдением психолога, что исключает риск неконтролируемого применения, а автономная работа модели позволяет психологу одновременно вести нескольких клиентов.

Интеграция двухпроцессной модели Стребе — Шута и концепции переходного объекта Винникотта в гибридную систему (ИИ + психолог) обеспечивает клиническую безопасность и сохранение терапевтических границ: психолог работает только с материалом сессий и не имеет доступа к содержанию диалогов.

Заключение. Модель угасающего цифрового двойника предлагает возможный ответ на ключевую проблему современной кибертанатологии — отсутствие механизма контролируемой сепарации. В настоящей работе представлено концептуальное обоснование использования такой модели сопровождения утраты. Эмпирическая валидация ее эффективности планируется в рамках магистерского исследования с участием практикующих танатотерапевтов.

Литература:

1. *Бонойер Э., Гиттон М.* Кибертанатология: за пределами смерти в цифровую эпоху / пер. с англ. А.В. Антипова // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2025. Т. 10. № 1. С. 80–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-80-94.

2. *Boss P., Yeats J.R.* Ambiguous loss: a complicated type of grief when loved ones disappear // Bereavement Care. 2014. Vol. 33. № 2. P. 63–69. DOI: 10.1080/02682621.2014.933573.

3. Continuing bonds: New understandings of grief / eds.: D. Klass, P.R. Silverman, S.L. Nickman. London; Washington: Taylor & Francis, 1996.

4. *Stroebe M.S., Schut H.* The dual process model of coping with bereavement: rationale and description // Death Studies. 1999. Vol. 23. № 3. P. 197–224. DOI: 10.1080/074811899201046.

5. *Winnicott D.W.* Transitional objects and transitional phenomena // International Journal of Psycho-Analysis. 1953. Vol. 34. P. 89–97.

АДАПТАЦИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ИИ МОДЕЛЕЙ К ИНДИВИДУАЛЬНОМУ КОГНИТИВНОМУ ПРОФИЛЮ

Юрьева Н.Е., к.т.н.
Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Цифровые образовательные среды понемногу меняют саму природу педагогической диагностики, так вместо редких контрольных срезов появляется непрерывное наблюдение за тем, как именно человек учится, т.е. не только что он сделал, но и каким путем. Образовательная платформа может фиксировать последовательность действий, темп

выполнения заданий, паузы, возвраты к материалу, характер ошибок, речевые и поведенческие проявления. В работе [1] была обоснована возможность мультимодальной диагностики дискретных когнитивных состояний обучающихся, таких как концентрация, усталость и стресс на основе гибридной архитектуры CNN-LSTM. Следующим шагом исследования стал переход от дискретной классификации к прогнозированию непрерывной траектории. В работе [2] была предложена математическая модель на основе кросс-модальной архитектуры трансформера, которая по мультимодальным временным рядам прогнозирует динамику цифрового когнитивного выгорания и одновременно классифицирует его текущий уровень.

Обе модели, как считает автор, разделяют одно методологическое ограничение: как бы точны они ни были, они остаются моделями «среднего» обучающегося. Такие модели работают там, где индивидуальные различия несущественны, но начинают давать сомнительные выводы там, где один и тот же внешний признак может иметь разное психологическое значение у разных людей. Как пример, долгая пауза может означать потерю внимания, глубокое осмысление, техническую проблему, тревогу перед ответом или просто привычный стиль работы конкретного человека. Поэтому персонализация в образовательной аналитике не должна сводиться к добавлению новых признаков, а требует пересмотра самого принципа моделирования.

Цель продолжаемого исследования состоит в том, чтобы разработать концептуальную и математическую модель динамической адаптации мультимодальной ИИ-системы к индивидуальному когнитивному профилю обучающегося при ограниченном объеме персональных данных. Для этого нужно уточнить само понятие индивидуального когнитивного профиля применительно к мультимодальной аналитике, показать пределы универсальных моделей и полного дообучения; формализовать быструю адаптацию в терминах метаобучения; описать архитектуру персонализированной модели — модальные кодировщики, временной блок, профильную память и механизм персонализированного внимания; и, что не менее важно, сформулировать этические и методологические ограничения, без учета которых персонализация рискует потерять педагогический смысл.

Научная новизна работы состоит в переходе от статической диагностики состояния к модели динамической адаптации, где обучающийся представлен не как объект классификации, а как субъект

с изменяющимся профилем, ограниченной наблюдаемостью и правом на неоднозначность поведенческих проявлений.

Предлагается рассматривать индивидуальный когнитивный профиль [3] не как статичный типологический «ярлык», а как динамическую вероятностную рабочую гипотезу. Такой подход позволяет модели отличать индивидуальную норму от значимого отклонения, требующего своевременной педагогической поддержки. Задача персонализации формализуется как адаптация предобученной модели на малом объеме персональных данных с использованием метаобучения. Предложена архитектура, включающая модальные кодировщики, временной блок, механизм персонализированного внимания и профильную память. Механизм внимания динамически взвешивает вклад модальностей (текст, аудио, видео, цифровые следы) в зависимости от текущего контекста и индивидуальной истории. Профильная память хранит прототипы состояний, что позволяет сравнивать текущую ситуацию с историей конкретного обучающегося, снижая риск ошибочных выводов. Функция рекуррентного обновления профиля учитывает неопределенность оценки, предотвращая механическое закрепление случайных эпизодов (например, тревоги по поводу новизны интерфейса) в качестве устойчивой нормы.

Важным аспектом предложенного подхода является педагогическая интерпретируемость. Карты внимания и показатели изменения модальных весов переводятся в понятное сообщение о том, что изменилось по сравнению с индивидуальной нормой обучающегося и насколько система уверена в выводе. Результаты собираются в карту профиля, где отражены не диагнозы, а наблюдаемые паттерны и степень их устойчивости. Это соответствует принципам объяснимого искусственного интеллекта в образовании [4]. Объяснение должно быть не только технически корректным, но и педагогически пригодным, честно показывать границы уверенности модели и предлагать возможные мягкие реакции (пауза, пояснение, изменение темпа), выбор которых остается за человеком.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что персонализация образовательного ИИ должна быть не только техническим решением, но и педагогическим принципом. Модель может помогать замечать изменения состояния, но не должна превращать наблюдаемые признаки в окончательные суждения о личности. Персонализация должна включать право обучающегося выйти за пределы собственной истории — не быть заранее определенным ею.

Литература:

1. *Юрьева Н.Е.* Искусственный интеллект в психодиагностике: когнитивные состояния в цифровой образовательной среде // Моделирование и анализ данных. 2025. Т. 15. № 3. С. 47–55.

2. *Юрьева Н.Е.* Моделирование и прогнозирование цифрового когнитивного выгорания у студентов на основе мультимодальных временных рядов и кросс-модальной архитектуры трансформера // Моделирование и анализ данных. 2026. Т. 16. № 3 (принята к публикации).

3. *Панферов В.Н., Сутормина Н.В., Рудыхина О.В.* Когнитивно-стилевые характеристики, показатели учебной активности и успеваемости школьников и студентов с разными показателями цифровой компетентности и использования интернета // Перспективы науки и образования. 2025. № 2(74). С. 424–442. URL: https://doi: 10.32744/pse.2025.2.27.

4. *Khosravi H., Buckingham Shum S., Chen G., Conati C., Tsai Y.-S., Kay J., Knight S., Martinez-Maldonado R., Sadiq S., Gašević D*. Explainable artificial intelligence in education // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2022. № 3. Art. 100074. URL: https://doi.org/10.1016/j.caeai.2022.100074.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕРИФИКАЦИИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Якунин А.П., к.пс.н.
Центр делового сотрудничества «Потенциал»,
Санкт-Петербург, Россия

Понятие «инструмент» означает не истинность или ложность какого-либо положения, а полезность данного средства для осуществления той или иной деятельности [3]. Искусственный интеллект (далее — ИИ) как инструмент верификации и фальсификации психологической теории необходимо рассматривать лишь как один из полезных способов проверки или опровержения теории — в ряду других.

С одной стороны, актуальность разработки такого инструмента связана с необходимостью преодолеть субъективные факторы, влияющие на построение психологической теории. Например, одним

из таких факторов может быть приверженность автора теории определенной психологической школе, из-за которой структурная сущность моделируемой реальности раскрывается односторонне [4]. С другой стороны, словосочетание «искусственный интеллект» есть метафора, обозначающая компьютерные программы, применение которых в той или иной области требует концептуального обоснования.

Таким образом, целью исследования является изучение вопроса о концептуальных основаниях построения компьютерной программы, выступающей инструментом верификации и фальсификации психологической теории. Задачи исследования: 1) изучение проблемы верификации и фальсификации как двух способов обоснования теоретической модели; 2) построение концептуальных оснований программы — то есть системы понятий и принципов, на которых строится ее работа как инструмента верификации и фальсификации психологической теории.

Вопрос о процессах верификации и фальсификации научной теории является одним из базовых в методологии науки [2]. Верификация есть процесс подтверждения сформулированной модели в отношении познаваемого объекта действительности, тогда как фальсификация — это процесс опровержения данной модели в отношении объекта познания [2]. В обоих процессах базисные утверждения научной модели проходят проверку в двух направлениях, а именно: при верификации — в пределах исследуемого объекта, а при фальсификации — за пределами данного объекта. Согласно К. Попперу, фальсификация научной теории является способом открытия и формулирования новой модели [2]. На наш взгляд, фальсификация и верификация — это два способа осуществления единого процесса научной рационализации. Сама же рационализация, наряду с научным открытием, выступает одним из двух механизмов научного творчества [5]. Результат рационализации — усовершенствование сформулированной модели, границы применения которой как раз и проверяются посредством верификации и фальсификации. Утверждение К. Поппера о том, что фальсификация есть единственный способ открытия новой модели [2], является, на наш взгляд, ошибочным, поскольку и при верификации может произойти открытие нового. Фальсификация, устанавливая пределы применения конкретной модели, совершенствует знания о применении данной модели, а вопрос «Станет или нет данное знание основанием к открытию новой модели?» остается не решенным. Предлагаемый вывод о верификации и фальсификации как двух способах научной рационализации имеет существенное значение для ИИ, так как

формируется понимание, что компьютерные программы могут обеспечить получение нового знания исключительно на основе рационализации как одного из механизмов научного творчества. Такое понимание программ как инструмента верификации и фальсификации психологической теории требует концептуального обоснования — то есть определения системы понятий и принципов, на которых будет строиться их работа.

Концептуальным основанием для построения такой программы должно стать целостное объединение трех парадигм психологической науки: естественно-научной, гуманистической и психотехнической [1]. Каждая из трех парадигм в отдельности исследует свой аспект психического: естественно-научная — пространственный, гуманистическая — структурный, психотехническая — временной. Таким образом, целостным основанием программы ИИ выступает пространственно-временная структура психического. В ее рамках проверке (измерению) подлежат: во-первых, расстояние между системными качествами внутри структуры (модели корреляционных связей) и сила их взаимодействия (модели факторизации); во-вторых, развитие системных качеств (модели различия); в-третьих, организационная соподчиненность системных качеств (модели плеяд, факторизации, кластеризации, регрессии). Верификация модели теории посредством программы ИИ состоит в проверке выполнения критериев по каждой модели, тогда как фальсификация означает невыполнение этих критериев. При таком целостном концептуальном основании программу ИИ можно рассматривать как инструмент подтверждения или опровержения психологической теории. Разработка такой программы становится актуальной и необходимой в психологии.

Литература:

1. *Панферов В.Н., Безгодова С.А.* Методологические проблемы психологии. Учебно-методическое пособие. СПб.: ГПМА, 2012.

2. *Поппер К.* Логика научного исследования. М.: Республика, 2005.

3. *Рузавин Г.И.* Научная теория: логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1978.

4. *Юревич А.В.* Методология и социология психологии. М.: Институт психологии РАН, 2010.

5. *Якунин А.П.* Научное открытие и научная рационализация в психологии // Проблемы социальной психологии и социальной работы: материалы 21 Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции / отв. ред. М.В. Созинова. СПб.: СПбГУП, 2026. С. 139–140.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ АНТРОПОМОРФИЗАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Яхудина Т. С., аспирант
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Проблематика исследования связана с тем, что искусственный интеллект (ИИ) активно входит в образовательную, профессиональную и повседневную практику человека. Диалоговая форма общения с ИИ создает у пользователя ощущение адресности, понимания, эмоциональной включенности и смысловой поддержки. В результате усиливается антропоморфизация ИИ — приписывание цифровой системе человеческих качеств, намерений, эмпатии, способности формировать самостоятельное мнение и осознанно оценивать ситуацию [4; 5].

Актуальность данной проблемы определяется тем, что антропоморфизация меняет характер пользовательского доверия. В условиях человеко-технологической реальности ИИ начинает восприниматься как значимый элемент социальной и когнитивной среды, влияющий на способы поиска информации, принятия решений, учебной активности и саморегуляции [1; 2]. В студенческой среде данный процесс приобретает выраженный характер, поскольку искусственный интеллект становится инструментом учебной деятельности и опосредует поиск информации, подготовку письменных работ, перевод, интерпретацию сложного материала и принятие образовательных решений.

Цель данного исследования — рассмотреть психологические риски антропоморфизации искусственного интеллекта в контексте пользовательского доверия студентов к цифровым инструментам.

Материалом исследования выступили данные онлайн-опроса студентов, посвященного цифровому опыту, частоте использования ИИ, доверию к его результатам, способам проверки информации и субъективному восприятию рисков. В массиве представлены 270 анкет; после очистки возрастных данных валидная подвыборка составила 258 человек в возрасте от 15 до 36 лет (M=19,85). По полу: 174 женщины, 81 мужчина, три респондента выбрали вариант «другое / предпочитаю не указывать».

Эмпирические данные показывают высокую включенность использования ИИ в повседневные практики студентов. Ежедневно

используют ИИ 36,5% участников, несколько раз в неделю — 32,3%. При этом доверие к ответам ИИ имеет преимущественно смешанный характер: 40,3% респондентов указали позицию «и доверяю, и не доверяю», 29,5% — «скорее доверяю», 11,2% — «полностью доверяю». Такая структура ответов указывает на то, что доверие еще формируется: ИИ воспринимается как удобный помощник, но его ответы требуют сверки с другими источниками и собственной оценки пользователя.

Психологический риск антропоморфизации проявляется в переносе на ИИ ожиданий, характерных для межличностного общения. Уверенный, логичный и поддерживающий ответ цифровой системы может восприниматься как признак понимания, компетентности и персональной заинтересованности. В этом контексте ИИ приобретает черты квазисобеседника, а его рекомендации получают повышенную субъективную значимость. Подобная динамика усиливает эффект доверия к форме ответа, даже когда содержательная точность требует дополнительной проверки [3; 5].

Полученные данные подтверждают практическую значимость этой проблемы. С трудными ситуациями при использовании ИИ «иногда» сталкивались 45,1% респондентов, «неоднократно» — 17,3%. Среди типичных ситуаций участники указывали ошибочные ответы, недостаточность информации, искажение смыслов и фактов, технические сбои. При этом проверочное поведение сформировано у большинства студентов, однако 27,0% респондентов сообщили, что обычно принимают результаты ИИ без самостоятельной верификации. Это соотношение показывает, что опыт ошибок уже включен в пользовательскую практику, а навыки критической оценки цифрового ответа нуждаются в дальнейшем развитии.

Отдельного внимания требует проблема субъектной позиции пользователя. С утверждением «Взаимодействуя с ИИ, я остаюсь самостоятельным в своих оценках и решениях» скорее согласились или полностью согласились 54,3% участников. Одновременно значительная часть респондентов занимают промежуточную позицию, что указывает на формирование новой зоны психологической неопределенности между использованием ИИ как инструмента и передачей ему части когнитивной ответственности. Для образовательной среды это важно, поскольку ИИ способен расширять учебные возможности студента, но эффективность его применения зависит

от сохранения личной рефлексии и самостоятельного понимания учебного материала.

Таким образом, антропоморфизация ИИ может рассматриваться как амбивалентный психологический механизм. С одной стороны, она облегчает принятие технологии, снижает коммуникативную дистанцию и делает взаимодействие с цифровым инструментом более комфортным. С другой — она повышает вероятность некритичного доверия, эмоциональной зависимости от внешней подсказки и смещения ответственности за итоговое решение. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка психологических условий, обеспечивающих использование ИИ как инструмента расширения возможностей человека при сохранении самостоятельного мышления, личной ответственности и субъектной позиции пользователя.

Литература:

1. *Моторина Л.Е.* Взаимосвязь человека и робота как феномен социального взаимодействия // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 38–54. DOI: 10.17759/sps.2023140103.

2. *Солдатова Г.У., Илюхина С.Н.* Человек технологически достроенный: в поисках целостности // Культурно-историческая психология. 2025. Т. 21. № 1. С. 13–23. DOI: 10.17759/chp.2025210102.

3. *Карелов С.В., Лебедев А.Н.* Искусственный интеллект и проблемы психологии сознания // Ученые записки Института психологии РАН. 2024. Т. 4. № 1 (11). С. 76–84. DOI: 10.38098/proceedings.2024.04.01.08.

4. *Epley N., Waytz A., Cacioppo J.T.* On Seeing Human: A Three-Factor Theory of Anthropomorphism // Psychological Review. 2007. Vol. 114. № 4. P. 864–886. DOI: 10.1037/0033-295X.114.4.864.

5. *Nass C., Moon Y.* Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers // Journal of Social Issues. 2000. Vol. 56. № 1. P. 81–103. DOI: 10.1111/0022-4537.00153.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ ПО СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Яцышин С.М., к.пс.н.
Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия
Микляева А.В., д.пс.н.
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Проблемы содействия социализации молодых людей с интеллектуальными нарушениями сохраняют актуальность несмотря на значительные усилия по поддержке их интеграции в социум. Такие молодые люди сталкиваются с разнообразными познавательными и коммуникативными барьерами, которые затрудняют их участие в повседневной социальной жизни. Быстро развивающиеся сегодня технологии искусственного интеллекта (ИИ) рассматриваются как перспективные инструменты содействия социализации молодых людей с интеллектуальными нарушениями.

Проведенный нами обзор исследований, выполненных в рамках систематической и метааналитической методологии, показывает, что наибольшее количество публикаций сосредоточено вокруг вопросов использования ИИ-технологий в сопровождении молодых людей с инвалидностью (без учета специфики заболевания) или с аутизмом, в то время как проблематика социализации молодых людей с интеллектуальными нарушениями в данном контексте рассматривается реже [3; 4]. Вместе с тем к настоящему времени установлен ряд эмпирических фактов, свидетельствующих о возможностях продуктивного использования ИИ-технологий в их реабилитации.

Во-первых, установлено, что ИИ-чат-боты могут успешно использоваться для тренировки навыков повседневного общения у взрослых с интеллектуальными нарушениями, в частности обучения навыкам инициации, поддержания и завершения взаимодействия, а также способности учитывать социальный контекст. Эти возможности ИИ-технологий особенно активно изучаются в практике сопровождения молодых людей, у которых интеллектуальные нарушения сочетаются с расстройствами аутистического спектра [5].

Во-вторых, показано, что взаимодействие людей с интеллектуальными нарушениями с «социальными роботами», работа которых основана ни ИИ-технологиях, сопровождается повышением вовлеченности, положительным эмоциональным фоном и увеличением числа действий имитации и очередности [4]. Так же, как и в предыдущем случае, большинство публикаций раскрывают эффекты взаимодействия с «социальными роботами» у молодых людей, для которых характерно сочетание интеллектуальных нарушений и аутистических проявлений.

В-третьих, исследования демонстрируют, что обучающие приложения, основанные на ИИ-технологиях, персонализирующих взаимодействие с пользователем, способствуют повышению эффективности обучающих и коррекционно-развивающих мероприятий [5], в том числе благодаря ИИ-подсказкам, направляющим внимание пользователей и разъясняющим правила выполнения заданий.

Однако при этом авторы рассматриваемых исследований отмечают, что эффекты применения ИИ-технологий в работе по социализации молодых людей с интеллектуальными нарушениями изучаются преимущественно в пилотных или квазиэкспериментальных исследованиях [3], что снижает их доказательную ценность. Вместе с тем долгосрочные результаты использования ИИ-технологий — их вклад в установление долгосрочных отношений, включение в различные формы трудовой и внетрудовой просоциальной активности — остаются изученными недостаточно [2; 5]. Обзорные исследования прямо указывают на дефицит исследований, выполненных по методологии сопоставления достижений экспериментальных и контрольных групп, а также изучающих перенос навыков, сформированных во взаимодействии с ИИ-агентом, в реальную жизнь [3]. Кроме того, отдельное направление исследований составляет обсуждение последствий цифрового неравенства и алгоритмических искажений, которые могут снижать результативность применения ИИ-технологий в работе по социализации молодых людей с интеллектуальными нарушениями [2].

В целом в исследованиях отмечается, что ИИ-инструменты могут использоваться для повышения вовлеченности молодых людей с интеллектуальными нарушениями в реабилитационный процесс, а также для тренировки социальных навыков, таких как установление и поддержание контакта, распознавание эмоций и участие во взаимодействии. Наиболее перспективными в этом контексте сегодня представляются чат-боты и социальные роботы, обеспечивающие помощь в освое-

нии и тренировке социальных навыков. При этом наибольший вклад в содействие реабилитационному процессу вносят не универсальные ИИ-решения, а инструменты, адаптированные под конкретного пользователя [1]. Кроме того, специально отмечается, что ИИ-технологии не являются заменой живого общения со специалистами и рекомендованы к использованию лишь как дополняющие его инструменты [5].

Литература:

1. *Al-Naim N.A.A.* The impact of artificial intelligence (AI) on the quality of life for individuals with intellectual disabilities in Saudi Arabia: A PRISMA-compliant systematic review and meta-analysis // Acta Psychologica. 2026. Vol. 263. Art. 106348. DOI: 10.1016/j.actpsy.2026.106348.

2. *Garkisch M., Goldkind L.* Considering a Unified Model of Artificial Intelligence Enhanced Social Work: A Systematic Review // Journal of Human Rights and Social Work. 2024. Vol. 10. P. 23–42. DOI: 10.1007/s41134-024-00326-y.

3. *Montoya-Rodríguez M.M., de Souza Franco V., Tomás Llerena C., Molina Cobos F.J., Pizzarossa S., García A.C., Martínez-Valderrey V.* Virtual reality and augmented reality as strategies for teaching social skills to individuals with intellectual disability: A systematic review // Journal of Intellectual Disabilities. 2023. Vol. 27. № 4. P. 1062–1084. DOI: 10.1177/17446295221089147.

4. *Perry N., Sun C., Munro M., Boulton K.A., Guastella A.J.* AI technology to support adaptive functioning in neurodevelopmental conditions in everyday environments: a systematic review // npj Digital Medicine. 2024. Vol. 7. Art. 370. DOI: 10.1038/s41746-024-01355-7.

5. *Zhang L., Carter R.A., Liu Y., Peng P.* Let's CHAT About Artificial Intelligence for Students With Disabilities: A Systematic Literature Review and Meta-Analysis // Review of Educational Research. 2026. Vol. 96. № 1. P. 215–257. DOI: 10.3102/00346543241293424.

Научное издание

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПСИХОЛОГИИ:
обмен опытом и перспективы развития:

Корректоры: Тяголяева Л.А., Козлова М.В., Кузьменко Я.А.
Верстка: Книголюбова А.Н.

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 682-91-51
www.ipran.ru
E-mail: gordyakovaov@ipran.ru

Подготовлено к изданию: 12.10.2026
Уч.-изд. л. 28.
Усл. печ. л. 32,5